

[illegible]

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

ОКТЯБРЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1899 г.

См. слѣд. стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXVIII

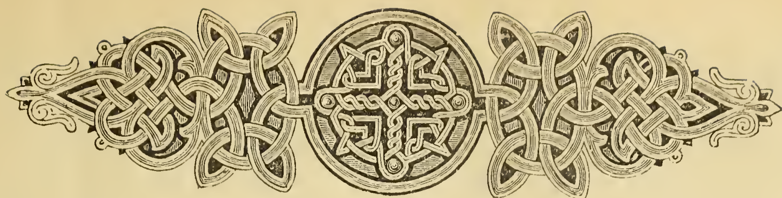
1899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1899

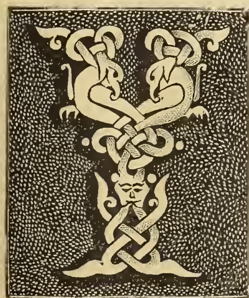
ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ [1].

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

ГЛАВНАГО управителя, помощника опекунши Высокскихъ заводовъ, «господина» Онисима Абрамовича, кончился докладъ управителей и канцеляристовъ и начался пріемъ.

Былъ четвергъ, единственный день въ недѣлѣ, въ который всякому, хотя бы первому встрѣчному, дозволялось прійти по своему дѣлу, или съ просьбой, и лично доложить все главному вершителю судебъ Высоксы, власти котораго предѣла не было.

Пріемная и прихожая, а затѣмъ и коридоръ, были полны народомъ разнаго рода или вѣрнѣе трехъ сортовъ. Самыя важныя лица ждали въ пріемной, сидя на диванѣ и на креслахъ. Люди помельче ожидали своей очереди въ прихожей, кто сидя на ларяхъ вдоль стѣнъ, а кто стоя... Въ коридорѣ было мужичье и даже нѣсколько бабъ. Одна изъ нихъ, очень старая, сидѣла на полу и тихо говорила съ маленькой дѣвочкой лѣтъ десяти, которая была ея поводыремъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 729.

Старуха лѣтъ семидесяти была слѣпа и была, по увѣренью всѣхъ, колдунья.

Господинъ Гончій, офиціальный, правительствомъ признанный, управитель заводовъ, не только полновластный въ Высоксѣ, но имѣющій значеніе и во всей губерніи, занималъ аппартаментъ на верху и принималъ всѣхъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ прежде былъ кабинетъ Басманъ-Басанова, основателя заводовъ.

Въ этотъ день и еще наканунѣ у всѣхъ во всей Высоксѣ были «ушки на макушкѣ». Всѣ обыватели, нахлѣбники, дворня, заводскіе рабочіе и крестьяне, старались дѣлать свое дѣло порядливо, чтобы нельзя было придраться. Это случалось раза два въ мѣсяцъ. Случалось это потому, что проходилъ слухъ, что «онъ» нынѣ въ стихѣ.

На Гончаго нападалъ стихъ, Богъ вѣсть почему. Онъ становился вдругъ особенно строгъ и взыскателенъ. Малѣйшая провинность вызывала строжайшее наказаніе. Причина была неизвѣстна...

Только самъ Гончій зналъ причину этого «стиха», но никогда никому ни словомъ не обмолвился, а въ особенности не хотѣлъ объяснить это Сусаннѣ Юрьевнѣ. Раздраженіе, являвшееся въ немъ порою и длившееся дня два, происходило отъ острой боли въ обрубленной рукѣ. И нестерпимо болѣли именно пальцы несуществующей кисти руки. Гончій считалъ это явленіе чуть не колдовствомъ.

И безъ того всѣ равно боялись его гнѣва. А когда находилъ стихъ, то робѣли и смѣлые, такъ какъ разгнѣвавшійся Онисимъ Абрамовичъ Гончій, хотя и не опекунъ, а управитель всѣхъ заводовъ, могъ сослать и въ Сибирь.

Всѣ знали и помнили, что онъ, властвующій надъ всѣми, былъ когда-то простой писарь, котораго звали «Анька». Но это было давно...

Много съ той поры воды утекло!

Многіе еще помнили Онисима Абрамовича, когда онъ былъ «Анькой», и говорили и разсказывали это... Но молодежь едва вѣрила, какъ бы не могла себѣ и представить, какимъ образомъ всемогущій Онисимъ Абрамычъ могъ зваться просто «Анькой», въ молодости.

За то самъ Гончій зналъ и помнилъ, чѣмъ онъ былъ, вспоминалъ съ гордостью, и ему казалось, что когда онъ былъ «Анькой», то уже чувствовалъ, чѣмъ онъ можетъ быть и чѣмъ будетъ. Любовь къ нему самой барышни, красавицы, ему когда-то отвѣтила, что онъ не обманывается на свой счетъ... Не даромъ она его выбрала и приблизила... Но когда Сусанна Юрьевна его оттолкнула и увлеклась молодымъ гусаромъ Басановымъ, онъ снова упалъ духомъ. Онъ усомнился въ себѣ. Все хорошее, что случилось въ жизни, случилось будто зря. И опять сталъ онъ тотъ же писарь Анька. Но, не примирившись съ судьбой, отомстилъ, томился затѣмъ долго въ изгнаніи, изнывалъ духомъ, хворалъ тѣломъ и былъ несчастнѣе самыхъ не-

счастныхъ... И что же? Она вернулась къ нему, снова полюбила, завѣряя, что его одного любить можно, ибо онъ одинъ—человѣкъ. Всѣ остальные—куклы.

И онъ опять возвысился.

Разумѣется, съ того дня, что Сусанна Юрьевна снова приблизила Гончаго и любила его одного безъ измѣны, безъ прихотей, онъ сталъ боготворить ее, жилъ мыслію о ней и зналъ, давно рѣшилъ, что если судьба заставитъ его пережить эту женщину, смыслъ его жизни уничтожится, и онъ немедленно уйдетъ за ней на тотъ свѣтъ. Смѣлости хватитъ. Даже и не нужна будетъ эта смѣлость... Оно само собой совершится.

Въ это утро стихъ спадалъ, ибо боли въ рукѣ слабѣли.

Кончивъ пріемъ, Гончій велѣлъ позвать старуху, считавшуюся колдуньей, и заставилъ ее себѣ погадать. Онъ былъ крайне суевѣренъ и вѣрилъ въ гаданье, а теперь въ его жизни наступалъ переломъ...

Когда старуха чрезъ часъ времени вышла отъ «господина» Онисима Абрамовича, то онъ сѣлъ къ окну и задумался... Много худаго наболтала ему старая вѣдунья. Даже только одно худое. Прежде всего сказала, что скоро-скоро умретъ старый человѣкъ ему близкій... Очевидно, что этотъ старикъ—его отецъ Абрамъ Мартыновичъ, которому теперь уже подъ девяносто лѣтъ.

Колдунью гадалку повели между тѣмъ къ барышнѣ внизъ. Но когда Сусаннѣ Юрьевнѣ доложили о гадалкѣ, она взволновалась, подумала нѣсколько мгновеній и приказала накормить слѣпую старуху, дать ей ситцу на платье и отправить. Сама потребовавъ старуху, Сусанна Юрьевна вдругъ побоялась гадать... Она сидѣла за пяльцами, продолжая, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ, проводить день за единственной работой, которую знала и въ которой давно стала мастерицей. Арфа была давно совершенно заброшена. Только изрѣдка играла она и не иначе, какъ по неотступной просьбѣ Гончаго... Онъ любилъ собственно не музыку, а любилъ слышать тѣ пѣсни, которыя сразу возстановляли въ его воображеніи давно минувшія времена... Тѣ дни счастья, дни грозъ и бурь... дни блаженства и дни страшнаго отчаянія. Да, много было прожито имъ... И все это пережитое возставало вновь, будто оживало и становилось дѣйствительностью, настоящимъ, а не прошедшимъ.

Когда гадалку накормили и одарили, въ комнату къ барышнѣ вошла, едва двигая ногами, сгорбленная старуха. Она осторожно и усиленно опиралась на толстую клюку, такъ какъ слабыя ноги совсѣмъ отказывались служить.

— Ну, старую вралиху отправила,—сказала она, шамкая беззубымъ ртомъ, и затѣмъ тяжело опустилась въ кресло.

Это была Анна Фавстовна, сильно измѣнившаяся и постарѣвшая.

— Пора вамъ одѣваться къ столу,—сказала она.

— Я этакъ пойду... — отвѣтила Сусанна Юрьевна.

— Какъ этакъ! А энтотъ московскій гость за столомъ будетъ.

— Правда, забыла... Ну, да Богъ съ нимъ...

— Не хорошо... Гость. Когда же этакое бывало! Надѣньте хоть голубое платье.

— Сойдетъ и такъ, Анна Фавстовна. Не тѣ времена. Вы забываете, что я тоже, какъ и вы, старѣю. Пора перестать щеголять.

Угрюмова покачала головой и выговорила укоризненно:

— Какъ этакое глупое сказывать! Вы та же красавица писаная. Краше всѣхъ. Какъ были, такъ и остались.

Сусанна разсмѣялась.

— На ваши глаза. А вотъ даже Онисимъ Абрамычъ и тотъ говоритъ, что я постарѣла.

— Стыдно ему такое сказывать. Видѣлъ онъ кого здѣсь краше васъ?—сердито воскликнула Угрюмова.

— Вѣстимо. И многихъ... Вы этого не видите изъ любви ко мнѣ и забываете, что мнѣ скоро полъ-вѣка. Развѣ въ пятьдесятъ лѣтъ бываютъ красавицы?

— Бываютъ... Но вамъ и нѣтъ еще пятидесяти... Тотъ разъ вотъ, говорилъ мнѣ Денисъ Иванычъ, что на его глаза вамъ тридцать лѣтъ дать можно.

— Мнѣ? Тридцать! А морщины? А лице сизое? А волосы сѣдые? — смѣялась Сусанна Юрьевна.

— Не сердите меня. Опять закашляюсь!—стукнула Угрюмова клюкой своей по полу... Выдумщица. Право, вы мнѣ на зло перечите. Знаете вѣдь и видите сами... Зеркала-то есть въ домѣ...

— Есть. И я къ нимъ теперь подходить, какъ прежде, не охотница. Причешусь, да за цѣлый день на себя ни разу не взгляну.

— Почему же это?

— Обидно. Что бывало прежде они мнѣ сказывали и что теперь сказываютъ.

— Что же они теперь могутъ сказывать?

— Говорятъ: старая ты, старая старушенція. Куда твои глаза дѣвались? Куда улыбка дѣвалась? А зубы... Двухъ ужъ нѣтъ внизу, да одного на верху. Даже брови и тѣ повылѣзли.

— Не смѣйте вы мнѣ этого говорить!... Слышите!—вскрикнула Угрюмова.—Если вы когда...

Но старуха отъ своего крика задохнулась и начала кашлять...

Сусанна Юрьевна махнула рукой, однако лице ея нѣсколько оживилось. Она будто любила слышать о томъ, что она еще не такъ стара, что ей нельзя дать пятидесяти лѣтъ, къ которымъ она приближалась.

И это было отчасти справедливо.

Разумѣется, въ обыкновенномъ, ежедневномъ костюмѣ Сусаннѣ казалось лишь сорокъ лѣтъ. Но когда въ праздники или въ дни

пріема важныхъ гостей, пріѣзжавшихъ въ Высоксу по дѣламъ, она выходила разрядившись, то, конечно, прежняя красота снова сказывалась. И если гости болѣе не говорили про нее, что она красавица, то всегда говорили:

— Какъ, должно быть, она хороша была въ свое время. И теперь видно.

На глаза Угрюмовой, барышня ея была все та же. Старуха не видѣла никакой перемѣны, а иногда искренно думала, что Сусанна Юрьевна если и перемѣниласъ, то развѣ еще къ лучшему.

Впрочемъ и на глаза Гончаго было то же. Онъ замѣчалъ только, что взглядъ любимой женщины сталъ другой. Но онъ рѣшилъ, что Сусанна Юрьевна смотритъ будто печальнѣе и скучнѣе. Оттого и нѣтъ въ глазахъ прежняго огня и блеска. А сѣдина въ волосахъ даже краситъ ее. Извѣстная полнота, прибавившаяся въ лицѣ и въ тѣлѣ, тоже скорѣе къ лучшему... Вообще въ Высоксѣ Гончій дѣйствительно не видалъ никого, кто бы могъ, по его искреннему убѣжденію, сравниться красотой съ кумиромъ всей его жизни. Сусанна знала это и теперь болѣе, чѣмъ когда либо, цѣнила неизмѣнно глубокое безпредѣльное чувство своего «Ани». Вдобавокъ покуда она постарѣла, онъ оставался будто все тотъ же тридцати-лѣтній молодецъ и казался лишь мужественнѣе, а не старше.

II.

Съ того рокового года, когда второй Владимірскій Мономахъ сдѣлался убійцей, прошло около пятнадцати лѣтъ. Волокита надъ Дмитріемъ Андреевичемъ тянулась года четыре слишкомъ, при чемъ его заставили жить безвыѣздно въ губернскомъ городѣ. Если бы подсудимый былъ не Басманъ-Басановъ, то, конечно, дѣло прекратилось бы въ скорѣ: онъ былъ бы или осужденъ и сосланъ или оправданъ. Но такъ какъ подсудимый былъ страшно богатъ, то надо было судить его искуснымъ образомъ, съ умѣньемъ.

И Басанова судили необычайно умѣло, съ мастерствомъ. Онъ два раза въ году бывалъ на волосокъ отъ осужденія, послѣ чего вдругъ дѣло поворачивалось, и ему обѣщали на слѣдующій же мѣсяцъ полное оправданіе. Каждый разъ, что осужденіе надвигалось на него, какъ грозная туча, разные стряпчіе по дѣламъ являлись предлагать ему свои услуги, чтобы повернуть дѣло въ его пользу, при чемъ, назначалась сумма и немедленно выплачивалась. Оправданіе откладывалось, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова надвигалась та же бѣда.

Въ теченіе времени отъ четырехъ до пяти лѣтъ Басманъ-Басановымъ было уплачено въ разныя руки, невѣдомо кому, всегда черезъ подставныхъ лицъ, болѣе трехсотъ тысячъ. Деньги эти, конечно, высылались изъ доходовъ Высоксы, но, наконецъ, пришлось немного и занять.

Однажды, уже на пятый годъ, Онисимъ Абрамычъ на требованіе вновь пятидесяти тысячъ отвѣтилъ прямо, что денегъ этихъ нѣтъ, и выдать онъ ихъ не можетъ. И случился казусъ, любопытный, единственный въ своемъ родѣ. Помѣщикъ, желавшій уплатить за себя изъ жениныхъ средствъ крупную сумму, не могъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ подъ судомъ и подъ опекой, а жена его настоящая владѣлица, Дарья Аникитишна, была на половину тоже лишена своихъ правъ, будучи подъ подозрѣніемъ, дѣти же ихъ, какъ малолѣтніе, конечно, голоса никакого не имѣли. И бывшій крѣпостной человѣкъ Басманъ-Басанова, распоряжавшійся за спиной опекунши всѣмъ состояніемъ, отказывая бывшему барину въ его собственныхъ деньгахъ, дѣйствовалъ законно.

Едва только кому-то, — невидимкѣ, — стало извѣстно, что больше по дѣлу Басманъ-Басанова ничего высосать нельзя, какъ его дѣло приняло худой оборотъ. Жившій все-таки весело, проводя день въ картахъ и попойкахъ, уже сильно опустившійся и хворавшій, Басановъ однажды получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что скоро его дѣлу конецъ. Его вскорѣ оставятъ подъ подозрѣніемъ, подвергнутъ церковному покаянію и заставятъ жить попрежнему въ городѣ, а не въ Высоксѣ.

Дмитрій Андреевичъ этимъ извѣстіемъ былъ почти обрадованъ. Оставленіе подъ подозрѣніемъ было собственно не наказаніе, а церковное покаяніе было нелѣпѣйшая формальность, обязывавшая только говѣть раза три въ году и сносить частыя посѣщенія какого либо священника, имъ же самимъ избраннаго. Что касается до жизни во Владимірѣ, то Басановъ настолько привыкъ къ ней и отвыкъ отъ Высоксы, что если бы его и не обязали жить въ городѣ, то онъ бы самъ остался.

Черезъ недѣлю, послѣ усиленныхъ пиршествованій по поводу этого извѣстія въ кругу многочисленныхъ друзей, Басановъ однажды утромъ получилъ изъ Петербурга по почтѣ большой пакетъ. Въ его спальню рано утромъ явился его неизмѣнный другъ Михалисъ, растолкалъ его и, подавъ пакетъ, выговорилъ:

— Вотъ оно... Слава Богу—конецъ!... Выберемъ батюшку покладистаго въ духовные отцы и закутимъ еще пуще на радостяхъ.

Басановъ разорвалъ конвертъ, вынулъ большую бумагу и началъ читать, но едва прочелъ онъ нѣсколько строкъ, какъ побагровѣлъ... Черезъ минуту онъ уже лежалъ въ постели, со страннымъ черноватымъ лицомъ. Бумага и конвертъ валялись на полу, а Михалисъ бѣгалъ по дому, крича, чтобы посылали скорѣе за докторами.

Басановъ узналъ изъ полученнаго посланія, что онъ лишенъ правъ состоянія съ ссылкой въ Сибирь на поселеніе. Съ нимъ тотчасъ же сдѣлался ударъ. Конечно, это подготовила предыдущая жизнь. Даже меньшее нравственное потрясеніе произвело бы то же.

Черезъ двѣ недѣли Басановъ былъ уже на томъ свѣтѣ, а еще черезъ недѣлю въ Высоксѣ все было на ногахъ—на богатыхъ торжественныхъ похоронахъ молодого барина. И всѣ обитатели невольно толковали о томъ, что менѣе чѣмъ за десять лѣтъ времени они хоронятъ уже третьяго барина Басманъ-Басанова. Въ утѣшеніе оставалось только, что живы и здравствуютъ два Басманъ-Басанова, тринадцати и одиннадцати лѣтъ мальчуганы.

И вскорѣ послѣ похоронъ Высокса узнала, что бывшій крѣпостной человѣкъ, а затѣмъ простой писарь, который былъ и бѣглымъ, былъ и ошельмованнымъ, былъ и самъ почти убійца, теперь будто чудомъ какимъ преобразился въ нѣчто почти непостижимое. Этотъ прежній «Анька» теперь сталъ все тотъ же Аникита Ильичъ, полный хозяинъ надъ всѣми Высокскими заводами, чинилъ судъ и расправу надъ всѣмъ и надъ всѣми, и судьба нѣсколькихъ тысячъ душъ была въ его рукахъ.

Всѣ ожидали самыхъ неожиданныхъ послѣдствій отъ новаго полновластнаго хозяина, однако ничего особеннаго не произошло. Онисимъ Абрамычъ не только не тронулъ никого изъ приживальщиковъ, но даже дозволилъ вернуться обратно на даровые хлѣба въ Высоксу двумъ старымъ дѣвицамъ Тутолминымъ, когда-то изгнаннымъ за то, что имъ привидѣлся покойникъ, старый баринъ.

Въ управленіи заводами наступила снова та же строгость, что была при Аникитѣ Ильичѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и та же справедливость. Сначала многіе пробовали или попадать въ милость или противодѣйствовать относительно Гончаго черезъ Сусанну Юрьевну, но вскорѣ всѣ убѣдились, что она сама въ полномъ подчиненіи у Онисима Абрамыча. Видно, время ея прихотей навсегда миновало, и теперь она уже не промѣняетъ этого давнишняго любимца, къ которому вторично послѣ измѣны вернулась, ни на кого другого.

Со дня смерти Басманъ-Басанова и немедленнаго удаленія въ монастырь Дарьи Аникитишны жизнь въ Высоксѣ пошла своимъ прежнимъ чередомъ во всемъ, что касалось заводскихъ дѣлъ. Въ самомъ же домѣ, по крайней мѣрѣ въ верхнихъ этажахъ, жизнь пошла такъ, какъ шла при Аникитѣ Ильичѣ, а не при Дмитріи Андреевичѣ. Была только та разница, что пожилые сильно постарѣли, маленькіе повыросли, а юные возмужали. Опекунша и юные господа жили по-старому. Пированій не было никакихъ, охота исчезла, и охотный дворъ давнымъ-давно стоялъ пустой, даже гнилъ. Гусарскій конвой тоже не существовалъ, а гостей изъ другихъ губерній и изъ столицъ почти не бывало. Господа жили не только тихо, а совсѣмъ по-монастырски.

Такая жизнь завелась по волѣ Гончаго. Но какъ же случилось все это непостижимое?

Какимъ образомъ бывшій простой «вольноотпущенный» могъ сдѣлаться почти опекуномъ надъ громаднымъ состояніемъ и надъ

внуками своего же бывшаго барина? И просто, и не просто! Общій голосъ былъ, что это было дѣло искусное, но не чистое.

Когда баринъ Дмитрій Андреевичъ жилъ еще въ губернскомъ городѣ, Гончій временно завѣдывалъ всѣмъ по порученію временной опекунши Сусанны Касаткиной, какъ бы частнымъ образомъ. Когда Басановъ умеръ, пришло извѣстіе, что изъ Петербурга пріѣдетъ завѣдывать и управлять заводами какой-то важный генералъ по назначенію отъ правительства.

Касаткина тотчасъ выѣхала въ Петербургъ и отсутствовала болѣе полугода. Вернулась она въ качествѣ законной, окончательно утвержденной опекунши, съ правомъ выбрать себѣ помощника и главнаго управителя.

Разумѣется, помимо Сусанны Юрьевны, всякій въ Высоксѣ мысленно и какъ бы поневолѣ назвалъ Гончаго, который уже около пяти лѣтъ заправлялъ всѣмъ. Конечно, вскорѣ же всѣмъ стало ясно, что барышня совсѣмъ ни во что не входитъ, а только подписываетъ главныя бумаги, идущія въ губернію и въ столицы. Но диковинно было это преображеніе простого холопа и писаря въ какого-то почти опекуна... Ошельмованный у столба и убѣжавшій безъ руки—вдругъ главный распорядитель судебъ Высокскихъ заводовъ.

И многіе продолжали думать и надѣяться, что правленіе Гончаго не долговѣчно. Во-первыхъ, сама прихотливая барышня можетъ опять завести себѣ новаго любимца и снова отдалить отъ себя Гончаго, а онъ это не стерпитъ. Во-вторыхъ, онъ самъ можетъ сплоховать въ управленіи, а въ обѣихъ столицахъ не мало найдется охотниковъ придраться, чтобы занять его мѣсто.

Однако, прошло три года со смерти Басанова, опекунства Касаткиной и управленія Гончаго, и все шло по-старому мирно и толково. Барышня, казалось, была болѣе, чѣмъ когда либо, привязана къ своему давнишнему другу.

А на четвертый годъ вдругъ произошло нѣчто неожиданное, почти невѣроятное и, переполошивъ всю Высоксу, прогремѣло на все намѣстничество.

Опекунское управленіе получило извѣщеніе изъ Петербурга, что по поводу поставки послѣдняго казеннаго заказа, не только исправнаго, но изряднаго и примѣрнаго, «министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ благодарить управленіе въ лицѣ дворянки Касаткиной и ея помощника купца Гончаго». Но это было не главное. Страшный шумъ надѣлало иное... Въ офиціальной бумагѣ сообщалось, что въ виду поставки важнаго заказа ранѣе срока и дешевле условленной цѣны, государь императоръ по донесеніи о семъ его величеству «изволилъ выразить свое удовольствіе». И вся Высокса, даже все намѣстничество взглянули на управителя, какъ на настоящаго опекуна. Всѣ даже стали звать его опекуномъ. И Гончій

сталъ главнымъ и почти единственнымъ важнымъ лицомъ на заводахъ, Сусанна Юрьевна, сильно измѣнившаяся нравственно, только числилась опекуншей. Настоящіе господа и будущіе владѣльцы, Олимпій и Аркадій Дмитріевичи, окруженные кучей нянюшекъ, надзирательницъ, а впослѣдствіи учителей, были равно будто незамѣтны. На нихъ какъ-то никто не обращалъ вниманія.

Только однажды о молодыхъ господахъ заговорили больше вслѣдствіе одного распоряженія барышни Сусанны Юрьевны. Двухъ братьевъ, изъ которыхъ одному было пятнадцать лѣтъ, а другому—тринадцать, раздѣлили и помѣстили въ двухъ разныхъ концахъ дома, и каждый имѣлъ свой особый штатъ.

Распорядилась такъ якобы сама Сусанна Юрьевна потому, что братья, чуть не съ рожденія дравшіеся между собой и не ладившіе постоянно ни въ чемъ, теперь уже отроки, ладили еще меньше. Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что виною во всемъ старшій—Олимпій Дмитріевичъ. И уже давно ходившее прозвище для обоихъ братьевъ теперь стало еще болѣе извѣстнымъ.

Кто-то мѣтко окрестилъ ихъ, а молва о прозвищѣ пробѣжала даже за предѣлами намѣстничества: юныхъ Басманъ-Басановыхъ, наслѣдниковъ огромнаго состоянія, звали «Каинъ и Авель». И прозвище это дѣйствительно подходило. Очевидно, въ дѣлѣ воспитанія двухъ братьевъ была крупная ошибка или коварный умыселъ. Сусанна Юрьевна, руководившая воспитаніемъ двухъ мальчиковъ, была не виновата. Если бы ея воля, то она, конечно, укротила бы постепенно старшаго, но ей постоянно мѣшалъ Онисимъ Абрамычъ. Онъ не допускалъ никакихъ строгихъ мѣръ и никакихъ взысканій. Казалось, онъ умышленно хотѣлъ, чтобы выросъ взбалмочный, вспыльчивый и жестокій Олимпій, а чтобы младшій, постоянно преслѣдуемый и обижаемый братомъ, сталъ при полной беззащитности еще трусливѣе и слабовольнѣе.

По мнѣнію всѣхъ, Олимпій Дмитріевичъ былъ любимцемъ главнаго управителя, и ему все этимъ строгимъ человѣкомъ спускалось. Иногда казалось, что онъ даже потворствуетъ дурному, нежели запрещаетъ. Наоборотъ, къ младшему, Аркадію Дмитріевичу, который и безъ того былъ тише воды, ниже травы, Онисимъ Абрамычъ относился строго и въ случаѣ малой провинности допускалъ строгое наказаніе.

Если не вся Высокса, не крестьяне, то во всякомъ случаѣ вся дворня и, конечно, всѣ нахлѣбники всегда дивились, были озадачены родомъ воспитанія, которое давалось будущимъ владѣльцамъ. Всѣ положительно относились сдержаннѣе къ старшему и сердечнѣе къ младшему, а это выходило какъ бы прямымъ противодѣйствіемъ главному вершителю судебъ Высоксы.

Теперь, когда Олимпій Дмитріевичъ былъ уже совершеннолѣтнимъ, и ожидалось совершеннолѣтіе Аркадія Дмитріевича, чтобы оба

вышли изъ-подъ опеки и сдѣлались сами хозяевами своего состоянія, Онисимъ Абрамычъ будто схватился за умъ. Впрочемъ, ходила молва, что Гончій потому перемѣнился къ старшему молодому барину, что тотъ не сдержалъ своего обѣщанія.

Когда-то, будучи юношами, оба брата постоянно обѣщали Онисиму Абрамычу, что когда они сдѣлаются совершеннолѣтними и вступятъ въ свои права, то не будутъ заниматься дѣлами, трудными и мудреными, а будутъ себѣ жить въ свое удовольствіе, но заводскія тяжести всѣ останутся попрежнему на плечахъ Гончаго уже въ качествѣ ихъ вполнѣ довѣреннаго лица.

Это было совершенно естественно и правдоподобно. Гончій за пятнадцать лѣтъ управленія, несмотря на крупныя суммы, уплаченныя когда-то волокитѣ, повидимому, привелъ заводы въ блестящее положеніе. Лучше управлять никто бы не могъ. Двое же молодыхъ господъ и по молодости и по незнакомству съ дѣлами и, наконецъ, вслѣдствіе постоянной вражды между собой, конечно, не могли бы управиться съ трудной и сложной машиной.

И вдругъ за нѣсколько мѣсяцевъ до совершеннолѣтія Аркадія прошелъ слухъ, что будто бы въ тотъ день, когда младшему минетъ двадцать одинъ годъ, братья попросятъ Онисима Абрамыча сдать всѣ дѣла и вступятъ въ управленіе сами.

Гончій былъ смущенъ, услыхавъ это изъ устъ самой Сусанны.

III.

Въ самую жару майскаго полдня, по главной широкой аллеѣ огромнаго сада, съ которой виденъ былъ весь домъ-дворецъ, шелъ тихо и задумавшись молодой человѣкъ... Лицо его умное, энергическое, было сурово не по лѣтамъ, такъ какъ ему шелъ лишь двадцать третій годъ.

Высокій лобъ, схваченный въ вискахъ, острый носъ, тонкія сжатыя губы, быстрый ястребиный и хищный взглядъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ, даже недобрая усмѣшка, даже шепотъ въ минуту гнѣва—все въ немъ поразительно напоминало всякому старожилу Высоксы стараго барина, основателя заводовъ.

Да это былъ второй Аникита Ильичъ. Покуда молодъ, онъ точный портретъ старика Басанова, а когда состарится самъ, то будетъ двойникомъ его.

Это былъ баринъ Олимпій Дмитріевичъ Басманъ-Басановъ, котораго отецъ и мать еще ребенкомъ величали въ шутку «махонькій Аникита Ильичъ». Помимо лица, взгляда, усмѣшки и крутого нрава, Олимпій былъ положительно во всемъ подражаніе или повтореніе дѣда.

Молодой человѣкъ двигался тихо, размышляя и задумавшись

все объ одномъ и томъ же, что поглощало теперь всѣ его мысли за послѣднее время.

И прежде, давно, эти мысли приходили на умъ, но лишь изрѣдка, а теперь осаждаютъ.

— Дѣлиться или не дѣлиться? Если не дѣлиться, то надо мириться и жить въ дружбѣ. А это мудрено. И зачѣмъ судьба не захотѣла такъ устроить, чтобы онъ былъ одинъ и полный обладатель Высокскихъ заводовъ? Вѣдь онъ вотъ не бывалъ ни разу боленъ, а «тотъ» два три-раза сильно хворалъ. Два-то раза совсѣмъ при смерти былъ... Одинъ разъ, сказываютъ, какъ въ огнѣ горѣлъ весь и безъ сознанія четверо сутокъ лежалъ. На волосокъ, сказываютъ, былъ отъ смерти. И не померъ... А какъ бы это теперь хорошо было! Одинъ бы онъ властвовалъ въ Высоксѣ... И уже теперь бы властвовалъ. Уже скоро два года, какъ онъ совершеннолѣтній... Ужъ если нужно было судьбѣ послать двухъ дѣтей его матери, такъ послала бы дѣвочку. Сестрѣ выдали бы при замужествѣ четырнадцатую часть и спровадили бы съ Высоксы за мужемъ вслѣдъ. Хоть въ Питеръ, а то и къ чорту на рога. Да, обидно... А теперь или дѣлиться или мириться. А въ мирѣ жить съ этой мякиной, съ этой плаксой и ротозѣемъ—нельзя.

Кто-то идущій на встрѣчу вывелъ Олимпія изъ задумчивости. Онъ поднялъ склоненную голову и увидѣлъ предъ собой такого же молодого человѣка, своего ровесника, и пошелъ тише, какъ бы желая не просто встрѣтиться, а заставить того подойти къ себѣ.

Встрѣчный прибавилъ шагу и, подойдя къ барину, поклонился, почтительно снимая шапку.

— Что скажешь, Змглодъ?—спросилъ этотъ.

— Къ вамъ, Олимпій Дмитричъ.

— Отъ братца?

— Точно такъ-съ...

— Что еще?

— Аркадій Дмитричъ очень просятъ васъ разобрать кучера Клима и вашего «фолетора». Опять очень шибко подрались. У Клима все лицо въ кровь разбито.

— Что же? Такъ и быть должно. Чего тутъ разбирать! Зачѣмъ въ «братцевы» пошелъ? Вотъ его теперь всѣ «бариновы» бить учнутъ. И отлично. Я изъ вашихъ никого не переманивалъ. А вы переманиваете.

— Ей-Богу, Олимпій Дмитричъ, мы Клима не переманивали... У насъ, сами знаете, послѣ смерти Егора—кучера не было совсѣмъ, а у васъ онъ вторымъ состоялъ. Да и опять таки на то воля Онисима Абрамыча была. Онъ указалъ.

— Ну, ладно. Разберу. Прикажу Ваську форейтора засадить въ рунтовомъ домѣ на три дня.

— Маловато это, Олимпій Дмитричъ,—улыбаясь сказалъ молодой Змглодъ.

— Буде... Буде... Ну, а у васъ что? Что сестра? Устала отъ вчерашняго небось?

— Ничего-съ. Отоспалась.

— А нога?

— Ничего-съ. Такъ ли ей случалось падать.

— Это братца она благодари. Таковъ ужъ у насъ искусникъ. Всегда кого нибудь толкнетъ, зацѣпитъ, либо съ ногъ сшибетъ. Съ нимъ хоть ни въ какія игры не играй.

— Со всѣми такое бываетъ... Не бѣда.

— Ну, а отцу какъ? Получше?

— Получше... Такъ какъ же, Олимпій Дмитричъ?

— Что?

— А на счетъ фолетора? Маловато... три дня...

— Ну, ладно, на недѣлю велю засадить. Такъ ужъ и быть. Мнѣ и самому надоѣли эти драки. Пора бы всему этому конецъ. Вотъ что я тебѣ скажу, Иванъ Денисычъ. Конецъ...

— Мы бы душой рады. Мы никогда не зачинаемъ. Наши—народъ все тихій.

— Толкуй! Съ малолѣтства я это слышу. Вы тихони. Вы всѣ исподтишка да изъ-за угла все норовите. А мои—прямой народъ, безъ хитрости и все на чистоту.

И Олимпій, отпустивъ Змглода, тотчасъ направился въ самый глухой край сада.

Здѣсь среди чащи дожидался конюхъ, держа въ поводу осѣдланную лошадь.

Олимпій, не сказавъ ему ни слова, привычнымъ и бойкимъ движеньемъ взмахнулъ въ сѣдло, взялъ изъ его рукъ нагайку и, хлестнувъ лошадь, скачкомъ исчезъ въ чащѣ.

Бесѣдовавшій съ бариномъ былъ сынъ прежняго оберъ-рунта. Вернувшись въ домъ, молодой Змглодъ прошелъ въ лѣвое крыло. Здѣсь въ угольной комнатѣ у открытаго окна сидѣлъ совсѣмъ юноша лицемъ, однако уже почти совершеннолѣтній Аркадій Басановъ. Всякій, знавшій Дарью Аникитишну, догадался бы, что это ея сынъ, настолько велико было его сходство съ матерью. Даже добродушная простоватость взгляда и улыбки была та же. Большіе свѣтлые глаза имѣли ту же способность «разбѣгаться» при малѣйшемъ смущеніи и волненіи, выражая полную потерянность и всякое отсутствіе воли.

За то по одному лицу этому, помимо ласковаго пѣвучаго голоса и женственной мягкости во всѣхъ движеніяхъ, чувствовалось, что этотъ молодой человѣкъ «золотое сердце», и что незлобливость его доходитъ до крайности, доброта безпредѣльна.

Высокса не ошиблась въ своемъ прозвищѣ братьевъ. Если Олимпій не былъ вполнѣ Каинъ, то Аркадій былъ вполнѣ Авель.

Молодой человѣкъ сидѣлъ давно не двигаясь, нагнувшись надъ столомъ, и рисовалъ по дощечкѣ изъ слоновой кости акварелью... Это была красивая женская головка съ золотистыми кудрями, густо вьющимися, и съ черными выразительными глазами, въ которыхъ было много энергіи.

Какъ могъ безвольный и простодушный Аркадій выразить въ глазахъ маленькой головки такую рѣшимость, такую волю—было загадкой дарованія.

Онъ рисовалъ портретъ, а не фантазировалъ... Вдобавокъ это былъ уже восьмой портретъ все той же личности. Надъ каждымъ изъ нихъ онъ сидѣлъ по два или по три мѣсяца и подаривъ кому либо, принимался снова за ту же работу, обѣщая, что добьется своего...

— Будетъ она у меня, какъ живая!—думалъ и говорилъ онъ. Разумѣется, лучшій портретъ онъ предполагалъ оставить себѣ... Теперешній, счетомъ восьмой, послѣ двухъ-годовой работы, казалось, долженствовалъ быть именно таковымъ, какимъ художникъ воображалъ его и добивался произвести въ дѣйствительности. Помимо рисованія въ Аркадіи проявлялась одаренность натуры на всякіе лады. Онъ хорошо пѣлъ, недурно игралъ на арфѣ, хотя собственно не учился, а только видѣлъ съ дѣтства, какъ играла его тетушка. Онъ чрезвычайно красиво танцовалъ...

Лишь одна черта характера молодого человѣка какъ бы не шла къ его натурѣ. Кроткій и тихій, онъ дивилъ всѣхъ своими вспышками гнѣва, которыя являлись, какъ припадки, будто независимо отъ его воли.

За то послѣ нѣсколькихъ минутъ страшнаго, чуть не безумнаго пыла онъ начиналъ плакать и рыдать...

Войдя къ Аркадію, Змглодъ сѣлъ около него. Онъ былъ любимецъ, но не простой льстящій и услужливый наперсникъ, а истинный другъ, замѣняющій родного брата. Отношенія между ними были равныя, дружески искреннія.

— Просилъ сейчасъ Олимпія Дмитріевича,—сказалъ онъ.—Согласье далъ.

— О чемъ?—разсѣянно спросилъ Аркадій, осторожно ведя кисточкой и вырисовывая золотистый завитокъ на головкѣ.

— Наказать за Клима... Вы бы сто лѣтъ не собрались. А эдакъ нашихъ забьютъ совсѣмъ. Удивительно, что есть еще охотники быть «братцевыми». Не выгодно.

Змглодъ нагнулся къ столу, поглядѣлъ на портретъ и покачалъ головой.

— А вѣдь и впрямь этотъ будетъ самый лучшій. Живая—сестренка. Чуть не говоритъ.

— Да... Этотъ и первый—два разныхъ лица,—отозвался Аркадій и добродушно улыбнулся.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣстъ все ее одну рисовать. Даже и въ Высоксѣ всѣ удивляются. Да это было бы ничего. А врутъ, выдумываютъ всякое—вотъ что обидно.

— Пускай выдумываютъ... Умные знаютъ, что все это пустобрешество, и что Саня вышла дѣвушка не такая. Да и я не такой! Я даже уразумѣть не могу, что это за бѣшенство такое у брата. Ну, хоть бы одну любовь имѣлъ. Ну, хоть двѣ, одну за другой... А что же это такое? Извѣстныхъ можно насчитать за шесть лѣтъ чуть не двѣ дюжины. А сколько было неизвѣстныхъ... Этакъ и дѣдушка Аникита Ильичъ не поступалъ. А куда, говорятъ, былъ падокъ на бабье... А Олимкій совсѣмъ и въ правду, какъ его зовутъ, бабоѣдъ. И какъ это можно любить одну за другой!..

— Это не любовь, Аркадій Дмитріевичъ. Это блажь, баловство. Это у него отъ дѣдушки по наслѣдству.

— Только еще пуще.

— Да. Не въ примѣръ пуще. И сказываютъ вѣрно всѣ, что какъ окончится опека, Олимпій Дмитричъ броситъ высокскихъ... Займется губернскими, а то и столичными красавицами. И нарвется когда. На рожонъ налетитъ и наколется.

— Нѣтъ. Не думаю...

— Вѣрно. На мужа на какого ревниваго. А то и на брата какого... Да вотъ я къ примѣру. Учни онъ что съ нашей Саней. Нешто я спущу. Въ каторгу уйду, а все-таки расправлюсь по-своему.

— Понятно. Но за Саню и не ты одинъ заступникъ. Другіе тоже есть.

— Батюшка самъ? Извѣстно, и онъ.

— И еще найдутся...—усмѣхнулся Аркадій.

— Вы-то?.. Это не ваше дѣло. Вы чужой человѣкъ!

Аркадій не отвѣтилъ и подавилъ въ себѣ вздохъ.

Между тѣмъ въ то же самое время Олимпій продирался верхомъ среди гущины кустовъ глухого края сада, хотя могъ ѣхать и по дорожкѣ. Но онъ таился...

Проѣхавъ чащу, онъ двинулся къ забору, гдѣ въ одномъ мѣстѣ тотъ былъ на половину разобранъ. Оставались только четыре нижнія доски, верхнія же лежали на травѣ... Пустивъ лошадь въ галопъ еще шаговъ за десять, онъ ударилъ ее нагайкой и ловко, легко перемахнулъ черезъ заборъ... Здѣсь были огороды дворовыхъ людей и мѣсто глухое и безлюдное... Взявъ напрямки черезъ гряды, передавивъ много всякихъ овощей, Олимпій выѣхалъ на опушку начинающагося лѣса и, очутясь на узкой лѣсной колеѣ, едва замѣтной среди травы, пришпорилъ лошадь. Это была даже не дорога, ибо не вела никуда, здѣсь только возили дрова раза два въ недѣлю.

Проѣхавъ съ версту, молодой человѣкъ свернулъ вправо и по-

ѣхалъ цѣлиной и чащей лѣса... Однако кое-гдѣ направо и налѣво свѣже срубленныя вѣтви соcенъ и елей доказывали, что въ этой чащѣ недавно слегка прочистили лѣсъ, чтобы дать возможность верховому свободно проѣхать.

Минутъ черезъ пять ѣзды шагомъ Олимпій выѣхалъ на лужайку, на которой стоялъ покосившись маленькій домикъ въ родѣ сторожки лѣсной.

Молодой человѣкъ сталъ озираться кругомъ себя на лужайку и даже обернулся подозрительно назадъ, на чащу, которую проѣхалъ.

Одно изъ двухъ маленькихъ оконцевъ домика растворилось, и въ немъ появилась хорошенькая головка черная, какъ смоль, кудрявая, повязанная краснымъ платкомъ.

— Давно ли?—крикнулъ Олимпій весело.

— Да уже давненько! — отозвался веселый и звучный голосъ. И лицемъ и звукомъ голоса, говорящая вполнѣ смахивала на цыганку.

Олимпій привязалъ лошадь къ дереву и чрезъ дверку вошелъ въ домикъ.

Но внутри была не грязная конура лѣсного сторожа или мужика. Это была очень маленькая, но очень красиво убранная комната со стѣнами, обтянутыми краснымъ кумачемъ, и съ хорошей барской мебелью.

Очевидно, что домикъ-лачуга или сторожка снаружи, но отдѣланная богато внутри, была затѣей молодого барина.

— Никто не видалъ? — спросилъ Олимпій, обнимая и цѣлуя красивую дѣвушку, почти дѣвочку ростомъ и внѣшностью.

— Какъ можно... Избави Богъ.

— То-то, смотри, Тонька. Я боюсь...

— Я пуще васъ боюсь... Онъ не дастъ и пояснить все, какъ убьетъ... Хитрѣе приходить сюда и нельзя...

— Ну... Убить не убьетъ,—разсмѣялся Олимпій.—А мнѣ съ нимъ ссориться не охота.

IV.

Если перемѣнились люди и порядки, то большой домъ, вѣрнѣе, дворецъ, стоялъ все тотъ же огромный и угрюмый.

Расположеніе комнатъ и аппартаментовъ въ домѣ было нѣсколько иное. Послѣ смерти Дмитрія Андреевича главный управитель занялъ комнаты Аникиты Ильича не по собственной волѣ, а Сусанна непремѣнно желала этого. Ей казалось, что Гончій, живя въ комнатѣ основателя заводовъ, получитъ иное значеніе въ глазахъ всей Высоксы. И она не ошиблась. Старожилы, увидя прежняго Аньку въ аппартаментахъ стараго грознаго барина, поневолѣ отнеслись къ нему съ пущимъ уваженіемъ.

Сама же Сусанна Юрьевна, перейдя въ свои старыя комнаты, откуда изгнали ее молодые Басановы послѣ своей свадьбы, передѣлала все на старый ладъ, устроила точь въ точь такъ, какъ было прежде. И теперь были нѣкоторыя мѣста въ этихъ комнатахъ, которыя Сусанна Юрьевна любила и часто на нихъ показывала Гончему. Чаще всего она показывала ему на двери балкона или на небольшой диванъ въ гостиной и говорила улыбаясь:

— А это помнишь?..

Гончій отвѣчалъ только улыбкой и взглядомъ, полнымъ любви. Она показывала на тѣ мѣста, гдѣ онъ ударилъ ее ножомъ и чуть не зарѣзалъ, и на тотъ диванъ, гдѣ ее положили, считая зарѣзанной на смерть. Иногда же Гончій, точно также улыбаясь, поднималъ руку и говорилъ:

— А это помните? Мы квиты!

— Нѣтъ, — нѣсколько грустно отвѣчала Сусанна, — не квиты! Я въ долгу. У меня только рубецъ на шеѣ, а ты на всю жизнь безрукимъ остался.

Весь низъ дома былъ попрежнему занятъ нахлѣбниками, вторымъ и третьимъ поколѣніями тѣхъ, что помѣстилъ здѣсь основатель заводовъ. Разница была лишь та, что самая большая квартира, бывшая Ильевыхъ, теперь была занята другомъ старшаго барина, жившаго здѣсь съ одной сестрой.

Въ правомъ флигелѣ или крылѣ дома, гдѣ когда-то жилъ и умеръ Алексѣй Басановъ, затѣмъ очень недолго помѣщались новобрачные Басановы, а послѣ нихъ двое-трое главныхъ любимцевъ Дмитрія Андреевича, въ томъ числѣ Михалисъ и князь Давыдъ Никаевы,—теперь давно жилъ старшій Басановъ со своимъ отдѣльнымъ штатомъ прислуги. Съ нимъ же вмѣстѣ жили, имѣя отдѣльныя горницы, его два любимца: князь Абашвили, очень похожій на свою мать нѣмку и потому не имѣвшій вовсе внѣшности кавказца, и Андрей Шлыковъ, внукъ Мосеича, но, конечно, уже не крѣпостной человѣкъ, какимъ былъ его дѣдъ лакей, а имѣющій чинъ сенатскаго секретаря.

Въ лѣвомъ флигелѣ, гдѣ когда-то дѣвочкой и дѣвушкой жила Дарья Аникитишна, жилъ младшій Басановъ, тоже со своимъ штатомъ и тоже съ двумя любимцами. Двое молодыхъ людей, почти сверстники Аркадія, были живыми портретами своихъ отцовъ. Первый, Иванъ Змглодъ, былъ поразительно похожъ на прежняго оберъ-рунта Дениса Ивановича. Второй, Василій Ильевъ, будучи похожъ на отца, былъ при этомъ вылитый дѣдъ Василій Васильевичъ. Молодые люди были вдобавокъ двоюродные братья между собой, такъ какъ мать молодого Змглода, Алла, приходилась родной теткой Ильеву.

У каждаго изъ названныхъ любимцевъ двухъ молодыхъ господъ Басановыхъ были въ Высоксѣ свои любимцы и пріятели, а у этихъ

были опять свои приспѣшники, и всѣ они по своему общественному положенію, спускаясь по извѣстной градаціи, составляли двѣ сплоченныя привязанностью группы, враждебныя между собой.

Два брата, жившіе отдѣльно, жестоко дравшіеся въ дѣтствѣ, враждовавшіе въ юности, теперь попрежнему заслуживали вполнѣ прозвище «Каинъ и Авель». Разумѣется, два любимца Олимпія враждовали съ двумя любимцами Аркадія и все, что стояло за ними, конечно, болѣе или менѣе враждовало тоже.

Такимъ образомъ, казалось, что всю Высоксу, всѣ заводы, расчеркнула пополамъ невидимая линія или граница. Всѣ заводы, рабочіе и крестьяне деревень—все это, казалось, раскололось на двѣ части, которыя склеить вновь было невозможно. Не только на какомъ либо дальнемъ заводѣ, но даже въ какой нибудь деревушкѣ крестьянская семья принадлежала душой и тѣломъ или барину Олимпію Дмитріевичу, или барину Аркадію Дмитріевичу.

Въ Высоксѣ отъ барскаго дома до послѣдней лачуги—всѣ говорили про себя, называли себя Богъ вѣсть когда и кѣмъ придуманнымъ именемъ.

— Мы «бариновы»!—говорили одни.

— Вы «братцевы»!—говорили другіе.

И въ этомъ случайномъ прозвищѣ былъ какой-то особенный смыслъ, тотъ же, что въ прозвищѣ «Каинъ и Авель». Въ этомъ прозвищѣ какъ бы главную роль, захвативъ львиную долю значенія, играли партизаны старшаго Басанова. Они назывались «бариновы», какъ если бы баринъ былъ у нихъ одинъ на свѣтѣ. Другіе, прозванные «братцевыми», изображали изъ себя какъ бы нѣчто совсѣмъ второстепенное. Младшій Басановъ, Аркадій, какъ будто не былъ самъ по себѣ Басановъ, а былъ лишь братомъ Басанова.

Какъ создались эти два прозвища, было никому извѣстно, но когда-то въ основу ихъ легла молва, — правда или клевета, — никому, конечно, было неизвѣстно, — что Аркадій Дмитріевичъ собственно по закону долженъ былъ бы называться Аркадіемъ Давыдовичемъ. Нѣкоторые вѣрили въ эту клевету на Дарью Аникитишну. Другіе доказывали фактами, что Аркадій родился въ то время на глазахъ у всѣхъ, когда о князѣ Давыдѣ Никаевѣ не было ни слуху, ни духу, и въ Высоксѣ онъ еще не появлялся.

Вражда двухъ братьевъ, ихъ любимцевъ и всѣхъ остальныхъ, принадлежавшихъ къ числу «бариновыхъ» и къ числу «братцевыхъ», была уже давнишняя, чувствовалась и сказывалась постоянно. Что бы ни произошло въ Высоксѣ, въ домѣ или на заводахъ, постоянно во всякой ссорѣ появлялось два лагеря, но во всемъ всегда бралъ верхъ лагерь «бариновыхъ».

Умные люди, приглядываясь къ этому положенію, обвиняли главную опекуншу. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ видя, какъ появились эти два лагеря, потомъ все ярче обрисовывались и при-

вели наконецъ къ постоянному враждованію, Сусанна Юрьевна ничего не предпринимала. Конечно, это было по желанію Гончаго, для котораго Олимпій Дмитріевичъ и его присные, что бы ни творили, всегда оказывались мало виноватыми, а то и правыми. Умные люди, считая Гончаго хитрымъ, искали въ этомъ умыселъ, тайную заднюю мысль, но ничего объяснить себѣ не могли. Только нѣкоторые смутно угадывали, что ему на руку вражда между двумя молодыми людьми. Они были правы. Гончій понималъ, что при дружбѣ и согласіи двухъ братьевъ онъ скорѣе сдѣлается лишнимъ, когда они будутъ совершеннолѣтними. Поэтому понятно, что за много лѣтъ онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы уменьшить и утишить эту вражду братьевъ, и зачастую наоборотъ случалось, что онъ какъ будто разжигалъ ее. За послѣдніе годы онъ сталъ прямо, не скрываясь, держать сторону старшаго Басанова, убѣжденный, что, если старшій братъ захочетъ, чтобы управленіе оставалось въ рукахъ его, Гончаго, то младшій согласится на это безпрекословно.

Но едва только Олимпію минулъ 21 годъ, какъ онъ сталъ намекать всѣмъ, что ждетъ только совершеннолѣтія своего брата, чтобы обоимъ вступить въ управленіе. Но дальновидный Гончій давнымъ давно приготовилъ громоотводъ. Нужно было, чтобы у Высоксы появился крупный долгъ. Волокита надъ Дмитріемъ Андреевичемъ уже положила основаніе этому. Вмѣсто того, чтобы скорѣе погасить этотъ долгъ, Гончій постарался увеличить его. Приводя изъ любви къ дѣлу всѣ заводы въ блестящее состояніе, трудно было устроить, чтобы у нихъ былъ большой долгъ, тѣмъ не менѣе Гончему это удалось, благодаря его кипучей дѣятельности.

Онъ строилъ новые заводы, дѣлалъ всякія сооруженія, въ особенности плотины, стоившія, конечно, большихъ денегъ. Производство все расширялось, доходы увеличивались. Но долгъ не уменьшался, а только росъ, наростая процентами. Теперь Высокса должна была уже около милліона, и эта сумма сосредоточилась въ рукахъ двухъ лицъ, помимо, конечно, самой казны, которой Высокса также была должна.

V.

Было одно нововведеніе въ образѣ жизни господъ. Всѣ нахлѣбники допускались къ господскому столу ежедневно. Поэтому обѣды и ужины были людны и шумны. Главное мѣсто занимала, конечно, барышня опекунша и тетушка, налѣво отъ нея неизмѣнно сидѣлъ «господинъ» Гончій, а направо оба племянника, уступавшіе однако свои мѣста случайнымъ гостямъ изъ губерніи или изъ столицъ.

Сусанна, по внушенію Гончаго, строго требовала, чтобы всѣ въ извѣстный часъ были въ сборѣ. Поэтому за полчаса залъ уже наполнялся.

Поэтому ускакавшій Олимпій Басановъ снова былъ въ саду еще за часъ до обѣда и, отдавъ лошадь ждавшему конюху, прибавилъ сурово, почти промычалъ одно слово: заборъ!

— Не извольте тревожиться,—отвѣтилъ конюхъ.

— Ладно. Но помни... Хоть на два-три часа когда забудешь, то прямо въ солдаты попадешь.

— Не можетъ того быть, Олимпій Дмитріевичъ. Какъ же забыть!

Баринъ направился къ дому, а конюхъ повелъ лошадь въ противоположную сторону.

— Чуденъ тоже!—ворчалъ малый.—Думаетъ—скрытно все. Всѣ знаютъ. Куда собственно ты летаешь этакъ, понятно узнать нельзя. Покудова. А что я сюда лошадь вожу, да заборъ разбираю да собираю, всѣ знаютъ. Чуденъ! Весь огородъ буфетчика Алексѣя Миколаича истопталъ конскими ногами, а думаетъ—никому то не вѣдомо. Кабы не знали, что баринъ топчетъ, то жаловались бы. А они помалкиваютъ... А онъ боится, что я заборъ разобранный брошу... Чуденъ!

Между тѣмъ Олимпій быстро прошелъ садъ и скоро былъ у себя въ комнатахъ.

На встрѣчу ему вышелъ молодой человѣкъ съ южнымъ типомъ лица, чернобровый, съ горбатымъ носомъ, клювомъ и большимъ ртомъ съ толстыми губами. Молодецъ былъ очень некрасивъ собой, и въ добавокъ лице его было не доброе, взглядъ косой. Когда онъ улыбался, стараясь быть любезнымъ или ласковымъ, то выраженіе лица становилось еще непріятнѣе. Въ молодомъ человѣкѣ вообще чувствовалось что-то отталкивающее.

Это былъ Платонъ Михалисъ, племянникъ давно умершаго грека, картежника, и скорѣе другъ, чѣмъ простой любимецъ Олимпія Дмитріевича.

— Слетали?—встрѣтилъ онъ Басанова, улыбаясь двусмысленно.

— Слеталъ, Платоша,—какъ-то странно, будто ехидно усмѣхнулся и Олимпій.

— И невѣдомо къ кому? Такъ и останется?

— Невѣдомо. Такъ и останется.

— Прежде мнѣ всегда сказывались во всемъ,—угрюмо замѣтилъ Михалисъ,—а теперь дожилъ я до укрывательства.

— Теперь, Платошка, такъ и будетъ завсегда впредь. Такъ я порѣшилъ. Да и лучше.

— Почему же лучше? Я не болтунъ. Знаете давно.

Олимпій снова усмѣхнулся какъ-то двусмысленно и, помолчавъ, прибавилъ:

— Для тебя лучше.

— Для меня? — удивился Михалисъ и пристально глядѣлъ на барина.

— Да... Видишь ли... Такъ къ примѣру...—тянулъ Олимпій, будто

не зная, что сказать.—Видишь ли. Если что вдругъ огласится,—я не буду на тебя думать.

— Вона какъ? Хитро!—разсмѣялся Михалисъ, чуя, что баринъ лжетъ.

— Да. Прежде, зная, что ты одинъ здѣсь все про меня вѣдаешь, я могъ иной разъ тебя въ подозрѣніи имѣть.

— Да вѣдь никогда не бывало такого!

— Не бывало, да могло быть. Ну, да брось. Шабашъ!

Михалисъ лукаво ухмыльнулся.

Первый другъ и наперсникъ Олимпія Дмитріевича могъ почесться самымъ умнымъ человѣкомъ въ Высоксѣ и поэтому занималъ совершенно особое и исключительное положеніе. Этому содѣйствовало тоже полученное отъ дяди небольшое состояніе, составленное тѣмъ картежной игрой въ той же Высоксѣ.

Племянникъ пролаза грека съ ранняго дѣтства росъ со старшимъ Басановымъ, былъ участникомъ его дѣтскихъ игръ и юношескихъ затѣй. Отношенія ихъ были таковы, какъ если бы они были родными братьями.

Платонъ Михалисъ ничѣмъ особенно худымъ себя никогда не заявилъ, тѣмъ не менѣе его недолюбливали. Его некрасивое суровое лицо, рѣзкій голосъ, косой взглядъ—все отталкивало отъ него. Никогда большого зла никому онъ не сдѣлалъ, но въ мелочахъ не разъ доказывалъ, что онъ — человѣкъ коварный и вполнѣ безсердечный. И его почему-то всѣ немножко опасались, какъ бы чувствуя, что въ случаѣ чего отъ Михалиса можно ожидать всякой бѣды.

Разумѣется, вслѣдствіе долгой привычки онъ былъ привязанъ къ Олимпію и любилъ его на свой ладъ. Но на настоящую искреннюю дружбу онъ былъ по натурѣ просто неспособенъ. Если бы ему было выгодно совершить что либо дурное по отношенію къ этому другу дѣтства и отчасти покровителю, то онъ, конечно, и Олимпія не пожалѣлъ бы. Главная черта его характера, сначала безсознательная и только за послѣдніе годы уясненная себѣ самому, было недовольство своимъ положеніемъ, а отсюда—зависть и жадность.

Платонъ Михалисъ, единственный изъ всѣхъ нахлѣбниковъ имѣвшій свои собственные доходы съ капитала, жившій на всемъ готовомъ совершенно спокойно, игравшій роль какого-то третьяго молодого барина среди всѣхъ приживальщиковъ, все-таки не считалъ себя счастливымъ, а иногда считалъ себя совершенно несчастнымъ и обойденнымъ судьбой. Причиной этому было неудовлетворенное честолюбіе.

Въ жизни его было, однако, одно утѣшеніе, было нѣчто примирявшее съ жизнью и заглушавшее завистливую истому.

Этотъ безсердечный, коварный и, пожалуй, злой человѣкъ дивилъ всѣхъ одной чертой характера или однимъ обстоятельствомъ. У Михалиса была на его попеченіи двоюродная сестра, дочь дяди кар-

тежника, которой шелъ теперь только шестнадцатый годъ. Онъ не только любилъ ее горячо, но обожалъ. Его отношенія къ этой сестрѣ были удивительны для всѣхъ, были непонятны, были просто загадкой.

Со дня смерти дяди Михалиса, Платонъ, которому было тогда самому не болѣе 14-ти лѣтъ, сталъ заботиться о дѣвочкѣ пяти лѣтъ, замѣняя ей не только отца или нѣжнаго родного брата, а даже няньку и горничную. Онъ одѣвалъ ее поутру, раздѣвалъ и, уложивъ спать, сидѣлъ у ея кроватки, покуда она не заснетъ, водилъ гулять, зимой возилъ ее въ салазкахъ до устали. Онъ былъ счастливъ ея улыбкой довольства и былъ пасмуренъ, когда она легко хворала.

Платонида, или, какъ дѣвочку прозвали въ Высоксѣ, «Тонька», была всегда хорошенькая дѣвочка, теперь же стала совсѣмъ красивой и притомъ оригинально красивой, благодаря южному происхожденію. Не даромъ ея отецъ и дѣдъ съ бабкой были чистѣйшими греками. Одно, что мѣшало молоденькой дѣвушкѣ быть вполнѣ красавицей, былъ малый ростъ. Теперь на 16-мъ году она была уже совершенно развитая тѣломъ дѣвушка, по лицу и формамъ могла бы пройти и за двадцатилѣтнюю, но ростомъ казалась еще дѣвочкой.

Впрочемъ эта миніатюрность ея, въ глазахъ многихъ, придавала ей особую прелесть.

— Малъ золотникъ, да дорогъ!—говорили многіе, любуясь взрослой малюткой.

Сначала Платонъ отчаивался, что сестренка не растетъ, грозитъ остаться уродомъ-карлицей. Но когда Тонькѣ минуло 14 и 15 лѣтъ, она, рано развившись, какъ женщина, тотчасъ стала многимъ сильно нравиться. И своимъ маленькимъ, но изящнымъ тѣломъ, крошечными ручками и ножками, и главное, конечно, своимъ типичнымъ южнымъ лицемъ: жгучими черными глазами, правильнымъ маленькимъ носикомъ, пунцовыми губками нѣжно очерченнаго рта. При всемъ этомъ у нея была длинная и густая черная коса, почти бремя для ея маленькаго туловища. Многіе часто ради забавы заставляли ее распускать волосы, хватавшіе до полу, и миніатюрная Тонька могла вся завернуться въ нихъ, какъ въ одежду.

Разумѣется, красивая дѣвушка, благодаря положенію двоюроднаго брата въ домѣ, пользовалась тоже исключительнымъ положеніемъ.

Обожаніе брата, котораго всѣ безсознательно опасались, привело къ тому, что всѣ старались заслужить пріязнь его ухаживаніемъ за его кумиромъ. И дѣйствительно это было вѣрнѣйшее средство его задобрить. Если бы не этотъ кумиръ, существованіе Михалиса стало бы пыткой. Его мечтанія загрызли бы его. А мерещилось ему всякое, что другому и на умъ бы никогда не пришло. Ему мерещилось, что онъ могъ бы быть на мѣстѣ одного изъ Басановыхъ, могъ бы быть вообще страшнымъ богачемъ. А еще проще... Могъ бы быть давно на службѣ и быть чиновникомъ намѣстничества, а затѣмъ когда нибудь и намѣстникомъ.

Всѣхъ, кого онъ въ жизни встрѣчалъ, Михалисъ мѣрилъ съ собой и немедленно убѣждался, что всякій, будучи ниже его разумомъ и способностями, былъ много выше его по положенію, совершенно незаслуженному. И это недовольство своей судьбой настолько преслѣдовало его, что положило отпечатокъ на его лицо, на всѣ его привычки. Онъ былъ большею частію сумраченъ, несловоохотливъ и почти нелюдимъ.

За послѣднее время Михалисъ нетерпѣливо ждалъ, когда оба Басановы станутъ совершеннолѣтними и вступятъ въ управленіе своимъ имѣніемъ. Благодаря давнишней дружбѣ съ Олимпіемъ, онъ готовился быть главнымъ его помощникомъ въ управленіи, а затѣмъ, конечно, и самостоятельнымъ управителемъ. Онъ такъ же, какъ и многіе, зналъ, что братья недолго вынесутъ на плечахъ бремя управленія и пожелаютъ жить беззаботно.

Мечтанія Михалиса объ его будущемъ управленіи тоже шли далеко. Онъ ясно видѣлъ въ будущемъ, какъ сумѣетъ, дѣльно управляя заводами, откладывать тайкомъ кое-что въ свой карманъ, а при огромныхъ доходахъ съ заводовъ это «кой-что» могло стать крупнымъ состояніемъ. Жажда разбогатѣть обусловливалась отчасти и любовью къ сестренкѣ, желаніемъ, чтобы ея будущность была не просто счастлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящая.

Михалисъ давно рѣшилъ, что онъ красавицу сестру выдастъ отлично замужъ. За послѣднее время эта мечта какъ бы осуществлялась. Въ Высоксѣ появился славный малый, подходящій женихъ для сестры, хотя безъ состоянія, но дворянинъ и князь.

Михалисъ быстро сошелся съ этимъ княземъ Абашвили, помогъ ему стать любимцемъ Олимпія и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ мечтать выдать за него сестру. Абашвили не только не имѣлъ ничего противъ этого, но наоборотъ съ самаго появленія своего въ Высоксѣ, относясь къ Тонькѣ очень внимательно и ласково, теперь былъ уже глубоко привязанъ къ ней. Но планамъ князя и самого Михалиса явилось непреодолимое препятствіе. Противъ брака была сама Тонька. Она любила князя, но замужъ за него идти отказывалась теперь наотрѣзъ. И въ этомъ отказѣ для Платона Михалиса чудилось что-то подозрительное, странное.

— Почему же прежде она соглашалась?... А теперь и руками и ногами противъ этого, — думалъ онъ.

Дѣйствительно, когда Абашвили только что пріѣхалъ и остался на житье въ Высоксѣ, понравившись Олимпію, Тонька такъ привѣтливо отнеслась къ ухаживанію молодого человѣка, что онъ былъ увѣренъ во взаимной склонности. И вдругъ съ половины зимы она перемѣнилась къ князю, а съ весны стала даже враждебно относиться къ нему.

VI.

Чрезъ два дня послѣ гаданья Гончій былъ пораженъ. Слѣпая колдунья предсказала вѣрно. Онъ получилъ извѣстіе о смерти старика и близкаго человѣка... близкаго иначе, чѣмъ родной отецъ.

Когда пріемъ по заводскимъ дѣламъ кончился, главный и любимый камердинеръ Онисима Абрамыча, Ѳеофанъ, тотчасъ отправился внизъ доложить объ этомъ Сусаннѣ Юрьевнѣ и просить пожаловать. Ѳеофанъ этотъ считался въ Высоксѣ очень важнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ былъ довѣреннымъ лицомъ Гончаго и, пользуясь его большимъ расположеніемъ къ себѣ, часто бралъ на себя всякаго рода ходатайства. Будучи добрымъ и честнымъ человѣкомъ, онъ, разумѣется, пользовался теперь всеобщею любовью.

Этотъ видный человѣкъ уже лѣтъ за тридцать, по имени Ѳеофанъ, былъ не кто иной, какъ прежній мальчуганъ Ѳунька, служившій мальчишкой на побѣгушкахъ у Аникиты Ильича. Главная должность его, въ тѣ времена, заключалась въ томъ, чтобы летѣть стремглавъ чуть не кубаремъ по лѣстницѣ сверху внизъ и предупреждать весь домъ, чтобы всѣ были настороже, сакраментальными словами:

— Баринъ идетъ!...

Попалъ прежній Ѳунька въ число видныхъ людей лишь по одной причинѣ, но по какой — самъ того не зналъ. Зналъ про это одинъ Гончій.

Когда прежній Анька, примирившись съ Сусанной Юрьевной, былъ въ первый разъ у нея наверху, а затѣмъ, спускаясь внизъ, былъ арестованъ оберъ-рунтомъ, княземъ Давыдомъ, онъ попросилъ кого либо изъ дежурной дюжины доложить объ этомъ самоуправствѣ барышнѣ. Но никто не двинулся. Мальчуганъ Ѳунька, невѣдомо почему, изъ хитрости или просто изъ жалости, слеталъ наверхъ, доложилъ барышнѣ, что Аньку арестовали и ведутъ въ полицію. И Сусанна Юрьевна немедленно отправилась къ Басанову для объясненій.

Онисимъ Абрамычъ узналъ объ этомъ дѣяніи мальчика гораздо позднѣе и случайно, но въ тотъ же день юноша Ѳунька былъ уже у него въ услуженіи.

Ѳеофанъ прошелъ прямо въ комнаты барышни и доложилъ лично Сусаннѣ Юрьевнѣ, а она немедленно собралась наверхъ. У нея стало привычкой видѣть Гончаго всякій день послѣ того, что онъ занимался дѣлами, чтобы вмѣстѣ обсуждать всѣ текущіе вопросы.

Конечно, Гончему слѣдовало бы ежедневно самому спускаться внизъ въ аппартаменты барышни опекунши, но она настояла на томъ, чтобы ей самой подниматься наверхъ. Это входило въ разъ принятый ею образъ дѣйствій по отношенію къ управителю.

Она неуклонно, систематично, въ своихъ отношеніяхъ къ нему всячески старалась ставить его вровень съ собой, а иногда даже и выше себя. И это немало подѣйствовало на то, что всѣ стали относиться къ главному управителю заводовъ съ особаго рода уваженіемъ.

— Какъ дозволитъ Онисимъ Абрамычъ!—было постоянною фразой на устахъ барышни.

Часто даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не касались заводовъ, касались лишь ея личности, она ставила рѣшеніе вопроса въ зависимости отъ согласія Гончаго.

Поднявшись наверхъ и войдя въ рабочую комнату Онисима Абрамыча, нѣжно и молча поздоровавшись съ нимъ, она сѣла и вопросительно глядѣла на него. Этотъ взглядъ часто замѣнялъ вопросъ: «ну, что новаго?» И каждый день Гончій при этихъ свиданіяхъ объявлялъ ей все, что было исключительнаго и любопытнаго въ дѣлахъ.

На этотъ разъ Гончій, не говоря ни слова, перешарилъ на столѣ нѣсколько бумагъ, нашелъ одну и передалъ ее Сусаннѣ Юрьевнѣ. Она прочла, а потомъ, поднявъ съ бумаги на него глаза, вымолвила:

— Это хуже...

— Почему же хуже? — сказалъ онъ.

— Хуже! Было бы лучше, если бы онъ былъ живъ. Все бы это такъ распуталось, яко бы имъ самимъ. Какъ знать, что тепе' будетъ?

— А что же будетъ?

— Будетъ, что всякій скажетъ: дѣло не чисто! Какъ же эт... Самъ же управитель, почти опекунъ, да является невѣдомо какъ, вдругъ, главнымъ заимодавцемъ?

— Золотая моя, вѣдь всѣ бумаги, документы до послѣдняго клочка бумажки — все ясно, все чисто. А что богатый человѣкъ, главный заимодавецъ заводовъ, былъ бездѣтенъ, померъ и сдѣлалъ меня наслѣдникомъ всего своего состоянія,—тутъ ничего противозаконнаго нѣтъ. А поэтому и нельзя сказать, что дѣло нечисто.

— Ну, а я тебѣ скажу, что непремѣнно будутъ говорить!—вымолвила Сусанна Юрьевна нѣсколько рѣзче. — Скажутъ, что этотъ купецъ Бабаевъ...

— Знаю, знаю! — прервалъ Гончій.—Что онъ былъ нищій, никогда ничего не наживалъ, а я же ему, изъ доходовъ заводскихъ воруя, состояніе составилъ съ тѣмъ, чтобы оно только числилось его имуществомъ и по моему требованію или послѣ его смерти ко мнѣ перешло.

— Ну-да! —сказала Сусанна Юрьевна.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Гончій заговорилъ мѣрно:

— Вотъ, моя золотая, сто разъ я сказывалъ вамъ, что, во-первыхъ, эти деньги большущія мною, собственно говоря, не наворо-

ваны, а второе—это только одна угроза. Оставятъ меня эти молодцы на моемъ мѣстѣ, ни копейки взысканія съ нихъ не будетъ. Разумѣется, если они и васъ не обидятъ... Прогонятъ они меня, а затѣмъ, конечно, вслѣдъ за мной и васъ, то пускай платятъ, а уплатившi страшныя деньги всѣмъ кому слѣдуетъ, пускай они съ Высоксой провалятся. Будь живъ Аникита Ильичъ, да имѣй ихъ года, то, конечно, онъ въ какія нибудь десять лѣтъ Высоксу бы опять поднялъ и очистилъ. И опять дѣло бы пошло, какъ шло при немъ и при мнѣ. А эти молодцы, выплативъ такой кушъ, сядутъ на мели, а черезъ пятокъ лѣтъ будутъ если не нищими, то далеко и не богатыми дворянами. Либо то, либо другое: либо мнѣ здѣсь оставаться, либо уходить.

— Надумать надо что нибудь,—отозвалась Касаткина.

— Говорилъ я вамъ и говорю: никакого способа у меня другого нѣтъ. Безъ отплаты имъ не могу я уйти. Привыкъ черезчуръ я за пятнадцать лѣтъ имѣть въ рукахъ важныя и любопытныя дѣла и привыкъ къ тому, что меня—Онисима Гончаго—знаютъ власти въ обѣихъ столицахъ. Да это не главное... Главное, что всякій день съ утра и весь день почти до вечера у меня дѣло есть. Наконецъ, теперешніе заводы, прежніе увеличенные да два новыхъ, которые я самъ выстроилъ, — вся Высокса теперешняя — вѣдь это мое дѣтище, почти такое же, какимъ было оно для Аникиты Ильича. И вдругъ меня два молодца, которые еще недавно были поросятами, сопливыми мальчуганами, по совершеннолѣтіи погонятъ взашеи, думая, что яко бы могутъ сами управиться. Смѣхъ, право! Не имъ подъ силу такое дѣло! Добро бы были они дружны, завели бы, пожалуй, сообща по взаимному согласію какого новаго управителя, человѣка не глупаго и знающаго. А вѣдь они, какъ бывало изъ-за куска сладкаго пирога дрались, такъ и теперь повздорятъ въ первый же мѣсяцъ управленія. А раздѣлить Высоксу пополамъ—это, знаете ли, что? Мнѣ говорилъ одинъ умный человѣкъ изъ Питера, что это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ изъ Священнаго Писанія судъ Соломоновъ, судъ умный: какъ царь Соломонъ разсудилъ дитятю пополамъ разрубить и двумъ матерямъ отдать. Но только въ ту пору самозванная мать согласилась, а настоящая—отказалась. А какъ же будетъ братьями дѣло разсужено? Раздѣлиться двумъ братьямъ Басановымъ значитъ разсѣчь Высоксу пополамъ. А она—не простое имѣніе, гдѣ пашутъ, да сѣютъ, да хлѣбъ въ житницы собираютъ. Высокса, раздѣленная на двѣ части между двумя злобствующими другъ на друга братьями, тотъ же младенецъ, разрубленный пополамъ. Что же будутъ дѣлать заводы одного Басанова, когда главные рудники, главныя домны будутъ принадлежать другому Басанову? А сдѣлать изъ Высоксы двѣ Высоксы, отдѣльныя, благоустроенныя, на это понадобится лѣтъ десять. И, конечно, не нашимъ молодцамъ это сдѣлать.

Гончій замолчалъ. Сусанна ничего не отвѣтила и угрюмо смотрѣла въ окно. Все то, что она слышала, она уже слыхала не разъ, хорошо знала, давно поняла и давно согласна была съ Гончимъ во всемъ. Новаго было только то, что одинъ изъ главныхъ кредиторовъ, нижегородскій купецъ Бабаевъ, умеръ и по завѣщанію, будучи бездѣтенъ, оставилъ все, что имѣлъ, Гончему, а въ томъ числѣ и то, что Высокскіе заводы были ему должны.

Извѣстіе о его смерти смутило Сусанну. Вдобавокъ она знала, чуяла, что и самъ Гончій смущенъ, но не хочетъ признаться. Бабаевъ умеръ какъ нельзя болѣе не кстати и запутывалъ дѣло и положеніе Гончаго.

И продумавъ о непріятной новости весь день, Сусанна собралась тайно отъ любимца повидать, чтобы посовѣтоваться, самаго умнаго человѣка въ Высоксѣ. Но вызвать его было нельзя. Это былъ больной, хворавшій ногами Змглодъ, давнишній и вѣрный другъ, съ которымъ у нея была вдобавокъ особая связь... Общая страшная тайна! Сусанна побывала у стараго и преданнаго друга, но переговорить ни о чемъ не удалось, такъ какъ оба племянника вдругъ собрались тоже въ гости къ старику.

VII.

Денисъ Ивановичъ Змглодъ жилъ попрежнему въ томъ же домѣ, который когда-то себѣ выстроилъ. Но если тогда поселилась тутъ пара счастливцевъ, какихъ, быть можетъ, не было во всей Высоксѣ, а затѣмъ сталъ раздаваться здѣсь голосокъ одного ребенка, то теперь домъ, несмотря на большую пристройку, былъ полонъ.

Въ немъ вмѣстѣ съ прислугой было до дюжины человѣкъ. Помимо Дениса Иваныча и Аллы Васильевны, было пять человѣкъ дѣтей и свояченица Ильева. Старшій сынъ Змглода, Иванъ, былъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ моложе Олимпія. Старшая дочь, восемнадцати лѣтъ, была крестницей барышни Сусанны Юрьевны и была названа въ ея честь тоже Сусанной. Затѣмъ слѣдовали три дочери, изъ коихъ только одной минуло недавно четырнадцать лѣтъ, а двѣ другія были еще малолѣтнія.

Главной личностью въ семьѣ Змглода была Сусанна. Впрочемъ, насколько любили ее въ семьѣ, настолько же всѣ любили и во всей Высоксѣ. И всѣ единогласно утверждали, что Сусанна Денисовна— удивительная дѣвица.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка была далеко незаурядной личностью. Внѣшностью она была въ мать, какою Алла была въ молодости. Стало быть, она была красавица собой, бѣлая, какъ снѣгъ, съ золотыми вьющимися кудрями, но при этомъ съ оригинальными черными глазами отца. Изящная красавица дѣвушка удивляла

и поражала всѣхъ, даже пріѣзжихъ гостей изъ губерніи и изъ столицъ.

Внѣшностью, лицомъ, тѣломъ и повадкой уродившаяся въ мать, Сусанна, или, какъ звали ее въ семьѣ, Саня, разумомъ, энергіей и вообще нравомъ уродилась въ отца. Характеромъ это былъ второй Змглодъ. Дѣвушка была рѣшительна, предпріимчива и мягкосердечна. Но если Змглодъ когда-то вслѣдствіе обстоятельствъ своей жизни прослылъ за грознаго и злого, то дочь его вся Высокса считала отважной не по-дѣвичьи, а по-отцовски, но за то доброй по-матерински.

Алла Васильевна, конечно, измѣнилась лицомъ до неузнаваемости. Ей, казалось, было за пятьдесятъ лѣтъ, а въ дѣйствительности она едва переступила сорокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, простодушная или прямо глупенькая въ молодости, она теперь совершенно опустилась и удивляла всѣхъ своимъ малоуміемъ, невозможностью заняться даже и хозяйствомъ, не только маленькими дѣтьми.

Всѣмъ завѣдывала Сусанна, причисляя мысленно свою мать къ младшимъ сестрамъ и заботясь объ ней, какъ о ребенкѣ... Впрочемъ, братъ всячески помогалъ ей.

Иванъ Змглодъ былъ противоположностью сестрѣ по внѣшности: онъ былъ живой отецъ не столько чертами лица, сколько смуглымъ цвѣтомъ кожи, а разумомъ и сердцемъ былъ совсѣмъ въ мать, Аллу Васильевну, т.-е. добрый и недалекій малый. И именно этотъ характеръ и привелъ къ тому, что онъ сталъ другомъ съ дѣтства Аркадія Басанова.

Въ нихъ обоихъ было такъ много общаго, какъ если бы они были родные братья. По всей вѣроятности, игра природы или, вѣрнѣе, таинственные законы природы сказались въ двухъ молодыхъ людяхъ. Аркадій Басановъ былъ по матери и дѣду потомкомъ одного Басанова, про котораго самъ Аникита Ильичъ говаривалъ часто, что былъ у него дядя одинъ не только добрѣйшій человѣкъ, но чуть не святой своей жизнью, но за то малоумія диковиннаго. Кажется, глупѣе его и на свѣтѣ и не бывало.

— Святѣйшій дуракъ былъ! — говаривалъ Аникита Ильичъ.

Иванъ Змглодъ, уродившійся свойствами характера въ свою мать, былъ, стало быть, внукомъ Василія Васильевича Ильева и правнукъ того же самаго «святого» Басанова. Если оба молодыхъ человѣка были по закону чужими людьми другъ другу, то по крови они могли назваться родственниками въ шестомъ колѣнѣ. Родство дальнее, а при взглядѣ на нихъ можно было подумать, что это два родныхъ брата, если не лицомъ, то характеромъ.

Семья Змглода жила дружно, мирно и тихо между собой. Денисъ Ивановичъ обожалъ жену попрежнему и, конечно, обожалъ дѣтей. Алла Васильевна считалась, повидимому, главной личностью въ семьѣ, но въ дѣйствительности, если Денисъ Ивановичъ исполнялъ

всѣ ея желанія до малѣйшей мелочи, то сама Алла Васильевна была въ полномъ подчиненіи у своей дочери Сани, считавшей мать младшей сестренкой.

Сусанну Денисовну особенно любили всѣ, и если сначала Высокса прозвала ее «Змглодкой», то теперь никто никогда не отзывался о ней иначе, какъ называя ее по имени и отчеству или по новому прозвищу «Змглодушка».

За послѣднее время положеніе и извѣстность Сусанны Змглодъ еще болѣе увеличились. За послѣдніе два года за нее три раза сватались три личности, и всѣмъ троимъ одинаково отказала она, несмотря даже на усовѣщеванія отца.

Одинъ изъ отринутыхъ жениховъ служилъ во Владимірѣ въ казенной палатѣ чиновникомъ, но былъ, правда, пожилой. Другой, сдѣлавъ предложеніе Сусаннѣ Денисовнѣ, даже заставилъ надъ собой смѣяться. Онъ былъ главнымъ дѣлопроизводителемъ въ коллегіи высокской и, конечно, могъ быть парой для дочери прежняго оберъ-рунта, если бы личное положеніе ея не было исключительное.

Вслѣдъ за этимъ сватовствомъ появилось третье, которое окончательно изумило всѣхъ. Пріѣзжій изъ Петербурга молодой артиллерійскій офицеръ, старинный дворянинъ по отцу, человѣкъ съ состояніемъ, рязанскій помѣщикъ, встрѣтивъ Сусанну Змглодъ на вечеринкѣ у Сусанны Юрьевны, былъ пораженъ ея красотой.

Разспросивъ, кто она, и узнавъ, что дѣвушка—крестница Касаткиной, молодой человѣкъ, хотя дѣло о заказѣ казенномъ было кончено, задержался въ Высоксѣ. Онъ былъ не первый. Со многими прежде, давно, случалось подобное изъ-за Сусанны Юрьевны.

Проживъ двѣ недѣли, офицеръ посватался.

Денисъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ. Могъ ли онъ мечтать, онъ—полутурка, невѣдомо кто, не то осетинъ, не то абхазецъ, что дочь его будетъ когда нибудь русской помѣщицей и дворянкой. И Денисъ Ивановичъ былъ немало смущенъ, даже пораженъ на другой же день, когда его любимица отказала наотрѣзъ выходить замужъ за молодого человѣка. Никакія увѣщанія не помогли. Сусанна Денисовна объявила отцу, что лучше пойдетъ въ монастырь, нежели пойдетъ замужъ.

Отказъ этотъ, конечно, надѣлалъ много шуму во всей Высоксѣ, а шумъ этотъ, толки и пересуды, разныя догадки и умозаключенія привели къ тому, что у Высоксы какъ будто раскрылись глаза. Долгое ослѣпленіе прошло, всѣ будто сразу прозрѣли, увидѣли и ахнули. Прозрѣніе это началось, быть можетъ, съ самого отца, Дениса Ивановича, но онъ только покачалъ головой въ отвѣтъ на собственныя свои догадки, а съ дочерью о своихъ подозрѣніяхъ не захотѣлъ даже и переговорить.

Причина, по которой Высокса ахнула, была та же догадка. «Змглодушка», всѣми любимая, всему намѣстничеству извѣстная

своимъ ангельскимъ сердцемъ, своимъ удивительнымъ умомъ, а въ особенности своей красотой, могла, конечно, мечтать «объ этомъ диковинномъ».

Всѣ будто теперь только поняли то, что видѣли уже давно... А видѣли всѣ, что два молодыхъ барина, подрастая, часто видаясь съ дѣтьми Дениса Ивановича, будучи съ ними если не однихъ лѣтъ, то одного поколѣнія, оба относились къ крестницѣ ихъ тетушки и своей дальней побочной родственницѣ какъ-то особенно.

Теперь, когда оба барина были уже молодые люди—женихи, а Змглодушка, дѣвушкой невѣстой, отношенія были какъ будто холоднѣе, а собственно эти отношенія стали менѣе дѣтскими, осторожными. Дѣйствительно, въ отношеніяхъ обоихъ братьевъ къ Сусаннѣ Денисовнѣ явилось что-то крайне сомнительное. Чужой человѣкъ и дальновидный, явившись въ Высоксу, конечно, сейчасъ замѣтилъ бы, что оба брата просто влюблены въ молодую дѣвушку.

Умная Сусанна относилась къ обоимъ тоже неравнодушно, но къ кому предпочтительнѣе лежало ея сердце—было неизвѣстно. Даже въ семьѣ полагали, что Саня обоихъ молодыхъ господъ одинаково жалуетъ.

Отказъ на предложеніе руки и сердца молодого офицера заставилъ, однако, многихъ вдругъ воскликнуть, если не въ слухъ, то мысленно.

Неужели же дочь прежняго оберъ-рунта настолько о себѣ возмечтала? Какая она ни на есть умница и красавица, все же считать господъ Басановыхъ себѣ ровней — даже дерзость. Она должна помнить, что ея отецъ, если не былъ крѣпостнымъ холопомъ ихъ дѣда, то былъ вольнонаемнымъ холопомъ. И если бы, благодаря своему уму и энергіи, не попалъ въ должность оберъ-рунта, то былъ бы, по всей вѣроятности, простымъ лакеемъ, пожалуй, хоть бы даже потомъ и дворецкимъ. Только его «мастерство» на всѣ руки сдѣлало его на время грозой всей Высоксы, сдѣлало его страшнымъ орудіемъ въ рукахъ стараго барина.

Впрочемъ, подозрѣніе, что Сусанна Денисовна хитро старается нравиться обоимъ братьямъ и какъ будто разсчитываетъ на нихъ, какъ на жениховъ, держалось недолго. Было извѣстно, что хотя она нравится Олимпію Дмитріевичу, но онъ постоянно повторяетъ, что ранѣе сорока лѣтъ не женится, а, можетъ, и совсѣмъ никогда не женится.

— На кой прахъ идти подъ вѣнецъ!—постоянно говорилъ онъ.— И кой шутъ это выдумалъ!

Что касается Аркадія Дмитріевича, то мысль, что онъ вздумаетъ на комъ либо жениться, казалась совершенно нелѣпою. Всѣмъ представлялось, что Аркадій Дмитріевичъ долженъ еще лѣтъ десять пропрыгать, какъ мальчуганъ, забавляясь всякими пустяками.

И въ этомъ всѣ ошиблись. Никто и не подозрѣвалъ, какъ давно, сильно и глубоко былъ Аркадій привязанъ къ красивой крестницѣ своей тетки. Впрочемъ, это, можетъ быть, случилось потому, что самъ молодой человѣкъ будто не зналъ, какъ именно относится онъ къ Змглодушкѣ. Онъ сжился съ своимъ чувствомъ и никогда не размышлялъ о немъ. Когда оно возникло, онъ былъ самъ слишкомъ юнъ, полуотрокъ и ни о чемъ не разсуждалъ. А теперь это безсознательное чувство какъ-то слилось съ его существованіемъ. Думать о томъ, любитъ ли онъ Сусанну Денисовну, какъ любитъ, какимъ образомъ и до какой степени,—было бы то же, если бы онъ вдругъ началъ думать, почему онъ бѣлокурый, а не брюнетъ, и съ какихъ поръ волосы посвѣтлѣли и какимъ образомъ, почему?..

Казалось, что только какой либо внѣшній толчекъ, какое нибудь особенное и внезапное обстоятельство можетъ заставить его отнестись сознательно къ его отношеніямъ съ дѣвушкой и спросить себя: что она ему?

Конечно, теперь, когда Аркадію было уже за двадцать лѣтъ, онъ зналъ, что есть на свѣтѣ существо, которое имѣетъ настолько значенія въ его жизни, что заставляетъ на все въ мірѣ смотрѣть своими глазами, или какъ бы чрезъ нее. Теперь часто и все чаще приходило ему въ голову, что Сусанна должна бы была стать его подругой жизни.

Если до сихъ поръ Аркадій ни разу не обратилъ вниманія ни на одну дѣвушку въ Высоксѣ, если онъ даже иногда защищался отъ иной назойливой красавицы, которой нравился, то это было ради Сусанны.

Его чувство къ ней не дозволяло ему кѣмъ либо увлечься, хотя бы ради простой прихоти, временно и шутя...

И всѣ считали барина Аркадія Дмитріевича тюфякомъ, мякиной и плаксой... А это была мягкая, но страстная натура, способная на истинное глубокое чувство, на отвагу при самооборонѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Графъ Е. А. Саліасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ [1].

XXVI.

Убійство герцога Энгіенскаго.—Преслѣдованіе роялистовъ въ Парижѣ.—Судъ надъ ними.—Братья Полиньякъ.—Жоржъ Кадудаль.—Дѣйствія Бонапарта.—Провозглашеніе его императоромъ.—Отъѣздъ гр. В. Н. Головиной изъ Парижа. — Путешествіе по Германіи.—Кассель, Веймаръ.

ОНАПАРТЪ готовилъ новое убійство. Онъ предложилъ совѣту захватить герцога Энгіенскаго, представляя его, какъ заговорщика. Но совѣтъ отклонилъ его предложеніе. Бонапартъ настаивалъ и, выйдя изъ совѣта, тотчасъ отправилъ презрѣннаго Коленкура въ Роттенгеймъ въ великое герцогство Баденское, на правомъ берегу Рейна, гдѣ находился герцогъ Энгіенскій; по приглашенію перваго консула, приказано было привезти его немедленно въ Парижъ. Несмотря на это насиліе, герцогъ не подозрѣвалъ, что его везутъ на смерть. Его продержали въ Парижѣ всего нѣсколько часовъ, а затѣмъ отправили въ Венсенскій замокъ, принадлежавшій ранѣе его отцу. Быстрота этого путешествія изнурила его; онъ бросился на кровать въ приготовленной для него комнатѣ и заснулъ безмятежнымъ сномъ невинности. Въ полночь его разбудили. «Что вамъ угодно?»—спросилъ онъ. «Вы должны идти на допросъ»,—отвѣтили ему. «Зачѣмъ?»—спросилъ онъ, но не получилъ на этотъ вопросъ отвѣта и спокойно послѣдовалъ за своими проводниками. Когда онъ явился передъ своими судьями или, вѣрнѣе, передъ своими палачами, его спросили только о его имени и при-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 766.

говорили къ смертной казни; онъ попросилъ священника, ему отказали. «Достаточно искренней молитвы, чтобы получить прощеніе отъ Бога», — сказалъ онъ, бросился на колѣни и сталъ горячо молиться; затѣмъ всталъ со словами: «Теперь кончайте скорѣе». Его повели ко рву замка; ночь была темная, ему привязали къ груди фонарь, чтобы не потерять его изъ виду и хотѣли завязать ему глаза. «Бурбонъ сумѣетъ умереть»,—сказалъ онъ. «Становитесь на колѣни»,—сказали ему. «Я становлюсь на колѣни только передъ Богомъ». Раздались девять выстрѣловъ, герцогъ упалъ въ ровъ, его засыпали землей.

Я узнала о его пріѣздѣ въ Парижъ въ тотъ же вечеръ. Зная, что первый консулъ арестуетъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ короля, которыхъ вѣроломный М. привлекалъ въ Парижъ, мы испытывали вполнѣ основательныя опасенія. Пишегрю былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ; онъ жилъ въ Парижѣ уже три мѣсяца, его арестовали. (Онъ былъ задушенъ въ тюрьмѣ, и его смерть старались объяснить самоубійствомъ). На другой день послѣ пріѣзда въ Парижъ герцога Энгіенскаго и его убійства, ко мнѣ пришла г-жа де-Тарантъ, блѣдная, едва держась на ногахъ. Она сказала мнѣ съ выраженіемъ отчаянія: «Герцогъ Энгіенскій умерщвленъ сегодня ночью; Дюра только что сообщилъ мнѣ это». Я была поражена и глубоко потрясена этой новостью. Этотъ звѣрскій поступокъ взволновалъ общество и народъ. Даже извергъ Тюріо сказалъ, что это была потребность выпить стаканъ человѣческой крови [1]). Стѣны на улицахъ покрылись афишами, полиція ихъ срывала, но на другой день онѣ снова появлялись. Имена Коленкура, Савари, произносились съ ужасомъ: одинъ привезъ жертву въ Парижъ, другой предсѣдательствовалъ при казни. Полиція искала всюду братьевъ Полиньякъ и добродѣтельнаго Жоржа (Кадудаля); всѣ добрые люди трепетали за нихъ и желали спасти ихъ. Именно въ это время распространилось извѣстіе, что Бонапартъ провозгласилъ себя императоромъ. Былъ сдѣланъ общій призывъ къ націи для того, чтобы былъ утвержденъ новый актъ честолюбія; но подписи не могли наполнить даже и одной страницы. Между тѣмъ изъ города никого не выпускали безъ билета. Г-жа де-Шаро, которой понадобился билетъ, чтобы отправиться въ свой замокъ, принуждена была сама пойти въ префектуру за билетомъ; тамъ она видѣла, какъ народъ приводили съ улицы насильно для подписыванія; среди другихъ тамъ находился старый угольщикъ, который спросилъ: «Vous voulez, que je chine; si je ne chine pas, pourrais-je porter mon charbon?» Ему отвѣтили утвердительно. «Alors je ne chinerai pas». Г-жа де-Шаро употребила надъ собой всѣ усилія, чтобы не засмѣяться.

---

[1]) Фуше сказалъ: «это хуже преступленія: это ошибка». Слова ужасныя, но характерныя. • Прим. гр. В. Н. Головиной.

Г-жа Идалія Полиньякъ, жена старшаго брата, которая не подозрѣвала, что ея мужъ находится въ Парижѣ, предложила мнѣ прійти ко мнѣ заняться музыкой, съ условіемъ, чтобы двери были заперты, и чтобы съ нами никого не было, кромѣ Ривьера, который будетъ аккомпанировать намъ, и г-жи де-Тарантъ, которая бы насъ слушала. Г. Ривьеръ пришелъ въ назначенный часъ, но было уже 9, 10 часовъ, а г-жа Идалія еще не приходила; теряясь въ догадкахъ, мы прождали ее весь вечеръ. На другой день я съ удивленіемъ и съ горемъ узнала, что г-жа Идалія Полиньякъ и г-жа Водрейль-Караманъ арестованы. Я побѣжала къ г-жѣ де-Суршъ, но нашла ея квартиру запертой; мои опасенія послѣ этого еще болѣе увеличились. Я отправилась за справками о новыхъ двухъ жертвахъ и, возвратясь домой, нашла записку отъ г-жи де-Суршъ, въ которой она писала, что не приняла меня изъ предосторожности, и что я была въ числѣ заподозрѣнныхъ, что на допросѣ, которому подверглась ея сестра, мое имя было произнесено; ей сказали, что ея связь со мной была ей извѣстна, что, вѣроятно, она ждетъ отъ Россіи пенсіи. Г-жа де-Водрейль отвѣтила, что она дѣйствительно была дружна со мной, что я для нея сдѣлала все, на что способна великодушная дружба, что я всегда была готова помочь страждущимъ, что она всю свою жизнь будетъ чувствовать ко мнѣ привязанность и благодарность, но что она никогда не думала просить у Россіи пенсіи. «Мы скоро узнаемъ, что это за иностранная подруга»,—сказали ей,—«мы отправимся къ ней, чтобы посмотрѣть, какъ насъ примутъ». Благодаря этой угрозѣ, г-жа де-Суршъ не приняла меня изъ боязни повредить, но это еще усилило мое желаніе пойти къ ней. Я тотчасъ же и поѣхала къ ней, чуть не выломала у нея дверь; мое появленіе удивило и тронуло ее. «Не бойтесь ничего»,—сказала я ей,—«я увѣрена, что я замѣшана въ дѣло г-жи Водрейль, и спокойно жду этихъ господъ; пусть они явятся ко мнѣ, и я велю выбросить ихъ всѣхъ за окно». И дѣйствительно, пришли на другой день, но видъ нашей обстановки показался имъ слишкомъ внушительнымъ для того, чтобы оскорбить меня, и они удалились.

Г-жа де-Полиньякъ находилась въ плачевномъ состояніи и сильно безпокоилась за своего мужа и за своего деверя. Г-жа Бранка, ея двоюродная сестра, просила, чтобъ ее заключили вмѣстѣ съ ней, но послѣ усиленныхъ настояній и доводовъ, поддержанныхъ врачемъ, утверждавшимъ объ опасномъ положеніи г-жи де-Полиньякъ, она просила перенести ее къ себѣ и получила разрѣшеніе, но лишь на условіи, что она будетъ считаться арестованной, и что никто не будетъ видѣть ее. Г-жа де-Бранка написала мнѣ всѣ эти подробности чрезъ горничную своей двоюродной сестры, на вѣрность и разсудительность которой она вполнѣ полагалась. Я рѣшила повидаться съ ними на другой же день. Я прошла черезъ свой садъ и садъ г-жи де-Верракъ и черезъ нижній этажъ ея дома вышла на

улицу Верренъ. Въ первый разъ въ жизни я очутилась одна вечеромъ на улицѣ. Я шла вдоль стѣны, чтобы не быть раздавленной. Проходя мимо воротъ дома г-жи де-Ж. Г., я увидѣла женщину, сидящую подъ воротами съ корзиной завядшихъ цвѣтовъ; она просила меня купить у нея. «Они завяли, моя милая»,—сказала я ей. Она нагнулась ко мнѣ и сказала мнѣ на ухо съ грустью и безпокойствомъ: «Сударыня, я бѣдная нищая, переодѣтая цвѣточницей; съ тѣхъ поръ, какъ онъ—императоръ, арестуютъ всѣхъ бѣдныхъ на улицѣ и отправляютъ ихъ въ Сальпетріеръ, гдѣ обращаются съ ними, какъ съ собаками. Онъ хочетъ доказать, что нѣтъ бѣдныхъ, тогда какъ они вездѣ». Я дала ей 6 франковъ и поспѣшила уйти отъ нея. Придя на улицу Банъ, которую я должна была пройти для того, чтобы выйти на улицу Ла-Планшъ, я была остановлена грязнымъ ручьемъ, протекавшимъ среди улицы. Была страшная грязь, и я боялась сдѣлать опасный прыжокъ и стояла въ недоумѣніи у этого ручья, ошеломленная шумомъ экипажей и повозокъ и криками различныхъ продавцовъ, которые проходили мимо меня, какъ вдругъ ко мнѣ подошли два весьма приличныхъ на видъ незнакомца и предложили мнѣ самымъ почтительнымъ образомъ вывести меня изъ затрудненія. Я воспользовалась ихъ любезностью. Поблагодаривъ ихъ, я отправилась на улицу Ла-Паншъ, гдѣ находился отель г-жи де Ла-Бранка. Я довольно долго стучала молоткомъ, осматривалась по сторонамъ, чтобы увидѣть, не наблюдаютъ ли за мной; я боялась повредить г-жѣ Идаліи, но мнѣ хотѣлось дать ей положительное доказательство моей къ ней дружбы; сознаніе добраго дѣла придаетъ смѣлость и непреклонность волѣ. Наконецъ привратникъ отворилъ мнѣ дверь, я проскользнула въ большой дворъ и подбѣжала къ двери флигеля, гдѣ находилась бѣдная Идалія. Я нашла ее въ страшно возбужденномъ состояніи. Она тронула меня до глубины души. Она приняла меня съ распростертыми объятіями; мы много говорили о несчастіяхъ и горестяхъ, которыя угрожали ея кузинѣ. Я оставила ее въ сумеркахъ; когда я вновь подошла къ ручью, въ виду быстро наступающей ночи, я собралась съ духомъ, сдѣлала удивительный скачекъ и возвратилась домой съ сердцемъ, полнымъ страданія и тревогъ. Жоржъ Кадудаль былъ арестованъ въ то время, когда проѣзжалъ по улицѣ въ кабріолетѣ. Онъ жилъ въ Парижѣ уже 6 мѣсяцевъ. Братья Полиньякъ, маркизъ де-Ривьеръ, Корте, Викторъ, пажъ Людовика XVI, и много другихъ вѣрныхъ слугъ Людовика XVI были заключены въ Тампль, гдѣ производилось ихъ дѣло.

Моро былъ заподозрѣнъ и присоединенъ къ нимъ. Негодованіе общества достигло высшей степени. Чудовище же трепеталъ самъ и не спалъ двухъ ночей къ ряду на одномъ мѣстѣ; большую часть дня онъ проводилъ на бельведерѣ замка въ Сенъ-Клу съ подзорной трубой, направленной на Парижскую дорогу, постоянно боясь пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о возмущеніи. Г-жа де Ла-Рошфуко,

которую я встрѣчала у Августины Турсель, говорила ей, что ей часто случалось находиться втроемъ съ первымъ консуломъ и его женой, что Бонапартъ былъ очень молчаливъ и забавлялся прорѣзываніемъ мебели перочиннымъ ножомъ, который всегда держалъ при себѣ, и что его настроеніе можно было узнать по движенію руки. Какое счастливое состояніе души! Въ сердцѣ—адъ, а за его широкимъ лбомъ — демонъ гордыни! Г-жа Дюгазонъ, давнишняя знаменитая артистка комической оперы, уходила со сцены. Ей назначили послѣдній бенефисъ; артистки Comédie française выбрали для спектакля пьесу «Сарторій»: въ одной сценѣ въ этой пьесѣ Помпей сжигаетъ, не читая, списокъ заговорщиковъ. Они хотѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать извергу урокъ. Бонапартъ явился въ театръ; когда дошли до упомянутой сцены, онъ поблѣднѣлъ, ротъ его покривился. Я сказала тремъ сестрамъ Турсель, которыя были со мной: «онъ задохнется отъ бѣшенства». Но онъ всталъ, рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ стулъ и удалился изъ театра. Его отъѣздъ произвелъ шумъ въ партерѣ. Бонапартъ возвратился домой въ ярости.

Онъ занялся возвышеніемъ своихъ родственниковъ и раздавалъ имъ различные титулы. Его сестры и невѣстки стали вдругъ принцессами крови. Крикуны выкрикивали объ этомъ на улицахъ; торговки, услыхавъ объ этомъ, стали давать себѣ титулы, въ родѣ, напримѣръ, princesse d'asperge (принцесса спаржи), princesse d'épinard (принцесса шпината) и т. д. Ихъ отвели въ полицію; онѣ отвѣчали тѣмъ, кто арестовалъ: «Что бы вы ни дѣлали, мы все-таки останемся принцессами». Когда принцессы крови появились въ первый разъ въ театрѣ, въ публикѣ раздались голоса въ партерѣ, напоминавшіе объ Энгіэнской крови. Появились стихи о концѣ существованія республики:

L'indivisible citoyenne
Qui ne devait jamais périr,
N'a pu supporter sans mourir,
L'opération césarienne.

Grands parents de la république,
Grands raisonnements en politique,
Dont je partage la douleur,
Venez assister en famille
Au grand convoi de votre fille
Morte en couche d'un Empereur.

Я была чрезвычайно рада, когда узнала, что русскій дворъ носитъ трауръ по герцогѣ Энгіенскомъ; въ Парижѣ это произвело сильное впечатлѣніе въ кругу благонамѣренныхъ людей. Г-нъ Морковъ приготовлялся къ отъѣзду, и я съ огорченіемъ видѣла тоже необходимость покинуть страну, гдѣ я снова нашла счастье и благоденствіе.

Г-жа де-Шатильонъ, мать г-жи де-Тарантъ, просила меня навѣстить когда нибудь утромъ. Когда я пришла къ ней, она послѣ нѣкотораго колебанія сказала мнѣ: «Я хочу просить васъ, чтобы вы взяли съ собой въ Россію мою дочь». Эти слова произвели на меня невыразимое дѣйствіе: у меня не хватало духу предаться радости при видѣ скорбной нѣжности матери. Я стояла молча, отвѣтивъ только наклоненіемъ головы въ знакъ согласія, но замѣтивъ, что она внимательно смотритъ на меня, какъ бы ожидая отвѣта, я сказала ей: «Я поѣду не раньше, какъ черезъ 6 недѣль», и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Я находилась въ большомъ затрудненіи, не зная, какимъ образомъ достать паспортъ для г-жи де-Тарантъ, такъ какъ она не хотѣла вычеркивать своего имени изъ числа списка эмигрантовъ, и я боялась, что обратятъ на нее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ начинали высылать женщинъ. Всѣ, къ кому я ни обращалась, не могли мнѣ дать совѣта. Въ это время, когда я находилась въ такомъ затрудненіи, мнѣ однажды докладываютъ о приходѣ лакея г-на Шуазель-Гуфье; лакей передалъ мнѣ письмо и громадный министерскій портфель, запертый на ключъ. Г-нъ Шуазель въ своемъ письмѣ просилъ, умолялъ, заклиналъ меня простить его за смѣлость, которая, писалъ онъ, была слѣдствіемъ его глубокаго уваженія и довѣрія, которое я ему внушала. Благодаря своимъ сношеніямъ съ Моро, онъ подвергался опасности быть арестованнымъ, и поэтому просилъ меня взять на храненіе его бумаги, которыя показали бы его образъ мыслей; его письмо заканчивалось цѣлымъ потокомъ восхищеній по поводу характера моего поведенія въ Парижѣ. Я сдѣлала видъ, будто вѣрю всему этому, но между тѣмъ я ясно видѣла, что онъ побуждаетъ меня дать отчетъ о чистотѣ его убѣжденій въ Россію. Трудно не подозрѣвать этого: его дружба съ Талейраномъ и все, чѣмъ онъ пользовался, благодаря его милости, все говорило противъ него; большая часть его имѣній были ему возвращены, а также всѣ древности, собранныя имъ во время его путешествій; его дворъ былъ наполненъ капителями и разбитыми колоннами замѣчательной красоты. Все это доказываетъ, что милости эти были приняты имъ отъ Бонапарта. Герцогиня де-Жевръ просила меня позволить ей привезти ко мнѣ г-жу Шуазель-Гуфье, почтенную и интересную женщину, которая стояла по своимъ душевнымъ качествамъ гораздо выше своего мужа. Я приняла ее съ радостью и съ живымъ интересомъ и два дня спустя возвратила ей визитъ. Г-нъ Шуазель во время моего визита смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ; онъ не видалъ меня съ тѣхъ поръ, какъ послалъ мнѣ свой портфель; очевидно, онъ боялся, чтобы я не проговорилась объ этомъ при его женѣ: ему было неловко признаться ей въ своей двуличности. Я ни однимъ словомъ не обмолвилась объ этомъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пошутить надъ нимъ. Я говорила о моемъ отъѣздѣ и о моемъ затрудненіи получить паспортъ для г-жи де-Тарантъ. Мы условились съ нимъ о часѣ,

когда онъ пришлетъ мнѣ лицо, завѣдующее этимъ дѣломъ. Я просила г-жу де-Тальмонъ, невѣстку г-жи де-Тарантъ, прійти помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ я не имѣла никакого понятія о правилахъ и формальностяхъ въ этомъ государствѣ. Она сидѣла у меня, когда доложили о приходѣ этого таинственнаго человѣка. Одна его фигура возбуждала нѣкоторое удивленіе. Представьте себѣ человѣка уже немолодого, длиннаго, сухаго, съ худымъ безобразнымъ лицомъ оливковаго цвѣта, съ черными, какъ уголь, пронизывающими глазами, длиннымъ острымъ носомъ, блѣдными тонкими губами; вся его фигура походила на скелетъ. На немъ былъ свѣтло-сѣрый костюмъ съ полосатымъ жилетомъ, свѣтло-сѣрые панталоны и такіе же чулки, на ботинкахъ маленькія пряжки. Волосы его были зачесаны по старой модѣ съ буклей за ушами и косой попрусски. Никогда я не видѣла болѣе мрачной фигуры. Я нѣсколько минутъ стояла молча; этотъ странный человѣкъ не внушалъ мнѣ никакого довѣрія; наконецъ я спросила его, можетъ ли онъ достать паспортъ для одной особы, записанной въ число эмигрантовъ, паспортъ по всѣмъ правиламъ, чтобы имѣть возможность выѣхать на воды въ Германію. Онъ отвѣтилъ гробовымъ голосомъ: «Отчего же нѣтъ». «Но что же нужно сдѣлать для этого?»—«Я приду сказать вамъ объ этомъ завтра вечеромъ. Тогда же вы мнѣ сообщите имя этой особы, хотя я его уже знаю».—«Кто же это?»—«Г-жа де-Тарантъ». Я дала ему луидоръ за его драгоцѣнный визитъ. Онъ сдѣлалъ поклонъ съ такой напускной улыбкой, что я не могла удержаться отъ гримасы, глядя на него. На другой день онъ принесъ необходимыя бумаги и сказалъ, что г-жа де-Тарантъ должна отправиться съ нимъ къ нѣкоторымъ рабочимъ его квартала, чтобы взять ихъ въ качествѣ свидѣтелей, которыхъ она могла выбрать сама. Пришлось подчиниться этой формальности, и я дала ему 2 луидора за его второй визитъ. Черезъ два дня онъ принесъ паспортъ, прося г-жу де-Тарантъ послѣдовать за нимъ въ префектуру. Хотя все дѣло было исполнено по закону, мы не могли отдѣлаться отъ нѣкотораго страха. Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ пойти съ ней подождать г-жу де-Тарантъ на набережной у префектуры, и мы прождали около часу въ неизъяснимомъ страхѣ; наконецъ къ нашей радости она явилась съ паспортомъ, даннымъ ей по всѣмъ правиламъ, снабженнымъ всѣми подписями начальствующихъ лицъ, между прочимъ и Талейрана.

Братья Полиньякъ были арестованы. Идалія получила нѣкоторыя льготы и разрѣшеніе посѣщать своего мужа въ тюрьмѣ, куда ее сопровождала ея кузина, г-жа де-Бранка. Дворъ Тампля былъ всегда полонъ народомъ, выказывавшимъ поразительное участіе къ несчастнымъ жертвамъ, которыя вскорѣ были переведены въ Conciergerie; у воротъ этой тюрьмы собиралось еще больше народа. Идалія и г-жа де-Бранка разсказывали мнѣ, что всякій разъ, когда онѣ приходили, народъ бросался къ нимъ навстрѣчу, спрашивая, нѣтъ ли какой нибудь надежды, и выказывая самое живое участіе.

Не задолго до казни всѣ арестованные собрались въ одной комнатѣ; днемъ стража находилась съ ними, стоя у дверей. Однажды вечеромъ, когда г-жа де-Полиньякъ, ея кузина и г-жа де-Моро пришли въ тюрьму, Жюль де-Полиньякъ, младшій изъ братьевъ, ходилъ по комнатѣ и вдругъ проговорилъ, показывая на сторожей: «Эти господа очень скверно обращались съ нами въ Тамплѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ они начинаютъ узнавать насъ, они стали мягче, и я готовъ биться объ закладъ, что пробудь мы здѣсь еще мѣсяца два или три, я бы командовалъ ими». При этихъ словахъ сторожа сняли шапки. Жюлю было въ то время 22 года; трудно было найти фигуру болѣе изящную, какая была у него.

Начался процессъ; засѣданія продолжались отъ 7 часовъ утра до 4 или 4½ часовъ по полудни. Отвѣты, даваемые обвиненными, были восхитительны; они выказывали преданность своему законному государю съ тѣмъ благороднымъ безстрашіемъ, которое заставляетъ трепетать преступленіе и обезоруживаетъ гонителей, такъ что судьи теряли головы. Залъ былъ полонъ солдатами, призванными для поддержанія порядка. Зрители были тронуты до глубины души отважностью и преданностью жертвъ и возмущались коварствомъ и вѣроломствомъ судей, которые, несмотря на все свое искусство, потерпѣли неудачу. Сочувствіе стражи къ подсудимымъ было такъ сильно, что въ короткое время ихъ смѣняли 3 или 4 раза. Жоржъ Кадудаль въ особенности возбуждалъ такое восхищеніе, что невозможно было скрыть его. Мой мужъ, который присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, часто возвращался домой весь въ слезахъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что однажды, когда допрашивали Жоржа, его спокойный видъ и простыя, но возвышенныя рѣчи дѣйствовали на него такъ, что съ своего возвышенія, на которомъ онъ находился, онъ не могъ оторвать отъ него глазъ. Растроганное лицо моего мужа произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ сдѣлалъ ему легкій поклонъ. Мой мужъ гордился этимъ отличіемъ и не могъ говорить равнодушно объ этомъ. Всѣ присутствующіе содрогнулись, когда въ послѣднемъ засѣданіи судьи вынесли смертный приговоръ Жоржу, Кортэ, Сенъ-Виктору, Пико, слугѣ Жоржа, маркизу де-Ривьеръ, Арману де-Полиньякъ и 20 другимъ лицамъ. Нельзя не сочувствовать мученіямъ, которымъ подвергли Пико; ему прикладывали раскаленное желѣзо къ пяткамъ, раздробили большіе пальцы на рукахъ, все для того, чтобы заставить его выдать своего господина; но онъ не выдалъ его: золото, которое ему давали, было отвергнуто имъ съ презрѣніемъ. Онъ раздѣлялъ заточеніе вмѣстѣ съ Жоржемъ; подвергся тому же приговору и на судѣ, въ присутствіи публики, разсказывалъ объ истязаніяхъ, которымъ его подвергали. Жоржъ де-Полиньякъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію; когда онъ услышалъ приговоръ, произнесенный надъ его братомъ, онъ хотѣлъ умереть за него или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ нимъ. Арманъ противодѣйствовалъ этому

братскому самоотверженію; между ними завязалась такая трогательная борьба, что вся аудиторія заливалась слезами. Они стояли, обнявъ другъ друга; Жоржъ былъ готовъ умереть; но непоколебимые судьи не измѣнили своего приговора.

Бѣдная Идалія была уничтожена. Мой мужъ возвратился съ этого засѣданія въ полномъ отчаяніи. Онъ вошелъ въ гостиную съ выраженіемъ такого страданія, что мы всѣ были поражены; сквозь рыданія онъ разсказалъ намъ о зрѣлищѣ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. У меня была въ это время г-жа Сентъ-Адельгондъ, женщина съ открытымъ характеромъ; она бросилась на шею моему мужу, восклицая: «какой вы достойный человѣкъ!»

Г-жа де-Полиньякъ увидѣла необходимость обратиться за помощью къ г-жѣ Бонапартъ. Она упрашивала ее дать ей возможность просить за своего мужа у перваго консула. Ее повезли рано утромъ въ Сенъ-Клу. Войдя къ г-жѣ Бонапартъ, она упала въ обморокъ; послѣдняя дала ей всѣ доказательства добраго сердца. Она повела ее въ салонъ, черезъ который долженъ былъ пройти ея мужъ; она даже совѣтовала ей броситься на колѣни и называть его титулами, которые онъ себѣ присвоилъ.

Идалія согласилась на все, лишь бы спасти два дорогихъ ея сердцу существа. Когда первый консулъ появился, она бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала съ выраженіемъ самой глубокой скорби: «Государь, я прошу правосудія для моего мужа». Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. «Какъ вы можете просить за него»,—отвѣчалъ онъ,—«вѣдь онъ изъ числа тѣхъ,которые были посланы убить меня». При этихъ словахъ она быстро встала. «Вы не знаете нашихъ принцевъ»,—воскликнула она:—«они не могутъ руководить преступленіемъ». Такой смѣлый отвѣтъ смутилъ Бонапарта. «А кто поручится мнѣ за вашего мужа?»—отвѣтилъ онъ. «Семь лѣтъ супружества и семь лѣтъ счастья».—«Возвращаю вамъ вашего мужа, сударыня.» Приговоръ былъ отмѣненъ, оба брата Полиньякъ были присуждены къ 4-хъ-лѣтнему тюремному заключенію въ крѣпости Гамъ. 9 лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а вмѣсто обѣщанной свободы, они находятся въ еще болѣе ужасной тюрьмѣ, чѣмъ первая [1]) Маркизъ де-Ривьеръ былъ спасенъ отъ смерти, благодаря мольбамъ своей сестры; онъ провелъ 4 года вмѣстѣ съ Полиньяками, затѣмъ его перевели въ менѣе строгую тюрьму въ Страсбургѣ; въ настоящее время онъ отпущенъ на честное слово жить въ этомъ же городѣ, и пользуется большой свободой. Г-жа де-Полиньякъ оживилась надеждой; она поспѣшила къ мужу и къ зятю и отправила свою горничную ко мнѣ съ извѣстіемъ, что они спасены. Мы въ это время выходили изъ-за стола: всѣ, кто былъ у насъ, были внѣ себя

[1]) Прим. графини Головиной: они были освобождены только въ 1814 г. послѣ паденія Бонапарта и реставраціи Бурбоновъ.

отъ радости при этомъ извѣстіи. Я побѣжала къ Идаліи, чтобы поздравить ее: ея маленькая комната была полна народомъ. Я бросилась къ ней на шею, г-жа де-Бранка нѣжно поцѣловала меня и затѣмъ бросила меня въ объятія своей старой свекрови, которой я никогда не видѣла, и въ объятья своего мужа, а затѣмъ всѣ они бросились цѣловать этого почтеннаго человѣка; толкали меня къ какому-то господину въ очкахъ. «Это адвокатъ, который такъ хорошо защищалъ наше дѣло», говорили мнѣ. Я была такъ ошеломлена всѣми этими изліяніями, что у меня закружилась голова, и въ концѣ концовъ я стала смѣяться, какъ ребенокъ.

Я съ огорченіемъ видѣла, что день моего отъѣзда приближался: я не могла разстаться равнодушно съ людьми, съ которыми я была связана нѣжной дружбой.

Оставшимся временемъ я пользовалась, чтобъ совершать прогулки по окрестностямъ Парижа, которыя, благодаря своему разнообразію, всегда открывали для меня что нибудь новое. Я отправилась въ Près de Gervait (поле Жерве) съ г-жей де-Тарантъ, г-жей де-Беарнъ и княгиней де-Тальмонъ. Это поле занимаетъ небольшое пространство земли, все покрытое сплошь кустами сирени, что пріятно дѣйствуетъ и на обоняніе. Нѣжный запахъ сирени напоминаетъ свѣжесть молодости. Мы отправились затѣмъ въ лѣсъ Раменвиллье, принадлежавшій г-жѣ де-Монтесонъ; мы сѣли противъ группы крестьянъ. Какая-то упрямая старуха бранила молодую дѣвушку, грустный и смущенный видъ которой забавлялъ мальчугана-шалуна, стоявшаго подлѣ нихъ; ребенокъ, стоя на колѣняхъ на столѣ, ѣлъ изъ корзины какіе-то плоды. Все это представляло деревенскую картинку, которую я нарисовала въ моей памятной книжкѣ. Нѣсколько штриховъ, взятыхъ съ натуры, имѣютъ больше цѣны и производятъ больше впечатлѣнія, чѣмъ даже очень тщательно обработанный рисунокъ. Совершенно вѣрно говорятъ, что нѣтъ ничего прекраснѣе правды: одна правда способна привлекать сердца. Святая Тереза говоритъ, что воображеніе есть la folle de la maison; это такъ, если ему дать свободу бродить безъ удержу, но когда имъ руководитъ правда, оно становится полезнымъ товарищемъ, который безъ устали всегда насъ переноситъ въ прошедшее и будущее: оно помогаетъ мысли, украшаетъ ее, придаетъ красоту выраженію картины. Богъ далъ намъ всѣ средства, чтобы дѣйствовать морально и физически; отъ насъ зависитъ приводить въ порядокъ это сокровище и заводить машину нашихъ дѣйствій, размѣщая цѣлесообразно и точно ея части.

Участіе, которое я приняла въ г-жѣ Идаліи, тронуло ее до глубины души, и она всячески старалась дать мнѣ доказательство своихъ нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ. День моего отъѣзда приближался, мои добрые друзья покидали меня какъ можно меньше. Г-нъ Морковъ уѣхалъ. До моего отъѣзда оставалось только 2 или 3 недѣли.

Когда я однажды гуляла съ Полиной де-Беарнъ, она сказала мнѣ: «Мой другъ, съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что вы уѣзжаете, мое сердце страдаетъ, чѣмъ я могу вамъ это выразить, и отъ вѣчной разлуки съ вами и отъ внутренняго волненія, котораго я не въ силахъ побѣдить; мнѣ кажется, что вы пріѣхали къ намъ, чтобы вернуть намъ хотя приблизительное счастье, и что послѣ вашего отъѣзда несчастіе будетъ снова тяготѣть надъ нами». Увы, ея предчувствіе оказалось болѣе чѣмъ вѣрнымъ: она перенесла тяжелыя несчастія; описаніе ихъ подробностей было бы слишкомъ длинно: достаточно сказать, что они таковы, что ихъ хватитъ ей на всю жизнь. Милость, добродѣтель и несчастье—вотъ ея девизъ.

Жертвы были поведены на эшафотъ на Гревскую площадь. Жоржъ, Кортэ, Сенъ-Викторъ, Пико вошли на эшафотъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ король!» Приверженцы Бонапарта окружали эшафотъ, чтобы не дать народу возможность услышать и дѣйствовать.

Моро, боясь смерти, написалъ Бонапарту письмо, какъ будто съ извиненіемъ; эта слабость будетъ вѣчнымъ пятномъ въ его исторіи. Они пришли къ соглашенію, и результатомъ этого соглашенія была ссылка Моро въ Америку. Для безопасности Бонапарта было необходимо, чтобы въ Парижѣ не было ни одного человѣка, который могъ замѣнить его. Братья Полиньякъ были сосланы, а также, какъ я упоминала выше, маркизъ де-Ривьеръ.

Я покинула Парижъ 26-го іюня, на другой день послѣ казни, въ 4 часа по полудни. Мои друзья пришли проститься со мною; мое сердце было переполнено страданіемъ и разставаніемъ со всѣми тѣми, которые меня любили, и болью, которую испытывала г-жа де-Тарантъ, разставаясь съ матерью. Здоровье моей матери начинало ослабѣвать: на другой день послѣ нашего выѣзда изъ Парижа у нея сдѣлался нервный припадокъ. Мое безпокойство достигло крайнихъ предѣловъ. Страшно было видѣть ее въ этомъ состояніи въ простой гостиницѣ и безъ всякой возможности помочь ей. Наконецъ Богъ смиловался надо мной, ей стало лучше, и мы перенесли ее въ карету. Движеніе и воздухъ совершенно привели ее въ себя. Пріѣхавъ въ Мецъ, мы остались тамъ ночевать, чтобы дать ей отдохнуть.

На другой день мы съ г-жей де-Тарантъ и дѣтьми пошли осматривать городъ. Мы вошли въ красивую церковь; я сѣла на ступеньки колонны, чтобы нарисовать перспективу; едва я начала работать, какъ какая-то женщина, одѣтая въ лохмотья, подошла къ одному изъ алтарей, который находился въ нижней части церкви; она горячо молилась, проливая потокъ слезъ. Мы смотрѣли на нее съ нѣжнымъ участіемъ и съ уваженіемъ къ ея страданіямъ. Когда она кончила, мои дѣти подбѣжали къ ней, чтобы дать ей милостыню; она вскрикнула и упала на колѣни и начала усердно молиться, принося благодареніе Богу. Довѣріе, вѣра этой женщины,

ея благодарность за Божіе милосердіе, которое прислалъ ей на помощь, доказываетъ намъ истину, которую мы всегда должны помнить: вѣрьте, просите, и дастся вамъ.

Проѣзжая Эльзасъ, я снова увидѣла чудную цѣпь Савернскихъ горъ. Въ Гейдельбергѣ я отправилась осматривать готическій за̀мокъ. Г-жа де-Тарантъ, мой мужъ и я поднялись по извилистой тропинкѣ, которая вела къ нему. Я съ большимъ интересомъ осматривала широкій дворъ, окруженный арками, и стѣны котораго были покрыты гербовыми щитами; эти украшенія—остатокъ рыцарства.

Въ Раштадтѣ мы отправились на кладбище, гдѣ покоятся убитые [1]) французскіе комиссары. Недалеко оттуда проходитъ дорога, ведущая въ Карльсруэ. Я немного прошлась по этой дорогѣ; моя мысль, казалось, была неразрывно связана съ чувствами, наполнявшими мое сердце. Въ жизни бываютъ моменты, когда человѣкъ не хотѣлъ бы имѣть ни воспоминаній, ни привязанностей, ему хотѣлось бы стать нѣмымъ, какъ могила, чтобы обратиться затѣмъ въ ничто.

Во Франкфуртѣ мы пробыли 2 дня. Я встрѣтила г-жу Тутолмину, которой я очень обрадовалась. Я ходила осматривать городъ, хотя отчасти уже была знакома съ нимъ. Меня поразила печальная музыка, которую исполняли студенты передъ однимъ домомъ, имъ аккомпанировалъ похоронный звонъ колоколовъ приходской церкви. Я съ любопытствомъ спросила, что это значитъ, и узнала, что это былъ странный нѣмецкій обычай сопровождать такимъ образомъ агонію умирающаго.

Въ главномъ соборѣ въ Марбургѣ находится мавзолей, сооруженный въ память принцессы венгерской Елисаветы, бывшей замужемъ за ландграфомъ Людовикомъ Тюрингскимъ. Церковь наполнена барельефами, напоминающими различныя событія изъ жизни этой принцессы. Мавзолей въ видѣ саркофага замѣчателенъ тонкой работой и богатствомъ драгоцѣнныхъ камней, которые составляютъ его украшеніе; въ особенности замѣчателенъ по своей величинѣ желтый брильянтъ, очень дорогой; ночью онъ свѣтится, какъ свѣча. Тѣло этой принцессы погребено въ этой церкви, но никто не знаетъ, въ какомъ именно мѣстѣ. Эта тайна хранится [2]) по волѣ ея супруга, который довѣ-

---

[1]) Въ 1798 году, послѣ разрыва Кронштатдскаго конгресса, Робержо, Жакъ Дебри и др. Это преступленіе было совершено убійцами, одѣтыми въ мундиры австрійскихъ гусаръ, но никто не сомнѣвался въ томъ, что это были комиссары французской директоріи. Примѣч. графини В. Н. Головиной.

[2]) Св. Елисавета пережила нѣсколькими годами своего супруга, умершаго въ Палестинѣ въ 1227 г. или 1228 г. Она умерла 17-го января 1231 года и была канонизована папой Григоріемъ IX; тѣло ея перевезено въ 1235 г. въ Перуджи. Неизвѣстно мѣсто ея погребенія, потому что ея останки были перемѣщены нѣсколько разъ и по различнымъ причинамъ. Думаютъ, что монументъ относится къ позднѣйшему времени, чѣмъ время ея канонизаціи.

Примѣч. графини Головиной.

рилъ ее монахамъ, унесшимъ ее съ собой въ могилу. Этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ въ 1235 г.

Въ Касселѣ я осматривала музей; тамъ находятся довольно рѣдкія камеи, плохія статуи и нѣсколько превосходныхъ картинъ фламандской школы. Тутъ находятся картины Рембранта, Богемса и въ особенности одна картина Павла Потера[1]), обратившая мое вниманіе. Затѣмъ, въ особой залѣ, мы увидѣли восковыя фигуры курфирстовъ, въ натуральную величину, въ парадныхъ одѣяніяхъ, помѣщенныя кругомъ. Затѣмъ намъ показали часовню самой тонкой архитектурной работы; она была построена ландграфомъ Карломъ.

Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его. Гробъ же его стоитъ въ церкви, находящейся недалеко отъ его могилы. Странныя свойства его души, своеобычная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся передъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями. Вѣчность существуетъ и для него; его небрежный костюмъ не помѣшаетъ ему войти въ жизнь вѣчную.

Я купила апельсиновъ въ колыбели его рожденія.

Веймарскій садъ чудесенъ. Герцогиня Марія (великая княгиня Марія Павловна) отсутствовала, когда я проѣзжала этотъ городъ[2]).

Каѳедральный соборъ въ Наумбургѣ, который изъ католическаго передѣланъ въ лютеранскій, одна изъ лучшихъ церквей, какія только существуютъ. Эта перемѣна доказываетъ, что она древнѣе другихъ церквей.

Я съ удовольствіемъ возобновила прогулки въ Лейпцигѣ. Я съ трогательнымъ интересомъ увидѣла террасу съ цвѣтами, о которой я говорила раньше.

---

[1]) Тотъ самый, котораго картина находится въ галлереѣ Эрмитажа, съ того времени, какъ императоръ Александръ купилъ коллекцію Мальмезонъ.

Примѣч. графини Головиной.

[2]) Она еще не была въ то время тамъ, потому что приблизительно въ это самое время, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1804 г., происходило ея бракосочетаніе въ Петербургѣ.

Примѣч. графини Головиной.

XXVII.

Дрезденъ.—Саксонская Швейцарія.—Смерть княгини П. И. Голицыной.—Путешествіе въ Богемію.—Возвращеніе въ Россію.—Митава.—Герцогиня Ангулемская.—Королевская фамилія.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Представленіе ко двору.—Политическія событія того времени.

Въ Мейссенѣ я поднялась на башню, съ которой открывался видъ на Дрезденъ. Я пріѣхала въ этотъ городъ съ сердцемъ, стѣсненнымъ отъ воспоминаній о графинѣ Шенбургъ. Мнѣ предстояло увидѣться впервые послѣ ея смерти съ ея матерью, княгиней Путятиной; столько волненій и слишкомъ основательныя безпокойства относительно здоровья моей матери дѣлали меня больной. Къ несчастію, я попала въ руки врача, пичкавшаго меня лѣкарствами. Я старалась, какъ только могла, скрыть свое безпокойство о матери. Я осматривала всѣ мѣста, которыя мнѣ описывала столько разъ графиня Шенбургъ въ своихъ письмахъ; я видѣла многое также вмѣстѣ съ княгиней Путятиной, участіе которой ко мнѣ, казалось, смѣшивалось съ ея печалью о дочери. Однажды она меня просила прійти одной къ ней послѣ обѣда. Я послѣдовала ея приглашенію. Она повела меня въ свою спальню, гдѣ находился портретъ графини Шенбургъ во весь ростъ довольно похожій. Видъ этого портрета меня очень взволновалъ. Княгиня попросила меня немного подождать, сказавъ, что она мнѣ сейчасъ принесетъ кое-что. Я осталась передъ портретомъ, смотря на него съ грустнымъ и сладкимъ чувствомъ. Вдругъ вошла княгиня и покрыла мнѣ лицо платьемъ, которое носила ея дочь въ день нашей разлуки. Воротникъ платья сохранялъ еще запахъ ея волосъ, надушенныхъ туберозой. Этотъ запахъ, форма ея тѣла, замѣтная на этомъ платьѣ, произвели на меня страшное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я вижу графиню Шенбургъ, слышу ея раздирающія душу рыданія, когда она прощалась со мною навѣки. Я почувствовала, что падаю въ судорогахъ: я осталась безмолвной, я сдѣлалась нечувствительной ко всему, что меня окружало и что происходило во мнѣ.

Пробужденіе было ужасно, я сознавала только мысль о могилѣ, скрывшей вѣчную дружбу. Я слишкомъ страдала и была слишкомъ огорчена, чтобы думать о представленіи ко двору курфюрста.

Я пошла посмотрѣть эту столь хваленую галерею, гдѣ я нашла нѣсколько chef d'oeuvre'овъ, попорченныхъ по недостатку присмотра. Успеніе Пресвятой Дѣвы Рафаеля выше всякихъ похвалъ. Ночь Корреджіо мнѣ не понравилась: на меня непріятно подѣйствовала спутанность ногъ и рукъ ангеловъ. Преувеличенныя похвалы всегда бываютъ въ ущербъ достоинству. Эта преувеличенность возбуждаетъ и заставляетъ восхищаться до того момента, когда про-

изведеніе представляется нашимъ взорамъ. Тогда, благодаря прирожденному намъ чувству сравненія и критики, очарованіе идеала разрушается. Ложныя репутаціи и ложныя впечатлѣнія исчезаютъ, какъ двигающіяся облака, въ которыхъ думаешь видѣть всякаго рода фигуры.

Врачъ мнѣ предписалъ побольше моціона, мужъ предложилъ мнѣ путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Я отправилась съ нимъ, съ принцессой Тарантъ и нѣсколькими другими особами. Мы начали съ Liebe Wal — прелестнаго мѣста, гдѣ мы пили сливки на мельницѣ, прекрасной по своему наиболѣе веселому и разнообразному расположенію. Когда мы покинули это мѣсто, нашимъ глазамъ представилась самая дикая и самая суровая природа. Громадныя скалы, долины, заключенныя между высокими, покрытыми лѣсомъ, горами, большія вѣтви, скрещивающіяся между собой, опасныя каменистыя тропинки, проложенныя необходимостью, источники, падающіе съ шумомъ до глубины долины, создавали суровый пейзажъ, который я съ удовольствіемъ обозрѣвала. Погода была очаровательна и спокойна. Мы ходили впродолженіе семи часовъ, предшествуемые проводникомъ. Мы вскарабкались на колѣняхъ на двѣ крутыя горы (Малый и Большой Виттенбергъ). Мы цѣплялись за вѣтви и корни, чтобы не упасть. Я была истощена, моя одышка почти всецѣло лишила меня силъ, принцесса Тарантъ меня дотащила до вершины одной изъ горъ, гдѣ находилось нѣчто въ родѣ бесѣдки. Мы остановились въ ней для отдыха и для того, чтобы полюбоваться видомъ мѣстъ, расположенныхъ по теченію рѣки Эльбы. Потомъ мы спустились съ горы черезъ густой дикій лѣсъ по тропинкѣ, покрытой камнями и терновникомъ. Тогда насъ настигла ночь. Природа безмолвствовала; между вершинами старыхъ деревьевъ замѣчались серебряные лучи луны, дававшіе слабый свѣтъ. Стукъ топора дровосѣка разносился эхомъ. Я испытывала чрезвычайное наслажденіе, которое доставляютъ только красоты природы. Это единственное дѣйствительное наслажденіе, которое никогда не исчерпывается, оно доступно всякому возрасту во всякое время. Опираясь на руку madame де-Тарантъ, я предавалась всѣмъ получаемымъ впечатлѣніямъ, пока мы не дошли до конца лѣса. Мы замѣтили у нашихъ ногъ крыши одной деревни, расположенной на берегахъ Эльбы. Этотъ новый пейзажъ былъ освѣщенъ тѣмъ болѣе поразительнымъ свѣтомъ, что онъ выходилъ изъ темнаго лѣса. Мы, казалось, висѣли на воздухѣ, хотя уже прошли три четверти спуска. Въ самомъ низу находилось судно, довезшее насъ до Пирны, гдѣ мы провели ночь передъ возвращеніемъ въ Дрезденъ. Пирнская долина живописна. Остатки разрушеннаго замка представляютъ собой наблюдательный пунктъ. Они возвышаются надъ частью горъ, а съ другой стороны надъ долинами, усѣянными деревнями.

Наши поѣздки заглушали иногда безпокойство, гнѣздившееся въ глубинѣ моего сердца. Блѣдность лица моей матери меня леденила, и если иногда я находила нѣкоторую надежду привезти ее на родину, это меня мало утѣшало, и я страдала потомъ еще болѣе. Постоянныя тревоги истощили всецѣло мое здоровье, я попрежнему выходила, но мысль о моей матери меня преслѣдовала всюду. Я съ удовольствіемъ встрѣтилась снова съ принцессой Луизой Прусской, которая нѣсколько разъ навѣстила меня и обѣдала у меня съ братомъ, принцемъ Людовикомъ, погибшимъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ войнѣ противъ французовъ. Онъ былъ почти всегда жертвой обстоятельствъ и если сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, то только потому, что не былъ на своемъ мѣстѣ. Этотъ принцъ имѣлъ великую душу; не стѣсняемый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ заблуждаться, и воображеніе его увлекло. Горячность и потребность отличиться привели его къ смерти.

Я приближаюсь къ печальному времени, къ страшной минутѣ, когда я потеряла мать.

Я была больна болѣе обыкновеннаго. Довольно сильная лихорадка держала меня въ комнатахъ. Моя мать проводила весь день со мной. Она была замѣчательно блѣдна и порой впадала въ глубокій бредъ. Я не могла отвести съ нея глазъ и страшно о ней безпокоилась. Она оставила меня, чтобы пойти обѣдать, и вернулась вечеромъ. Въ половинѣ 11-го встала, чтобы попрощаться со мной, обняла меня съ обычной нѣжностью, благословила меня и удалилась. Въ 11 часовъ я къ ней отправила свою горничную, которая обыкновенно присутствовала при ея раздѣваніи, и услуги которой ей нравились. Я ее ожидала съ нетерпѣніемъ, желая знать, расположена ли моя мать отдыхать; мои дѣти спали, madame де-Тарантъ пошла молиться въ сосѣднюю комнату, я уже лежала. Вдругъ прибѣжала моя горничная съ очень смущеннымъ видомъ и сказала взволнованнымъ голосомъ: «Ваша мать проситъ васъ скорѣе прійти къ ней». Я задрожала отъ этого призыва, я говорила себѣ, что моя мать, умирая, зоветъ меня. Я вскочила съ постели, надѣла ватное пальто и побѣжала къ ней. Какое зрѣлище представилось моимъ глазамъ! Моя бѣдная мать со всѣми ужасными признаками паралича сидѣла поперекъ своей кровати. Ея ноги были обнажены, голова непокрыта, глаза обезображены. Хотя она умирала, она протянула свои руки, я ихъ схватила моими; ея голова упала мнѣ на грудь, и она меня благословила самымъ трогательнымъ, нѣжнымъ и торжественнымъ образомъ. Господь позволилъ, чтобы она сдѣлала это, несмотря на апоплексическій ударъ. Я не берусь выразить, что происходило во мнѣ. Я чувствовала, какъ слабѣю; меня вырвали изъ рукъ моей матери: мы чуть не упали, обнимая другъ друга. Мой мужъ увелъ меня въ мою комнату, я упала на колѣни передъ распятіемъ и долго молилась вслухъ. Г-жа де-Тарантъ

говорила мнѣ потомъ, какъ она была тронута моими словами, такъ естественно выходившими изъ души. Мой мужъ былъ такъ этимъ растроганъ, что всталъ на колѣни рядомъ со мной. Смерть, сколько чувства ты намъ показываешь и съ сколькими истинами ты насъ знакомишь! Ты—конецъ и начало, ты разрушаешь, чтобы вернуть жизнь. Каждая капля моей крови была охвачена ея ледянымъ покровомъ. Мать моя дышала еще около получаса послѣ того, какъ я ее оставила. Она потеряла даръ слова немного раньше, но еще имѣла силу взять руку моего мужа, чтобы поднести ее къ своимъ умирающимъ губамъ. Онъ принялъ ея послѣднее дыханіе. Это право принадлежало ему, какъ самому вѣрному другу, какъ самому нѣжному сыну, какъ опорѣ ея старости.

Моя мать часто высказывала желаніе быть погребенной въ одномъ изъ своихъ имѣній Калужской губерніи, гдѣ она родилась. Это же желаніе было выражено въ бумагѣ, адресованной ею моему мужу и найденной послѣ ея смерти. Мой мужъ спросилъ у императора разрѣшеніе исполнить послѣднюю волю умершей. Его величество милостиво разрѣшилъ, приказавъ, чтобы во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ пройдетъ тѣло, читались установленныя молитвы. Приготовленія къ погребенію отнимали много времени, въ теченіе котораго гробъ помѣстили въ назначенной для этого комнатѣ возлѣ католической часовни и кладбища, назначеннаго для иностранцевъ. Позаботились о томъ, чтобы я не знала, когда дорогіе останки будутъ увезены отъ меня. Мужъ мой въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ. Онъ принялъ на себя всѣ расходы, которые должны были лежать на моемъ братѣ, который наслѣдовалъ состояніе моей матери и находился довольно близко отъ насъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, но мужъ мой испытывалъ дѣйствительное удовольствіе заботиться о моей матери послѣ ея смерти такъ же, какъ это было при жизни. Г-жа де-Тарантъ не оставляла меня ни днемъ, ни ночью, ея нѣжное попеченіе ко мнѣ было торжествомъ дружбы. Печаль лишила меня сна, каждый день въ 11 часовъ вечера я испытывала трепетъ и страданіе, которое можетъ понять только сыновнее чувство; это состояніе продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Г-жа де-Тарантъ усаживалась возлѣ моей постели и покидала меня только около 4-хъ часовъ утра, когда истощенная природа, казалось, засыпала. Она вставала очень рано, чтобы помолиться возлѣ моей матери. Столь искреннія и столь нѣжныя попеченія смягчали мое сердечное огорченіе. Въ это самое время произошло обстоятельство, котораго я никогда не забуду. Однажды утромъ я сидѣла на диванѣ, погруженная въ печальныя размышленія. Мой мужъ вошелъ и сѣлъ противъ меня; нѣкоторое время мы хранили молчаніе, его глаза наполнились слезами; онъ бросился ко мнѣ, рыдая и говоря, что мы оба осиротѣли и должны утѣшать другъ друга. Зима протекла для меня печально:

Справедливая и законная печаль никогда не исчезаетъ, религія смягчаетъ ея жгучесть, не уничтожая ея; нужно умереть, чтобы потерять ее. Господь приказываетъ времени только укрѣплять насъ для того, чтобы ее переносить всегда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (1805 г.) г-жа де-Тарантъ отправилась въ Вѣну на нѣсколько недѣль; мы условились поѣхать ей на встрѣчу до Праги. Я спустилась пѣшкомъ и въ креслѣ, несомомъ двумя крестьянами, съ прекрасной горы, называемой Гейрсбергъ. Эти носильщики живутъ на вершинѣ горы, они привыкли къ этому путешествію, требующему много силы. Отъ времени до времени они отдыхали. Я пользовалась этими промежутками, чтобы набрать ползучихъ растеній, которыя росли на скалахъ подъ тѣнью прекраснѣйшихъ деревьевъ. Я размышляла о силѣ времени, съ помощью которой нѣжные цвѣты пускали свои корни въ самые твердые утесы. Я видѣла также борозды, проведенныя дождемъ на этихъ утесахъ; я дѣлала массу сближеній между міромъ физическимъ и міромъ моральнымъ. Формы, краски привлекали мои взоры, возбуждая меня приготовить палитру, но какая кисть можетъ изобразить природу! Самое счастливое изображеніе ея красотъ только поражающій сонъ, очарованіе котораго исчезаетъ, какъ только откроешь глаза. Я провела два дня въ Теплицѣ. Вечеромъ я пошла гулять съ моими дѣтьми. Подходя къ одной дачѣ, я услышала прекрасную музыку, звуки которой раздавались по долинѣ. Я остановилась послушать: играли новый для меня вальсъ, возбудившій воспоминанія въ моемъ сердцѣ. Таково дѣйствіе музыки; всегда она находится въ связи съ чувствительностью, которая подобно хорошо натянутой и вѣрной струнѣ отвѣчаетъ легчайшему прикосновенію. Все въ природѣ звучитъ; нужно только умѣть коснуться, ударить, чтобы въ этомъ убѣдиться; но ничто не сравнится съ органомъ голоса. Онъ вводитъ слово въ сердце, и если въ отсутствіи какой нибудь голосъ напоминаетъ голосъ, который любишь, все исчезаетъ передъ глазами. Переносишься на крыльяхъ мысли къ предмету, заставившему все исчезнуть и оставившему тебя съ твоимъ сердцемъ и со счастіемъ чувствовать.

На другой день нашего прибытія въ Прагу г-жа де-Тарантъ присоединилась къ намъ. Прага—живописный городъ, носящій печать готики. Я люблю старинные города: они, кажется, сами собою внушаютъ къ себѣ уваженіе. Время нашего пребыванія въ Прагѣ—самое интересное время года для этого города. Праздновали день св. Іоанна Непомука, покровителя города, родившагося здѣсь и окончившаго здѣсь же мученически свои дни. Этотъ праздникъ продолжается недѣлю. Многочисленная толпа стекается съ окрестностей, торжественное богослуженіе совершается въ соборѣ, гдѣ находится массивная серебряная гробница, заключающая мощи святого. Мы выслушали обѣдню, съ трибуны читали проповѣдь на народномъ

языкѣ, очень похожемъ на русскій языкъ. Я испытывала невыразимое удовольствіе, понимая всю проповѣдь. Мы обошли весь городъ; на прекрасномъ мосту черезъ Молдаву находится открытая часовня, посвященная св. Іоанну Непомуку, передъ которой много народу безпрестанно преклоняло колѣни. Прохожіе снимали шляпу съ почтеніемъ; вообще чехи набожны и добры.

Мы оставались два дня въ Прагѣ, во время которыхъ мы видѣли нѣсколько монастырей. Это было въ первый разъ, что я входила въ католическій монастырь. Тѣ, которые я видѣла въ Парижѣ, были разрушены, это было только жалкое подобіе монастырей. Г-жа де-Тарантъ показала мнѣ одинъ, принадлежащій монахинямъ кармелиткамъ. Онѣ помѣщались въ зданіи стариннаго мужского монастыря этого же ордена. Большое число священниковъ было тамъ убито во время дней 2 и 3-го сентября 1792 г. Коридоры окрашены кровью. Послѣ времени террора госпожа де-Жонкуръ, старая пансіонерка одного кармелитскаго монастыря, купила зданіе и сдѣлала воззваніе къ сестрамъ, которыя съ радостью поспѣшили къ ней; но онѣ не были утверждены правительствомъ и не имѣли права носить монашеское одѣяніе. Онѣ выбрали формой платье цвѣта кармелитокъ съ чепцами и косынками бѣлой ткани. Я была въ Вепрѣ въ этой общинѣ и такъ какъ я была очень больна, то онѣ были внимательны, прося уважаемаго старца—настоятеля монахинь, помолиться за меня.

Я возвращаюсь къ Прагѣ. Секретарь архіепископа этого города вызвался быть нашимъ проводникомъ. Проходя по улицамъ вмѣстѣ съ нимъ, мы встрѣтили его знакомаго—стараго кармелитскаго монаха, который, бывъ лютераниномъ и саксонскимъ офицеромъ, сталъ католическимъ монахомъ. Онъ былъ настоятелемъ кармелитскаго монастыря. Нашъ проводникъ просилъ его насъ провести въ церковь этого монастыря и показать намъ черезъ рѣшетчатое окно одну изъ кармелитскихъ сестеръ, умершую 130 лѣтъ назадъ. Онъ согласился на это. Когда мы были въ церкви, онъ подошелъ къ окну, которое такъ высоко, что можно на него опереться, и сказалъ нѣсколько словъ шопотомъ. Тотчасъ же зеленая занавѣсь отдернулась съ другой стороны, и мы увидѣли въ маленькой четыреугольной комнатѣ умершую, сидящую въ креслѣ. Ея лицо не носило никакихъ слѣдовъ разложенія, кромѣ нѣсколькихъ пятенъ. Ея глаза были неплотно закрыты, носъ и ротъ прекрасно сохранились, руки были худы, но не походили на руки мертвеца. Сестры-кармелитки смѣняли другъ друга, чтобы хранить ее. Та, которая отдернула занавѣсъ, держала ее еще. Я ее видѣла въ профиль; она была покрыта чернымъ вуалемъ, спускавшимся до колѣнъ. Она взяла руки мертвой и подняла ихъ безъ усилія, онѣ сохранили свою гибкость. Затѣмъ монахиня вернулась на свое мѣсто, а я сказала моей дочери, стоявшей возлѣ меня. «Та, которая держитъ занавѣсъ,

такъ же мертва, какъ и сидящая». Едва я произнесла эти слова, какъ услышала шорохъ платья за стѣной. Сестра, обреченная на молчаніе, исчезла, какъ тѣнь. Этотъ орденъ—одинъ изъ самыхъ суровыхъ: сестры говорятъ только разъ въ день и не должны слышать чужого голоса. Оставивъ Прагу, мы отправились сѣсть на корабль на Эльбѣ, чтобы вернуться въ Дрезденъ. Это одно изъ самыхъ прекрасныхъ путешествій, которое я когда либо сдѣлала. У насъ было три барки: одна для каретъ, вторая для кухни, третья для насъ съ хорошенькими каютами. Берега Эльбы восхитительны; они представляютъ изъ себя чудесныя картины, за которыми легко быстро слѣдить. У меня была комната пополамъ съ г-жей де-Тарантъ. Мы вмѣстѣ наслаждались красотами прелестной природы и этимъ новымъ существованіемъ. Въ часъ обѣда барка съ кухней подходила къ нашей. Я испытывала тяжелыя чувства, видя снова Дрезденъ, оставившій на мнѣ такое страшное воспоминаніе, и тѣмъ не менѣе, изъ-за этого же самаго я испытывала нѣкоторое сожалѣніе мѣсяцъ спустя, когда надо было совсѣмъ покинуть этотъ городъ. Я возвращалась на родину безъ всякаго удовольствія, такъ какъ со мной не было моей матери. Мое сердце было проникнуто печалью. Отправившись до Митавы по той же самой дорогѣ, которую мы уже разъ проѣзжали, мы остановились въ этомъ городѣ. Мы остановились въ довольно плохой гостиницѣ, но лучшей не было. Мы тамъ встрѣтили хирурга герцогини Ангулемской, который ожидалъ г-жу де-Тарантъ, чтобы передать ей отъ ея королевскаго высочества, что она должна тотчасъ же явиться къ ней. Онъ прибавилъ, что герцогиня отправилась гулять въ коляскѣ, что она скоро вернется, и мы ее увидимъ, какъ она проѣдетъ. Г-жа де-Тарантъ сѣла со мной на крыльцѣ, ожидая ее. Мы видѣли, какъ она искала глазами во всѣхъ окнахъ и какъ откинула назадъ свой черный вуаль, увидя насъ. (Она носила трауръ по графинѣ д'Артуа). Поклонъ, посланный ею г-жѣ де-Тарантъ, былъ какой-то особенный. Лицо казалось смягченнымъ, насколько только могло быть. Колѣни г-жи де-Тарантъ, казалось, сгибались, она опиралась на мою руку, чтобы войти въ комнату; она бросилась на свою кровать, казалось, заглушая рыданія. Вскорѣ герцогиня послала за ней, и вотъ что разсказала она мнѣ вернувшись. Какъ только она прибыла въ замокъ, ее провели въ кабинетъ герцогини. Дверь отворилась, она увидѣла герцогиню, стоящую посреди кабинета и протягивающую ей обѣ руки. Г-жа де-Тарантъ упала на колѣни, прежде чѣмъ герцогиня могла ей помѣшать въ этомъ, обѣ рыдали, не имѣя силы говорить, но какія слова могутъ выразить то, что чувствуешь въ подобныя минуты. Душа собираетъ всѣ воспоминанія и соединяетъ прошедшее съ настоящимъ. Между ними произошло объясненіе, очень растрогавшее г-жу де-Тарантъ. Оно касалось письма, написаннаго г-жей

де-Тарантъ въ бытность ея королевскаго высочества въ Вѣнѣ, и холоднаго отвѣта на это письмо. Герцогиня сказала ей, что она была принуждена отвѣтить въ такомъ тонѣ, что она тогда не могла быть госпожей своихъ дѣйствій и что если г-жа де-Тарантъ страдала, получивъ это письмо, она страдала столько же. Король, королева и герцогиня Ангулемская приняли г-жу де-Тарантъ съ самой горячей сердечностью. Ихъ величества желали, чтобы я явилась къ нимъ обѣдать на другой день съ моимъ мужемъ. Вечеромъ у насъ были съ визитомъ лица, приближенныя къ королю и принцессамъ, герцогъ д'Аварэ, почтенный старецъ, братъ г-жи де-Турсель, аббатъ Эджевортъ, одного имени котораго достаточно, чтобы внушить глубокое уваженіе. Никогда ничье лицо не выражало столько доброты души, какъ его. Онъ былъ высокаго роста, благородной осанки, апостольская любовь къ людямъ и достоинство были запечатлѣны на всей его особѣ. Я смотрѣла на него и слушала его съ умиленіемъ. Когда всѣ ушли, я осталась одна съ г-жей де-Тарантъ, чтобы побесѣдовать съ ней о всемъ томъ, что она только что испытала. Никогда не чувствуется лучше цѣна дружбы, какъ въ минуты, когда сердце, полное живыхъ впечатлѣній, встрѣчаетъ другое, раздѣляющее ихъ вполнѣ. Умиляешься, отдыхая.

На другой день я представлялась королю въ присутствіи всей семьи. Его величество поспѣшно подошелъ ко мнѣ и милостиво высказалъ, какъ онъ былъ тронутъ моимъ дружественнымъ отношеніемъ къ г-жѣ де-Тарантъ. Затѣмъ король представилъ меня королевѣ и герцогинѣ Ангулемской, которыя приняли меня очень хорошо. Бесѣдовали до обѣда; король первый пошелъ къ столу, сопровождаемый всей семьей. Онъ сѣлъ между королевой и герцогиней, которая съ большимъ достоинствомъ и учтивостью усадила меня возлѣ себя. Мы говорили о Франціи и о личностяхъ, ее интересовавшихъ. Послѣ обѣда король завладѣлъ мною; мы много шутили; онъ замѣчательно любезенъ и по истинѣ покоролевски остроуменъ. На королевѣ былъ странный и неблагородный костюмъ, лицо у нея непріятное, но она обольщаетъ своимъ умомъ. На другой день я отправилась высказать свои пожеланія герцогинѣ по случаю дня рожденія монсиньора. Я привела съ собой моихъ дѣтей. Герцогъ Ангулемскій принялъ насъ, прося подождать герцогиню, занятую своимъ туалетомъ. Онъ любезно бесѣдовалъ съ нами. Г-жа де-Тарантъ сказала ему съ волненіемъ: «Какъ я вамъ благодарна, монсиньоръ, за то, что вы осчастливили герцогиню».—«Скажите мнѣ лучше, принцесса,—отвѣтилъ онъ,—что я сдѣлалъ, чтобы заслужить такое сокровище». Затѣмъ явилась ея высочество. Она была очень весела и любезна. Два дня спустя, я отправилась со своимъ семействомъ въ Петербургъ. Г-жа де-Тарантъ оставалась еще мѣсяцъ въ Митавѣ.

По прибытіи въ Петербургъ я съ грустью вернулась въ свой домъ, ставшій такимъ пустымъ для меня со смертью моей матери. Моя квартира была испорчена: она была нанята на время нашего отсутствія для принца Людвига Виртембергскаго. Моя спальня носила слѣды малой заботливости принца о порядкѣ. Императоръ пріѣхалъ посмотрѣть на всѣ поврежденія за нѣсколько дней до нашего отъѣзда; онъ былъ ими пораженъ и хотѣлъ взять расходы по исправленію на свой счетъ. Онъ былъ крайне удивленъ, когда мой управляющій не хотѣлъ взять болѣе двухъ тысячъ рублей. Обои въ гостиныхъ были испещрены мыльными пятнами: казалось, принцу нравилось мыться во всѣхъ комнатахъ.

Настало время представиться мнѣ ко двору. Онъ находился тогда въ Таврическомъ дворцѣ. Я была растрогана и осаждена массой чувствъ и воспоминаній. Я взяла себя въ руки, какъ только могла. Графиня Протасова отправилась со мной въ гостиную императрицы Елисаветы. Черезъ четверть часа явилась императрица. Я была еще въ траурѣ по моей матери, мой костюмъ гармонировалъ съ моимъ настроеніемъ. Императрица подошла ко мнѣ съ смущеніемъ. Обнявъ меня, она сказала: «Вы были очень счастливы во Франціи?»—«Да, ваше величество, я нашла тамъ утѣшеніе для моего опечаленнаго сердца».—«Я очень сочувственно отнеслась къ несчастію, постигшему васъ въ Дрезденѣ». Я поклонилась, не отвѣчая. Нашъ разговоръ этимъ закончился. Графъ Толстой, прислонившись къ дверямъ, слушалъ насъ, онъ, можетъ быть, готовился къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ. Я не видѣла императора, ибо дамы ему никогда не представляются. Я сдѣлала нѣсколько визитовъ друзьямъ и людямъ, ко мнѣ относящимся равнодушно. Я была очень хорошо принята первыми, вторые видѣли во мнѣ только особу, на которую косо смотрятъ при дворѣ, но поведеніе которой во Франціи вызываетъ уваженіе. Я нашла много измѣненій въ обществѣ и администраціи.

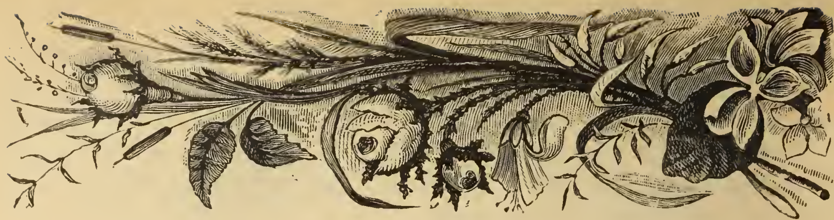
Департаментъ генералъ-прокурора, существовавшій съ давнихъ временъ, былъ раздѣленъ на нѣсколько министерствъ. Это подражаніе управленію Бонапарта огорчало старыхъ слугъ, потому что оно необходимо вело къ новымъ злоупотребленіямъ и грабежу. Въ царствованіе Екатерины II генералъ-прокуроръ имѣлъ помощниками четырехъ секретарей. Въ настоящее время каждый министръ имѣетъ ихъ бо́льшее количество, и весь этотъ народъ, получающій скромное жалованіе, спекулируетъ на своихъ должностяхъ. Возвращаясь въ Петербургъ, мы встрѣтили русскія войска, шедшія противъ Бонапарта. Гордый и воинственный видъ и прекрасная выправка солдатъ внушали довѣріе и надежду. Но минута отличиться, какъ это было впослѣдствіи, еще не наступила. Извѣстны событія этого года и слѣдующаго: битва при Аустерлицѣ, при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ, Тильзитскій миръ послѣ свиданія на р. Нѣ-

манѣ. Я объ этомъ поговорю дальше, а теперь нужно вернуться къ нашей жизни. Г-жа де-Тарантъ явилась къ намъ черезъ мѣсяцъ, мое счастье было невыразимо, и все мое семейство раздѣляло его со мной. Мы вернулись къ нашей спокойной и однообразной жизни; дни проходили тихо; суетность этого міра не въ состояніи была насъ ни трогать, ни смущать.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ [1].

IV.

Разорители.

I.

КТЯБРЬ. Вечеръ. Въ Красной Сѣчѣ бродитъ табунъ стреноженныхъ лошадей. Въ наступившей темнотѣ лошадей не видно; слышится только ихъ фырканье да звукъ отрываемой зубами травы. Дождь накрапываетъ монотонно, назойливо, то стуча сверху по листвѣ невысокой заросли, то хлеща по деревьямъ въ бокъ отъ сильнаго, порывистаго вѣтра. То здѣсь, то тамъ, изъ вечерней мглы, какъ призраки, выплываютъ старыя деревья-сѣменники, со своими длинными, словно руки, вытянувшимися вѣтвями. Подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ ребятишки-табунники разложили огонь и цѣлой гурьбой, мальчики — нахлобучивъ картузы, дѣвки — едва оставивъ изъ-подъ шерстяныхъ платковъ небольшое мѣсто для носа и глазъ, завернувшись въ зипуны, лежатъ вокругъ костра, грѣются и изрѣдка перебрасываются отрывочными словами. Вѣтеръ гудитъ въ намокшихъ иглахъ старой сосны. Верхушка ея какъ-то лѣниво-безпомощно покачивается изъ стороны въ сторону и зловѣще скрипитъ. Ребя-

---

[1] См. «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., т. LXXIV, стр. 976.

тишки по временамъ украдкой подымаютъ голову, испуганно поглядывая на верхушку скрипучей сосны, освѣщенной костромъ, молча переглядываются и плотнѣе жмутся другъ къ другу.

Вѣтеръ усиливается; по крайней мѣрѣ, порывы его становятся все чаще и шумнѣе. Дождь громче стучитъ по листьямъ сверху и подсѣкаетъ деревья сбоку. Сосна, какъ будто, размашистѣе качается и жалобнѣе скрипитъ.

Одна изъ дѣвокъ, та, которая прислонилась къ самой соснѣ и не сводитъ глазъ съ пылающаго костра, несмѣло пробуетъ затянуть хоровую. Но молодой, свѣжій голосъ ея звучитъ какъ-то дико, никто не подтягиваетъ ей, и она на первыхъ же словахъ пѣсни смолкаетъ. И опять заунывный вой вѣтра, стукъ дождя, и скрипъ качающейся сосны.

Вдругъ, около дороги, что-то шарахнулось. Слышно было испуганное фырканье стреноженныхъ лошадей и шлепанье ихъ копытъ по намокшей травѣ и грязной дорогѣ.

— Звѣрь, должно?..—испуганнымъ шепотомъ воскликнулъ молодой малый, лѣтъ шестнадцати, казавшійся, впрочемъ, гораздо моложе своихъ лѣтъ.

Онъ быстро вскочилъ на ноги и сдѣлалъ шагъ по направленію къ кустамъ, но сейчасъ же остановился.

— Кто жъ ё знаетъ...—отвѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ, который былъ моложе его.

— А може и ёнъ [1])?...—снова спросилъ первый.

— Кто жъ ё знаетъ...—отозвался другой, замирая отъ страха и пряча голову въ высокій воротъ зипуна.

— Мить!.. а Митькя!..—окликнула дѣвка малаго, который былъ постарше.

— Чаво?..—отозвался малый.

— Подь къ лошадемъ-ты... глянь-ка-сь, чаво оны прянули [2])...

— Ишь ты-ы, ловкая-я... — протянулъ Митька, пряча лице до самыхъ глазъ въ рукавъ и снова усаживаясь на прежнее мѣсто у костра.—Подь сама... я боюся!..

— А ишшо жанихъ!.. Нявѣсту сватать хòчутъ... Э-э-хъ, горе, пра!.. — сказала она, подымаясь съ мѣста и бросивъ на Митьку взглядъ глубокаго презрѣнія.

Она подобрала у костра валявшуюся длинную палку и храбро исчезла за кустами. Малый поглядѣлъ ей вслѣдъ и, когда она скрылась, снова завернулся въ зипунъ и легъ у огня.

---

[1]) Онъ. Подъ этимъ мѣстоименіемъ въ деревняхъ разумѣютъ домового, лѣшаго, водяного и прочую нечисть.

[2]) Прыгнули, шарахнулись.

Незадолго передъ тѣмъ, по узкой тропинкѣ Красной Сѣчи шли два мужика. Одинъ—Тимоѳей, про котораго ходила слава, что онъ знаетъ, «гдѣ что плохо лежитъ и гдѣ что плохо бѣжитъ» — шелъ впереди и, повидимому, указывалъ дорогу. Онъ былъ небольшаго роста, узкій въ плечахъ и со впалой грудью. Лице его было худое, блѣдное, съ жиденькой, раздвоенной бородкой и большими пристально глядѣвшими свѣтло-сѣрыми, немножко косыми глазами. Этими глазами онъ могъ смотрѣть на кого угодно и, божась и крестясь, говорить самую отчаянную ложь. Эту способность за нимъ знали всѣ, какъ и то, что Тимоѳей, не имѣя лишней земли противъ другихъ, не зная никакого ремесла и вообще не пользуясь никакими особенными источниками благосостоянія, жилъ съ гораздо большимъ достаткомъ, чѣмъ его односельчане. Сынъ Тимоѳея, Ларька, тоже часто отлучался вмѣстѣ съ отцомъ, не только днемъ, но и ночью, неизвѣстно куда. Хотя всѣ объ этомъ знали въ деревнѣ, но никто не смѣлъ даже говорить о странностяхъ, замѣчавшихся въ жизни, и необъяснимомъ достаткѣ Тимоѳея и его семьи. Говорятъ, что однажды кто-то изъ смѣльчаковъ взялся «попытать» Тимоѳея по поводу этихъ странностей, но послѣдній такъ посмотрѣлъ на любопытствовавшаго своими косенькими глазами и такое сказалъ ему на ухо, что тотъ никогда болѣе съ тѣхъ поръ не отваживался приступать къ Тимоѳею съ разспросами. Однѣ только неразумныя бабы, да и тѣ шепотомъ, чтобы никто не слыхалъ,—иногда пересуживали загадку. Да и понятно: кому же хотѣлось, чтобы Тимоѳей или Ларька подожгли деревню, или надѣлали какого нибудь иного лиха? И подумать-то страшно было!.. А что и тотъ, и другой, были способны на что угодно,—это знали рѣшительно всѣ.

Позади Тимоѳея шелъ другой, высокаго роста, широкоплечій, съ окладистой бородой мужикъ въ коротайкѣ, высокихъ сапогахъ и зимней шапкѣ, мѣхъ которой, намоченный дождемъ, длинными прядями свисалъ на его лице, обдавая его струйками воды. Большой мужикъ безпрестанно утирался рукавомъ и сдвигалъ шапку назадъ, но это не помогало: струйки тотчасъ же снова продолжали свое дѣло, и онъ наконецъ съ сердцемъ сорвалъ шапку съ головы и встряхнулъ ее сильной рукой, выругавшись про себя. Оба шли молча, стараясь не шумѣть. Осторожные шаги ихъ по растворившейся дорогѣ были едва слышны. Они шли такъ довольно долго, скользя ногами и изрѣдка зацѣпляя вѣтку, неразсмотрѣнную въ темнотѣ.

Наконецъ они вышли на поляну; въ глубинѣ виднѣлись силуэты лошадей, освѣщенные костромъ, возлѣ котораго дремали ребятишки.

— Нашъ табунъ!..—сказалъ шепотомъ Тимоѳей остановившись.

Большой мужикъ остановился тоже.

— Надо сыскать!.. Не напасть бы на другого коня, добре темно!.. — также шепотомъ проговорилъ онъ.

— Небось, не сумлявайси!.. — увѣренно отвѣчалъ Тимоѳей. — Ехимкинъ жерябенокъ противъ усѣхъ нашихъ лошадей складомъ вышалъ, барскій жерябенокъ, сичасъ найдемъ!.. Повремені тутотка, а я пойду пошукать [1])...

У костра вдругъ послышался молодой, женскій голосъ, запѣвавшій пѣсню.

Оба мужика обернулись.

— Ишь ты... и погода не донимаетъ!.. — проговорилъ большой мужикъ. — Чтой-то ваша баба въ такую погоду затѣяла пѣсни играть?..

— Наша!.. Дѣло молодое!.. — пояснилъ Тимоѳей, удаляясь къ кустамъ.

Онъ сталъ не спѣша пробираться по краю поляны возлѣ самыхъ кустовъ, избѣгая попадать въ поле свѣта, доходившаго отъ костра. Дойдя до того мѣста, гдѣ были лошади, онъ сейчасъ оглядѣлъ своими зоркими, хотя и косыми глазами рослаго, статнаго Мышатаго, принадлежавшаго его односельчанину Ефиму Чуднову. Лошадь мирно щипала траву возлѣ другихъ.

— Готово!.. — шепнулъ онъ, возвратясь къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ его большой мужикъ.

— Ну, что-жъ, ладно, идемъ стало быть!.. — сказалъ тотъ, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Погодь чуточкю!..—остановилъ его Тимоѳей.—...Куды-жъ ты, кумъ?..

Большой мужикъ поглядѣлъ на него сквозь тьму, и Тимоѳею показалось, что глаза его блеснули, какъ у хищнаго звѣря.

— Могарычъ съ твоей милости получить надо!.. — сказалъ онъ твердо, почти сурово.

— Могарычъ?.. — переспросилъ большой мужикъ, не трогаясь съ мѣста и какъ будто даже не понявъ, чего отъ него хотятъ.

— А какъ-жа, за труды-то!.. Пятѝ цалковыхъ, какъ говорили!..

Если бы не было такъ темно, то Тимоѳей увидалъ бы на лицѣ большого мужика насмѣшливую улыбку, кривившую его губы.

— Отваливай, кумъ!..—сказалъ онъ.—...Пять цалковыхъ тольки днемъ, а ночью «кинарки» [2]) будя!..

— Воля есть твоя — пять... а не то и мерина не видать табѣ, прà!..

— Ладно!.. Говорю — отваливай!.. Таперича я и самъ найду чардоваго [3]).

— Найти-то, може, и найдешь, да увесть-то я не дамъ, во-что!.. — рѣшительно заявилъ Тимоѳей.

---

[1]) Поискать; малороссійское слово, занесенное изъ заработковъ.
[2]) Рублевка, по уподобленію ея съ желтой канарейкой.
[3]) На конокрадскомъ языкѣ—краденый.

— Не дашь?.. — переспросилъ насмѣшливо большой мужикъ. — ...А вò?..—онъ показалъ Тимоѳею свой мощный кулакъ.

— А вò?.. — зашипѣлъ не сробѣвшій Тимоѳей, подскочивъ къ нему и блеснувъ лезвеемъ очутившагося у него въ рукѣ ножа.— Сичасъ закричу, наши-то вотъ оны!.. Ребята прибѣгутъ—пымаемъ... въ острогѣ вволю насидишьси!..

Большой мужикъ не то крякнулъ, не то заскрипѣлъ зубàми.

— Ишь дòшлый, чтобъ табѣ удавиться!..—тихо выругался онъ, прикинувъ въ умѣ безвыходность своего положенія и принимаясь шарить въ карманѣ портокъ.

— Нà, чортъ, подавись!.. — сказалъ онъ наконецъ, доставъ бумажку и подавая ее Тимоѳею.

Послѣдній спокойно взялъ ее, тщательно осмотрѣлъ при помощи отдаленнаго отсвѣта костра и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Ну, таперича—у расчетѣ, кажись? Веди!..—сказалъ большой мужикъ.

— У расчетѣ, какъ есть!..—согласился Тимоѳей—...Пойдемъ!..—

Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ кормились лошади, они остановились.

— Не накинуть ли петлю?.. — спросилъ большой мужикъ, собираясь снять ременную обротку съ подпояски.

Но Тимоѳей даже не отвѣтилъ.

Какъ кошка, подкрался онъ къ мерину Чуднова и ловкимъ движеніемъ поймалъ его за ухо. Испуганный неожиданностью Мышатый шарахнулся въ сторону. За нимъ шарахнулись и другія, ближнія лошади. Но Тимоѳей не выпустилъ уха и другою рукой ухватился за ноздри. Мышатый всталъ, какъ вкопанный.

Черезъ нѣкоторое время большой мужикъ, торопливо выбравшись изъ лѣса верхомъ на Ефимовомъ Мышатомъ, не обращая вниманія на брызги жидкой грязи, которыми обдавало его, скакалъ по дорогѣ въ свою далекую деревню, а Тимоѳей шелъ домой, довольный удачей и ощупывая въ карманѣ заработанныя деньги.

Въ Красной Сѣчѣ все замолкло. Лошади перестали ѣсть и, собравшись подъ чащу, спокойно дремали, заложивъ другъ другу на спину свои мокрыя морды. Костеръ едва тлѣлъ; ребята, сбившись въ кучу, крѣпко спали. Дождь все такъ же, какъ давеча, шумѣлъ, барабаня по мертвой листвѣ, вѣтеръ завывалъ свою унылую пѣснь, да сосна, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, вторила ему своимъ скрипомъ.

II.

На другой день, къ полудню, вволю наплакавшись о пропажѣ Мышатаго и, по крайней мѣрѣ, до сотни разъ разсказавъ со всѣми подробностями односельцамъ, въ томъ числѣ и Тимоѳею, о случившемся несчастіи, Ольга, жена Ефима, снарядила своего мужа въ

погоню. Такъ какъ Ефимъ, мужикъ «съ хилимонинкой» [1]) — такъ звали его рѣшительно всѣ въ деревнѣ и округѣ—конечно, не могъ сдѣлать одинъ ничего путнаго, то Ольга очень обрадовалась, когда Ѳедоръ Красновъ, сосѣдъ Чудновыхъ по избѣ, предложилъ ѣхать съ Ефимомъ и помогать ему въ розыскахъ. Старый Подласый — другой конь Чудновыхъ, запряженный въ телѣгу, давно мирно дремалъ, ожидая у крыльца. Въ телѣгѣ была густо настлана солома, прикрытая веретьемъ. Ольга поднесла мужикамъ передъ обѣдомъ по чашкѣ водки, послѣ чего они, перекрестившись и заложивъ за пазуху по большой краюхѣ хлѣба, тронулись въ путь.

Розыскали и обознали мужики Мышатаго въ сосѣднемъ уѣздѣ, верстъ за тридцать отъ дома, у старосты деревни Грязный Долъ, издавна слывшей за центръ конокрадства. Прозвище очень мѣтко подходило къ наружному виду деревни, которая стояла въ болотистой низинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ.

Староста Артемъ, большой мужикъ, съ окладистой бородой, злыми глазами, смотрѣвшими исподлобья, и крайне непривѣтливымъ видомъ, грубо принялъ Ефима и Ѳедора, даже полѣзъ было на нихъ съ кулаками, но Ѳедоръ не оробѣлъ и подъ вліяніемъ выпитаго дорогой шкалика самъ обругалъ Артема, заявивъ, что онъ сейчасъ пойдетъ къ уряднику, который жилъ тутъ же въ Грязномъ Долѣ, съ объявкой о находкѣ пропадавшей лошади.

— А по мнѣ, хошь къ чорту!..—заявилъ Артемъ, стараясь скрыть досаду подъ дѣланной улыбкой, которая уродливо искажала его разбойничье лице... Хошь къ чорту, а не токмо-что къ уряднику...— повторилъ Артемъ, когда Ѳедоръ выходилъ отъ него изъ хаты,— потому я у своемъ опчествѣ самъ хозяинъ, не плошà урядника, во что!..

Урядникъ жилъ въ другой слободѣ. Оставивъ Ефима съ Мышатымъ около Артемовой избы, чтобы послѣдній не свелъ куда нибудь или не подмѣнилъ Мышатаго, Ѳедоръ побѣжалъ къ уряднику.

Послѣдній, лѣтъ сорока, изъ мѣщанъ, служившій когда-то въ полицейской канцеляріи, имѣлъ непривѣтливый видъ и, вѣроятно, по привычкѣ, подозрительно оглядывалъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

— Почему-жъ ты думаешь, что лошадь твоя? — спросилъ онъ, свысока и подозрительно оглядывая Ѳедора, когда тотъ разсказалъ ему все по порядку.

— Да позвольтя, господинъ хорошій... чаво-жъ думать-ты?..— увѣренно отвѣчалъ Ѳедоръ.—...Эвтотъ самый Мышатай у насъ на глазахъ родилси... на дворѣ у нашего земскова [2]), отъ яво, значитъ,

---

[1]) Неспособный, съ придурью, дурковатый (мѣстное выраженіе).

[2]) Земскаго начальника.

кобылы... и примѣты усѣ, въ акуратѣ: и звѣзда, значитъ, на лбу, и чулокъ на задней ногѣ... и, значитъ, грива на обѣ стороны, и фостъ [1])... усе, въ акуратѣ... Помилуйтя, какъ не знать... усе рамно [2]), какъ брата роднаго, мерина знаемъ!..

Урядникъ слегка улыбнулся при этомъ сравненіи и потомъ вдругъ поглядѣлъ на Ѳедора съ боку и спросилъ:

— Ну, а сколько-жъ лѣтъ лошади, когда ты ее, какъ брата роднаго, знаешь?...

Ѳедоръ задумался.

— Барскую рощу тады [3]) сводили, кажись, какъ Мышатай на дворъ къ Ехиму поступилъ... Годовъ, пожалуй, семь—будя!..—сказалъ онъ нерѣшительно.

— То-то семь... поглядѣть надо!..—отвѣчалъ урядникъ, накидывая шинель и взявъ шапку,—... Говоришь, лошадь знаешь, какъ родного брата, а на годахъ заминаешься!..—ворчалъ онъ, выходя съ Красновымъ на улицу.

— Дыть, нешто мы ученые?..—замѣтилъ Ѳедоръ, принимая скромный видъ: — по нашенскому мужичьему положенію, и самъ сабѣ лѣтъ не знаешь... а не токмо̀-что!.. Животу̀ хошь по зубу угадаешь, а у человѣка—и того нѣтъ... пра̀, велико слово!..

Урядникъ снова попробовалъ улыбнуться и скривилъ лице.

— Стало, животомъ-то лучше быть?..—пошутилъ онъ.

Они уже подходили къ избѣ старосты.

— Ну, показывай лошадь-то...—сказалъ онъ, поздоровавшись съ Артемомъ за̀ руку.

Лошадь вывели. Урядникъ едва посмотрѣлъ на нее и пошелъ въ хату писать протоколъ.

— Сколько лѣтъ твоему мерину?—спросилъ урядникъ Артема, когда тотъ, вмѣстѣ съ понятыми, вошелъ въ избу.

— Девять лѣтъ...—угрюмо, но безъ запинки отвѣчалъ большой мужикъ.

— А по-твоему?.. – обратился урядникъ къ Ефиму, сиротливо жавшемуся въ уголъ.

Ефимъ растерялся. Онъ стоялъ, переминяясь съ ноги на ногу и не зная, что отвѣчать.

— Ну!..—окликнулъ его урядникъ.

— Дыть, кто-жъ ё знае!..—глупо осклабясь, отвѣчалъ Ефимъ.

— Девять лѣтъ, какъ есть... евто правильно, милости вашей доложить... потому, какъ евтотъ升 меринъ нашъ домашній выкормокъ... мы съ Артемомъ у сосѣдствѣ проживаемъ—намъ, значитъ, вочинно [4]) прекрасно извѣстно, что девять годовъ мерину!..—неожиданно зая-

---

[1]) Хвостъ.
[2]) Равно̀.
[3]) Тогда.
[4]) Очень.

вилъ дотолѣ молчавшій худой, красно-рыжій мужикъ изъ понятыхъ, лице котораго сплошь было покрыто веснушками.

Урядникъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на рыжаго исподлобья и молча продолжалъ писать.

Въ избѣ опять настало молчаніе. Слышно было, какъ перо урядника скрипѣло по бумагѣ. Большая, толстая съ растопыренными крыльями муха жужжала и билась, какъ одурѣлая, о грязное стекло окна. По лавкѣ, у стола прыгалъ, то выгибая, то горбатя спину, пестрый котенокъ, игравшій съ клубкомъ толстыхъ суровыхъ нитокъ, который онъ стащилъ съ окна. Изрѣдка тишина прерывалась кашлемъ или вздохомъ кого нибудь изъ мужиковъ.

— Ну, слушайте!..—наконецъ сказалъ урядникъ, обращаясь къ нимъ.

Мужики встрепенулись.

Въ протоколѣ, послѣ обычныхъ формулъ, между прочимъ и какъ-то вскользь, упоминалось, что лошадь караковой масти и что ей девять лѣтъ. О примѣтахъ — звѣздочкѣ на лбу, гривѣ, хвостѣ и чулкѣ на одной изъ заднихъ ногъ, не упоминалось вовсе. Затѣмъ говорилось о томъ, что эта лошадь была обознана у старосты деревни Грязный Долъ двумя крестьянами чужаго уѣзда той же губерніи, назвавшими себя Ефимомъ Чудновымъ и Ѳедоромъ Красновымъ.

Мужики, обыкновенно невнимательно слушающіе протоколы, не обратили вниманія на пропуски и недомолвки.

— Тэ-э-къ-съ...—протянулъ Ѳедоръ:—... евто точно... обознали!.. Потому, какъ-жа намъ Мышатаго не знать?.. Ехимъ-то мнѣ, стало быть, сусѣдъ по двору̀!..

— Ну, что̀ врешь?..—вступился рыжій мужикъ изъ понятыхъ,— глянька-сь на Вышняго Создателя...—онъ указалъ рукой на темный образъ въ углу. —...Зачѣмъ врать, братецъ ты мой?... Истинный Господь,—врешь!.. Потому и намъ евтотъ самый мерянъ довольно хорошо извѣстянъ, н-да... какъ ёнъ на глазахъ, стало быть, у насъ выросъ у Артемововомъ дворѣ!.. Значитъ — яво̀ выкормокъ... А ты откель прибылъ—мы табѣ ни у чемъ не знаемъ!.. Такъ-то!...

— Не оглушай, исдѣлай милось!.. — загорячился Ѳедоръ, возмущенный наглостью рыжаго мужика. — Не оглушай... мы ишшо сами хорошо табѣ не понимаемъ, кто ты таковъ!.. Мерянъ—нашъ, и толковать неча... потому я сичасъ могу доказать... и докажу... присягу приму, во̀ что!.. А не токмо бряхать я буду!...

— У табѣ языкъ-то, видать, толкачемъ сру̀блянъ!..—отвѣтилъ рыжій понятой, метнувъ на Краснова сердитыми глазами и отворачиваясь отъ него.

— Мотри, не подавись своимъ-то, пустобрёхъ!..—бросилъ ему въ отвѣтъ Ѳедоръ, не желавшій оставаться въ долгу.

— Ну, цыцъ-вы!.. Не ругаться!..—крикнулъ урядникъ на мужиковъ и, когда послѣдніе стихли, принялся читать свое постановленіе, въ которомъ значилось—наложить, впредь до разрѣшенія дѣла судомъ, арестъ на обозначеннаго мерина и сдать послѣдняго на храненіе старостѣ деревни Грязный Долъ, то-есть, тому же Артему, а производство по этому дѣлу представить становому приставу по принадлежности.

— Этта, сталъ-быть... какъ-жа?... обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ вообще, воскликнулъ Ефимъ, воображавшій до тѣхъ поръ, что ему сейчасъ же возвратятъ Мышатаго. — Какъ-жа?... Моя лошадь... ёнъ у меня увелъ, да ишшо ѣздить на ей будетъ?... А я, то-ись, безъ послѣдствіевъ должёнъ оставаться?... Нѣтъ, этта мы не согласны, евтимъ судомъ мы, значитъ, недовольны, н-нда!...

— Молчи ты, чавὸ раскудахталси?...—шепталъ ему Ѳедоръ, толкая его подъ локоть.

— А недоволенъ—ступай, жалуйся становому!...—равнодушно, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что изъ этой жалобы ничего выйти не можетъ, сказалъ урядникъ, укладывая письменныя принадлежности въ сумку.

— Усякъ на своей лошадѝ поѣдетъ!..—злорадно хихикнувъ, сказалъ Артемъ, провожая глазами мужиковъ, выходившихъ изъ избы.

Когда всѣ вышли, и дверь затворилась, онъ шепнулъ уряднику:

— Побудь чуточкю, Иванъ Михалычъ... сичасъ, вотъ тольки мужиковъ провожу—выпьемъ съ тобой по шкалику, по другому!.. Добрѐ ты писать-то гораздъ, прà!...—Онъ снова сдѣлалъ гримасу, замѣнявшую у него улыбку.

— Не въ первὸй намъ протоколы писать!..—самодовольно улыбнувшись, проворчалъ Иванъ Михалычъ, усаживаясь за столъ въ красномъ [1]) углу.—... Сбождемъ, что-жъ, ступай, провожай!.. Да мерина-то Мышатаго покрѣпче запри... воръ у вора дубинку бы не укралъ!..

— Нябось, трудовой—сберегемъ!..—замѣтилъ Артемъ, надѣвая шапку и выходя въ дверь на улицу, гдѣ рыжій мужикъ и Ѳедоръ, ругаясь и крича, спорили между собой, доказывая лѣта лошади, для чего безпрестанно вытаскивали языкъ у Мышатаго и тыкали пальцами по зубамъ бѣднаго животнаго.

Изъ Грязнаго Дола уже почти ночью, разыскивая и разспрашивая въ каждой деревнѣ дорогу, наконецъ добились мужики до квартиры становаго. Но этотъ послѣдній даже не вышелъ къ нимъ. У него въ этотъ день были именины, и онъ попросту велѣлъ про-

[1]) Уголъ, гдѣ помѣщаются образа.

гнать мужиковъ, сказавъ, чтобы они съ жалобой обратились въ городъ къ исправнику или земскому начальнику.

Становой жилъ въ барской усадьбѣ, деревни близко не было, переночевать было негдѣ, и потому они рѣшили ѣхать помаленьку прямо въ городъ.

Сквозь непроглядную осеннюю тьму, по исковерканной дождями отвратительной и совершенно незнакомой дорогѣ, едва попадая на полусгнившіе, покачнувшіеся мосты, рискуя на каждомъ шагу попортить ноги старому Подласому или сломать телѣгу, они, наконецъ, добрались до города къ утру, когда уже звонили къ ранней обѣднѣ, и усталые, голодные, подъѣхали прямо къ большому каменному дому, гдѣ помѣщалось полицейское управленіе. Тамъ имъ сказали, что исправникъ еще не приходилъ, и что имъ придется часа два подождать.

Они привязали лошадь къ коновязи, освободили пенечный чересѣделень и супонь, подложили Подласому соломы изъ телѣги, пожевали захваченнаго изъ дома хлѣбца и нѣсколько прибодренные вошли въ управленіе и сѣли въ грязной и темной прихожей на лавку ожидать исправника.

— Ты гляди, кумъ, не зявай!..—говорилъ Ефиму Красновъ.— Кады, значитъ, исправникъ придетъ—пади у ноги, какъ отцу рòдному, и проси: такъ, молъ, и такъ... чтобъ отпустилъ Мышатаго!... А не то, истинный Господь, изведутъ тваво̀ мерина, тольки усяво, пра...—Ефимъ покивалъ головой въ знакъ того, что понялъ хорошо совѣтъ Краснова.

Мужики, тѣснившіеся вмѣстѣ съ какой-то бабой и сосланнымъ черкесомъ, на единственной лавкѣ, успѣли уже какъ слѣдуетъ вздремнуть, когда входная дверь распахнулась, и въ прихожую вошелъ высокій, съ длинной бородой и синими очками, уже пожилой человѣкъ, съ очень непріятнымъ, грубымъ лицомъ. Сторожа и сопровождавшій его городовой засуетились около него, снимая форменное пальто и отряхивая мокрую отъ дождя фуражку съ кокардой и гербомъ. Мужики, баба и черкесъ вскочили съ лавки.

— Исправникъ!..—шепнулъ Красновъ, выпихивая Ефима впередъ. Ефимъ сейчасъ же бухнулся въ ноги и началъ разсказывать свое дѣло.

Но исправникъ, видимо привыкшій къ такого рода сценамъ, даже не обратилъ вниманія на него и, вытирая мокрые отъ дождя усы и лицо носовымъ платкомъ, сейчасъ же прошелъ въ присутствіе, не кивнувъ даже въ отвѣтъ на поклоны находившихся въ комнатѣ.

— Ну, чаво-жъ ты стоишь, горе?...—сказалъ Красновъ оторопѣвшему и продолжавшему стоять на колѣнахъ Ефиму.

— Домой поѣдемъ, чтоль-ча!.. Таперь чтожъ тутотка дѣлать?...— спросилъ онъ, подымаясь на ноги.

— Ай у табѣ дома дяловъ много?...—спросилъ насмѣшливо Ѳедоръ...—Поспѣешь, нябось!.. Погодь чуточкю,—можетъ, и тутъ намъ какая милость выйдетъ!..

Онъ повернулся къ скамьѣ, на которой только-что сидѣлъ съ Ефимомъ, но скамья уже была занята другими пришедшими, и имъ пришлось стоять.

Прошло около часа, когда изъ канцеляріи вышелъ секретарь, еще молодой, но уже геморроидальнаго вида человѣкъ, и сталъ опрашивать просителей.

Когда очередь дошла до Ефима, тотъ было опять приготовился стать на колѣна, но Ѳедоръ остановилъ его.

— Чьи мужики-то?..—спросилъ исправникъ, продолжая не читая подписывать одну за другой бумаги, цѣлой кипой лежавшія на столѣ.

Секретарь сказалъ.

— Чужаго уѣзда?.. И лошадь обознали у насъ?..

— Такъ точно-съ... въ Грязномъ Долѣ!..

— Чортъ бы ихъ взялъ, пехтерей проклятыхъ!..—воскликнулъ исправникъ, съ досады хлопнувъ рукой по столу.—Въ чужихъ уѣздахъ воруютъ, да къ намъ водятъ!.. Только годовой отчетъ портятъ, мошенники!..—А у кого обознали?..—спросилъ онъ черезъ минуту немного спокойнѣе.

— У самого старосты Грязнаго Дола!..—отвѣтилъ секретарь насмѣшливо.

— Такъ и есть, такъ и есть...—снова загорячился исправникъ, бросивъ перо на чернильницу и откидываясь на высокую спинку своего высокаго кресла,—опять этотъ разбойникъ Артемка!.. Который это разъ?..

— Да вѣдь вамъ небезъизвѣстно, Николай Прокофьевичъ,—Грязный Долъ весь до послѣдняго двора—конокрады!..—началъ было секретарь.

Но исправникъ не далъ ему докончить.

— Знаю, знаю безъ васъ!..—сказалъ онъ.—Что же прикажете дѣлать?...

И потомъ, значительно понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Что жъ, по-вашему, приняться раскапывать?.. Все равно ничего не раскопаешь!.. Никто, конечно, не поможетъ... напротивъ-съ!.. Дѣла не сдѣлаешь—только начальство обезпокоишь, да еще самъ-то, оборони Богъ, въ «безпокойные» попадешь... Что жъ мнѣ съ семействомъ по-міру что ли прикажете идти?..

Секретарь съ сочувственнымъ видомъ пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Такъ какъ же прикажете съ мужиками-то?..—спросилъ онъ, когда кончился докладъ.

— Гоните вонъ... гоните!.. Скажите, что я не могу этого сдѣ-

лать!..—закричалъ исправникъ, затыкая уши, какъ будто онъ боялся, что секретарь сейчасъ опять скажетъ ему что нибудь непріятное.

— Такъ и сказать?..—переспросилъ секретарь.

— Такъ и скажите, что это не отъ меня зависитъ!.. Пусть просятъ земскаго начальника!.. Ну ихъ къ чорту, только непріятности однѣ съ этими лошадьми изъ чужихъ уѣздовъ!

Секретарь собралъ подписанныя бумаги и двинулся къ дверямъ. Тутъ онъ на минуту остановился, какъ будто хотѣлъ что-то сказать. Но увидавъ, что исправникъ снова погрузился въ очистку исходящихъ нумеровъ, онъ рѣшительно отворилъ дверь и вышелъ въ канцелярію.

3.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ефимъ подалъ земскому начальнику заявленіе о похищенной у него лошади, обознанной имъ въ чужомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Грязный Долъ, прошло болѣе мѣсяца. Назначить дѣло пришлось на дальній срокъ, такъ какъ способъ доставленія повѣстокъ въ деревнѣ, тѣмъ болѣе въ чужой уѣздъ, требовалъ немало времени. Кромѣ того, сдѣлано было распоряженіе о приводѣ лошади къ разбирательству. Къ этому прибавилось еще одно затрудненіе: мѣстное земство не имѣло своего ветеринара, и земскому начальнику пришлось для экспертизы вызвать къ осмотру двухъ военныхъ ветеринарныхъ фельдшеровъ, которые, какъ вышедшіе въ запасъ, проживали дома.

Наконецъ—насталъ день судный.

Съ утра на дворѣ земскаго начальника толпился народъ. Тутъ же, на дворѣ, находился значительно осунувшійся, съ провалившимися пахами и огромнымъ, вздутымъ отъ плохого корма животомъ—Мышатый, который стоялъ, уныло опустивши голову, возлѣ коновязи. Около него расхаживали вызванные изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень мужики-свидѣтели, указанные Ефимомъ. Послѣ показаній Ефима и Артема, заявившихъ то же, что и уряднику въ Грязномъ Долѣ, приступили къ осмотру лошади. Тутъ находился старый коновалъ, лѣтъ сорокъ ходившій въ эту мѣстность каждую весну и осень и года четыре назадъ легчившій Мышатаго. Оба ветеринара, долго и подробно осмотрѣвши зубы, объявили лошади восемь лѣтъ. Артемъ, угрюмо слѣдившій за всѣми подробностями осмотра, почти торжествовалъ. Но коновалъ, который дотолѣ держался въ сторонѣ, пробился черезъ кругъ мужиковъ, тѣсно обступившихъ лошадь, вынырнулъ къ земскому начальнику и, попросивъ разрѣшеніе осмотрѣть лошадь, указалъ на то, что многіе волосы изъ гривы и хвоста выщипаны и подскоблены; потомъ онъ принялся осматривать зубы. Долго смотрѣлъ онъ, и, наконецъ, раскрывъ ей ротъ, выта-

щилъ изъ набора за поясомъ маленькій напильникъ и сталъ стирать «колъ», наполовину покрытый «смолой» [1]).

— Это неправильная смола, ваше выскородье!..—обратился онъ къ земскому начальнику.

— То-есть какъ такъ — неправильная?.. — удивленно спросилъ послѣдній, не понимая, что коновалъ хочетъ сказать.

— А такъ, что не природная... потому природную смолу стереть никакъ невозможно... а тутъ—извольте сами поглядѣть!..

Онъ потянулъ морду лошади къ земскому начальнику.

За земскимъ начальникомъ посмотрѣлъ и одинъ изъ ветеринаровъ и покачалъ головой, такъ какъ этотъ простой опытъ раньше не приходилъ ему въ голову.

— Что жъ евто по-твоему хвальшь, чтоль-ча... поддѣланъ зубъ, скажешь?.. — грозно спросилъ Артемъ, подходя въ упоръ къ коновалу со сдвинувшимися на разбойничьемъ лицѣ густыми бровями.

Коновалъ, не желавшій ввязываться въ исторію, выпустилъ языкъ Мышатаго и отошелъ.

— Дыть, кто жъ ё знаетъ!..—сказалъ онъ, слабо улыбнувшись,— а тольки мы, значитъ, видимъ, что смола неправильная!..

— А кто жъ ее дѣлалъ смолу-то?.. Я штоль сваму̂ коню зубы дѣлать буду, ась?.. Сказывай, коль ты усё знаешь!..—говорилъ Артемъ, напирая на коновала.

— Чаво ты прилипъ къ яму?..—сказалъ, неожиданно выступая, Красновъ и уставился прямо въ глаза Артема...—Нешто мы табѣ знаемъ, откель ты пришелъ?.. Може ты самый и есть!.. Откуда у табѣ нашъ конь узялси?.. Нутка, сказывай!..

Артемъ въ свою очередь затихъ.

— Съ тобой, дуракомъ, толковать — гряха наберешьси, тольки усяво̀!..—проворчалъ онъ, поворачиваясь къ Ѳедору спиной и отходя отъ него, какъ бы не желая связываться съ нимъ.

— Про то̀, другъ, люди знаютъ, каковъ я есть—дуракъ ли, нѣтъ ли!.. По крайности, не конокрадъ, слава ти, Господи... И на томъ спасибо, пра!..

Кое-кто изъ ближнихъ мужиковъ разсмѣялся, но земскій начальникъ, предвидя ссору, поспѣшилъ объявить осмотръ лошади оконченнымъ и вернулся заносить о результатахъ его въ протоколъ, а на дворѣ оставилъ сотскаго и двухъ старостъ—наблюдать за порядкомъ.

Во время допроса всѣ свидѣтели единогласно подтвердили, что приведенная лошадь есть тотъ самый Мышатый, принадлежавшій Ефиму Чуднову, который мѣсяца два назадъ былъ уведенъ изъ ночнаго, что Мышатый еще сосуномъ, семь лѣтъ тому назадъ, ку-

---

[1]) Ко̀ломъ у лошади-самца называется нижній клыкъ. «Смоляной зубъ» появляется у коней послѣ восьмилѣтняго возраста.

пленъ Ефимомъ у земскаго начальника на заводѣ и съ тѣхъ поръ не сходилъ у нихъ съ глазъ, въ чемъ они готовы поклясться.

Одинъ Тимоѳей, тоже вызванный въ качествѣ свидѣтеля по просьбѣ Ефима, далъ какія-то странныя показанія.

— Ну, что же ты скажешь?.. — спросилъ земскій начальникъ, когда очередь дошла до него, и Тимоѳей, подойдя къ столу, сталъ передъ нимъ, сложивъ руки на животѣ и вперивъ косенькіе глаза свои въ какую-то неопредѣленную точку поверхъ его головы.

— Евтó насчетъ чаво, ваше высокородье?..—спросилъ онъ самымъ невиннымъ тономъ.

— Да насчетъ лошади!.. Чуднова эта лошадь, по названью Мышатый, или нѣтъ?.. Какъ думаешь?..

— Евта, что приведена?.. Тутотка, на дворѣ стоитъ?..

— Да.

— Люди говорятъ—яво́, ваше выскородье, а мы—нешто знаемъ?..

— Какъ же тебѣ не знать?.. Ты съ Ефимомъ изъ одной деревни, работаете всегда вмѣстѣ — и дома, и въ полѣ... Семь лѣтъ лошадь у Чудновыхъ во дворѣ!.. Какъ же не знать?..

— Это, ваше выскородье, точно такъ!.. Работаемъ мы, значитъ, завсегда умѣстѣ, потому, значитъ, міромъ!.. У насъ потому завсегда міромъ работàютъ, пахать ли, сѣять... или ишшо что!..

— Постой, ты про это не толкуй!.. —остановилъ его земскій начальникъ, замѣтивъ, что Тимоѳей нарочно отлыниваетъ отъ отвѣта на предложенный ему вопросъ. — Я тебя спрашиваю: узнаешь ли ты приведенную лошадь?.. Ефимовъ ли это Мышатый, или нѣтъ?

— Кто ё... ваше выскоблагородье!..—протянулъ Тимоѳей своимъ сладенькимъ монотоннымъ голосомъ, слегка переминаясь съ ноги на ногу и не сводя глазъ съ невѣдомой точки, на которую онъ уставился. — ...Добрè конь облохматѣлъ!.. Вишь вонъ какой шерстью обросъ!.. Опять — пуза-ты какая у яво̧ широченная... У Ехимова мерина допрежь, кажись, евтаго не было̧!..

— Ну, такъ что жъ?.. Животъ могъ и отъ плохого корма вздуться,— продолжалъ земскій начальникъ допрашивать Тимоѳея:—...а все-же узнать лошадь можно, видѣвши и зная ее подъ рядъ семь лѣтъ.

Тимоѳей вмѣсто отвѣта сосредоточенно вздохнулъ.

— Кормъ-то у мужиковъ, почесть, увездѣ одинаковъ... — проговорилъ Артемъ какъ бы въ поясненіе отвѣта Тимоѳея.—...Звѣстно лошадёмъ—солома!.. Нешто мы помѣшшики—лошадей овсомъ кормить?..

— Ты можешь предлагать свидѣтелю вопросы, относящіеся къ дѣлу, а разговоры о постороннихъ предметахъ—оставь!..—рѣзко замѣтилъ Артему земскій начальникъ. И потомъ, обращаясь снова къ Тимоѳею, онъ спросилъ:

— Что же ты можешь прибавить къ своему показанію?..

— Что жъ я могу сказать, ваше выскоблагородье?.. Потому намъ объ эвтихъ дяловъ ничаво неизвѣстно!.. — снова протянулъ Тимоѳей.

Начальникъ посмотрѣлъ на мужика испытующимъ взглядомъ. Зная его славушку, онъ сейчасъ же догадался, что это дѣло не миновало его рукъ.

Окончивъ слушаніе дѣла, земскій начальникъ началъ писать приговоръ, постановивъ признать лошадь несомнѣнно принадлежащею Ефиму Чуднову и упомянувъ о показаніи коновала и его опытѣ подпиливанія «смоляного зуба», по которому обнаружилась поддѣлка послѣдняго. Въ мотивировкѣ приговора также значилось, что обознанная лошадь лично ему, земскому начальнику, извѣстна, какъ родившаяся на его заводѣ и съ самаго рожденія принадлежавшая Ефиму, почему и постановилъ отобрать лошадь у Артема и передать ее на храненіе старостѣ той деревни, откуда былъ потерпѣвшій Ефимъ Чудновъ, впредь до вступленія рѣшенія въ законную силу.

Объявивъ рѣшеніе, земскій начальникъ снялъ знакъ и всталъ изъ-за стола.

— Этта какъ жа такъ?..—воскликнулъ Артемъ, напуская брови и посмотрѣвъ на земскаго начальника недобрымъ взглядомъ потемнѣвшихъ глазъ.—...Какъ жа такъ?.. Лошадь — моя, а вы таперича чужему мужику маво̀ живота отдали?.. Евто какой жа судъ?.. Евто— не судъ, а ишшо што попло́ша!..

— Грубить?.. Грубить еще смѣешь земскому начальнику?—воскликнулъ послѣдній, подходя къ Артему:—ступай вонъ, слышишь?.. А не доволенъ—можешь жаловаться!..

— Нѣтъ, господинъ барянъ!.. Ты таперя—не земско̀й... цѣпь-то, вишь, на столѣ оста̀лась, плявать я на табѣ хотѣлъ по ту сторону зубовъ, рас........

Артемъ пустилъ цѣлую струю непередаваемыхъ ругательствъ.

— Ей, сотскій!..—крикнулъ начальникъ, пріотворивъ дверь канцеляріи.—Убери-ка этого молодца отсюда!..

Сотскій подошелъ къ Артему и съ нерѣшительностью взялъ его за рукавъ.

— Не тронь!.. — свирѣпо зарычалъ Артемъ, метнувъ на него злыми глазами.

— Говорятъ вамъ, не доволянъ я эвтимъ судомъ!..—повторилъ Артемъ, обращаясь къ земскому начальнику, съ такимъ грубымъ выраженіемъ, съ какимъ умѣетъ говорить только нашъ русскій мужикъ, когда онъ думаетъ, что эта грубость останется безнаказанною.

— Если ты недоволенъ, можешь обжаловать мое рѣшеніе въ двухнедѣльный срокъ... Тебѣ объявлено...

— Скопію давайтя!..—продолжалъ ломаться мужикъ, выставивъ одну ногу впередъ и закладывая обѣ руки въ карманы.

— Можешь получить копію черезъ три дня...—отвѣтилъ начальникъ, собирая всё присутствіе духа, чтобы не вспылить.

Артемъ захохоталъ ему прямо въ лицо дѣланнымъ смѣхомъ.

Потомъ, сразу переходя на прежній суровый и нахальный тонъ, онъ прибавилъ:

— Эвто что-жъ?.. Я сичасъ, по вашему, долженъ три десятка верстъ пѣшей домой переть?.. Лошадь-то вы у меня отняли... Завтра тольки до двора добьюсь, а опосля, не вздохнумши, опять сюды за скопіей?.. Нѣтъ, господинъ, балуешь!.. Намъ по дорогамъ «слоновъ продавать»—недосужно!.. Эвто вы не мадель надумали!..

Онъ принялъ еще болѣе вызывающій видъ и тономъ приказанія присовокупилъ:

— Давайтя скопію сичасъ, слышьтя!.. Безъ того не пойду отсель!..

Начальникъ чувствуя, что наконецъ пора окончить эту безобразную сцену, подъ страхомъ скомпрометировать себя, какъ должностное лице, передъ остальными крестьянами, мигнулъ сотскому. Артемъ было заартачился, но къ сотскому на помощь подскочили мужики, находившіеся здѣсь, и сейчасъ же вывели ругавшагося Артема изъ канцеляріи.

5.

Артемъ взялъ копію черезъ три дня и въ установленный срокъ подалъ апелляцію. Онъ просилъ рѣшеніе земскаго начальника отмѣнить, предварительно переосмотрѣвъ лошадь въ уѣздѣ губернскаго города ветеринарнымъ врачемъ, и въ доказательство принадлежности ему лошади допросить указанныхъ имъ свидѣтелей. Слѣдовалъ цѣлый рядъ именъ и прозвищъ. Артемовыхъ свидѣтелей, впрочемъ, оказалось только двумя человѣками больше, чѣмъ было допрошено у земскаго начальника со стороны Ефима. Апелляціонная инстанція постановила уважить это ходатайство, для чего сдѣлала соотвѣтствующее распоряженіе, прося на то и другое дѣйствіе вызвать Ефима Чуднова съ лошадью. Дни были такъ разсчитаны, что Ефимъ имѣлъ время явиться и къ допросу свидѣтелей, и къ переосмотру лошади.

Въ назначенный день Ефимъ, снова въ сопровожденіи Ѳедора Краснова, прибылъ въ Грязный Долъ къ квартирѣ того самаго урядника Ивана Михайловича, который, по мнѣнію Артема, былъ «добре гораздъ писать». Часъ или полтора спустя, побрякивая колокольчикомъ и бубенчиками, къ крыльцу подъѣхалъ земскій начальникъ изъ упраздненныхъ мировыхъ судей, укутанный съ головой въ овчинную шубу, повязанную по воротнику пестрымъ шарфомъ. Онъ долго барахтался въ саняхъ съ высокой ковровой спинкой, вытаскивая ноги изъ-подъ теплой полости. Освободившись наконецъ, онъ не безъ усилія поднялся на крыльце и протиснулся въ узкія двери избы. За нимъ слѣдовалъ письмоводитель съ портфелемъ. Пока

земскій начальникъ снималъ шарфъ, шубу и галоши, на улицѣ послышался гулъ перемѣшивавшихся между собой голосовъ, крики, ругань и безсвязное, очевидно, пьяное пѣніе. Это шла толпа Артемовыхъ свидѣтелей.

Когда земскій начальникъ, оказавшійся маленькимъ, толстенькимъ, съ длинной и широкой бородой во все лице, совершенно лысымъ человѣчкомъ, съ лѣнивыми глазами, обличавшими его равнодушіе ко всякому дѣлу,—надѣлъ знакъ, сѣлъ за дубовый столъ въ углу подъ образами и взялся за бумаги, свидѣтели, широко распахнувъ двери, стали всей толпой втискиваться въ избу. Но урядникъ и письмоводитель сейчасъ же осадили ихъ и захлопнули за ними дверь. Начальникъ сталъ вызывать ихъ по одиночкѣ, но мужики, наскучивъ ожидать на дворѣ, снова стали порываться въ избу, сначала по-двое, по-трое, и потомъ, видя, что никто не противится ихъ своеволію, ворвались въ избу всей гурьбой.

Изба тотчасъ же наполнилась запахомъ вина и лука. Всѣ были выпивши. Нѣкоторые едва держались на ногахъ. Одинъ мужикъ былъ настолько пьянъ, что пошатнувшись упалъ на столъ, гдѣ писалъ начальникъ, и чуть не опрокинулъ его походную чернильницу. Но начальникъ, повидимому, не замѣчалъ этого и продолжалъ допросъ. Онъ, вѣроятно, трусилъ пьяной толпы. По крайней мѣрѣ, въ его оживившихся теперь глазахъ ясно отражалось настойчивое желаніе какъ можно скорѣе покончить и уѣхать.

Само собою разумѣется, что всѣ чуть ли не одними и тѣми же словами показали такъ, какъ было нужно Артему.

Когда земскій начальникъ, очистивши нумерокъ, снова облекся въ путевые доспѣхи и съ облегченнымъ сердцемъ уѣхалъ, мужики, выпивъ еще по стакану вина, который поднесъ имъ на этотъ разъ уже изъ собственныхъ рукъ благодарный Артемъ, стали расходиться по своимъ деревнямъ.

— Эхъ, братецъ ты мой!... Великій грѣхъ на душу узяли мы съ тобой сичасъ, истинный Господь!..—говорилъ плаксивымъ голосомъ одинъ мужикъ изъ сосѣдней деревни, идя съ другимъ, своимъ односельцемъ, по дорогѣ домой.

— Эвто ты, кумъ, то-ись, къ чаму?.. спросилъ тотъ.

— А къ тому, кумъ, что, значитъ, показали мы, къ примѣру... облыжно!.. Н-нда!.. Нешто мы съ тобой мерина-ты знаемъ?.. Нябось, и въ жисть не видали, а тутъ, почесть, присягу приняли!.. Артемку-то мы отлично понимаемъ: конокрадъ енъ дошлый, звѣстно, что говорить... нябось, усякъ знаетъ про яво!.. Что ни восень—новую лошадь ведетъ!.. Н-нда!.. Такъ-то, нябось, и эвтаго мерина уперъ гдѣ ни на есть, пра!..

Онъ помолчалъ и потомъ, впадая въ искреннее сердечное сокрушеніе, прибавилъ, сморщивъ лице и будучи не въ силахъ удержать слезъ:

— О Господи, Господи!.. Гряшишь этта, гряшишь, къ примѣру... и конца краю гряхамъ нѣту-ти!..

Онъ отеръ слезы мѣхомъ полушубка и шумно высморкался.

— Эвто ты точно, кумъ!..—отвѣчалъ другой мужикъ,—што говорить?.. Гряха не проспишь!.. Дыть, ничаво не подѣлаешь!.. Перва-наперво вина, значитъ, Артемъ поднесъ, разъ,—онъ загнулъ палецъ.—Какъ тутъ не вызволить?.. Второе дѣло... тае... нешто супротивъ Артема возможно?.. Ни въ жисть... разоритъ, окаянный, пра... посведетъ усѣхъ животовъ изъ деревни!.. И, значитъ, управы на яво не найдешь... потому, кумъ, кто жъ за насъ съ тобой, значитъ, заступитси?.. Кому нужно?.. Нонеча мошенникамъ тольки и жить!.. Пра, велико слово!..

И вдругъ, махнувъ рукой и видимо желая забыть о тяжелыхъ темахъ, возбужденныхъ товарищемъ, мужикъ на все поле затянулъ охрипшимъ носовымъ фальцетомъ:

Бы-ы-ла вре-е-мя,
Время—весело-о-о-о-я...[1]).

Осмотръ Мышатаго производилъ не «скотской дохтуръ», какъ ветеринарныхъ врачей зовутъ крестьяне, и какъ требовалось апелляціонной инстанціей, а такой же ветеринаръ-фельдшеръ, какихъ двà производили экспертизу при разборѣ дѣла у земскаго начальника. Разница была только въ томъ, что этотъ фельдшеръ состоялъ на земской службѣ. Такимъ образомъ вторичный осмотръ терялъ всякое значеніе повѣрки, а тѣмъ болѣе авторитетности.

Ѳедоръ и даже Ефимъ сейчасъ же обратили вниманіе на красный, покрытый у ноздрей синими жилками носъ и стеклянные безъ всякаго опредѣленнаго выраженія глаза фельдшера.

Послѣдній, казалось, и теперь былъ выпивши. Онъ, нимало не стѣсняясь, переглядывался съ Артемомъ, пересмѣивался съ нимъ чему-то и нѣсколько разъ, наклоняясь къ его уху, что-то шепталъ.

Артемъ держалъ себя, какъ человѣкъ, увѣренный въ успѣхѣ, и насмѣшливо поглядывалъ то на Ефима, то на Ѳедора Краснова.

Протоколъ осмотра былъ въ пользу Артема.

— Нешто эвтотъ-то драчъ[2]) умнѣй-ча тѣхъ, что смотрѣли Мышатаго у нашего земскòва?.. — спрашивалъ Ефимъ, когда онъ съ Ѳедоромъ некрупной рысцой трусилъ по дорогѣ къ дому.—...На кой прахъ эвтотъ разъ ишшо было Мышатаго трявожить?.. Нешто одурѣли оны тàмотка штоль-ча?..

— Эхъ, братецъ ты мой, одурѣли?..—замѣтилъ Ѳедоръ глубокомысленно.—...Нешто на службѣ-то мало дураковъ?.. Вумная-то голова завсегда сабѣ хлѣбушка промыслитъ, а дураку игдѣ-жъ узять, какъ не на службѣ?..

---

[1]) Въ пѣснѣ, по ритмическимъ причинамъ, слово «весёлое» произносится— «веселòе», а крестьянство произноситъ: «была время веселòя».

[2]) Спеціалистъ по обдиранію шкуръ съ дохлыхъ животныхъ.

Мѣсяца полтора спустя, когда въ апелляціонную инстанцію были доставлены протоколы допроса Артемовыхъ свидѣтелей и переосмотра лошади, дѣло Чуднова было назначено къ слушанію.

На этотъ разъ въ составѣ участвовалъ одинъ только земскій начальникъ, молодой человѣкъ изъ «орденскихъ» дворянъ, недавно окончившій курсъ въ какой-то агрономической школѣ высшаго разряда, очень ученый, какъ и всѣ агрономы, которые развелись на Руси съ тѣхъ поръ, какъ земледѣліе стало падать, и въ то же время по-молчалински искательный молодой человѣкъ, никогда не имѣвшій своего мнѣнія, предпочитая придерживаться мнѣнія большинства. Предсѣдательствующій и городской судья, выходецъ изъ податнаго сословія, ненавидѣвшій поэтому дворянъ, принадлежали къ присяжной юстиціи и потому пренебрежительно относились къ «доморощеннымъ юристамъ», какъ они называли земскихъ начальниковъ, которымъ они всегда искали случай дѣлать каверзы, мало заботясь о томъ, что отъ этого страдало только дѣло, что было самое важное, а купецъ почетный судья, очень гордившійся лестнымъ для него званіемъ, никому не перечилъ, чтобы быть избраннымъ и на слѣдующее трехлѣтіе.

Послѣ доклада дѣла и «рѣчи» мѣстнаго «аблаката» Красавцева, очень витіеватой, но мѣщански-вычурной и въ сущности безтолковой, такъ какъ Красавцевъ почему-то все время старался доказывать невиновность Артема въ похищеніи лошади Чуднова, о чемъ не было и намека, — предсѣдательствующій обратился къ Ефиму, мирно дремавшему на передней скамейкѣ.

— Чудновъ...—сказалъ онъ, зѣвнувъ въ руку.

Ефимъ всталъ со скамейки, сейчасъ же потупилъ глаза и началъ молча переминаться съ ноги на ногу.

— Ну, что же вы молчите?.. — снова спросилъ предсѣдательствующій.

— Дыть, что-жъ я скажу?.. — тихо отвѣтилъ Ефимъ, пожавъ плечами.

— Такъ не можете?.. — снова спросилъ членъ.

— Дозвольтя, господинъ... ваша выскобродья...—вдругъ воскликнулъ Красновъ, вскочивъ со своего мѣста и быстро подходя къ судейскому столу:—...дозвольтя сказать... Какъ мы таперича судимшись съ Артемомъ, усяго наслышались до-сытя, покель ня надоть... хошь бы эвтотъ самый Красавчикъ бряхалъ тутотка, альни ухи заболѣли, пра, — онъ мотнулъ головой въ сторону Красавцева,—...а намъ ничаво, значитъ, не жалательно... толки, явитя Божескую милось, отпуститя насъ съ мериномъ ко двору... Ей-Богу, пра—мочи нашей нѣтути, отошшали мы увовся отъ эвтой канители. Чаво тутъ толковать?.. Даже усѣ знаютъ, что мерянъ—нашъ...

— Господинъ предсѣдательствующій... — воскликнулъ обидѣвшійся Красавцевъ—...я прошу занести въ протоколъ... этотъ человѣкъ меня оскорбилъ публично, сказавъ, что я брешу...

— Нябось, не слиняешь...—возразилъ Красновъ, махнувъ рукой.

Въ публикѣ громко засмѣялись.

Предсѣдательствующій зазвонилъ и, когда шумъ умолкъ, спросилъ Ѳедора, кто онъ такой.

— Этта мы-то?.. Сусѣдъ Ехимкинъ, изъ одной деревни, значитъ... — отозвался Ѳедоръ.

— Вы не можете говорить за Чуднова, потому что вы не повѣренный,—сказалъ ему предсѣдательствующій.

— Чаво-жъ что не довѣренный?..—удивился Ѳедоръ.—Съ Покрова почесть по усѣмъ мястамъ съ Ехимомъ шлялись ня жрамши, альни пузо къ бородѣ подвяло, да не моги я сказать!.. Яви Божеску милось, ваша выскобродья, стань за отца, за мать—ослобони ты насъ съ меряномъ...

Онъ потянулъ Ефима за рукавъ и вмѣстѣ съ нимъ сталъ на колѣна.

— Садитесь, садитесь, говорятъ вамъ... — крикнулъ на него предсѣдательствующій.

И затѣмъ, когда они встали, онъ обратился къ прокурору, прося его заключенія по существу. Послѣдній, еще очень юный, повидимому, очень недавно оставившій школьную скамью, сейчасъ же сконфузился и началъ что-то говорить про себя, изъ чего судьи должны были понять, что онъ склоняется къ отмѣнѣ рѣшенія земскаго начальника и полагалъ лошадь возвратить Артему.

Во время перерыва, земскій начальникъ, рѣшавшій дѣло Чуднова и Артема, вошелъ въ совѣщательную комнату и подошелъ къ предсѣдательствующему.

— Побойтесь Бога... — сказалъ онъ взволнованно,—...что же вы сдѣлали съ Чудновымъ?.. Вѣдь вы разорили мужика... Да что?.. Вы весь дворъ, все хозяйство его разорили своимъ рѣшеніемъ!.. Съ другой стороны вы, такъ сказать, поощрили завѣдомаго конокрада: кто не знаетъ въ округѣ, что такое Грязный Долъ, и чѣмъ промышляетъ тамошнее крестьянство?.. Вѣдь вы дали конокрадамъ очковъ пятьдесятъ впередъ... посмотрите, какое теперь конокрадство пойдетъ въ нашей мѣстности!..

— Н-да...—замѣтилъ судья-купецъ.—...это вы точно-съ... Какъ рыбу изъ садка тащить зачнутъ!..

— Позвольте, господа...—возразилъ членъ—...позвольте... Судъ не долженъ входить въ эти разсужденія... Ему нѣтъ дѣла, кто кого разорилъ, и разорился ли кто нибудь или нѣтъ!.. Задача суда только слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый владѣлъ тѣмъ, что ему принадлежитъ, и не покушался на имущество другаго!.. Поэтому ему слѣдуетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла исключительно по существу и имѣющимся въ немъ даннымъ...

— А что же вамъ мало данныхъ?..—перебилъ его земскій начальникъ. — При разбирательствѣ у меня, спрошено тридцать три свидѣтеля, два военныхъ фельдшера и коновалъ, который выяснилъ, что зубъ у лошади поддѣланъ, выщипаны грива и хвостъ... Чего же вамъ еще нужно?.. Какого вамъ еще существа дѣла и данныхъ?..

— Этихъ указаній въ дѣлѣ нѣтъ!..—приторно-вѣжливо сказалъ членъ.

— Какъ нѣтъ?.. Есть, я вамъ говорю!.. — съ сердцемъ сказалъ начальникъ... Посмотрите въ дѣлѣ повнимательнѣе!.. И потомъ болѣе спокойнымъ тономъ онъ продолжалъ:

— Да помимо этого... я лично... я заявляю въ протоколѣ судебнаго разбирательства, что обознанная у грязно-дольскаго мужика лошадь—та самая, которая куплена у меня на заводѣ, что я ее знаю съ жеребячьяго возраста... Мое-то удостовѣреніе имѣетъ какой нибудь вѣсъ и значеніе, или нѣтъ?.. Если законъ предоставляетъ судьѣ право внутренняго убѣжденія, то несомнѣнно вѣритъ въ совѣсть судьи, предоставляя этой совѣсти рѣшить дѣло такъ или иначе не по однимъ внѣшнимъ даннымъ, а по такимъ, которыя для другихъ часто неуловимы... Но дѣло совершенно не въ такомъ положеніи, напротивъ... въ немъ такая масса фактовъ, что очевидность принадлежности лошади Чуднову не могла не быть убѣдительной здѣсь, во второй инстанціи...

— Да, внутреннее убѣжденіе по имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ,—подчеркнулъ членъ язвительно,—но не надо забывать, что въ апелляціонной инстанціи обстоятельства, коими руководились вы,—измѣнились; во-первыхъ, въ другомъ уѣздѣ тридцать пять человѣкъ свидѣтелей показали, что обознанная лошадь лично имъ извѣстна, какъ всю жизнь принадлежавшая Артему, что коню не семь, а девять лѣтъ, и это подкрѣпляется бумагой земскаго начальника, къ которой приложенъ протоколъ осмотра ветеринарнаго врача...

— Не врача, а фельдшера... — перебилъ земскій начальникъ,— такого же фельдшера, какихъ у меня опрашивалось два...

— Прекрасно, но я полагаю, что разъ измѣнились обстоятельства дѣла, которыя послужили основаніемъ вашему убѣжденію, должны и мы получить другое убѣжденіе, другой взглядъ на это дѣло?.. Это именно и выразилось во мнѣніи большинства, которымъ мы и обязаны руководствоваться...

— Большинство?..—повторилъ съ оттѣнкомъ презрѣнія земскій начальникъ,—ужъ лучше не говорили бы вы про ваше здѣшнее большинство!..

— Да, но во всякомъ случаѣ, какъ бы тамъ ни было, а большинство рѣшило такъ, и если вы безповоротно убѣждены, что наше рѣшеніе неправильно, то вы или ошибаетесь сами, или же конь этого крестьянина есть двойникъ того коня, котораго вы знали!.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Во всякомъ случаѣ, — добавилъ онъ уже на ходу и дѣлая что-то въ родѣ полупоклона,—наше слово не послѣднее... Мужикъ можетъ еще жаловаться въ кассаціонномъ порядкѣ...

Взбѣшенный тономъ и узкостью иноземца, рѣшающаго судьбу русскаго человѣка, смысла которой онъ очевидно не понимаетъ, или, вѣрнѣе, не хочетъ понять, начальникъ собирался возражать, но одумавшись сдержался.

— Не стоитъ...—подумалъ онъ,—все равно ничего изъ этого не выйдетъ... Партійность и буквоѣдство заѣдаютъ правду...

Онъ махнулъ рукой и поспѣшно вышелъ изъ совѣщательной.

5.

Въ кассаціонной инстанціи, несмотря на предстательство земскаго начальника, апелляціонное рѣшеніе утвердили, оставивъ жалобу Ефима безъ послѣдствій. Никому не было охоты рыться въ дѣлѣ, доискиваться существа. Могли бы, конечно, взглянуть на доводы земскаго начальника въ порядкѣ надзора, отбросивъ мертвыя формы классическаго судопроизводства, но этого не пожелали. На дѣло посмотрѣли съ чисто юридической точки зрѣнія и такъ какъ со стороны формъ и обрядностей судопроизводства все обстояло благополучно, то и утвердили, какъ правильное, рѣшеніе апелляціонной инстанціи.

Въ Ефимовой деревнѣ диву дались. Мужики, да и бабы, пересуживали Ефимову бѣду и никакъ не могли понять тонкаго юридическаго смысла, по которому отняли у хозяина его лошадь, его достояніе и передали другому.

— О-о-о... да неузли-жъ такъ и сгинулъ Мышатый?..—спрашивала жена Краснова, сладенькая, вѣчно улыбавшаяся бабенка, почему-то прозванная въ деревнѣ Чефирочкой, у старухи Марѳы, жены старосты, встрѣтившись съ нею вечеромъ у водопоя, когда поили скотину.

— Сгинулъ, дѣвушка, сгинулъ!.. Стало, яму такъ-то на роду написано, пра...новому хозяину служитъ!..—отвѣчала Марѳа, подпирая лицо одною рукой и вытирая углы рта другой. — Давча, этта я—тольки пополудновали—зашла, стало быть, къ Чудновымъ...—продолжала она... дай, молъ, погляжу, что у нихъ, какъ?.. Ехимъ этта—у лѣсъ ушедши, по дрова, а Вольга воколо печки хлопочетъ, чугуны тамъ, кой-что прибираетъ. Я такъ-то ей, этта: что, молъ, кума, какъ Господь тебѣ милуетъ, говорю?.. А она, любушка, этта, какъ глянетъ на меня, да какъ увзвоетъ!.. Ей-Богу—пра!.. Разорители, говоритъ, апослѣдняго [1]) куска рѣшили!.. «На нѣтъ» увовся сопли

---

[1]) Послѣдняго лишили.

мы!.. На чемъ, говоритъ, пахать—скородить таперича будемъ... хлѣбъ, сѣно убирать?.. Кольки время Мышатаго дожидали?.. Поили, кормили, ростили... А таперича чуточкю и порадоваться, лиходѣи, на яво̀ не да̀ли!.. У петлю намъ, говоритъ, съ Ехимкой у пору—во̀ какая, говоритъ, наша житье!.. Эхъ, говорю, болѣзная, чаво гряшишь, пра̀?.. Усе ишшо старикъ Подласый-то живъ—службу справитъ, на нѣтъ не сойдешь... А она, Вольга-то: ты погляди-ка, поди, на яво̀, говоритъ, на Подласаго-ты... Сичасъ, дамно ли святки прошли, а у яво брюха-то почесть по землѣ волокется съ безкормья... маслакѝ коло̀мъ торчатъ!.. Да и зубы-то добрѐ плохи стали, говоритъ, кормъ добрѐ плохо сталъ жавать!.. Нешто на ёмъ, говоритъ, на такомъ-то много наработаешь?.. Эхъ-ма, говоритъ, Машатенька-а-й ты нашъ, игдѣ ты таперича?... Головушка ты наша болѣзная, долюшка наша сиротливая-я!.. Некому за насъ-сиротъ попечаловаться!.. Да какъ заголоситъ, какъ заголо̀ситъ, этта, Вольга-ты!.. Усе рамно, какъ по покойнику, пра̀!.. Ей-Богу!..

— И то, кума...—сказала Чефирочка, по привычкѣ и не кстати засмѣявшись всѣми своими морщинками:—...и допрежь-то не богато жили, а теперича безъ Мышатаго Чудновымъ — крышка!.. Куда-жъ Подласый?.. Яму̀, нябо̀сь, годовъ двадцать таперь есть?..

Какъ разъ въ эту минуту старикъ староста, мужъ Маренты, шелъ по дорогѣ, возвращаясь изъ волости, и, увидавъ жену и Чефирочку, остановился около нихъ.

— Чаво тутъ языками-то перезваниваетя?..—спросилъ онъ шутя.

— Да вотъ объ Чудновыхъ, этта, съ Мархвой толкуямъ!..—отозвалась Чефирочка.

— Что́ Чудновы!..—сказалъ старикъ:—плохое ихъ дѣло, шабашъ!..

— А что?..—спросили обѣ бабы почти разомъ.

— Вотъ сичасъ у волостной сказывали: Артемка-то, супостатъ, подалъ на Ехима прошенію у волостную... [1]). Сто рублевъ, вишь, убытковъ домогается!.. Писарь сказывалъ... Ей-Богу!..

— О-о-о?.. протянули обѣ бабы.

— Головушка!..—воскликнула Мареа, всплеснувъ руками.

— Ишь яво, пралика!..—замѣтила Чефирочка:—разохотился на чужое добро...

— Эхъ, дѣушка...—воскликнулъ старикъ съ чувствомъ.—Какъ не разохотиться, когда, вишь—судъ... ишшо какой судъ-ты, не нашъ «лапотный», а господскій, усе рамно—на смѣхъ присудилъ лошадь во̀ру?.. А почяму?.. Да нешто эвти-ты судьи — настояштенскіе господа?... Тольки слава одна, пра̀!.. Таперича такихъ-то «господъ»—кольки твоей, значитъ, душѣ угодно. Вонъ нашъ земской—эвтотъ двистительно, прямѣйча сказать—барянъ!.. Хоша и строгъ, ну, а въ

[1]) Мѣстное произношеніе, слѣдуетъ: «прошеніе въ волостное».

обиду никого не дастъ, эвто точно!.. Почяму-что ёнъ взапра̀вдашный барянъ, тутошный, корянной!.. Туточка увесь яво́ родъ: и отецъ, значитъ, и дѣдъ, и прадѣдъ, царство небесное, съ нами вѣкъ свѣковали!.. А энти...—староста махнулъ головой по направленію города,—нешто энто господа?.. Оны ишшо хорошо-то тремъ свиньямъ замѣсить пойла не сумѣютъ, пра̀... а не токмо что распознать хозяина отъ вора!...

Староста досадливо сплюнулъ въ сторону. Черезъ минуту онъ продолжалъ нѣсколько спокойнѣе, но съ невыразимымъ оттѣнкомъ насмѣшки:

— Да имъ нужно?.. Хоша-бъ мы усѣ провалились скрозь землю, и тоды бы усё ничаво... потому оны землю не пашутъ, хлѣбъ не сѣютъ!.. Чаво̀ имъ до насъ?.. Казну сабѣ, знай получаютъ, ну, и сыти [1]).

Этою же зимой, великимъ постомъ, околѣлъ Подласый, частью отъ старости, частью отъ плохого и недостаточнаго корма. Весной пахать землю стало нѐ на чемъ, и Ефимъ, сдавъ полевой надѣлъ обществу, ушелъ въ заработки. Ольга стала ходить по работамъ поденщицей. Домъ Чудновыхъ опустѣлъ; кое-гдѣ уже и крыша похилилась, разбились стекла въ рамахъ, обвисли двери на перержавѣвшихъ петляхъ.

Впрочемъ не одинъ Ефимъ «сошелъ на нѣтъ». На многихъ еще разорители наложили свою Каинову руку.

Изъ уѣзда, хотя и осторожно, «чтобы не обезпокоить», но всеже доносили, что случаи конокрадства усиливаются. И это была правда въ особенности по отношенію къ той мѣстности, гдѣ былъ украденъ Ефимовъ Мышатый... Но изъ губерніи продолжали отписывать, что все обстоитъ благополучно, и между прочимъ, что конокрадство ослабѣваетъ, благодаря неусыпно принимаемымъ энергическимъ мѣрамъ... Какъ посмотрѣлъ праведный судъ на дѣло о взысканіи Артемомъ съ Ефима Чуднова «убытковъ»—неизвѣстно, но Ефиму теперь, когда онъ и семья его разорены, это совершенно все равно: взять съ него, конечно, уже нечего...

Говорятъ, что не въ одной только этой мѣстности до сихъ поръ благоденствуютъ разорители...

В. А. Тимашевъ-Берингъ.

[1]) Сыты—мѣстное произношеніе.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО МОРЯКА.

ОСПОМИНАНІЯМИ своими, носящими характеръ личныхъ впечатлѣній, я хочу познакомить съ прежней жизнью моряковъ на парусныхъ судахъ, а также коснусь пролога къ великой исторической драмѣ. Во время Севастопольской кампаніи я былъ юнкеромъ. Мы, юнкера, въ числѣ 50 человѣкъ, добровольно выразили желаніе принять участіе въ защитѣ Севастополя, и остались бы раздѣлять наравнѣ съ другими тяжелыя испытанія одиннадцати-мѣсячной осады; но смертельно раненому 5-го октября на Малаховомъ курганѣ адмиралу Корнилову не измѣнилъ ни его умъ, ни его широколюбящая натура: испытывая страшныя физическія муки, чуть ли не въ предсмертной агоніи, онъ остановилъ свой потухающій взоръ на присутствующихъ около него юнкерахъ и, обращаясь къ капитанъ-лейтенанту Бурхановскому, съ трудомъ, между прочимъ, произнесъ: «отправить немедленно юнкеровъ въ Николаевъ».

I.

Въ существовавшей въ 50-хъ годахъ Николаевской черноморской юнкерской школѣ, по прекращеніи научныхъ занятій, обыкновенно юнкеровъ на лѣтнее время назначали на суда для практическаго плаванія, что̀ ожидалось ими съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ 1854 году, война уже была объявлена, весь флотъ нашъ заперся въ Севастопольской бухтѣ, и мы теряли всякую надежду совершить обычную, облюбованную нами, лѣтнюю прогулку по Черному морю.

Май мѣсяцъ приближался къ концу. Классныя занятія прекратились; но насъ продолжали обучать фронту и ружейнымъ пріемамъ. Нашъ бывшій деректоръ, контръ-адмиралъ Юхаринъ, по этой части былъ весьма требователенъ. Въ то время пріемы фронтовой службы были чрезвычайно тягостны, и кому приходилось пройти эту школу, тотъ не будетъ этого отрицать; ни къ чему не ведущее медленное вытягиваніе ноги въ три пріема, заряжаніе ружья въ 12-ть темповъ, въ послѣдующее время при одномъ воспоминаніи возбуждавшее смѣхъ, въ то время вызывали у многихъ изъ насъ слезы.

28-го мая, стоялъ жаркій день; мы были очень утомлены маршировкой и ружейными пріемами; приближался обѣденный часъ. Вдругъ раздалась команда дежурнаго офицера «смирно», «во фронтъ». Одна минута, и мы выстроились въ двѣ шеренги. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ остановился экипажъ, пріѣхалъ вице-адмиралъ Корниловъ [1]), средняго роста, стройный, немного худощавый, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ; ласково улыбаясь, онъ подошелъ къ фронту со словами «здорово, юнкера». Мы искренно привѣтствовали обожаемаго нами адмирала. «Я вамъ привезъ пріятную для васъ новость: черезъ недѣлю вы будете отправлены сухимъ путемъ въ Севастополь и размѣщены на суда, а до того времени вы свободны». Какая радость! трудно передать, какъ мы были пріятно взволнованы такой внезапной перемѣной образа жизни; одна мысль неотступно преслѣдовала насъ: поскорѣе отправиться въ Севастополь.

Черезъ недѣлю мы всѣ были въ сборѣ; въ оградѣ зданія юнкерской школы стояло семь крытыхъ татарскихъ фургоновъ. За нѣсколько часовъ до нашего отправленія, дворъ началъ наполняться родными и знакомыми юнкеровъ; пріѣхалъ проститься съ нами Корниловъ. «До свиданія, юнкера»,—сказалъ онъ,—«если представится къ тому случай, докажите, что вы съ честью носите свой мундиръ». Предчувствовалъ ли онъ, что юнкера эти чрезъ пять мѣсяцевъ отнесутъ его смертельно раненаго съ Малахова кургана на перевязочный пунктъ, и, умирая, онъ прикажетъ отправить ихъ немедленно въ Николаевъ?

Когда было все готово, караванъ нашъ двинулся по направленію къ Херсону. Въ тотъ же день, въ три часа, мы уже плыли на баржахъ, нагруженныхъ фургонами, по направленію къ Алешкамъ (уѣздный городъ Таврической губерніи на противоположной сторонѣ рѣки Днѣпра). Около недѣли продолжался нашъ путь.

Помню, солнце было на закатѣ, когда мы прибыли на сѣверную

---

[1]) Начальникъ штаба Черноморскаго флота.

сторону Севастополя. Наступалъ вечеръ; на другой сторонѣ бухты, амфитеатромъ, въ своемъ еще полномъ величіи возвышался городъ.

Въ его обширнѣйшихъ бухтахъ въ мірѣ стоялъ весь Черноморскій флотъ. Солнце закатилось, съ адмиральскаго флагманскаго корабля грянулъ выстрѣлъ, эхомъ отдаваясь въ ущельяхъ горъ. Завертѣлись на судахъ брамъ-реи и съ спускомъ кормовыхъ флаговъ полетѣли внизъ. Полились звуки гимна. Трудно было оторвать глаза отъ этой чудной, оживленной картины. Красиво стояли правильной линіей стопушечные гиганты, съ каждаго изъ нихъ неслись стройные звуки оркестровъ и пѣнія матросскаго хора. По зеркальной поверхности рейда быстро скользили разнообразной конструкціи гребныя суда, большею частью направляясь къ Графской пристани. А тамъ, на берегу, по всѣмъ направленіямъ, какъ бы соперничая съ морской силой, грозно высматривали изъ амбразуръ береговыхъ батарей тысячи орудій, ожидая въ защиту своего родного города выпустить давно залежавшіеся въ ихъ дулахъ снаряды.

Я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей были назначены на флагманскій 120-ти-пушечный корабль «Трехъ Святителей», стоявшій подъ флагомъ вице-адмирала Новосильскаго; командовалъ кораблемъ капитанъ перваго ранга Кутровъ. На этомъ левіафанѣ помѣщалось около тысячи человѣкъ команды, при сорока офицерахъ; несмотря на такую массу живущихъ на немъ людей, порядокъ и чистота были образцовые; на палубѣ во время авральныхъ [1]) работъ, когда вся команда была на верху, слышны были только командныя слова старшаго офицера да свистки унтеръ-офицеровъ. Вся работа исполнялась молча и вмѣстѣ съ тѣмъ съ изумительной быстротой: раскрѣпить, отдать, вытянуть болѣе 20-ти парусовъ, все это исполнялось въ 5—6 минутъ времени; выстрѣлъ изъ орудій производился въ 18 секундъ. Всѣ такія авральныя работы начинались и оканчивались по сигналу съ корабля «Императрица Марія», стоявшаго подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова. Бѣда, если одно изъ судовъ замедлитъ отвѣтомъ, или неточно пойметъ сигналъ, а еще болѣе доставалось тому, у кого движеніе производилось медленно или неаккуратно; въ такомъ случаѣ на кораблѣ «Марія» подымались вымпела этого судна, и раздавался выстрѣлъ, что̀ означало строгій выговоръ.

Адмиралъ Нахимовъ большую часть дня проводилъ на верхней палубѣ корабля, ни на минуту не оставляя подзорной трубы, слѣдя за всѣмъ, что происходитъ на рейдѣ; почти не случалось, чтобы какая нибудь ошибка или неисправность ускользнули отъ его зоркаго взгляда. Какъ-то на «Императрицѣ Маріи» былъ поднятъ сигналъ «прислать съ эскадры писарей»; съ корабля «Три Святителя» былъ посланъ подъ моей командой катеръ. Проходя по пути

---

[1]) Авраль: созваніе всего корабельнаго экипажа на палубу.

мимо стоявшихъ на якорѣ судовъ, я невольно залюбовался ихъ красивымъ контуромъ и упустилъ изъ виду свою прямую обязанность: слѣдить за своими гребцами. Приставъ къ флагманскому кораблю, я получилъ приказаніе вахтеннаго офицера подняться на верхъ и явиться къ адмиралу. Взойдя на палубу и снявъ фуражку, я подошелъ къ юту корабля, по которому медленно взадъ и впередъ шагалъ съ заложенными назадъ руками, съ фуражкой, надвинутой на затылокъ, высокаго роста, въ вице-адмиральскихъ эполетахъ, немного сутуловатый господинъ.

— Съ какого судна?—спросилъ онъ.

— Съ корабля «Три Святителя», ваше превосходительство.

— А шлюпка-съ, на которой вы пришли, тоже съ корабля-съ?—не безъ ироніи спросилъ адмиралъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— На военной шлюпкѣ-съ и такъ грести, — уже не безъ нѣкотораго раздраженія, принимая болѣе строгій видъ, продолжалъ Нахимовъ и приказалъ мнѣ сѣсть на катеръ и обогнуть нѣсколько разъ корабль.

Нечего и говорить, что гребцы приложили все свое старанье и умѣнье, чтобы загладить свою вину; около десяти разъ я обошелъ кругомъ корабля, приподымая голову, чтобы уловить — не обнаружитъ ли своимъ движеніемъ уже прославившій на весь міръ свое имя синопскій герой, что моя не совсѣмъ пріятная для меня прогулка окончена. Наконецъ онъ машетъ рукой, и мой катеръ быстро пошелъ къ своему кораблю, на которомъ я еще долженъ былъ искупить свою вину, отсидѣвъ по приказанію вахтеннаго начальника полтора часа на гротъ-саленгѣ [1]).

Павелъ Степановичъ Нахимовъ не любилъ, чтобы офицеры, тѣмъ болѣе холостые, съѣзжали съ своихъ кораблей въ будніе дни по своей надобности на берегъ,—до спуска кормовыхъ флаговъ, т. е. до заката солнца. Самъ онъ рѣдко бывалъ на берегу, и если это случалось, то при встрѣчѣ, въ особенности молодыхъ офицеровъ, онъ нерѣдко спрашивалъ: «вы, вѣроятно-съ, здѣсь по служебной обязанности?»—и если спрашиваемый давалъ отрицательный отвѣтъ, то Нахимовъ узнавалъ фамилію офицера, и этого было достаточно, чтобы отбить всякое желаніе повторить подобную отлучку съ судна. При встрѣчѣ же другой разъ того же офицера на берегу, съѣхавшаго до заката солнца для своего удовольствія, онъ приказывалъ ставить его не въ очередь на вахту или въ караулъ.

Адмиралъ обладалъ прекрасной памятью: разъ онъ останавливалъ свое вниманіе хотя нѣсколько минутъ на какомъ нибудь лицѣ, то онъ долго его не забывалъ; на себѣ мнѣ пришлось это испы-

[1]) Саленгъ: брусья, крестообразно положенные на верху стеньги. Стеньга: тонкое дерево, на верху мачты, служащее ей продолженіемъ.

тать. Послѣ перваго моего знакомства съ адмираломъ, окончившагося такими для меня непріятными послѣдствіями, лейтенантъ Нарбутъ какъ-то предложилъ мнѣ управлять рулемъ гички, которая должна была перевезти его знакомую, жену адмирала Панфилова, съ Графской пристани въ Новую Голландію, ея лѣтнее пребываніе. По пути, отвѣчая на предлагаемые мнѣ вопросы Панфиловой, я не обратилъ вниманія на приближавшійся къ намъ вельботъ подъ адмиральскимъ флагомъ; замѣтивъ его уже очень близко и увидѣвъ сидящаго въ немъ адмирала Нахимова, я до того растерялся, что вмѣсто того, чтобы положить руль вправо на бортъ, положилъ его налѣво; хотя гичка и не столкнулась съ вельботомъ, но неизбѣжно должна была пройти мимо него вплотную. Я слышалъ, какъ адмиралъ скомандовалъ своему вельботу «весла по борту», что̀ приказалъ и я сдѣлать своимъ гребцамъ. Приподнявшись и снявъ фуражку, я съ невольнымъ страхомъ не отрывалъ глазъ отъ лица Нахимова, который на этотъ разъ, кланяясь Панфиловой и добродушно улыбаясь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— А, старый знакомый! Ну, на этотъ разъ васъ спасаетъ сопутствующій вамъ добрый геній.

Разскажу еще одинъ случай, рельефно обрисовывающій Нахимова, какъ человѣка возвышенной души и высоко сердечнаго.

У насъ на кораблѣ служилъ лейтенантъ Савельевъ. Это былъ талантливый, добрѣйшій человѣкъ и веселый собесѣдникъ; разсказы его были запечатлѣны живымъ, заразительнымъ юморомъ; но онъ былъ алкоголикъ; сослуживцы его, такъ какъ всѣ его очень любили, всѣми мѣрами старались излѣчить его отъ этой болѣзни; но предпринимаемыя средства оказывались недѣйствительны. На кораблѣ еще была возможность помѣшать ему предаваться пагубной страсти, но когда онъ съѣзжалъ на берегъ, то я почти не помню, чтобы онъ безъ посторонней помощи могъ возвратиться на судно. Какъ-то въ одинъ изъ воскресныхъ дней, утромъ, онъ съѣхалъ на берегъ, предварительно внушительно напутствуемый добродушнѣйшимъ командиромъ корабля, капитаномъ перваго ранга Кутровымъ; не прошло и двухъ часовъ, какъ сигнальщикъ заявилъ стоявшему на вахтѣ лейтенанту Шмакову, что на Графской пристани машетъ по направленію къ кораблю какой-то офицеръ; хотя мы въ это время стояли у Павловскаго мыска, недалеко отъ Графской пристани, но трудно было различить лицо махавшаго, за которымъ былъ посланъ со мною катеръ. Савельевъ стоялъ на верхней площадкѣ пристани, всѣмъ туловищемъ упираясь въ колонну; голова его съ еле державшейся на ней фуражкой слегка покачивалась; глаза неопредѣленно блуждали. Въ это время показался Нахимовъ, направляясь къ вельботу; онъ обернулся и, замѣтивъ Савельева, остановился отъ него въ двухъ-трехъ шагахъ. Савельевъ, съ глупо слащавой улыбкой, стараясь удержать на немъ свой взглядъ, съ боль-

шимъ трудомъ приложившись правой рукой къ козырьку фуражки, а лѣвую вытянувъ и сгибая, какъ бы выражая этимъ желаніе обнять адмирала, пролепеталъ: до...ро...гой Па...велъ Сте...па...новичъ [1]). Глядя на это, Нахимовъ только замахалъ головой и узнавъ, что за Савельевымъ присланъ катеръ, велѣлъ своимъ же гребцамъ осторожно усадить его въ шлюпку. Когда на кораблѣ узнали о только что происшедшемъ случаѣ, то ожидали, что Савельеву грозитъ серьезное наказаніе. На другой день дѣйствительно Нахимовъ потребовалъ его и погрозилъ, что если онъ будетъ вести себя такъ непристойно, то онъ переведетъ его въ ластовый экипажъ. Савельевъ чуть ли не со слезами разсказывалъ, какими участливыми и ласковыми словами высказывалъ ему Нахимовъ свои замѣчанія, и послѣ этого старался сдерживать себя и никогда уже не произносилъ своей излюбленной поговорки передъ тѣмъ, какъ готовился осушить довольно внушительныхъ размѣровъ рюмку: «водка врагъ мой, но Іисусъ Христосъ сказалъ: люби и врага своего». Нахимовъ при всякомъ удобномъ случаѣ справлялся о поведеніи Савельева и, какъ потомъ высказывалъ, нисколько не былъ возмущенъ обращенными къ нему въ пьяномъ видѣ его словами, фамильярность которыхъ оправдывалъ чистосердечностью Савельева [2]).

Моряки не сознавали, что приближается для нихъ время тяжелыхъ испытаній: жизнь кипѣла; какъ только закатывалось солнце, со всѣхъ судовъ неслись къ берегу наполненныя молодежью гребныя суда. Въ хорошій вечеръ, бѣлая, сіявшая сквозной колонадой, Графская пристань обыкновенно была переполнена публикой; въ особенности много стекалось сюда, когда игралъ военный хоръ, не помню какого полка, подъ управленіемъ капельмейстера Якиша, который своей игрой на корнетъ-а-пистонѣ приводилъ въ восторгъ публику. Пикники, кавалькады, катанье на шлюпкахъ непрерывно слѣдовали одно за другимъ; главнымъ распорядителемъ и иниціаторомъ всѣхъ этихъ затѣй былъ, служившій у насъ на кораблѣ, симпатичный молодой лейтенантъ, синопскій герой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Нарбутъ: не дуренъ собой, очень не глупый малый, веселый собесѣдникъ, онъ былъ, можно сказать, душею севастопольскаго общества.

Пользуясь иногда вѣтромъ, который не дѣлалъ затруднительнымъ выходъ и входъ въ бухту, эскадра выходила въ море, и въ виду берега производились парусныя и артиллерійскія ученья. Эти дневныя экскурсіи послѣ продолжительнаго насильственнаго покоя ожидались моряками съ большимъ нетерпѣніемъ. Вотъ подымаются на флагманскомъ кораблѣ вымпела судовъ, а затѣмъ сигналъ: «сняться съ якоря». Вахтенный офицеръ командуетъ «свистать

---

[1]) Нахимовъ любилъ, когда его называли по имени и отчеству.

[2]) Савельевъ былъ убитъ при осадѣ Севастополя.

всѣхъ на верхъ съ якоря сниматься». Сейчасъ же раздаются свистки и повтореніе команды унтеръ-офицерами, и какъ будто эхомъ разносится этотъ призывъ внизу, по всѣмъ палубамъ. Слышатся учащенные глухіе, точно барабанные звуки, отъ бѣгущихъ по трапамъ людей; еще не всѣ они успѣли выскочить, какъ раздается команда старшаго офицера[1]): «марсовые по марсамъ и салингамъ», и живая масса покрываетъ ванты сплошной стѣной, быстро двигаясь на верхъ и разсыпаясь по реямъ. Повсюду необыкновенное движеніе, работа кипитъ. Не прошло 5—6 минутъ, какъ корабль, поднявъ якорь, поставивъ паруса и обрасопивъ реи[2]), уже двигается впередъ. Вотъ прошли фарватеръ, миновали берегъ, прибавляютъ парусность, и корабль, какъ бы почувствовавъ свою силу, увидя открывшуюся ширь, быстрѣе мчится въ даль. Сигнальщики слѣдятъ за флагманскимъ кораблемъ, то и дѣло выкрикиваютъ нумера сигналовъ, когда флаги еще въ клубкахъ не развѣваются; не успѣютъ ихъ спустить, какъ на всѣхъ судахъ сигналы приводятся въ исполненіе. Вся команда почти на верху. Каждый матросъ знаетъ свое мѣсто и свою снасть; всѣ работы исполняются быстро и съ удивительной отчетливостью. Въ продолженіе всего дня, исключая времени, назначеннаго для обѣда и отдыха команды, жизнь на кораблѣ бьетъ ключемъ. Корабль въ бухтѣ на якорѣ и корабль въ морѣ подъ парусами,—какая метаморфоза, какой контрастъ въ его внутренней и внѣшней жизни.

Парусныя ученья большею частью производились утромъ, а артиллерійскія въ послѣобѣденное время. Я помню, было 6 часовъ, на бакѣ пробило четыре склянки. Барабанъ бьетъ отбой. Какъ только придвинули и укрѣпили къ борту орудія, просвистали купаться; это одинъ изъ пріятнѣйшихъ моментовъ судовой лѣтней жизни команды. Судно становится въ дрейфъ[3]), спускаются шлюпки, опускаются выстрѣла[4]), бросаютъ съ бортовъ концы снастей. Команда, быстро раздѣваясь, спускается по выстрѣламъ въ воду; нѣкоторые прыгаютъ съ бортовъ, а болѣе смѣлые бросаются съ ноковъ нижнихъ рей. И весь этотъ людъ, продѣлывая по временамъ довольно таки незаурядныя акробатическія кунстштюки, смѣясь и весело вскрикивая, выражая этимъ свой восторгъ, плещется въ водѣ.

По окончаніи купанья и снявшись съ дрейфа, свищутъ къ водкѣ матросики, выпивъ однимъ глоткомъ свою чарочку, кучками, въ круговую, садятся на палубѣ корабля и дружно черпаютъ своими

---

[1]) Во время аврала командованіе принимаетъ на себя старшій офицеръ.

[2]) Направленіе рей такимъ образомъ, чтобы дать возможность привязаннымъ къ нимъ парусамъ утилизировать вѣтеръ.

[3]) Такое расположеніе парусовъ, при которомъ корабль остается на одномъ мѣстѣ.

[4]) Шесты на петляхъ, въ носовой наружной части судна.

деревянными ложками подмасленную кашичку. Офицерство, кромѣ вахтеннаго, спускается внизъ въ каютъ-компанію, длинный столъ которой обставленъ чайниками [1]). Въ описываемое мною время, присутствіе самовара на военныхъ судахъ не допускалось, такъ какъ вообще съ огнемъ не шутили; появленіе огня во всякомъ видѣ, исключая камбуза [2]), въ рѣдкихъ случаяхъ фонаря да фитиля, который укладывался въ спеціально сдѣланную для этого мѣдную кружку, строго воспрещалось. Вотъ завязалась оживленная бесѣда, появилась цитра и гитара, раздалась пѣсня, и какъ будто вторя ей изъ-за открытыхъ бортовъ, въ которые высматриваютъ орудія, доносилось легкое журчанье разсѣкаемыхъ кораблемъ волнъ. «Ваше высокоблагородіе, сигналъ: возвратиться къ якорной стоянкѣ»,—скоро и громко произноситъ, обращаясь къ старшему офицеру, торопливо вбѣжавшій дежурный сигнальщикъ. Мгновенно чайничанье прекращается; хотя пока еще и необязательно, но всѣ выходятъ на верхъ. Корабль точно гигантская птица, распустивъ свои громадныя крылья, скользитъ по морской поверхности. Приближаемся къ фарватеру, снова сигналъ: «вступить адмиралу въ кильватеръ» [3]), и суда, продѣлывая поворотами и реями передвиженія, одно за другимъ, вступаютъ по очереди въ одну линію сзади флагманскаго корабля; но, пройдя фарватеръ, каждое изъ нихъ направляется къ своему мѣсту; дойдя до него, отдаетъ якорь и въ нѣсколько минутъ крѣпитъ паруса и выправляетъ рангоутъ.

Вечерѣетъ, солнце близко къ закату, приготовляются къ спуску брамъ-реи, флага и гюйса. Какъ только верхній дискъ солнца скрывается за горизонтъ, съ борта корабля «Императрица Марія» блеснулъ огонекъ, раздается пушечный выстрѣлъ и тотчасъ же, по командѣ «ворочай», «флагъ и гюйсъ спустить», брамъ-реи быстро летятъ внизъ, флагъ и гюйсъ исчезаютъ; музыка играетъ гимнъ, а затѣмъ продолжаетъ играть пьесы. Команда, получивъ дозволеніе изъ вахты, устраиваетъ хороводъ. Въ антрактахъ музыкальнаго хора раздается удалая пѣснь; толпа плотно обступаетъ пѣсенниковъ; по временамъ, изъ нея выскакиваютъ и прорываются въ середину хоровода плясуны, съ увлеченіемъ лихо отбивая трепака, продѣлывая ногами разные выкрутасы; команда весела, оживлена, и долго бы продолжалось это веселье; но вотъ свистокъ призыва на молитву, она выстраивается фронтомъ по обѣимъ сторонамъ борта, и по командѣ «фуражки долой» раздаются стройные звуки церковнаго пѣнія; раздаются они со всѣхъ судовъ и разносятся по всему рейду. По окончаніи молитвы, произносятся съ вахты, на

---

[1]) Въ прежнее время обѣдъ и ужинъ на всѣхъ военныхъ судахъ былъ общій, но чай каждый имѣлъ свой.

[2]) Судовая кухня.

[3]) Слѣдъ, остающійся позади идущаго судна.

этотъ разъ, самыя пріятныя для слуха команды слова: «койки брать», и толпа, развертываясь лентой по всему борту корабля, захвативъ въ сѣткахъ [1]) уложенныя койки, спѣшитъ на ночлегъ.

Перспектива встрѣтиться съ сильнѣйшимъ непріятелемъ не служила помѣхой для нашихъ отважныхъ моряковъ крейсировать по Черному морю и, при случаѣ, топить турецкія суда, снабжавшія кавказскихъ горцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и снарядами. Будучи молодымъ капитанъ-лейтенантомъ, покойный адмиралъ, Андрей Александровичъ Поповъ, командуя пароходомъ, часто отправлялся въ подобныя рекогносцировки. Когда онъ являлся на суда, чтобы предложить желающимъ отправиться съ нимъ, то команда охотно спѣшила на его призывъ; какъ были довольны, и какая радость свѣтилась въ глазахъ попавшихъ въ волонтеры! Я помню, на корабль «Три Святителя» прибылъ Поповъ; команду поставили во фронтъ на правую сторону; желающимъ отправиться на рекогносцировку приказано было переходить на лѣвую; оказалось, что на правой сторонѣ осталось не болѣе ста человѣкъ, между которыми были большею частью иновѣрцы; конечно, не всѣмъ пришлось отправиться на пароходъ.

По уходѣ парохода, между командой слышался ропотъ, выражалось и жестами и словами недовольство постигшей неудачей.

Проходитъ нѣкоторое время, иногда сутки и болѣе; по временамъ, на кораблѣ посылается на салингъ сигнальщикъ, чтобы осмотрѣть горизонтъ; сигнальщикъ, подвѣсивъ трубу, охотно подымается въ верхъ по вантамъ; кто изъ нихъ первый замѣтитъ показавшійся пароходъ, тому въ нѣкоторомъ родѣ почетъ: ему лишняя чарочка и похвала. «Дымокъ видать!» раздается съ салинга голосъ. На кораблѣ зашевелились, усилилось движеніе; офицеры и матросики сосредоточенно вглядываются по направленію, указываемому сверху трубой сигнальщика; нѣкоторые изъ мичмановъ подымаются на гротъ-марсъ; всѣ нетерпѣливо желаютъ убѣдиться въ неосновательности порой вкрадывающагося сомнѣнія; а дымокъ, все яснѣе и яснѣе, темной змѣйкой извивается на горизонтѣ и, наконецъ, вырисовывается рангоутъ и труба приближающагося парохода. «Это Тамань!» «Это Андрей Александровичъ Поповъ!» слышатся возгласы на палубѣ корабля. Пароходъ подымаетъ свои вымпела, и всякія сомнѣнія исчезаютъ. Для невооруженнаго глаза, насколько позволяетъ разстояніе, видно, что палубы судовъ постепенно, все болѣе и болѣе наполняются людьми. На эскадрѣ происходитъ какое-то нервное движеніе, точно оно вызвано сигналомъ съ флагманскаго корабля, но никакихъ сигналовъ не видно; эта толпа людей добровольно унизываетъ собой борты судовъ для того, чтобы выразить стоящему на площадкѣ парохода капитану свой безмолвный вос-

[1]) Выемка, сдѣланная на верхнемъ борту судна, куда вкладываются койки.

торгъ, обнаружить, возбужденные въ нихъ героемъ, патріотическія чувства и высокіе идеалы долга; и толпа при проходѣ парохода снимаетъ шапки, и если бы получила дозволеніе, то выразила бы свои чувства взрывомъ ура, взрывомъ энтузіазма. А на шканцахъ и на ютѣ офицерство машетъ платками и потрясаетъ фуражками, не открывая глазъ отъ стоящей съ обнаженной головой фигуры Андрея Александровича Попова.

II.

Трудно, казалось, даже невозможно, допустить мысль, чтобы Севастопольская бухта могла быть уязвима, чтобы непріятельскія суда могли проникнуть въ нее, не будучи превращены въ щепки подъ залпами орудій береговыхъ батарей, защищавшихъ Севастопольскій фарватеръ. Моряки были увѣрены, что со стороны моря нашимъ судамъ не грозитъ ни малѣйшей опасности, хотя суда эти, въ виду усовершенствованія ихъ паровыми двигателями во флотахъ непріятельскихъ намъ державъ, и не представляли уже собой внушительной силы, но все же были дороги нашимъ морякамъ, какъ что-то родное, съ которыми они успѣли подѣлить свою боевую славу [1]). Вотъ почему они съ большею самоувѣренностью и вызывающимъ взглядомъ сосредоточенно глядѣли на морской горизонтъ, ожидая появленія непріятельской эскадры, съ затаеннымъ желаніемъ, въ случаѣ если она приблизится къ батареямъ, нанести ей чувствительный ударъ. Но недолго продолжалось пріятное заблужденіе; эти иллюзіи скоро разсѣялись. Начальство рѣшилось испытать дѣйствіе береговымъ батарей, и для этой цѣли оно пожертвовало однимъ старымъ купеческимъ бригомъ. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, на немъ поставили паруса, закрѣпили руль и пустили его плыть подъ выстрѣлами батарей поперекъ фарватера, и, «о ужасъ!» какъ всѣ были поражены, когда судно, проплывъ извѣстное разстояніе только съ незначительными поврежденіями, сѣло на мель на противоположной сторонѣ, а въ фортахъ, отъ учащенныхъ выстрѣловъ, наоборотъ появились значительныя трещины: тогда уже было рѣшено заградить фарватеръ.

28-го августа, изъ Балаклавы дали знать, что на горизонтѣ виденъ непріятельскій флотъ; на другой день непріятельская эскадра появилась въ виду Севастополя, двигаясь къ Евпаторіи. Перваго же сентября, утромъ, дали знать по семафорному телеграфу, что флотъ становится на якорь и высаживаетъ десантъ.

8-го сентября, несмотря на ясное безоблачное небо, послышался съ сѣвера какой-то неопредѣленный гулъ, похожій на учащенные

[1]) Синопское сраженіе.

громовые удары. Это было первое и такое неудачное Альминское сраженіе.

Корабль «Три Святителя» стоялъ въ это время въ 30-ти или 40 саженяхъ отъ берега сѣверной стороны. Всѣ офицеры и почти вся команда были на верху; на всей эскадрѣ и по всему рейду царила какая-то непривычная для слуха тишина. День былъ не праздничный, приближались часы обычныхъ работъ, движеній на судахъ; ждутъ сигнала, но флаги на кораблѣ «Императрица Марія» не подымаются... Несмотря на сентябрь, въ воздухѣ душно; порой чувствуется въ немъ легкое дрожаніе отъ все чаще и чаще разносящагося гула отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Наступаетъ обѣденный часъ, раздаются призывные свистки къ водкѣ; команда какъ-то неохотно подходитъ къ чаркамъ и еле прикасается къ чашкамъ со щами. Не всѣ офицеры, только нѣкоторые и то неохотно, спускаются внизъ, чтобы поскорѣе утолить свой голодъ и снова выйти на верхъ.

Какъ въ калейдоскопѣ, въ моей памяти движутся передо мной эти милыя дорогія лица: вотъ адмиралъ Новосильскій, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, короткой, скорой, нервной поступью, съ опущенной долу головой, ходитъ по юту корабля, изрѣдка перебрасываясь словами съ стоящимъ на ютѣ же командиромъ корабля, капитаномъ перваго ранга Кутровымъ, или съ своимъ адъютантомъ, капитанъ-лейтенантомъ Бурхановскимъ. На лѣвой сторонѣ шканцевъ тихо ведетъ бесѣду остальная группа офицеровъ; здѣсь лейтенанты: Кандауровъ, Стронскій, Тучябскій, Шмаковъ, Нарбутъ, Савельевъ и многіе другіе; это все синопскіе герои; всѣ находятся въ какомъ-то тревожномъ состояніи, которое съ каждымъ часомъ все болѣе усугубляется; они, видимо, не безъ нѣкотораго волненія, поглядываютъ на горизонтъ, откуда доносится пушечная пальба.

На бакѣ корабля бьетъ шесть склянокъ, это 7 часовъ,—на сѣверной сторонѣ появились верховые; они быстро мчатся къ берегу. Это первые гонцы съ поля кровавой битвы. Въ городѣ и по всей эскадрѣ электрическимъ токомъ пронеслась роковая вѣсть о неудавшемся сраженіи; повсюду закипѣло непривычное для глазъ движеніе. Къ Графской пристани бѣгутъ люди, оспаривая другъ у друга ялики; всѣ спѣшатъ на сѣверную сторону, къ которой со всѣхъ судовъ посылаются гребныя суда. Въ 8 часовъ показались татарскія арбы съ ранеными, ихъ встрѣчаетъ толпа, среди которой много интеллигенціи. У всѣхъ одно желаніе облегчить по возможности положеніе страждущихъ; стоятъ цѣлые ряды корзинъ съ хлѣбомъ, виномъ, молокомъ и проч. Здѣсь морскіе врачи съ судовъ съ всевозможными хирургическими инструментами и медикаментами, доставивъ раненымъ, по возможности, облегченіе, осторожно усаживаютъ или кладутъ на гребныя суда и отправляютъ на южную сторону въ Морской госпиталь. Шлюпки съ уменьшеннымъ комплектомъ гребцовъ,

чтобы предоставить мѣста раненымъ, медленно двигаются; онѣ проходятъ мимо кормы «Трехъ Святителей», раздаются оханья и стоны. Арбы все прибываютъ, перевозка раненыхъ продолжается до позднѣйшей ночи; наконецъ, все вокругъ стихло, замерло; только оклики часовыхъ да бьющія на судахъ склянки иногда нарушали ночную тишину.

Настаетъ разсвѣтъ; къ сѣверу на морскомъ горизонтѣ показалась видимая для невооруженнаго глаза цѣлая вереница мачтъ; не прошло и часа, какъ суда непріятельской эскадры, ясно обозначившіяся, маневрировали въ 6-ти—7-ми миляхъ отъ Севастополя. Чтобы воспрепятствовать имъ войти въ бухту, князь Меньшиковъ (главнокомандующій) приказалъ затопить на фарватерѣ корабли. Но вотъ у адмирала Корнилова является геройская мысль—выйти флоту немедленно изъ бухты и вступить съ соединенной эскадрой въ бой; при неудачѣ же сцѣпиться съ непріятельскими кораблями на абордажъ, а въ крайнемъ случаѣ взорваться на воздухъ. Но этотъ рискованный планъ дѣйствія не могъ быть, какъ извѣстно, приведенъ въ исполненіе по иниціативѣ одного адмирала; для обсужденія его, въ тотъ же день утромъ, Корниловъ въ квартирѣ своей собралъ совѣтъ изъ флагмановъ и командировъ судовъ.

Не берусь передавать, какія минуты переживались на судахъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія совѣта. Многіе были убѣждены, что выходъ паруснаго флота изъ бухты чрезвычайно рискованъ и сопряженъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ виду сильнаго многочисленнаго парового флота непріятеля, съ нанесеніемъ ему незначительнаго ущерба, совершеннымъ истребленіемъ нашихъ судовъ. Въ случаѣ же наступившаго безвѣтрія, мы бы находились въ самомъ жалкомъ положеніи: связанные по рукамъ и по ногамъ передъ свободными дѣйствіями непріятеля, который, имѣя паровыя суда, зайдя къ намъ съ кормы и съ носу, безъ всякаго уже ущерба для себя, могъ пустить насъ ко дну.

Адмиралъ Новосильскій и командиръ корабля капитанъ перваго ранга Кутровъ отправились на вельботѣ на берегъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніи. На кораблѣ у насъ общее вниманіе обращено на Графксую пристань, у которой стоитъ вельботъ адмирала; сигнальщикъ не отрываетъ отъ глазъ трубы. Вдругъ раздается зычный голосъ: «отваливаетъ». Адмиралъ съ командиромъ возвращаются на корабль. Всѣ офицеры, по старшинству, становятся во фронтъ; они видимо стараются казаться спокойными, бодрыми, но лихорадочный блескъ глазъ выдаетъ ихъ душевное настроеніе. Вызванъ караулъ съ музыкой; при звукѣ встрѣчнаго марша, адмиралъ спускается съ площадки трапа на палубу; принявъ рапортъ старшаго офицера, онъ машетъ рукой, музыка умолкаетъ; выраженіе его лица грустно; не менѣе грустно и выраженіе лица командира, слезинки пробиваются изъ учащенно-мигающихъ рѣсницъ.

— Господа, — обращаясь къ офицерамъ, сказалъ адмиралъ: — я вамъ, къ великому моему прискорбію, привезъ печальную вѣсть: мы должны будемъ разстаться съ своимъ кораблемъ, онъ попалъ въ списокъ судовъ, назначенныхъ къ затопленію на фарватерѣ.

Послѣ этихъ словъ наступило гробовое молчаніе. Когда адмиралъ спустился внизъ, офицеры окружили командира; здѣсь уже не было начальника и подчиненныхъ; общее горе сблизило людей. Но въ эту тяжелую минуту каждый сознавалъ, что ему предстоитъ трудная, непривычная, но вмѣстѣ съ тѣмъ славная служба—защищать съ берега свой любимый портъ.

Сейчасъ же на корабляхъ, назначенныхъ къ затопленію на фарватерѣ, отвязывались паруса, спускались стеньги. Около трехъ часовъ корабли: «Три Святителя», «Уріилъ», «Селафаилъ», «Варна», «Силистрія», и фрегаты «Сизополь», «Флора», буксируемые гребными судами, тихо подвигались къ своему кладбищу. По всему рейду тянулась печальная процессія. Еще не прошло года, какъ нѣкоторые изъ этихъ развѣнчанныхъ героевъ прославили свои имена, въ нѣсколько часовъ уничтоживъ турецкій флотъ, а теперь, общипанные, съ голыми мачтами, уподоблялись преступникамъ, идущимъ на казнь, въ своемъ непригожемъ видѣ. Въ общемъ, эта картина производила впечатлѣніе похороннаго шествія, которое сопровождалось искренней печалью и слезами родственной семьи моряковъ, а также и посторонней публики, пришедшей въ послѣдній разъ взглянуть на своихъ любимцевъ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера суда были поставлены на фарватерѣ въ одну линію, въ направленіи отъ Константиновской батареи на южной сторонѣ, къ Александровской—на сѣверной.

На другой день ждали только, по предварительному соглашенію, подъема національнаго флага на флагштокѣ городской библіотеки. Съ напряженнымъ вниманіемъ и съ болью въ сердцѣ ждали появленія этого рокового флага, и вотъ, около шести часовъ вечера, взвился онъ надъ библіотекой. Хотя всѣ сознавали необходимость приближающагося грустнаго факта, но невольно являлась какая-то нерѣшительность. Флагъ продолжалъ развѣваться. Начинается спѣшная работа по выгрузкѣ судовъ; всю ночь команда неутомимо работаетъ; все, что только возможно, отвозится на берегъ; но артиллерія остается, ее трудно уже спасти; она была оставлена, чтобы отразить непріятеля, въ случаѣ нападенія его, во время приготовленія къ затопленію судовъ.

Наступаетъ разсвѣтъ—условное время затопленія судовъ; кругомъ берегъ по всѣмъ направленіямъ и прибрежныя горы южной бухты усѣяны публикой. На корабляхъ рубятся мачты, послышались свистки, всю команду на кораблѣ вызываютъ на верхъ: она становится по обѣимъ сторонамъ борта; провѣряется команда, двухъ матросиковъ недостаетъ; наконецъ они выскакиваютъ, и у каждаго

въ рукахъ по любимой кошкѣ. Послѣ провѣрки посылаются внизъ люди, чтобы съ обѣихъ сторонъ, въ одно время, въ подводной части, прорубить отверстіе. Офицеры и команда приготовляются оставить корабль; почти у всѣхъ на глазахъ слезы, нѣкоторые рыдаютъ; сосѣдніе корабли постепенно одинъ за другимъ погружаются въ воду. Шлюпки, наполненныя оставившими свои суда командами, плывутъ къ берегу; но корабль «Три Святителя» еще борется съ жизнью; онъ легъ на лѣвый бокъ и не идетъ ко дну; ветеранъ, казалось, не желаетъ умирать такой позорной смертью; въ своей предсмертной агоніи, онъ какъ будто ждетъ болѣе почетнаго смертельнаго удара. Подходитъ пароходъ «Громоносецъ», пускаетъ въ него нѣсколько ядеръ; зашатался великанъ, медленно скрывается подъ водой и, точно послѣднимъ вздохомъ, взбурлилъ надъ собой морскую поверхность.

Послѣ Альминскаго сраженія непріятельская армія двинулась по направленію къ Севастополю. На другой день было видно, какъ войска переходили склоны горъ и, обогнувъ городъ, расположились отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ со стороны Балаклавы. Севастополь не былъ защищенъ съ берега ни одной батареей и имѣлъ не болѣе 10.000 человѣкъ гарнизона, состоявшаго большею частью изъ командъ затопленныхъ судовъ, не привычныхъ къ береговой службѣ и плохо вооруженныхъ. Непріятель при самой геройской защитѣ съ нашей стороны могъ бы въ нѣсколько часовъ овладѣть городомъ. Но это не случилось; къ худшему или къ лучшему для насъ, я не берусь объ этомъ судить; но если бы непріятель овладѣлъ Севастополемъ на другой же день послѣ Альминскаго сраженія, то для насъ и потомства нашего была бы невѣдома севастопольская драма, которая вѣками будетъ служить свѣтлой страницей русской военной исторіи.

Юнкеровъ, по собственному ихъ желанію, оставили участвовать въ оборонѣ Севастополя. Я былъ назначенъ въ батальонъ, составленный изъ матросовъ, подъ командой капитанъ-лейтенанта князя Шаховскаго; батальонъ расположился лагеремъ возлѣ воздвигавшагося четвертаго бастіона. Съ 12 сентября начались работы по укрѣпленію южной стороны Севастополя, а 14-го числа отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ въ присутствіи войскъ и многочисленной публики. Трудно забыть это торжественное, полное святости, зрѣлище. Молебенъ только что окончился; у аналоя передъ иконами въ парадномъ облаченіи съ крестами въ рукахъ стояли священники, впереди развѣваются хоругви, только что затихли торжественные звуки молитвы, клубы ладана еще носятся въ воздухѣ. Адмиралъ Корниловъ, принявшій начальство надъ городомъ и его укрѣпленіями, обращается съ рѣчью къ войскамъ; выраженіе лица его мужественно и дышитъ отвагой, глаза необыкновенно горятъ, онъ громко и внятно произноситъ:

— «Ребята, стойте грудью за Севастополь, объ отступленіи и не думать, это вамъ приказъ отъ нашего батюшки царя. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ отступленіе. Прикажу я отступить, такъ я измѣнникъ, и меня коли».

По всей южной сторонѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность; работа производилась днемъ и ночью; казалось, въ ней приняло участіе все оставшееся въ городѣ обоего пола населеніе; между взрослыми были и дѣти; одна батарея была построена исключительно женщинами.

По мѣрѣ того, какъ у насъ воздвигались батареи, редуты, бастіоны, передъ нашими глазами у непріятеля съ каждымъ днемъ все выше и выше поднимали земляныя стѣны.

Отъ воздвигавшагося 4-го бастіона, который находился между Доковымъ и Лабораторнымъ оврагами, на Бамборской высотѣ, на рединѣ разстоянія отъ сооружаемаго напротивъ насъ непріятельскаго укрѣпленія въ оврагѣ, стоялъ полуразвалившійся домикъ; кому онъ принадлежалъ, я не помню; только на третій или четвертый день послѣ того, какъ непріятель перешелъ на южную сторону, изъ этого домика часто раздавались ружейные выстрѣлы, и штуцерныя пули немало причиняли намъ вреда и задерживали работу; не проходило дня, чтобы у насъ не было убитаго или раненаго.

При нашемъ тогда плохомъ вооруженіи, недальнобойности нашихъ ружей, мы питали большую симпатію къ пластунамъ [1]), которые по нѣсколько человѣкъ были назначены состоять при нашихъ батальонахъ; это были прекрасные стрѣлки и имѣли штуцера. Особеннымъ расположеніемъ нашимъ пользовался пластунъ Степанъ; мы то и дѣло указывали ему на открывавшіеся передъ нами силуэты непріятеля, и онъ увѣренно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, приставивъ прикладъ къ плечу, выпускалъ свои штуцерныя пули; мы видѣли, что выстрѣлы Степана производили большое смятеніе въ проклятомъ домикѣ, какъ его назвала команда; самъ онъ былъ доволенъ собой и только съ грустью посматривалъ на сумку, которая замѣтно пустѣла. Въ одну изъ ночей Степанъ объявилъ намъ, что желаетъ произвести развѣдочную рекогносцировку; отправившись къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, онъ къ разсвѣту возвратился обратно съ исцарапаннымъ до крови лицомъ и руками, совершивъ все путешествіе ползкомъ. Въ доказательство дѣйствительности своего подвига, онъ держалъ въ рукахъ французскій ранецъ и кепи. Узнавъ объ этомъ фактѣ, Корниловъ наградилъ Степана десятью рублями.

Чтобы окончательно уничтожить проклятый домикъ, рѣшились выйти цѣлымъ батальономъ; но, пройдя нѣсколько десятковъ саженъ, были встрѣчены такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что немед-

[1]) Кавказскіе стрѣлки.

ленно должны были возвратиться обратно, потерявъ шесть человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней, снова явилось желаніе сдѣлать вылазку, но только ночью; ждали только, чтобы эта ночь была потемнѣе. Наконецъ наступила эта роковая ночь. Отрядъ на этотъ разъ былъ сформированъ изъ охотниковъ: матросовъ, саперъ и пѣхоты, подъ командой лейтенанта Гусакова, который, набирая охотниковъ изъ нашего батальона, не воспрепятствовалъ мнѣ и моему товарищу, юнкеру Сизову, отправиться на вылазку.

Было около 11 часовъ вечера. Стояла темная ночь; отрядъ вышелъ изъ 5-го бастіона. Молча подвигались мы впередъ. Хотя бывшіе съ нами пластуны и давали знать, что по нашему направленію не замѣтили непріятеля, но, не доходя приблизительно около 200 саженъ до домика, мы были встрѣчены непріятельскими залпами. Идти впередъ при такомъ встрѣчномъ огнѣ было безполезно, мы должны были отступить. Когда мы подходили къ нашимъ бастіонамъ, по насъ съ нашего же редута Шварца, открыли такой сильный огонь, что мы, чтобы не подвергнуться совершенному истребленію, укрылись въ небольшомъ оврагѣ; ядра и пули продолжали свистать надъ нашими головами; между нами было уже нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными; въ числѣ ихъ тяжело былъ раненъ въ ногу лейтенантъ Гусаковъ. Положеніе наше было трагическое; нашлись два бравые матросика, которые рѣшились отправиться на редутъ, чтобы разъяснить происшедшее недоразумѣніе. Полчаса мы находились въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, пальба прекратилась, и мы, захвативъ убитыхъ и раненыхъ, возвратились на бастіонъ. Нечего и говорить, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ этотъ прискорбный случай; оказалось, что о выходѣ нашемъ на редутѣ «не было извѣстно, и насъ приняли за непріятеля». Раненыхъ перенесли въ находящійся недалеко отъ 4-го бастіона запасный госпиталь. Я былъ въ числѣ сопровождавшихъ носилки Гусакова; это былъ человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія; когда его несли, онъ ни однимъ стономъ не обнаружилъ своихъ страданій. Осмотрѣвъ ногу, доктора объявили, что немедленно нужно ее ампутировать; Гусаковъ на это согласился, но рѣшительно отказался хлороформироваться; просилъ только, чтобы во время операціи ему позволили курить. Въ это время пріѣхалъ Корниловъ съ контръ-адмираломъ Истоминымъ. Корниловъ былъ страшно взволнованъ; онъ только что возвратился съ редута Шварца—виновника катастрофы; когда доктора объявили ему, что больному нужно сдѣлать операцію, благополучный исходъ которой требуетъ совершеннаго спокойствія оперируемаго, то адмиралъ упрашивалъ Гусакова не сопротивляться желанію докторовъ, но увѣщанія его не подѣйствовали, и Гусаковъ остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи.

— Ну, благослови васъ Господь,—сказалъ Корниловъ и, отойдя въ сторону, сѣлъ съ Истоминымъ на скамью.

Пока продолжалась операція, лицо Гусакова по временамъ слегка искривлялось; все время держа въ зубахъ папиросу, онъ иногда только закрывалъ глаза. Когда уже больному сдѣлали перевязку, Корниловъ подошелъ къ нему и, перекрестивъ его, сказалъ:

— Дай Богъ вамъ скорѣе поправиться, о будущемъ не безпокойтесь—это уже мое дѣло.

— Объ этомъ я не безпокоюсь,— простоналъ Гусаковъ,—но сажалѣю, что вслѣдствіе такого грустнаго недоразумѣнія такъ рано сдѣлался безполезнымъ членомъ морской семьи [1]).

Не легка была морякамъ береговая служба; образъ жизни ихъ совершенно измѣнился. Въ шахматномъ порядкѣ стоящія палатки, пирамидальныя кучки съ выдвинутыми штыками ружей, мелькавшіе барабаны, постоянные звуки рожковъ, мѣрное шаганье часовыхъ— все это было ново, какъ-то странно, непривычно для нашихъ глазъ. Вотъ сигналъ! Матросики выбѣгаютъ изъ палатокъ, разбираютъ ружья и продѣлываютъ разныя эволюціи, то и дѣло раздаются командныя слова: бѣглымъ шагомъ... скорымъ шагомъ... плечо впередъ.

Ночи были довольно тревожныя, никто не раздѣвался, всѣ были, какъ говорится, на чеку; каждую минуту ожидали нападенія. Вотъ извѣстіе отъ передовыхъ секретовъ о движеніи непріятеля; бьютъ тревогу; двѣ минуты, и батальонъ выстроился, готовъ къ бою; движемся скорымъ шагомъ впередъ; миновавъ укрѣпленіе, останавливаемся; напряженно всматриваемся въ окружающую насъ темень, и такъ бывало остаемся до разсвѣта. Тревога была нерѣдко фальшивая и часто повторяющаяся.

Въ числѣ прочихъ неудобствъ нашей бивуачной жизни была также процедура со столомъ; командѣ отпускалась та же порція, что и на суднѣ; борщъ и кашичка исправно варились въ котлахъ; а наша трапеза зависѣла отъ Татьяны, жены денщика лейтенанта Озерова. Она нерѣдко заставляла насъ голодать. Вотъ 12 часовъ, столъ накрытъ, ѣсть хочется, а Татьяны нѣтъ; проходитъ часъ, другой, а ея все нѣтъ; нечего дѣлать, разогрѣваются матросскія щи и запиваются чайкомъ. А бывали дни, когда Татьяна приходила во время, приносила вкусные пирожки и довольно искусно приготовленный пловъ и при этомъ приводила столько уважительныхъ причинъ въ свое оправданіе и такъ убѣдительно просила не подвергать ее остракизму, что большинство соглашалось, и она оставалась.

Хотя и было отдано Корниловымъ приказаніе, чтобы женщины и дѣти оставили городъ, неимѣвшимъ на это средствъ выдавалось даже пособіе, однако жъ многія изъ нихъ не оставляли Севасто-

---

[1]) По выздоровленіи Гусаковъ былъ назначенъ градоначальникомъ въ Евпаторію.

поля до самой его бомбардировки; въ числѣ такихъ была и старушка Вергопуло, вдова вице-адмирала; у нея былъ свой домъ. Это была высокочтимая женщина; многіе пользовались ея безграничнымъ радушіемъ. Бывало урвешься на какой нибудь часокъ и прибѣжишь къ ней, часто какъ разъ обѣду. Въ столовой только что сѣли за столъ. Входишь. Екатерина Ивановна сидитъ въ своемъ креслѣ: она небольшого роста, худенькая, фигурка ея не лишена изящества. Увидѣвъ меня, она кротко улыбается и приглашаетъ къ столу, за которымъ многіе уже сидятъ: тутъ и молодожь и съ солидными чинами люди, все моряки. Поваръ Екатерины Ивановны готовилъ превосходно; знакомымъ ея это было хорошо извѣстно, а время настало тяжелое, поѣсть хорошо негдѣ; оперировала еще гостиница Вецеля, но это все не то, и при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшили къ добрѣйшей Екатеринѣ Ивановнѣ, которой, можетъ быть, иногда и надоѣдали эти частыя посѣщенія, но, повидимому, она всегда была довольна и никогда не отпускала своихъ гостей безъ того, чтобы они не испробовали ея вкусныхъ блюдъ.

Приближается октябрь. Все, что только было возможно и насколько позволяли средства, было сдѣлано, чтобы отразить непріятеля; работы были прекращены; казалось, что и противникъ нашъ покончилъ съ своими сооруженіями. Настало время томительнаго ожиданія. Ясно было, что̀ скрываютъ за собою, растянувшіяся передъ нами на большомъ разстояніи, сплошныя высокія земляныя стѣны, изъ-за которыхъ по временамъ показывался дымокъ, и въ то же мгновеніе надъ нашими головами просвиститъ ядро или покажется земляной столбъ отъ разорвавшейся мортирной бомбы; удивительно красивъ ея полетъ ночью; точно изъ-за горизонта, по синевѣ небесной, все выше и выше приподымается раскаленный шаръ. Вотъ онъ опускается и, падая, разряжается огненнымъ снопомъ.

Наступилъ канунъ 5-го октября. Въ продолженіе всего дня со стороны непріятеля не сдѣлано было ни одного выстрѣла; по всей линіи не было замѣтно никакого движенія. Не передъ грозой ли, поговаривали у насъ, наступила такая необыкновенная тишина? И это непривычное спокойствіе портило расположеніе духа, нагоняло тоску. Весь день прошелъ въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи. Подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ провелъ я эту ночь. Чуть стало разсвѣтать, я вышелъ изъ палатки и, отойдя нѣсколько шаговъ, остановился на одной изъ возвышенныхъ площадокъ, оріентируя мѣстность. Вотъ передо мною непріятельскія укрѣпленія: молчаливо стояли эти длинные ряды земляныхъ стѣнъ посреди обнаженной мѣстности, чѣмъ-то зловѣщимъ дышала эта суровая подозрительно-спокойная картина; а къ востоку и южнѣе какой живописный видъ: возвышалась цѣлая цѣпь волнистыхъ горъ, гребни коихъ уже зажигались янтарнымъ свѣтомъ. Небо было ясно. А тамъ и сямъ вырисовывались величественные контуры осиротѣвшихъ кораблей,

какъ будто укрывавшихся подъ защитою грозно высматривавшихъ береговыхъ батарей. А самъ городъ, съ его бухточками, окаймлявшими его блестящими полосами, съ его разбросанными по гористой мѣстности свѣтлыми домами, какъ красивъ онъ, какъ сроднились съ нимъ и какъ любятъ его моряки, и это они доказали, но многіе изъ нихъ уже не увидѣли его послѣ наступившаго рокового дня.

III.

Около 7 часовъ утра, 5 октября, съ непріятельскаго укрѣпленія противъ 5-го бастіона, сдѣланъ былъ первый пушечный выстрѣлъ, вѣроятно, служившій сигналомъ къ началу бомбардировки, такъ какъ въ ту же минуту со всѣхъ непріятельскихъ батарей, обнаружившихъ свои амбразуры, и выстроившихся въ одну линію цѣлой вереницы непріятельскихъ кораблей, раздались пушечные залпы; по всей нашей линіи также открыли огонь. Черезъ нѣсколько минутъ наступившая отъ порохового дыма густая мгла застилала землю; трудно было въ нѣсколькихъ саженяхъ различить предметы. Замѣтивъ куда-то спѣшившаго князя Шаховскаго, я подбѣжалъ къ нему и спросилъ:

— Не прикажете ли идти на бастіонъ?

— Ступайте прежде въ госпиталь и прикажите принести по возможности больше носилокъ, а потомъ отправляйтесь къ орудію № 3,—отвѣчалъ онъ.

Исполнивъ приказаніе и возвращаясь обратно, я увидѣлъ нѣсколько верховыхъ: это былъ адмиралъ Корниловъ; около четверти часа онъ объѣзжалъ 4-й бастіонъ и отсюда помчался къ Малахову кургану.

На бастіонѣ, въ этомъ наступившемъ мракѣ, на самомъ близкомъ разстояніи, едва замѣтны были суетившіеся люди; слышно было учащенное ихъ дыханіе, вдвиганіе и откаты орудій, безпрерывная пальба и раздававшіеся стоны; то и дѣло мелькали носилки съ убитыми и ранеными. Возлѣ орудія, при которомъ я находился, оторвало ядромъ руку комендора; нужно было на время пріостановить пальбу. Въ это время сквозь густую пелену порохового дыма въ нѣсколькихъ шагахъ я увидѣлъ приближавшагося ко мнѣ высокаго худощаваго офицера: это былъ капитанъ-лейтенантъ Бурхановскій. Узнавъ отъ меня, что юнкеровъ на бастіонѣ пять человѣкъ, онъ велѣлъ собрать ихъ и отправиться на Графскую пристань.

— Корниловъ тяжело раненъ, — сказалъ онъ, — велѣлъ васъ всѣхъ сейчасъ же отправить въ Николаевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли изъ бастіона. По дорогѣ къ Графской пристани, намъ часто приходилось наталкиваться на довольно печальныя сцены, которыя невольно заставляли насъ

останавливаться. Повсюду—вопли женщинъ и ихъ дѣтей, выбиравшихся изъ своихъ, точно объятыхъ пламенемъ, жилищъ и захватывавшихъ, что только возможно. Неимѣвшія подъ рукой никакихъ средствъ, онѣ, чтобы спасти свой скарбъ, въ отчаянномъ движеніи испуга, съ протянутыми съ мольбой руками, обращались за помощью къ каждому проходящему и чуть ли не на колѣняхъ просили принять участіе въ ихъ безвыходномъ положеніи. У одного дома мы встрѣтили семью изъ трехъ дамъ, метавшихся какъ безумныя. Въ началѣ бомбардировки, захвативъ свои вещи, прислуга ихъ оставила безъ всякой помощи. Кое-какъ подобравъ свои волосы, мать и дочери, поспѣшно выносили на улицу, что только могли. Замѣтивъ насъ, онѣ со слезами на глазахъ просили помочь имъ, и мы, нагруженные корзинами и чемоданами и всякою мелочью, двинулись впередъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Графской пристани, возлѣ Андреевскаго собора, разорвалась бомба, осколками отъ которой убита ѣхавшая съ дѣтьми въ телѣгѣ женщина; раздались крики и рыданія; но бѣгущая по улицѣ публика какъ-то безучастно относилась къ горю другихъ; каждый спѣшилъ, если не спасти свое имущество, то сохранить свою жизнь.

Возлѣ Графской пристани мы встрѣтили своихъ товарищей, которые были на Малаховомъ курганѣ и участвовали при переноскѣ раненаго Корнилова [1]) на перевязочный пунктъ; они слышали приказаніе умирающаго адмирала отправить всѣхъ юнкеровъ въ Николаевъ.

Графская пристань, сверху до низу, была наполнена сплошною массою людей, преимущественно женщинами и дѣтьми: цѣлыя груды домашняго скарба покрывали площадки и ступени пристани. Вся эта толпа, видимо удрученная глубочайшимъ горемъ, изыскивала какія нибудь средства перебраться на сѣверную сторону. Частныхъ шлюпокъ было немного; военныя же гребныя суда были заняты преимущественно перевозкою на сѣверную сторону убитыхъ и раненыхъ. Мы всѣ уже собрались на пристани, и каждый изъ насъ принималъ живое участіе въ положеніи этихъ несчастныхъ.

Отъ Графской пристани до сѣверной стороны было приблизительно около полуторы версты разстоянія; совершить этотъ переѣздъ было не совсѣмъ безопасно; съ непріятельскаго флота безпрерывно раздавались залпы; ядра и бомбы безпрестанно падали по рейду; но все это не страшило собравшихся на Графской пристани жителей, которые и здѣсь не считали себя въ безопасности.

Чтобы перевезти насъ на сѣверную сторону, было назначено четыре двадцати-четырехъ-весельныхъ корабельныхъ барказа. Когда мы собирались садиться, то со всѣхъ сторонъ были окружены просящими взять ихъ съ собой; чтобы по возможности предоставить

---

[1]) Корниловъ ядромъ оторвало ногу въ то время, когда онъ садился на лошадь.

имъ больше мѣста, большую часть гребцовъ мы оставили на Графской пристани, а сами взялись за весла.

Въ этомъ хаосѣ, который царилъ на пристани, мы не обратили вниманія на стоящій впереди барказъ, нагруженный нашими вещами, который былъ перегруженъ помѣстившейся на немъ публикой. Несмотря на наши настоятельныя просьбы, хотя нѣкоторымъ выйти изъ него, намъ рѣшительно заявили, что ни въ какомъ случаѣ его никто не оставитъ. Только благодаря совершенно тихой погодѣ, мы рѣшили отвалить. Черезъ часъ мы прибыли на сѣверную сторону; публика немного успокоилась; она находилась въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, хотя и здѣсь встрѣчались катящіяся непріятельскія ядра. На берегу, возлѣ пристани, стояло нѣсколько телѣгъ и татарскихъ арбъ, которыя, несмотря на дороговизну, брались съ бою. Берегъ на большомъ пространствѣ имѣлъ видъ базара, гдѣ толпа суетилась въ какомъ-то безпорядочномъ состояніи.

Солнце уже опустилось за горизонтъ, наступили сумерки, мы двинулись впередъ; проходя мимо довольно большого деревяннаго сарая, находившагося въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, мы услыхали раздававшіеся извнутри его глухіе стоны. Сарай этотъ служилъ складомъ мертвыхъ тѣлъ, привозимыхъ съ южной стороны. По приказанію бывшаго съ нами офицера, лейтенанта Христофорова, сарай этотъ былъ отпертъ; внутри его лежала груда труповъ; приближаясь къ мѣсту раздававшихся стоновъ, мы снова услыхали ихъ; отодвинувъ въ сторону нѣсколько тѣлъ, увидали окровавленнаго матросика, который, почувствовавъ свободу, медленно приподнялся, упираясь руками въ лежащіе подъ нимъ трупы. Мы его отнесли въ другой близъ находившійся сарай, гдѣ помѣщались раненые. Оказалось, что онъ былъ раненъ осколкомъ бомбы и лишился чувствъ; его приняли за убитаго.

Намъ досталась одна татарская арба, на которую мы и сложили свои вещи, а сами отправились къ Бахчисараю пѣшкомъ. По дорогѣ тянулся цѣлый караванъ; ночь была лунная, и, несмотря на октябрь, въ воздухѣ было тепло; рядомъ съ нами ѣхала интеллигентная публика, съ которой мы бесѣдовали и служили ей, вслѣдствіе враждебно къ намъ относившихся въ это время нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей татаръ, какъ бы эскортомъ въ довольно глухой мѣстности.

Около 2-хъ часовъ по полуночи мы прибыли къ мѣсту расположенія нашихъ войскъ, приблизительно въ десяти верстахъ отъ Севастополя по направленію къ Бахчисараю; для ночлега намъ были отведены палатки.

Утромъ мы отправились осматривать лагерь; пройдя нѣкоторое разстояніе, увидѣли нѣсколько сидѣвшихъ, поджавъ ноги, и окруженныхъ конвоемъ татаръ, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ были приготовлены висѣлицы. Татары эти были уличены въ шпіон-

ствѣ, а другіе служили проводниками у непріятеля, за что почти всѣ были приговорены къ смертной казни.

Вблизи барака главнокомандующаго мы встрѣтили лейтенанта Стеценко [1]), отъ котораго получили приказаніе сейчасъ же возвратиться къ своимъ палаткамъ, такъ какъ насъ желаетъ видѣть князь Меншиковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, выстроившись во фронтъ, мы увидѣли приближавшуюся къ намъ бодрой походкой, высокую, стройную фигуру князя, съ сѣдыми усами, съ густыми сѣдыми бровями, изъ-подъ которыхъ свѣтились столь характерные его умные синіе глаза. Поздоровавшись, онъ спросилъ, нѣтъ ли между нами раненыхъ; раненъ былъ юнкеръ Григорашъ, который для излѣченія остался на сѣверной сторонѣ Севастополя. Похваливъ насъ за изъявленное нами желаніе остаться въ Севастополѣ, онъ передалъ лейтенанту Стеценкѣ четыре георгіевскихъ креста, который тутъ же собственноручно прикололъ къ груди стоявшимъ первыми по классамъ юнкерамъ: Бернацкому, Дикову и Оленичу-Гененко, а одинъ крестъ былъ оставленъ для юнкера Гумберта, находившагося въ морскомъ батальонѣ, бывшемъ при князѣ, во время Альминскаго сраженія.

Получилъ еще крестъ юнкеръ младшаго класса, Фомичевъ, который, не помню, при какихъ обстоятельствахъ, остался на нѣсколько мѣсяцевъ въ Севастополѣ, въ теченіе которыхъ и принималъ участіе въ оборонѣ. Это былъ любимецъ начальства, а также и юнкеровъ всѣхъ классовъ, весьма не глупый, высокаго роста, съ удивительно пріятными чертами лица. Офицерскій экзаменъ гардемарины [2]) класса, въ которомъ находился Фомичевъ, должны были уже держать при морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и Фомичевъ, какъ представительный юноша, хорошо зарекомендованный начальствомъ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, по прибытіи въ корпусъ, сейчасъ же былъ назначенъ знаменщикомъ: это было въ 1857 году. Будучи уже мичманомъ, онъ какъ-то подкутилъ и совершилъ важное нарушеніе дисциплины, за что̀ и былъ разжалованъ и лишенъ креста.

До Бахчисарая мы дошли пѣшкомъ и отсюда продолжали свой путь въ фургонахъ. Черезъ пять или шесть дней мы прибыли въ Николаевъ. Получивъ недѣльный отпускъ, я отправился къ родителямъ въ деревню, находившуюся въ 50-ти верстахъ отъ Николаева. Помню, была уже полночь, когда я подъѣхалъ къ нашему

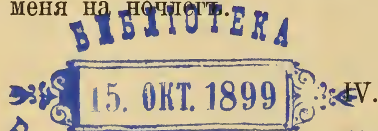
[1]) Состоялъ при князѣ Меншиковѣ; по немъ въ Крымскую кампанію, 2-го сентября 1854 г., непріятель сдѣлалъ свой первый выстрѣлъ, когда онъ, во время высадки непріятеля на Крымскій берегъ, былъ посланъ произвести рекогносцировку. Нынѣ полный адмиралъ.

[2]) По прибытіи государя въ Николаевъ въ 1855 г., юнкерская школа была переименована въ гардемаринскую роту.

дому. Отъ непривычнаго шума экипажа въ окнахъ замелькали огоньки. Послѣ радостной встрѣчной бесѣды съ родными, я уже собирался ложиться спать, какъ у дверей комнаты увидѣлъ не сводящую съ меня глазъ и призывающую меня рукой фигуру; это была старушка, бывшая моя няня, хохлушка.

— Панычу!—сказала она.—Будьте ласковы, ходымте въ кухню, тамъ собрались хлопци, жинки и дивчата; слухали оны, шо вы съ храньцузами дралися, и ждутъ васъ—не дождутся.

Я вошелъ въ кухню, на столѣ горѣлъ каганецъ, слабо освѣщавшій небольшую комнату, наполненную. восторженно встрѣтившей меня челядью; она безмолвно съ благоговѣніемъ слушала мой разсказъ, а когда я касался въ немъ стычекъ съ непріятелемъ и говорилъ объ убитыхъ и раненыхъ, то эта окружавшая меня группа, между которой у нѣкоторыхъ пробивалась слеза, осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ, точно я творилъ молитву; и долго эти простодушные люди слушали бы мое повѣствованіе, но пришла мать и увела меня на ночлегъ.

IV.

Наступилъ 1855 годъ. Время шло; проходили недѣли, мѣсяцы; неутѣшительные слухи доносились до насъ изъ Севастополя. Наконецъ, получено было печальное извѣстіе, что 27 августа, послѣ кровопролитнаго боя, мы должны были оставить Севастополь. Главныя силы непріятеля были направлены на Малаховъ курганъ; нѣсколько сотъ нашихъ храбрецовъ не могли долго сопротивляться натиску многочисленнаго непріятеля и почти всѣ погибли на бастіонѣ.

Послѣ сдачи Малахова кургана, который господствовалъ надъ Севастополемъ, не было никакого расчета оставаться въ городѣ; рѣшились его оставить, но передъ отступленіемъ все предать огню и разрушенію. Очевидцы разсказывали ужасную обстановку нашего отступленія на сѣверную сторону Севастополя, которая сопровождалась трагическими послѣдствіями: рѣшились оставить непріятелю однѣ развалины; спѣшили поджечь еще уцѣлѣвшіе дома, взорвать батареи. Наступилъ вечеръ, городъ пылалъ; это былъ исполинскій пожаръ. Огненная стихія безпощадно охватывала все, что только ей попадалось на пути. Горѣвшіе дома представляли собой цѣлое море огня; зарево пожара освѣщало путь двигавшимся войскамъ, уносившимъ съ собой тяжело раненыхъ; вся эта движущаяся сплошная масса направлялась къ временно построенному на сѣверную сторону мосту. На другой день были потоплены остатки черноморскаго флота (11 кораблей, три фрегата, два корвета, пять бриговъ и десять пароходовъ).

Въ началѣ сентября сдѣлалось извѣстнымъ, что государь императоръ, желая видѣть крымскую армію, остановится въ Николаевѣ; нечего и говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали этого пріѣзда; здѣсь находились всѣ уцѣлѣвшіе отъ севастопольскаго побоища моряки. Николаевъ никогда еще не служилъ такимъ центромъ морского, большею частію осиротѣвшаго, элемента. Ожидавшееся событіе служило какъ бы облегченіемъ въ переживаемомъ горѣ; сколько затаенныхъ желаній, сколько надеждъ на лучшее будущее, невольно созрѣвало въ душѣ каждаго моряка; это были какъ бы больные, жаждущіе исцѣленія люди, и цѣлителя этого ожидали съ нескрываемымъ восторгомъ.

Наступило 13 сентября, день пріѣзда государя съ его августѣйшими братьями; въ городѣ уже съ утра царило необыкновенное оживленіе; постепенно прибывали экипажи со свитой; государя ждали вечеромъ. Наступили сумерки, городъ илюминовался. На Николаевскомъ бульварѣ, наполненномъ массой гуляющей публики, играла музыка; отсюда съ возвышеннаго берега, со всѣхъ аллей, былъ виденъ освѣщенный фонарями и плошками черезъ рѣку Ингульчикъ мостъ, а за нимъ на другой сторонѣ рѣки, по прилегающему къ нему пути, на большомъ разстояніи въ даль горѣли смоленыя бочки. Вдали замелькали движущіеся огоньки: это показался царственный кортежъ, сопровождаемый факельными верховыми [1]). Еще государь не проѣхалъ мостъ, какъ отъ криковъ толпы, мощнаго ура, въ воздухѣ раздавался безпрерывный гулъ. Народъ бѣжалъ за поѣздомъ государя, который остановился у Адмиралтейскаго собора, пока совершалось молебствіе о благополучномъ прибытіи высочайшихъ особъ; между тѣмъ, толпа все прибывала и совершенно запрудила собой площадь, на которой сверкали огненныя линіи транспарантовъ, пускались ракеты, сжигались бенгальскіе огни. По выходѣ государя изъ церкви, снова раздался потрясающій взрывъ ура. Публика тѣснила медленно двигавшійся по Адмиралтейской улицѣ, гдѣ находился дворецъ, экипажъ государя, въѣхавшій съ большимъ трудомъ въ ворота дворцовой ограды.

На другой день пріѣзда государя, въ 9 часовъ утра, директоръ нашъ, контръ-адмиралъ Юхаринъ, объявилъ намъ, что великій князь генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, въ 10$^1/_2$ часовъ, посѣтитъ школу. Черноморская юнкерская школа состояла изъ трехъ классовъ; я въ это время былъ въ старшемъ классѣ; въ этотъ день время отъ 10 до 11 у насъ было назначено для астрономическихъ занятій; преподавалъ астрономію лейтенантъ В. И. Зарудный, который также состоялъ при нашей школѣ дежурнымъ офицеромъ. Спустя четверть часа, послѣ начала лекціи, въ круглое окно двери

---

[1]) Болгарами изъ деревни Терновки, находящейся около десяти верстъ отъ Николаева.

класса, выходящей въ коридоръ, мы замѣтили быстро мелькнувшую фигуру въ этотъ день дежурившаго офицера лейтенанта Христофорова. Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь, и въ классъ вошелъ генералъ-адмиралъ. Какое умное, симпатичное, удивительно располагающее лицо; какая изящная фигура въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, съ моноклемъ въ глазу. Дежурнымъ по классу былъ георгіевскій кавалеръ, юнкеръ Гумбертъ, который, совершенно растерявшись, что-то невнятно прорапортовалъ великому князю. Поздоровавшись съ нами, генералъ-адмиралъ, обернувшись къ Гумберту и указывая пальцемъ на висящій на груди у него крестъ, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ: «защищалъ Севастополь?», «стрѣлялъ, рубилъ, кололъ, ну, воодушевлялъ?». На все это у Гумберта [1]) былъ одинъ стереотипный отвѣтъ: «никакъ нѣтъ, ваше императорское высочество». Прослушавъ вызваннаго для рѣшенія одной астрономической задачи юнкера Дикова, тоже георгіевскаго кавалера, которую онъ изложилъ ясно, съ глубокимъ пониманіемъ заданной ему темы, и получивъ отъ него удовлетворительные отвѣты на предлагаемые вопросы, великій князь, поблагодаривъ Дикова и преподавателя лейтенанта Заруднаго, вышелъ изъ класса.

Зданіе зимняго морского собранія съ пристроенными къ нему флигелями, въ которыхъ помѣщались наши классы и квартира ротнаго командира, расположено было въ концѣ Адмиралтейской улицы, къ сторонѣ рѣки Буга и своимъ корпусомъ пересѣкало улицу. Въ свободное отъ занятій время мы прогуливались въ тѣнистомъ садикѣ, огражденномъ желѣзной рѣшеткой. Передъ нами, насколько позволялъ глазъ, открывалась вся улица. Дворецъ, въ которомъ имѣли свое мѣстопребываніе высочайшія особы, находился отъ собранія въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, такъ что намъ ясно были видны всѣ происходившія возлѣ него движенія. Вотъ показался выѣхавшій изъ дворца ограды экипажъ, онъ приближается къ намъ; по кучеру и лошадямъ узнаемъ экипажъ генералъ-адмирала. Мы быстро вспрыгиваемъ на постаментъ рѣшетки и унизываемъ ее собой. «Здорово, юнкера!»—раздается пріятно-звучный голосъ. Мы дружно отвѣчаемъ на привѣтъ великаго князя, который, безпрестанно кивая головой и улыбаясь, не спускаетъ съ насъ глазъ. По его взгляду мы видимъ, что онъ доволенъ, и ему пріятна эта встрѣча.

По пріѣздѣ государя въ Николаевъ, назначена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адмирала; комиссія эта разсматривала претензіи, подаваемыя моряками, а также и другого вѣдомства лицами, о понесенныхъ ими матеріальныхъ убыткахъ послѣ

---

[1]) Гумбертъ получилъ крестъ за Альминское сраженіе. Въ Севастополѣ во время бомбардированія не присутствовалъ, почему при вопросѣ великаго князя «защищалъ Севастополь?» Гумбертъ естественно растерялся.

севастопольскаго погрома. Хотя въ точности трудно было опредѣлить убытки пострадавшихъ, такъ какъ миръ окончательно не былъ заключенъ, Севастополь былъ еще занятъ непріятелемъ, и до его эвакуаціи невозможно было провѣрить правдивость просимаго вознагражденія, но, по возможности, претензіи удовлетворялись.

Помню торопливой походкой приближавшуюся къ намъ даму, нѣкую Бирюкову, оставшуюся вдовой съ малолѣтними дѣтьми послѣ убитаго при осадѣ Севастополя мужа, офицера морской артиллеріи. Глаза ея необыкновенно блестятъ, она подбѣжала къ стоящему возлѣ ограды знакомому юнкеру Лазареву и, видимо воодушевленная чувствомъ величайшаго благоговѣнія, передъ только что совершившимся актомъ, въ слезахъ умиленія, ярко обнаруживавшихъ тѣ чувства, какія волновали ея сердце, разсказала ему о своей радости: полученіи ею изъ рукъ великаго князя пособія; такихъ испытывающихъ пріятныя минуты послѣ переживаемаго горя было не мало.

Наконецъ, наступилъ ожидаемый нами торжественный, чудный, солнечный день. Государь императоръ, осматривая адмиралтейство, изъявилъ также желаніе посѣтить нашу школу. Мы только что окончили утреннія занятія. Ожидая ежеминутно государя, начальникъ нашей школы, капитанъ-лейтенантъ Греве, приказалъ намъ подняться въ свою спальню и стать у своихъ кроватей. Спальня наша находилась въ верхнемъ этажѣ морского собранія: это была громадная комната, во всю длину собранія.

Мы находились въ какомъ-то трепетномъ состояніи; но это не былъ трепетъ страха. Мы были взволнованы пронизывающимъ насъ радостнымъ чувствомъ передъ готовящимся предстать передъ нами зрѣлищемъ. Вотъ распахнулись двери. Показалась высокая, стройная, величественная фигура государя; трудно оторвать глаза отъ этого очаровательнаго лица; кроткій взглядъ большихъ голубыхъ глазъ останавливается на каждомъ изъ насъ; съ тонкихъ устъ его не сходитъ пріятная улыбка. Было что-то обворожительное въ этой могучести его внушительной внѣшности. За нимъ слѣдуютъ великіе князья: Константинъ, Николай, Михаилъ Николаевичи и герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а затѣмъ многочисленная свита. Великіе князья еще юноши; двое изъ нихъ севастопольскіе герои, съ георгіевскими крестами на груди; имена ихъ съ благоговѣніемъ произносятся по всей Россіи. Сознаніе, что жизнь ихъ подвергалась опасности наравнѣ съ другими, облегчаетъ горе тѣхъ, кто потерялъ въ севастопольской драмѣ дорогихъ сердцу людей. Ихъ красивыя выразительныя лица, ихъ гордая, непринужденная осанка, дышащая спокойной силой и увѣренностью, естественная грація всѣхъ движеній, рѣзко выдѣляетъ отъ сопровождающихъ ихъ лицъ. Эта движущаяся живая блестящая лента удивительно эффектна; эполеты, ленты, звѣзды, расшитые золотомъ мундиры: все это, при проби-

вающихся въ стекла спальни солнечныхъ лучахъ, переливалось всѣми цвѣтами радуги. Государь останавливается возлѣ каждаго георгіевскаго кавалера, спрашиваетъ фамилію, даритъ привѣтливымъ словомъ; вотъ онъ остановился въ послѣдній разъ.

— Юнкера, — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ, — поздравляю васъ, вы переименовываетесь въ гардемарины и будете воспитываться на казенный счетъ.

Дружное продолжительное ура было отвѣтомъ на изъявленную намъ милость государя, который, кивнувъ головой, направился къ выходу, оставивъ насъ словно подъ обаяніемъ радостнаго еще не разсѣявшагося сновидѣнія.

Знакомясь нынѣ по нашимъ газетамъ съ довольно частыми проявленіями франко-русскихъ симпатій, я разскажу одинъ изъ эпизодовъ далекаго прошлаго, довольно ярко свидѣтельствующій, что и тогда уже замѣчались добрыя отношенія къ намъ французовъ при условіяхъ, далеко не имѣвшихъ подъ собой такой благопріятной почвы, какъ въ настоящее время.

Въ 1856 году, мичманомъ я былъ назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на парусный транспортъ «Ѳеодосія», подъ командой капитанъ-лейтенанта Исакова. Транспортъ долженъ былъ изъ Николаева отправиться въ Сухумъ; по пути мы должны были зайти въ Севастополь. Это было въ послѣднихъ числахъ мая; вѣтеръ былъ большею частью попутный, такъ что на третій день, въ полдень, мы уже подходили къ Севастополю, но у самаго фарватера заштилѣло. Убравъ паруса и буксируя транспортъ гребными судами, мы вошли на рейдъ.

Когда-то открывавшійся съ рейда величественный видъ города представлялъ теперь печальную картину: грустно было смотрѣть на берегъ, повсюду усѣянный почернѣвшими руинами. Хотя миръ уже былъ заключенъ, но Севастополь еще былъ занятъ французами. Не успѣли мы бросить якорь, какъ къ транспорту подошла шлюпка. Французскій офицеръ, капитанъ Леженъ, начальникъ стоявшаго въ Севастополѣ караула, пріѣхалъ привѣтствовать насъ съ приходомъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ, его располагающая личность производила на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Мы пригласили его позавтракать съ нами. Капитанъ транспорта, любитель хорошихъ винъ, предложилъ намъ нѣсколько бутылокъ вина, такъ что мы имѣли возможность довольно внушительно убрать свой столъ, и наша каютъ-компанія приняла праздничный видъ. Сколько я помню, гость нашъ, послѣ нашего веселаго завтрака, остался у насъ отдохнуть, и мы на своей шлюпкѣ отвезли его затѣмъ на берегъ. Прощаясь, онъ взялъ съ насъ слово поѣхать съ нимъ на другой день въ Камышевую бухту, гдѣ расположена была ихъ главная квартира.

Капитанъ Леженъ, вѣроятно, имѣлъ сильное желаніе отпла-

тить намъ за нашъ радушный пріемъ, ибо на другой день, уже къ 8-ми часамъ утра, онъ явился къ намъ на транспортъ. Спустили десяти-весельный катеръ. Я и еще два офицера, мичманъ Машкинъ и поручикъ флотскихъ штурмановъ Ласкій, отправились въ путь. Былъ тихій и безоблачный, необыкновенно ясный день, гладкое голубое и прозрачное море залито было яркими лучами утренняго солнца. Гребцы наши дружно взмахивали веслами. Не прошло и полу-часа, какъ мы оставили за собой Артиллерійскую бухту. Къ востоку отъ нея морской берегъ постепенно понижается до Херсонскаго мыса, образуя обширную Камышевую бухту. Черезъ два часа мы причалили къ пристани. Вѣроятно, вслѣдствіе предупрежденія капитана Лежена, мы были встрѣчены цѣлой группой французскихъ офицеровъ. Насъ повели осматривать лагерь, который представлялъ собой цѣлый городокъ: съ правильными улицами, съ довольно красивыми деревянными постройками: театромъ, казармами, костеломъ, фабриками разныхъ водъ и т. д. Проходя мимо довольно большого барака и услыхавъ продолжительный звонокъ, служившій для команды обѣденнымъ сигналомъ, мы изъявили желаніе присутствовать при этой трапезѣ. Въ баракѣ, въ одномъ изъ помѣщеній, во всю длину, съ придвинутыми къ нимъ скамейками, стояли накрытые клеенкой два стола, на которыхъ стояли по четыре большихъ чашки. У каждой чашки сидѣлъ унтеръ-офицеръ или кто нибудь изъ старшихъ и, разливая супъ въ жестяныя тарелки, раздавалъ нижнимъ чинамъ; возлѣ каждаго солдата лежалъ французскій хлѣбъ и стояла кружка съ краснымъ виномъ, котораго полагалось по полъ-литра на человѣка. Послѣ супа принесли вареный рисъ [1]), который, какъ я замѣтилъ, французы очень любятъ: они поѣдали его съ необычайнымъ аппетитомъ. Солдаты не стѣснялись нашимъ присутствіемъ: свободно вели бесѣду, смѣялись, шутили и, какъ видно, вполнѣ сознавая, что время это принадлежитъ имъ, предавались, не выходя изъ границъ приличія, самому заразительному веселью.

Послѣ осмотра лагеря, насъ пригласили на завтракъ въ одну изъ офицерскихъ столовыхъ. Французскіе офицеры были различныхъ родовъ оружія; по ихъ добродушнымъ и веселымъ лицамъ видно было, какъ дѣйствительно пріятно имъ наше присутствіе. Каждый изъ нихъ слѣдилъ за нашими бокалами, наполняя ихъ, и соперничалъ въ этомъ отношеніи другъ съ другомъ. Меня особенно заинтересовалъ одинъ изъ офицеровъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, брюнетъ, съ выразительнымъ лицомъ. Черные глаза его были постоянно въ движеніи, на его тонкихъ губахъ, об-

---

[1]) На нашихъ судахъ въ шестидесятыхъ годахъ хотѣли замѣнить для команды горохъ рисомъ; испробовавъ его, наши матросики общимъ голосомъ предали его остракизму.

рамленныхъ маленькими закрученными вверхъ усиками, сверкала пріятная улыбка; на груди у него висѣлъ крестикъ Почетнаго Легіона. Его звали monsieur Бартелонъ; своей остроумной и веселой бесѣдой онъ придавалъ большое оживленіе нашей трапезѣ. Вставъ изъ-за стола, я рѣшился подойти къ нему, чтобы спросить, когда и за что получилъ онъ крестъ:

— При взятіи Малахова кургана,—сказалъ онъ:—ваши солдаты жестоко аттаковали насъ; когда мы уже взошли на Малаховъ курганъ, одинъ изъ нихъ бросился впередъ и хотѣлъ заколоть нашего полковника. Онъ исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы я во время не замѣтилъ и не нанесъ ему удара. Я исполнилъ свой долгъ,—добавилъ Бартелонъ,—но никогда не забуду вашего доблестнаго героя. При взглядѣ на этотъ крестъ, въ памяти моей воскресаетъ образъ этого неустрашимаго воина.

Весь день мы были предметомъ самаго лестнаго къ намъ вниманія. Вечеромъ насъ повели въ театръ и предоставили намъ безплатно лучшія мѣста. Шла оперетка. Публики была масса; всѣ мѣста были заняты. Въ ложахъ мы замѣтили нѣсколько дамъ. Одна изъ нихъ, нѣкто madame Вюрмли, жена полковаго командира, въ антрактѣ прислала намъ съ однимъ офицеромъ по великолѣпной розѣ, которыя мы сейчасъ же вложили въ петлицы, и пошли ее поблагодарить. Она насъ представила сидѣвшимъ съ ней двумъ молодымъ пресимпатичнымъ дѣвицамъ. Это были ея дочери. Насъ просили остаться. Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ младшей, Sophie. Она была очаровательна: свѣтлая блондинка, съ пепельнаго цвѣта волосами, ниспадающими двумя длинными косами на ея округленныя юныя плечи. Въ изящныхъ, точно выточенныхъ, рукахъ она держала прелестный букетъ розъ.

— Мы очень довольны,—сказала она,—что намъ представился случай провести хотя короткое время въ обществѣ русскихъ офицеровъ! Вы были нашими врагами, но это прошло, во всякомъ случаѣ, вы намъ симпатичны, не то, что англичане, которыхъ мы недолюбливаемъ.

Madame Вюрмли пріѣхала изъ Тулона навѣстить своего мужа и очень сожалѣла, что онъ не могъ съ нами познакомиться; на нѣсколько дней полковникъ былъ откомандированъ по дѣламъ службы въ Балаклаву.

По окончаніи спектакля, у madame Вюрмли собралось довольно большое общество, изъ театра явилось нѣсколько музыкантовъ, и устроились танцы. Царицей вечера была Sophie. По окончаніи танцевъ, намъ предложили роскошный ужинъ. При оживленной бесѣдѣ и веселомъ настроеніи, которое такъ свойственно французскимъ женщинамъ, мы желали, чтобы ужинъ этотъ продолжался какъ можно долѣе. Трудно забыть этотъ вечеръ, проведенный между такими милыми людьми, гдѣ радушіе и любезность не знали границъ,

и мы видѣли ясно, что все это выражается отъ полноты души. Madame Вюрмли съ дочерьми выразила искреннее сожалѣніе, что мы уходимъ на другой день изъ Севастополя, и что это лишало ихъ возможности пріѣхать къ намъ на транспортъ. Прощаясь съ дамами, я замѣтилъ, что mademoiselle Sophie держитъ что-то въ рукахъ и видимо желаетъ со мной говорить.

— Monsieur,—сказала она, подавая мнѣ маленькій, съ перламутровой обложкой альбомчикъ:—je vous prie de m'inscrire quelque chose comme souvenir.

Я совершенно растерялся; что могъ я написать такъ мало мнѣ знакомой милой дѣвицѣ? Наконецъ, я припомнилъ одну играющую немаловажную роль въ жизни человѣчества аксіому. Я взялъ у нея на половину уже исписанный автографами альбомъ и, подойдя къ письменному столу, написалъ слѣдующее: «l'amour en lui meme est une récompense et un chatiment: le ciel et l'enfer». Sophie слѣдила за моей рукой, и когда я подалъ ей альбомъ, то на губахъ ея мелькнула чудная улыбка, и она кокетливо протянула мнѣ свою руку.

Хотя была свѣтлая ночь, и мы могли отправиться въ Севастополь, но насъ ни за что не хотѣли отпустить и упросили остаться до слѣдующаго утра, предоставивъ намъ для ночлега прекрасное помѣщеніе. Матросы наши также не были забыты; кромѣ часоваго, который оставался на шлюпкѣ, остальныхъ помѣстили въ одной изъ казармъ.

На другой день, утромъ, въ сопровожденіи уже знакомыхъ намъ офицеровъ, послѣ выпитаго брудершафта, дружно бесѣдуя, отправились мы къ пристани. Подойдя къ катеру, мы и французы были удивлены, что на немъ не оказалось ни одного матроса. Возлѣ катера сидѣлъ французскій матросикъ, который всталъ и отдалъ намъ честь. «Гдѣ же наши гребцы?»—спросилъ я. «Ваши матросы сейчасъ придутъ. Если господинъ лейтенантъ желаетъ, то я ихъ позову». Мы ждали съ полчаса и, не дождавшись посланнаго, отправились по его слѣдамъ. Пройдя не болѣе 200 шаговъ, мы услыхали какой-то своеобразный говоръ и пѣніе, доносившееся изъ одного виннаго погреба. Спустившись внизъ, мы увидѣли слѣдующую картину: наши гребцы на постланныхъ на полу рогожахъ, во всевозможныхъ позахъ, одни поджавъ ноги, другіе лежа, нѣкоторые обнявшись, съ стаканами въ рукахъ, распѣвали съ французскими матросами и солдатами. У нашихъ матросовъ надѣты были французскія фуражки, а у французовъ русскія. По глазамъ матросовъ было видно, что они уже порядкомъ подкутили, но, увидя насъ, всѣ встали и, снявъ фуражки, видимо растерявшись, держали въ рукахъ свои стаканы. Тогда я обратился къ рулевому унтеръ-офицеру и началъ его распекать. «Это они»,—отвѣтилъ мнѣ рулевой, тыкая на французовъ пальцемъ. Тогда одинъ изъ послѣднихъ, вѣроятно, старшій, подойдя ко мнѣ и наклонивъ голову, сказалъ: «это наши друзья, и мы по-

корнѣйше просимъ васъ не наказывать ихъ». При этой просьбѣ, весьма почтительно высказанной, мы всѣ невольно улыбнулись. Я велѣлъ гребцамъ идти къ катеру. Французскіе офицеры также убѣдительно просили насъ не наказывать гребцовъ. Мы, конечно, исполнили ихъ желаніе. Попрощавшись съ ними, какъ со старыми друзьями, и поблагодаривъ за гостепріимство, мы отвалили отъ пристани. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поставили паруса. Катеръ легко разсѣкалъ морскую поверхность, быстро двигаясь впередъ. Постепенно удаляясь отъ пристани, мы долго еще видѣли махавшихъ фуражками и платками нашихъ радушныхъ хозяевъ.

С. А. Гунаропуло.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЭПОХИ МЯТЕЖА 1863 ГОДА [1].

(Изъ записокъ и воспоминаній).

СООБЩАЕМЫЕ мною разсказы изъ времени послѣдняго польскаго мятежа—не выдуманные: излагаемыя въ нихъ, хотя и въ повѣствовательной формѣ, событія происходили въ дѣйствительности, въ 1863 г., въ Ковенской и Минской губерніяхъ.

Мнѣ не довелось быть прямымъ свидѣтелемъ мятежа: я прибылъ въ край въ маѣ 1864 года, т. е. годъ спустя, и вскорѣ занялъ должность мирового посредника въ Могилевской губерніи. Но я засталъ еще послѣдній актъ этой ужасной трагедіи, слышалъ живые, свѣжіе разсказы о происходившихъ событіяхъ, а многое довелось увидѣть своими глазами. Такъ, напримѣръ, при сценѣ разстрѣлянія въ мѣстечкѣ Логойскѣ, Борисовскаго уѣзда Минской губерніи, въ іюлѣ 1864 года, мнѣ довелось присутствовать лично,—и я до сихъ поръ, несмотря на то, что съ того времени прошло уже 35 лѣтъ, не могу безъ ужаса и глубокаго содроганія и отвращенія вспомнить объ этой сценѣ...

Нѣкоторыя мѣстà дѣйствій и лица не называются въ моихъ разсказахъ, вслѣдствіе нѣкотораго неудобства называть ихъ по имени.

---

[1]) Одинъ изъ разсказовъ былъ напечатанъ, много лѣтъ тому назадъ, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». И. З.

I.

Любовь и долгъ.

На одномъ изъ глухихъ фольварковъ Р—скаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ апрѣлѣ 1863 года, въ небольшой, но уютной гостиной панскаго дома сидѣло двое молодыхъ людей: панна Розалія С—ская, дочь обладателя этого фольварка, небогатаго польскаго помѣщика, и подпоручикъ N—скаго пѣхотнаго полка Марлинъ, совсѣмъ еще юный на видъ офицерикъ, всего два года назадъ выпущенный изъ кадетскаго корпуса. Между молодыми людьми происходило, повидимому, очень рѣшительное и серьезное объясненіе: оба были страшно блѣдны и взволнованы, у обоихъ ярко блистали молодые глаза... Разговоръ ихъ приходилъ уже къ концу.

— Одно изъ двухъ,—произнесла наконецъ панна Розалія сдержаннымъ, но очень рѣшительнымъ шопотомъ:—или панъ поручикъ будетъ нашъ, и я буду принадлежать ему, или...

— Или что?—испуганно переспросилъ молодой человѣкъ.

— Или... мы должны будемъ разстаться навсегда.

— И вы, панна Розалія?...

— Я буду принадлежать пану... Казимиру, который меня, я знаю, безумно любитъ.

— Клянусь честью, этому никогда не бывать! — и Марлинъ крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.

Молодые люди давно уже любили другъ друга; по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ красивый подпоручикъ Марлинъ вздыхалъ и ухаживалъ за миловидною и бойкою паненкой, жалъ ей и цѣловалъ потихоньку ручки, а она, въ свою очередь, отвѣчала ему взаимными пожатіями нѣжными взглядами и томными вздохами. Ея отецъ и мать—панъ Станиславъ и пани Станиславова С—скіе—смотрѣли на это ухаживанье не совсѣмъ-то благосклонно: во-первыхъ, такое уже тогда, въ началѣ 1863 года, было время, что русскихъ офицеровъ или совсѣмъ перестали принимать въ польскихъ домахъ, или же принимали ихъ скрѣпя сердце и крайне неохотно, а, во-вторыхъ, родители панны Розаліи были убѣждены въ томъ, что если только ихъ цурка (дочка) выйдетъ—бронь Боже!—за пана поручика, то онъ первымъ долгомъ завезетъ ее въ Москву и обратитъ въ свою схизматичну вѣру. Они болѣе ласково смотрѣли, въ этомъ случаѣ, на своего сосѣда по имѣнію, довольно богатаго пана Казимира З—скаго, ухаживавшаго за Розаліей уже давно и съ очевиднымъ, конечно, намѣреніемъ вступить съ нею въ законный бракъ. Но бѣда была въ томъ, что этотъ панъ Казимиръ былъ очень некрасивъ собою, совсѣмъ необразованъ и вдобавокъ довольно грубъ и неловокъ въ

обращеніи; даже мазурку—этотъ національный изящный польскій танецъ—онъ танцовалъ плохо и неохотно. Любимою и чуть ли не единственною его страстью была охота съ гончими и борзыми: тутъ у него являлась и удаль, и ловкость, и увлеченіе. Паннѣ Розаліи онъ положительно не нравился, и она всячески избѣгала его грубоватыхъ любезностей и признаній въ любви. Она въ душѣ своей дѣлала иногда сравненіе между рыжимъ и неуклюжимъ шляхтичемъ и благовоспитаннымъ, изящнымъ и красивымъ Марлинымъ,—и сердце ея невольно склонялось въ пользу «москаля», но она искренно жалѣла лишь о томъ, что Марлинъ—«схизматикъ», и что по смерти его душа непремѣнно попадетъ въ «пекло», т. е. въ адъ... Объ этомъ говорилъ не разъ въ костелѣ ксендзъ—т. е. о душахъ москалей вообще,—говорила и мама; слѣдовательно, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія... Въ послѣднее время панъ Кизимиръ оставилъ ее въ покоѣ,—съ тѣхъ поръ, какъ она, однажды, послѣ неловкихъ намековъ его на свою любовь, прямо сказала ему съ смѣлостью и развязностью истой польки:

— Я бы пошла за пана лишь тогда, если бы у него въ домѣ не осталось ни одной собаки, а то я никогда не буду знать, кого панъ больше любитъ—свою жену или своихъ гончихъ?..

Панъ Казимиръ покраснѣлъ, какъ ракъ, но, тѣмъ не менѣе, твердо объяснилъ, что онъ готовъ отдать паннѣ свою душу, но что эту жертву принести не можетъ—съ собаками не разстанется.

Панна Розалія получила тогда за эту выходку строгій выговоръ отъ своихъ родителей; но за то громко и долго смѣялась она, потомъ, съ Марлинымъ, разсказывая ему о деклараціи З—скаго и о своемъ отвѣтѣ.

Ея отношенія къ Марлину заходили все далѣе и далѣе: онъ не разъ уже втихомолку цѣловалъ ея розовыя губки и щечки, и она не особенно сильно сопротивлялась этимъ поцѣлуямъ...

Политическія событія, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ: въ костелахъ пѣлись гимны, по городамъ собирались деньги «на офяру», по фольваркамъ заготовлялись сухари и лились пули, въ сосѣднихъ лѣсахъ Виленской губерніи появились уже первыя банды... Изъ Гродненской и Минской губерній приходили тоже тревожныя извѣстія, и силы повстанцевъ, по разсказамъ, измѣрялись уже не сотнями и тысячами, а десятками тысячъ... Франція главнымъ образомъ стала подливать масла въ огонь: сочувственныя полякамъ, публично произнесенныя, фразы императрицы Евгеніи и зажигательныя рѣчи принца Наполеона совсѣмъ вскружили имъ голову: по ихъ увѣреніямъ, къ нимъ на подмогу должна была выступить изъ Франціи цѣлая армія... Словомъ, легкомыслію и легковѣрію поляковъ не было ни мѣры, ни предѣловъ,—и въ этомъ сказывалась ихъ характерная и національная черта. Въ дѣйствительности же, пока одно лишь царство Польское (Привислинскій край), да и то далеко не все, было

охвачено полымемъ возстанія, а въ такъ называемомъ Сѣверо-Западномъ краѣ кое-гдѣ лишь десятки и сотни горячихъ и безумныхъ молодыхъ головъ, соединившись въ партіи, уходили въ лѣса и уводили за собою, иногда насильно, шляхту изъ околицъ (поселковъ) и бывшую свою дворню. Главари мятежа, скрываясь за границей, искусно руководили начавшимся броженіемъ, ксендзы разжигали политическія страсти въ женщинахъ, а эти командовали мужьями, братьями и сыновьями и настойчиво отправляли ихъ въ лѣса—на вѣрную смерть и погибель.

Въ этотъ именно моментъ возстанія и происходилъ приведенный нами въ началѣ разговоръ между молодымъ русскимъ офицеромъ и польскою панною. Она, съ свойственною женщинамъ тонкостью, хорошо знала, чѣмъ сильнѣе всего можно было подѣйствовать на пылкое, юношеское сердце своего поклонника, и потому умышленно упомянула имя пана Казимира.

— Клянусь честью, этого не будетъ, панна Розалія!—еще разъ горячо повторилъ Марлинъ и, обнявъ правою рукою талію дѣвушки, притянулъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ.

Она не уклонилась отъ поцѣлуя; но затѣмъ, медленно отведя его руку, встала и отошла отъ него, сѣла на диванъ, пригласивъ его сѣсть vis-à-vis, въ кресло.

— Теперь, не время для поцѣлуевъ,—тихо и какъ-то непривычно строго проговорила она:—ты знаешь ли, что черезъ три дня меня уже не будетъ здѣсь въ фольваркѣ?

— Гдѣ же ты будешь?—испуганно спросилъ Марлинъ.

— Я буду тамъ, гдѣ соберутся всѣ мои братья—всѣ дѣти одной нашей общей матери—отчизны... нашей Польши.

— То-есть, въ лѣсу?

— Да, въ лѣсу, ты отгадалъ.

Марлинъ опустилъ голову на руку и задумался...

— Къ вамъ тотчасъ же придутъ войска и разобьютъ васъ,—тихо проговорилъ онъ.

— Это еще неизвѣстно, кто̀ кого разобьетъ,—бойко отвѣтила она.—А если это несчастье и случится, то мы уйдемъ за границу и будемъ ждать болѣе лучшаго времени... А пока станемъ съ мужемъ трудиться тамъ вмѣстѣ: панъ Казимиръ посвятитъ мнѣ всю свою жизнь...

— Не будетъ этого, не будетъ, говорю тебѣ!.. Панъ Казимиръ тебя не стоитъ и никогда не будетъ твоимъ мужемъ. Ты знаешь, Розалія, какъ сильно я тебя люблю... больше жизни моей...

Онъ быстро всталъ съ кресла и сѣлъ съ ней рядомъ. Она на этотъ разъ не отодвинулась отъ него и тихо, почти шепотомъ, отвѣтила:

— Я тебя люблю также много: я готова пожертвовать для тебя всѣмъ. Ты это хорошо знаешь. Докажи и ты свою любовь — рѣшайся!..

— На все, только не на это! Идти съ тобою въ лѣсъ... бить, потóмъ, своихъ!.. Вѣдь это подлость будетъ,—и ты первая перестанешь тогда уважать меня.

— Кто-жъ заставитъ тебя бить своихъ?!. Ты только будешь со мною вмѣстѣ, мой кохàный... И ничто въ мірѣ насъ не разлучитъ тогда. А послѣ ты перемѣнишь фамилію, и мы обвѣнчаемся...

Она нѣжно склонилась головой ему на плечо и сама обняла его рукой. Ея горячее дыханіе жгло ему щеку, словно огнемъ; другою рукой она тихо перебирала его волосы на головѣ... У него, отъ ея прикосновенія и близкаго счастія, совершенно потемнѣло въ глазахъ и затмился разсудокъ... Ея предложеніе и на самомъ дѣлѣ становилось уже для него такъ возможнымъ и, главное, извиняемымъ. А она вдругъ заговорила нѣжнымъ, но въ то же время и рѣшительнымъ тономъ:

— Если ты сегодня же, сейчасъ же, не отвѣтишь мнѣ рѣшительно, то мы съ тобой не должны видѣться... Отецъ мнѣ прямо сказалъ, чтобы я попросила тебя не бывать у насъ. Ксендзъ пригрозилъ отлучить насъ всѣхъ отъ костела, если ты будешь пріѣзжать сюда; тебя боятся... ты можешь замѣтить что нибудь, узнать и передать пану-полковнику... Я, можетъ быть, съ ума сойду, когда тебя перестану видѣть, когда ты отвернешься отъ меня!.. Но что же мнѣ дѣлать, Езусъ-Марія! что мнѣ дѣлать!!.

Она быстро и горячо обняла его обѣими руками, положила голову къ нему на грудь и нервно и истерически зарыдала...

— Клянусь тебѣ,—говорила она сквозь слезы:—я люблю тебя, какъ Бога! Клянусь тебѣ въ этомъ на святомъ крестѣ!..

И она, немного откинувшись отъ него, быстро достала изъ-за корсажа своего платья золотой крестъ съ распятіемъ и поцѣловала его.

— Если любишь, поцѣлуй и ты этотъ крестъ,—шептала она...

Юноша смотрѣлъ на нее безумными, восторженными глазами,— и вдругъ наклонился и поцѣловалъ этотъ крестъ, и ея руку, и ее самое...

— Я на все рѣшился!.. Я на все согласенъ!.. Я твой, твой навѣки!!.—прошепталъ наконецъ онъ, оторвавшись отъ поцѣлуевъ и глядя на нее глазами, въ которыхъ блистали и любовь, и счастіе, и полная, безповоротная рѣшимость на все... А она, словно ласточка, щебетала ему:

— Сейчасъ вернутся изъ костела отецъ и мама; мы имъ разскажемъ все... Они будутъ, я знаю, такъ рады и довольны, что ты «нашъ»... А черезъ три дня—помни!—ты пріѣзжай верхомъ ровно въ одиннадцать часовъ ночи къ той святой капличкѣ (часовнѣ), которая, ты знаешь, стоитъ въ сосновомъ лѣсу, по дорогѣ къ Шадову... Я буду тамъ одна, верхомъ же, ждать тебя... Никто и ничто не помѣшаетъ нашему счастію... А оттуда мы прямо проѣдемъ съ

тобою лѣсною дорогою на Стульпинскую греблю (гать)... Я вѣдь всѣ тропинки знаю въ этихъ лѣсахъ—я здѣсь родилась и выросла... А тамъ ужъ насъ будутъ ждать. Ахъ, да! я и забыла тебѣ сказать: ты приготовь себѣ чамарку, а этотъ мундиръ сбросишь...

Марлинъ смотрѣлъ на нее, слушалъ и ничего почти не понималъ отъ счастія; онъ помнилъ лишь одно: черезъ три дня, въ 11 часовъ ночи, онъ долженъ быть у знакомой каплички... Это онъ исполнитъ, хотя бы для этого нужно было умереть... Вѣдь онъ сейчасъ цѣловалъ крестъ, клялся... Правда, онъ еще такъ недавно, менѣе двухъ лѣтъ назадъ, цѣловалъ тоже крестъ — совсѣмъ иной, и произносилъ тоже клятву—совсѣмъ иную—тамъ, въ Петербургѣ, въ дорогой для его воспоминаній кадетской церкви... Но вѣдь тогда онъ былъ почти мальчикъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста... А теперь!—теперь онъ женихъ, почти мужъ первой красавицы въ уѣздѣ, панны Розаліи С—ской...

— Да, ужъ рѣшено это!—подумалъ онъ:—такъ, видно, суждено мнѣ...

Въ это время на дворъ фольварка въѣхала и подкатила прямо къ крыльцу дома красивая нэйтычанка, въ которой сидѣли отецъ и мать панны С—ской. Дѣвушка быстро встала съ дивана и, какъ вихрь, понеслась черезъ всѣ комнаты въ переднюю, громко хлопая въ ладоши и также громко выкрикивая фразу, состоящую всего изъ трехъ словъ:

— Панъ Марлинъ нашъ! панъ Марлинъ нашъ!!.

Юноша глядѣлъ ей вслѣдъ счастливыми, влюбленными глазами и тихо вторилъ за нею:

— Да, я теперь твой, моя дорогая!..

Тихими, осторожными шагами, словно ощупью, подвигался среди ночной тишины небольшой русскій отрядъ по Шадовской дорогѣ. Это была та самая проселочная дорога, ведущая къ святой капличкѣ, у которой, двѣ недѣли назадъ, панна Розалія назначила ночное свиданіе подпоручику Марлину.

Отрядъ былъ невеликъ: въ немъ было всего двѣ роты N—скаго пѣхотнаго полка, въ которомъ служилъ Марлинъ, и при нихъ сотня донскихъ казаковъ. Отрядомъ этимъ командовалъ майоръ Нордквистъ, баталіонный командиръ N—скаго полка, финнъ по національности, большой службистъ и человѣкъ строгій и исполнительный. Инструкція, данная ему предъ выступленіемъ отряда, заключалась въ очень немногомъ: ему было приказано разбить банду, которая, по полученнымъ секретнымъ свѣдѣніямъ, только что сформировалась. Затѣмъ, онъ имѣлъ второй приказъ, но уже «совершенно секретный»: взять въ этой бандѣ дезертировавшаго, три недѣли назадъ, изъ ихъ же полка, подпоручика Марлина,—взять его живого или мертваго.

Въ подобныхъ случаяхъ, т.-е., когда знали навѣрное, что въ такой-то бандѣ состоитъ перебѣжавшій нашъ же офицеръ,—практиковалась иногда въ русскихъ отрядахъ слѣдующая мѣра: по взаимному и, такъ сказать, безмолвному соглашенію между офицерами отряда, рѣшалось не брать несчастнаго въ плѣнъ живымъ... А чтобы достигнуть этого, показывалась унтеръ-офицерамъ отряда фотографическая карточка дезертира, находившаяся у кого нибудь изъ его бывшихъ товарищей по полку. Это дѣлалось по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, мученія преступнаго офицера сокращались, такимъ образомъ, на нѣсколько недѣль, которыя требовались бы для военнаго суда и для утвержденія конфирмаціи смертной казни; а вѣдь извѣстно, что не казнь страшна, а приготовленія къ ней... А, во-вторыхъ, заграничныя, руссофобскія газеты лишались, такимъ образомъ, удобнаго случая заявить лишній разъ о «сочувствіи» русскихъ офицеровъ дѣлу возстанія и о новой смертной казни. Вотъ, поэтому-то и судьба Марлина была рѣшена при самомъ выступленіи отряда.

Объ его исчезновеніи узнали, конечно, въ полку очень скоро; но куда именно онъ исчезъ, этого въ началѣ не зналъ никто. Узнали только, что онъ уѣхалъ куда-то вечеромъ, верхомъ, взявъ съ собой охотничье ружье и свою лягавую собаку... Рѣшили, что онъ, разсчитывая, вѣроятно, поохотиться въ какой нибудь отдаленной мѣстности, отправился туда и затѣмъ, по дорогѣ гдѣ нибудь, въ лѣсу, наскочилъ на повстанцевъ, которые его и ухлопали.

Дано было знать, конечно, полиціи, отправлены были во всѣ стороны казачьи разъѣзды для розысковъ, но все было насправно: подпоручикъ Марлинъ какъ въ воду канулъ. Совершенно случайное происшествіе обнаружило, однако, что онъ живъ, и даже его мѣстопребываніе.

Такъ какъ въ уѣздномъ городѣ, гдѣ находился штабъ полка, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сосѣднихъ лѣсахъ начинаютъ уже бродить повстанцы, уѣздный военный начальникъ — онъ же и командиръ N—скаго полка — отправилъ по разнымъ направленіямъ нѣсколько мелкихъ казачьихъ разъѣздовъ для наблюденій. Одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, проѣзжая Стульпинскимъ лѣсомъ, замѣтилъ издали, что какой-то ѣхавшій съ возомъ еврей, завидѣвъ казаковъ, быстро свернулъ въ бокъ, въ лѣсъ, въ самую чащу. Еврея этого тотчасъ же, конечно, нагнали и вывели его возъ обратно на дорогу.

На возу у него не было, впрочемъ, ничего подозрительнаго—бочка съ дегтемъ, и больше ничего. Еврей объяснилъ, что зовутъ его Ицкой Либерманомъ, что онъ «честный и бѣдный еврейчикъ», возитъ по деревнямъ деготь на продажу и этимъ существуетъ и кормится.

— Зачѣмъ же ты, собачій сынъ, утекалъ отъ насъ въ лѣсъ?—спросилъ казачій урядникъ.

— А я дюже злякался (испугался), оттого и утекалъ.

— Чего же ты злякался, если ты честный еврей?—продолжали допрашивать его.

— А якъ же мнѣ не злякаться! Я бачу, ѣдутъ москали, съ такими страшными—ховай Боже!—пиками... ну, и съ саблями, и съ фузеями... Ну, я и злякался.

— Однако, братцы, обыщите-ка этого жида, на всякій случай,—приказалъ урядникъ.

Еврей сильно встревожился и заволновался:

— Ну, и зачѣмъ меня обыскивать?.. Я не злодѣй якой. Я буду кричать «гвалтъ»...

— Кричи себѣ, сколько хочешь, мы тебѣ не мѣшаемъ, — замѣтили ему казаки.

И вотъ двое изъ нихъ, соскочивъ съ коней, принялись тормошить и обыскивать «пана Ицку». Еврей топорщился, упирался, но его все-таки свалили на землю и обыскали. Ничего подозрительнаго не нашли. Отыскали лишь еврейское «богомолье» да засаленный бумажникъ, въ которомъ было, однако, около трехсотъ рублей кредитными билетами. Урядникъ возвратилъ еврею все въ цѣлости,—и отрядъ хотѣлъ было уже ѣхать дальше, напутствуемый ворчаньемъ и бранью Ицки, уже расхрабрившагося, какъ вдругъ казаки вспомнили, что не разували его и не осматривали его обувь.

— Однако, сядь на траву да разуйся; мы посмотримъ, нѣтъ ли чего въ твоихъ сапогахъ, — какой нибудь бумаги отъ поляковъ?—предложили казаки.

Еврей мгновенно поблѣднѣлъ, какъ смерть, и сразу сдѣлался меньше ростомъ, униженно согнувшись и сгорбившись... Онъ торопливо вынулъ изъ бумажника нѣсколько мелкихъ асссигнацій и сунулъ ихъ урядчику въ руку. Тотъ взялъ, поблагодарилъ Ицку, даже шапку приподнялъ съ головы въ знакъ благодарности.

— А все-таки разуйся, панъ Ицко!—приказалъ онъ.

Еврей отказался разуться наотрѣзъ, и казаки должны были и на этотъ разъ употребить насиліе. Ицку вновь посадили на землю и, какъ онъ ни брыкался ногами, его разули-таки: сняли одинъ сапогъ, потомъ другой... Стали казаки трясти эти сапоги—изъ одного выпала пара офицерскихъ золотыхъ погоновъ съ нумеромъ той дивизіи, въ которой служилъ Марлинъ, а изъ другого сапога — нѣсколько писемъ...

— Ага, жидюга, это ты, значитъ, убилъ подпоручика!.. Вотъ и погоны,—проговорилъ урядникъ, взявъ въ руки погоны и разглядывая ихъ.

Еврей былъ блѣднѣе полотна и лишь дико озирался по сторонамъ, какъ бы выбирая мѣсто, куда можно бы было скрыться.

— Вяжите его!—приказалъ урядникъ,—это дѣло его рукъ: непремѣнно онъ убилъ.

— Я его не убивалъ... Зачѣмъ я буду его убивать, коли онъ живъ?—тихо проговорилъ Ицко.

— Заговаривай мнѣ зубы-то! Такъ я и повѣрилъ тебѣ! — отвѣчалъ урядникъ и распорядился свалить бочку съ телѣги на землю, а на возъ положить связаннаго по рукамъ и ногамъ Ицку.

Но когда казаки стали сваливать бочку на землю, она показалась имъ что-то легка... Оттолкнули втулку — съ одного конца потекъ дѣйствительно деготь; ударили пикой въ противоположное дно—оказалась пустота. Одинъ изъ казаковъ запустилъ въ сдѣланное пикою отверстіе руку и вытащилъ двухфунтовую жестянку съ прусскимъ порохомъ...

— Эге, жи́дъ! добрый у тебя деготь!—засмѣялись казаки, оглядывая со всѣхъ сторонъ вынутую жестянку.

— Это не моя бочка... Это не моя лошадь, — шепталъ совершенно убитый, помертвѣвшій отъ страха, еврей...

Его доставили, вмѣстѣ съ поличнымъ, въ уѣздный городъ, и тамъ «панъ Ицко» вынужденъ былъ во всемъ признаться и разсказать всю подноготную. Оказалось, что онъ ѣхалъ прямо изъ банды, въ которой былъ Марлинъ; что тамъ вмѣстѣ съ нимъ въ костюмѣ «хлопца» находится и панна Розалія С—ская. Золотые офицерскіе погоны, погубившіе Ицку, онъ, по еврейской страсти покупать все, что попадается подъ руку, добылъ въ бандѣ же за два злота (30 коп.) отъ какого-то хло̀па, который споролъ эти погоны съ брошеннаго Марлинымъ мундира. А въ числѣ найденныхъ писемъ оказалось одно отъ панны Розаліи къ ея родителямъ, на фольваркъ: она подробно описывала свое поэтическое житье въ лѣсу, вмѣстѣ съ «наржечёнымъ» (женихомъ), т.-е. съ Марлинымъ, называя его «довудцей»—начальникомъ банды.

Такимъ-то, вотъ, случайнымъ образомъ и было открыто мѣстопребываніе безъ вѣсти пропавшаго подпоручика Марлина и той польской банды, въ которую онъ попалъ. Для поимки его и для уничтоженія банды и была, нарочно, послана командиромъ полка и та рота, въ которой Марлинъ былъ субалтернъ-офицеромъ.

— Онъ осрамилъ эту роту, и пусть она же и возьметъ его, живого или мертваго, это все равно, — сказалъ полковникъ майору Нордквисту, отправляя отрядъ.

Отрядъ этотъ выступилъ изъ города тотчасъ послѣ сумерекъ (чтобы никто не видѣлъ его отправленія) и долженъ былъ идти форсированнымъ маршемъ всю ночь съ такимъ расчетомъ, чтобы подойти къ бандѣ предъ разсвѣтомъ; затѣмъ, предположено было дать людямъ маленькій отдыхъ, и на разсвѣтѣ, когда можно будетъ уже хорошо оглядѣться въ лѣсу, напасть на банду врасплохъ и уничтожить ее. Въ проводники отряду данъ былъ «панъ Ицко», знакомый, по его словамъ, со всѣми тропинками въ лѣсу. Ицкѣ было объявлено, что если онъ проведетъ нашъ отрядъ незамѣтнымъ

образомъ, лѣсными тропами, прямо къ бандѣ, то наказаніе за его вину будетъ значительно смягчено; а если онъ вздумаетъ «утечь», его тотчасъ же приколятъ.

Лица солдатъ и офицеровъ были сосредоточенныя и серьезныя, въ виду предстоящаго «дѣла»; бѣдный Ицко, шедшій во главѣ отряда со связанными назади руками, трясся, какъ въ лихорадкѣ... Такъ шли лѣсомъ всю ночь. Холодно было и сыро въ лѣсу, несмотря на то, что на дворѣ уже былъ май; да и жутко было: лѣсъ старинный, вѣковой, то и дѣло попадались корабельныя деревья, въ нѣсколько обхватовъ толщины. Много видали на своемъ вѣку эти сосны и ели!... и вотъ теперь имъ вновь пришлось увидать новое человѣческое безуміе—возстаніе.

Наконецъ, надъ головами людей, кое-гдѣ между соснами, стало немножко бѣлѣть небо... Востока не было видно въ лѣсной чащѣ; но было ясно, что до разсвѣта уже недалеко...

— Скоро ли дойдемъ?—спросилъ Ицку майоръ, подойдя къ нему.

— Заразъ, панъ полковникъ, заразъ (скоро),—отвѣчалъ Ицко.

— Близко уже?

— Заразъ, заразъ...

Прошли еще минутъ пятнадцать. Клочки неба надъ головами совсѣмъ уже побѣлѣли... Но вотъ Ицко остановился, осмотрѣлся внимательно кругомъ и сталъ оглядывать деревья, бормоча что-то поеврейски себѣ подъ носъ и какъ будто соображая и припоминая... Потомъ онъ поводилъ носомъ вокругъ, словно обнюхивая эту мѣстность...

— Здѣсь!—тихо проговорилъ онъ:—вотъ тутъ заразъ будетъ криница (ключъ), откуда они берутъ воду, а за ней, морговъ (десятинъ) за пять, будетъ поляна... На этой самой полянѣ стоятъ повозки и брички, и нэйтычанки, и будованые шалаши; а въ этихъ самыхъ повозкахъ и въ бричкахъ, и въ нэйтычанкахъ, и въ будованыхъ шалашахъ спятъ паны... и хлопы при нихъ есть...

— А можно зайти имъ въ тылъ?—спросилъ майоръ:—тутъ нѣтъ съ боковъ болота?

— Чему не можно—можно: болота нѣтъ.

Въ это время въ лѣсу, не болѣе какъ въ полуверстномъ, повидимому, разстояніи отъ отряда, заржала лошадь; ей тотчасъ же отозвалась другая, и затѣмъ все вновь стихло и умолкло.

Майоръ подозвалъ одного изъ офицеровъ и отдалъ ему слѣдующее приказаніе: взять съ собой шесть барабанщиковъ, одного унтеръ-офицера и двадцать человѣкъ рядовыхъ и зайти стороною, въ тылъ расположенія банды; затѣмъ, какъ только это обходное движеніе будетъ выполнено, то разставить барабанщиковъ въ линію, длиною, примѣрно, въ 200 шаговъ, и бить «атаку», при пальбѣ и крикахъ «ура»; потомъ, медленно, шагъ за шагомъ, подаваться впередъ, скучиваясь на случай нападенія. Въ проводники этому маленькому отряду былъ данъ тотъ же злосчастный Ицко.

Какъ только этотъ отрядъ отдѣлился и ушелъ, майоръ вызвалъ нѣсколько человѣкъ «охотниковъ» и отправилъ ихъ впередъ, для осмотра мѣста расположенія банды, приказавъ имъ тотчасъ же возвращаться назадъ, какъ только они сдѣлаютъ свое дѣло. Отряду тѣмъ временемъ позволено было стоять «вольно» и «поправиться», а кто сильно усталъ, тотъ могъ присѣсть и отдохнуть немного. Ни говорить громко, ни курить, конечно, не было позволено.

Минутъ черезъ двадцать воротился «секретъ», сообщивъ все, что имъ было замѣчено, и прибавивъ, что весь польскій отрядъ, не исключая и караульныхъ, спитъ мертвымъ сномъ. Майоръ тотчасъ же собралъ всѣхъ офицеровъ отряда, которыхъ было, съ двумя казачьими, восемь человѣкъ, и тихо передалъ имъ о расположеніи банды и описаніе мѣстности.

— Ну, что, люди не очень устали? — спросилъ онъ у ротныхъ командировъ.

— Отдохнули уже,—отвѣчали тѣ.

— Такъ поднимайте ихъ и стройте потихоньку. Совсѣмъ уже разсвѣло вѣдь.

Едва успѣлъ отрядъ, послѣ этого необходимаго отдыха, выстроиться кое-какъ въ свободныхъ пространствахъ между деревьями, какъ вдругъ по лѣсу загрохотали барабаны, послышалась ружейная пальба и громкое «ура»... Это—обходный отрядъ началъ свое дѣло.

Отрядъ майора Нордквиста, взявъ тотчасъ же ружья «на-перевѣсъ», двинулся впередъ бѣглымъ шагомъ, но молча, тихо, точно всѣ бѣжали по землѣ разутыми ногами...

Въ то же время, тамъ, впереди, на полянѣ, происходило нѣчто хаотическое и ужасное: повстанцы, раздѣтые, вскакивали со сна, какъ безумные, метались безтолково по лагерю, отыскивая своихъ лошадей и оружіе, наталкивались другъ на друга, посылая взаимныя проклятія... Этотъ людской крикъ и шумъ сливался съ ржаніемъ коней и воемъ охотничьихъ собакъ, которыхъ въ лагерѣ у повстанцевъ было множество... Наконецъ, вся эта масса людей, еще не опомнившихся хорошенько отъ сна и охваченная паническимъ страхомъ, шарахнулась, какъ испуганное стадо, въ лѣсъ, въ сторону, противоположную отъ приближающагося къ ней треска барабановъ, пальбы и криковъ «ура»... Но едва только повстанцы выскочили на поляну, какъ передъ ними, словно изъ земли, выросъ стройный и грозный отрядъ майора Нордквиста, далъ залпъ и съ оглушительнымъ «ура» кинулся на нихъ въ штыки, смялъ и охватилъ кругóмъ.

Черезъ какіе нибудь полчаса все было уже кончено... Часть повстанцевъ была убита и переранена, большая часть взята въ плѣнъ и перевязана, и только пятая, можетъ быть, часть всей банды успѣла скрыться — кто верхомъ на неосѣдланной лошади, а кто, просто забившись въ овраги, въ лѣсную чащу и трущобы...

Подпоручикъ Марлинъ, котораго видѣли въ самомъ началѣ боя впереди отряда, былъ найденъ въ числѣ убитыхъ: пуля, попавъ ему въ грудь, съ боку, пробила сердце и легкія навылетъ. Смерть его, повидимому, послѣдовала мгновенно. Въ боковомъ карманѣ надѣтой на немъ чамарки была найдена фотографическая карточка красавицы-панны Розаліи С—кой. Ея самой не оказалось ни между убитыми, ни между забранными «въ плѣнъ»: должно быть, спаслась-таки какъ нибудь...

II.

Старообрядецъ Червонецъ.

Мирно и тихо шла жизнь въ заѣзжемъ домѣ старообрядца, по фамиліи Червонца, въ мѣстечкѣ Роговѣ, Вилкомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи [1]). Заѣзжій домъ этотъ—или корчма, какъ его называли, рѣзко выдѣлялся изъ таковыхъ же, принадлежащихъ и содержимыхъ евреями: у Червонца, на чистой половинѣ, «для пановъ», было дѣйствительно, чисто и опрятно: большая комната была выбѣлена, въ углу висѣли образа, на стѣнахъ были прибиты различныя дешевыя гравюры и картины, въ комнатѣ стоили стулья и плетеные диванчики, бѣлые липовые столы были покрыты скатертями и клеенками. Водка у Червонца была крѣпкая, хорошая, не разбавленная водою. Паны, чиновники и офицеры, проѣзжая чрезъ мѣстечко и останавливаясь въ немъ для кормежки лошадей или для ночлега, гораздо охотнѣе завертывали къ Червонцу, чѣмъ въ другую корчму, находившуюся vis-à-vis и принадлежавшую еврею Беркѣ Запаснику, гдѣ была и грязь, и еврейская вонь, а главное, гдѣ водка была разбавлена водою, а чтобы это было не особенно замѣтно, еврей клалъ въ нее для настоя стручковый перецъ и даже табачные листы, такъ что, когда, бывало, проѣзжій крестьянинъ литвинъ выпивалъ стаканъ такой водки, то у него захватывало дыханіе въ горлѣ, темнѣло въ глазахъ и дурѣла голова... Только евреи и ихъ балагулы [2]) заѣзжали непремѣнно къ Беркѣ; но отъ нихъ не велика была корысть, такъ какъ пассажиры балагулъ были, по большей части, народъ очень не богатый—евреи, писаря, мелкая шляхта, прислуга и пр.; все же мало-мальски пановитое обходило Берку и направлялось въ заѣзжій домъ Червонца.

Такъ шло дѣло нѣсколько лѣтъ. И вотъ наступилъ роковой

---

[1]) Фамилія Червонецъ и названіе мѣстечка—подлинныя. И. З.

[2]) Балагула—это громадная, длинная, крытая телѣга, запряженная тройкою или парою лошадей, съ хозяиномъ евреемъ на козлахъ. Экипажи эти путешествуютъ отъ одного города до другого, взадъ и впередъ, въ районахъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, и перевозятъ преимущественно бѣдный людъ, не могущій ѣздить въ почтовыхъ экипажахъ. И. З.

1863 годъ, когда, по мѣткому и вѣрному выраженію бѣлорусскихъ крестьянъ, ихъ «паны сдурѣли»... Начались волненія и огнеустныя проповѣди сначала въ костелахъ, а затѣмъ отъ словъ поляки перешли къ дѣлу, и въ лѣсахъ стали появляться банды, мелкія и крупныя.

Русскія власти, захваченныя мятежомъ врасплохъ, сначала бездѣйствовали или же дѣйствовали очень безтолково, и это самое лишь подбодряло поляковъ, поощряя ихъ къ безнаказаннымъ уходамъ въ лѣса... Потомъ, когда первое впечатлѣніе неожиданности прошло, а власти немного опомнились, и къ нимъ на помощь стали прибывать изъ внутреннихъ губерній войска, тогда и польскимъ бандамъ въ лѣсу пришлось плохо: ихъ стали, одна за другою, разбивать и преслѣдовать.

Неподалеку отъ м. Рогова, въ старинныхъ лѣсахъ, которые шли въ тѣ времена вплоть до прусской границы, была въ маѣ 1863 года разбита одна изъ польскихъ бандъ. Русскій отрядъ, схватившійся съ этою бандою, не имѣлъ при себѣ ни регулярной кавалеріи, ни казаковъ, а потому дальнѣйшее преслѣдованіе разбитыхъ повстанцевъ оказалось невозможнымъ, и они, разсыпавшись и попрятавшись по лѣсу, на половину спаслись и, затѣмъ, соединившись съ остатками другой также разбитой банды, сформировались вновь, и стали вновь бродить въ лѣсахъ, расположенныхъ по близости м. Рогова.

Вотъ тогда-то и вздумалъ Берко избавиться отъ своего конкуррента.

Однажды, въ темную и дождливую ночь, къ Беркѣ въ корчму, со стороны огородовъ и лѣса, пришло нѣсколько человѣкъ продрогшихъ и голодныхъ повстанцевъ, которыхъ привелъ одинъ молодой панъ, проживавшій неподалеку, у котораго Берко ранѣе былъ факторомъ (комиссіонеромъ) по продажѣ ржи и льна. Они пришли съ тѣмъ, чтобы получить въ корчмѣ сколько можно хлѣба, водки и провизіи для себя и для тѣхъ повстанцевъ, которые теперь, послѣ разбитія банды и потери запасовъ, совсѣмъ голодали въ лѣсу. Берко тихо впустилъ ночныхъ гостей въ стадо̀лу, находящуюся на заднемъ дворѣ корчмы, просилъ обождать, а самъ побѣжалъ къ женѣ— совѣтоваться, что выгоднѣе: объявить ли потихоньку проживавшему въ мѣстечкѣ становому приставу, что у него въ стадолѣ сидятъ пять человѣкъ повстанцевъ, или же не объявлять и извлечь изъ этого посѣщенія какія нибудь другія выгоды?..

Такъ какъ русскія власти могли въ концѣ концовъ или совсѣмъ ничего не заплатить Беркѣ за его доносъ, или же заплатить обычные по 3 рубля за человѣка, выдаваемые за поимку каждаго бѣглаго солдата и арестанта, то рѣшено было не выдавать повстанцевъ, а лишь побольше взять съ нихъ за водку, хлѣбъ, мясо, бублики и прочую снѣдь, оказавшуюся на-лицо въ кладовой корчмы.

Въ то же время Берко рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами и оборудовать еще одно дѣло...

Тихо, незамѣтно и неслышно прокрались въ стадолу Берко и его жена съ мѣшками, наполненными разною провизiей, и затѣмъ, когда повстанцы укладывали все это и собирались уже въ обратный путь, въ лѣсъ, еврей началъ издалека выражать свое сожалѣнiе, что панская банда потерпѣла такую неудачу...

— И никогда бы москали не нашли пановъ, коли-бъ не этый подлый быдло—проводникъ ихъ...

— Какой проводникъ?—живо спросилъ одинъ изъ пановъ.

— А развѣ панъ не знаетъ — какой?! Все мѣстечко знаетъ, а панъ не знаетъ...

— Да говорятъ же тебѣ, что не знаемъ! Мы только были удивлены, какъ тихо и незамѣтно подкрались москали — нэхъ ихъ дьябли возьмутъ!—но не знаемъ, кто провелъ ихъ...

— А кто жъ ихъ провелъ, какъ не «кацапъ» [1]) нашъ Червонецъ... Онъ добре заробилъ, пане: панъ полковникъ заплатилъ ему сто карбованцевъ.

— Эге! такъ вотъ оно что!.. такъ вотъ кто провелъ по лѣсу москалей!..—восклицали, скрежеща зубами, повстанцы:—за сто карбаваньцевъ, пся крэвъ! Добре же! постараемся, чтобы и отъ насъ онъ заробилъ...

Они безусловно повѣрили оговору еврея, такъ какъ оговоръ этотъ былъ очень и очень вѣроятенъ. Во-первыхъ, «кацапы» были съ самаго начала возстанiя очень ревностными помощниками и союзниками русскихъ людей и войскъ. Крестьяне — особливо, напримѣръ, въ царствѣ Польскомъ—первое время, какъ бы еще колебались, къ кому пристать, выжидая, чья возьметъ. Старообрядцы же, первые, не ожидая иногда даже и войскъ (какъ, напримѣръ, въ Динабургскомъ уѣздѣ, въ дѣлѣ съ бандой графа Плятера), нападали на повстанцевъ; а затѣмъ, когда собрались, наконецъ, въ краѣ въ достаточномъ числѣ войска, эти же самые старообрядцы явились усердными проводниками для нашихъ войскъ по лѣсамъ Литвы и Бѣлоруссiи, такъ что сообщенiе Берки было очень правдоподобно. Во-вторыхъ, паны повѣрили еврею очень скоро и охотно еще и потому, что дѣйствительно подозрѣвали кого либо изъ мѣстныхъ жителей въ указанiи русскому отряду лѣсныхъ дорогъ и тропъ, среди которыхъ могъ орiентироваться только лишь человѣкъ, хорошо и давно знакомый съ мѣстными лѣсами.

---

[1]) «Кацапами» называютъ въ Гродненской и Ковенской губернiи русскихъ старообрядцевъ и крестьянъ-чернорабочихъ, являющихся изъ внутреннихъ, великорусскихъ губернiй. И. З.

Въ дѣйствительности же старообрядецъ Червонецъ былъ не при чемъ: русскій отрядъ провелъ по лѣсу одинъ солдатикъ, недавно поступившій въ службу изъ этой же мѣстности.

Спустя нѣкоторое время, посѣтители корчмы Берки тихо подъ покровомъ ночи и дождя вышли изъ стадолы, дошли до лѣсу и скрылись въ его чащѣ.

Спустя всего нѣсколько дней, ночью же, нѣсколько конныхъ повстанцевъ тихо, крадучись, подъѣхали къ корчмѣ старообрядца Червонца и осторожно постучались въ окно. Оно тотчасъ же отворилось, высунулась голова работника, и одинъ изъ подъѣхавшихъ людей попросилъ его разбудить и вызвать на улицу самого хозяина по очень важному дѣлу. Червонецъ спалъ на дворѣ, на сѣновалѣ. Работникъ разбудилъ его и послалъ на улицу, а самъ преспокойно вошелъ въ корчму и завалился опять спать. Червонецъ, ничего не подозрѣвавшій, какъ былъ раздѣтъ — босой, въ однихъ лишь порткахъ и рубахѣ,—такъ и вышелъ на улицу.

— Кто тамъ и что нужно?—спросилъ онъ, выйдя за ворота.

— Мы казаки,—отвѣчали ему:—покажи, пожалуйста, дорогу на Вилкомиръ.

Такъ какъ всадники стояли уже въ это время отъ воротъ корчмы шагахъ въ пятидесяти, то Червонецъ, не понявъ, должно быть, сразу, какую дорогу имъ нужно, подошелъ къ нимъ вблизь и готовился разспросить ихъ какъ слѣдуетъ... Но едва только онъ отошелъ отъ своего дома, какъ нѣсколько человѣкъ, пѣшихъ уже, мгновенно бросились на него, закутали ему голову шубой, свалили на земь, связали по рукамъ и ногамъ, быстро подняли съ земли, положили поперекъ сѣдла, привязали и повезли съ собою въ лѣсъ... Все это заняло собою не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Несчастный едва лишь успѣлъ въ началѣ крикнуть... но этотъ крикъ услыхалъ одинъ лишь его работникъ, еще не успѣвшій уснуть; онъ вышелъ на улицу, сталъ громко звать хозяина и, догадавшись, что дѣло не ладно, поднялъ всполохъ...

Рано утромъ становой поспѣшилъ дать знать, по начальству, объ исчезновеніи, «неизвѣстно куда», владѣльца заѣзжаго дома въ м. Роговѣ, старообрядца Червонца, и его стали разыскивать...

Совсѣмъ уже на разсвѣтѣ, черезъ два или три часа мучительной дороги по лѣсу, со связанными руками и ногами, на спинѣ лошади, въ согнутомъ положеніи, несчастный человѣкъ былъ доставленъ въ лѣсной оврагъ, расположенный въ самой глубинѣ лѣса, гдѣ въ это время уже подымалась со сна банда польскихъ повстанцевъ. Плѣнника сняли съ лошади и поставили на ноги, развязавъ ихъ; руки же его были попрежнему скручены назадъ и крѣпко связаны веревкою.

Червонца обступили со всѣхъ сторонъ, подвергли его всевозможнымъ оскорбленіямъ и оплеванію, и на его же глазахъ стали приготовлять на деревѣ петлю...

— Куда же ты дѣвалъ тѣ сто карбованцевъ, которые получилъ за кровь нашу?—спросилъ его довудца отряда.

Несчастный ничего, конечно, не понималъ...

— Какіе сто рублей?! Богъ съ вами!..—тихо отвѣчалъ онъ.

— Не мѣшай пана Бога въ свое проклятое дѣло!—прикрикнули на Червонца:—мы все знаемъ: и за сколько ты нанялся у москалей, и кàкъ ты ихъ провелъ по этому лѣсу къ нашему отряду, и какъ помогалъ имъ...

Червонецъ тутъ только понялъ, въ чемъ его подозрѣваютъ и обвиняютъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ...

— Спросите, у кого хотите, я не виноватъ!—молилъ онъ.—Когда на васъ напали, я былъ на кирмашѣ въ Яновѣ... Вотъ вамъ Христосъ—свидѣтель!

Но ударъ по головѣ чѣмъ-то тяжелымъ заставилъ его замолчать... по лицу несчастнаго заструилась кровь...

— Ты велъ отрядъ ночью, то, значитъ, хорошо видишь,—заговорилъ ироническимъ тономъ начальникъ:—а чтобы ты видѣлъ еще лучше, мы тебѣ вставимъ окуляры (очки)... А такъ какъ ты скоро ходишь, поспѣлъ даже за казаками отряда, то чтобы не стопталъ обуви, мы тебѣ подобьемъ подошвы... Пусть всѣ узнаютъ, что и мы тебѣ тоже заплатили, сколько могли...

Довудца сдѣлалъ знакъ, и нѣсколько человѣкъ бросились на несчастнаго: его повалили на землю, и одинъ изъ повстанцевъ выкололъ ему вилкою глаза. Затѣмъ другіе, схвативъ его босыя ноги, принялись вбивать ему въ подошвы гвозди съ большими круглыми шляпками...

Когда эта звѣрская казнь была закончена, Червонца связали, положили вновь поперегъ сѣдла и вывезли изъ лѣса на большую дорогу, гдѣ, снявъ съ лошади, и оставили на произволъ судьбы... Несчастный былъ найденъ въ тотъ же день проѣзжими крестьянами, еле живой, обсыпанный и искусанный комарами и лѣсными мухами. Онъ былъ доставленъ въ мѣстечко Рогово, гдѣ, спустя нѣсколько дней, и скончался собственно отъ потери крови, вытекшей изъ глазъ и ногъ.

Мѣсяцъ спустя, когда эта банда была вновь и окончательно уже разбита, то плѣнные на допросахъ показали, что на старообрядца Червонца, какъ на проводника русскаго отряда, имъ указалъ содержатель корчмы, еврей Берко Запасникъ.

III.

Разстрѣляніе.

Лѣтомъ 1863 года, когда мятежъ былъ въ самомъ разгарѣ, застрѣленъ былъ становой приставъ Минской губерніи Борисовскаго уѣзда, по фамиліи Ляцкій. Этого пристава сильно недолюбливали поляки, и главнымъ образомъ вотъ почему. До возстанія Ляцкій былъ католикомъ, и ему, какъ только начались смуты, предстоялъ или переводъ во внутреннія губерніи Россіи, или же совершенное увольненіе отъ службы. И вотъ Ляцкій явился къ борисовскому уѣздному военному начальнику, полковнику Домбровскому [1], и просилъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ и должности, заявивъ при этомъ, что принимаетъ православіе.

— Католицизмъ меня не поитъ и не кормитъ, г. полковникъ; а Богъ одинъ, какъ у насъ, католиковъ, такъ и у православныхъ. Я буду служить такъ же вѣрно и честно, какъ служилъ и до этого. Переводиться же внутрь Россіи я не желаю, потому что я не знакомъ ни съ русскимъ бытомъ, ни съ характеромъ тамошняго народа. А здѣсь я родился и служу, и здѣсь же позвольте мнѣ и продолжать служить.

И Ляцкій дѣйствительно принялъ православіе и былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ попрежнему; а его слова, обращенныя къ полковнику Домбровскому, стали скоро извѣстны всему уѣзду и возбудили въ полякахъ глубокое негодованіе. Ненависть къ Ляцкому среди мѣстнаго католическаго населенія усилилась еще и потому, что онъ, подобно многимъ ренегатамъ, сталъ отличаться особенною суровостью къ полякамъ: не разъ дѣлалъ по собственной инціативѣ внезапные обыски на панскихъ фольваркахъ, при чемъ достаточно было иногда самомалѣйшаго повода, въ родѣ, напримѣръ, нахожденія старой сабли или никуда негоднаго пистолета [2], чтобы послѣдовалъ арестъ и отправленіе въ Борисовскій острогъ.

Здѣсь я сдѣлаю маленькій перерывъ въ своемъ разсказѣ, чтобы сообщить, что въ это тяжелое время случалось иногда, что паны отправлялись въ тюрьму по поводу скорѣе комическому, чѣмъ серіоз-

---

[1]) О полковникѣ Р. Э. Домбровскомъ мнѣ довелось уже однажды говорить въ моихъ «Воспоминаніяхъ о службѣ въ Бѣлоруссіи» («Историческій Вѣстникъ» мартъ, 1884 года). И. З.

[2]) Все оружіе въ краѣ было у католиковъ отобрано, и на право имѣть ружье нужны были особая благонадежность и особое разрѣшеніе губернатора. Благодаря этому распоряженію, особенно благопріятному для волковъ, эти звѣри такъ расплодились въ то время, что бѣгали совершенно открыто, среди бѣлаго дня, по лѣсамъ и полямъ, на виду у людей безъ всякой уже опаски. И. З.

ному. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я приведу здѣсь слѣдующій фактъ, происшедшій въ Могилевской губерніи. Крестьяне пана П-ка, съ которымъ они за что-то враждовали, донесли становому, что ихъ панъ печетъ сухари для повстанцевъ. Становой съ своими сотскими налетѣлъ на фольварокъ ночью, перепугалъ семью П-ка, сдѣлалъ въ кладовыхъ, амбарахъ и въ домѣ самый тщательный обыскъ, и, найдя дѣйствительно ящикъ съ нѣсколькими фунтами пшеничныхъ, посыпанныхъ корицею сухарей, подаваемыхъ обыкновенно въ каждомъ небогатомъ польскомъ домѣ къ чаю, арестовалъ П-ка и въ ту же ночь, не давъ ему опомниться, отправилъ при бумагѣ въ Могилевъ, а тамъ упрятали его въ острогъ...

Полгода спустя, дошла наконецъ очередь и до пана П-ка. Слѣдственная военно судная комиссія вызвала къ допросу донесшихъ на него крестьянъ, поименованныхъ въ бумагѣ становаго, и стала ихъ допрашивать.

— Пекъ и заготовлялъ вашъ панъ сухари?

— А якъ же? пекъ,— отвѣчали бѣлоруссы.

— Сухари эти были, конечно, изъ ржаной муки; такіе, какъ заготовляютъ для солдатъ?

— Бронь Боже! николи ёнъ черныхъ сухарей ѣсть не станетъ. Пекъ ихъ изъ бѣлой, пшеничной муки... Смачные сухари!

— Ну, и отправлялъ ихъ въ лѣсъ, въ банду, для повстанцевъ?— спрашиваетъ, подсказывая, военный слѣдователь.

— Эге! чи такій это панъ, кабъ далъ кому отвѣдать! Ни въ жизнь не дастъ!.. Енъ дюже скупый панъ.

— Такъ для кого же онъ заготовлялъ эти сухари? — спросилъ наконецъ недоумѣвающій слѣдователь.

— Самъ ѣу (ѣлъ)!—отвѣтили крестьяне...

Эффектъ этого отвѣта былъ чрезвычайный: хохоталъ и слѣдователь, и предсѣдатель слѣдственной и военно судной комиссіи, и мужички... Не смѣялся одинъ только злосчастный панъ П—къ, отсидѣвшій ни за что, ни про что, полгода въ острогѣ. Передъ нимъ, конечно, извинились и тотчасъ же освободили.

— A la guerre, comme à la guerre, — оправдывались потомъ чиновники. Случай этотъ могъ бы быть смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не былъ фактомъ.

Теперь продолжаю прерванный разсказъ.

Злоба на Ляцкаго накоплялась все болѣе и болѣе, чему способствовала главнымъ образомъ масса совсѣмъ ненужныхъ жестокостей, обнаруженныхъ имъ относительно поляковъ. И наконецъ его убили...

Убитъ онъ былъ среди бѣла дня. Онъ выѣхалъ изъ мѣстечка Логойска въ м. Гайну, въ открытой нэйтычанкѣ, на тройкѣ лошадей, съ колокольчикомъ, и отъѣхалъ отъ Логойска не болѣе двухъ— трехъ верстъ, какъ вдругъ въ лѣсу, изъ-за кустовъ, съ обѣихъ

сторонъ дороги грянули два выстрѣла, ранившіе одну изъ лошадей и самого Ляцкаго въ плечо и въ бокъ.

Онъ, раненый уже, громко крикнулъ кучеру: «пошелъ!»—а въ это время раздались еще два выстрѣла, и Ляцкій упалъ въ нэйтычанкѣ навзничь, съ него свалилась фуражка, а кучеръ ударилъ по лошадямъ и помчался... Было ясно, что стрѣляло двое, у которыхъ были двустволки въ рукахъ. Когда кучеръ доскакалъ до ближайшей корчмы и остановился, то Ляцкій былъ уже мертвъ; въ него попало нѣсколько картечей, которыми были заряжены ружья убійцъ.

Началось, конечно, слѣдствіе, розыски... но виновные какъ въ воду канули. Власти, впрочемъ, подозрѣвали, кто стрѣлялъ: были сильныя улики противъ двухъ молодыхъ людей, родныхъ братьевъ жены Ляцкаго, которые не разъ высказывались въ польскомъ обществѣ въ томъ смыслѣ, что имъ де просто совѣстно за своего шва́гра за то, что онъ сталъ схизматикомъ, и за его поступки противъ поляковъ... Главнымъ же образомъ молодыхъ людей заподозрѣли потому, во-первыхъ, что ихъ видѣлъ пастухъ въ день убійства въ томъ самомъ лѣсу, хотя они и были безъ ружей; а, во-вторыхъ, они исчезли съ своего фольварка въ тотъ же день, неизвѣстно куда...

Подозрѣнія русскихъ властей оправдались очень скоро. Въ Игуменскомъ уѣздѣ была разбита значительная польская банда, находившаяся подъ начальствомъ бывшаго нашего офицера генеральнаго штаба, поляка же (псевдонимъ Ко́зелъ). Въ этой бандѣ въ числѣ смертельно раненыхъ былъ взятъ и одинъ изъ молодыхъ людей, подозрѣвавшихся въ убійствѣ Ляцкаго. Перевезенный въ уѣздную больницу, онъ передъ смертію признался въ этомъ убійствѣ—и ксендзу, напутствовавшему его, и больничному начальству, и убѣдительно просилъ передать его раскаяніе сестрѣ, вдовѣ Ляцкаго, и испросить ея прощеніе... Онъ оказался старшимъ братомъ. Младшаго же, бывшаго, по показанію плѣнныхъ, въ той же бандѣ и заподозрѣннаго тоже въ убійствѣ Ляцкаго, не удалось захватить: онъ послѣ происшедшей стычки успѣлъ скрыться, и самые тщательные розыски не привеля ни къ чему. Наконецъ, военныя и слѣдственныя власти прибѣгли къ крайней мѣрѣ, употреблявшейся въ подобныхъ случаяхъ: была объявлена награда въ 300 рублей тому, кто укажетъ мѣстонахожденіе скрывшагося преступника. Но и эта мѣра, въ теченіе болѣе восьми мѣсяцевъ, не привела ни къ чему.

Лѣтомъ 1864 года, когда военно судныя комиссіи, судившія по полевымъ военнымъ законамъ, были уже на половину закрыты, къ полковнику Домбровскому, въ городъ Борисовъ, явился пахторъ [1])

---

[1]) Пахторъ—это арендаторъ молочныхъ скоповъ въ имѣніи. Такими арендаторами, во всемъ Западномъ краѣ, состоятъ преимущественно евреи. И. З.

еврей, проживавшій на одномъ изъ мелкихъ фольварковъ, по сосѣдству съ Логойскомъ, и объявилъ ему, съ глазу на глазъ, въ его кабинетѣ, что ему, пахтору, извѣстно мѣстопребываніе второго убійцы станового Ляцкаго, что онъ, повидимому, скрывается въ имѣніи графа Тышкевича, вблизи м. Логойска же, въ звѣринцѣ графа; что мѣстопребываніе преступника извѣстно лишь его родному дядѣ, смотрителю этого звѣринца, шляхтичу, пріютившему бѣглеца втайнѣ отъ самого графа и безъ его вѣдома и согласія, а что онъ, доносчикъ, узналъ объ этомъ лишь потому, что смотритель—хорошій и давній его знакомый — попросилъ его достать для кого-то полный крестьянскій костюмъ, далъ ему деньги на эту покупку и пообѣщалъ подарить еще 25 рублей, если онъ поможетъ какъ нибудь «нѣкоему человѣку» укрыться на одной изъ «берлинъ» (рѣзныя суда), отходящихъ изъ Борисова обратно—по Березинѣ, каналу, по Двинѣ—въ Ригу и за границу... По его, еврея, соображеніямъ, этотъ «человѣкъ» и есть не кто иной, какъ тотъ панычъ, котораго разыскиваютъ по дѣлу убійства Ляцкаго.

Получивъ такое важное донесеніе, полковникъ Домбровскій, задержавъ еврея, послалъ тотчасъ же секретное предписаніе участковому военному начальнику, майору Свирскому, находившемуся въ томъ же Логойскѣ: ему приказывалось немедленно оцѣпить солдатами звѣринецъ графа Тышкевича, произвести въ немъ тщательный обыскъ и арестовать одного важнаго политическаго преступника убійцу, тамъ скрывающагося (слѣдовали примѣты разыскиваемаго).

Майоръ Свирскій, тотчасъ же по полученіи такого экстреннаго и «совершенно секретнаго» приказа, потребовалъ людей изъ 2-ой роты Малоярославскаго пѣхотнаго полка, расположенной въ Логойскѣ, и окружилъ звѣринецъ графа Тышкевича со всѣхъ сторонъ... Бросились, конечно, прежде всего къ пустымъ клѣткамъ,—и въ одной изъ нихъ, въ ворохѣ соломы, нашли несчастнаго молодого человѣка, очень ослабѣвшаго, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія движенія.

О поимкѣ преступника дано было знать въ Минскъ, губернатору, генералъ-майору Шелгунову: тотъ снесся съ Вильной, гдѣ еще держался М. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ), и молодого человѣка велѣно было судить по законамъ военнаго времени—въ виду серьезности его вины, а также потому, что весь тотъ край находился еще «на военномъ положеніи».

Недолго тянулся судъ,—и несчастный юноша (ему не было и 20-ти лѣтъ) былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, которое губернаторъ Шелгуновъ приказалъ привести въ исполненіе въ мѣстечкѣ Логойскѣ, то-есть тамъ, откуда въ двухъ верстахъ, въ лѣсу, было совершено и самое убійство Ляцкаго.

Изъ Борисовскаго тюремнаго замка преступникъ былъ отправленъ ночью, въ почтовой телѣжкѣ, окруженный конвоемъ казаковъ.

Къ разсвѣту этотъ печальный кортежъ прибылъ въ м. Логойскъ и остановился на заранѣе приготовленной квартирѣ. Въ тотъ же день прибылъ въ Логойскъ и уѣздный военный начальникъ, полковникъ Домбровскій, пожелавшій исполнить приговоръ суда въ своемъ присутствіи. Весь этотъ день—наканунѣ казни—казаки, по распоряженію Домбровскаго, объѣзжали всѣ близъ лежащіе «застѣнки», «околицы» (поселки) и хутора, приказывая, чтобы утромъ, къ семи часамъ, всѣ собирались въ Логойскъ, для присутствованія при исполненіи приговора суда надъ убійцею станового Ляцкаго.

Преступникъ былъ помѣщенъ въ небольшомъ еврейскомъ домикѣ-особнякѣ, находящемся на краю мѣстечка. Всѣ обитатели дома были изъ него на это время удалены, а самый домъ охранялся густою цѣпью пѣшей стражи изъ солдатъ Малоярославскаго полка и донскими казаками. Власти, очевидно, боялись возможности нечаяннаго нападенія со стороны поляковъ, съ цѣлью отбить преступника, хотя въ это время—въ іюлѣ 1864 года—не существовало уже въ лѣсахъ ни одной банды.

Осужденный зналъ, конечно, и видѣлъ, что̀ его ожидаетъ, такъ какъ смертный приговоръ былъ ему объявленъ еще въ Борисовѣ, въ засѣданіи суда, а равно и то, что приговоръ былъ конфирмованъ и утвержденъ, а его просьба о помилованіи отклонена.

Наканунѣ казни, вечеромъ, къ осужденному былъ допущенъ ксендзъ, который его и исповѣдывалъ... Затѣмъ къ нему вошелъ караульный офицеръ и спросилъ, не желаетъ ли онъ сдѣлать какихъ либо распоряженій и, вообще, не имѣетъ ли какой просьбы... Тогда юноша выразилъ, со слезами на глазахъ, единственное желаніе, чтобы его мать, проживавшая вблизи мѣстечка Гайны, не присутствовала завтра, при его казни, и чтобы ей, если можно, совсѣмъ не сообщали о его злой судьбѣ... Ему это было обѣщано,— и по мѣстечку бросились разузнавать, не пріѣхала ли эта несчастная?.. Дѣло было поздно вечеромъ, и не нашли удобнымъ безпокоить ложившихся уже спать жителей, а потому ограничились лишь одними заѣзжими домами и корчмами, гдѣ, къ счастію, матери осужденнаго не оказалось.

Двое часовыхъ съ ружьями были помѣщены на ночь, наканунѣ казни, въ одну комнату съ осужденнымъ, что его видимо стѣсняло, такъ что онъ долго не могъ уснуть и все ворочался на своей постели... Ночникъ слабо освѣщалъ эту комнату, гдѣ проводилъ свою послѣднюю ночь этотъ нечастный юноша, полный силъ, едва начавшій жизнь.

Онъ не дотронулся ни до вина, ни до вкусныхъ кушаній, которыя были ему, по разрѣшенію властей, доставлены. Онъ выкурилъ лишь, одну за другою, нѣсколько сигаръ и, замѣтивъ часовымъ,

что давно не курилъ, и что у него сильно, поэтому, закружилась голова, легъ въ постель. Лишь подъ утро онъ уснулъ мертвымъ, предсмертнымъ сномъ...

Въ семь часовъ утра, полковой аудиторъ, въ сопровожденіи распорядителей казни, вошелъ въ комнату осужденнаго и сталъ будить его... Юноша моментально вскочилъ на ноги и улыбнулся со сна, не сознавая, очевидно, окружающей его обстановки и наступившихъ минутъ... Но — это было одинъ моментъ, — и тотчасъ же его красивое, почти дѣтское, лицо покрылось смертельною блѣдностью...

— Уже?!..— могъ только проговорить насчастный... и сталъ торопливо одѣваться.

— А мама?..—вдругъ спросилъ онъ:—ея нѣтъ въ Логойскѣ?..

Ему сказали, что матери нѣтъ. Онъ, видимо, успокоился, и блѣдность стала исчезать съ его лица... Онъ попросилъ воды умыться и причесалъ себѣ голову. Потомъ прошепталъ молитву, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ....

Минутъ черезъ двадцать, онъ вышелъ уже на улицу, гдѣ стояло военное и гражданское начальство, войска, казаки и нѣсколько тысячъ народу... Онъ, видимо, былъ подавленъ и устрашенъ этимъ ужаснымъ вниманіемъ многихъ тысячъ людей, ожидавшихъ его смерти, и съ радостью остановилъ свой испуганный взоръ на знакомомъ ксендзѣ, который уже стоялъ съ крестомъ въ рукахъ, поджидая его... Онъ перекрестился и приложился ко кресту... Ксендзъ пошелъ впереди его, и шествіе началось...

Было прекрасное лѣтнее утро—съ яркимъ солнцемъ, съ благоуханіемъ сосѣднихъ смоляныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, окружающихъ Логойскъ... Съ одной стороны мѣстечка, на холмахъ, расположилось въ ожиданіи еще нѣсколько тысячъ народа, и стало ясно, что шествіе направится именно туда, къ этимъ холмамъ, гдѣ ждутъ эти тысячи любопытныхъ, и гдѣ, слѣдовательно, наступитъ для этого тщедушнаго, юнаго существа смерть...

Шествіе продолжалось минутъ 20—25... Подошли къ холмамъ, и вдругъ всѣ, какъ бы невольно, взглянули впередъ и явственно увидѣли у подножія одного изъ холмовъ невысокій, свѣже-оструганный, бѣлый столбъ, врытый въ землю...

И онъ взглянулъ тоже, и вдругъ его шагъ замедлился: онъ сталъ какъ будто спотыкаться... Но это продолжалось лишь нѣсколько секундъ, и я замѣтилъ, что онъ вновь пошелъ тѣми же обыкновенными—ровными, неширокими—своими шагами.

Но вотъ подошли и къ бѣлому столбу, позади котораго была вырыта свѣжая могила; выкопанная изъ ямы земля, пополамъ съ желтой и сѣроватой глиной, выглядывала замѣтнымъ бугромъ изъ-за этого столба...

По командѣ «стой!» все вдругъ остановилось и замерло. По-

слышалась ещё команда: «На пле-чо!».. «Слушай: на кра-улъ!». Обнажились головы, и аудиторъ сталъ читать приговоръ. Голосъ его негромкій, дрожитъ... Кончилъ... Опять командныя слова,—и солдаты берутъ ружья «къ ногѣ».

Полковой адъютантъ сдѣлалъ знакъ ксендзу, и тотъ, съ крестомъ въ рукахъ, подошелъ къ осужденному, стоявшему все время у столба, и что-то тихо сталъ говорить ему... Боже! какъ ужасно тянулись минуты! И какая была могильная, страшная тишина вокругъ: все какъ будто замерло и затаило дыханіе...

Вотъ осужденный поцѣловалъ крестъ и быстро опустился на колѣни; тогда ксендзъ перекрестилъ его наклоненную голову широкимъ большимъ крестомъ, затѣмъ нагнулся, взялъ въ руку горсть земли, свѣжіе комья которой лежали повсюду вокругъ столба, посыпалъ ею голову несчастнаго юноши и быстро отошелъ отъ него въ сторону и ушелъ въ толпу. Слезы совсѣмъ душили его, и онъ силился только ихъ скрыть...

Осужденный тотчасъ же приподнялся съ колѣнъ, а въ это же время къ нему живо подошли два солдатика; одинъ изъ нихъ накинулъ на него саванъ—длинную бѣлую рубаху съ холщевымъ же башлыкомъ и съ длинными, аршина по три, рукавами... На одно мгновеніе мелькнуло изъ-подъ холста это почти дѣтское, испуганное лицо, съ прекрасными голубыми глазами и съ свѣтлорусыми кудрями на головѣ и исчезло подъ накинутымъ на голову башлыкомъ... Барабаны забили учащенную дробь...

Какъ только холщевый мѣшокъ накрылъ лицо осужденнаго, солдатики живо взяли его подъ руки, прислонили къ столбу спиною и, затѣмъ, взявъ длинные рукава съ продѣтыми въ нихъ руками, обернули ихъ нѣсколько разъ вокругъ столба, крѣпко завязали и отошли прочь.

А въ то время, когда несчастнаго привязывали къ столбу, изъ рядовъ войска вышли впередъ 12-ть человѣкъ стрѣлковъ съ заряженными ружьями и выстроились на разстояніи 12-ти шаговъ отъ столба. При нихъ былъ унтеръ-офицеръ.

Всѣ эти стрѣлки подняли разомъ свои ружья и навели ихъ на бѣлый столбъ и на того, кто былъ привязанъ къ этому столбу...

Вдругъ, среди глухой барабанной дроби, раздался оттуда, изъ холщеваго савана, громкій и ясный вскрикъ и послышались отчетливыя слова:

— Не жалѣйте меня, братцы!..

Вслѣдъ затѣмъ послышалось еще какое-то не то слово, не то вскрикъ, но этотъ звукъ изъ груди осужденнаго еще не успѣлъ вылетѣть и окончиться, какъ унтеръ-офицеръ махнулъ платкомъ, и раздался залпъ 12-ти ружей...

Голова осужденнаго, послѣ залпа, моментально откинулась взадъ, ударилась затылкомъ о столбъ, такъ же быстро опустилась на грудь

и безжизненно повисла... Въ то же время тѣло несчастнаго заколотилось и забилось... Еще двѣ-три секунды, и его ноги ослабли, подогнулись, и весь корпусъ держался лишь на рукавахъ холста, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности на груди, алѣли свѣжія пятна крови...

Быстро приблизился военный медикъ, послушалъ у сердца покойнаго, дощупался до кисти руки и пульса и что-то сказалъ стоявшимъ вблизи офицерамъ. Тѣ отдали какое-то приказаніе, и къ казненному живо подошли тѣ же два солдатика, ловко и скоро разрѣзали холстъ рукавовъ, и онъ грузно кувыркнулся въ открытую яму—могилу... Тотчасъ же замелькали въ воздухѣ желѣзныя лопаты солдатъ, и, спустя нѣсколько минутъ, яма была засыпана, утоптана и уровнена...

А къ столбу, тихо рыдая, подошло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ глубокомъ траурѣ (жалобѣ), достали изъ кармановъ бѣлые платки и тщательно вытерли ими оставшуюся на столбѣ кровь растрѣляннаго на память о немъ.

Спустя нѣсколько дней, въ Борисовѣ стало извѣстно, что мать несчастнаго, которая, конечно, узнала-таки о смерти сына, потеряла разсудокъ.

IV.

Безцѣльное убійство.

Въ августѣ 1864 года, я сидѣлъ въ «заѣздномъ домѣ» города Борисова, содержимомъ паномъ Юзефомъ, въ небольшомъ и довольно грязномъ номерѣ, и толковалъ съ посѣтившими меня гостями—докторомъ Безобразовымъ, землемѣромъ Рахманинымъ и поручикомъ Марковымъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и мы наливали каждый для себя и пили чай.

Вдругъ тихо скрипнула дверь номера, и въ полуоткрытую щель показалась голова моего человѣка Савелія: онъ дѣлалъ мнѣ какіе-то таинственные знаки, желая, очевидно, вызвать меня отъ гостей.

— Въ чемъ дѣло? входи сюда!—крикнулъ я ему.

Онъ вошелъ какъ-то нерѣшительно, и я замѣтилъ въ его рукахъ теплое пальто изъ сѣраго офицерскаго сукна, съ бѣлыми, посеребряными пуговицами.

— Что это за пальто, и зачѣмъ ты принесъ мнѣ его?—спросилъ я.

— А вотъ... вотъ, посмотрите-ка... — отвѣчалъ Савелій дрожащимъ отъ волненія голосомъ и сталъ разворачивать пальто.

Мои гости встали отъ чайнаго стола и тоже подошли къ намъ, вглядываясь въ принесенное пальто и не понимая, въ чемъ дѣло.

Но вотъ пальто было развернуто, и мы всѣ въ ужасѣ отступили прочь... Это было болѣе чѣмъ ужасное зрѣлище!..

Вся спина пальто была изрублена топорами и еще какими-то желѣзными орудіями, отъ которыхъ остались меньшія дыры (оказалось—косами). Кое-гдѣ изъ дыръ торчала вата съ запекшеюся на ней кровью... Та же кровь, вся уже почернѣвшая отъ времени и ссохшаяся, была видна и на сѣромъ сукнѣ пальто, вокругъ сдѣланныхъ топорами дыръ. Воротникъ былъ въ одномъ мѣстѣ съ круглою дырою отъ косы, плечо пальто имѣло продолговатую большую дыру отъ топора же, такъ что докторскій, оберъ-офицерскій, погонъ былъ разрубленъ пополамъ...

Савелій объяснилъ намъ слѣдующее. Внизу, въ общей столовой гостиницы, сидѣла и ждала владѣлица этого пальто, несчастная и очень бѣдная старушка, полька И—ичъ, мать баталіоннаго врача И—ича, совсѣмъ еще молодого человѣка, два года назадъ окончившаго курсъ въ медико-хирургической академіи, поступившаго въ полкъ и годъ назадъ убитаго повстанцами. Бѣдная старуха, истратившая на воспитаніе и обученіе сына всѣ свои скудныя средства, получила по его смерти единовременное пособіе и оставшуюся незначительную движимость, среди которой пальто медика было самою цѣнною вещью. Въ постоянной пенсіи старушкѣ отказали, въ виду очень короткой службы ея сына. И вотъ теперь годъ спустя, когда это пособіе было прожито, старушка рѣшалась иногда, чтобы не умереть съ голода, обращаться къ пріѣзжимъ лицамъ, останавливавшимся въ гостиницѣ. Она была, какъ оказалось, еще и не одна: съ нею жила ея дочь, дѣвушка лѣтъ тридцати, бывшая швеею, скудный заработокъ которой тоже оборвался — вслѣдствіе смерти же брата: когда она съ матерью явилась, по вызову въ Борисовское полицейское управленіе, еще не зная собственно, зачѣмъ ихъ вызываютъ, и секретарь, объявивъ имъ о смерти медика, предложилъ принять оставшіяся послѣ него вещи и расписаться въ ихъ полученіи, то старуха, взглянувъ на пальто, упала тутъ же безъ чувствъ, а дѣвушка, нѣжно любившая своего единственнаго брата, такъ испугалась, что съ нею приключилась навсегда болѣзнь, называемая пляскою св. Витта, и она вслѣдствіе сильнаго трясенія рукъ не могла уже потомъ брать шитье; машины же швейныя были въ тѣ времена большою рѣдкостью.

Мы позвали несчастную старушку къ себѣ въ номеръ, предложили ей чая и затѣмъ помогли, насколько были въ силахъ. Бѣдная женщина была очень словоохотлива, и хотя часто прерывала свой разсказъ горькими слезами, тѣмъ не менѣе мы узнали отъ нея нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія это безцѣльное и безжалостное убійство ея сына.

Это произошло въ той же Минской губерніи, въ сосѣднемъ Игуменскомъ уѣздѣ, въ іюлѣ 1863 года.

Небольшой русскій отрядъ посланъ былъ на розыски извѣстной банды Козла, скрывавшейся въ вѣковыхъ, старинныхъ лѣсахъ, су-

ществовавшихъ еще въ тѣ времена въ Минской губерніи. Идя сплошными лѣсами и застигнутый ночью, отрядъ расположился вокругъ еврейской корчмы, одиноко стоявшей тутъ же въ лѣсу. Солдатики и казаки расположились бивуаками, а офицеры—въ самой корчмѣ. При этомъ отрядѣ слѣдовалъ и молодой медикъ И—ичъ, въ сопутствіи фельдшера и летучей аптечки.

Переночевавъ, отрядъ рано на зорькѣ выступилъ въ дальнѣйшій походъ. И—ичъ спалъ въ это время крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ молодости... Фельдшеръ попробовалъ было будить его, но неудачно: молодой человѣкъ проснулся лишь на нѣсколько секундъ и приказалъ ему отправляться съ отрядомъ:

— А я вотъ немножко еще посплю, напьюсь чайку и догоню отрядъ,—сказалъ онъ.

Фельдшеръ такъ и сдѣлалъ: ушелъ вмѣстѣ съ отрядомъ, а пара обывательскихъ лошадей въ крестьянской телѣгѣ осталась вмѣстѣ съ подводчикомъ дожидаться пробужденія И—ича. Начальникъ отряда или не замѣтилъ, можетъ быть, отсутствія молодого врача, или подумалъ то же, что и докторъ: на парѣ лошадей, дескать, легко нагнать пѣшій отрядъ...

Молодой врачъ проснулся, напился не торопясь чайку и затѣмъ усѣлся въ неуклюжую бѣлорусскую телѣгу и поѣхалъ нагонять отрядъ. Но едва только онъ отъѣхалъ отъ корчмы съ версту, какъ изъ лѣсу выскочило нѣсколько человѣкъ «косиньеровъ» (то-есть повстанцевъ изъ бѣдной польской шляхты, вооруженной косами и топорами), остановили лошадей и, принявъ доктора за москаля-офицера, накинулись на него и въ нѣсколько секундъ изрубили топорами и искололи косами, нанеся болѣе сорока ранъ... Подводчикъ, закричавшій было «ратуйте!»—получилъ ударъ обухомъ по головѣ и свалился подъ лошадей. Изъ докторскихъ вещей повстанцы не тронули ничего: они взяли только его полувоенную, форменную шапку, лежавшую сбоку телѣги, завернутую въ замшевый чахолъ.

Между тѣмъ въ отрядѣ, видя, что медика нѣтъ-какъ нѣтъ, стали уже безпокоиться о его судьбѣ, и начальникъ послалъ въ корчму двухъ казаковъ узнать, что его задержало... Казаки наткнулись, конечно, на телѣгу, въ которой лежалъ безжизненный и уже остывшій трупъ несчастнаго, а подъ телѣгою нашли обезпамятѣвшаго отъ страха и полученнаго по головѣ удара подводчика—бѣлорусса-крестьянина.

Казаки помчались обратно къ отряду, который тотчасъ же былъ остановленъ и возвращенъ обратно къ мѣсту катастрофы, раздѣленъ на части и посланъ по лѣсу разыскивать убійцъ. Тутъ же убитаго врача перевезли въ корчму, обмыли, одѣли въ чистое бѣлье и мундиръ и отправили подъ охраною особаго конвоя въ уѣздный городъ для погребенія.

V.

«Глухая пани».

Прошло со времени мятежа много лѣтъ, стихли страсти, угасла взаимная вражда и ненависть. Истинные, главные виновники всего этого возстанія остались въ тѣни и внѣ отвѣта. Лишь главнѣйшаго изъ нихъ — императора французовъ, постигъ справедливый гнѣвъ Немезиды: остатокъ дней своихъ онъ прожилъ въ изгнаніи, многими забытый и всѣми презираемый.

И въ Россіи царствовалъ уже другой государь, «не помнящій стараго», благодушный и тишайшій царь-миротворецъ Александръ III. Всѣ виновники и преступники возстанія 1863 года были прощены и помилованы. Край жилъ иною уже жизнію—мирнаго процвѣтанія и благоденствія.

Лѣтомъ 1885 года, я жилъ и служилъ въ Ковно, управляя мѣстнымъ отдѣленіемъ крестьянскаго поземельнаго банка. Въ августѣ, въ отдѣленіе поступила «сдѣлка» изъ N—скаго уѣзда: нѣсколько старообрядцевъ, числившихся государственными крестьянами и проживавшихъ въ какой-то околицѣ сосѣдняго уѣзда, составивъ изъ себя небольшое «товарищество», приторговали у одного изъ некрупныхъ землевладѣльцевъ три уволоки земли (около 600 десятинъ), внесли ему задатокъ и просили «съѣхать на мѣсто — осмотрѣть ихъ покупку». Я взялъ у нихъ маршрутъ поѣздки и обѣщался въ скорости быть.

Недѣли двѣ спустя, я добрался по желѣзнымъ дорогамъ до той станціи, откуда предстояло ѣхать на лошадяхъ, нанялъ ямщика и отправился розыскивать покупщиковъ и приторгованную ими землю. Ѣхать надо было верстъ 30. Кругомъ была жмудь, и крестьяне очень мало понимали порусски; однако, при помощи польскаго языка, мнѣ кое-какъ удалось попасть по разнымъ проселкамъ и лѣснымъ дорогамъ на тѣ «уволоки», которые покупались. На приторгованной землѣ мужики устроили уже нѣсколько землянокъ, въ которыхъ пока и пріютились, разсчитывая современемъ, когда земля будетъ за ними закрѣплена, устроить избы.

Окончивъ осмотръ земли и сильно измучившись отъ продолжительной и плохой дороги, отъ ходьбы и голода, я узналъ, однако, что будущіе кліенты никакого гостепріимства оказать мнѣ не могутъ: у нихъ не оказалось ничего—ни молока, ни яицъ, ни даже самовара... Они, какъ объяснили, перебрались сюда лишь на время, для уборки покосовъ и для озимаго посѣва ржи, ѣздятъ за провизіей каждую субботу «къ себѣ въ околицу» и по понедѣльникамъ возвращаются обратно. Черствый хлѣбъ, квасъ, плохія селедки и картошка—вотъ все, что у нихъ было.

Положенiе мое являлось непрiятнымъ еще потому, что я разсчитывалъ къ ночи вернуться на желѣзнодорожный вокзалъ, никакъ не предвидя той отвратительной дороги, по которой пришлось ѣхать, а между тѣмъ наступалъ уже вечеръ, и надо было подумать и о ночлегѣ. Я сталъ разспрашивать, далеко ли до ближайшаго волостнаго правленiя,—оказалось, что оно въ 12-ти верстахъ, и дорогу до него мой возница совсѣмъ не знаетъ.

— Нѣтъ ли поблизости какой нибудь околицы или фольварка?—спросилъ я.

Оказалось, что околица есть и не далеко; но жмудяки—народъ угрюмый, злой и негостепрiимный: ни за что не пустятъ къ себѣ; фольварокъ же находился всего въ двухъ верстахъ, и съ его владѣлицами старообрядцы-покупщики были уже хорошо знакомы. Они стали уговаривать меня ѣхать, именно, на этотъ фольварокъ, такъ какъ владѣлица его разсчитываетъ тоже продать часть своей земли крестьянамъ, при помощи же банка, и просила своихъ будущихъ сосѣдей дать ей знать, когда я прiѣду.

— Да кто тамъ живетъ-то?—подюбопытствовалъ я.

— Глухая пани съ дочкой,—былъ отвѣтъ.

— А мужчинъ въ домѣ развѣ нѣтъ?

— Есть: ейный свекоръ, старый уже панъ; но только фольварокъ принадлежитъ ей, глухой пани. А у нея тоже торгуютъ часть земли жмудяки, сосѣди, и тоже чрезъ вашу банку.

Я рѣшилъ ѣхать къ «глухой пани», и минутъ черезъ двадцать, по отвратительной лѣсной дорогѣ, мы добрались до фольварка. Я послалъ сказать, кто̀ я такой, и просилъ позволенiя заѣхать. Спустя нѣсколько минутъ, вышелъ изъ дому и подошелъ къ моей почтовой телѣжкѣ очень почтенный, старый панъ и попросилъ меня «до поко̀ю».

Я вошелъ въ домъ и изъ передней прошелъ въ гостиную... Ко мнѣ навстрѣчу вышла совершенно сѣдая дама; она держала въ зубахъ какой-то, никогда невиданный мною ранѣе, аппаратъ, состоящiй изъ тонкой и довольно большой — въ столовое блюдо средней величины — доски, на которой виднѣлись небольшiя дырочки... Я сталъ ей представляться... Она быстро вынула изо рта этотъ аппаратъ (называвшiйся, кажется, микрофономъ), сказала свою фамилiю и попросила меня говорить какъ можно громче...

Въ это время въ комнату вошла молодая дѣвушка, очень похожая на старую даму, оказавшаяся ея дочерью:

— Мама почти ничего не слышитъ, — предупредила она меня:— говорите громче.

Мы усѣлись у стола. Подали чай. Явился старый панъ, и мы стали говорить о дѣлахъ: я разсказывалъ имъ о порядкѣ, принятомъ при продажѣ земли съ содѣйствiемъ крестьянскаго банка, а они расхваливали продаваемую ими землю... Такъ прошло съ часъ, и

я, зная, что лошади мои уже отдохнули, пожелалъ откланяться. Но польское гостепріимство не дозволяло моимъ любезнымъ хозяевамъ отпустить меня голоднаго, да еще чуть не ночью, и свекоръ хозяйки—онъ же и управляющій имѣніемъ—пригласилъ меня отужинать и переночевать. Я охотно согласился, приказалъ ямщику отпрячь и выкормить нанятыхъ мною лошадей, и мы вновь сидѣли въ уютной гостиной и вели бесѣду: хозяева говорили попольски, я отвѣчалъ имъ порусски, и мы отлично понимали другъ друга... Между прочимъ, я спросилъ стараго пана, давно ли приключилась болѣзнь хозяйки дома, ея глухота.

Въ отвѣтъ мнѣ пришлось услышать тяжелую трагическую исторію, изъ эпохи все того же рокового 1863 года, разсказанную мнѣ самою пани.

...... «Мнѣ было всего 19 лѣтъ,—начала свой разсказъ глухая пани,—когда я вышла за своего мужа. Это было осенью 1863 года. Мы съ мужемъ знали другъ друга съ дѣтства, и онъ былъ старше меня лишь на три года. Имѣніе его отца находилось отъ этого, вотъ, фольварка, принадлежавшаго моей матери, вдовѣ, всего въ 4-хъ верстахъ. Моя мать была подругою, по виленскому пансіону, съ его матерью, и видѣлись онѣ почти каждый день. Отецъ его—вотъ этотъ мой свекоръ—былъ занятъ хозяйствомъ и, кстати, присматривалъ и за нашимъ маіонткомъ. Такъ шло время моего дѣтства и отрочества. Мы—я и мой будущій мужъ—были единственными дѣтьми у своихъ родителей, и наши матери втайнѣ желали, чтобы мы полюбили другъ друга... Но желать это—было лишнее, такъ какъ между нами и безъ того уже установились нѣжныя, добрыя чувства. Пріѣзжая домой на каникулы, Стась—такъ звали моего мужа—былъ со мною неразлученъ. Онъ былъ въ Варшавскомъ университетѣ, медикомъ, и мы ждали лишь окончанія имъ курса, чтобы объявить о нашей любви родителямъ. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что родители и сами все видѣли и знали, и только радовались нашему сближенію.

«Въ 1861 и 1862 годахъ начались въ польскомъ обществѣ Варшавы броженія, а затѣмъ стало наступать и «замѣшанье», постепенно проникая и къ намъ, на Жмудь и въ Литву, и далѣе—въ Бѣлоруссію, Подолію и Волынь... По фольваркамъ стали разъѣзжать особые сборщики и требовать деньги на предстоящую «войну» («на офяру»), записывать и вербовать молодежь для будущихъ отрядовъ... Стасю оставался до окончанія курса съ небольшимъ годъ—онъ былъ уже на четвертомъ курсѣ,—какъ вдругъ ему дали въ Варшавѣ сюда, на Жмудь, какое-то порученіе, и онъ, весною 1862 года, бросилъ университетъ и пріѣхалъ къ отцу... Родители его были сильно огорчены и всячески уговаривали его отказаться отъ даннаго ему ржондомъ порученія, ѣхать обратно въ Варшаву и поступить опять въ университетъ. Но Стась объявилъ, что не

рѣшится на эту «подлость», какъ выражался онъ, что, наконецъ, его, какъ не исполнившаго распоряженіе ржонда, немедленно убьютъ, какъ измѣнника...

«Тогда его родители обратились ко мнѣ... Но что̀ могла сдѣлать я, 19-тилѣтняя дѣвочка, въ такомъ дѣлѣ, котораго я вдобавокъ совсѣмъ не понимала?!.. Когда я стала просить Стася ѣхать въ Варшаву и поступить опять въ университетъ, то онъ только пожалъ плечами, поцѣловалъ мою руку и спросилъ:

— «Значитъ, ты хочешь, чтобы я сталъ негодяемъ?.. Или я тебѣ такъ уже противенъ, что ты хочешь какъ можно скорѣе сбыть меня съ своихъ глазъ?...

«Въ отвѣтъ я залилась слезами, бросилась ему на шею и долго и крѣпко цѣловала его...

«Я, конечно, сообщила его родителямъ и мамѣ о неуспѣшности возложеннаго на меня порученія... Тогда они рѣшились на послѣднее, самое вѣрное, по ихъ мнѣнію, средство, чтобъ вырвать его изъ рукъ ржонда и отвлечь отъ революціонной пропаганды среди жмудяковъ, за которую онъ уже принялся: рѣшили женить его какъ можно скорѣе, разсчитывая, что тогда, ради любви ко мнѣ, онъ пожалѣетъ губить себя.

«Лѣтомъ того же 1862 года насъ обвѣнчали, и я была безконечно счастлива и благодарила Бога за это ниспосланное мнѣ счастіе. Рѣшено было, чтобы мы жили въ домѣ моихъ родителей—вотъ, въ этомъ самомъ домѣ, и всѣ замѣтили, что Стась какъ будто и въ самомъ дѣлѣ забылъ про свой ржондъ: мы часто ѣздили къ его и моимъ родственникамъ въ Вильно, танцовали, веселились, принимали гостей и пр. Но это продолжалось недолго: черезъ два—три мѣсяца онъ вновь отдался тому «порученію», которое варшавскій революціонный комитетъ возложилъ на его юную, несчастную голову: онъ часто, запершись вотъ въ этомъ кабинетѣ (она показала рукою на маленькую комнату съ письменнымъ столомъ, примыкавшую къ гостиной), раскладывалъ какіе-то планы и бумаги, доставалъ чистые листы съ изображеніемъ на нихъ, въ видѣ виньетки, топора и кинжала, и писалъ на этихъ листахъ различныя распоряженія. Иногда, поздними вечерами, а то и по ночамъ, къ намъ на фольварокъ являлись неизвѣстныя, очень подозрительныя личности, съ мрачными и несимпатичными физіономіями, запирались съ мужемъ въ этомъ же кабинетѣ и долго о чемъ-то совѣщались, разговаривая шепотомъ, едва слышнымъ для нихъ самихъ... Я въ это время крѣпко уже спала въ нашей спальнѣ и часто даже не слышала, когда возвращался мой молодой мужъ.

«Наконецъ, въ началѣ 1863 года, Стась началъ какъ-то таинственно исчезать изъ фольварка — иногда, случалось, на нѣсколько дней. Его не удерживало при мнѣ даже и то, что я вскорѣ ожидала быть матерью... Наконецъ, наступило и самое страшное: мы узнали,

что вокругъ насъ, въ лѣсахъ, формируются отряды польскихъ повстанцевъ... Таинственныя ночныя посѣщенія стали все чаще и чаще... И вотъ, однажды, ночью, когда я крѣпко и сладко спала, мужъ разбудилъ меня. Я взглянула на него и обмерла отъ страха; онъ былъ одѣтъ подорожному и вооруженъ: съ боку висѣла сабля, на поясѣ былъ револьверъ и кинжалъ. Онъ крѣпко обнялъ меня, долго цѣловалъ, просилъ успокоиться и, наконецъ, обнявъ въ послѣдній разъ, сказалъ:

— «Прощай! Я иду туда, куда призываетъ меня мой долгъ и честь и любовь къ ойчизнѣ... Богъ дастъ, скоро увидимся. Чрезъ старика Шмуля я буду писать тебѣ... (Шмуль — это былъ очень добрый и честный старый еврей, арендаторъ нашей корчмы).

«Онъ еще разъ поцѣловалъ меня и быстро вышелъ изъ спальни. Я была неутѣшна: встала съ постели, плакала, молилась, отворяла окно, выходившее въ садъ, и громко звала мужа по имени, умоляя вернуться ко мнѣ и предполагая, что онъ меня слышитъ... Наконецъ, пошла я на половину мамы и разбудила ее. Но что̀ могла сдѣлать она?!.. Мы обѣ лишь проплакали до утра... А затѣмъ велѣли заложить экипажъ и поѣхали къ его родителямъ; тѣ были поражены, какъ громомъ.

— «Все пропало!... — говорилъ съ слезами на глазахъ его отецъ—вотъ тотъ самый старый панъ, который встрѣчалъ васъ:— и самъ онъ пропалъ, и мы пропали!!..

«Напрасно моя матушка дѣлала ему знаки, показывая на меня, чтобы онъ не выражалъ при мнѣ такое горькое отчаяніе за участь моего мужа, и я тутъ, вдругъ, поняла опасность, догадалась, что Стась можетъ «пропа̀сть», погибнуть... Я разрыдалась, со мной сдѣлался обморокъ, и я только на другой день могла возвратиться къ себѣ домой.

«Такъ прошло двѣ недѣли. За это время, вѣрный и преданный намъ старикъ Шмуль принесъ мнѣ три коротенькія записки отъ мужа: въ нихъ говорилось, что онъ живъ, здоровъ, любитъ меня попрежнему и ежеминутно вспоминаетъ обо мнѣ... Отвѣта онъ не требовалъ; да и Шмуль, кажется, не былъ уполномоченъ принимать отъ меня отвѣты: онъ далъ мнѣ однажды это понять, когда я хотѣла было написать Стасю нѣсколько строкъ:

— «Зачѣмъ пани будетъ безпокоиться писать?!.. сказалъ онъ:— я все передамъ словами... Скажу, что видѣлъ пани, что пани ба̀рзо жалу̀е и пла̀че, и все другое... А зачѣмъ писать?! ѐще—ховай Боже!— меня злапа̀ютъ и найдутъ той листъ!... Я и съ письмами пана страху набираюсь немало...

«Вскорѣ я узнала, что Стась находится въ отрядѣ не въ качествѣ простого повстанца, а довудцей—начальникомъ. А его отецъ, какъ узналъ объ этомъ, то испугался еще болѣе, и все твердилъ одно;

— «Теперь мы ужъ совсѣмъ пропали! всѣ пропали!...

«Затѣмъ, старикъ Казимиръ, давній нашъ слуга, бывшій крѣпостной моего отца, служившій у насъ на фольваркѣ ночнымъ сторожемъ, передалъ мамѣ по секрету, что гминный войтъ обѣщалъ ему десять рублей, если онъ дастъ знать въ гмину (волость), когда молодой панъ, т.-е. мой мужъ, пріѣдетъ ночью на фольварокъ. Днемъ уже, какъ это всѣ понимали, Стась не могъ явиться.

«Наступило, наконецъ, для меня время сдѣлаться матерью... Когда я почувствовала первыя боли и еще не укладывалась въ постель, у меня явилась мысль, что я непремѣнно умру... Меня охватило безумное желаніе увидѣть моего дорогого мужа, хотя на одну минуту, хотя на нѣсколько секундъ!... Въ это самое время я услышала въ передней голосъ Шмуля: онъ спрашивалъ о моемъ здоровьи... Я позвала его къ себѣ, схватила изъ его рукъ записку Стася—это была послѣдняя его записка ко мнѣ!—и только успѣла проговорить:

— «Дай знать мужу, что я мучусь... Пусть пріѣдетъ. Я навѣрно умру... Ради Бога, добрый Шмуль! прошу тебя...

«Но въ это время вошла мама, взяла меня за руку, увела въ спальню и уложила въ постель. Спустя нѣсколько часовъ, у меня родилась дочка, которую вы видѣли. Ее назвали въ честь мужа—Стасей же.

«Ночь прошла благополучно, и мысль о смерти стала покидать меня. Но желаніе увидѣть отца моей дочери, показать ему ее, обнять его оставалось у меня прежнее, безумное... Я то-и-дѣло спрашивала маму и свою свекровь, находившуюся тоже при мнѣ: можетъ ли пріѣхать Стась?... скоро ли пріѣдетъ Стась? — на что всякій разъ его мать отвѣчала:

— «Ты совсѣмъ не понимаешь того, чего хочешь! Стась можетъ совсѣмъ пропа́сть, если рѣшится пріѣхать сюда: хло́пы (крестьяне) могутъ дать знать становому, и его схватятъ...

— «Да вѣдь онъ долженъ возвратиться когда нибудь къ намъ?— допрашивала я: — неужели же онъ все въ лѣсу будетъ жить?...

«На это мнѣ отвѣчали и успокоивали меня, что современемъ, можетъ быть, ему и возможно будетъ вернуться, если, напримѣръ, вмѣшаются въ повстанье другія державы, или же если Ковенская губернія отойдетъ къ Пруссіи; но что теперь — бронь Боже, если Стась пріѣдетъ!... Его уже ищутъ...

«Такъ прошелъ весь день, и наступила вторая ночь. У меня явилось молоко, и я покормила грудью въ первый разъ свою дорогую цурку... Едва только мама взяла ее изъ моихъ рукъ, какъ въ передней, за стѣной моей спальни, послышался тихій шумъ и шепотъ... Я громко вскрикнула отъ радости, такъ какъ тотчасъ же почувствовала, что это пріѣхалъ Стась...

«Онъ осторожно вошелъ въ спальню, крѣпко-крѣпко поцѣловалъ

и меня, и обѣ мои руки, взглянулъ на дочку и осторожно ее поцѣловалъ... Въ это время, я увидѣла, глаза его были полны слезъ, хотя онъ всячески удерживался и не хотѣлъ показать этого... Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что Шмуль еще минувшею ночью далъ ему знать о моей болѣзни, и что онъ хотѣлъ было тотчасъ же летѣть ко мнѣ, но что наступившій разсвѣтъ помѣшалъ этому; что онъ весь день съ утра мучился ожиданіемъ, и, какъ только смерклось, сѣлъ на коня и поскакалъ ко мнѣ...

«Мы стали тихо бесѣдовать... Его мама находилась тутъ же; она часто подходила къ нему, брала его голову обѣими руками, долго и пристально вглядывалась въ его лицо и затѣмъ, крѣпко поцѣловавъ, отходила прочь... Потомъ хлопотала съ чаемъ и закусками: ей казалось, что онъ голоденъ... Какъ только чай и ужинъ были окончены (онъ кушалъ въ моей же спальнѣ, не желая отлучаться отъ меня ни на минуту), моя мама потребовала, чтобы мнѣ дали покой, и чтобы Стась тоже шелъ уснуть въ свой кабинетъ.

— «Нѣтъ, мама, мнѣ некогда спать, — отвѣчалъ онъ: — я вотъ попрощаюсь съ нею (т. е. со мною), посижу немножко съ вами, да и поѣду, пока не разсвѣло.

«И онъ сталъ прощаться со мною...

— «Если мнѣ доведется эмигрировать за границу, — шепталъ онъ мнѣ: — я тебя тотчасъ же извѣщу, и ты тогда пріѣзжай ко мнѣ, съ нашей маленькой Стаськой...

«Онъ уже собирался уходить изъ спальни, какъ вдругъ въ передней послышались спѣшные и громкіе шаги, и къ намъ въ комнату вбѣжалъ, блѣдный какъ полотно, старый Шмуль и, обращаясь къ мужу, проговорилъ, задыхаясь отъ волненія:

— «Утекайте, пане! москáли!...

— «Гдѣ? гдѣ?!—стали спрашивать его.

— «Ужъ близко!... Хлóпы видѣли, какъ проѣхалъ панъ, и дали знать въ гмину...

«Я лежала ни жива, ни мертва на своей постели и не въ силахъ была выговорить ни одного слова: у меня все помутилось въ глазахъ, и я лишь понимала одно — что у меня хотятъ отнять моего дорогого Стася и разлучить насъ...

«Мой мужъ никуда не побѣжалъ. Я видѣла, что онъ лишь поблѣднѣлъ слегка и взялся рукою за висѣвшій на поясѣ револьверъ, и что его мама схватила за руку...

«Тогда онъ бросился ко мнѣ:

— «Ничего не бойся! будь спокойна! Господь съ тобой! — торопливо проговорилъ онъ, и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

«Почти вслѣдъ затѣмъ я услышала сильный конскій топотъ на нашемъ дворѣ, словно отъ сотни лошадиныхъ копытъ... Затѣмъ, въ передней произошелъ шумъ и стукъ отъ нѣсколькихъ вошедшихъ человѣкъ, и я услышала громкій голосъ мужа, назвавшаго

себя по имени... Еще нѣсколько секундъ — и въ мою спальню вошелъ, не снимая фуражки, жандармскій офицеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, равнодушно взглянулъ въ мою сторону, извинился и принялся выдвигать ящики комода и шифоньерки, отыскивая письма и бумаги... Я лишилась чувствъ, и что̀ было дальше, уже ничего не помню...

«Опомнилась я нѣсколько недѣль спустя и узнала отъ мамы, что была на краю смерти, что молоко бросилось мнѣ въ голову, и что мнѣ, по опредѣленію лѣчившихъ меня врачей, предстояла или смерть, или потеря разсудка. Но неожиданно для всѣхъ было иначе: Богу угодно было спасти меня для моей дорогой дочки, и я лишь совершенно потеряла слухъ и бываю подвержена страшнымъ головнымъ болямъ.

«Я узнала также, что мужа моего судили военнымъ судомъ и приговорили, какъ начальника «банды», къ смертной казни, которая была потомъ замѣнена безсрочною каторжною работою въ рудникахъ въ виду того, что онъ былъ взятъ въ домѣ, а не въ лѣсу и не съ оружіемъ въ рукахъ, и что онъ лично не совершилъ ни убійства, ни другихъ тяжкихъ преступленій. Я узнала также, что насъ предали хло́пы, разсчитывая, что въ ихъ пользу поступитъ даромъ наша земля. Бѣдный старый Шмуль за свои сношенія съ мужемъ и за посѣщеніе въ лѣсу его отряда былъ тоже арестованъ и сосланъ, но доро̀гою въ Сибирь умеръ. Отецъ моего мужа былъ тоже арестованъ, но потомъ его, по неимѣнію уликъ, выпустили изъ тюрьмы, ограничившись лишь конфискаціей его фольварка, въ который въ скорости и переѣхалъ жить какой-то жандармскій полковникъ, получившій это имѣніе «на льготныхъ правахъ». Нашъ маіонтокъ тоже едва-едва удалось спасти отъ секвестра; но пришлось все-таки уплатить наложенную на насъ контрибуцію, очень крупную, такъ что надо было распродать даже лошадей и скотъ.

«Такъ какъ я считала себя главною виновницею ареста мужа, то рѣшила ѣхать къ нему въ Сибирь на каторгу и раздѣлить съ нимъ его судьбу и облегчить, хотя своимъ присутствіемъ вблизи, его горькую участь. Меня пробовали отговаривать, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ я въ душѣ дала клятву, что поѣду къ нему. Мама заложила въ банкѣ этотъ самый фольваркъ, и стала собираться въ путь. Я никакъ не хотѣла разстаться съ своею̀ дочкой, да и знала къ тому же, какая радость будетъ для Стася увидѣть ее, а потому пришлось брать въ путь и кормилицу ея. И вотъ, какъ только я окончательно выздоровѣла и окрѣпла, то и пустилась въ путь-дорогу... Я даже не знала, куда́ именно ѣду, такъ какъ, не получая отъ мужа ни одной строки, не знала, гдѣ онъ находится, и мнѣ сказали, что объ этомъ я могу узнать лишь въ Тобольскѣ, гдѣ имѣется пересыльный приказъ и точные списки и свѣдѣнія о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по рудникамъ.

«Тогда еще не было на востокѣ Россіи желѣзныхъ дорогъ, и я ѣхала до Тобольска цѣлый мѣсяцъ: до Нижняго — по желѣзной дорогѣ, потомъ пароходомъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, а потомъ уже купила тарантасъ и ѣхала на лошадяхъ. Одному Богу извѣстно, сколько я перенесла мукъ, огорченій и лишеній за время этого долгаго пути!...

«По пріѣздѣ въ Тобольскъ, я долго не могла добиться никакого толку, — и пришлось вездѣ платить деньги, чтобы узнать то, что было нужно. Наконецъ я узнала... И это былъ самый жестокій ударъ для меня — тò, что я узнала!... Мнѣ сообщили и потомъ подтвердили офиціальными справками и документами, что мой несчастный мужъ не долго пожилъ въ тяжкой и непривычной для него обстановкѣ: работая въ глубинѣ земли, въ страшной сырости и сквознякахъ, онъ сильно простудился, заболѣлъ и скончался въ острожномъ лазаретѣ города Читы.

«Это былъ второй ударъ, ниспосланный мнѣ судьбою, за тѣ немногіе мѣсяцы счастія, которыми я воспользовалась въ жизни... Въ Тобольскѣ я была вновь на краю могилы: такъ потрясло меня внезапное извѣстіе о смерти мужа. Однако, любовь къ маленькому неповинному существу, меня сопровождавшему, возвратила меня къ жизни, и я потомъ рѣшила отдать всю себя заботамъ и попеченіямъ о своей дочкѣ...

«Переживъ зиму въ Тобольскѣ, я съ наступленіемъ весны 1864 года пустилась въ обратный путь...

«Вотъ, сколько горя, «панъ директоръ» (такъ называла меня разсказчица), перенесла я на своемъ вѣку! — и не удивляйтесь поэтому, что я вся сѣдая, какъ семидесятилѣтняя старуха, и что я такая «калѣка», съ которою, по ея глухотѣ, трудно даже и говорить...

«Мать Стася, а также и моя мама, убитыя горемъ, недолго тоже пожили на свѣтѣ, и мнѣ пришлось разстаться и съ ними — похоронить ихъ.

«И какъ подумаешь, право: зачѣмъ нужны были всѣ эти страданія?—и для кого?... и для чего?!»...

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужны были всѣ эти страданія и жестокости, порожденныя мятежемъ?!...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

„ИГРУШЕЧНАЯ АРМІЯ“.

(Изъ быта южнорусскихъ кантонистовъ).

ЕДАВНО мнѣ пришлось познакомиться съ почтеннымъ старикомъ, отставнымъ капитаномъ Бахмутовымъ, который, дослужившись до офицерскихъ чиновъ изъ кантонистовъ, отлично зналъ бытъ этихъ воиновъ-малютокъ, лишавшихся родительскихъ заботъ чуть ли не въ младенческомъ возрастѣ и «кровавыми» слезами оплакивавшихъ утро своего сиротливаго дѣтства. Бахмутовъ весьма много разсказывалъ мнѣ о своемъ пребываніи и воспитаніи среди кантонистовъ. Разсказы стараго капитана, ярко характеризующіе послѣдніе годы существованія этой курьезной арміи, показались мнѣ до такой степени интересными, что я записалъ ихъ и передаю теперь читателямъ почти подлинными словами Бахмутова.

I.

Посѣщеніе императоромъ Николаемъ I Вознесенска.—Простота убранства дворца.—Приготовленіе царской ванны.—Доброта государя.—Наша семья.—Жалкое существованіе.—Крохи отъ солдатской трапезы.—Пожертвованіе одеждой.—Зачисленіе меня въ кантонисты.—Прощаніе съ отцомъ.—Пріѣздъ въ село Бабанку.—Новая жизнь.—Случай съ графомъ Никитинымъ.—Римляне и безхвостые поросята.

Мой отецъ также былъ кантонистомъ, разсказывалъ Бахмутовъ, а за нѣсколько лѣтъ до венгерской кампаніи его произвели въ унтеръ-офицеры и назначили въ Бугскій уланскій полкъ, стоявшій

въ то время въ г. Вознесенскѣ, Херсонской губерніи. Городъ этотъ служилъ тогда однимъ изъ крупныхъ центровъ военныхъ поселеній и кантонистскихъ баталіоновъ. Здѣсь-то моему отцу приходилось часто видѣть не только разныхъ высокопоставленныхъ лицъ военнаго міра, но однажды довелось разговаривать даже съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который посѣтилъ въ 1848 г. Вознесенскъ и въ теченіе трехъ дней производилъ смотръ мѣстнымъ войскамъ. Будучи назначенъ къ его императорскому величеству, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими унтеръ-офицерами, въ качествѣ ординарца, мой отецъ имѣлъ счастье убѣдиться собственными глазами въ томъ, насколько былъ простъ походный образъ жизни Николая Павловича, и какъ мягокъ былъ этотъ государь въ обращеніи со своими подданными, разъ дѣло не касалось военной дисциплины и всякаго рода формальностей. Я весьма живо помню разсказъ моего отца о томъ, какъ ему съ прочими товарищами пришлось приготовлять ванну для императора въ первый день по пріѣздѣ его величества въ городъ. «Въ небольшой, но довольно свѣтлой и высокой комнатѣ царскаго дворца,—разсказывалъ мой отецъ,—стоялъ простенькій деревянный диванчикъ, а подлѣ него небольшой круглый столикъ, покрытый бѣлой скатертью, и два или три стула. На стѣнахъ не было почти никакихъ украшеній и картинъ, только въ одномъ углу висѣлъ маленькій образъ Спасителя, передъ которымъ теплилась лампада. Въ эту комнату мы внесли желѣзную ванну, поставили ее подлѣ дивана и начали носить холодную, а затѣмъ теплую воду. Сидѣвшій тутъ же на стулѣ довольно плотный и высокій офицеръ изъ царской свиты, какъ намъ показалось, поминутно опускалъ въ ванну руку, и когда вода достигла желаемой температуры, обратился къ намъ и говоритъ:

— «Ну, братцы, теперь довольно уже лить въ ванну горячую воду, а лучше постарайтесь-ка принести на этотъ диванъ немножко «шелковой» травки, не то здѣсь будетъ жестковато спать его императорскому величеству.

— «А что это за «шелковая» травка, ваше в-діе?—спрашиваетъ мой отецъ.

— «Да развѣ ты не знаешь?—обращается къ нему въ свою очередь съ вопросомъ офицеръ и при этомъ какъ-то странно улыбается.

— «Никакъ нѣтъ, ваше в-діе!—отвѣтилъ ему отецъ.

«А надобно сказать, что у офицера эполеты были почему-то сняты, вслѣдствіе чего наши унтеры, готовившіе ванну, рѣшительно не могли опредѣлить чина лица, которое съ ними разговаривало.

— «Ну, такъ я вамъ объясню, что такое шелковая травка,—продолжалъ офицеръ:—это, видите ли, то сѣно, которое косятъ осенью и которое носитъ въ вашихъ мѣстахъ названіе «отавы». Поняли?

— «Поняли, ваше в-діе!—отвѣтили мы дружнымъ голосомъ.

— «Ну, такъ вотъ мнѣ такой подстилочки сюда и надобно принести...

«Разумѣется, мы тотчасъ же раздобыли «отавы», набили ею, по указанію того же офицера, тюфякъ и положили его на диванъ. Когда все это было сдѣлано, офицеръ всталъ со стула и говоритъ намъ:

— «Теперь, братцы, отправляйтесь въ сосѣднюю комнату, а я буду купаться уже самъ; если же что мнѣ понадобится, то я позову васъ.

«Услышавъ эти слова, мы такъ и оцѣпенѣли отъ ужаса: оказалось, что офицеръ, котораго мы величали «высокоблагородіемъ», былъ не кто иной, какъ самъ императоръ Николай Павловичъ... Видя наше смущеніе, государь ласково потрепалъ каждаго унтеръ-офицера по плечу и мягкимъ голосомъ предложилъ имъ вторично оставить комнату. Когда мы чрезъ часъ убрали ванну, то императоръ легъ спать въ той же комнатѣ на тюфякѣ, набитомъ «шелковой» травкой. Прошло еще часа два, и Николай Павловичъ уже принималъ депутаціи отъ мѣстныхъ купцовъ, мѣщанъ, военныхъ поселянъ, крестьянъ и даже евреевъ, прибывшихъ сюда изъ какого-то сосѣдняго мѣстечка. Съ представителями каждаго сословія государь изволилъ бесѣдовать минутъ по пяти, при чемъ выказалъ весьма основательное знакомство съ условіями жизни южнаго края и съ положеніемъ его обитателей»...

У отца было семь душъ дѣтей малъ-мала меньше. Я считался третьимъ послѣ двухъ старшихъ сестеръ и былъ всегдашнимъ любимцемъ отца. При такомъ составѣ семьи, нельзя сказать, чтобы намъ сладко жилось, въ особенности послѣ смерти матери, которая умерла въ ту пору, когда мнѣ было не болѣе пяти лѣтъ. Въ это время намъ пришлось переживать весьма трудные дни. Какъ мы не погибли отъ недосмотра въ первый же годъ, — одному Богу извѣстно. Забота о сиротахъ лежала всецѣло на нашей старой бабушкѣ, такъ какъ отецъ, проводя почти все свое время на ученьяхъ, парадахъ и смотрахъ, рѣшительно не имѣлъ ни малѣйшей возможности слѣдить за нами, а тѣмъ болѣе—заниматься нашимъ воспитаніемъ. Вторично жениться онъ не хотѣлъ, да врядъ ли бы какая порядочная дѣвушка и согласилась выйти замужъ за бѣднаго вдовца-солдата, обремененнаго къ тому же цѣлою оравой маленькихъ дѣтей. Вотъ такъ-то мы и росли себѣ на свободѣ, словно птицы небесныя или звѣри лѣсные. Чѣмъ ужъ и какъ умудрялись мы поддерживать свое жалкое существованіе,—подобный вопросъ для посторонняго человѣка представлялъ положительно неразрѣшимую задачу. При той необыкновѣнной дороговизнѣ, какая царитъ теперь повсюду на предметы первой необходимости, намъ обязательно пришлось бы погибнуть отъ голода, между тѣмъ въ то отдаленное время на какія либо 20—30 коп. (ассигнаціями), добытыя бабушкою

гдѣ нибудь на поденной работѣ, мы могли смѣло существовать цѣлую недѣлю. Если же долго не случалось никакого заработка, то наша старшая сестра Аннушка (ей было тогда не болѣе девяти лѣтъ) возьметъ бывало всѣхъ насъ за руки и при первыхъ звукахъ барабана или трубы, призывающихъ солдатъ къ обѣду или ужину, отправляется на полковую кухню, торопясь поспѣть туда какъ можно пораньше, иначе легко можно было не застать свободнаго мѣста. Къ этому времени подлѣ завѣтной кухни собиралось обыкновенно нѣсколько десятковъ сиротъ, подобныхъ намъ. Всѣ они въ благоговѣйномъ молчаніи стояли подъ старой стѣной какого-то полуразрушеннаго, казеннаго зданія и жадными глазами слѣдили за обѣдающими солдатами. Опоздавшія по какимъ нибудь причинамъ дѣти занимали заднія мѣста и уже должны были довольствоваться тѣмъ, что оставалось отъ находившихся впереди «алчущихъ и жаждущихъ». Къ подобному явленію хорошо привыкли и присмотрѣлись не только солдаты, но даже и само начальство, которое сквозь пальцы взирало на питающихся казенными крохами несчастныхъ дѣтей; иные же офицеры даже явно покровительствовали этому голодному и полунагому потомству славныхъ нѣкогда христолюбивыхъ воиновъ, павшихъ по большей части на бранныхъ поляхъ, защищая вѣру и отечество... Помню, съ какимъ бывало нетерпѣніемъ ожидали мы всегда окончанія солдатской трапезы. Даже (удивительное, право, дѣло) двухъ и трехлѣтніе карапузики стояли себѣ въ числѣ прочихъ товарищей смирнехонько и, засунувъ пальцы въ ротъ, съ величайшимъ вниманіемъ ждали того момента, когда, послѣ благодарственной молитвы, бравый, сѣдоусый кашеваръ Бондарчукъ, прозванный почему-то Лыской, крикнетъ, обращаясь къ намъ:

— А ну-ка, непобѣдимая армія, подходи!

При этомъ возгласѣ толпа ребятишекъ, забывъ всякій порядокъ, бросалась съ крикомъ и гамомъ къ землянымъ столамъ и съ невѣроятною жадностью принималась за остатки солдатскаго обѣда или ужина... Нечего и говорить, что безъ активнаго вмѣшательства въ дѣло кормленія того же Лыски здѣсь могло бы происходить нѣчто невообразимое, и далеко бы не всѣ алчущіе получали должное удовлетвореніе. Бондарчукъ живо прекращалъ общій шумъ, возстановлялъ пошатнувшуюся дисциплину и, водворивъ такимъ образомъ прерванный на мигъ порядокъ, не отходилъ уже отъ «непобѣдимой» арміи до тѣхъ поръ, пока бывало не насытится наименьшій «отъ малыхъ сихъ». Послѣ этого кашеваръ разрѣшалъ нѣкорымъ изъ дѣтей брать въ какую нибудь посудину пищи еще для оставшихся дома, по случаю болѣзни, братьевъ и сестеръ. Само собою разумѣется, что иногда этого продовольствія хватало и для прочихъ членовъ семейства, въ которомъ находился заболѣвшій субъектъ, а потому неудивительно, что факты подобныхъ заболѣваній случались

у насъ довольно таки частенько. Такимъ образомъ наше кормленіе совершалось неизмѣнно изо дня въ день, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Гораздо труднѣе доставалась намъ экипировка; но и въ этомъ отношеніи намъ много помогали тѣ же сердобольные солдатики, жертвовавшіе наиболѣе захудалымъ сиротамъ всѣ своя старыя вещи, которыя рѣдко подвергались кое-какой передѣлкѣ, а въ большинствѣ случаевъ донашивались дѣтьми въ своемъ первоначальномъ видѣ; поэтому можно было частенько видѣть на улицахъ В—ка цѣлый отрядъ будущихъ кантонистовъ въ длиннѣйшихъ сюртукахъ и огромныхъ фуражкахъ, представляющихъ массу вентиляцій. У одного, напримѣръ, пятилѣтняго бутуза вы могли видѣть на ногахъ огромные солдатскіе сапоги, съ голенищами чуть не до пояса, а у другого обувь состояла изъ совершенно истрепанныхъ галошъ; на третьемъ же были безъ подошвъ башмаки, изъ которыхъ выглядывали наружу почти всѣ ножные пальцы, прося, по выраженію кантонистовъ, каши. Впрочемъ, такое разнообразное и живописное одѣяніе можно было созерцать на нашемъ братѣ только зимою; въ остальное же время года, а главнымъ образомъ — лѣтомъ, члены «непобѣдимой арміи» довольствовались самыми существенными принадлежностями обыденнаго туалета, заключавшимися по большей части лишь въ одной рубашенкѣ и той же рваной фуражкѣ. Однако, и этого несложнаго костюма оказывалось въ лѣтнюю пору предостаточно для будущихъ героевъ, такъ какъ они проводили цѣлые дни въ небольшой и вонючей рѣчонкѣ, протекавшей неподалеку отъ города; оставляли дѣти воду только на время обѣда, ужина и ночью. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ оставались и навсегда на днѣ рѣки, которая уносила затѣмъ утопленниковъ въ море; но до этого мало кому было дѣла, тѣмъ болѣе, что на мѣсто каждаго утонувшаго скоро появлялись десятки новыхъ, такихъ же сорванцовъ. Зато какое всегда веселье царило среди нашей братьи, когда она въ полномъ своемъ составѣ соберется бывало на берегу рѣчки: крикъ, визгъ и самый отчаянный хохотъ стономъ стояли въ такіе дни надъ рѣкой... И, несмотря на то, что наша тогдашняя жизнь проходила въ голодѣ и всевозможныхъ лишеніяхъ, я все-таки и понынѣ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ счастливомъ времени своего дѣтства.

Скоро, однако, наступилъ конецъ моему развеселому житью-бытью. Какъ только пошелъ мнѣ восьмой годъ, я былъ зачисленъ въ кантонисты. Извѣстіе объ этомъ застигло меня врасплохъ, хотя объ ожидавшей меня участи, а также о жизни кантонистовъ, я слышалъ и раньше отъ бабушки. Бѣдная старушка, повѣствуя о такихъ вещахъ, подзоветъ бывало меня къ себѣ, обниметъ и крѣпко, крѣпко цѣлуетъ, обильно орошая своими старческими слезами мою дѣтскую голову. Въ роковой для меня день она бродила ни жива, ни мертва, пересматривая чуть ли не въ сотый разъ каждый предметъ изъ

моего убогаго гардероба. Мое прощаніе съ отцомъ, бабушкой, сестрами и меньшими братьями не поддается никакому описанію. Я ревѣлъ благимъ матомъ, словно меня вели на закланіе. Отецъ употреблялъ и ласки и угрозы, чтобы хоть немного успокоить меня, но все было тщетно: я кричалъ, отбивался руками и ногами, пытался освободиться изъ желѣзныхъ лапъ двухъ дюжихъ солдатъ, тащившихъ меня изъ избы, и даже, помнится, больно-пребольно укусилъ за палецъ одного служиваго, который хотѣлъ зажать мнѣ рукою ротъ. Только очутившись на какой-то казенной повозкѣ и выѣхавъ на главную улицу В—ка, я немного присмирѣлъ, но все-таки не переставалъ всхлипывать потихоньку при мысли, что мнѣ не придется больше встрѣчать по вечерамъ возвращающагося со службы отца и слушать, сидя у него на колѣняхъ, страшныя сказки, которыя онъ такъ мастерски умѣлъ разсказывать. Сердце мое тоже разрывалось на части при воспоминаніи о товарищахъ, о посѣщеніи нами полковой кухни, о купаньѣ въ рѣкѣ и т. д. Не буду распространяться о первыхъ мѣсяцахъ моей жизни въ казармѣ,—скажу только, что я продолжалъ тосковать попрежнему, хотя находился еще въ родномъ городѣ и почти ежедневно могъ имѣть извѣстія о своихъ близкихъ и даже видѣться съ кѣмъ либо изъ нихъ. Мѣсяца черезъ три я узналъ, что меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами назначили въ кантонистскій дивизіонъ, стоявшій въ с. Бабанкѣ, Кіевской губ. Передъ отъѣздомъ туда мнѣ пришлось еще раза два видѣться съ отцомъ. Вечеромъ же, наканунѣ послѣдняго дня, онъ благословилъ меня небольшимъ образкомъ, который и понынѣ находится у меня на шеѣ; при этомъ отецъ долго обнималъ меня и плакалъ, увѣщевалъ не забывать родительскаго крова и служить вѣрой и правдой батюшкѣ-царю. Не имѣя еще сколько нибудь опредѣленныхъ понятій объ этой пресловутой «вѣрѣ и правдѣ», я могъ прекрасно сознавать лишь то, что меня завтра повезутъ далеко, далеко,—чуть ли не на край свѣта, къ какимъ-то невѣдомымъ людямъ, откуда уже мнѣ никогда не вернуться домой. Представляя себѣ все это, я снова готовъ былъ не на шутку разревѣться, но отецъ во время успѣлъ мнѣ напомнить, что здѣсь казарма, и что за нарушеніе тишины въ этомъ зданіи могутъ и отодрать на славу. Услышавъ такое предостереженіе, я употребилъ послѣднія усилія, чтобы «не впасть во искушеніе», и только потихоньку рыдалъ, глотая слезы. Тутъ отецъ еще разъ обнялъ меня, затѣмъ сунулъ мнѣ въ руку серебряный рублевикъ и, смахнувъ украдкой скатившуюся у себя по щекѣ слезу, поспѣшилъ выйти изъ казармы. Я упалъ на койку и, уткнувшись носомъ въ подушку, рыдалъ болѣе часа, благо никто не мѣшалъ мнѣ въ этомъ, такъ какъ всѣ прочіе кантонисты давнымъ давно ушли ужинать. Село Бабанка, гдѣ мнѣ пришлось провести первые годы кантонистской жизни, принадлежало къ числу военныхъ поселеній, обитатели ко-

торыхъ, кромѣ исполненія извѣстныхъ работъ на пользу казны, обязаны были содержать у себя на квартирахъ и кормить кантонистовъ. По прибытіи въ названное село я былъ зачисленъ вмѣстѣ со своими товарищами въ одинъ и тотъ же эскадронъ, помѣщавшійся частью въ огромныхъ казармахъ, а частью по избамъ поселянъ. Кантонисты самаго младшаго возраста проводили большую часть времени въ казармахъ, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ особаго рода дядекъ, избираемыхъ изъ числа тѣхъ же кантонистовъ. На обязанности этихъ 12—15-ти-лѣтнихъ дядекъ лежала забота не только о физическомъ и нравственномъ воспитаніи новичковъ, но и о благообразіи ихъ внѣшности; для достиженія этой послѣдней цѣли наши пѣстуны должны были обмывать, обшивать и даже ежедневно одѣвать своихъ 8—9-ти-лѣтнихъ питомцевъ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ всѣ эти обязанности значились только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ кантонисты жили и воспитывались, какъ хотѣли, развиваясь на свободѣ, подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды, подобно животнымъ и растеніямъ. Можно сказать, что ихъ фактическими воспитателями являлись прежде всего военные поселяне, морившіе постоянно нашего брата голодомъ, а подчасъ угощавшіе кантонистовъ изрядными пинками и подзатыльниками. Жаловаться было некому; да если бы кто изъ насъ и вздумалъ искать защиты у ближайшаго начальства, то остался бы въ прямомъ проигрышѣ, такъ какъ наши командиры, живя всегда въ дружбѣ съ поселенческимъ начальствомъ, никогда не придавали особаго значенія подобнаго рода жалобамъ; зато каждый хозяинъ, на котораго кантонистъ осмѣливался доносить своему командиру, не забывалъ воздать сторицею такому жалобщику. Въ случаѣ же проѣзда какой нибудь высокопоставленной особы изъ Петербурга, наше мѣстное начальство всегда умѣло показать товаръ лицомъ, тщательно скрывая всѣ дефекты кантонистскаго и поселенческаго житья-бытья. Лучшею иллюстраціею въ этомъ отношеніи можетъ служить слѣдующій случай. Однажды разнесся слухъ, что на югъ пріѣдетъ инспекторъ всѣхъ военныхъ поселеній и кантонистовъ, графъ Никитинъ, занявшій эту должность послѣ смерти Аракчеева. Ну, разумѣется, повсюду стали усердно готовиться къ встрѣчѣ грознаго ревизора: для кантонистовъ еще за недѣлю до пріѣзда графа начали готовить улучшенную пищу; всѣмъ дѣтямъ выдали на время новую одежду; поселянамъ было приказано, чтобы квартирующіе у нихъ кантонисты также пользовались хорошей пищей и имѣли бы чистое постельное бѣлье. Случай, о которомъ я хочу разсказать, произошелъ въ одномъ молдавскомъ селеніи А. Въ самый день прибытія туда графа Никитина всѣ поселяне, облаченные въ новехонькіе, форменные мундиры, а бабы въ чистыя платья, стояли за околицей съ ранняго утра. Лишь только на ближайшей возвышенности показался графскій экипажъ, какъ на ко-

локольнѣ сельской церкви начался торжественный перезвонъ, и вообще встрѣча поселянами Никитина ничѣмъ не отличалась отъ встрѣчи какого нибудь знаменитаго архіерея. Остановившись передъ домомъ волостнаго начальника, графъ Никитинъ вышелъ изъ экипажа и принялъ рапортъ отъ окружнаго командира. Задавъ при этомъ нѣсколько вопросовъ объ общемъ состояніи военныхъ поселянъ и кантонистовъ, графъ отправился въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ и мѣстнаго начальства по селу. Войдя въ первую избу и найдя въ ней образцовый порядокъ и чистоту, онъ остался весьма доволенъ; замѣтивъ же на столѣ поселянина ярко вычищенный самоваръ и даже жаренаго поросенка, Никитинъ замѣтилъ:

— О, да они у васъ живутъ здѣсь, какъ я вижу, настоящими богачами; что же касается положенія квартирующихъ у поселянъ кантонистовъ, то мнѣ кажется, что оно также ничего не оставляетъ желать лучшаго при подобныхъ условіяхъ.

— Совершенно вѣрно, ваше сіятельство! — подтвердилъ шедшій рядомъ съ графомъ окружной.

— Весьма отрадно, весьма отрадно видѣть подобный фактъ, — продолжалъ Никитинъ, выходя изъ избы.

А надобно вамъ знать, что почти въ каждомъ военномъ поселеніи дома строились по разъ опредѣленному плану, въ извѣстномъ порядкѣ и на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другого во избѣжаніе большихъ опустошеній при пожарѣ. Пока графъ шелъ къ слѣдующей хатѣ, догадливое начальство успѣло распорядиться о перенесеніи туда задними дворами и огородами того самаго поросенка и самовара, которые уже фигурировали въ только что посѣщенной инспекторомъ избѣ. Та же исторія была продѣлываема въ каждомъ жилищѣ, удостоенномъ графскаго визита. Сначала Никитинъ не обратилъ на это обстоятельство особеннаго вниманія; но надо же было такъ случиться, что у демонстрируемаго поросенка не оказалось хвоста. Весьма естественно, что въ концѣ концовъ подобный изъянъ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе графа, который уже въ 5-й или 6-й избѣ спрашиваетъ вдругъ окружного:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, почему это у всѣхъ здѣшнихъ поселянъ оказываются на столахъ безхвостые поросята?

— А это, ваше сіятельство, у нихъ обычай такой! — отвѣчаетъ окружной.

— Гмъ, довольно странный обычай, — промолвилъ, какъ бы про себя, графъ. — А интересно бы знать, откуда онъ ведетъ свое начало?

Окружной замялся, но его выручилъ очутившійся тутъ же волостной начальникъ, который, приложивъ руку къ фуражкѣ, произнесъ съ должнымъ почтеніемъ и робостью:

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что подобный обычай перенесенъ сюда прямо изъ древняго Рима.

— Это какимъ образомъ?—спросилъ крайне удивленный Никитинъ и даже остановился среди улицы.

— По всей вѣроятности, вашему сіятельству не безъизвѣстно,—продолжалъ тѣмъ же тономъ волостной,—что мѣстные жители, будучи молдаванами, происходятъ отъ тѣхъ римлянъ, которые, задолго до Рождества Христова и въ началѣ христіанской эры, были ссылаемы тысячами на берега Дуная, Чернаго моря и въ здѣшнія степи въ качествѣ политическихъ и другихъ преступниковъ.

— Вотъ такъ штука,—воскликнулъ улыбаясь графъ: — выходитъ, слѣдовательно, что здѣшніе поселяне—потомки «благородныхъ» римлянъ! Послѣ этого я ничуть не удивляюсь, что у нихъ повсюду царитъ такой порядокъ и чистота: въ этомъ видно еще отраженіе тѣхъ эстетическихъ наклонностей, которыми вообще отличался нѣкогда римскій народъ. Однако, я все-таки не понимаю, при чемъ же здѣсь безхвостые поросята?

— А это очень просто, ваше сіятельство, — продолжалъ волостной:—въ извѣстные праздники римляне, за неимѣніемъ необходимыхъ для жертвоприношенія животныхъ, могли употреблять для этой цѣли даже свиней, которые, какъ и у евреевъ, не причислялись къ совершенно чистымъ существамъ; въ случаѣ такой крайности, жрецы обязательно должны были отрѣзывать у каждой подобной жертвы хвостъ въ знакъ нѣкоего очищенія; обычай этотъ, какъ и многое другое, переходя изъ рода въ родъ, сохранился среди мѣстныхъ жителей и понынѣ.

— Благодарю васъ, — сказалъ графъ волостному начальнику, когда тотъ окончилъ свое объясненіе:—теперь ужъ мнѣ все понятно, главное же то, что я сегодня имѣлъ удовольствіе посѣщать жилища римскихъ потомковъ. Непремѣнно надо будетъ разсказать объ этомъ въ Петербургѣ.

Съ этими словами Никитинъ направился къ экипажу, усѣлся въ него и, поблагодаривъ еще разъ мѣстныхъ начальниковъ за хорошее состояніе селенія и стоявшихъ въ немъ кантонистовъ, покатилъ далѣе; вслѣдъ ему снова понесся колокольный звонъ и радостные крики народа. Долго еще послѣ этого вспоминали а—цы о томъ, какую небылицу разсказывалъ Никитину волостной начальникъ о приношеніи римлянами въ жертву безхвостыхъ поросятъ.

II.

Квартирное житье-бытье кантонистовъ.—Вражда между поселянами и кантонистами.—Бѣдственное положеніе кантонистовъ, ихъ продѣлки и вынужденное воровство.—Распредѣленіе времени кантонистовъ.—Ихъ безнравственность.—Необычайное исчезновеніе масла.—Баталіонная школа.—Еврей преподаватель.—Система обученія.—Наказанія. — Сказочникъ Трясогузкинъ. — Кантонисты изъ евреевъ.—Страданіе и стоицизмъ еврея Берка Финкельштейна. — Посѣщенія высокопоставленныхъ лицъ.—Пріѣзды князя Паскевича.—Его отношенія къ кантонистамъ.—Исторія съ полковникомъ З—скимъ.—Инспекторскіе смотры Паскевича.

Не касаясь подробнаго описанія нашей казарменной жизни, которая была уже весьма картинно изображена г. Кретчмеромъ («Историческій Вѣстникъ» 1888 г.), я поговорю подробно о нашемъ квартирномъ житьѣ-бытьѣ. При этомъ я прежде всего долженъ вамъ сказать, что для каждаго поселянина не было, кажется, худшаго наказанія, какъ появленіе въ его избѣ одного или двухъ кантонистовъ въ качествѣ постояльцевъ. И дѣйствительно, надо говорить правду, такихъ прохвостовъ и жуликовъ, какіе сплошь и рядомъ встрѣчались между нашею братіею, трудно было сыскать даже среди заправскихъ мазуриковъ. Въ этомъ отношеніи изъ насъ вырабатывались феноменальные артисты. Стянуть ли у хозяина что нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, надуть ли простоватаго мужика какимъ либо инымъ способомъ,—на все это мы, кантонисты, были мастера первой руки. Да иной, знаете, такъ ловко ухитрялся продѣлать свою работу, что и самъ дьяволъ не могъ бы впослѣдствіи отыскать концовъ этой исторіи. Если же какая нибудь пакость продѣлывалась сообща, то тутъ ужъ виноватаго нельзя было и «днемъ съ огнемъ» отыскать. Замѣчательно дружный народъ мы всѣ были. Правда, при мало-мальски человѣческомъ обращеніи хозяевъ со своими квартирантами, проказы послѣднихъ замѣтно уменьшались, и подъ конецъ съ обѣихъ сторонъ устанавливалось даже нѣчто въ родѣ семейныхъ отношеній; къ сожалѣнію, однако, подобные случаи встрѣчались весьма рѣдко, такъ какъ между поселянами и кантонистами шла непрерывная война; въ особенности народъ крѣпко не долюбливалъ великовозрастныхъ кантонистовъ, отъ которыхъ много терпѣло не только имущество поселянъ, но и деревенская молодежь. Великовозрастные не ограничивались похищеніемъ куръ, гусей, яицъ, сала и прочей живности, но иногда они не брезговали и добрымъ бараномъ, боровомъ, теленкомъ и даже чѣмъ нибудь посолиднѣе. Въ этомъ отношеніи такіе кантонисты являлись для мѣстнаго населенія гораздо хуже хищныхъ звѣрей, тѣмъ болѣе, что и само начальство смотрѣло какъ-то сквозь пальцы на подобныя продѣлки кантонистовъ. Впрочемъ, откровенно говоря, и наказывать-то строго нельзя было

нашего брата за такое поведеніе. Вѣдь главною причиною этого воровства служило въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что кантонисты принуждены были жить по большей части впроголодь. Хотя поселяне обязаны были кормить насъ всегда свѣжей и здоровой пищей, но вслѣдствіе многихъ условій, а главное по причинѣ какой-то исконной ненависти къ кантонистамъ со стороны народа такое продовольствіе ограничивалось лишь однимъ черствымъ хлѣбомъ и водой; иногда же и этого не было. При такомъ кормленіи поневолѣ обратишься въ хищнаго волка. По части мелкаго воровства ловкость кантонистовъ достигала невѣроятнаго совершенства, и въ этомъ отношеніи они смѣло могли поспорить съ посредственнымъ фокусникомъ. Въ доказательство истинности моихъ словъ привожу слѣдующій примѣръ. Отправляясь въ праздничные дни, съ разрѣшенія начальства, въ г. Умань на базаръ, предусмотрительный кантонистъ пряталъ въ правомъ рукавѣ своего мундира гуттаперчевую нитку или же спирально изогнутую стальную проволоку, которая, проходя подъ бѣльемъ маленькаго воина, оканчивалась въ голенищѣ сапога и была привязана къ ногѣ. Къ другому же концу этой проволоки прикрѣплялся особаго рода желѣзный крючокъ съ обыкновенной ниткой. Подходя къ любой лавкѣ, кантонистъ вытягивалъ при помощи этой нитки проволоку съ крючкомъ изъ рукава и, сжавъ ее въ кулакѣ, требовалъ себѣ какихъ нибудь мелкихъ предметовъ, въ родѣ пряниковъ, конфетъ, карандашей, перочинныхъ ножей и т. д. Лавочникъ, предложивъ своему покупателю на выборъ нѣсколько требуемыхъ предметовъ, займется другимъ дѣломъ въ ожиданіи, пока кантонистъ одобритъ какую нибудь изъ разсматриваемыхъ вещей. Тѣмъ временемъ хитрый воришка не столько, разумѣется, вглядывается въ лежащій предъ нимъ товаръ, сколько слѣдитъ за самимъ продавцомъ и, улучивъ минуту, захватываетъ крючкомъ одинъ или два предмета, смотря по ихъ величинѣ, а затѣмъ при помощи той же нитки и пружинки быстро препровождаетъ схваченныя вещи въ голенище. Если иногда бывало лавочникъ и замѣтитъ, что какъ будто бы чего не хватаетъ изъ лежавшихъ на стойкѣ предметовъ, то даже не обратитъ на это особеннаго вниманія, приписывая подобное недоразумѣніе собственной разсѣянности; иной же продавецъ, зная наклонность кантонистовъ къ воровству, не полѣнится въ такомъ случаѣ и обыскать своего покупателя; но такъ какъ подобный осмотръ отличался поверхностнымъ характеромъ, то само собою разумѣется, что воришка всегда выходилъ сухимъ изъ воды и, пославъ по адресу безцеремоннаго торговца нѣсколько вѣскихъ ругательствъ, вылеталъ съ торжествующимъ видомъ изъ лавки. Дѣйствуя такимъ образомъ, кантонистъ къ вечеру оказывался нагруженнымъ всевозможнымъ товаромъ и, возвратившись домой, открывалъ на слѣдующій день бойкую торговлю наворованнымъ добромъ. Разумѣется, далеко не всѣ кантонисты отличались такими блестя-

щими воровскими способностями, такъ какъ извѣстно, вѣдь, что «овому—талантъ, а овому—два»; тѣмъ не менѣе и остальные изъ нашего брата, не умѣвшіе красть по лавкамъ и магазинамъ, находили возможность проявлять свою смѣтливость и находчивость на другомъ поприщѣ. Во время храмоваго праздника въ Бабанку собирался народъ со всей окружности, верстъ за 25—30 и, по обычаю доброй старины, пьянствовалъ и гулялъ здѣсь по нѣсколько дней. Вотъ тутъ-то для кантонистовъ-воришекъ представлялось самое широкое и благодарное поле, на которомъ они успѣвали всегда сбирать обильную жатву. Лишь только бывало наступитъ вечеръ перваго дня праздника, какъ ужъ наши молодцы принимаются дружно работать подлѣ мертвецки-пьяныхъ мужиковъ, валяющихся по улицамъ села десятками. При этомъ дерзость кантонистовъ доходила до того, что они не только производили тщательный осмотръ обывательскихъ кармановъ, но даже овладѣвали платьемъ пьянаго мужика. Неоднократно случалось и такъ, что кантонистъ, встрѣтивъ еле держащагося на ногахъ поселянина, притворялся его родственникомъ и, подъ предлогомъ указанія дороги, заводилъ мужика куда нибудь въ уединенное мѣсто и укладывалъ его тамъ спать, снявъ предватительно съ дремлющаго «дяденьки» одежду, которая тотчасъ же переходила въ руки сосѣдняго кабатчика за самую ничтожную плату. Поутру обобранный кантонистами мужичекъ долго бродитъ по кабакамъ и лавкамъ, пока отыщетъ свой разрозненный гардеробъ, за выручку котораго приходится вносить уже гораздо большую сумму, чѣмъ полученныя наканунѣ кантонистомъ деньги... Трудно даже повѣрить теперь, до чего доходили въ этомъ отношеніи смѣлость и нахальство кантонистовъ, а между тѣмъ это было совершенно вѣрно. Ужъ если они умудрялись похищать деньги изъ прибитыхъ подлѣ церквей и придорожныхъ часовенъ кружекъ, то чего вамъ больше надо?... Кромѣ недостатка въ пищѣ, служившаго главной причиной воровскихъ наклонностей кантонистовъ, эти несчастныя дѣти терпѣли еще великую нужду и въ отношеніи своего платья, которое всегда находилось въ самомъ невообразимомъ видѣ. Извѣстно вѣдь, какъ дѣти вообще, а живущія безъ присмотра—въ особенности, рвутъ на себѣ платье; между тѣмъ, каждый кантонистъ получалъ изъ цейхгауза мундиръ и панталоны на два года, а сапоги и бѣлье на одинъ годъ (бѣлье—въ двойномъ комплектѣ). Можете представить себѣ теперь, во что превращались всѣ эти вещи на плечахъ бойкихъ мальчугановъ къ концу установленнаго срока. Да на многихъ изъ насъ къ этому времени не только рубаха, но даже мундиръ и панталоны не имѣли на себѣ, какъ говорится, живаго мѣста. Горе было съ нами въ этомъ отношеніи начальству, горе и хозяевамъ. Весьма естественно, что кантонистамъ и тутъ приходилось самимъ заботиться о добываніи матеріаловъ, необходимыхъ для реставраціи изорванной одежды. Хорошо еще, если бы-

вало иная сердобольная хозяйка, смиловавшись надъ какимъ нибудь въ конецъ износившимся 8—9-ти-лѣтнимъ «постояльцемъ», дастъ ему кусокъ холста или сукна на заплаты. Конечно, она потребуетъ за это отъ кантониста работы, заставивъ его въ свободное отъ служебныхъ занятій время копать или полоть на огородѣ гряды, носить воду, топить печь, няньчить ребенка и т. п. А много ли, спросите, было у насъ свободнаго времени! Всего-то часа два—три въ день, да и то передъ самымъ закатомъ солнца. Обыкновенно мы съ ранняго утра отправлялись на строевое ученье, затѣмъ въ девять часовъ шли въ баталіонную школу изучать книжную премудрость, что̀ продолжалось до обѣда, за которымъ снова слѣдовало ученье на плацу и плаваніе на пруду. Это послѣднее занятіе особенно насъ донимало, такъ какъ совершалось ежедневно, начиная съ первыхъ дней весны и оканчивая поздней осенью, при чемъ начальство не обращало вниманія ни на какую погоду. По всей вѣроятности, насъ хотѣли превратить этимъ путемъ въ настоящихъ спартанцевъ. А сколько бывало перенесешь мученій, пока научишься хоть сколько нибудь сносно выполнять на водѣ требуемые уставомъ фокусы! Иной цѣлое лѣто проплаваетъ у дядьки на канатѣ, словно цѣпная собаченка, а все-таки безъ посторонней помощи не продержится на водѣ и пяти минутъ. Случалось, что нѣкоторые кантонисты еще до окончанія полнаго курса плаванія отправлялись, по выраженію поселянъ, «ловить на днѣ пруда раковъ», иначе говоря—тонули. Пока бывало въ общей суматохѣ замѣтятъ исчезновеніе такого малыша и пока его затѣмъ отыщутъ подъ водой, несчастный пловецъ успѣетъ совсѣмъ окоченѣть. Разумѣется, въ рапортѣ по поводу каждаго такого случая непремѣнно значится: «утонулъ по собственной неосторожности»... Гораздо большею свободою мы могли пользоваться по ночамъ, однако подобное право составляло удѣлъ великовозрастныхъ кантонистовъ, да и то лишь тѣхъ изъ нихъ, которые стояли по квартирамъ. Въ это-то время они и совершали свои набѣги на сады, огороды и бахчи, проникали въ поселянскіе погреба, кладовыя и т. д. Утоливъ же чѣмъ нибудь свой голодъ, кантонисты отправлялись послѣ этого туда, гдѣ веселилась на «вечерницахъ» и «досвиткахъ» деревенская молодежь; вмѣшиваясь здѣсь въ игры парней и «дивчатъ», они продѣлывали такія штуки, при видѣ которыхъ всѣ присутствующія на посидѣлкахъ лица немедленно обращались въ бѣгство. Неоднократно подобное вмѣшательство кантонистовъ въ дѣла мѣстной молодежи оканчивалось феноменальной дракой, послѣ которой не одинъ изъ нашихъ рыцарей оставался безъ мундира или безъ панталонъ, не считая уже выбитыхъ зубовъ, подбитыхъ глазъ и расквашенныхъ носовъ. Очутившись на другой день въ карцерѣ за порчу казенныхъ вещей, виновный получалъ такимъ образомъ полную возможность обсуждать на досугѣ всю гнусность своего поведенія. Даже зимою, во время самыхъ

трескучихъ морозовъ и сильныхъ метелей, наши удальцы не оставляли въ покоѣ мирно почивавшихъ поселянъ; напротивъ, въ такія ночи каверзы кантонистовъ свидѣтельствовали о наивысшей степени безнравственности, разнузданности и дурно направляемой изобрѣтательности будущихъ воиновъ. Бывало въ такое время зачастую можно было видѣть по утрамъ привязанныхъ къ трубѣ чьей нибудь избы собаку или поросенка, а не то и цѣлыя ворота. Помню, какъ разъ на крышѣ дома одного изъ самыхъ уважаемыхъ поселянъ очутился новехонькій возъ. Утромъ хозяинъ, собиравшійся ѣхать въ сосѣдній городъ на базаръ, подумалъ сначала, что у него украли возъ, и поднялъ тревогу на весь околотокъ. Каково же было удивленіе мужика, когда онъ, поднявъ случайно глаза вверхъ, увидѣлъ свой возъ на крышѣ, гдѣ онъ держался при помощи толстой веревки, прикрѣпленной къ трубѣ... Какъ ужъ наши безобразники ухитрились втащить на крышу подобную махину, трудно себѣ даже представить. О такихъ же продѣлкахъ, каковы, напримѣръ, наливаніе въ печи воды черезъ трубы, запираніе дверей и воротъ на замокъ, рисованіе дегтемъ на стѣнахъ домовъ всевозможной чертовщины, о такихъ подвигахъ, повторяю, нечего и распространяться.

Благодаря такому безобразному поведенію нашихъ будущихъ героевъ, отношенія между ними и хозяевами обострялись до того, что иному кантонисту положительно невозможно уже было появиться на квартиру, и онъ кочевалъ по товарищамъ, или же ютился гдѣ нибудь на чердакѣ, въ цейхгаузѣ, или на эскадронной кухнѣ. Къ несчастію, подобный образъ жизни кантониста скоро становился извѣстенъ начальству, и юный любитель приключеній, получивъ изрядную дозу розгачей, снова водворялся на частной квартирѣ, но уже, разумѣется, не у прежняго хозяина. Частенько случалось также, что послѣ какого нибудь выдающагося воровства поселяне производили съ разрѣшенія начальства тщательный обыскъ по казармамъ, кухнямъ, конюшнямъ и проч., съ цѣлью найти украденное кантонистами добро. Но почти всегда подобные обыски оканчивались ничѣмъ; въ виду же того, что они разрѣшались не иначе, какъ послѣ взноса обворованнымъ лицомъ довольно значительнаго залога въ баталіонную кассу, рѣдко кто изъ поселянъ принимался за такое дѣло. Въ этомъ отношеніи мнѣ хорошо памятенъ слѣдующій случай. Однажды нѣсколько человѣкъ кантонистовъ забрались въ погребъ какого-то десятника и стянули цѣлую кадку масла, уложивъ его въ мѣшки. На бѣду случилось такъ, что хозяинъ, возвращаясь откуда-то изъ гостей, замѣтилъ воришекъ и поднялъ неистовый крикъ. Тотчасъ же сбѣжалось около десятка мужиковъ, и всѣ они пустились въ погоню за кантонистами, которые улепетывали что было мочи по направленію къ эскадронной конюшнѣ, гдѣ стояли бракованныя кавалерійскія лошади, предназначенныя для

обученія насъ верховой ѣздѣ. Не успѣли бѣглецы вскочить въ конюшню, какъ подлѣ нея были уже и ихъ преслѣдователи. Нѣсколько человѣкъ заняли выходы, и самъ десятникъ отправился къ эскадронному командиру за полученіемъ установленнаго разрѣшенія для производства осмотра конюшни. Несмотря, однако, на самые тщательные поиски, въ конюшнѣ не оказалось ни подозрительныхъ кантонистовъ, ни масла... Такъ поселяне и отправились восвояси, не солоно хлебавши, рѣшивъ, между прочимъ, что въ данномъ случаѣ кантонистамъ помогла сама нечистая сила. Самъ ротный былъ удивленъ на этотъ разъ до невѣроятности и на другой же день велѣлъ фельдфебелю разъяснить ловкую продѣлку кантонистовъ. Что же оказалось? Подъ ногами лошадей находилась длинная канава, прикрытая сверху досками, на которыхъ лежалъ тонкій слой соломенной подстилки. Стоило только кантонисту приподнять доску и вскочить въ эту яму, чтобы его и слѣдъ простылъ, такъ какъ никому бы и въ голову не приходило искать вора въ землѣ подъ ногами лошадей. Весьма понятно, что находящіеся въ конюшнѣ дежурные всегда могли во время замаскировать существовавшую подъ лошадьми яму.

Въ баталіонную школу кантонисты поступали съ восьмилѣтняго возраста и находились въ ней почти до двадцатаго года, послѣ чего распредѣлялись уже по разнымъ полкамъ дѣйствующей арміи. Такое продолжительное пребываніе кантонистовъ въ стѣнахъ училища объясняется, разумѣется, тою системою обученія, какая вообще царила въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Б—ская баталіонная школа, въ которую я скоро былъ зачисленъ вмѣстѣ со своими товарищами, состояла по обыкновенію изъ восьми отдѣленій, помѣщавшихъ въ себѣ около 750 человѣкъ. На всю эту массу учащихся полагался только одинъ преподаватель, обязанность котораго исполнялъ въ мое время унтеръ-офицеръ Зельманъ, происходившій изъ евреевъ, но принявшій, конечно, православіе. Горе было намъ великое съ нимъ, но натерпѣлся же въ свою очередь муки и онъ съ нами! Нечего, разумѣется, вамъ и говорить, что основнымъ правиломъ нашей школьной педагогіи было самое широкое примѣненіе на практикѣ лозъ, тумаковъ, щелчковъ и всякаго рода заушеній; впрочемъ, что ни говорите, а я долженъ вамъ откровенно сказать, что только при помощи этихъ «учебныхъ средствъ» и можно было хоть немного поддержать дисциплину среди такого многолюднаго класса, состоящаго притомъ изъ самыхъ отчаянныхъ шалуновъ. Употребляя такимъ образомъ значительную часть класснаго времени на водвореніе порядка и наказаніе виновныхъ, учитель принужденъ былъ удѣлять учебнымъ занятіямъ весьма ограниченное число часовъ. Насколько мы успѣвали въ грамотѣ и прочихъ наукахъ, можете судить потому, что иной ученикъ просидитъ, бывало, въ школѣ лѣтъ 5—6 и выходитъ изъ нея, не научившись подписы-

вать, какъ слѣдуетъ, свою фамилію и не зная перваго изъ четырехъ элементарныхъ ариѳметическихъ дѣйствій. Удивляться, однако, этому было нечего, такъ какъ, повторяю, одному человѣку рѣшительно не представлялось ни малѣйшей возможности слѣдить съ должнымъ вниманіемъ и добросовѣстностію за успѣхами 750 учениковъ, а въ особенности, если принять нъ соображеніе частую перемѣну самихъ преподавателей и низкій уровень ихъ образовательнаго ценза. Мнѣ передавали, что Зельманъ былъ первый изъ учителей, задержавшійся на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; изъ предшественниковъ же его ни одинъ не могъ высидѣть въ школѣ долѣе одного года.

Весь процессъ обученія въ баталіонномъ училищѣ заключался въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ, а о какихъ либо объясненіяхъ, за исключеніемъ занятій ариѳметикой, намъ не приходилось и слышать. Между тѣмъ, программа школы была весьма обширна и разнообразна: кромѣ спеціально-военныхъ наукъ, мы проходили еще Законъ Божій (преподавалъ его священникъ), русскій языкъ, исторію, географію, ариѳметику и нѣкоторые другіе предметы въ размѣрѣ курса уѣздныхъ училищъ, понынѣшнему городскихъ. Весьма естественно, что при такой сложной программѣ съ одной стороны и абсолютномъ отсутствіи сколько нибудь осмысленнаго преподаванія съ другой огромное большинство кантонистовъ упражнялось исключительно въ умѣніи надувать учителей и въ способности терпѣливо переносить по возможности большее количество розогъ. Экзекуція не прекращалась, бывало, въ продолженіе всего времени, опредѣленнаго для учебныхъ занятій въ классѣ. Замѣчу кстати, что операція сѣченія производилась тремя дюжими солдатами здѣсь же за дверью классной комнаты, въ полутемномъ коридорѣ. И удивительное право явленіе: ученики до такой степени прислушались, присмотрѣлись и привыкли къ безпрерывной поркѣ и неистовымъ крикамъ наказываемыхъ товарищей, что перестали даже обращать вниманіе на эту ужасную процедуру.

Насколько помнится, больше и чаще всего были наказываемы ученики за незнаніе десяти заповѣдей и таблички умноженія. Такихъ субъектовъ священникъ и учитель отправляли прежде всего къ дверямъ, гдѣ на стѣнѣ висѣли двѣ большія черныя доски: на одной изъ нихъ была написана крупными цифрами пресловутая табличка, а на другой — помѣщались заповѣди. Очутившись подлѣ дверей, виновный въ незнаніи урока долженъ былъ заучивать его вторично, стоя передъ доской на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. Къ концу урока у порога оказывалась, обыкновенно, добрая половина трехъ младшихъ отдѣленій къ воздѣтыми «горѣ» дланями. Это число было бы еще больше, но дѣло въ томъ, что ученики слѣдовали отсюда поочереди въ коридоръ, гдѣ ихъ ожидала «березовая каша», и куда ихъ тянули одного за другимъ бывшіе

тамъ экзекуторы; эти «палачи» отлично знали, что каждый кантонистъ, очутившійся передъ черною доской на колѣняхъ, непремѣнно долженъ былъ вкусить извѣстную порцію лозъ... Не думаете ли вы, что наши молодые грѣшники, угнетаемые совѣстью и сознаніемъ неизбѣжнаго путешествія въ роковой коридоръ, занимаются передъ доской заучиваніемъ заповѣдей и таблички умноженія? Ничуть не бывало: они совершенно философски относились къ факту и съ самыми веселыми лицами слушали какого нибудь товарища, разсказывавшаго вполголоса интересную сказку. Въ мое время такимъ «баяномъ» былъ кантонистъ второго отдѣленія Петръ Трясогузкинъ. Онъ съ такимъ мастерствомъ умѣлъ повѣствовать объ Ильѣ Муромцѣ, Еруславѣ Лазаревичѣ или Соловьѣ-разбойникѣ, что его заслушивались даже ученики старшихъ отдѣленій, также нерѣдко попадавшіе въ колѣнопреклоненную компанію. Ничего не значило, что вновь прибывающіе къ двери герои не слышали начала фантастической исторіи: оно было уже имъ хорошо знакомо съ предыдущихъ дней; Трясогузкинъ же умѣлъ съ такими интересными варіаціями передавать свои сказки, что эта колѣнопреклоненная толпа готова была съ величайшимъ удовольствіемъ слушать въ десятый и даже въ сотый разъ одно и то же повѣствованіе не только съ начала, но даже съ середины. А какая масса всевозможныхъ сказокъ хранилась въ головѣ Трясогузкина, уму непостижимо! И вотъ, благодаря этой вмѣстительной и поэтической головѣ, злополучная табличка умноженія и десять заповѣдей Божіихъ оставались незаученными попрежнему; любители же сказокъ шли и на слѣдующій день къ двери и оттуда въ коридоръ за полученіемъ установленной порціи розогъ... Обычный порядокъ нашихъ учебныхъ занятій прерывался для кантониста лишь тогда, когда онъ, по случаю какой нибудь болѣзни, поступалъ въ лазаретъ, находившійся въ Умани. Иногда же въ этотъ госпиталь мы спасались, даже будучи совершенно здоровыми, съ единственною цѣлью передохнуть немного послѣ тягостнаго ученья и тумаковъ, получаемыхъ въ изрядномъ количествѣ отъ хозяина-воспитателя.

Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ младшаго врача у—скаго военнаго лазарета, К-на. Несмотря на свое еврейское происхожденіе, этотъ добрый человѣкъ не только съ рѣдкой внимательностью относился къ лѣченію больныхъ, но, кромѣ того, весьма заботливо слѣдилъ за чистотою бѣлья и доброкачественностью пищи; иной же разъ онъ нарочно задерживалъ въ госпиталѣ на нѣсколько лишнихъ дней даже такихъ паціентовъ, которые уже были назначены старшимъ врачемъ къ выпискѣ и отправкѣ въ баталіонъ.

Невзирая, однако, на такое множество терній и отсутствіе въ школѣ всякой педагогіи, между кантонистами попадались нерѣдко весьма способные и энергичные субъекты, которые преодолѣвали въ концѣ концовъ всѣ восемь отдѣленій и поступали унтеръ-офице-

рами въ ряды дѣйствующей арміи. Понятно, что такихъ счастливцевъ былъ сравнительно весьма небольшой процентъ; но за то они впослѣдствіи быстро подвигались впередъ по служебной лѣстницѣ, выходя зачастую не только въ офицеры, но даже и въ генералы (въ отставку). Для полученія офицерскаго чина лучшіе ученики баталіонной школы, по окончаніи въ ней курса, были отправляемы въ такъ называемыя аракчеевскія училища; тамъ обученіе шло немного лучше, чѣмъ у насъ. Изъ этихъ заведеній кантонисты выходили уже съ правомъ на полученіе перваго чина. Развалины одного изъ такихъ училищъ сохранились и понынѣ въ с. А., У—скаго уѣзда.

Хотя я и принадлежалъ къ числу болѣе способныхъ учениковъ, однако обстоятельства помѣшали мнѣ окончить курсъ б-ской баталіонной школы, и я долженъ былъ продолжать свое образованіе уже послѣ упраздненія военныхъ поселеній и кантонистовъ, но объ этомъ поговорю ниже; теперь же надо вамъ сообщить кое-что по поводу кантонистовъ изъ евреевъ.

Обыкновенно это были потомки евреевъ, также принадлежавшихъ нѣкогда къ числу кантонистовъ; такіе мальчики весьма скоро соглашались принимать христіанство, но часто въ кантонисты попадали дѣти и настоящихъ евреевъ. Вотъ съ обращеніемъ-то этихъ послѣднихъ въ православіе и было начальству всегда много хлопотъ. Жизнь такихъ дѣтей въ баталіонѣ была дѣйствительно хуже всякой каторги, ибо, начиная послѣднимъ кантонистомъ и оканчивая главнымъ начальствомъ, всѣ и вся относились къ этимъ бѣднымъ еврейчикамъ въ высшей степени недоброжелательно. Несмотря, однако, на такое тягостное положеніе, они въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стояли всегда выше православныхъ кантонистовъ. Благодаря этому обстоятельству, евреямъ скоро удавалось пробираться на такія мѣста, гдѣ на ихъ долю приходилось меньше физическаго труда и всякаго рода притѣсненій. Оканчивая успѣшно курсъ въ баталіонныхъ школахъ, такіе кантонисты поступали потомъ въ офицерскія училища, на что они, какъ лица, принявшія православіе, имѣли полное право. А сколько было труда и хлопотъ иной разъ при обращеніи ихъ въ христіанство,—просто страсть. Въ особенности масса заботъ была въ томъ случаѣ, если новообращаемый достигъ уже 10—12 лѣтъ. Надобно вамъ знать, что еврейчики такого возраста зачислялись въ кантонисты весьма часто. Объясняется это тѣмъ, что родители въ то время старались всѣми мѣрами укрывать своихъ дѣтей отъ военной службы, прибѣгая нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ къ самымъ изумительнымъ фокусамъ и даже членовредительству. Полагаю, вамъ небезъизвѣстенъ фактъ, что даже дѣдъ одного изъ нашихъ выдающихся современныхъ писателей лишился такимъ образомъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ; но такъ какъ его отецъ при этомъ ошибся, принявъ второпяхъ

одну руку за другую, то искалѣченный мальчикъ все-таки попалъ въ кантонисты и впослѣдствіи, по ходатайству одного крупнаго землевладѣльца, у котораго онъ управлялъ церковнымъ хоромъ, былъ рукоположенъ во священника... Такъ вотъ по винѣ самихъ родителей между евреями кантонистами встрѣчалось немало такихъ дѣтей, которыхъ приходилось обращать въ православіе, какъ я уже сказалъ вамъ, даже въ 10—12-ти-лѣтнемъ возрастѣ. Я очень хорошо помню одну такую исторію съ кантонистомъ Беркомъ Финкельштейномъ. Не знаю, по какимъ причинамъ, но этому еврейчику пришлось поступить къ намъ въ баталіонъ не 12-ти, а уже 15-ти лѣтъ. Разсказывали, между прочимъ, что будто бы родители Финкельштейна отослали своего сына къ дальнимъ родственникамъ въ Галицію, а начальству сказали, что онъ умеръ; когда же мальчику исполнилось четырнадцать лѣтъ, то его переправили обратно въ Россію, но уже подъ именемъ австрійскаго подданнаго. Не прошло послѣ этого и года, какъ нашлись доброжелатели, которые, пронюхавъ истину во всей этой исторіи, немедленно донесли кому слѣдуетъ на Финкельштейна, и несчасный Берко былъ зачисленъ въ кантонисты; родители же его были подвергнуты тюремному заключенію за укрывательство сына отъ военной службы. По словамъ же Финкельштейна, оказалось, что о его существованіи забыло само начальство; когда же впослѣдствіи ошибка была обнаружена, то всю вину взвалили на ни въ чемъ неповинныхъ родителей Берка. Трудно вообще было рѣшить, кто въ данномъ случаѣ былъ дѣйствительно виноватъ, кто правъ; достовѣрно лишь то, что молодой Финкельштейнъ ко времени поступленія на военную службу оказался уже вполнѣ закоренѣлымъ евреемъ, отличавшимся феноменальною преданностью вѣрѣ отцовъ своихъ; фанатизмъ его въ этомъ отношеніи напоминалъ стойкость и героизмъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ. Очутившись въ кантонистскомъ баталіонѣ, Берко съ первыхъ же дней заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не согласится ѣсть пищу, приготовленную на общей кухнѣ; о принятіи же православія и слушать не хотѣлъ, а однажды даже въ присутствіи ротнаго командира поклялся, что никогда не отступитъ отъ вѣры отцовъ своихъ. «О голубчикъ, да ты и на самомъ дѣлѣ оказываешься съ мухами въ носу,—замѣтилъ смѣясь ротный:—или ты думаешь, что мы обратимъ особенное вниманіе на твое упрямство, испугавшись твоихъ жидовскихъ клятвъ? Небойсь, батенька, у насъ какъ всыпятъ тебѣ сотнягу-другую горячихъ, то ты не только что въ христіанство, но даже въ самую что ни на есть басурманскую вѣру охотно перейдешь».—«Пусть я съ голоду умру, пусть даже убьютъ меня, но я все-таки не соглашусь перемѣнить религію!»—отвѣчалъ твердымъ голосомъ юноша, смѣло смотря въ лицо командира; при этомъ въ черныхъ глазахъ пятнадцатилѣтняго фанатика блеснулъ какой-то недобрый огонекъ. Никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы

Берко при той строгой дисциплинѣ, какая всегда царила среди кантонистовъ, могъ сдержать свои клятвы. Однако сколько его ни сѣкли, сколько ни подвергали разнымъ пыткамъ и лишеніямъ, онъ съ необыкновеннымъ стоицизмомъ выдерживалъ всѣ муки, оставаясь при одномъ и томъ же убѣжденіи. Изобрѣтательность начальства въ отношеніи Берки доходила въ данномъ случаѣ до невѣроятной степени. Вы не повѣрите, если я вамъ скажу, что по распоряженію ротнаго командира фельдфебель ставилъ этого несчастнаго еврейчика босыми ногами на раскаленную сковороду, вѣшалъ его за пятки внизъ головой, заставлялъ его ходить въ полуобнаженномъ видѣ по льду рѣки во время жесточайшихъ морозовъ,—однимъ словомъ, продѣлывалъ надъ нимъ чуть ли не всѣ средневѣковыя пытки, какія практиковались во время оно оо. инквизиторами. Несмотря, однако, на такія мученія, Берко попрежнему оставался вѣренъ религіи своихъ предковъ. Я до сихъ поръ убѣжденъ, что подобный способъ обращенія евреевъ въ православіе совершался, по всей вѣроятности, помимо вѣдома высшаго начальства, хотя все-таки трудно допустить, чтобы объ этомъ ничего не зналъ баталіонный командиръ. Впрочемъ, даже онъ самъ велѣлъ однажды повѣсить на шею Финкельштейну два большихъ мѣшка, наполненныхъ пескомъ и вѣсившихъ около трехъ пудовъ каждый; кромѣ того, командиръ велѣлъ Беркѣ держать надъ своею головой за штыкъ въ теченіе трехъ часовъ тяжелое ружье въ совершенно вертикальномъ положеніи; при этомъ было объявлено, что если только еврей осмѣлится опустить руку внизъ или станетъ на колѣни,—тотчасъ же дадутъ ему сто розогъ. Простоялъ въ такомъ положеніи нашъ Финкельштейнъ не долѣе часа; затѣмъ силы моментально оставили его; онъ задрожалъ, лицо покрылось смертельною блѣдностью, и несчастный юноша рухнулъ на землю, какъ подкошенный. Присутствовавшіе при этомъ солдаты схватили Берка съ цѣлью подвергнуть его заслуженному наказанію, но сколько они ни бились надъ упавшимъ въ обморокъ кантонистомъ, чтобы привести его въ чувство, тотъ не подавалъ уже почти ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Доложили о происшедшемъ баталіонному, а тѣмъ временемъ принялись пробовать надъ безчувственнымъ еврейчикомъ самыя энергическія и разнообразныя средства: кололи его лицо иглами, насыпали въ носъ нюхательнаго табаку, подносили къ зубамъ и глазамъ зажженныя спички и т. п., однако, ничего не помогало... Чрезъ часъ сюда же явился самъ баталіонный и, увидя эту сцену, немедленно послалъ за фельдшеромъ, который скоро привелъ Финкельштейна въ чувство. Приказавъ снять въ него мѣшки, баталіонный командиръ обратился къ ротному со слѣдующими словами: «Придется дѣйствительно оставить въ покоѣ этого закоренѣлаго фанатика, такъ какъ по всему видно, что онъ и на самомъ дѣлѣ скорѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ со своимъ излюбленнымъ жидов-

ствомъ». Такимъ образомъ Финкельштейнъ остался при своей религіи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ совершенно оправился и сталъ усердно исполнять служебныя обязанности, а къ концу того же года считался уже первымъ кантонистомъ не только по части всевозможнаго ученія, но и по поведенію. «Вотъ вамъ и жидъ», говаривало начальство, указывая на него прочимъ кантонистамъ изъ христіанъ... Много лѣтъ спустя послѣ упраздненія военныхъ поселеній и кантонистовъ, я случайно встрѣтился съ Беркомъ въ г. Умани. Въ это время онъ былъ уже отцомъ многочисленнаго семейства и собственникомъ довольно значительнаго бакалейнаго магазина.

— А что,—спрашиваю я его:—помнишь, Берко, какъ ты бывало ходилъ босыми ногами по горячей сковородѣ и носилъ за плечами трехпудовые мѣшки съ пескомъ?

— Какъ не помню,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—очень хорошо помню, да такихъ вещей и забывать нельзя: о нихъ надо разсказывать внукамъ и правнукамъ...

Насколько наше низшее начальство трепетало при проѣздѣ кого либо изъ высокопоставленныхъ ревизоровъ, настолько визиты этихъ господъ были пріятны намъ, кантонистамъ. Обыкновенно дней за десять до ревизіи насъ обмывали, стригли, снабжали новымъ, чистымъ бѣльемъ, готовили лучшую пищу и вообще заботились о нашемъ содержаніи весьма внимательно. Во время моего пребыванія въ Бабанкѣ къ намъ часто пріѣзжалъ въ качествѣ инспектора знаменитый князь Паскевичъ, проживавшій тогда въ г. Кременчугѣ, Полтавской губерніи, и возлагавшій, какъ говорили, большія надежды на кантонистскіе баталіоны. Всѣ его пріѣзды оставляли въ нашихъ головахъ и сердцахъ самыя отрадныя воспоминанія. Бывало, какъ только князь подъѣдетъ къ нашему дивизіону, расположенному на обширной площади предъ казармами, то, не выходя еще изъ экипажа, крикнетъ намъ ласковымъ голосомъ:— «Здорово, дѣти мои!» Дружный и радостный откликъ тысячи дѣтскихъ голосовъ раздавался въ отвѣтъ на это привѣтствіе. Послѣ этого Паскевичъ принималъ рапортъ о состояніи всего дивизіона, разспрашивалъ о числѣ и здоровьѣ больныхъ кантонистовъ и т. д. Окончивъ обычныя, официіальныя формальности, князь приказывалъ намъ пройти мимо него церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ, произведя осмотръ нашего имущества, требовалъ къ себѣ по нѣскольку человѣкъ кантонистовъ отъ каждой роты, чтобы узнать, нѣтъ ли у насъ какой нибудь жалобы на начальниковъ. Когда эта депутація окружитъ бывало князя, онъ и спрашиваетъ:

— Ну, что жъ, дѣти мои, всѣ ли вы довольны? не обижаетъ ли васъ понапрасно начальство?.. Говорите мнѣ откровенно, не боясь никого и ничего; я съ величайшимъ удовольствіемъ разберу всякую вашу жалобу и накажу виновныхъ.

Понятно, что на всѣ такіе вопросы мы отвѣчали, по большей части, отрицательно или отдѣлывались молчаніемъ, зная хорошо, что всякая жалоба съ нашей стороны на ближайшаго начальника будетъ впослѣдствіи жестоко наказана. Да вотъ вамъ, кстати, и примѣръ, бывшій на моихъ глазахъ и показывающій, что даже за одну попытку жаловаться на своего начальника виновные въ этомъ кантонисты были подвергнуты жестокой карѣ и продолжительному преслѣдованію. Дѣло произошло такимъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ баталіонныхъ командировъ, полковникъ З—скій, отличался поистинѣ дьявольскимъ нравомъ, мучилъ подвластныхъ ему кантонистовъ съ хладнокровіемъ и неутомимостью заправскаго палача. Нѣсколько разъ кантонисты собирались жаловаться на него инспектору, но все какъ-то затѣя ихъ не удавалась. Мѣшала ли въ этомъ дѣлѣ имъ боязнь еще большихъ пытокъ въ случаѣ неудачи, дѣйствовала ли на кантонистовъ смягчающимъ образомъ доброта самого князя П—ча, къ которому они неоднократно думали обратиться съ жалобой,—трудно сказать; однако, злоба противъ З. со стороны всего баталіона продолжала рости не по днямъ, а по часамъ. И такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то и долготерпѣніе кантонистовъ должно же было когда нибудь истощиться. Такъ оно и случилось. Разъ, недѣли за двѣ до пріѣзда къ намъ князя П—ча, у одного изъ кантонистовъ этого самаго баталіона пропалъ совершенно новехонькій мундиръ. Подобныя исторіи, въ особенности наканунѣ инспекторскаго смотра, происходили у насъ довольно часто, и рѣдко-рѣдко когда удавалось открыть виновника такого похищенія. Несмотря на отличное поведеніе, аккуратность по службѣ и выдающіеся успѣхи въ наукахъ, Слюсаренко (фамилія потерпѣвшаго кантониста) былъ подвергнутъ, по приказанію баталіоннаго командира, самому строгому наказанію за пропажу казенной вещи: ему влѣпили болѣе ста розогъ. Экзекуція была исполнена, по обыкновенію, съ такимъ усердіемъ, что бѣднаго юношу тотчасъ же по окончаніи ея отправили въ баталіонный лазаретъ. Событіе это окончательно возмутило кантонистовъ, и весь баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, рѣшилъ заявить претензію на своего изверга-командира при первомъ же удобномъ случаѣ. Хотя задуманное кантонистами дѣло хранилось въ строжайшей тайнѣ, однако о немъ скоро пронюхалъ кто-то изъ ротныхъ командировъ и поспѣшилъ сообщить баталіонному. Тотъ, разумѣется, не замедлилъ произвести самое тщательное слѣдствіе по поводу дерзкой затѣи кантонистовъ; но послѣдніе съ такою откровенностью и единодушіемъ отрицали существованіе среди нихъ какого бы то ни было заговора, что начальству пришлось махнуть рукой на всю эту исторію, признавъ распространившіеся слухи чистѣйшею ложью. А «заговорщики» тѣмъ временемъ продолжали тайно совѣщаться о томъ, когда и какъ было бы удобнѣе заявить инспектору жалобу. Случай къ этому скоро

представился: въ началѣ мая разнесся слухъ, что черезъ недѣлю кантонистовъ будетъ смотрѣть упомянутый выше князь П—чъ. Въ день пріѣзда любимаго нами инспектора весь нашъ дивизіонъ уже съ девяти часовъ утра стоялъ въ полной парадной формѣ на площади вблизи казармъ. Между рядами кантонистовъ то и дѣло шныряли ротные командиры, оправляя и ровняя малышей или приводя въ лучшій порядокъ разложенныя вдоль фронта наши вещи. Дивизіоннаго генерала и баталіонныхъ командировъ на плацу еще не было. Ровно въ одиннадцать часовъ прискакалъ верховой, стоявшій верстъ за десять отъ Б-ни, по уманьской дорогѣ, и сообщилъ, что княжескій экипажъ находится уже недалеко отъ села. При этомъ извѣстіи съ колокольни раздался обычный въ такихъ случаяхъ перезвонъ; народъ густою толпой повалилъ за околицу, сопровождаемый поселенческимъ начальствомъ. Ротные въ послѣдній разъ подтянули своихъ кантонистовъ и заняли опредѣленныя мѣста. Чрезъ нѣсколько минутъ на плацъ пріѣхали баталіонные командиры. Приблизившись къ своему баталіону, З—скій громко произнесъ: «Здорово, ребята!» Отвѣтомъ на его привѣтствіе было гробовое молчаніе. Командиръ положительно остолбенѣлъ отъ удивленія; однако минуты черезъ двѣ повторилъ свой привѣтъ, но уже какимъ-то слабымъ полусдавленнымъ голосомъ. Со стороны кантонистовъ продолжалось то же молчаніе. Полковникъ въ третій разъ крикнулъ: «Здорово, ребята!» Баталіонъ хранилъ прежнее безмолвіе, будучи проникнутъ одною мыслью, однимъ желаніемъ отомстить во что бы то ни стало злому начальнику за всѣ тѣ жестокости, которыя уже давнымъ-давно переполняли чашу долготерпѣнія обездоленныхъ кантонистовъ. Когда командирское привѣтствіе осталось безъ отвѣта и въ третій разъ, тогда полковникъ пришелъ въ страшное бѣшенство и съ пѣной у рта закричалъ: — «Что это — бунтъ, или вы всѣ оглохли, мерзавцы?! а!!». Та же гробовая тишина была отвѣтомъ командиру...—«Правое плечо впередъ! Шагомъ-маршъ!»— раздалась вдругъ команда окончательно растерявшагося полковника. Батальонъ — ни съ мѣста, стоитъ себѣ, не шелохнувшись, словно какая нибудь окаменѣлая масса... Между тѣмъ экипажъ князя П—ча въѣзжалъ уже въ селеніе, а усилившійся перезвонъ церковныхъ колоколовъ сливался по временамъ съ громкими криками народа, восторженно встрѣчавшаго княжескій поѣздъ за околицею. З—скій, видя, что его дѣло проиграно въ конецъ, моментально соскочилъ съ лошади, приблизился на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ къ баталіону и, снявъ фуражку, произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Простите, дѣти,—больше этого не будетъ! Я дѣйствительно виноватъ, даже очень много виноватъ предъ вами, но ради моего семейства, ради моихъ собственныхъ дѣтей, простите меня!..

По рядамъ кантонистовъ пронесся смутный говоръ, словно от-

даленный ропотъ морскихъ волнъ, ударяющихся о прибрежныя скалы... Командиръ стоялъ въ прежнемъ положеніи предъ баталіономъ, и кантонисты видѣли, какъ по загорѣлымъ щекамъ суроваго полковника скатились двѣ серебристыя слезы... Еще одно-два такихъ мгновенія, и весь баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, гаркнулъ:

— Прощаемъ, ваше в—діе!

— Спасибо, дѣти мои, спасибо! Я не забуду этого дня до конца своей жизни!—промолвилъ сквозь слезы командиръ, усаживаясь на лошадь...

Черезъ четверть часа послѣ этого случая предъ баталіономъ стоялъ уже экипажъ Паскевича, окруженный свитой. Начался смотръ, сопровождаемый уже описанными мною выше пріемами. Когда по окончаніи смотра князь, собравъ вокругъ себя «депутатовъ», спросилъ ихъ по обыкновенію: а что, дѣти, не имѣете ли вы какихъ либо жалобъ на своихъ начальниковъ?—то кантонисты бунтовавшагося баталіона первые воскликнули:—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!..». Такимъ образомъ неумолимо-жестокій командиръ и на этотъ разъ выскочилъ изъ бѣды, отдѣлавшись лишь незначительнымъ испугомъ. Что же вы думаете,—облегчили кантонисты этимъ великодушнымъ поступкомъ свое тяжелое положеніе? Какъ бы не такъ! Не прошло и мѣсяца, какъ стоявшій предъ баталіономъ безъ шапки полковникъ превратился въ прежняго звѣря, при чемъ до конца дней своихъ продолжалъ съ неутомимостью, достойной лучшей участи, отыскивать зачинщиковъ бывшаго бунта. Однако, всѣ его труды въ этомъ отношеніи были совершенно тщетны: кантонисты, несмотря на разность своихъ возрастовъ и происхожденія, представляли собою какъ бы одно тѣло и одну душу, а потому всякая тайна оставалась погребенной въ сердцахъ этихъ дѣтей, какъ въ могилѣ. На счастье батальона, полковникъ З. скоро умеръ отъ водянки, главною причиной которой было злоупотребленіе спиртными напитками. На его мѣсто былъ назначенъ другой командиръ, представлявшій уже совершенную противоположность умершему извергу.

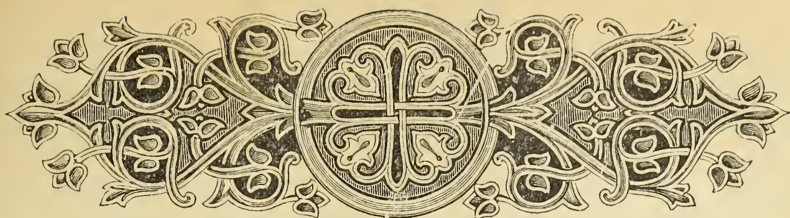
Обыкновенно послѣ фронтоваго ученья князь Паскевичъ осматривалъ казармы и разное имущество кантонистовъ, а затѣмъ отправлялся къ нашему дивизіонному генералу обѣдать и отдыхать. Часовъ около 5 — 6 по полудни князь приказывалъ вести всѣхъ кантонистовъ къ пруду, гдѣ должно было происходить испытаніе въ плаваньѣ и другихъ «водяныхъ» упражненіяхъ. Все это продѣлывалось нами на глазахъ присутствовавшаго тутъ же князя, который вызывалъ въ концѣ концовъ впередъ перворазрядныхъ пловцовъ и на ихъ глазахъ бросалъ въ воду нѣсколько серебряныхъ рублевиковъ; эти монеты предназначались затѣмъ въ награду тому изъ кантонистовъ, кто сумѣлъ достать ихъ со дна пруда. Замѣчу здѣсь, кстати, что подобнаго рода фокусъ надо было продѣлать, находясь въ полной аммуниціи. И, вы не повѣрите, не прой-

детъ болѣе 5—10 минутъ, какъ всѣ монеты очутятся уже въ рукахъ ловкихъ водолазовъ. Особенно отличавшіеся въ этомъ дѣлѣ пловцы получали еще изъ рукъ Паскевича по цѣлому полуимперіалу. Отъ пруда мы возвращались домой уже вольнымъ шагомъ, распѣвая свои залихватскія пѣсни. Вотъ такимъ-то манеромъ оканчивались всѣ наши инспекторскіе смотры къ обоюдному удовольствію начальства и кантонистовъ.

Д. Өедоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ 1848 и 1849 ГОДАХЪ[1].

I.

ЕСЕЛО встрѣтили въ Петербургѣ масленицу 1848 года; начался рядъ ежедневныхъ баловъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе всего столичнаго общества. Всѣ эти увеселенія должны были завершиться 22-го февраля въ воскресенье — folle journée у наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ Петербургѣ никто не предвидѣлъ въ то время приближенія той страшной политической грозы, которая готова была разразиться надъ Европою; о подобномъ бѣдствіи также мало думали, какъ и о возможности вторичнаго появленія холеры въ нашей столицѣ,—несчастія, также выпавшаго на долю злосчастнаго 1848 года. Всѣ эти печальныя событія надолго повергли умы въ самое тревожное состояніе.

21-го февраля, въ субботу, государь получилъ изъ Варшавы телеграфическую депешу, сообщавшую, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства, въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствующей герцогини Орлеанской.

Это извѣстіе быстро разнеслось по городу, но никто не предугадывалъ, что за отреченіемъ короля немедленно послѣдуетъ полное крушеніе Іюльской монархіи и провозглашеніе республики. Ве-

---

[1]) Изъ приготовляемаго къ печати сочиненія: «Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе», въ четырехъ томахъ, которое въ непродолжительномъ времени будетъ издано А. С. Суворинымъ.

ликій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ всѣмъ: «Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète»,— его высочество ошибся лишь двумя мѣсяцами въ своей оцѣнкѣ парижскихъ событій.

22-го февраля, состоялся назначенный балъ у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ двумъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ девять часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные.

Гриммъ въ своей біографіи императрицы Александры Ѳеодоровны представилъ намъ слѣдующую картину этого достопамятнаго дня.

«Залы были наполнены какъ блескомъ огней, такъ и блескомъ туалетовъ; взглядъ на беззаботную танцующую массу людей могъ породить увѣренность, что находишься въ вѣчномъ царствѣ мира и счастія. Но вдругъ раскрываются двери шумной залы; взоры всѣхъ устремляются туда, и черезъ дверь выходитъ на середину залы императоръ, съ сумрачнымъ видомъ, съ бумагой въ рукѣ, подаетъ знакъ, музыка обрывается на полутактѣ, и танцующее общество по его мановенію замираетъ въ безмолвной неподвижности. Послѣ нѣсколькихъ секундъ боязливаго ожиданія услышали, какъ государь громовымъ голосомъ возвѣстилъ на всю залу: «Sellez vos chevaux, messieurs: la république est proclamée en France!» Затѣмъ онъ покинулъ залу, и балъ прекратился».

Такъ пишетъ Гриммъ.

Въ дѣйствительности же обстановка, при которой парижскія вѣсти нарушили общее веселіе собраннаго во дворцѣ общества, была нѣсколько иная.

Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ происходили танцы, быстро вошелъ императоръ Николай Павловичъ съ какими-то бумагами въ рукѣ и сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ о переворотѣ во Франціи и о бѣгствѣ короля изъ Парижа — слова, оставшіяся непонятными для большинства присутствовавшаго здѣсь общества. Затѣмъ государь направился въ кабинетъ наслѣдника цесаревича; за нимъ послѣдовала сперва царская фамилія, а за нею, понемногу, устремились туда же и прочіе приглашенные. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ поручилъ принцу Александру Гессенскому (брату цесаревны) прочесть также громко чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, приложенное къ этой депешѣ. Въ депешѣ было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій оттуда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя, находящійся въ этомъ городѣ, прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ спѣшилъ представить государю съ особою эстафетою: во Франціи была провозглашена республика.

Вечеромъ, того же 22-го февраля, къ цесаревичу должны были собраться остальные приглашенные. Государь вышелъ позднѣе обыкновеннаго и, увидя стоявшихъ вмѣстѣ князя Александра Сергѣевича Меншикова, нашего посланника въ Вѣнѣ графа Медема и статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Qu'en dites vous? Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbecile, quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pourtant mes prévisions viennent de s'accomplir: и подѣломъ ему, прекрасно, безподобно! il sort par la même porte par laquelle il est entré». Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ же духѣ и повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови».

Въ дальнѣйшихъ затѣмъ разговорахъ государь высказывалъ мнѣніе, что было бы любопытно знать, что скажетъ обо всемъ случившемся Англія, и какъ желательно было бы, чтобы французы, въ минутномъ неистовствѣ своемъ, тотчасъ устремились на Рейнъ, «тогда, прибавилъ онъ, нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то комунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что нибудь подобное и у себя».

Наслѣдникъ цесаревичъ съ своей стороны замѣтилъ, что если вообще нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «le principe», и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галерей и проч.

Очевидецъ отмѣтилъ съ своихъ замѣткахъ и такое мнѣніе: одинъ изъ присутствовавшихъ восхвалялъ допетровскую Русь, когда мы были отдѣлены отъ Европы, и благодаря одушевлявшимъ въ то время русское населеніе чувствамъ, событія, подобныя случившимся теперь во Франціи, прошли бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ образомъ.

Императоръ Николай оставался на балѣ очень недолго и вскорѣ удалился во внутренніе покои, сопровождаемый графомъ Нессельроде. Среди разнородныхъ чувствъ и мыслей, овладѣвшихъ собравшимся обществомъ, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, даже молодежь участвовала въ нихъ какъ бы нехотя, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы кружки, среди которыхъ толковали о случившемся до пресыщенія. Наконецъ, наступило время разъѣзда. Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе,

не понимавшіе духа времени и не слѣдившіе за проявленіемъ различныхъ зловѣщихъ движеній, ознаменовавшихъ въ послѣднее время жизнь европейскихъ народовъ, «витали какъ слѣпые или какъ бы въ другомъ мірѣ», пишетъ очевидецъ. Не можетъ быть, восклицали эти господа, статочное ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были такъ увѣрены, что живемъ среди самой прозаической эпохи и вдругъ, неожиданнымъ образомъ попадаемъ въ полный разгаръ революціи 1789 года!

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе государственнаго совѣта, но и оно, подобно вчерашнему балу у цесаревича, утратило свой обычный характеръ. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа угрожалъ обратиться почти въ громкій разговоръ. Обычное затишье въ столичной жизни, неразлучное съ наступленіемъ великаго поста, на этотъ разъ вполнѣ отсутствовало. Общественное вниманіе до такой степени сосредоточилось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки начавшейся грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ. Весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе недоумѣвали и тревожились, когда оказывалось, что самыя газеты, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ, приносили одни противорѣчія, недомолвки или извѣстія мало достовѣрныя.

23-го февраля, государь пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье (Mercier de Lostende), котораго очень жаловалъ; принимая его, уже какъ частнаго человѣка, Николай Павловичъ, не стѣсняясь, высказалъ ему со всею откровенностію истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, заключавшіяся въ томъ, что іюльская монархія рушилась, какъ и возникла, путемъ революціи.

Въ тотъ же день, когда Мерсье имѣлъ аудіенцію у императора, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову. Онъ передалъ имъ, именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи съ ихъ стороны совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется право выѣхать изъ Россіи.

Февральская революція, взволновавшая собою не только всѣ высшіе слои русскаго общества, вызвала также толки среди народа и солдатъ, которые по-своему старались объяснять смыслъ совершившихся за границею событій. Приведемъ здѣсь для примѣра одно забавное истолкованіе слова республика и смысла парижскаго переворота, придуманное нашими солдатами въ эту смутную пору.

Государь нашъ, говорили они, далъ французскому королю де-

негъ въ займы. Наступилъ срокъ уплаты, король не платитъ. Нечего дѣлать, государь пишетъ, пишетъ, а все толку нѣтъ; вотъ напослѣдокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что дескать вашъ король занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ; заставьте же его. И народъ разсудилъ, что государь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣжалъ съ деньгами. Вотъ народъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; потолковали промежъ себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали распублику.

Явилась также остроумная каррикатура. Представлены три бутылки, одна съ шампанскимъ, пробка вылетѣла и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, короля, принцевъ, министровъ и пр. Это—Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короля, гросгерцоги, герцоги и т. п. Это—Германія. Наконецъ третья бутылка—съ русскимъ пѣнникомъ; пробка обтянута крѣпкой бичевкой и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это—Россія.

II.

Начавшееся въ февралѣ революціонное движеніе въ Европѣ не ограничилось одною Франціей. Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, не замедлили оправдаться: нѣмцы дѣйствительно затѣяли нѣчто подобное и у себя. Вскорѣ послѣдовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и наконецъ даже въ Вѣнѣ, въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжествовавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха.

Переворотъ, совершившійся съ такою легкостью въ Парижѣ, не замедлилъ отразиться на настроеніи императора Николая Павловича, придавъ ему на первыхъ порахъ воинственный оттѣнокъ.

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ сохранилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ князя Петра Михайловича Волконскаго о первомъ докладѣ его у государя, 23-го февраля, на другой день послѣ описаннаго нами бала у наслѣдника цесаревича.

«Министръ возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися щеками,—пишетъ Панаевъ.—Это было всегда для меня знакомъ, что онъ имѣлъ съ государемъ какое нибудь преніе.

— «Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?

— «Да.

— «Отъ чего?

— «Поспорилъ съ государемъ.

— «О чемъ?

— «Хочетъ воевать.

«Хотя сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ: «съ кѣмъ?»

— «Съ французами.

— «За что?

— «За то, что прогнали Филиппа.

— «Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

— «Ну, вотъ, подите. Говоритъ, что черезъ два мѣсяца поставитъ на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300.000, а есть ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать?—«Деньги?—возразилъ государь, — да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги».—«Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте-ка попросить теперь — не дадутъ гроша».—«Ну,—продолжалъ князь,—кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія».

Князь Волконскій былъ правъ, сдѣлавъ это заключеніе. Такъ и случилось. Благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали верхъ въ умѣ государя надъ этими порывами личнаго мужества, направленными къ безкорыстному поддержанію законнаго порядка въ Европѣ. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили внѣшній миръ. Руководствуясь этими соображеніями, императоръ Николай Павловичъ предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію къ нашимъ западнымъ границамъ. Въ этомъ смыслѣ посланы были инструкціи нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границею.

Не всѣ однако приближенныя къ императору Николаю Павловичу лица рѣшились бы, подобно князю Волконскому, высказать государю въ минуты его воинственнаго одушевленія столько правды и въ столь рѣзкой формѣ; едва ли старый ветеранъ Александровскаго царствованія нашелъ бы много подражателей. Для подтвержденія этой истины достаточно указать на образъ дѣйствій князя Варшавскаго, находившагося во время этихъ происшествій въ Петербургѣ. На взглядахъ, высказываемыхъ фельдмаршаломъ, ясно отражалось то же воинственное увлеченіе, черезъ которое прошелъ и государь. «Къ веснѣ,—говорилъ знаменитый «отецъ командиръ»,—мы можемъ выставить 370.000 войска и съ нимъ пойдемъ и раздавимъ всю Европу».

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію деньги?—возразилъ ему графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей?—спросилъ графъ Киселевъ.

— Кому? А на что-жъ Паскевичъ? — отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ.—Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы; кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Но по прошествіи нѣсколькихъ дней Паскевичъ совершенно перемѣнилъ тонъ; онъ уже началъ говорить о безполезности внѣшнихъ съ нашей стороны дѣйствій и о большей необходимости охранять внутреннее спокойствіе. Однимъ словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го февраля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на другой ладъ и являлся сторонникомъ мира.

III.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая Павловича было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностью къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему или его семьѣ лицъ почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, смотрѣть, какъ рушились вокругъ него престолы, и попирались среди революціоннаго вихря, охватившаго всю Европу, священныя преданія прежнихъ политическихъ вѣрованій. Каждая телеграфическая депеша сообщала, каждый курьеръ привозилъ извѣстія о новыхъ требованіяхъ народовъ и о новыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ правительствами, потерявшими окончательно голову. Революція повсемѣстно торжествовала, а потому можно было быть увѣреннымъ, что молчаніе Россіи не будетъ продолжительнымъ.

9-го марта, во время прогулки по Большой Морской, государь встрѣтилъ статсъ-секретаря барона Корфа. «Ну, что», сказалъ ему императоръ, «хороши вѣнскія штуки! Я сбираюсь позвать тебя къ себѣ и поручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ показать, какъ всѣ эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie, чтобъ было порѣзче. Подожду еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ позову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда».

Дѣйствительно, государь призвалъ къ себѣ барона Корфа черезъ нѣсколько дней, 13-го марта, въ субботу, къ 12-ти часамъ, по полученіи извѣстія о революціи въ Берлинѣ. Баронъ Корфъ явился въ назначенное время и взялъ съ собою составленный имъ послѣ разговора съ государемъ проектъ манифеста. Передъ кабинетомъ импе-

ратора Корфъ встрѣтилъ выходившаго оттуда графа Нессельроде.— «L'empereur veut vous charger d'écrire un manifeste approprié aux circonstances», сказалъ графъ. Въ отвѣтъ на эти слова Корфъ разсказалъ канцлеру о встрѣчѣ съ государемъ и о заготовленномъ проектѣ. Нессельроде сообщилъ тогда, что государь уже написалъ свой проектъ манифеста, котораго онъ, канцлеръ, еще не читалъ; но прибавилъ, что просилъ государя приказать сообщить ему окончательную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда Корфъ предложилъ графу Нессельроде выслушать привезенный проектъ манифеста, канцлеръ не только вполнѣ его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что, съ своей стороны, не видитъ надобности перемѣнить въ немъ ни одного слова.

Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельроде уже уѣхалъ, изъ кабинета государя вышелъ графъ А. Ф. Орловъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи, утирая рукою слезы: «Ахъ, Боже мой», сказалъ онъ, обратясь къ барону Корфу, «что за человѣкъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи по манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ, и что лучше, конечно, никто не напишетъ.—Et effectivement, vous pourriez y mettre un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de coeur. C'est jsute ce qu'il faut à notre nation. Impossible de faire mieux».

Едва Орловъ успѣлъ это сказать, какъ его собесѣдника позвали къ государю.

Императоръ Николай Павловичъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола.—«Qu'est ce que vous avez là?»—спросилъ государь.

«У меня былъ въ рукахъ мой проектъ», пишетъ баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ.

— «Sire, comme vous avez daigné m'énoncer vos idées au sujet du manifeste, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas».

— «Ну, хорошо, nous verrons cela après, а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которыя ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ».

«И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выражавшіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго, отъ словъ Орлова, я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ; но онъ не допустилъ и обнялъ меня.—«Какое счастіе, какое благословеніе неба», вскричалъ я, «что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ съ вашею энергіею, съ вашею душею, съ вашею любовію къ намъ».

«Содержаніе отвѣта состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ

мы всѣ одинаково, а, бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ тѣла. Но моего проекта государь уже не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ».

— «Теперь,—сказалъ онъ,—поѣзжай домой и уложи все это хорошенько на бумагу.

— «И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?

— «Нѣтъ, принеси опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

«Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наслѣдника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и, прослезившись, сказалъ: «Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ палъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоцѣнное воспоминаніе на цѣлую жизнь».

«Дома, въ тиши кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторыя изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной моей восторженности, превосходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза, съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ.

«Поутру государь принялъ меня въ офиціальномъ своемъ кабинетѣ, на верху, а въ это время—въ домашнемъ, внизу.

— «Какъ ты уже готовъ?—спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

— «Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

— «Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство; ooyons».

«И я въ слѣдъ затѣмъ прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ завѣтныхъ его мыслей и чувствъ.

— «Очень хорошо,—сказалъ онъ,—передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

— «Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

— «Что такое? Говори.

— «Не позволите ли включить въ манифестъ хотя два слова о

дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностію, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

— «Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?

«Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

— «Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь пусть будетъ такъ, какъ есть. Я попрошу только тебя съѣздить къ Нессельроду и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершено въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать объ нихъ, если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, перепиши лучше самъ своею рукою, а теперь покуда, прощай, и большое спасибо».

Изъ дворца баронъ Корфъ, согласно приказанію государя, отправился къ канцлеру. Графъ Нессельроде, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, о которыхъ упоминаетъ редакторъ манифеста въ своемъ разсказѣ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по предположенію графа Нессельроде, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то канцлеръ отказался отъ всякихъ возраженій и предпочелъ оставить все, какъ было написано.

Манифестъ, переписанный рукою барона Корфа, былъ подписанъ въ тотъ же день, въ субботу, 13-го числа; но государь выставилъ на немъ 14-е марта. Въ ночь успѣли его напечатать, а въ воскресенье манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ, а вслѣдъ за нимъ, по распоряженію государя, пропѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Въ воскресенье, рано утромъ, у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которою онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожавшимъ и прерывавшимся голосомъ. Окончивъ чтеніе манифеста, онъ первый возгласилъ «ура». Тутъ раздался общій нескончаемый крикъ; всѣ бросились цѣловать ему руки, и, по свидѣтельству современника, «сцена достигла высшей степени умиленія». Между тѣмъ находившіяся тутъ же малень-

кія дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

Грозный манифестъ императора Николая Павловича 1848 года возвѣщалъ слѣдующее:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира, западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и сюзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россіи.

«Но да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподанный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся: яко съ нами Богъ»!

Появленіе манифеста 14-го марта навело В. И. Панаева на слѣдующія размышленія:

«Этотъ грозный манифестъ, въ которомъ порядочно досталось всѣмъ революціонерамъ, произвелъ на тогдашнихъ демагоговъ, а ихъ полна была Европа, самое непріятное и враждебное для насъ впечатлѣніе, которое и не замедлили они выразить въ своихъ журналахъ и выказать на дѣлѣ, стараясь возмутить Польшу. Думаю, что государь поступилъ бы осмотрительнѣе, если бы вмѣсто барона Корфа потребовалъ къ себѣ старика князя Волконскаго. Можетъ быть, тогда манифестъ этотъ остался бы не изданнымъ, и мы имѣли бы менѣе враговъ за границею. Но Николай Павловичъ зналъ, что встрѣтитъ въ князѣ противорѣчіе, и потому, къ сожалѣнію, не позвалъ его».

Благодаря полному отсутствію въ Россіи въ 1848 году политической прессы, нельзя встрѣтить въ изданіяхъ того времени какой либо оцѣнки правительственнаго акта 14-го марта; единственное исключеніе составлялъ «Journal de S-t Péterbourg», издававшійся

при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Нессельроде призналъ необходимымъ помѣстить въ своемъ органѣ объясненіе истиннаго смысла и значенія обнародованнаго манифеста.

Приведемъ здѣсь содержаніе статьи, напечатанной тогда въ «Journal de St.-Pétersbourg»:

«Мы надняхъ сообщили высочайшій манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣрноподданный царя, конечно, понялъ значеніе сего манифеста. Это возгласъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный языкъ, которымъ русскіе цари во дни испытанія обыкновенно взываютъ къ своему народу. Но за границею дѣйствія нашего правительства часто перетолковываются совершенно въ превратномъ смыслѣ, а потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго манифеста.

«Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгріи, въ Пруссіи и въ Германіи, вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ и даже въ полу-офиціальныхъ газетахъ. Правительствамъ, которыя были низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіей тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою изъ-за чуждыхъ намъ распрей. Россію старались представлять какимъ-то страшилищемъ. Тогда какъ мы никому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

«Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъявленіямъ; ибо мы не помнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ Россія когда либо нарушала права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

«Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ, въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе, тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

«Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ

Германіи, ни во Франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобы спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

«Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе себѣ свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не приметъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

«Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ царей.

«Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя, формы правленія имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобы поколебали благонадежныя и прочныя ея установленія, столь для нея драгоцѣнныя. Она не потерпитъ, чтобъ чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа; чтобы подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей покусились отторгнуть какую либо изъ частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство имперіи.

«Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно или нѣтъ ея выгодамъ вмѣшиваться, и до какой имени степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народомъ.

«Но она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея ручательствомъ, и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и иного какого либо распредѣленія областей, подобное измѣненіе обратилось бы въ ущербъ имперіи.

«Дотолѣ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ: Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ на-

падать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательства на независимость и неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость».

Въ заключеніе остается сказать, что, несмотря на всѣ коментаріи графа Нессельроде, въ Западной Европѣ продолжали смотрѣть на манифестъ 1848 года, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, другіе полагали, что предстоитъ готовиться уже и внутри Россіи къ смутамъ и безпорядкамъ; многіе же признавали изданіе манифеста преждевременнымъ. Между тѣмъ, вникая ближе въ свойства характера императора Николая Павловича, слѣдуетъ признать, что избранная имъ форма проявленія своей державной воли была вполнѣ естественною и не могла быть иною. Одушевлявшее государя чувство возстановить мощною рукою нарушенный въ Европѣ законный порядокъ настолько соотвѣтствовало самымъ завѣтнымъ его мыслямъ, что никакія убѣжденія, никакіе доводы, внушаемые благоразумною осторожностію, не могли бы отклонить его отъ принятаго рѣшенія; поле для дѣйствія въ желаемомъ государемъ смыслѣ пока еще не открывалось, а потому тѣмъ болѣе неудержимо влекло его высказаться, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе, о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и, конечно, сдѣлать это со свойственнымъ ему рыцарскимъ прямодушіемъ.

19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

IV.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и—по выраженію одного писателя,—«все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранье предположено не разыскивать», но, тѣмъ не менѣе, политическое броженіе на западѣ Европы всетаки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ, при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

Уже во время описаннаго выше бала въ Зимнемъ дворцѣ, 22-го февраля, князь А. С. Меншиковъ нашелъ возможнымъ сказать цесаревичу, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отзывается и въ преподаваніи наукъ и въ направленіи жур-

наловъ. «Да, очень дурны журналы»,— отвѣчалъ ему цесаревичъ,— «и ежели что въ нихъ такое встрѣтится, то покажите мнѣ» [1]).

Подобная же мысль пришла въ голову и статсъ-секретарю, барону М. А. Корфу. Но онъ не ограничился разговоромъ, а прибѣгъ и къ перу. По его мнѣнію, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба журнала, пользуясь, какъ пишетъ баронъ Корфъ, «малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и, по проповѣдуемымъ ими подъ разными иносказательствами, но очень прозрачными для посвященныхъ формами, коммунистическимъ идеямъ, могли сдѣлаться не безопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы его оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностію есть священный долгъ каждаго изъ насъ, въ такое опасное время болѣе чѣмъ когда либо, что я буду тутъ дѣйствовать, не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочество, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени».

Баронъ Корфъ исполнилъ данный ему совѣтъ и отослалъ записку цесаревичу 23-го февраля вечеромъ, на другой день по полученіи извѣстія о провозглашеніи во Франціи республики.

23-го февраля, баронъ Корфъ былъ приглашенъ обѣдать къ наслѣднику, который объявилъ своему гостю, что государь учредилъ подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особый комитетъ, состоящій изъ графа Александра Григорьевича Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), Дмитрія Петровича Бутурлина и барона Корфа. «Ваша записка пришла какъ нельзя болѣе кстати»,—прибавилъ цесаревичъ.—«Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя, для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту».

27-го февраля, члены вновь созданнаго комитета получили отъ

---

[1]) Изъ дневника князя А. С. Меншикова 1848 года.

шефа жандармовъ, графа Орлова, слѣдующее официальное извѣстіе:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество, по докладѣ моемъ по сему предмету, собственноручно написать изволилъ:

«Необходимо составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы? Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря Корфа, генералъ-адъютанта графа Строганова 2 и статсъ-секретаря Дегая [1]). Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія комитета начать немедля».

Князь Меншиковъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Получилъ отъ графа Орлова сообщеніе высочайшаго повелѣнія, чтобы мнѣ быть предсѣдателемъ комитета о проступкахъ цензуры въ пропускѣ недозволенныхъ статей въ журналахъ, т. е. родъ слѣдствія надъ министромъ просвѣщенія графомъ Уваровымъ; порученіе весьма непріятное».

4-го марта, состоялось у князя Меншикова первое засѣданіе комитета, а 7-го марта государь призвалъ его «для отмѣны послѣдовавшаго сего же дня приказанія призвать редакторовъ журналовъ въ Третье Отдѣленіе для внушенія имъ не либеральничать въ газетахъ. Порученіе это,—пишетъ князь Меншиковъ,—возложено на мой цензурный комитетъ. Причиною тому графъ Орловъ, который не хотѣлъ принять на свою часть этого порученія и съ такимъ сердцемъ, что государь ему уступилъ. По этому случаю я имѣлъ съ Орловымъ размолвку. При семъ государь приказалъ мнѣ объявить Уварову, чтобы съ завтрашняго дня всѣ статьи журнальныя были подписаны редакторами. По этому случаю я былъ у Уварова, который убѣдился, что я не инквизиторъ».

11-го марта, на засѣданіе цензурнаго комитета, собраннаго въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, призваны были редакторы журналовъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ, и имъ объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и комунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры».

Учрежденный тогда комитетъ просуществовалъ слишкомъ мѣсяцъ; онъ привелъ къ тому, что у государя родилась мысль учредить подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью,

---

[1]) Въ слѣдъ затѣмъ къ составу комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ.

вмѣсто прежняго временнаго комитета, учрежденъ былъ 2-го (14-го) апрѣля 1848 года постоянный, изъ члена государственнаго совѣта Д. Н. Бутурлина и статсъ-секретарей барона Корфа и Дегая, съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ былъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ къ себѣ трехъ членовъ вновь образованнаго комитета, императоръ Николай объявилъ, что поручаетъ имъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію. «Я, то-есть, какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы»,—сказалъ государь, то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными».

Комитетъ этотъ, какъ его называетъ баронъ Корфъ, родъ нароста въ нашей администраціи, существовалъ до 1856 года, подъ названіемъ Комитета 2-го апрѣля; личный составъ комитета только видоизмѣнялся, и въ заключеніе косвенный творецъ его, баронъ Корфъ, сдѣлался предсѣдателемъ комитета до упраздненія имъ же вызваннаго къ жизни нароста въ нашей администраціи. Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 году, предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ, за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства [1]). Спрашивается, какимъ образомъ могла существовать, при такихъ условіяхъ, какая бы то ни было, даже самая скромная печать? Кончилось тѣмъ, какъ ниже будетъ разсказано, что даже государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія.

---

[1]) Разсуждая впослѣдствіи уже въ царствованіе императора Александра II-го объ этомъ комитетѣ въ своихъ запискахъ, баронъ Корфъ нашелъ возможнымъ разомъ похвалить учрежденіе комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ его упраздненіе. Этотъ бюрократическій фокусъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь дословно:

«Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее довѣріе государя и если, въ началѣ своего существованія, комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію (?), принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого внѣшниго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализировало дѣйствіе и власть самаго министерства, вредя косвенно всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удостоены высочайшаго вниманія (въ 1856 году) и въ слѣдствіе того комитетъ 2-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу моему, закрытъ».

Князь Меншиковъ разсказываетъ, что по учрежденіи комитета 2-го апрѣля Д. П. Бутурлинъ былъ въ большихъ попыхахъ и признавался ему, что онъ находится въ затруднительномъ положеніи, ибо не можетъ себѣ дать отчета, въ чемъ состоять должны обязанности комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ. Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ негласнымъ доносомъ; ударъ направленъ былъ противъ графа Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія и вмѣсто того назначенъ былъ «въ цензурно-фискальный комитетъ, то-есть уже не скрытнымъ, а явнымъ доносчикомъ».

Положеніе дѣлъ того времени и духъ его выясняются позднѣйшимъ разговоромъ императора Николая съ барономъ Корфомъ, случившимся на платформѣ Царскосельской желѣзной дороги.

Государь заговорилъ о цензурномъ комитетѣ и замѣтилъ, что послѣднее замѣчаніе о какомъ-то анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» неважно, но прибавилъ: «однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло».

— Государь, — отвѣчалъ Корфъ,—мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить даже что нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—прошу и впредь также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками», послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну; совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго арго. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ видимо приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь,—заключилъ государь,—и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

Продолжая затѣмъ рѣчь о томъ же предметѣ, государь сказалъ еще барону Корфу:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ что могъ и даже болѣе чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ критиковать его дѣйствія, унижать, его славу, унижая черезъ то славу самой Россіи!

Графиня Блудова, вспоминая въ своихъ запискахъ о дѣятельности Бутурлина въ 1848 году, признаетъ Дмитрія Петровича, котораго когда-то въ шутку называли «Boutourline-Jomini», остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, но замѣчаетъ, что батюшка ея и предсѣдатель негласнаго комитета совершенно разошлись въ

мнѣніи на счетъ цензуры. Она пишетъ, что Бутурлинъ, по врожденной рѣзкости и деспотизму характера, доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? «Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

— «Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть [1]) опасныя выраженія»,—отвѣчалъ Бутурлинъ.

— «Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей»,—сказалъ мой отецъ.

— «Такъ что жъ?—возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ,—еслибъ Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее».

Траги-комическій эпизодъ произошелъ съ комитетомъ въ 1851 году. Бутурлинъ уже умеръ, и въ комитетѣ предсѣдательствовалъ баронъ Корфъ. Знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ давала представленія въ Москвѣ и привела зрителей въ неописуемый восторгъ, который превзошелъ даже предѣлы приличія. Кончилось тѣмъ, что москвичи изъ-подъ ея экипажа выпрягли лошадей и возили ее на себѣ, при чемъ должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Въ Петербургѣ стало извѣстно, что всѣ эти неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что впрочемъ выраженію ихъ не препятствовали офиціально.

Вдругъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта 1851 года, № 64) появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые представились барону Корфу почти столько же неумѣстными, какъ и восторженность москвичей.

Приведемъ здѣсь содержаніе стиховъ въ статьѣ, озаглавленной: «Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года.

«Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ съ букетами, вѣнками и разными драгоцѣнными коврами неистово стремятся къ театральной площади.

---

[1]) Графиня Блудова приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ акаѳиста, которыя Бутурлинъ признавалъ опасными:

«Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ . . . .
«Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр. и пр.

«ПРОХОЖІЙ ГОВОРИТЪ:

«Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи матушки святой?
Куда несутъ дары златые
Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгіе
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ царь державный,
Нашъ европейскій богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный царь-отецъ?

«СТАРИКЪ.

«Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно
(Старикъ невольно отвѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей, обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ царь! А лишь приманкой
Въ кіатеръ сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

«ПРОХОЖІЙ.

«Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ—матушкѣ Руси!
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать, нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету,
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества».

Въ Петербургѣ заговорили, что эти стихи напечатаны были по высочайшему повелѣнію; но какъ высшему цензурному комитету ничего не было о томъ сказано, то предсѣдатель призналъ противнымъ долгу службы удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи напечатанныхъ стиховъ.

Руководствуясь указанными соображеніями, въ комитетѣ состоялся слѣдующій журналъ:

«Комитетъ по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статься, и справедливое, но весьма однако же рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія по

случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на высочайшее воззрѣніе».

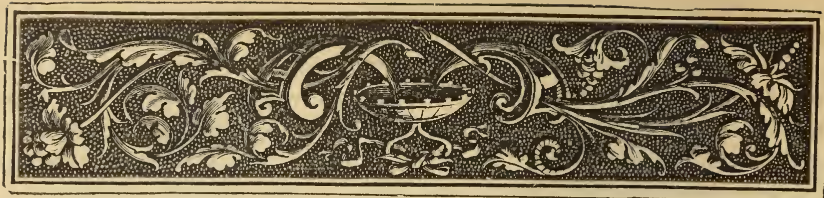
Излишнее усердіе не всегда бываетъ полезнымъ; эта истина получила новое подтвержденіе и въ разсматриваемомъ случаѣ. Слухи о томъ, что стихи были напечатаны по высочайшему повелѣнію, оказались справедливыми. Къ ужасу членовъ комитета и его чрезъ мѣру усерднаго предсѣдателя, представленный журналъ возращенъ былъ государемъ съ слѣдующею собственноручною надписью: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачество части московскихъ тунеядцевъ».

Виновникомъ происшедшаго недоразумѣнія оказался графъ Орловъ; онъ позабылъ своевременно предупредить комитетъ о томъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ» появятся стихи, высочайше одобренные. Государь, попрекнувъ въ этомъ упущеніи графа Орлова, прибавилъ: «За то комитетъ порядкомъ погонялъ меня».

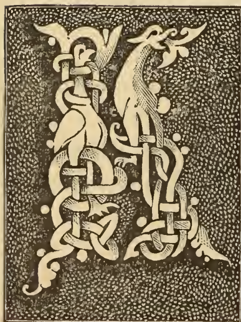
Н. Шильдеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ ПУБЛИЦИСТЪ.

НИГА и вообще всякое печатное и письменное произведеніе въ старообрядчествѣ занимаетъ очень почтенное мѣсто. Даже въ такихъ глухихъ и удаленныхъ отъ центровъ старообрядчества углахъ, какъ сибирская деревня, нерѣдко можно встрѣтить у старообрядцевъ своего рода маленькія домашнія библіотечки, составленныя изъ книгъ и брошюръ по волнующимъ старообрядческій міръ религіозно-обрядовымъ вопросамъ. Я не говорю въ данномъ случаѣ о книгахъ богослужебныхъ и о разнаго рода старопечатныхъ и старописьменныхъ сборникахъ и цвѣтникахъ: высокая цѣнность, придаваемая послѣднимъ старообрядцами, извѣстна всякому, хотя немного знакомому съ жизнью старообрядчества. Не менѣе цѣнятся старообрядцами книги, брошюры и всякаго рода письменныя изданія и болѣе поздняго, современнаго происхожденія. Цѣнность всѣхъ этихъ изданій создается въ глазахъ старообрядцевъ ихъ крайней немногочисленностью въ обращеніи, происходящею отъ того способа, какимъ они фабриковались до послѣдняго времени. Еще не такъ далеко отошло то время, когда всякаго рода письменныя произведенія могли распространяться среди старообрядцевъ только путемъ простого «списыванія». Представивъ себѣ это «списываніе» въ формѣ медленной, утомительной переписки церковнославянскимъ шрифтомъ объемистыхъ книгъ, часто въ нѣсколько сотенъ листовъ (страницъ), мы поймемъ, сколько времени, труда и усидчивости затрачивалъ переписчикъ на эту утомительно-однообразную, тяжелую работу, какую крѣпкую любовь питалъ онъ къ книгѣ, чтобы выполнить этотъ непроизводительный трудъ. И

чѣмъ больше проникаешься сознаніемъ утомительности и ненужности этого труда, тѣмъ трогательнѣе вырисовывается предъ глазами типъ этого «книжнаго списателя», жадно рвущагося въ продолженіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ къ познанію «правой вѣры» и «просвѣщенію» ею себя и другихъ, очень часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Да, дорогою цѣною обходилось старообрядцамъ это ихъ «просвѣщеніе», и потому они такъ дорожатъ орудіемъ и проводниками его—всякаго рода письменными и печатными произведеніями.

За послѣднее время способъ фабрикаціи книгъ посредствомъ «списыванія» началъ постепенно уступать мѣсто другому, требующему сравнительно много менѣе труда и усидчивости за механическою стороною воспроизведенія оригинала. Въ данномъ случаѣ культура успѣла оказать свое вліяніе и на старообрядчество, несмотря на всю враждебность его къ ней. Мѣсто прежнихъ традиціонныхъ, неразлучныхъ между собою аттрибутовъ старообрядческаго книжнаго «списателя»—гусинаго пера, киновари и чернильнаго орѣха—заняли теперь гектографическая масса и химическія чернила. Старообрядцы скоро оцѣнили выгоду гектографа, и въ послѣднее время почти всѣ произведенія ихъ авторовъ печатаются при помощи этого множительнаго аппарата, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центровъ старообрядчества. Этотъ способъ воспроизведенія на гектографѣ у нихъ извѣстенъ подъ именемъ «копировочной печати», такъ какъ усвоенный прежними «списателями» церковно-славянскій шрифтъ сохраненъ ими и здѣсь.

Со времени ознакомленія старообрядцевъ съ гектографическимъ способомъ печатанія, сочиненія старообрядческихъ авторовъ пріобрѣли несравненно большее распространеніе въ массѣ старообрядчества, и вообще за послѣднее время литературная дѣятельность передовыхъ людей въ старообрядчествѣ замѣтно оживилась. Особенно много литературныхъ дѣятелей выдвинуло изъ своей среды наиболѣе многочисленное развѣтвленіе старообрядчества, такъ называемое австрійское согласіе или согласіе послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Я не говорю въ данномъ случаѣ о заграничныхъ дѣятеляхъ этого согласія, труды которыхъ на литературномъ поприщѣ одно время простирались даже до изданія своихъ собственныхъ газетъ («Старообрядецъ» и «Слово Правды»). Это литературное движеніе чрезъ русскіе центры старообрядчества коснулось и далекой Сибири. По примѣру заграницы, Москвы, Дона, и Сибирь выдвинула своихъ старообрядческихъ писателей изъ рядовъ послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи, и здѣсь стали появляться оттиснутыя на гектографѣ брошюры, тетради и цѣлыя книги, написанныя мѣстными авторами.

Собраніе такихъ мѣстныхъ произведеній одного автора представляетъ изъ себя между прочимъ и предлагаемая мною вниманію

читателя гектографированная книга подъ заглавіемъ — «Сочиненія Г. А. Страхова». Издана эта книги на писчей бумагѣ (in quarto) церковно-славянскомъ шрифтомъ и содержитъ въ себѣ 216 листовъ или 423 страницы. Содержаніе ея распадается на 32 отдѣльныхъ статьи или «главы», какъ онѣ называются въ книгѣ. Почти всѣ эти статьи еще ранѣе появились въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и теперь стараніями и иждивеніемъ какого-то ревнителя старообрядчества собраны воедино и выпущены въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Сочиненія г. Страхова касаются не только однихъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ полемическаго и богословскаго характера, но затрогиваютъ и такія темы, которыя носятъ чисто общественный характеръ. Таковы, напримѣръ, статьи его—«Астрономія и ея душевредныя послѣдствія», «Русское цивилизованное общество и высшія учебныя заведенія», «Тайна беззаконія», «Кони антихристовы», «Замѣчаніе на Сибирскій Вѣстникъ» и проч. Общественно-публицистическій характеръ этихъ статей придаетъ книгѣ г. Страхова особенный, исключительный интересъ. Старообрядчество съ его умственными интересами и всей вообще интеллектуальной жизнью представляетъ изъ себя какой-то обособленный, замкнутый въ себѣ циклъ явленій общерусской народной жизни. Вотъ уже болѣе двухъ вѣковъ многомилліонная масса русскихъ людей живетъ своими обычаями, своимъ бытовымъ и даже правовымъ укладомъ, своими понятіями и воззрѣніями на окружающій міръ, своею особой церковно-религіозною жизнью и, наконецъ, подъ эгидою особыхъ, спеціально для нея изданныхъ законовъ, и, какъ ни странно это, мы до послѣдняго времени не можемъ съ полной увѣренностью сказать, чѣмъ и какъ живутъ эти милліоны близкихъ намъ людей. Вспомнимъ, напримѣръ, дѣло тираспольскихъ фанатиковъ, заживо похоронившихъ себя въ приднѣпровскихъ плавняхъ: какъ разнорѣчивы и неувѣреы были голоса свѣдущихъ людей и печати, старавшіеся опредѣлить сущность вѣроученія этихъ сектантовъ. Самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ ознакомиться съ умственными запросами старообрядцевъ и взглядомъ ихъ на окружающій міръ, разумѣется, могутъ служить письменныя и печатныя произведенія самихъ старообрядцевъ. Но произведенія старообрядческихъ авторовъ очень и очень рѣдко выходятъ изъ сферы чисто церковно-обрядовыхъ вопросовъ и темъ, и потому всякое слово, всякій намекъ въ этихъ произведеніяхъ на то, чѣмъ живетъ старообрядецъ внѣ религіозныхъ интересовъ и какъ онъ смотритъ на жизнь окружающихъ его людей и общества, должны представлять въ глазахъ интересующагося народной жизнью въ ея цѣломъ особенную цѣнность. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія цѣлыя статьи, вводящія насъ въ интересующую область явленій народной жизни.

Прежде чѣмъ приступить къ ознакомленію съ сочиненіями г. Страхова не лишне будетъ, въ видахъ лучшаго уясненія обще-

ственныхъ взглядовъ автора, заручиться относительно его нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями. Эти свѣдѣнія онъ даетъ намъ въ своей первой статьѣ «Какъ найти религіозную истину». Изъ нея мы узнаемъ, что нашъ авторъ родился въ Сибири, въ семьѣ, державшейся господствующей греко-русской церкви, но уже на 14 году своей жизни перешелъ въ старообрядчество по безпоповщинскому нѣтовскому толку, откуда вскорѣ перешелъ въ толкъ перекрещенцевъ-странниковъ по согласію безстатейниковъ. Подъ вліяніемъ чего совершился этотъ переходъ въ старообрядчество и затѣмъ изъ одного толка въ другой, — подъ вліяніемъ ли личныхъ убѣжденій или подъ давленіемъ родительской власти,—авторъ этого не сообщаетъ. У странниковъ г. Страховъ былъ всего только три года и, очевидно, не удовлетворившись рѣзкими крайностями вѣроученія этого толка, присоединился къ послѣдователямъ бѣлокроницкой епархіи. Вѣроятно, уже въ это время авторъ выдѣлялся особою ревностью и начитанностью въ старообрядчествѣ, потому что тотчасъ послѣ вступленія въ число послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи онъ былъ признанъ достойнымъ сана священства и посвященъ въ него. Но пытливый, неспокойный умъ г. Страхова и здѣсь не нашелъ себѣ тихой пристани. Десятилѣтній періодъ, проведенный имъ въ австрійскомъ согласіи, не далъ ему разрѣшенія мучившаго его вопроса, гдѣ и у кого обрѣтается «правая» вѣра. Мы видимъ, что по истеченіи этихъ 10 лѣтъ, г. Страховъ снова обратился къ господствующей церкви. И нельзя сказать, чтобы этотъ переходъ совершился для него безъ особенныхъ нравственныхъ мученій и треволненій. Вотъ какъ описываетъ его самъ авторъ. «Спустя это время (т. е. 10 лѣтъ), мнѣ по необходимости житейскихъ обстоятельствъ довелось быть въ россійскихъ предѣлахъ, и на обратномъ пути я былъ въ Нижнемъ, въ д. Д. М. С., гдѣ и привелось ночевать. Свечера до перваго часу ночи я провелъ въ бесѣдѣ съ о. А. Ш., а по окончаніи бесѣды я обратился съ сердечною, слезною мольбою предъ образомъ Божіей Матери, прося ее извѣстить мнѣ, будетъ ли полезенъ мой путь и жизнь въ Томской губерніи. И что же: благопослушная Владычица не презрѣла моей грѣшной мольбы, явила мнѣ будущую жизнь слѣдующимъ образомъ. Въ тонкомъ снѣ мнѣ представилось море, въ которомъ всплескивались волны, какъ бы отъ небольшого вѣтра; и вдругъ явился человѣкъ, похожій на мертвеца, лицо котораго меня сильно удивило, ибо въ немъ не оказывалось признака жизни, и, пройдя мимо меня довольно быстро, бросился въ море и поплылъ, гребясь руками по волнамъ. Тутъ я вдругъ проснулся и почувствовалъ сильное біеніе сердца, которое какъ бы хотѣло выскочить. Долго размышлялъ я, что бы это значило! И, наконецъ, положилъ на то, что это видѣніе означаетъ, навѣрно, мою грѣховную жизнь въ будущемъ. Достигнувъ Томска, я остановился жить на старомъ мѣстѣ,

и что же? Видѣніе сбылось. Вскорѣ я ослабъ низкою грѣховною жизнью, а затѣмъ увлекся въ греко-русскую церковь, убѣдившись логикою миссіонерскихъ полемическихъ книгъ, и вступилъ въ качествѣ помощника къ миссіонеру въ Томскѣ».

Но пребываніе г. Страхова въ общеніи съ господствующей церковью не принесло мира его «мятежному» духу, несмотря на то, что въ качествѣ миссіонера онъ получилъ возможность познакомиться со всѣми противораскольническими полемическими сочиненіями и доводами противъ старообрядчества. Вышло наоборотъ. Ближайшее знакомство съ миссіонерскими сочиненіями не столько убѣдило его въ истинности православія, сколько расшатало въ немъ вѣру въ него и, въ концѣ концовъ, сдѣлало то, что, по истеченіи 9 мѣсяцевъ службы, онъ «съ большою скорбью въ душѣ» оставилъ занимаемую имъ должность миссіонера и, вмѣстѣ съ нею, общеніе съ господствующей церковью. «Я возвратился,—продолжаетъ онъ,—обратно въ свое старое мѣсто, занявшись попрежнему своимъ ремесломъ по деревной части. Но скорбь въ моей душѣ увеличивалась. Ибо умъ мой волновался, какъ пустая ладья въ морѣ, и я не зналъ себѣ твердаго религіознаго пристанища. Вся моя начитанность, пріобрѣтенная мною въ теченіе 18-ти лѣтъ, ничего мнѣ не помогала. Заключивъ себя почти безвыходно въ убогую келью, въ которой я занимался ремесломъ, я обратился съ мольбою къ Богу, прося Его вразумить меня и направить на истину религіознаго убѣжденія и тогда же положилъ намѣреніе исправлять нравственно разстроенную свою жизнь. И что же? Нехотящій смерти грѣшному, Господь Богъ вразумилъ меня пріити къ единственному твердому религіозному убѣжденію»—и вотъ какимъ образомъ.

Разставшись съ господствующей церковію и проведя два года въ въ размышленіи о томъ, гдѣ «правая вѣра на землѣ», г. Страховъ въ концѣ концовъ началъ склоняться къ тому заключенію, что эта правая вѣра болѣе всего присуща австрійскому согласію. Но здѣсь его приводилъ въ смущеніе одинъ кардинальный вопросъ,—вопросъ «о времени небытія епископовъ въ старообрядствующей церкви въ продолженіе 180 лѣтъ» [1]). Но вотъ является къ г. Страхову одинъ его знакомый старообрядецъ и разрѣшаетъ всѣ его сомнѣнія по этому вопросу доводомъ отъ св. писанія, совершенно неожиданнымъ для перваго. Старообрядецъ указалъ ему на то обстоятельство, что упомянутый фактъ небытія епископовъ въ продолженіе 180 лѣтъ былъ предусмотрѣнъ въ цѣпи причинностей и общемъ ходѣ жизни церкви, какъ объ этомъ явственно говоритъ пророкъ Ездра въ

---

[1]) Т. е. отъ Большого московскаго собора въ 1666—1667 гг., на которомъ былъ осужденъ расколъ и положены клятвы на старые обряды, до 1846 г., когда въ старообрядчество перешелъ боснійскій митрополитъ Амвросій и, поселившись въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ Австріи, положилъ начало бѣлокриницкой іерархіи.

III книгѣ своихъ сочиненій. «И жилы источниковъ станутъ и не истекутъ въ часѣхъ трехъ», т. е., пишетъ отъ себя уже г. Страховъ, за лютость гоненія Никоновскихъ послѣдователей древлерусское епископство должно было пріостановиться на извѣстный теперь періодъ времени, на 180 лѣтъ, какъ бы на три часа, ибо если сіи три часа расчислить на минуты, то изъ нихъ выйдетъ 180 минутъ, а потомъ, слѣдовательно, оно паки должно течь своимъ порядкомъ. Это все и произошло въ церкви старообрядствующей со времени вступленія въ старообрядчество греческаго митрополита Амвросія» (л. 5 и слѣд.).

Такое своеобразное и отдающее талмудической кабалистикой толкованіе словъ Ездры, совершенное знакомымъ старообрядцемъ, произвело самое неожиданное воздѣйствіе на скептическій умъ г. Страхова. Найдя въ этомъ текстѣ и толкованіи на него вполнѣ достаточное оправданіе небытія епископовъ въ старообрядчествѣ, онъ окончательно и безповоротно отдался бѣлокриницкому согласію. Душа его, изстрадавшаяся «въ поискахъ за истиной», давно жаждала тихой пристани, и только этой жаждой успокоенія и можно объяснить то, какъ могъ поддаться такому слишкомъ дѣтски-наивному доводу этотъ пытливый умъ, о скептицизмъ котораго разбивалось много — гораздо болѣе внушительныхъ—аргументовъ.

Найдя въ австрійскомъ согласіи точку опоры для своихъ религіозныхъ убѣжденій и полное успокоеніе отъ тревожныхъ «поисковъ за истиной», г. Страховъ всецѣло отдалъ себя литературной дѣятельности. Взглядъ его на эту дѣятельность — взглядъ человѣка, глубоко сознающаго всю важность взятаго на себя дѣла общественнаго служенія. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу: «Вдавшись въ поиски религіозной истины съ самой ранней зари своей жизни, я много прочиталъ религіозныхъ книгъ разнаго содержанія, много излилъ Богу слезъ и воздыханій, и всѣ сіи мои труды привели меня къ убѣжденію въ истинѣ старообрядствующей церкви. Но было бы непростительно грѣшно мнѣ, любезный читатель, положить подъ спудъ молчанія или закопать въ землю нерадѣнія, какъ и въ чемъ убѣдился я въ истинѣ церкви старообрядствующей, а потому я и сочелъ нужнымъ изложить здѣсь объ этомъ» (л. 91). И такой взглядъ на свою литературную дѣятельность г. Страховъ проводитъ во многихъ своихъ статьяхъ и по разнымъ поводамъ. Видно, что онъ глубоко убѣжденъ въ высотѣ принятыхъ имъ на себя обязанностей и смотритъ на нихъ далеко, не какъ на простое ремесло.

Я не буду касаться тѣхъ статей г. Страхова, которыя, нося чисто полемическій характеръ, посвящены всецѣло церковнообрядовымъ вопросамъ, такъ какъ эти статьи представляютъ изъ себя слишкомъ узкій интересъ. Моя задача познакомить читателя съ взглядами старообрядцевъ на жизнь и умственные успѣхи современнаго культурнаго общества постольку, поскольку эти взгляды нашли себѣ

выраженіе въ сочиненіяхъ нашего автора—старообрядца. Въ этомъ именно смыслѣ нѣкоторыя статьи г. Страхова представляютъ изъ себя исключительный интересъ, и съ ними я намѣренъ познакомить читателя возможно подробнѣе и обстоятельнѣе.

Жизнь современнаго культурнаго общества во всѣхъ ея проявленіяхъ вызываетъ въ нашемъ авторѣ одно горькое сожалѣніе и подъ часъ строгое порицаніе и осужденіе съ точки зрѣнія ярагo ревнителя старины. Всѣ болѣе или менѣе характерныя черты и особенности современной общественной и частной жизни, основанной на позднѣйшихъ культурныхъ и научныхъ пріобрѣтеніяхъ и постепенномъ освобожденіи отъ пережитковъ некультурной старины, представляются ему несомнѣнными признаками близкаго пришествія антихриста или, какъ онъ образно выражается, «ржаніемъ коней антихристовыхъ», отъ котораго потряслась вся земля. Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ допетровскихъ временъ, допетровскаго режима, когда русскіе люди, не вкусивъ еще отъ древа познанія добра и зла, выросшаго на латинскомъ западѣ, строго блюли старину, основанную на византійскихъ завѣтахъ и преданіяхъ, не знали никакихъ западныхъ наукъ и ихъ «душевредныхъ послѣдствій», не соблазнялись никакими «душепагубными заведеніями», въ родѣ «театровъ, цирковъ и разнаго рода маскарадовъ», а жили въ полномъ благочестіи, во всемъ неуклонно слѣдуя домостроевскимъ предписаніямъ. Автора поражаетъ строй современнаго «передового общества», основанный на «новой культурѣ», и индифферентное, пренебрежительное отношеніе къ сохранившимся еще завѣтамъ старины со стороны «передовыхъ» русскихъ людей, и онъ въ отчаяніи готовъ уподобить жизнь нашего культурнаго общества «желѣзнодорожному поѣзду, пущенному пьянымъ машинистомъ во всѣ пары».

Сужденія автора о современномъ состояніи «передового русскаго общества» разбросаны по многимъ статьямъ, такъ какъ къ этой темѣ онъ обращается при каждомъ удобномъ случаѣ, и по существу своему представляютъ одно огульное порицаніе всего нестарообрядческаго. Только одни «благочестивые старообрядцы—поповцы», по словамъ его, сохранили у себя чистоту и неиспорченность допетровскихъ временъ и «какъ свѣтила въ темномъ мѣстѣ сіяютъ свѣтомъ древлерусскаго благочестія» (л. 99). Особенную важность въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя статья, носящая заглавіе: «Русское цивилизованное общество». Хотя статья эта составляетъ почти сплошную буквальную передачу рѣчи харьковскаго архіепископа Амвросія, читанной имъ въ собраніи с.-петербургскаго Братства Пресвятой Богородицы 5 февраля 1891 года, тѣмъ не менѣе она въ достаточной степени точно и опредѣленно характеризуетъ взгляды темныхъ, некультурныхъ ревнителей старины на процессъ поступательнаго движенія, совершающійся въ нашей общественной жизни. Процессъ этотъ авторъ прослѣживаетъ съ самаго

начала его—при Петрѣ Великомъ—и до послѣдняго времени. Я ограничусь по возможности краткой передачей этой исторической концепціи нашего автора, приводя въ подлинникѣ наиболѣе характерныя мѣста изъ его статей, вошедшихъ въ «собраніе сочиненій».

По глубокому убѣжденію г. Страхова, всѣ усматриваемыя имъ построенія, все зло, которое прочно укоренилось въ русскомъ обществѣ, ведутъ свое начало отъ зараженнаго разнаго рода «ересями» европейскаго запада. Реформы и нововведенія, хлынувшія при Петрѣ I на Русь широкой волной, заполонили собою все русское, расшатали и повергли дѣдовскіе устои, истребили въ благочестивыхъ до того русскихъ людахъ всякое уваженіе къ преданіямъ и завѣтамъ старины. «Всѣмъ извѣстно, пишетъ авторъ, въ упомянутой выше статьѣ, что со времени Петра I первыми учителями нашего русскаго передового общества въ дѣлѣ просвѣщенія, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ общественной дѣятельности, главнымъ образомъ были протестанты разныхъ національностей». Они-то, эти протестанты, «ревнуя оказать русскимъ услуги въ просвѣщеніи», и произвели тотъ переворотъ въ укладѣ русской жизни, который привелъ въ концѣ концовъ къ современному безотрадному состоянію нашего «цивилизованнаго общества». Въ статьѣ «Замѣчаніе на Сибирскій Вѣстникъ», полемизируя съ этой газетой по поводу одной замѣтки ея, въ которой между прочимъ было сказано, что «старообрядцы до послѣдняго времени сохранили всѣ невыгодныя стороны некультурнаго прошлаго», г. Страховъ, пользуясь сочиненіями А. П. Щапова, такъ характеризуетъ «восхваляемую до небесъ учеными русскими людьми новую культуру», занесенную къ намъ «протестантами». По словамъ историка Щапова, въ царствованіе Петра I на русскую почву послѣдовало пересажденіе иноземнаго элемента: науки и образованія. Но этотъ западный элементъ для русскаго строго религіознаго народа сдѣлался душеубійственною заразою не только во время его первоначальнаго появленія, но и на всю почти жизнь русскихъ людей. Щаповъ это приключеніе описываетъ такъ: «новый преобразовательный духъ запада, съ неудержимою силою внѣдряясь въ жизнь русскаго народа, доходилъ тогда до печальной крайности, до злоупотребленія, искоренялъ иногда такое старое, что, дѣйствительно, тѣсно было связано съ духомъ древняго православія и вводилъ новое, иноземное, въ самомъ дѣлѣ противное древлерусскому благочестію» (Ист. р. р. стар.). Видимо, что приведенныя слова Щапова г. Страховъ расположенъ считать сказанными въ свою пользу и готовъ поставить автора ихъ на одну доску съ современными врагами прогрессивнаго движенія въ русскомъ обществѣ. «Русскій народъ,—продолжаетъ далѣе нашъ авторъ, иллюстрируя цитату изъ Щапова,—воспитываемый въ строгомъ религіозномъ духѣ, свято соблюдалъ посты, но пагубная западная саранча, привыкшая жрать круглый годъ мясо, увлекла за

собой и нашего русскаго царя Петра I, ибо и онъ въ 1716 году потребовалъ разрѣшенія какъ себѣ, такъ и всему русскому войску на мясояденіе на весь круглый годъ отъ константинопольскаго патріарха Іереміи II, на что и получилъ разрѣшеніе, какъ доказано уже о томъ проф. Каптеревымъ» («Цив. р. общ.»).

Сѣмена, брошенныя «протестантами» въ русское общество, нашли себѣ здѣсь очень воспріимчивую почву. Если ужасно было, съ точки зрѣнія старообрядца, состояніе русскаго общества при Петрѣ I и въ первую пору послѣ него, то теперь оно стало окончательно невыносимо. Если вѣрить г. Страхову, то мы переживаемъ послѣднія времена предъ пришествіемъ антихриста, когда, какъ извѣстно, будутъ на землѣ «трусъ и моръ», всякаго рода пагубы, полное нечестіе и забвеніе всѣхъ добродѣтелей. Именно такое безотрадное состояніе міра видитъ нашъ авторъ и въ настоящую пору,— состояніе, предвѣщающее скорый конецъ свѣта. «Присмотрись,—говоритъ онъ въ статьѣ своей «Кони Антихристовы»,—присмотрись, о любезный читатель, на современное положеніе дѣлъ внутренней человѣческой жизни, какъ много появилось теперь антихристовыхъ коней — отступниковъ отъ древлеправославнаго ученія христовой церкви. Во-истину потряслась земля отъ ржанія ихъ! Воззрите на многолюдный западъ, и вы увидите, сколько здѣсь разныхъ пропагандистовъ раціонализма. Посмотрите и на наше родное русское отечество, и вы увидите, сколько здѣсь появилось подобныхъ пропагандистовъ, особенно въ рядахъ передовыхъ образованныхъ людей: въ нихъ мы видимъ и нигилиста, и соціалиста, а также и раціоналиста-штундиста и пашковца, такъ что русское бывшее благочестивое государство со временъ новыхъ реформъ патріарха Никона и царя Петра I сдѣлалось уже падшимъ Вавилономъ». «А что сказать о театрахъ, циркахъ и разнаго рода маскарадахъ, заполнившихъ всѣ города россійской державы, въ которыхъ происходитъ своего рода жертвоприношеніе (идоламъ) въ великіе праздничные дни и наканунѣ сихъ дней. Всѣ сіи душепагубныя заведенія разрѣшены высшею властью по дѣйствію духа обольщенія» (л. 58). «Приходъ антихристовъ уже на прагѣ, а мы такъ сковали себя житейскими попеченіями, что не имѣемъ объ этомъ ни малѣйшаго попеченія. Кипимъ, какъ въ котлѣ, въ житейскихъ суетахъ по писанному божественному изреченію: А яже видѣлъ еси два подкрилія, восходящая на главу, сіи суть, ихже соблюде Вышній въ конецъ свой, т.-е. царство скудное и скорбей полно (Ездры 12, 29—30). Не правда ли, читатель, если ты вникнешь въ это, что все сіе частію исполнилось. Страшный голодъ, лютая холера не мало причинили скорбей Русскому государству, а теперь постройка великой сибирской желѣзной дороги осуетила народъ до крайности, но не знаю, придется ли долго по ней ѣздить русскимъ до Китая, — это откроетъ скорое будущее» (л. 102 и слѣд.), т.-е. при антихристѣ

и послѣдующемъ затѣмъ концѣ міра едва ли понадобится сибирскій рельсовый путь всѣмъ этимъ «осуетившимся» въ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ русскимъ людямъ, — вотъ что хочетъ сказать авторъ.

Обращаясь далѣе къ успѣхамъ современной науки и, въ частности, къ разсадникамъ научнаго знанія — нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, г. Страховъ и здѣсь, разумѣется, видитъ ту же «мерзость нечестія», то же полное неуваженіе къ авторитетнымъ завѣтамъ старины. Горькія чувства вызываютъ въ немъ всѣ пріобрѣтенія въ области науки за послѣднее время, какъ наносящія тяжкіе удары и тѣмъ послѣднимъ остаткамъ благочестивой старины, которые еще сохранились въ «передовомъ» и непередовомъ русскомъ обществѣ. «Охъ, горе! — восклицаетъ онъ съ глубокою грустью,—охъ, горе! на мѣстѣ науки и образованія у насъ въ высшихъ учебныхъ заведеній теперь засѣдаютъ: Шеллинги, Гегели, Штраусы, Фейербахи и Ренаны, породившіе разныхъ Трубецкихъ, Толстыхъ и Тихоміровыхъ, а также и разнаго рода учителей западнаго сектантства на подобіе полковника Пашкова, расплодившаго всюду свою пропаганду». Для иллюстраціи того, что «засѣло» теперь въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто науки и образованія, г. Страховъ приводитъ слѣдующій фактъ, взятый имъ изъ указанной выше рѣчи архіепископа Амвросія. «Профессоръ Кіевскаго университета Тихоміровъ прочелъ 13 сентября 1891 г. студентамъ медицинскаго факультета руководящую лекцію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Выставивъ для научнаго сравненія скелеты человѣка и гориллы, съ особенной подробностью остановился онъ на анатомическомъ доказательствѣ того, что на тѣлѣ человѣка былъ нѣкогда членъ, долженствовавшій составлять для него особое украшеніе, — какой бы вы думали? — хвостъ! Теперь остается,—добавляетъ нашъ авторъ,—ввести это въ разные учебники для преподаванія этого ученія юношеству, какъ ввели всюду во всѣ учебники о вращеніи земли, а не солнца» (л. 111).

Послѣднее замѣчаніе автора относительно «ученія о вращеніи земли, а не солнца» далеко не составляетъ простой вылазки его въ сторону «современнаго русскаго цивилизованнаго» общества и высшихъ учебныхъ заведеній. Это «ученіе» составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ «современнаго общества», по мнѣнію автора, и потому онъ счелъ нужнымъ посвятить ему цѣлую статью подъ особымъ заглавіемъ — «Астрономія и ея душевредныя послѣдствія въ современномъ мірѣ». Вообще надо сказать, что вопросъ о вращеніи земли вокругъ солнца старообрядцами принимается очень близко къ сердцу, такъ какъ въ своихъ старопечатныхъ книгахъ и сочиненіяхъ древнихъ, по преимуществу, византійскихъ авторовъ, они находятъ на этотъ счетъ противоположныя указанія, не оставляющія въ нихъ никакого сомнѣнія въ неправотѣ современнаго

«ученія» по данному вопросу. Общее убѣжденіе старообрядцевъ таково, что земля стоитъ, «неподвижно основанная отъ созданія своего», а солнце ходитъ вокругъ нея. Геоценрическая точка зрѣнія на міроздание, проводимая древними философами и учеными, сохранена нашими старообрядцами въ полной неприкосновенности.

Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу нашъ авторъ. «Астрономическая наука,—начинаетъ онъ свою упомянутую выше статью объ астрономіи,—есть наука слишкомъ древняя, и ее изучали многіе святые угодники Божіи и великіе святители, но ни одинъ изъ нихъ не вводилъ во всеобщее свѣдѣніе о вращеніи земли, подобно какъ бы вертится колесо на оси, какъ это теперь введено у насъ на Руси во всѣ литературныя изданія и учебники, гдѣ утверждается, что земля вертится стремглавъ, солнце же на небесномъ горизонтѣ стоитъ неподвижно».

Приведя затѣмъ цитату изъ Златоуста, назвавшаго «таковыхъ мыслителей» сумасшедшими, г. Страховъ продолжаетъ свою статью ссылкою на авторитетъ. «Св. І. Дамаскинъ въ своей книгѣ «Небеса о земли» говоритъ слѣдующее: земля же едина отъ четырехъ стихій есть. Суха же и студена, тяжка и непоступна... Ея же никто же отъ человѣкъ не можетъ сказати установленія, ни укрѣпленія. Ови убо на водахъ, рѣша, утверждена есть и водружена... А друзіи, на воздусѣ, рѣша. Другій же рече: укрѣпивый землю ни на чемъ же. Паки Давидъ богословесный, яко отъ лица Творца, азъ, рече, утвердихъ столпы ея. Содержащую ея силу столпы нарицаетъ и прочее (книга древлеписьменная)». Въ другой своей статьѣ «Возраженіе на Томскія Епархіальныя Вѣдомости» авторъ по поводу этого вопроса говоритъ слѣдующее: «Слышно, что гдѣ-то за границей на выставкѣ будетъ устроенъ шаръ на подобіе земли, который будетъ вертѣться съ посаженными на него людьми, и они не замѣтятъ сего движенія; и будетъ устроено искусственное небо, солнце, луна и звѣзды для удостовѣренія того, что не солнце ходитъ по небу, а вертится земля. Но не вѣрь, братъ мой, этимъ лжепророкамъ,.. что вертится земля, и мы съ нею вращаемся стремглавъ. О заблужденіе изъ заблужденій!» Но «душевредныя» послѣдствія астрономіи заключаются не въ одномъ только «ученіи» о вращеніи земли вокругъ солнца. Авторъ нашъ усматриваетъ ихъ между прочимъ еще въ распространенномъ повсюду пристрастіи къ Брюсовымъ и небрюсовымъ календарямъ въ ущербъ пресловутымъ стариннымъ святцамъ. «Грустно и горько видѣть, скорбитъ онъ, какъ теперь нашъ русскій простой народъ, не исключая и старообрядцевъ, увлекся вѣрою въ астрономическія предсказанія, помѣщенныя почти въ каждомъ календарѣ о перемѣнахъ погоды, о событіяхъ времени, почти совсѣмъ обоготворили, бѣдные, Брюса и ему подобныхъ!»

Итакъ, по глубокому, искреннему убѣжденію г. Страхова, состояніе современнаго русскаго цивилизованнаго общества во всѣхъ отно-

шеніяхъ безотрадно и способно вызвать только одно чувство горькаго сожалѣнія и глубокой скорби по поводу наблюдаемой всюду измѣны благочестивымъ преданіямъ старины. Никакія средства и мѣры не помогутъ исцѣлиться обществу отъ этого страшнаго разъѣдающаго его недуга, охватившаго его со всѣхъ сторонъ, кромѣ поворота назадъ, къ тому «благочестивому» укладу общественной и частной жизни, который оно утратило со временъ Петра. Это самое радикальное и дѣйствительное средство. Для того, чтобы «прекратить все это безвѣріе,—пишетъ нашъ авторъ,—и направить народъ на первобытный его путь, необходимо нужно русскому правительству, какъ справедливо замѣтилъ архіепископъ Амвросій, возвратиться ему на ту дорогу, которою за два столѣтія назадъ шелъ нашъ русскій народъ» (л. 49).

Вотъ pia desideria нашего автора и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ старообрядцевъ. Похѣрить всю «новую культуру», покончить со всѣми культурными успѣхами, отвергнуть всѣ пріобрѣтенія въ области науки и прикладныхъ знаній, порвать всякія связи съ еретическимъ западомъ, и возвратиться къ сѣдой старинѣ допетровской Руси,— вотъ въ чемъ состоитъ profession de foi нашего автора, выразителя мнѣній громаднаго большинства старообрядческаго общества. Всѣ сочиненія автора проникнуты этимъ духомъ отрицанія настоящаго и желаніемъ возврата къ прошлому. Въ одномъ только этомъ прошломъ онъ видитъ нормальный строй общественной и частной жизни.

Въ этомъ же возвратѣ къ старинѣ съ ея требованіями неуклоннаго соблюденія церковныхъ уставовъ и другихъ обрядовыхъ предписаній нашъ авторъ видитъ средство разобрать то «средостѣніе», которое установилось между «простымъ народомъ и цивилизованнымъ обществомъ». Вотъ оригинальное сужденіе автора по этому поводу. «Эта зараза, то-есть упоминаемая уже мною «привычка жрать круглый годъ мясо»,—эта зараза охватила весь районъ передового русскаго общества, какъ доказываютъ факты,—напримѣръ, если по своей служебной обязанности явился въ какое либо селеніе или деревню начальникъ или земскій засѣдатель, то крестьянинъ приготовь ему курочку или рябчика и сливочки къ чаю, хотя бы это случилось и въ постный день»... Но «развѣ православная церковь установила посты для однихъ только простыхъ людей, развѣ Христосъ для образованныхъ или благородныхъ людей далъ другое Евангеліе? А если всего этого нѣтъ, да и, конечно, нѣтъ, то отчего такой разладъ жизни нашихъ передовыхъ людей съ жизнію простого общества людей?»

Я выбралъ все наиболѣе интересное въ статьяхъ г. Страхова, касающихся, по его выраженію, «новой культуры» нашего передового общества, и думаю, что теперь читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ старообрядческомъ публицистѣ

и отчасти о его общественномъ profession de foi. А что это заправскій, присяжный публицистъ, хорошо знающій цѣну и значеніе печатнаго слова, видно между прочимъ изъ его сѣтованій на то, что старообрядцы лишены вести политику съ миссіонерами тѣмъ жэ орудіемъ, какимъ ведутъ и они, т. е. путемъ печати. Указавъ въ статьѣ своей «Звѣзды, павшія съ неба», на то, что за послѣднее время въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ противъ старообрядчества, «пущена въ ходъ и печать», г. Страховъ съ грустью восклицаетъ: «что же остается при этомъ дѣлать благочестивымъ старообрядцамъ? Вѣдь остановить это движеніе печати возраженіями таковымъ же способомъ имъ воспрещено!..» (л. 49). Это сознаніе неравности въ силахъ полемизирующихъ сторонъ проглядываетъ довольно ярко въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ нашего автора, и здѣсь также онъ высказываетъ желаніе имѣть въ своихъ рукахъ орудіе, одинаковое съ имѣющимся у противной стороны, т. е. желаніе вести полемику путемъ печати.

Остальныя статьи, вошедшія въ «собраніе сочиненій», представляютъ изъ себя преимущественно полемическіе трактаты, направленные на миссіонеровъ господствующей церкви и старообрядцевъ-безпоповцевъ, и только, пожалуй, еще одна изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченной. Это — статья о «душевредномъ суевѣріи въ наговорахъ». Здѣсь авторъ возстаетъ противъ широко распространеннаго въ простомъ народѣ обычая приглашать къ больнымъ деревенскихъ знахарей для лѣченія при помощи наговоровъ. Строго осуждая этотъ обычай, онъ убѣждаетъ понять слѣдующихъ ему, что наговоры, кромѣ грѣха, никакой пользы принести не могутъ, и рекомендуетъ при всякой надобности прибѣгать къ врачебной помощи. Искусство врачеванія, замѣчаетъ онъ, не противно Богу, и помощь врача несравненно продуктивнѣе знахарскихъ наговоровъ; наговоры же, какъ дѣло бѣсовское, прогнѣвляютъ Бога и осуждаютъ душу пользующихся ими на вѣчное мученіе.

Ал. Шерстобитовъ.

ПО ДЕБРЯМЪ ДАГЕСТАНА.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Выѣздъ изъ Хунзаха.—Ст. Матласы и магометанская ураза.—Перемѣна погоды.—Природа сѣверо-восточнаго Дагестана.—Горскія поля и ихъ «приготовленіе».

ОБРАВШИСЬ до столицы Аваріи—Хунзаха, на почтовыхъ, я рѣшилъ воспользоваться прекраснымъ случаемъ и вернуться въ Темиръ-Ханъ-Шуру другой дорогой—черезъ аулы Ашильту и Гимры.

Правда, этотъ новый путь надлежало сдѣлать верхомъ по горнымъ, зачастую ужаснымъ, тропинкамъ.

Но, во-первыхъ, новые знакомцы мои—офицеръ А*, одинъ изъ служащихъ въ управленіи Аварскаго округа, и его кунакъ-аварецъ Мамедъ-Исмаилъ-оглы, развитой и образованный человѣкъ,—головой ручались за мою безопасность; а, во-вторыхъ, меня и самого сильно подмывало посмотрѣть собственными глазами глухіе дагестанскіе дебри, въ которыхъ разыгралось нѣсколько громкихъ моментовъ 80-ти-лѣтней эпопеи завоеванія Кавказскихъ горъ.

Сказано—сдѣлано, и въ одно далеко не прекрасное, пасмурное и снѣжное утро мы выѣхали втроемъ изъ воротъ Хунзахскаго укрѣпленія. Насъ сопровождало четверо нукеровъ [1]), и подо мной шла некрасивая, но сильная и цѣпкая, какъ кошка, горская лошадь.

---

[1]) Всадниковъ, служащихъ при управленіи округа.

— Мы сперва поѣдемъ по дорогѣ въ Ботлихъ, центральный пунктъ Андійскаго округа,—сказалъ А*,—а потомъ у ст. Матласы свернемъ на горныя тропинки. Къ тому времени погода, можетъ, и измѣнится.

— Дай Богъ, — отозвался я, стараясь подавить волненіе, невольно возникавшее при одной мысли о путешествіи по узенькимъ дорожкамъ, лѣпящимся уступами скалъ надъ бездонными пропастями. А тутъ еще это сѣрое, грустное небо, эти хлопья снѣга, падающіе одни за другими, эти зигзаги почтовой дороги, носящей громкое названіе — Іолъ-Падишахъ [1]), и, наконецъ, эти сѣрыя, безжизненныя скалы, сдвинувшіяся съ обѣихъ сторонъ и напоминающія о грядущихъ ужасахъ...

Обстановка не располагала къ разговорамъ, и мы, закутавшись въ бурки и башлыки, молча подвигались впередъ, пока не добрались до Матласовъ. Тутъ мы съ А* рѣшили немного передохнуть и закусить.

Въ горахъ погода мѣняется чрезвычайно быстро, и когда, черезъ полъ-часа мы выѣхали изъ Матласовъ, небо было почти совсѣмъ ясно, и снѣгъ прекратился. Солнце ярко свѣтило, играя въ каждой снѣжинкѣ и сильно пригрѣвая обращенные къ нему скаты. Со всѣхъ сторонъ бѣжали, журча и пѣнясь, ручейки... Вся природа нѣжилась и ликовала, а вмѣстѣ съ нею развеселились и мы.

Дорога шла между сѣрыхъ, почти голыхъ скалъ и только коегдѣ ее разнообразили зеленѣющія поля да сѣрые столь же безжизненные аулы.

— Что за дичь и глушь въ вашей «Странѣ горъ» [2]),—сказалъ я, обращаясь къ А*: — все скалы да пропасти. Глазу не на чемъ остановиться—такъ все уныло, угрюмо и дико кругомъ.

— Ну, не вездѣ,—отозвался А*,—побывайте въ юго-восточныхъ округахъ, и вы увидите тамъ совсѣмъ иныя картины. Да и въ нашей унылой Аваріи много прекрасныхъ уголковъ, гдѣ разростаются самыя нѣжныя культуры, и гдѣ вы найдете чудные персики, прекрасный виноградъ, отличныя груши и яблоки... Впереди намъ предстоитъ не одинъ такой оазисъ.

— Не знаю, какъ въ юго-восточныхъ округахъ, — продолжалъ я:—тамъ я еще не былъ, но въ сѣверо-восточныхъ, черезъ которые я только что проѣхалъ отъ Шуры къ Хунзаху, только и видны, что эти скалы да пропасти... Аулы и тѣ не оживляютъ мѣстности, а наоборотъ, своими сѣрыми каменными саклями, какъ бы дополняютъ общую угрюмую и мрачную картину. Просто удивляешься, какъ находитъ себѣ обитателей эта дикая природа, среди которой рѣдко встрѣтишь жалкую травку и неприхотливую сосну.

---

[1]) Царскій путь.

[2]) Дагестанъ значитъ страна горъ.

Укрѣпленіе Хунзахъ.

— Да,—сказалъ А*,—намъ, жителямъ зеленыхъ равнинъ, эти сѣрыя картины кажутся мрачными и непріютными. Но поговорите съ горцемъ, выросшимъ въ этой обстановкѣ, и вы услышите отъ него самые восторженные отзывы о горахъ, среди которыхъ онъ родился и выросъ. Выселенный на равнину, онъ тоскуетъ о своихъ отвѣсныхъ скалахъ и бездонныхъ пропастяхъ и вновь оживаетъ, вернувшись въ дорогія мѣста. Да и право, несмотря на всю неприглядность такихъ окрестностей, въ нихъ много поэзіи и живописности.

— Готовъ согласиться съ вами относительно поэзіи, особенно въ такое чудное утро,—отвѣтилъ я, оглядываясь кругомъ и съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій и цѣлительный, какъ бальзамъ, воздухъ:—поэзія, правда, и тутъ есть, но вотъ насчетъ презрѣнной прозы выходитъ ужъ очень плохо...

— Какой это прозы?

— Да относительно плодовъ земныхъ. Что можетъ расти на этихъ отвѣсныхъ скалахъ, и чѣмъ приходится питаться здѣшнему обитателю?

— Да, наша почва не можетъ, конечно, похвалиться плодородіемъ и возращаетъ въ большей части Аваріи, благодаря ея высотѣ, чуть не одинъ лишь ячмень.

— И то съ какимъ громаднымъ трудомъ достается горцу и этотъ насущный хлѣбъ,—сказалъ я:—мнѣ удалось уже насмотрѣться на поля вашихъ горцевъ, и я убѣжденъ, что нашъ крестьянинъ, избалованный широкимъ раздольемъ своихъ равнинъ, съ недоумѣніемъ остановился бы передъ этими полями и навѣрное рѣшилъ бы, что тутъ немыслима человѣческая жизнь, немыслимо самое жалкое существованіе.

— А что бы онъ сказалъ,—поддержалъ меня А*.—если бы ему сообщили, что большая часть и этихъ-то полей обязана не только своей культурой, но и самымъ существованіемъ своимъ человѣческому труду? Вѣдь созданная самой природой нива слишкомъ мала, что бы ею можно было удовольствоваться, её необходимо расширить, необходимо увеличить площадь посѣва... И вотъ горецъ въ буквальномъ смыслѣ слова принимается за созданье новыхъ полей, на подобіе тѣхъ, мимо которыхъ мы ѣдемъ теперь...

И, дѣйствительно, недалеко отъ нашей тропинки, по скату не слишкомъ крутой скалы, лѣпились одно надъ другимъ горскія поля, образуя что-то въ родѣ циклопической лѣстницы. Каждая гигантская ступенька ея охватывалась съ трехъ сторонъ каменными стѣнками, сводившимися на-нѣтъ при приближеніи къ четвертой сторонѣ—скалѣ. И въ эти громадные ящики, формой своей напоминающіе трехгранную призму, горцы наносили откуда-то въ мѣшкахъ на собственной спинѣ землю и образовали такимъ путемъ рядъ искусственныхъ полей.

— Да,—невольно воскликнулъ я:—просто отказываешься сосчитать, какихъ трудовъ стоитъ каждая такая нива, и сколько нужно лѣтъ и поколѣній, чтобы создать одно поле въ 40—50 квадратныхъ саженъ!

— Для дагестанскаго малоземелья,—прервалъ меня А*:—характеренъ одинъ анекдотъ, который, быть можетъ, и вамъ приходилось слышать.

— Какой именно?

— Разсказываютъ, что какъ-то горецъ вышелъ засѣять три свои поля, скинулъ бурку и приступилъ къ работѣ. Засѣялъ одно поле, засѣялъ другое; третье же, къ своему удивленію, никакъ найти не могъ. «Видно, шайтанъ взялъ», рѣшилъ горецъ и, собираясь домой, поднялъ свою бурку. Потерянное поле оказалось подъ нею!

— Но мы съ вами отмѣтили пока лишь половину работы горца,—продолжалъ А* послѣ короткой паузы:—мало вѣдь еще создать почву, нужно еще и оросить её. А для этого необходимо провести воду изъ рѣки, зачастую изъ-за нѣсколькихъ верстъ и устроить искусственный акведукъ изъ выдолбленныхъ въ камнѣ канавокъ или изъ черепичныхъ и деревянныхъ трубъ, утвержденныхъ кое-гдѣ на высокихъ деревянныхъ стойкахъ. Но вотъ все готово: поле создано, вода проведена, пшеница или ячмень посѣяны, и горецъ не нарадуется на плоды своихъ трудовъ... И вдругъ разразилась гроза, хлынулъ дождь, побѣжали съ горъ грозные, ничѣмъ не удержимые потоки, все уничтожая на своемъ пути и въ одинъ мигъ унося внизъ и годами натасканную землю, и каменныя стѣны, охватывавшія вчера еще зеленѣвшее поле:..

— Да, тяжелыя условія жизни, и тѣмъ болѣе можно подивиться привязанности лезгинъ къ ихъ угрюмымъ скаламъ,—замѣтилъ я.

II.

Хаджи-Муратъ.

Аулъ Цельмесъ.—Значеніе Хаджи-Мурата послѣ убійства Гамзатъ-бека и униженіе его.—Арестованіе и бѣгство.—Переходъ на сторону Шамиля.—Возвращеніе къ Россіи и смерть.—Два отчаянныхъ подвига.

Подъ этотъ разговоръ мы отъѣхали нѣсколько верстъ отъ Матласовъ. Въ глубинѣ ущелья показался небольшой аулъ, и я спросилъ его названіе.

— Это Цельмесъ,—отвѣтилъ Мамедъ-Исмаилъ-оглы:—сюда спасся нашъ любимый герой, Хаджи-Муратъ, когда его, зимой 1840 года, русскій караулъ велъ плѣнникомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Онъ бѣжалъ отъ этого караула и изъ пріютившаго его Цельмеса завязалъ переписку съ Шамилемъ, предлагая ему свои услуги.

— Простите, Мамедъ, что я васъ перебью,—сказалъ я,—вы разсказывали уже въ Хунзахѣ о той роли, которую игралъ Хаджи-Муратъ въ освобожденiи 1834 году Хунзаха и Аварiи отъ занявшихъ ихъ муридовъ[1]) со вторымъ имамомъ Гамзатъ-бекомъ во главѣ. Но далѣе вы не разсказывали, а мнѣ было бы очень любопытно послушать.

— Съ удовольствiемъ,—отозвался Мамедъ.—Вы уже знаете,—продолжалъ онъ,—что послѣ убiйства Гамзатъ-бека фактическимъ властителемъ Аварiи сталъ глава возставшихъ аварцевъ Хаджи-Муратъ, тогда еще совсѣмъ молодой 20-лѣтнiй юноша. Но онъ самъ сознавалъ, что его молодость не вяжется съ управленiемъ такой обширной страной, и онъ послалъ къ сосѣднимъ властителямъ Ахметъ-хану Мехтулинскому, шамхалу Тарковскому, и Арсланъ-хану Казикумухскому съ предложенiемъ взять на себя управленiе Аварiей. Но въ то же время онъ послалъ и къ русскимъ властямъ, чтобы извѣстить ихъ о новыхъ событiяхъ.

Ханы одинъ за другимъ отказались явиться въ Хунзахъ, въ которомъ только что разыгралась кровавая трагедiя убiйства Гамзата и его муридовъ. А русскiй главнокомандующiй баронъ Розенъ не придалъ сначала надлежащаго значенiя присланному ему извѣщенiю и, только прослышавъ о двухъ неудачныхъ попыткахъ новаго имама Шамиля завладѣть Хунзахомъ и получивъ отъ Хаджи-Мурата второе письмо съ увѣдомленiемъ, что если Аварiя не получитъ русской помощи, то быстро подпадетъ подъ власть муридовъ,—только послѣ этого баронъ Розенъ послалъ къ Хунзаху отрядъ ген. Ланского съ порученiемъ прогнать муридовъ со всего пространства между Шурой и Хунзахомъ. Ланской безъ труда завладѣлъ Гимрами, но когда къ этому аулу подошелъ Шамиль, — генералъ долженъ былъ поспѣшно отступить. Высланный на помощь Ланскому храбрый генералъ Клюки-фонъ-Клугенау разорилъ рядъ горскихъ ауловъ, вошелъ побѣдителемъ въ Хунзахъ, гдѣ и поставилъ правителемъ ауловъ и Аварiи сына казикумухскаго хана, Ахмета-Магометъ-Мирзу. Какъ при этомъ правителѣ, такъ и при его преемникѣ Ахметъ-ханѣ Мехтулинскомъ, въ Аварiи держался полный порядокъ, и она была предана Россiи. Всѣ попытки Шамиля подчинить себѣ этотъ центръ Дагестана оканчивались неудачей. Но главнымъ виновникомъ всего этого были не ханы, ставленники Россiи, а любимецъ Аварiи, ея первый джигитъ Хаджи-Муратъ.

Такое положенiе вещей продолжалось до 1840 года, когда Хаджи-Мурату было нанесено кровное оскорбленiе, заставившее его перейти на сторону Шамиля. Нужно замѣтить, что правители Аварiи относились очень неблагосклонно къ Хаджи-Мурату, видя гро-

---

[1]) По мнѣнiю нѣкоторыхъ знатоковъ, это болѣе правильная транскрипцiя слова, чѣмъ мюридимъ.

мадную его популярность въ Аваріи. Въ виду этого они неблагопріятно аттестовали его передъ русскимъ правительствомъ, а въ 1840 году даже прямо обвинили въ измѣнѣ Россіи и въ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Тогда русскія власти распорядились доставить его скованнымъ въ Шуру подъ конвоемъ 40 солдатъ.

Можете сами судить, каково было гордому аварцу, вѣрой и правдой служившему русскому царю и ненавидѣвшему всѣми силами души Шамиля и мюридовъ, переносить подобное униженіе?! Случай помогъ ему спастись изъ плѣна. Конвойный начальникъ сжалился надъ нимъ и приказалъ снять кандалы, а вмѣсто нихъ велѣлъ связать руки веревкой и держать концы ея двумъ солдатамъ—одному спереди, а другому сзади. Дорога была очень трудна и зачастую проходила по узкимъ гребнямъ надъ бездонными пропастями. Этимъ воспользовался Хаджи-Муратъ и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ конвой растянулся, сдѣлалъ отчаянный прыжекъ въ сторону, полетѣвъ въ пропасть вмѣстѣ съ обоими конвойными. Эти послѣдніе при паденіи выпустили изъ рукъ веревку и разбились въ дребезги на глазахъ товарищей, а плѣнникъ исчезъ въ глубинѣ пропасти. Искать его, казалось, было безполезно: трудно было сомнѣваться, что онъ разбился о скалы такъ же, какъ и солдаты. Конвой двинулся дальше въ Т.-Х.-Шуру, гдѣ и донесъ о случившемся. Но Хаджи-Муратъ не погибъ, хотя при паденіи въ бездну сильно разбился и повредилъ себѣ обѣ ноги, отчего потомъ оставался хромымъ всю жизнь. Онъ съ трудомъ доползъ до ближайшихъ кутановъ (овечьихъ загоновъ), а черезъ нѣкоторое время достигъ аула Цельмесъ, откуда началъ письменные переговоры съ Шамилемъ, предлагая ему свою службу.

«Ты узналъ мою храбрость, — писалъ Хаджи-Муратъ, — когда я защищалъ противъ тебя Хунзахъ. Желаешь ли еще разъ испытать ее теперь, когда я хочу биться рядомъ съ тобой?»

А Шамиль незадолго передъ тѣмъ потерпѣлъ ужасное пораженіе подъ Ахульго и едва нашелъ себѣ убѣжище въ Чечнѣ. Конечно, онъ съ величайшей радостью принялъ предложеніе Хаджи-Мурата, славившагося храбростью и имѣвшаго громадное значеніе въ Аваріи и Дагестанѣ. Съ его переходомъ на сторону мюридизма, дѣла этого послѣдняго сразу мѣняли свой характеръ, а власть Шамиля получала новый блескъ и распространеніе.

Имамъ тотчасъ же прислалъ Хаджи-Мурату письменный отвѣтъ, въ которомъ раскрывалъ ему свои объятія и предсказывалъ, что скоро русскій двуглавый орелъ сожжетъ свои крылья на сіяющемъ полумѣсяцѣ, красующемся на знамени правовѣрныхъ...

И, дѣйствительно, на первыхъ порахъ Шамиль выказывалъ Хаджи-Мурату величайшее довѣріе и сдѣлалъ его своимъ первымъ наибомъ. А вслѣдъ за Хаджи-Муратомъ постепенно перешла на сторону мюридизма и вся Аварія,

— Да,—вмѣшался тутъ А*,—Россія сдѣлала большую ошибку, не сохранивъ за собой Хаджи-Мурата и вмѣстѣ съ нимъ Аварію. Одинъ этотъ непростительный шагъ отнялъ у насъ все вліяніе надъ Дагестаномъ и отсрочилъ окончательное подчиненіе его на много лѣтъ. Хаджи-Муратъ былъ очаяннымъ храбрецомъ и если Шамиля нужно назвать головой мюридизма, то Хаджи-Муратъ будетъ его душею. А душа въ такихъ вещахъ зачастую важнѣе головы...

— Но вѣдь и Шамиль не могъ сохранить за собой этого джигита?—сказалъ я.

— Да, Шамиль обидѣлъ его,—отвѣтилъ Мамедъ:—а въ горахъ обиды никогда не прощаются.

— Въ чемъ же заключалась эта обида?

— Разно говорятъ на этотъ счетъ,—отвѣтилъ Мамедъ:—больше приходится слышать, что все дѣло разыгралось отъ того, что Хаджи-Муратъ, учинивъ какъ-то отчаянное ночное нападеніе на аулъ Большой Дженгутей, выкралъ оттуда и взялъ себѣ въ наложницы ханшу Нохъ-Бике, вдову своего врага Ахметъ-хана Мехтулинскаго. А эта ханша приходилась тещей приверженцу Шамиля, Даніэль-беку Элисуйскому. Этотъ послѣдній пожаловался Шамилю, а Шамиль приказалъ Хаджи-Мурату отдать ханшу ея зятю. Были и другіе еще поводы къ неудовольствію въ родѣ того, что въ концѣ 1851 Шамиль обвинилъ Хаджи-Мурата въ неудачномъ исходѣ одной кампаніи...

— А я болѣе склоненъ думать,—прервалъ его А*:—что всѣ эти обиды были однимъ лишь вымышленнымъ предлогомъ, благовидной ширмой, а на самомъ дѣлѣ Шамиль далъ Хаджи-Мурату дипломатическую миссію поразвѣдать о всѣхъ дѣлахъ и планахъ въ Тифлисѣ, а затѣмъ вернуться въ горы, что онъ и хотѣлъ сдѣлать въ Нухѣ...

Лицо Мамеда омрачилось: видно, ему были крайне непріятны подобныя предположенія насчетъ легендарнаго героя Аваріи. Въ виду этого я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Какъ же его приняли въ Тифлисѣ?—спросилъ я.

— Князь Воронцовъ, тогдашній начальникъ Кавказа, принялъ его очень любезно и далъ хорошее содержаніе. Но, видно, онъ также не довѣрялъ Хаджи-Мурату и приставилъ къ нему конвой, который никогда не спускалъ съ него глазъ. Хаджи-Муратъ очень тяготился этимъ и въ апрѣлѣ 1852 года отпросился у князя въ Нуху. Его отпустили, но велѣли кн. Тарханову, начальнику Нухи, строго слѣдить за нимъ. Но когда Хаджи-Муратъ попалъ въ Нуху и увидалъ вблизи родныя горы,—душа его не вытерпѣла, и онъ бѣжалъ, воспользовавшись оплошностью конвойныхъ и убивъ двоихъ изъ нихъ. Но третій далъ знать о происшедшемъ кн. Тарханову, и тотъ поднялъ всѣхъ, кого могъ, для поимки бѣжавшаго. На другой же день напали на слѣды Хаджи-Мурата и окружили его въ лѣсу. Наибъ защищался, какъ лютый звѣрь, убилъ четверыхъ преслѣ-

дователей и ранилъ шестерыхъ. Но, наконецъ, сабля его переломилась и, весь израненный, онъ самъ вышелъ изъ кустовъ. Ему отрубили голову, а въ тѣлѣ нашли 7 огнестрѣльныхъ ранъ, заткнутыхъ пыжами для удержанія крови. Голову набальзамировали и послали сначала въ Тифлисъ, а потомъ будто бы въ Петербургъ...

— Да, какъ бы то ни было,—сказалъ А*:—это былъ большой молодецъ, и Россія много потеряла, не удержавъ его за собой...

— А не можете ли, Мамедъ, разсказать о какомъ нибудь подвигѣ его?—спросилъ я.

— О, у этого джигита было много подвиговъ отчаянной храбрости. На что не пошелъ бы никто другой, за то смѣло брался Хаджи-Муратъ. А храбрость, какъ у васъ говорится, города беретъ...

— И онъ бралъ города?

— А вотъ хотя бы ночное нападеніе на Большой Дженгутей—громадный аулъ, расположенный на плоскости, верстахъ въ 20 отъ Шуры. Вы вѣдь проѣзжали теперь черезъ него, ѣдучи по почтовой дорогѣ въ Хунзахъ. Этотъ аулъ,—продолжалъ Мамедъ, когда я отвѣтилъ утвердительно на его вопросъ:—этотъ аулъ во время войны былъ резиденціей Мехтулинскаго хана и жилъ шумной и веселой жизнью. Кромѣ 4-хъ-тысячнаго населенія, въ немъ постоянно стояло до тысячи солдатъ изъ конныхъ и пѣшихъ частей. Все селеніе было обнесено высокой и плотной оградой съ нѣсколькими воротами, охранявшимися военными караулами, а дворецъ хана стоялъ среди аула на высокомъ холмѣ и былъ охваченъ высокой же каменной стѣной.

И вотъ изъ этого-то дворца Хаджи-Муратъ рѣшилъ выкрасть красавицу Нохъ-Бике, вдову своего злѣйшаго врага, Ахметъ-хана Мехтулинскаго. Набѣгъ этотъ совершенъ былъ ночью съ какими нибудь двумя сотнями отважныхъ храбрецовъ и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Подобравшись незамѣтно къ оградѣ аула, партія овладѣла одними изъ воротъ, отправивъ на тотъ свѣтъ часовыхъ, а затѣмъ ринулась къ ханскому дворцу. Наиболѣе ловкіе перебрались черезъ стѣны, и черезъ нѣсколько минутъ Хаджи-Муратъ скакалъ во главѣ своихъ храбрецовъ, увозя красавицу ханшу, а за нимъ ближайшій его сотрудникъ Гейдаръ-бекъ везъ другую жену Ахметъ-хана, красавицу Фатиму. Остальные джигиты удовольствовались коекакимъ добромъ, ограбленнымъ во дворцѣ... И все это было сдѣлано такъ внезапно, быстро и находчиво, что ни обитатели аула, ни русскія войска не успѣли собраться для отпора. И только отдѣльные выстрѣлы провожали храбрецовъ...

Въ другой разъ Хаджи-Муратъ забрался такимъ же образомъ въ Шуру, съ цѣлью выкрасть оттуда самаго главнаго начальника края князя Орбеліани. А въ ту пору въ Шурѣ было сосредоточено до 25 тысячъ войска. Предпріятіе, на которое рѣшится не каждый храбрецъ... Но Хаджи-Муратъ, для большаго эффекта, рѣшилъ сдѣ-

лать это въ тотъ вечеръ, когда князь Орбеліани давалъ въ своемъ домѣ балъ для шуринской публики... Съ небольшимъ числомъ отчаянныхъ удальцевъ, переодѣтыхъ въ казачьи костюмы, Хаджи-Муратъ проникъ въ городъ и направился по его улицамъ, отыскивая большой, освѣщенный домъ... Вотъ какъ разъ подходящій домъ масса оконъ и всѣ освѣщены... По знаку Хаджи-Мурата, горцы бросаются внутрь его, но, къ крайнему удивленію своему, вмѣсто офицеровъ въ мундирахъ и дамъ въ бальныхъ платьяхъ, встрѣчаютъ какія-то странныя фигуры, одѣтыя въ сѣрые халаты... Оказалось, что горцы ошиблись домомъ и вмѣсто дворца командующаго попали въ военный госпиталь... Можно себѣ представить взаимное удивленіе больныхъ и ихъ непрошенныхъ гостей!.. Но пока мюриды бросались изъ палаты въ палату и хватались за оловянныя кружки и тарелки, больные вооружились, чѣмъ попало, и напали на горцевъ. Тѣмъ временемъ тревога распространилась по всему городу, ударили въ набатъ... Часть удальцевъ легла подъ ударами гарнизона, другая же, а съ нею и Хаджи-Муратъ,—успѣла ускользнуть въ горы...

III.

Горскіе нравы и суды.

Бездны и аулъ. — Двѣ жизни за двѣ копейки. — Горныя дороги. — Словесные суды.—Очистительная присяга.—Необходимость перехода къ общимъ судамъ.

Путь нашъ тѣмъ временемъ принялъ довольно головокружительный характеръ.

Узкая тропинка то виляла по скату горъ, то лѣпилась по острымъ гребнямъ, надъ глубокими пропастями...

Я уже чувствовалъ временами легкое головокруженіе, и только вполнѣ безразличное отношеніе къ этимъ ужасамъ моихъ спутниковъ и нежеланіе показаться трусомъ придавали мнѣ энергію... Я старался не глядѣть въ эти засасывающія и манящія бездны и отвлекался разговоромъ съ А* и Мамедомъ.

Понятно, поэтому, что я испыталъ немалое удовольствіе, когда тропинка отошла отъ пропасти и вступила въ каменный аулъ, жалкія и грубо сложенныя сакли котораго тѣсно лѣпились одна къ другой.

Все населеніе аула высыпало на грязныя и кривыя улицы или на плоскія крыши саклей съ цѣлью подышать чистымъ воздухомъ, погрѣться на весеннемъ солнышкѣ, да подѣлиться мѣстными новостями.

Нашъ поѣздъ привлекъ, конечно, общее вниманіе. Все мужское населеніе провожало насъ любопытнымъ взоромъ, перебрасываясь отдѣльными фразами съ нукерами, а изъ-за полуоткрытыхъ дверей и оконныхъ, ничѣмъ не закрытыхъ, отверстій выглядывали женскія

Аулъ Иголи.

физіономіи, но, замѣтивъ на себѣ наши взгляды, тотчасъ же прятались въ глубинѣ сакли.

Посрединѣ аула красовалась огромная яма-прудъ, почти полный водою, и изъ середины его торчалъ кверху шестъ — измѣритель глубины.

Я собирался уже разспросить своихъ спутниковъ о названіи и населеніи этого аула, какъ вдругъ наше спокойное шествіе было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ.

Изъ сосѣдняго переулка послышались какіе-то крики... Видно было, что шумѣло нѣсколько человѣкъ; но два голоса, перебивавшіе одинъ другой, покрывали всѣ остальные. Но вотъ крики перешли въ глухое рычаніе, а за нимъ послышалось что-то въ родѣ стона...

— Что это такое?—спросилъ А*.

— Двое лезгинъ подрались и поранили другъ друга,—спокойнымъ тономъ отвѣтилъ одинъ изъ нукеровъ.

Мы тотчасъ же повернули къ мѣсту происшествія.

На небольшой площадкѣ, между саклями, лежали два раненыхъ лезгина. Кругомъ стояла большая толпа, почтительно разступившаяся при нашемъ приближеніи. Лужи крови и тяжелые стоны, вырывавшіеся временами изъ груди раненыхъ, доказывали, что дѣло имѣло очень серьезный характеръ. Въ этотъ же моментъ появился мѣстный знахарь и приступилъ къ освидѣтельствованію раненыхъ.

Я не могъ вынести этого кроваваго зрѣлища и проѣхалъ въ сосѣднюю улицу, гдѣ и сталъ поджидать своихъ спутниковъ.

Народъ стекался со всѣхъ концовъ къ мѣсту происшествія.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ присоединился А*.

— Ну, что, какъ раненые?—спросилъ я.

— Плохо. Оба не выживутъ и до вечера. Раны слишкомъ глубоки.

— Изъ-за чего же произошла ссора?

— Изъ-за самыхъ пустяковъ. Одинъ изъ нихъ нанялся къ другому работникомъ на недѣлю, по 10 копеекъ въ день. Проработавъ, однако, два дня, онъ потребовалъ расчета, такъ какъ хозяинъ за свои 10 копеекъ всѣ соки изъ него высасывалъ и заставлялъ работать по 14 часовъ въ сутки. Но наниматель уперся, заявивъ, что наемъ состоялся на недѣлю, и расчета онъ не дастъ. Тогда между ними вспыхнула ссора. Долго они ругались, наконецъ, хозяинъ предложилъ заплатить 18 копеекъ вмѣсто 20-ти, такъ какъ во второй день работникъ пробылъ только до 6 часовъ вечера, а не до 8-ми. Этотъ послѣдній отказался отъ 18 копеекъ и выругалъ хозяина скверными словами. Тотъ пырнулъ его кинжаломъ, но получилъ въ отвѣтъ такой же ударъ... Ну, вотъ теперь оба и лежатъ замертво, исходя кровью.

— Но вѣдь это ужасно!—воскликнулъ я:—вѣдь ссора свелась въ концѣ концовъ къ двумъ копейкамъ! И изъ-за двухъ копеекъ погибло двѣ жизни!

— Дѣйствительно, на каждую душу приходится по копейкѣ,— отвѣтилъ А*.

— И часты у васъ подобные случаи?

— Да, убійства и пораненія не рѣдки у насъ и до сихъ поръ. Прощать обиды и оскорбленія не въ правилахъ горцевъ, а такъ какъ оружіе всегда при нихъ, то за средствами мести ходить не далеко.

— Но есть же какой нибудь прогрессъ въ этомъ отношеніи? Неужели горцы таковы и теперь, каковы они были при Шамилѣ?

— Конечно, прогрессъ есть, но онъ очень невеликъ. Да и надѣяться на народное перевоспитаніе очень трудно, такъ какъ на это нужны вѣка. Прежде всего, нужно отобрать оружіе. Но на это не рѣшаются...

Въ этотъ моментъ показались Мамедъ и нукеры.

— Ну, что?—спросилъ А*.

— Старшина приказалъ положить раненыхъ въ саклю и велѣлъ знахарю ухаживать за ними. Но тотъ говоритъ, что надежды никакой нѣтъ.

— Ну, если уже знахарь говоритъ, что надежды нѣтъ,—значитъ, ея, дѣйствительно нѣтъ. Никто не умѣетъ такъ лѣчить раны, какъ наши знахари. Однако, Мамедъ, передайте, пожалуйста, старшинѣ, чтобы онъ донесъ о случившемся начальнику округа.

— Я уже сказалъ,—отвѣтилъ Мамедъ.

— Ну, тогда мы тутъ безполезны и можемъ продолжать нашъ путь,—рѣшилъ А* и повернулъ свою лошадь къ выѣзду изъ аула

Находясь подъ прежнимъ впечатлѣніемъ, я хотѣлъ продолжить нашъ разговоръ, но характеръ дороги совершенно воспрепятствовалъ этому.

Хотя за ауломъ тропинка и стала шире, но, Боже мой, какъ она стала ужасна!

Лѣпясь надъ крутыми обрывами, ничѣмъ, конечно, не огороженными, она то опускалась, то поднималась на самыя головоломныя крутизны по искусственнымъ каменнымъ лѣстницамъ съ изрытыми и исковерканными ступенями. Иныя изъ этихъ лѣстницъ были длиной въ нѣсколько саженъ.

Видно, сами горцы считали эти подъемы и спуски опасными для насъ, такъ какъ нѣсколько обитателей аула взяли было нашихъ лошадей подъ уздцы, чтобы проводить ихъ. Но А* отказался отъ ихъ услугъ, а его примѣру послѣдовалъ и я, хотя сердце сжималось и захватывало дыханіе. Но наши прекрасныя горскія лошади скоро успокоили меня.

Нужно было удивляться, съ какимъ умомъ и съ какой осторожностью подвигались онѣ впередъ. Медленно, шагъ за шагомъ передвигали онѣ свои ноги и прежде, чѣмъ стать на слѣдующую ступеньку, осторожно пробовали, прочно ли держится камень, и въ случаѣ сомнѣнія избирали новое мѣсто. При такихъ условіяхъ оста-

валось только положиться на умныхъ четвероногихъ и вручить имъ свою судьбу. Такъ я и сдѣлалъ.

Около двухъ часовъ двигались мы по такимъ головоломнымъ тропинкамъ, въ общемъ весьма узкимъ и позволявшимъ ѣхать лишь гуськомъ, одинъ за другимъ.

Но вотъ характеръ мѣстности измѣнился къ лучшему. Не стало головокружительныхъ пропастей, тропинка расширилась, и я поѣхалъ рядомъ съ А*.

Впечатлѣніе двойнаго убійства еще не изгладилось во мнѣ, и я вновь заговорилъ о немъ, а затѣмъ перевелъ рѣчь на мѣстные суды и мѣстные законы.

— Скажите,—спросилъ я между прочимъ:—какъ караютъ ваши мѣстные законы—у васъ вѣдь дѣйствуютъ не обще-россійскіе законы, а свои мѣстные—за убійство и пораненіе?

— Наши мѣстные законы разбиваются на двѣ группы—адатъ и шаріатъ. Адатъ—это право обычное, живущее лишь въ преданіяхъ и нигдѣ не записанное; шаріатъ же—это писанные мусульманскіе законы. Оба эти права смотрятъ на одно и то же явленіе различно и за одно и то же преступленіе назначаютъ различныя наказанія. Да къ тому же чуть не каждый аулъ и каждая мѣстность имѣютъ свои обычаи, не сходные съ обычаями даже близлежащихъ мѣстностей и селеній.

— А судебная организація у васъ, конечно, также отличная отъ нашей?

— Конечно, совсѣмъ иная. Въ каждомъ округѣ Дагестанской области — а ихъ всего девять — существуетъ окружный словесный судъ, собирающійся подъ предсѣдательствомъ начальника округа или его помощника и состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ, выбираемыхъ населеніемъ изъ почетныхъ лицъ, извѣстныхъ знаніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Эти члены носятъ названіе диванныхъ, отъ слова диванъ — судъ. Кромѣ нихъ, въ составъ суда входитъ еще казій, выбранный изъ мѣстныхъ муллъ и хорошо знающій положенія шаріата, изложенныя въ коранѣ и другихъ священныхъ книгахъ, т. е. прежде всего въ въ «суннахъ»[1]), а затѣмъ—въ фетва, или рѣшеніяхъ знаменитыхъ юристовъ.

— Какія же дѣла рѣшаются по адату и какія по шаріату?

— Въ разныя времена этотъ вопросъ рѣшался различно и притомъ такимъ образомъ, что при усиленіи адата шаріатъ примѣнялся рѣже и наоборотъ. Во времена Шамиля шаріатъ пріобрѣлъ полное преобладаніе. И это весьма понятно, такъ какъ Шамиль называлъ себя имамомъ-намѣстникомъ Аллаха на землѣ и, слѣдовательно, долженъ былъ судить по духовнымъ законамъ. Къ тому же, положенія шаріата одинаковы для всѣхъ мусульманъ, безъ различія

---

[1]) Въ суннахъ заключаются преданія о жизни Магомета.

странъ и временъ, тогда какъ адаты различны у насъ чуть не для каждаго аула и, слѣдовательно, не сосредоточиваютъ, а раздѣляютъ власть надъ страной. Но когда прошли времена мюридизма, горцы стали сами возвращаться къ гораздо болѣе близкимъ имъ адатамъ, отъ чего не удерживала ихъ и русская власть. Въ виду этого въ настоящее время шаріатъ примѣняется сравнительно рѣдко, почти исключительно въ дѣлахъ имущественнаго характера, да семейственныхъ, наслѣдственныхъ и брачныхъ. Преступленія же всегда караются по мѣстнымъ адатамъ. Шаріатныя дѣла рѣшаетъ одинъ казій, который непремѣнно долженъ знать арабскую письменность, такъ какъ онъ пишетъ свои постановленія на этомъ языкѣ; дѣла же адатныя рѣшаются диванными членами.

— Какая же роль предсѣдателя?

— Въ сущности, самая глупая. Онъ играетъ роль секретаря, знакомитъ судей съ жалобой, поданной по дѣлу, а затѣмъ записываетъ ходъ засѣданія, существо показаній свидѣтелей и рѣшеніе суда, въ постановленіи котораго самъ участія не принимаетъ. Но, конечно, много тутъ зависитъ отъ личности предсѣдателя и его вліянія на членовъ...

— Какъ же возбуждаются у васъ дѣла, и какъ идутъ они на судѣ?

— Возбужденіе каждаго дѣла, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, зависитъ у насъ отъ частныхъ лицъ, которыя должны представлять въ судъ и всѣ данныя для рѣшенія возбуждаемаго вопроса.

— Ну, а если у него такихъ доказательствъ нѣтъ, а между тѣмъ его брата убили, а саклю сожгли?

— Тогда судъ ничего сдѣлать и не можетъ: онъ не занимается ни розыскомъ обвиняемаго, ни собираніемъ доказательствъ его вины, что дѣлается у насъ слѣдственною и прокурорскою властью. Эта задача лежитъ исключительно на потерпѣвшемъ... Впрочемъ, онъ можетъ ограничиться заявленіемъ подозрѣнія на извѣстное лицо, не представляя никакихъ доказательствъ въ его виновности, и это лицо должно очиститься отъ обвиненія путемъ присяги извѣстнаго числа тусевовъ (свидѣтелей), которые удостовѣрили бы неспособность его къ подобнаго рода дѣянію. А зачастую число тусевовъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ, и тогда заподозрѣнный ставится въ очень затруднительное положеніе. У насъ въ округѣ, — продолжалъ А*,—какъ-то разъ одинъ горецъ заявилъ подозрѣніе противъ другого, обвиняя его въ кражѣ. Тотъ выставилъ потребное число свидѣтелей, и всѣ они подтвердили его невиновность. Но противная сторона припомнила, что у заподозрѣннаго имѣется родной братъ, который, по адату, долженъ былъ попасть въ число тусевовъ, но въ судъ представленъ не былъ. Напрасно заподозрѣнный убѣждалъ судей, что этотъ братъ давнымъ давно выѣхалъ изъ Дагестана и проживаетъ въ Калугѣ, почему не можетъ знать не только

настоящаго дѣла, но даже и его самого, обвиняемаго въ совершеніи кражи. По адату, въ число тусевовъ должны войти прежде всего ближайшіе родственники, и заподозрѣнный былъ обвиненъ въ кражѣ...

— Ну, а если бы онъ оправдался, — дѣло было бы кончено?

— Ничуть не бывало. Потерпѣвшій можетъ указать на другого, третьяго, десятаго, и судъ долженъ провѣрять всѣ эти обвиненія и требовать каждый разъ очищенія присягой.

— Но вѣдь это ужасно,—сказалъ я:—это такія отсталыя и нелѣпыя положенія!

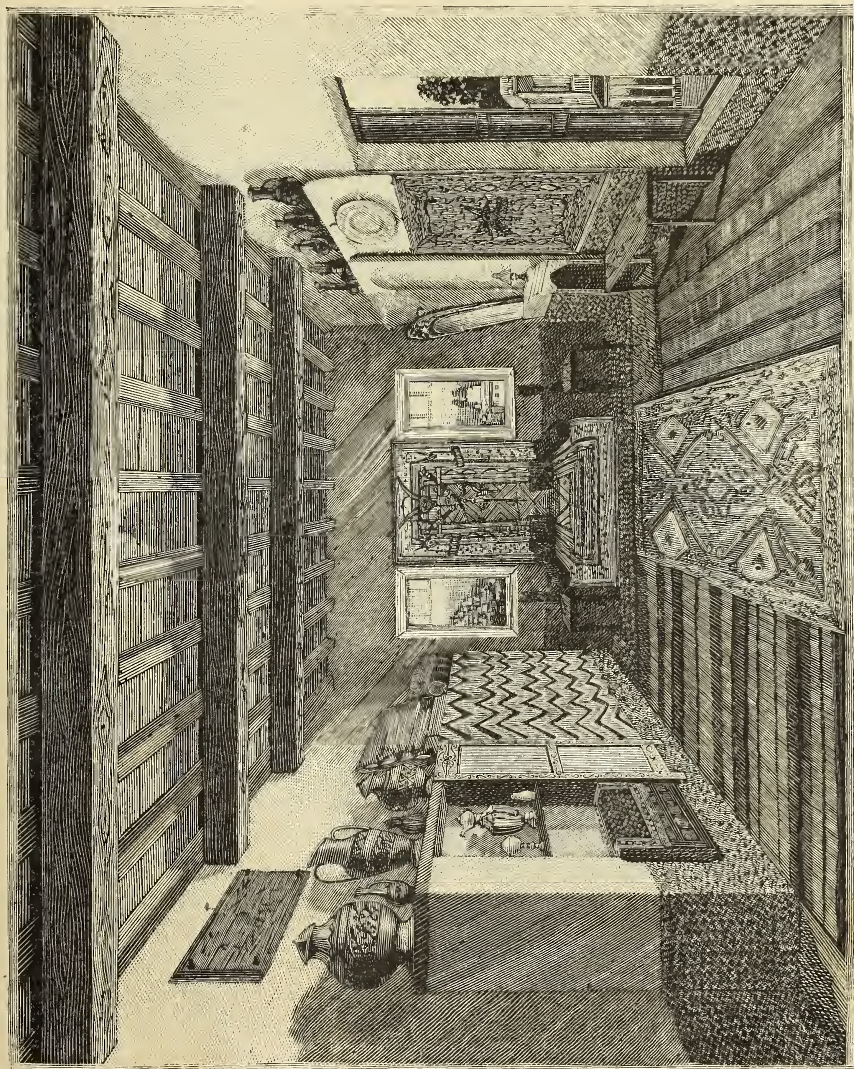
— Знаете,—горячо заговорилъ А*,—посидѣли бы вы хоть недѣлю въ нашемъ судѣ, и вы увидали бы сами всю несостоятельность, мало того, всю вредность его. Я давно уже убѣдился въ этомъ и доказываю всѣмъ, кому могу, необходимость перехода къ общимъ судамъ и законамъ. Сами горцы, особенно побывавшіе въ Россіи (а такихъ много), плачутся на свои суды, рѣшающіе дѣла по нелѣпымъ старозавѣтнымъ формамъ, примѣнимымъ лишь въ первобытномъ обществѣ, лишенномъ всякаго порядка и властей. Но мы всѣми зависящими отъ насъ мѣрами навязываемъ имъ этотъ судъ и принуждаемъ ихъ изучать свои старые адаты, которые безъ того отошли бы въ область преданія и стали бы развѣ предметомъ историческаго изслѣдованія. Мы заставляемъ жить по нимъ и новыя поколѣнія, чѣмъ не только не способствуемъ прогрессу, но даже даемъ исторіи обратное движеніе! Горцы сами начинаютъ стремиться къ свѣту и правдѣ, а мы толкаемъ ихъ обратно къ тьмѣ и невѣжеству.

— Но отчего же тогда не перейдутъ къ общимъ судамъ?

— Отчего не перейдутъ!—воскликнулъ А*,—конечно, по невѣдѣнію и халатности, которыя всегда такъ сродны русскому человѣку. Однако, мы все-таки надѣемся, что не за горами ужъ то время, когда намъ дадутъ общіе суды и пріобщатъ горцевъ къ общему прогрессу. Теперь уже не одни мы, практики, высказываемся противъ обычнаго горскаго суда. Такой извѣстный знатокъ горскихъ адатовъ, какъ профессоръ Максимъ Ковалевскій, доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ всю несостоятельность горскаго суда и говоритъ, что терпимость въ этомъ отношеніи подрываетъ въ корнѣ нашу просвѣтительную миссію въ горахъ. Чтобы показать вамъ всю несостоятельность нашихъ судовъ, я приведу одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто вскорѣ по моемъ прибытіи въ округъ и поразившій меня до глубины души.

Не далеко отъ Хунзаха, въ глухомъ мѣстѣ, нашли тѣло одного горца, звѣрски изрубленное въ куски. Кто совершилъ преступленіе,—дознаться не могли, но всѣ данныя указывали на одного горца, давно враждовавшаго съ убитымъ. Нашлись люди видѣвшіе этого горца за нѣсколько часовъ до убійства рядомъ съ жертвою, а одинъ

даже слышалъ, какъ онъ приглашалъ убитаго въ то мѣсто, гдѣ потомъ нашли его трупъ. Сверхъ того, нѣсколько человѣкъ положительно утверждали, что вскорѣ послѣ того момента, когда должно было произойти убійство, они видѣли на подозрѣваемомъ кровь; кинжалъ

В нутренность кунацкой богатаго горца.

его тоже былъ окровавленъ, а въ ногѣ засѣла пуля, которую онъ вынулъ въ своей саклѣ на виду у многихъ родственниковъ. Когда же осмотрѣли убитаго, то при немъ нашли пистолетъ со слѣдами только что произведеннаго выстрѣла, и пуля, вынутая горцемъ изъ раны, какъ разъ приходилась къ калибру пистолета. Казалось бы,

чего яснѣе? Не только я, но всѣ наши служащіе и даже сами диванные члены были убѣждены въ виновности заподозрѣннаго. Но такъ какъ никто не былъ очевидцемъ преступленія, то всѣ эти косвенныя улики сводились къ нулю, и дѣло, по адату, должно было рѣшаться очистительной присягой. Заподозрѣнный, человѣкъ богатый, выставилъ требуемое число тусевовъ, очевидно, подкупленныхъ, и всѣ они приняли присягу въ подтвержденіе неспособности обвиняемаго совершить приписанное ему преступленіе.

— Это поразительно,—сказалъ я,—остается только надѣяться, что эти порядки уже недолговѣчны.

— Да, и мы надѣемся на это. Вѣдь нѣкоторыя дѣянія горцевъ между собою уже и теперь отнесены къ вѣдѣнію общихъ судовъ, напримѣръ, умышленное убійство. Но тутъ нужно не рубить отдѣльныя вѣтви, а вырвать дерево со всѣми его корнями.

Подъ этотъ разговоръ, то прерывавшійся, то вновь начинавшійся, въ зависимости отъ мѣстности, мы выѣхали на берегъ ущелья, въ глубинѣ котораго прыгалъ и пѣнился небольшой ручей—притокъ Андійскаго койсу. А въ полверстѣ оттуда, въ другомъ болѣе широкомъ ущельѣ, шумѣла и эта могучая горная рѣка, главная данница Сулака, впадающаго въ Каспійское море.

Спускъ нашъ въ ущелье ручья и подъемъ на противоположный берегъ совершились вполнѣ благополучно.

Это ущелье довольно глубоко и обращено на южную сторону. Не удивительно поэтому, что хотя было только начало марта,—всѣ фруктовыя деревья, усѣявшія оба берега ручья, стояли уже въ цвѣту. Цвѣла курага своими снѣжно-бѣлыми цвѣточками, цвѣлъ миндаль, пышно налились и вотъ-вотъ готовы были развернуться почки орѣха... И всѣ эти цвѣты и почки посылали въ теплый воздухъ свой нѣжный, удивительно пріятный ароматъ...

Я не дышалъ, а просто глоталъ этотъ ароматный воздухъ и невольно вспоминалъ далекія центральныя губерніи, гдѣ въ эту пору года ревѣли вьюги и морозы сковывали всякую жизнь...

— Это селеніе Инхо,—сказалъ Мамедъ:—и мы ѣдемъ его садами. Теперь мы въѣзжаемъ въ предѣлы Кайсубулинскаго наибства, въ которомъ главными центрами считаются Гимры и Унцукуль. Это наибство всегда отличалось большой преданностью мюридизму и его имамамъ, изъ которыхъ первый Кази-Мулла и третій Шамиль родились и выросли въ Гимрахъ, а Кази-Мулла тамъ же и палъ геройской смертью въ 1832 году...

Выбравшись на другой берегъ ущелья, мы расположились отдохнуть и закусить, а затѣмъ вновь сѣли на лошадей и, двигаясь дальше вдоль берега Андійскаго Койсу, къ вечеру добрались до перваго ночлега—аула Иголи, лежащаго на берегу койсу [1]) и сплошь заросшаго чудными садами.

---

[1]) Койсу значитъ рѣка.

IV.

Аулъ Иголи.

Горское гостепріимство.—Домъ старшины и кунацкая.—На крышѣ.—Старшина.—Ужинъ.—Горскія кушанья.—Хинкалъ и чоба.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ Мамедъ.

— Конечно, къ старшинѣ,—отвѣтилъ А*.

Мы пересѣкли большую, голую площадь—большая рѣдкость, въ горахъ! —и при лаѣ собакъ и крикѣ мальчишекъ въѣхали въ аулъ.

Насъ, очевидно, не ждали, потому что никто не встрѣтилъ ни у въѣзда въ селеніе, ни даже въ домѣ старшины, къ которому мы не безъ труда добрались по узкимъ и кривымъ переулкамъ, загроможденнымъ камнями и кое-гдѣ накрытымъ сверху деревянными навѣсами, не разъ чувствительными ударами напоминавшими намъ о своемъ существованіи.

Домъ старшины ничѣмъ не выдѣлялся изъ общей среды. Стоялъ онъ между кривыхъ закоулковъ и имѣлъ при себѣ небольшой дворъ. Самое зданіе, довольно невзрачнаго вида, было изогнуто подъ прямымъ угломъ, при чемъ одна сторона его оказалась двухъ-этажной, а другая—въ одинъ ярусъ. Во второмъ этажѣ находилась одна лишь кунацкая [1]),—эта обязательная принадлежность каждой болѣе состоятельной сакли.

Гостепріимство весьма развито въ горахъ и въ наше время. Вы смѣло можете подъѣхать къ любой саклѣ, не сомнѣваясь, что хозяинъ встрѣтитъ васъ съ распростертыми объятіями и удалится со всей семьею въ самую отдаленную комнату, предоставивъ весь домъ въ ваше распоряженіе. Вы можете дѣлать, что вамъ угодно, можете ни о чемъ не заботиться и быть увѣрены, что лошадь ваша накормлена, а вамъ самимъ готовятся лучшія блюда. Когда же будете кушать, самъ хозяинъ будетъ прислуживать вамъ, внимая каждому слову, какъ повелѣнію своего владыки. Онъ не спроситъ васъ, кто вы такой, какой вы вѣры и національности: для него вы—дорогой гость, для котораго онъ готовъ все отдать. Пока вы будете оставаться подъ его крышей, вы безопасны отъ враговъ, а, покидая гостепріимный кровъ, можете даже не поблагодарить хозяина.

Явленіе это довольно понятно: оно вытекаетъ изъ самыхъ условій горской неустроенной жизни, а, во-вторыхъ, оно строго-настрого наказано мусульманамъ ихъ священною книгою кораномъ...

---

[1]) Комната для гостей; отъ слова кунакъ—другъ.

Нечего и говорить, что намъ былъ обезпеченъ самый лучшій пріемъ.

Когда мы слѣзли съ лошадей, къ намъ вышли молодцы—сыновья хозяина, и, объявивъ, что отецъ сейчасъ выйдетъ, просили съ низкими поклонами пожаловать наверхъ въ кунацкую.

Мы поднялись по крутой и скверной лѣстницѣ и черезъ коридоръ и переднюю вошли въ кунацкую.

Это была большая комната съ деревяннымъ поломъ, устланнымъ войлокомъ, и съ выштукатуренными стѣнами, изъ которыхъ задняя поперечная имѣла нѣсколько углубленій, гдѣ хранились на полкахъ одѣяла и другія принадлежности ночлега, а повыше ихъ, къ самому потолку, стояла разная фаянсовая посуда—любимое украшеніе у горцевъ. Единственное и небольшое оконце освѣщало комнату, одинъ изъ угловъ которой былъ занятъ огромной деревянной кроватью съ постелью сомнительной чистоты.

Вечеръ былъ очень теплый, и мы, снявъ съ себя верхнюю одежду, вышли на плоскую земляную крышу.

Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ облетѣла ужъ, конечно, весь аулъ и чуть не всѣ обитатели его сошлись къ дому старшины и, гордо драпируясь въ свои сагуры—бараньи шубы съ огромными пелеринами, расположились кто на улицѣ, кто на кровляхъ домовъ, а кто и въ самомъ дворѣ. Женщинъ почти не было видно, да и тѣ, которыя появлялись на крышахъ, спѣшили накрыться покрываломъ, разъ замѣчали на себѣ нашъ взлядъ. Зато малолѣтнее населеніе выходило изъ себя, желая вдоволь насладиться рѣдкимъ любопытнымъ зрѣлищемъ. Съ настойчивостью, достойной лучшей цѣли, они упрямо лѣзли впередъ, расталкивая взрослую публику и нимало не смущаясь подзатыльниками, щедро сыпавшимися на нихъ со всѣхъ сторонъ.

Особенно заинтересовалъ меня одинъ мальчуганъ лѣтъ 4—5 въ ветхомъ оборванномъ костюмѣ и съ раскрытой грудью. Онъ упрямо стремился въ первый рядъ и если его оттѣсняли назадъ,—онъ вновь дѣлалъ неимовѣрныя усилія, скользилъ между ногъ взрослыхъ и ползъ по карнизу сакли, пока вновь не пробирался впередъ на свое абонированное мѣсто. Такая настойчивость увѣнчалась въ концѣ концевъ полнымъ успѣхомъ: никто уже не обращалъ на него вниманія, и онъ предался безмолвному и сосредоточенному созерцанію.

Въ этотъ моментъ на нашей крышѣ появился хозяинъ—сѣдобородый прапорщикъ милиціи, въ полной парадной формѣ. Черная черкеска украшалась серебряными эполетами съ великолѣпной золотой звѣздочкой посрединѣ; на груди красовались два ряда серебряныхъ газырей [1]), а надъ ними блестѣла большая золотая ме-

---

[1]) Нѣчто въ родѣ патроновъ—гильзъ.

даль «за усердіе». Приложивъ руку къ папахѣ, онъ привѣтствовалъ насъ на своемъ языкѣ и благодарилъ за честь, которую мы сдѣлали ему, остановившись въ его домѣ.

— Все скверно у меня,—передавалъ Мамедъ его слова:—все грязно и бѣдно. Но одно присутствіе дорогихъ гостей украситъ мою саклю, и она будетъ блестѣть и сверкать, какъ дворецъ вельможи. Добро пожаловать, дорогіе гости. Вы здѣсь хозяева, а я—вашъ слуга. Требуйте, чего желаете.

— Спасибо, старикъ,—отвѣтилъ А*,—мы очень цѣнимъ твое радушіе и отъ всего сердца благодаримъ тебя. Зачѣмъ только ты надѣлъ всѣ эти цацки?

Старикъ только улыбнулся, какъ бы давая понять, что на этотъ вопросъ и отвѣчать нечего.

— Ну, тебѣ тяжело, старикъ:—продолжалъ А*:—иди, раздѣнься, а потомъ приходи къ намъ чай пить.

Хозяинъ низко поклонился и ушелъ съ крыши.

Эта сцена, эти сверкающіе эполеты старшины довели извѣстнаго уже читателю мальчугана до полнаго изступленія. Онъ до того стремился впередъ, что чуть не свалился съ крыши, и только благодѣтельная десница какого-то правовѣрнаго спасла его отъ опаснаго паденія. Но когда старшина ушелъ и взрослая публика стала расходиться, мальчуганъ, очутившись на просторѣ и замѣтивъ мое вниманіе, сталъ кривляться, а затѣмъ спрятался за спиной матери. Я бросилъ ему мелкую монету, но онъ перепугался и убѣжалъ съ крыши, и деньгами завладѣла какая-то шустрая дѣвченка.

Тѣмъ временемъ стало темнѣть. На крышѣ мечети появился мулла и гнусавымъ голосомъ сталъ приглашать правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ. Улица быстро опустѣла, и мы ушли въ кунацкую, гдѣ уже запылала желѣзная печка, а на столѣ появился самоваръ.

Мы вытащили свои закуски и пригласили Мамеда принять участіе въ чаепитіи. Онъ, по обыкновенію, сталъ отказываться.

— Ну, Мамедъ, садитесь,—сказалъ А*,—вѣдь теперь вечеръ, ураза кончилась, и вы можете безъ стѣсненія заняться насыщеніемъ своего желудка. А ты, Мустафа,—обратился онъ къ прислуживавшему намъ сыну хозяина:—сходи за отцомъ и скажи, что мы его ждемъ.

Мустафа исчезъ изъ комнаты, оставивъ, по горскому обыкновенію, входную дверь открытой.

Нужно замѣтить, что горцы не привыкли къ теплымъ помѣщеніямъ и хотя зажигаютъ въ сакляхъ огни, но дѣлаютъ это больше для варки пищи и для свѣта; тепло же имъ даетъ баранья шуба, которую они ни на минуту не спускаютъ съ плечъ и которая служитъ ночью постелью и одѣяломъ. Закрывать при такихъ условіяхъ дверь значило бы мѣшать выходу дыма и свободному притоку чистаго воздуха.

Хозяинъ не замедлилъ появиться и снова привѣтствовалъ насъ.

Принять же участіе въ трапезѣ согласился только послѣ настойчивыхъ нашихъ упрашиваній.

— И то онъ рѣшился сѣсть,—замѣтилъ мнѣ А*,—лишь въ виду своей старости. Иначе ни за что не сдался бы на наши просьбы.

Сѣвши же, онъ самъ заговорилъ и политично сталъ разспрашивать о новостяхъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на его аулъ. Онъ хвалилъ его, хвалилъ богатые сады, охватившіе селеніе, и великолѣпные иголинскіе персики, единственные во всемъ Дагестанѣ. Затѣмъ сталъ жаловаться на суровую зиму, которая побила весь виноградъ и не позволила сдѣлать хорошей чобы [1]).

— А что же вы, трудолюбивые иголинцы, — сказалъ ему А*,— оставляете впустѣ громадную площадь, лежащую передъ вашимъ селеніемъ? Какъ вамъ не стыдно? Вѣдь у васъ тысячи летятъ изъ кармана! Сколько садовъ вы могли бы разбить на ней!

— Правда, правда,—отвѣтилъ старшина:—да что подѣлаешь? Безъ пороху не проведешь оросительныхъ канавъ, а безъ орошенія деревья не станутъ расти.

— Такъ составляйте скорѣй общественный приговоръ да собирайте нужныя деньги. Ни округъ, ни губернаторъ не станутъ препятствовать въ этомъ. Было бы только ваше доброе желаніе.

— Мы уже толковали объ этомъ,—отвѣтилъ старшина:—и деньги у насъ будутъ. Хотѣли только переговорить съ начальствомъ. Теперь мы знаемъ ваше мнѣніе и пошлемъ къ вамъ приговоръ.

— Скорѣй, скорѣй дѣлайте это,—сказалъ А*,—не теряйте дорогого времени и тысячи рублей. Вѣдь ваше селеніе—одинъ изъ лучшихъ уголковъ во всемъ Дагестанѣ, и вы можете производить лучшіе фрукты.

— Какая громадная разница,—обратился я къ А*:—сегодня утромъ мы ѣхали среди хунзахской равнины, гдѣ родится одинъ ячмень, а теперь находимся въ какой-то Италіи, гдѣ растутъ лучшіе и нѣжнѣйшіе фрукты. Велико ли вообще садоводство въ вашемъ округѣ?

— Нашъ округъ, пожалуй, одинъ изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи во всемъ Дагестанѣ. Въ ущельяхъ Аварскаго и Андійскаго койсу разбросано немало селеній, отличающихся жаркимъ климатомъ и защищенныхъ горами отъ вліянія холодныхъ вѣтровъ. Мохохъ, Гимры, Иголи, Унцукуль, Ашильта—во всѣхъ этихъ аулахъ могло бы развиться крупное садоводство. Но что подѣлаешь, когда насъ заѣдаютъ наше невѣжество и бездорожье. Никто не заботится у насъ объ улучшеніи породъ деревьевъ и виноградной лозы, а ведутъ это хозяйство, какъ велось оно при отцахъ и дѣдахъ. Да и какъ повезешь нѣжные персики и прелестный виноградъ по этимъ ужаснымъ дорогамъ!

---

[1]) Чоба, или дхаба—прекрасный напитокъ, очень любимый въ Дагестанѣ и приготовляемый изъ винограда.

— И вывоза никакого не существуетъ?

— Нѣтъ, существуетъ, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Кое-какъ везутъ въ кошелкахъ на эшакахъ въ Хунзахъ, въ Т.-Х.-Шуру, въ Петровскъ.

— А винодѣліе у васъ не развито?

— Очень мало. Только въ Хунзахѣ да Шурѣ. Да и сами туземцы этимъ не занимаются, такъ какъ это запрещено кораномъ. Они приготовляютъ одну лишь чобу, о которой вы уже слышали.

И долго мы еще толковали на разныя хозяйственныя темы.

Тѣмъ временемъ самоваръ уже опустѣлъ, а въ ущелье спустилась тихая, непроглядная ночь. Сынъ хозяина, молодой Мустафа, жарко истопилъ печь, унесъ самоваръ и объявилъ черезъ отца, что ужинъ готовъ,—не прикажутъ ли подавать? Мы отвѣтили утвердительно и поспѣшили удержать старину, такъ какъ онъ собрался было уходить.

Оставивъ на столѣ ту же грязную и засаленную скатерть, Мустафа выдвинулъ изъ-подъ кровати большой сундукъ и досталъ оттуда нѣсколько глубокихъ и мелкихъ тарелокъ, 4 поломанныхъ ножа и столько же вилокъ и ложекъ. Все это было очень старо отъ времени и употребленія. Съ перваго же взгляда замѣтна была принціальная ссора хозяевъ съ чистотой. Но мы не смутились этимъ и только вытерли свою посуду поданными тряпочками-салфетками также, конечно, не первой бѣлизны.

— Пожалуйте, дорогіе гости,—сказалъ хозяинъ, когда на столѣ въ какомъ-то подобіи супника задымилась до сихъ поръ невиданная мною похлебка.

— Что это такое?—спросилъ я.

— Это шарпа,—отвѣтилъ Мамедъ:—одинъ изъ нашихъ суповъ.

Я попробовалъ и съ большимъ удовольствіемъ съѣлъ цѣлую тарелку. Оказался превосходный супъ изъ баранины и риса, приправленный кислотой изъ хурмы—мѣстной кавказской ягоды.

На смѣну шарпѣ появилось новое блюдо — какія-то дымящіяся лепешки подозрительнаго цвѣта.

— Это хинкалъ,—сказалъ Мамедъ, замѣтивъ мое изумленіе:—любимое кушанье горцевъ.

— Изъ чего же оно приготовляется?

— Изъ кукурузной или иной какой нибудь муки, послѣ чего эти лепешки опускаются въ кипящую воду, гдѣ онѣ и варятся. Въ торжественныхъ случаяхъ къ водѣ прибавляютъ еще кусокъ баранины. Попробуйте же.

Я взялъ одну галушку. Оказалось тяжелое и трудно переваримое тѣсто, почти безъ всякаго вкуса. Я не могъ одолѣть и одной лепешки, тѣмъ болѣе, что онѣ были сильно приправлены чеснокомъ—этимъ неизмѣннымъ спутникомъ чуть не каждаго горскаго кушанья. Но мои спутники усердно принялись за истребленіе хинкала, при

посредствѣ тоненькихъ палочекъ; хозяинъ же нашъ обходился съ помощью собственныхъ пальцевъ.

— Ну, если вы не хотите кушать хинкалъ, то кушайте баранину, — сказалъ Мамедъ, указывая на тарелку, только что принесенную Мустафой.

Баранина, варенная вмѣстѣ съ хинкаломъ и также отдававшая чеснокомъ, пришлась мнѣ по вкусу, и я съѣлъ кусокъ ея, но категорически отказался отъ бараньяго курдюка, поданнаго цѣльнымъ огромнымъ кускомъ. Для хозяина же и Мамеда курдюкъ оказался наивысшимъ лакомствомъ, отъ котораго они отстали лишь, когда ѣсть дальше оказалось не въ моготу.

— Ну, теперь можно выпить чобинскаго,—сказалъ А* и налилъ мнѣ въ стаканъ какой-то жидкости мутно-коричневаго цвѣта.

— Это и есть та чоба, о которой мы говорили?—спросилъ я.

— Она самая,—отвѣтилъ Мамедъ.

Я попробовалъ и пришелъ въ восторгъ. Это былъ превкусный, сладковатый напитокъ, похожій на нашъ шипучій квасъ, но только съ меньшимъ количествомъ газа.

— Пейте, пейте,—сказалъ А*:—чоба не опьяняетъ, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію мусульманъ.

— Какъ ее приготовляютъ?—спросилъ я.

— Особымъ образомъ кипятятъ виноградный сокъ, — отвѣтилъ А*:—огонь, видите ли, все очищаетъ и дѣлаетъ пригоднымъ даже и для правовѣрныхъ,—добавилъ онъ, поглядывая съ улыбкой на Мамеда, который весьма прилежно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его стаканъ наполнялся по мѣрѣ «повышенія дна».

— Иногда еще въ чобу кладутъ кишмишъ, — сказалъ Мамедъ, дѣлая видъ, что все предшествующее не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго отношенія:—тогда еще вкуснѣе выходитъ. Но часто образуется такъ много газа, что рветъ бутылки.

Лакомясь прошлогоднимъ виноградомъ и запивая чобой, мы просидѣли часовъ до десяти. Но усталость начала сильно сказываться, и А* заявилъ, что пора дать хозяину отдохнуть, да и самимъ приготовиться къ завтрашнему путешествію.

Старшина ушелъ съ низкими поклонами, а Мустафа принесъ огромную перину и положилъ ее въ углу на полъ. Изголовье образовала столь же огромная подушка, а сверху очутилось толстое ватное одѣяло. Другую постель устроили на кровати... Все это такъ же, какъ и столъ, оставляло многаго желать съ точки зрѣнія чистоты.

А. П. Андреевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ Т. І. ВЕРЖБИЦКАГО.

Ъ КУРСКОЙ губерніи, въ послѣднюю четверть истекающаго столѣтія, замѣчается поразительное и въ то же время печальное явленіе—полнѣйшій упадокъ интереса къ историческому изученію родного края. Называемъ это явленіе поразительнымъ, въ виду того, что какъ во многихъ мѣстахъ Россіи, такъ и въ сосѣднихъ съ Курской губерніяхъ, именно въ послѣднія десятилѣтія, въ особенности, оживился интересъ къ мѣстно-историческимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ, въ губернскихъ городахъ возникли и функціонируютъ историографическія учрежденія того или другого типа, образовались кружки любителей старины, издаются тѣ или иные сборники, гдѣ печатаются результаты работъ мѣстныхъ археологовъ и историковъ и т. п. Въ Курскѣ же, въ прежнее время, также были мѣстные изслѣдователи исторіи и этнографіи края, были ревностные любители старины, изучавшіе и издававшіе ея памятники, выходили тогда и «Труды статистическаго комитета» и «Памятныя книжки» съ историческимъ отдѣломъ и другія изданія историческаго характера. Теперь нѣтъ ничего подобнаго. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ только на то, что на кіевскій археологическій съѣздъ, бывшій въ августѣ настоящаго года, изъ Курска не явилось ни одного представителя, тогда какъ изъ всѣхъ, окружающихъ Курскую, губерній они были. Интересъ къ прошлому, хотя бы самый незначительный, совершенно изсякъ въ нашемъ краѣ.

И вотъ въ такое-то трудное для мѣстной исторіографіи время умеръ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, который горячо любилъ исторію и археологію и, насколько могъ, работалъ въ этой области тамъ, гдѣ ему приходилось служить. Это—Титъ Іоильевичъ Вержбицкій,

умершій въ Курскѣ 19-го мая 1899 года. Въ Курскъ онъ пріѣхалъ 10 лѣтъ тому назадъ, служилъ здѣсь вначалѣ полицеймейстеромъ, а потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Былъ онъ также секретаремъ статистическаго комитета и редакторомъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Онъ также носилъ нѣкоторыя почетныя званія, былъ членомъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, напримѣръ, церковно-археологическаго при Кіевской духовной академіи, юридическаго и др. Т. І. Вержбицкій представлялъ собою оригинальную личность. Сынъ священника Подольской губерніи, онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, не могъ окончить полнаго курса ученія, 19-ти лѣтъ уже началъ тянуть служебную лямку, служилъ въ разныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, исполнялъ обязанности судебнаго пристава, потомъ нѣсколько лѣтъ занимался частной адвокатурой, затѣмъ опять поступилъ на службу по полицейской части, гдѣ и дослужился до должности полицеймейстера. Но важно то обстоятельство, что Т. І. никогда не угашалъ въ себѣ стремленія къ знанію, къ самообразованію, и много поработалъ надъ собою въ этомъ направленіи. Въ качествѣ вольнослушателя онъ слушалъ лекціи въ Кіевскомъ университетѣ, затѣмъ всю жизнь свою учился, съ жадностью прочитывая книги научнаго содержанія по философіи, исторіи и литературѣ. Бесѣдуя съ нимъ о научныхъ вопросахъ, трудно было подумать, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который не окончилъ средняго учебнаго заведенія; Т. І. сумѣлъ пріобрѣсти обширныя и основательныя знанія по нѣкоторымъ предметамъ, но особенно любилъ онъ исторію и археологію.

Когда онъ пріѣхалъ въ Курскъ, то дѣло мѣстной исторіографіи находилось въ томъ же положеніи, въ какомъ находится и теперь. Въ одной изъ первыхъ же бесѣдъ со мной, Т. І. былъ удивленъ такимъ фактомъ и долго съ жаромъ толковалъ на эту тему.

— Надо,—говорилъ онъ съ свойственнымъ его натурѣ одушевленіемъ,—возбудить въ курскомъ обществѣ интересъ къ старинѣ, надо писать, надо убѣждать, надо собирать старинные предметы... А здѣсь ихъ, вѣроятно, много.

И Т. І. Вержбицкій сталъ, гдѣ только могъ, отыскивать и пріобрѣтать въ Курскѣ старинныя рукописи и вещи. На это онъ потратилъ немало труда и издержекъ, и дѣйствительно успѣлъ пріобрѣсти весьма интересные и важные въ археологическомъ отношеніи предметы. Такъ какъ въ Курскѣ хранить ихъ было негдѣ, то Т. І. отсылалъ ихъ въ музей кіевскаго церковно-археологическаго общества, куда направлялъ предметы старины и изъ другихъ мѣстъ. Мнѣ пришлось познакомиться съ описаніемъ кіевскаго музея, гдѣ находится и каталогъ предметовъ старины. Громадное количество старинныхъ книгъ и вещей доставлено именно Т. І. Вержбицкимъ. Здѣсь онъ является однимъ изъ главнѣйшихъ вкладчиковъ и сотрудниковъ. Изъ Бердичева, Житоміра, Кіева, Курска и другихъ

мѣстъ въ музеѣ есть вклады Тита Іоильевича и въ числѣ ихъ немало весьма цѣнныхъ. Пріобрѣтая предметы старины, покойный Т. І. любилъ показывать ихъ представителямъ образованнаго общества, объяснялъ ихъ значеніе и вообще, такъ сказать, нагляднымъ образомъ старался возбудить любовь къ археологіи. Писалъ онъ о своихъ находкахъ и въ мѣстныхъ газетахъ.

Всѣмъ намъ, еще на школьной скамьѣ, становятся извѣстны имя и литературная дѣятельность родоначальника русской романтической поэмы И. Ѳ. Богдановича. Авторъ «Душеньки» послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Курскѣ, гдѣ умеръ и былъ погребенъ на такъ называемомъ Херсонскомъ кладбищѣ. Бывшій въ тридцатыхъ годахъ курскимъ губернаторомъ П. Н. Демидовъ надъ могилой поэта поставилъ высокій красивый памятникъ, увѣнчанный статуей Психеи изъ бѣлаго мрамора. Какъ это водится, съ теченіемъ времени памятникъ Богдановичу былъ забытъ и доведенъ до полуразрушеннаго состоянія. Демидовъ велѣлъ его сдѣлать изъ самыхъ дорогихъ матеріаловъ, и неудивительно, что при отсутствіи надзора любители чужой собственности стали обламывать монументъ и успѣли уже отбить голову отъ статуи Психеи...

Т. І. Вержбицкій узналъ отъ курскихъ старожиловъ о заброшенномъ памятникѣ. Онъ не безъ труда нашелъ его на кладбищѣ, пригласилъ фотографа, который сдѣлалъ фотографическій снимокъ съ монумента; написалъ статью о памятникѣ Богдановичу и вмѣстѣ съ снимкомъ послалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника». Статья была напечатана, а снимокъ приложенъ къ журналу. Въ Курскѣ номеръ «Историческаго Вѣстника» съ статьей Тита Іоильевича произвелъ сильное впечатлѣніе.

— Поразительно,—говорили нѣкоторые,—сколько лѣтъ мы тутъ жили, ничего не знали о Богдановичѣ и его памятникѣ, а Т. І. недавно пріѣхалъ и уже нашелъ памятникъ, и уже хлопочетъ о его возобновленіи.

Да, онъ, не теряя времени, хлопоталъ объ этомъ. Дѣло пошло на ладъ, и теперь памятникъ Богдановичу, надлежащимъ образомъ реставрированный, стоитъ въ саду противъ курскихъ присутственныхъ мѣстъ. Прекрасное четверостишіе, взятое изъ «Душеньки», начертано на немъ, по мысли Вержбицкаго.

Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ;
Но красоту души ничто не нарушаетъ,
Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.

Думая написать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нѣсколько словъ о Титѣ Іоильевичѣ, я затруднялся тѣмъ соображеніемъ, что Т. І. былъ хотя и крупный, но главнымъ образомъ провинціальный дѣятель. Но мою нерѣшительность побѣдилъ именно памятникъ Богдановичу. Онъ находится какъ разъ возлѣ дорожки, которая ве-

детъ къ архивамъ курскихъ присутственныхъ мѣстъ. Ѣдешь заниматься въ архивѣ, возвращаешься обратно—предъ глазами стоитъ перенесенный въ центръ города монументъ классическому русскому поэту, по инициативѣ и стараніями Тита Іоильевича, и рѣшаешь такъ: какъ ни разсуждать — возобновленіе памятника Н. Ѳ. Богдановичу явная заслуга Вержбицкаго по отношенію къ русской литературѣ; пусть же память о немъ, хотя и выраженная слабымъ словомъ, сдѣлается достояніемъ всего образованнаго русскаго общества, изучавшаго въ исторіи литературы произведенія Богдановича.

У подошвы одного изъ высокихъ холмовъ, на которыхъ расположенъ Курскъ, есть родникъ, который, по старинному преданію, носитъ названіе Ѳеодосіевскаго, отъ имени преподобнаго Ѳеодосія, жившаго, какъ извѣстно, нѣкоторое время въ Курскѣ. Родникъ этотъ даетъ прекрасную воду, но до послѣдняго времени находился въ запустѣніи. Т. І. возбудилъ вопросъ о сооруженіи надъ родникомъ часовни, хлопоталъ объ этомъ вездѣ, гдѣ могъ, собиралъ пожертвованія, и результатомъ всего этого явилось устройство надъ Ѳеодосіевскимъ родникомъ изящной часовни, съ соотвѣтствующими надписями, предложенными Вержбицкимъ.

Въ мѣстной печати Т. І. весьма часто давалъ статьи, въ которыхъ такъ или иначе возбуждалъ вниманіе къ мѣстному прошлому и его дѣятелямъ. Онъ возбудилъ и энергично поддержалъ мысль о томъ, что необходимо торжественно почтить въ Курскѣ столѣтнюю годовщину со дня рожденія извѣстнаго курскаго астронома-самоучки и метеоролога Семенова, въ свое время пріобрѣтшаго извѣстность своими научными занятіями не только среди русскихъ, но и среди иностранныхъ ученыхъ. Инициатива Тита Іоильевича имѣла успѣхъ: въ честь Семенова было устроено торжество, затѣмъ особая комиссія для увѣковѣченія памяти Семенова, дѣятельнымъ членомъ которой былъ Вержбицкій, выработала проектъ увѣковѣченія этой памяти, результатомъ чего въ Курскѣ возникли два симпатичнѣйшихъ учрежденія: Семеновская метеорологическая обсерваторія и Семеновская публичная библіотека.

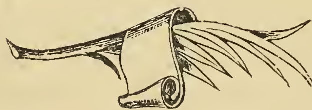
Т. І. возбудилъ вопросъ и объ увѣковѣченіи памяти извѣстнаго уроженца города Рыльска—знаменитаго Шелехова, основателя Россійско-Американской компаніи, и о постановкѣ ему памятника въ Рыльскѣ, возбуждалъ онъ не разъ, по разнымъ случаямъ, вопросъ о сохраненіи и реставраціи мѣстныхъ памятниковъ старины. Нужно сказать, что Т. І. не ограничивался, въ подобныхъ случаяхъ, одними словами или статьями. Нѣтъ, онъ дѣятельно хлопоталъ, ѣздилъ, привлекалъ жертвователей и сотрудниковъ, и, если то было нужно, самъ не избѣгалъ черновой работы, наблюдалъ, дѣлалъ заказы, присматривалъ за мастеровыми и т. п. Такихъ убѣжденныхъ любителей старины приходится встрѣчать не часто у насъ въ провинціальной глуши.

Литературную дѣятельность Вержбицкій началъ весьма рано. Уже въ 1864 году, девятнадцати-лѣтнимъ юношей, онъ дебютировалъ въ «Кіевлянинѣ». Затѣмъ помѣщалъ въ разное время статьи въ газетахъ: «Голосъ», «Русскія Вѣдомости», «Русскій Курьеръ», «Новороссійскій Телеграфъ» и др. Состоя на службѣ въ Курскѣ, Т. І. былъ сотрудникомъ «Тюремнаго Вѣстника», «Кіевской Старины», «Странника», «Кіевскаго Слова» и «Этнографическаго Обозрѣнія». Послѣдняя статья Вержбицкаго была именно помѣщена въ томъ № журнала «Этнографическое Обозрѣніе», который былъ присланъ въ Курскъ въ день похоронъ автора. Т. І. составилъ «Историческое описаніе города Житоміра» и издалъ, въ качествѣ секретаря курскаго статистическаго комитета, нѣсколько выпусковъ «Памятной книжки» Курской губерніи, гдѣ помѣщены и его статьи историческаго и этнографическаго содержанія.

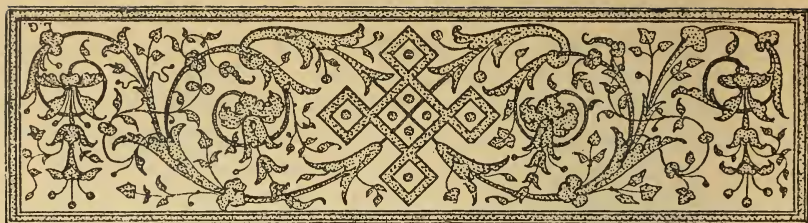
Въ послѣдніе годы жизни Вержбицкій большую часть своего досуга отъ служебныхъ занятій посвящалъ редактированію «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», которыя, по отзывамъ печати, нашли себѣ въ лицѣ Тита Іоильевича умѣлаго и искуснаго редактора, оживившаго «Вѣдомости» и привлекшаго къ участію въ работѣ мѣстныя литературныя силы.

Въ краткой замѣткѣ мы вовсе не думаемъ дать очеркъ жизни и дѣятельности Вержбицкаго и даже не претендуемъ на полное обозрѣніе его историко-литературныхъ трудовъ. Но намъ казалось необходимымъ помянуть добрымъ словомъ одного изъ тѣхъ нашихъ провинціальныхъ тружениковъ, о которыхъ г. Рудаковъ [1]) справедсиво сказалъ, что «работа ихъ вызываетъ въ читателѣ глубокое уваженіе»...

А. Танковъ.

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1899 г., № 6.

ВИЗНА.

(Посвящается профессору, д-ру Маріану Соколовскому).

От Ломжи до Визны.—Пёнтница.—Калиново.—Дроздово.—Профессоръ В. Лютославскій.—Гора королевы Боны.—Видъ Визны.—Ея прошлое.—Каштеляны Иловскій и Болеста.—Колдунья Варвара Кролька.—Приходскій костёлъ.—Его исторія и описаніе.—Алтари.—Картины.—Ложа королевы Боны.—Надгробія.—Библіотека.

Ъ АПРѢЛѢ 1898 года, вскорѣ послѣ моего перехода на службу въ Ломжу, глубокій знатокъ польскихъ древностей, членъ краковской академіи наукъ и профессоръ Ягеллонскаго университета, Маріанъ Соколовскій, зная мое пристрастіе къ изученію мѣстныхъ историко-археологическихъ памятниковъ, писалъ мнѣ, обращая мое «особенное вниманіе на Ломжу и Визну».

Улучивъ удобное время, я воспользовался указаніями знаменитаго ученаго и совершилъ экскурсію въ Визну.

Визна — въ настоящее время посадъ Ломжинскаго уѣзда, въ двадцати съ небольшимъ верстахъ отъ Ломжи.

Проѣхать туда можно двумя дорогами: одна, наиболѣе короткая, но довольно скучная, лежитъ черезъ деревню Божеево, а другая — болѣе длинная—проходитъ по самому краю берега Нарева. За то передъ вами цѣлый рядъ деревень, и вы любуетесь панорамою противоположнаго гористаго наревскаго берега.

Вотъ Пёнтница. Она расположилась vis-à-vis Ломжи, и видъ отсюда на городъ великолѣпный. Вотъ Калиново — излюбленное дачное мѣсто ломжинской интеллигенціи, но интеллигенціи русской. «Дачеманія» занесена въ край русскими...

Дальше—Дроздово, извѣстное своимъ пивоваренным заводомъ. Дроздовское пиво, благодаря своимъ достоинствамъ, имѣетъ значительный сбытъ не въ одномъ только царствѣ Польскомъ, но и въ имперiи и за границей. Особенною популярностью пользуется такъ называемое «марцовое (мартовское) пиво»,—черное, густое, сладковатое на вкусъ, но крѣпкое, напоминающее до извѣстной степени портеръ.

Дроздово и заводъ принадлежатъ бр. Лютославскимъ. Гг. Лютославскiе представляютъ собою достойный подражанiя примѣръ тружениковъ, преданныхъ своему дѣлу. Всѣ они получили солидное—спецiальное—образованiе и все-таки до сихъ поръ не раздѣлились между собою. Одинъ изъ нихъ—Викентiй—занималъ профессорскiя каѳедры въ Эдинбургѣ, Казани, Лейпцигѣ и Мадритѣ, извѣстенъ своимъ англiйскимъ сочиненiемъ о Платонѣ [1]) и своею схваткою въ Лейпцигѣ (1898 г.) съ нѣмецкими профессорами лагеря гакатистовъ. Г. Викентiй Лютославскiй, можно сказать, объѣхалъ полъ-мiра. Будучи въ Испанiи, онъ женился на извѣстной испанской поэтессѣ, г-жѣ ди-Касанова (Kasanova). Въ прошломъ году онъ съ семействомъ поселился въ Дроздовѣ, откуда по временамъ посылаетъ въ петербургскiй «Kraj» статьи философскаго содержанiя [2]).

Минуя затѣмъ послѣдовательно деревни Неводово, Раково I-е и II-е, Кржево, отличающiяся красивымъ мѣстоположенiемъ, и Броново—послѣдняя довольно большая, а мужики народъ все зажиточный—очутимся передъ самой Визной. Когда станете подъѣзжать къ ней ближе, то первое, что́ прежде всего бросается въ глаза—направо, при въѣздѣ въ мѣстечко, между дорогою и Наревомъ, высокiй продолговатый холмъ. Народъ зоветъ его «горою королевы Боны». И дѣйствительно на этомъ холмѣ въ XVI—XVII столѣтiяхъ стоялъ за́мокъ, въ которомъ проживали двѣ польскiя королевы Бона и дочь ея Анна Ягеллонка [3]). Мѣстные жители разсказываютъ, что еще тридцать лѣтъ назадъ на горѣ были остатки замковой башни, которые они же растащили: изъ кирпичей понадѣлали себѣ печи. Въ настоящее время никакихъ слѣдовъ за́мка не осталось, мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, распахано и занято огородами.

---

[1]) «The origin and growth of Plato's Logic», London. 1897.

[2]) Таковы: «Falszywa filozofja», № 30, «O prawdziwą filozofję», № 47, «Polski indywidualizm i typ obywatela», № 50. Послѣднее крупное соч. г. Лютославскаго вышло въ минувшемъ году, въ Гельсингфорсѣ, подъ заглавiемъ: «Ueber die Grundvoraussetzungen und Consequenzen der individualistischen Weltanschauung» и представлено авторомъ въ мѣстный университетъ на соисканiе степени доктора философiи.

[3]) Здѣсь же цѣлыя сутки (10—11 сент. 1573 г.) простояло тѣло короля Сигизмунда II Августа, перевозимое изъ Кнышина, гдѣ онъ умеръ, черезъ Тыкоцинъ, въ Краковъ.

Сама Визна, до 1868 г. бывшая городомъ, производить впечатлѣніе большой зажиточной деревни: по обѣ стороны очень длинной улицы рядъ чисто деревенскихъ домовъ, съ праваго боку обширная квадратная площадь съ низенькими домиками: тутъ аптека, лавочки, въ извѣстные дни бываютъ базары. Нѣкогда на этой площади, посерединѣ, стоялъ городской магистратъ, и отправлялось гражданское правосудіе. Здѣсь, въ 1582 г., по указу Стефана Баторія, отрубили голову визненскому каштеляну Иловскому, обвиненному въ произволѣ и убійствахъ. Тутъ же въ первой четверти XVII в. сожгли, по приговору мѣстнаго бургомистра, колдунью Варвару Крольку, о которой говорили въ народѣ, будто она очаровала самого короля Сигизмунда-Августа и извела его женъ Елизавету Ракушанку и Варвару Радзивиллъ; обвиняли бѣдную Варвару еще и въ томъ, что она «наслала» на Ломжу моровое повѣтріе 1624 года [1])... Въ XII столѣтіи Визною—какъ за́мкомъ—управляли каштеляны. Одинъ изъ нихъ—нѣкто Болеста—соста́вилъ себѣ громкую, но печальную, извѣстность. Онъ велъ тяжбу съ плоцкимъ епископомъ Рохомъ Вернеромъ—оспаривалъ права́ послѣдняго на владѣніе деревнею Карско. Проигравъ окончательно дѣло, Болеста подослалъ къ Вернеру, проживавшему тогда въ дер. Бискупице [2]), убійцъ. Послѣдніе ночью прокрались въ жилище епископа и умертвили его (1170 г.). Преступленіе раскрылъ мальчикъ, спрятавшійся въ комнатѣ. Болеста получилъ возмездіе: его сожгли живьемъ на базарной площади въ Гнѣзнѣ [3]).

Въ XIII ст. Визна переходитъ въ собственность удѣльныхъ мазовецкихъ князей. Терпитъ нападенія пруссовъ и литовцевъ. Въ 1294 г. Визну сжигаютъ тевтонскіе рыцари. Черезъ два года кн. Болеславъ ее отстраиваетъ, и съ этого времени Визна дѣлается княжескою столицею. Около 1340 г. акты упоминаютъ о мѣстномъ владѣтельномъ князѣ Земовитѣ II-мъ. Казимиръ Великій въ 1352 г. заключаетъ съ кн. Земовитомъ договоръ, касающійся земель плоцкой, визской и закрочимской [4]). Но самостоятельность Визны была непродолжительна: сначала Визненское княжество было присоединено къ Плоцкому, а потомъ вошло въ составъ коронныхъ польскихъ земель (1468). Въ XVI ст. княжество Визна, или земля Визская, дѣлилось на два уѣзда (powiaty)—Визскій и Вонсожскій, и заключало въ своемъ районѣ 280 селеній. Во второй половинѣ XVII

---

[1]) Въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ отъ этого повѣтрія умерло около 5.000 чел.

[2]) Близъ гор. Дробина (нынѣ Плоцк. губ. и уѣзда).

[3]) Monum. hist. Polon., IV, 748—750.—Изъ послѣдующихъ каштеляновъ акты сохранили имена: Sasinus'a (1221 г.), Гергарда (1250), Якова (1254), Comes'a Nicolaus'a (1282) и Imislaus'a (1297).

[4]) Земовитъ, кн. мазовецкій, въ актѣ 1335 г. заявляетъ, что онъ получилъ отъ своего дяди, короля Казимира, за́мки Закрочимъ и Визну на три года, съ обязательствомъ ихъ отстроить.

Древнiй костелъ въ Визнѣ.

и въ началѣ XVIII ст. Визна много терпитъ отъ шведовъ и отъ морового повѣтрія. По люстраціи 1616 г. въ ней находилось 302 дома. Во второй половинѣ XVIII ст. это былъ маленькій городъ — petite ville—какъ называетъ Визну «Энциклопедія» Дидеро [1]). Въ 1800 г. въ Визнѣ было 197 домовъ и тысяча съ небольшимъ жителей. Прусское правительство, въ виду хорошаго положенія Визны, предполагало сдѣлать ее главнымъ городомъ департамента. Былъ уже готовъ регуляціонный планъ. Но недостатокъ подходящихъ зданій для помѣщенія правительственныхъ учрежденій помѣшалъ осуществленію этого намѣренія [2]). Въ концѣ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ Визнѣ насчитывалось до $2^1/_2$ тысячъ душъ населенія. Въ настоящее время она имѣетъ 3.000 д. жителей, въ томъ числѣ 900 евреевъ.

Мѣстный приходскій костелъ—совершенный образецъ польской церковной архитектуры XVI вѣка.

Построенъ въ 1500 году Анною, княгинею мазовецкою, матерью послѣднихъ мазовецкихъ князей Станислава и Яна [3]). Освященъ между 1502—1509 годами Викентіемъ Пржерембскимъ, епископомъ плоцкимъ, во имя св. Іоанна Крестителя. Послѣ опустошенія, произведеннаго шведами, возобновленъ въ 1658 году на средства мѣстнаго настоятеля Альберта-Казимира Шлегольскаго [4]).

Визненскій костелъ во многомъ напоминаетъ ломжинскую фару (приходскій костелъ), но меньше ея размѣрами и не имѣетъ съ боку звонницы. Выстроенъ изъ краснаго, неоштукатуреннаго, кирпича, Восточная алтарная часть прекрасно сохранилась въ первоначальномъ видѣ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о противоположной западной сторонѣ, играющей до извѣстной степени роль фасада зданія. Здѣсь остались только двѣ древнія, сильно пострадавшія, каменныя статуи св. Варвары и св. Яна изъ Помука. Съ сѣверной стороны примыкаетъ къ зданію сакристія (ризница). Посрединѣ крыши, надъ среднею частью храма, возвышается небольшая башенка съ готическимъ шпилемъ. Входныхъ дверей существуетъ двое: однѣ съ западной стороны, другія со стороны южной. Внутри зданіе раздѣляется вдоль восемью арками, по четыре съ каждой стороны,

---

[1]) Encyclop., t. XVII, MDCCLXV, 628.

[2]) Slown. geograf., XIII, 686.

[3]) Мѣстные акты упоминаютъ о визненскомъ духовенствѣ съ самаго начала XIV столѣтія. Въ 1300 году при замкѣ существовала часовня, въ которой совершалось богослуженіе. Въ исходѣ XIV столѣтія иждивеніемъ мазовецкихъ князей былъ поставленъ напротивъ замка, «не доходя моста», деревянный костелъ, во имя святого евангелиста Марка. Его сожгли литовцы. Затѣмъ уже княгинею Анною, при ближайшемъ участіи Яна-Воислава Войславскаго, каноника плоцкаго и варшавскаго, настоятеля ломжинскаго и визненскаго, нотарія князей мазовецкихъ выстроенъ на другомъ мѣстѣ—нынѣ существующій храмъ.

[4]) Послѣ того ремонтъ производился не однократно; въ послѣдній разъ былъ въ 1883—1884 годахъ.

на три части (nava): среднюю и двѣ боковыя. Арки сходятся вверху и образуютъ готическіе своды. Передняя — алтарная часть храма, или presbyterium, примыкаетъ къ навѣ и немного ниже ея. Presbyterium также покоится на трехъ аркадахъ, образующихъ вверху своды. Послѣдніе въ визненскомъ костелѣ не одинаковы. Въ боковыхъ навахъ — клѣтчатые, въ средней же навѣ передъ presbyterium'омъ и въ presbyterium'ѣ — волнистые. Зданіе освѣщается девятью, высокими и достаточно широкими, окнами, изъ которыхъ семь на правой сторонѣ (въ томъ числѣ три въ presbyterium'ѣ) и два на лѣвой, по одному на каждомъ концѣ галлереи.

Алтарей семь.

Главный, во имя Іоанна Предтечи, въ стилѣ Возрожденія—рѣзной, красивой архитектуры и недурной работы. Надпрестольный образъ, Крещенія Господня, довольно старый и порядочной кисти. По сторонамъ его изображены на золотомъ фонѣ свв. Станиславъ и Войцѣхъ. Въ верхней части алтаря — образъ Преображенія Господня, по бокамъ котораго находятся живописныя изображенія святыхъ апостоловъ Петра и Павла.

Боковой алтарь, св. Анны, на видъ довольно простой и нѣсколько тяжелый, замѣчателенъ своими деталями. Въ немъ, вмѣсто главнаго образа, помѣщается рѣзное изображеніе помянутой святой. Подъ нимъ интересная картина, продолговатой формы, представляющая поклоненіе, воздаваемое св. Аннѣ. Тутъ и папа, и цесарь Фердинандъ II, и король Сигизмундъ III, и люди разныхъ званій и состояній — всѣ на колѣняхъ. Ниже—другая картина, изображающая поклоненіе виѳлеемскому Богомладенцу трехъ царей. Обѣ картины одинаковой давности (XVII в.), недурной кисти и любопытны, главнымъ образомъ, въ отношеніи изображенныхъ на нихъ костюмовъ. Украшеніе этого алтаря дополняютъ статуи св. Владислава, короля венгерскаго — съ одной стороны, и св. Ядвиги — съ другой.

Въ параллельномъ съ предыдущимъ алтарѣ обращаетъ на себя вниманіе, опять-таки въ смыслѣ костюмовъ, картина умерщвленія святого епископа краковскаго Станислава.

Помянутые три алтаря, сходные между собою въ общихъ чертахъ, относятся къ началу XVII столѣтія, какъ это можно заключить по изображенію короля Сигизмунда III, находящемуся на одномъ изъ помянутыхъ выше алтарей.

Остальные четыре алтаря—позднѣйшаго происхожденія и довольно не изящной работы.

Въ алтарной части средней навы, по обѣ стороны, по стѣнамъ, другъ противъ друга, находятся мѣста для духовенства (stalla). Надъ входомъ въ сакристію, немного правѣе, на стѣнѣ—ложа, изъ которой, по преданію, слушала богослуженія королева Бона. Сходство ея съ мѣстами для духовенства показываетъ, что послѣднія лѣтъ на сто моложе алтарей. Затѣмъ, въ костелѣ есть лавка, съ вырѣ-

занною на ней датою 1653, каѳедра XVII столѣтія съ балдахиномъ въ формѣ короны и довольно плохими изображеніями евангелистовъ по бокамъ и деревянная купель XVI вѣка, довольно пострадавшая отъ времени [1]).

Надгробныхъ памятниковъ — два: одинъ Альберта Раковскаго, каштеляна визненскаго, его жены Софьи, урожденной Паціановой, и дѣтей Пивла и Христины, умершихъ въ с. Плоцкѣ [2]) въ 1608 г., и другой — каноника Франц. Дмоховскаго, умершаго 14-го марта 1881 года, на 83 году отъ роду.

Находящаяся при костелѣ библіотека состоитъ изъ латинскихъ и польскихъ книгъ, по бо̀льшей части, богословскаго содержанія. Какихъ либо выдающихся сочиненій въ ней нѣтъ. Все, что̀ только было цѣннаго, расхитили и уничтожили шведы въ 1710 году. Сохранился одинъ лишь привиллей, писанный на пергаментѣ, короля Михаила Корыбута, отъ 17-го октября 1673 года, коимъ предоставлялось визненскимъ мѣщанамъ право учреждать цехи столяровъ, портныхъ и т. п. [3]).

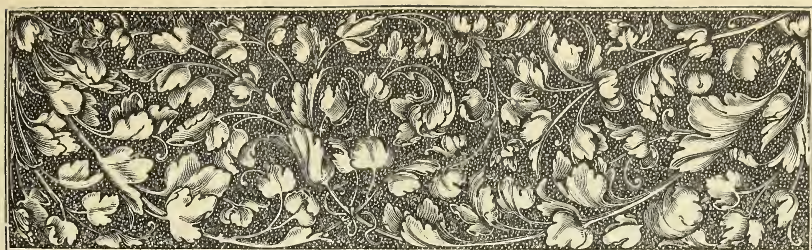
Г. Воробьевъ.

[1]) До 1862 года въ костелѣ сохранялся штандартъ, отнятый у шведовъ Стефаномъ Чарнецкимъ въ 1657 году. Въ 1862 году его украли.

[2]) То-есть въ Маломъ Плоцкѣ, — деревня въ Кольненскомъ уѣздѣ, въ 16 верстахъ отъ Ломжи.

[3]) Богатый и цѣнный матеріалъ для исторіи Визской земли, конечно, долженъ заключаться въ такъ называемыхъ «древнихъ актахъ земли Визской» и «гродскихъ», но они въ первой четверти настоящаго столѣтія вывезены изъ Визны, и въ настоящее время при гминномъ управленіи никакихъ древнихъ актовъ не имѣется.

ГОРОДЪ КЕЛЬЦЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

(Путевые очерки по Привислянью).

ТО изъ всего Привислянскаго края былъ только въ Варшавѣ, тому трудно составить себѣ какое либо понятіе объ остальныхъ губернскихъ городахъ бывшаго царства Польскаго. Варшава, благодаря своему исключительному центральному положенію въ административно-военномъ и торгово-промышленномъ отношеніи, занимаетъ, какъ извѣстно, первое мѣсто среди другихъ городовъ царства, а изящные, архитектурные дома ея, безукоризненная чистота длинныхъ, прямыхъ улицъ, богатство и роскошь магазиновъ и проч. и проч. признаки культуры даютъ ей право считаться даже однимъ изъ лучшихъ европейскихъ городовъ. Поляки не даромъ гордятся ею и считаютъ красавицей Привислянья!

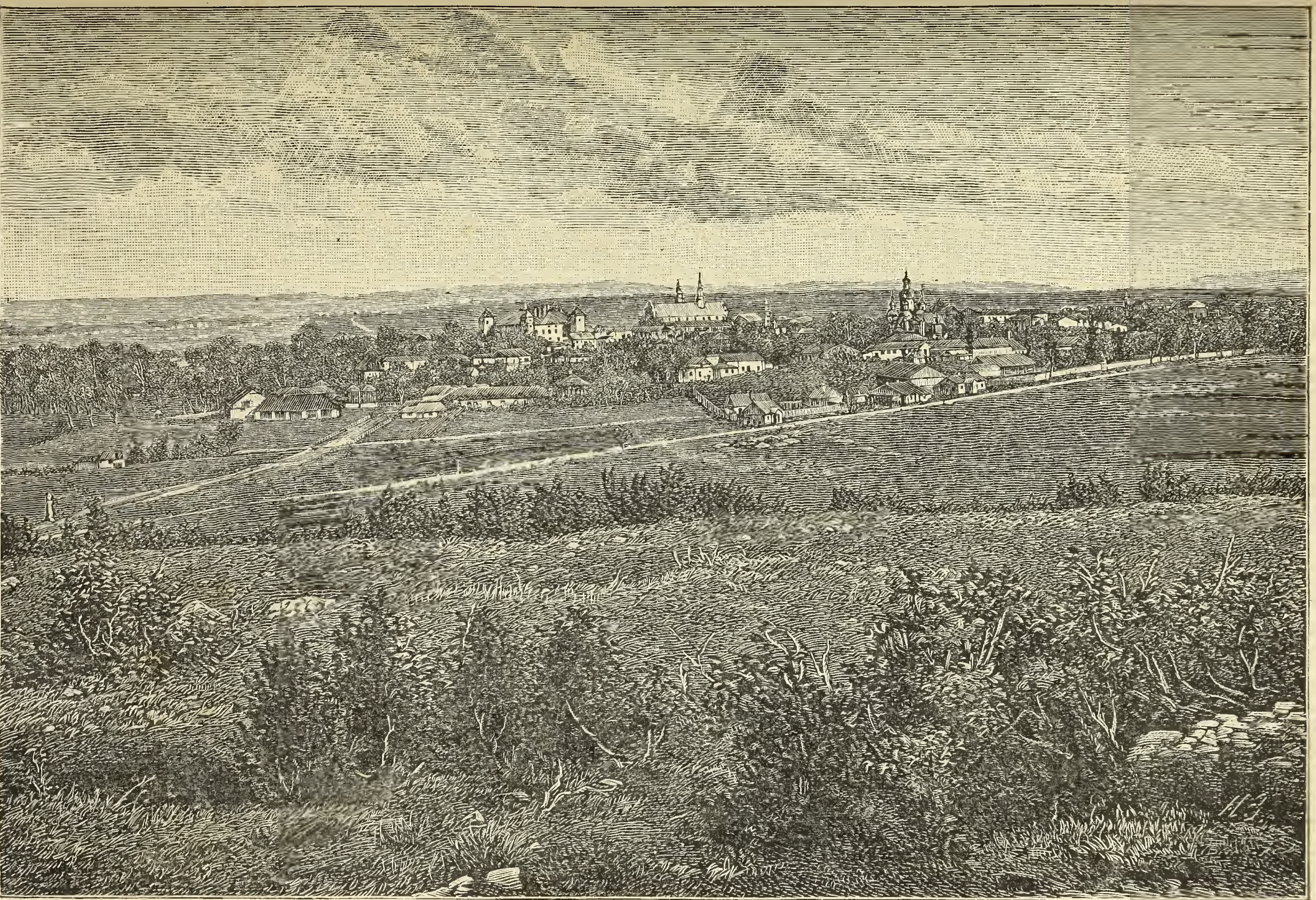
Совсѣмъ не то представляютъ собой остальные губернскіе города края.

Будучи не богаты численностью населенія, не имѣя почти никакого значенія въ торговлѣ и промышленности (за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ крупныхъ торговыхъ пунктовъ, какъ напримѣръ, города Лодзи Петроковской губ.), они могутъ гордиться развѣ только своей древностью да остатками старины, въ видѣ развалинъ замковъ и сохранившихся до сего времени костельныхъ громадъ. Почти всѣ они похожи одинъ на другой, если не по внѣшности, то по внутреннему своему устройству и жизни горожанъ. Въ каждомъ изъ

нихъ лучшія здания заняты присутственными мѣстами, гимназіями и другими казенными учрежденіями; въ каждомъ имѣется городской садъ — излюбленное мѣсто гулянья обывателей, замѣтно отсутствіе воды и большое присутствіе сыновъ израиля, а самая жизнь течетъ скучно и монотонно. Зато во всѣхъ губернскихъ городахъ улицы, хотя и плохо, но все же мощены, свиньи и прочія полезныя домашнія животныя по тротуарамъ не бродятъ, такъ что по чистотѣ любой небольшой губернскій городокъ царства дастъ двадцать очковъ впередъ своему собрату въ центрѣ Россіи.

Къ однимъ изъ такихъ городковъ, убогихъ по внѣшности, но богатыхъ воспоминаніями старины, относится и городъ Кельцы, или, правильнѣе, Кельце, въ которомъ обстоятельства заставили меня прожить нѣкоторое время, что и дало мнѣ возможность подробно ознакомиться съ самымъ городомъ и отчасти съ его окрестностями. О происхожденіи самаго названія города существуетъ нѣсколько преданій; изъ нихъ, наиболѣе близкое къ истинѣ, гласитъ, что на мѣстѣ теперешняго города былъ когда-то дремучій лѣсъ, въ которомъ были найдены огромные клыки какого-то допотопнаго животнаго (вѣроятно, мамонта), и мѣсто находки стало съ той поры носить названіе «Kielce», что значитъ клыки. Впослѣдствіи епископъ краковскій Гедеонъ основалъ на этомъ мѣстѣ городъ, получившій то же названіе. Съ теченіемъ времени твердое l въ словѣ Kielce, подъ вліяніемъ произношенія, смягчилось въ мягкое l, и получилось настоящее названіе города—Kielce—Кельце, или, какъ говорятъ и пишутъ русскіе жители края, Кѣльцы. Какъ бы тамъ ни было, но основаніе Кельцъ относится къ 1170-мъ годамъ; такимъ образомъ городокъ этотъ насчитываетъ болѣе 700 лѣтъ своего существованія. Расположенный среди отроговъ Карпатскихъ горъ, окруженный сосновыми лѣсами, городъ Кельцы отличается своей здоровой и красивой мѣстностью. Хотя въ исторіи Польши самый городъ и не игралъ особой роли, но, тѣмъ не менѣе, окрестныя поля его не разъ орошались кровью, войны же съ Конрадомъ Мазовецкимъ за опеку надъ малолѣтнимъ Владиславомъ и нашествіе татаръ въ 1240 году разгромили городъ настолько, что онъ пришелъ въ окончательный упадокъ, отъ котораго сталъ поправляться только лишь со времени присоединенія къ Россіи.

Въ настоящее время населеніе Кельцъ составляетъ не болѣе 21 тысячи душъ обоего пола, считая въ томъ числѣ и непостоянныхъ жителей, число которыхъ колеблется отъ 8 до 9 тысячъ. Изъ общаго числа жителей на долю евреевъ приходится тысячъ 5—6, что составитъ 1/4 часть всего населенія города. Изъ общественныхъ и казенныхъ зданій въ городѣ имѣются: православный соборъ, два римско-католическихъ костела, лютеранская кирка, мужская и женская гимназіи, католическая семинарія, губернское правленіе, казенная палата, казначейство, окружной судъ... ну, и, кажется, все!

Городъ Кельцы.

Православный соборъ во имя Вознесенія Господня, переименованный изъ прежней приходской церкви въ 1885 году, наружной красотой не поражаетъ, но за то отличается внутри замѣчательной чистотой и благолѣпіемъ. Онъ построенъ въ формѣ креста и увѣнчанъ пятью куполами, окрашенными зеленой масляной краской; главныя входныя двери его, въ видѣ арки, какъ бы поддерживаются шестью колоннами по три съ каждой стороны; колонны эти сдѣланы изъ мѣстнаго «хенцинскаго» мрамора.

Окна въ алтарѣ снабжены свѣтло-желтыми стеклами, и когда лучи солнца скользнутъ по нимъ, то весь алтарь озаряется золотистымъ сіяніемъ, а престолъ, окруженный клубами кадильнаго дыма, кажется находящимся среди облаковъ. Мнѣ, между прочимъ, пришлось слышать по этому поводу отъ нѣкоторыхъ прихожанъ замѣчаніе, что такое искусственное концентрированіе лучей свѣта пригодно де для костела, а никакъ не для провославнаго храма,—замѣчаніе едва ли справедливое! Можетъ ли церковнымъ благолѣпіемъ оскорбляться молитвенное чувство? Конечно, нѣтъ, а вѣдь никто, я думаю, не станетъ отрицать того, что алтарь, залитый лучами солнца, не только представляетъ собой необычайно прекрасное зрѣлище для глазъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то особенно дѣйствуетъ на душу, располагая къ молитвѣ. Помнится, какъ-то, въ дѣтствѣ, привелось мнѣ быть въ одномъ изъ женскихъ монастырей въ центрѣ Россіи (не помню теперь, въ какомъ именно), гдѣ на запрестольномъ образѣ — Спасителя на Крестѣ — была изображена луна, которую можно было сзади искусственно освѣщать (на подобіе того, какъ это дѣлается въ театрахъ), и когда, во время всенощной, въ полумракѣ алтаря, луна на иконѣ, неожиданно для молящихся, вдругъ оживала, освѣщая кроткій ликъ Божественнаго Страдальца, то иллюзія получалась полная, и на меня, тогда еще ребенка, зрѣлище это произвело прямо-таки потрясающее впечатлѣніе.

Каѳедральный римско-католическій костелъ св. Маріи стоитъ въ самомъ центрѣ города на высокомъ гранитномъ фундаментѣ и хотя насчитываетъ за собой не одинъ десятокъ лѣтъ, но все же другой костелъ, — во имя св. Войцеха, устроенный, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ святой этотъ отдыхалъ подъ липой, — гораздо древнѣе каѳедральнаго. Около каѳедральнаго костела на площади св. Маріи находится, такъ называемый, замокъ, которымъ кельчане дѣйствительно могутъ гордиться. Уже нѣсколько странная архитектура его указываетъ на почтенные года основанія, и въ самомъ дѣлѣ старецъ этотъ несетъ на стѣнахъ своихъ слишкомъ 200 лѣтъ. Построенный въ 1638 году епископомъ краковскимъ Задзикомъ, замокъ служилъ любимой резиденціей почти всѣхъ краковскихъ епископовъ, и чего только не пришлось испытать его стѣнамъ!

Видѣли онѣ, какъ шведскій король Карлъ XII, во время войны съ польскимъ королемъ Августомъ II, въ 1702 году, торжественно

Православный соборъ въ г. Кельцахъ.

принималъ австрійскаго посла Цизендорфа, посредника между воюющими сторонами; слышали звонъ оружія въ 1772 году во время захвата замка барскими конфедератами; не разъ гостепріимно допускали подъ свой кровъ епископовъ, пока, наконецъ, не поступили въ 1789 году въ казну, хотя епископы все-таки продолжали жить въ замкѣ.

Съ 1818 года въ замкѣ перебывали: предсѣдатели воеводской комиссіи, гражданскій трибуналъ, военный лазаретъ, разныя судебныя учрежденія, а съ 1866 года — со времени отдѣленія Келецкой губерніи отъ Сандомирской — нижній этажъ замка былъ назначенъ для губернаторской квартиры, а верхній для губернскаго правленія, гдѣ таковое находится и понынѣ.

Замокъ представляетъ собой большое двухъэтажное зданіе съ высокою покатою крышей. По бокамъ его тянутся флигеля, изъ которыхъ правый примыкаетъ какъ разъ къ каѳедральному костелу; по угламъ же замка высятся четыре башни.

Парадный подъѣздъ губернаторской квартиры — въ нижнемъ этажѣ — украшенъ тремя массивными арками изъ мѣстнаго мрамора темно-сѣраго цвѣта съ красивыми жилками по немъ; надъ каждой аркой находятся, вполнѣ сохранившіеся до настоящаго времени, гербы трехъ епископовъ: Задзика, Гемблука и Залушскаго.

Слѣва отъ главнаго входа, надъ боковыми дверями (постройка недавняго времени) высится на желѣзной крышѣ каменный шпицъ въ родѣ иглы, надъ правыми же задѣланными дверями отъ такого шпица остался одинъ каменный пьедесталъ. Говорятъ, что по сторонамъ обѣихъ этихъ каменныхъ иглъ были когда-то статуи, изображающія плѣнныхъ шведовъ, но по чьему-то приказанію фигуры шведовъ были сброшены оттуда и уничтожены; насколько справедливъ этотъ слухъ, судить, конечно, трудно, хотя при внимательномъ осмотрѣ можно замѣтить будто бы какіе-то слѣды около пьедестала сломаннаго шпица.

Самое замѣчательное въ замкѣ—это такъ называемый портретный залъ, громадный, съ венеціанскими окнами, весь потолокъ котораго украшенъ чрезвычайно мелкими арабесками, а стѣны — 72-мя портретами краковскихъ и келецкихъ епископовъ. Подъ каждымъ портретомъ находится гербъ изображеннаго епископа и обозначено время управленія паствой, у нѣкоторыхъ же на портретахъ помѣщены также и важнѣйшія ихъ дѣянія: напримѣръ, у епископа Шишковскаго — основанный имъ Карчевскій монастырь, а возлѣ епископа Залушскаго — кустъ картофеля, получившаго при немъ большое распространеніе въ Польшѣ, а въ настоящее время ставшаго насущною потребностью каждаго польскаго крестьянина. Портретная галлерея начинается съ епископа краковскаго Прокопа (966—986 гг.) и оканчивается келецкимъ епископомъ Карломъ Скурковскимъ (1830—1851 гг.), далѣе слѣдуетъ нѣсколько пустыхъ мѣстъ.

Бывшій замокъ епископовъ, нынѣ зданіе губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.

По правую сторону зала идутъ королевскія комнаты, называвшіяся такъ вслѣдствіе пребыванія въ нихъ Карла XII. Потолки ихъ расписаны старинными картинами, изъ которыхъ сохранились: сеймъ по заключеніи Штумдорфскаго мира (1635 г.) со шведами и принятіе по этому случаю польскимъ королемъ Владиславомъ IV поздравленій отъ нѣмецкаго императора въ лицѣ его посла князя Грейфенстау; Вяземскій миръ (1634 годъ) и пожаръ Москвы и битва при ней въ 1611 году; впрочемъ, послѣдняя картина сохранилась настолько плохо, что за исключеніемъ Кремля разобрать на ней что либо почти невозможно. Налѣво отъ портретной залы слѣдуютъ комнаты «епископскія», въ одной изъ нихъ потолокъ украшенъ превосходно сохранившейся картиной, изображающей судъ надъ аріанами; по угламъ этой картины имѣются еще четыре малыхъ — съ символическимъ изображеніемъ временъ года.

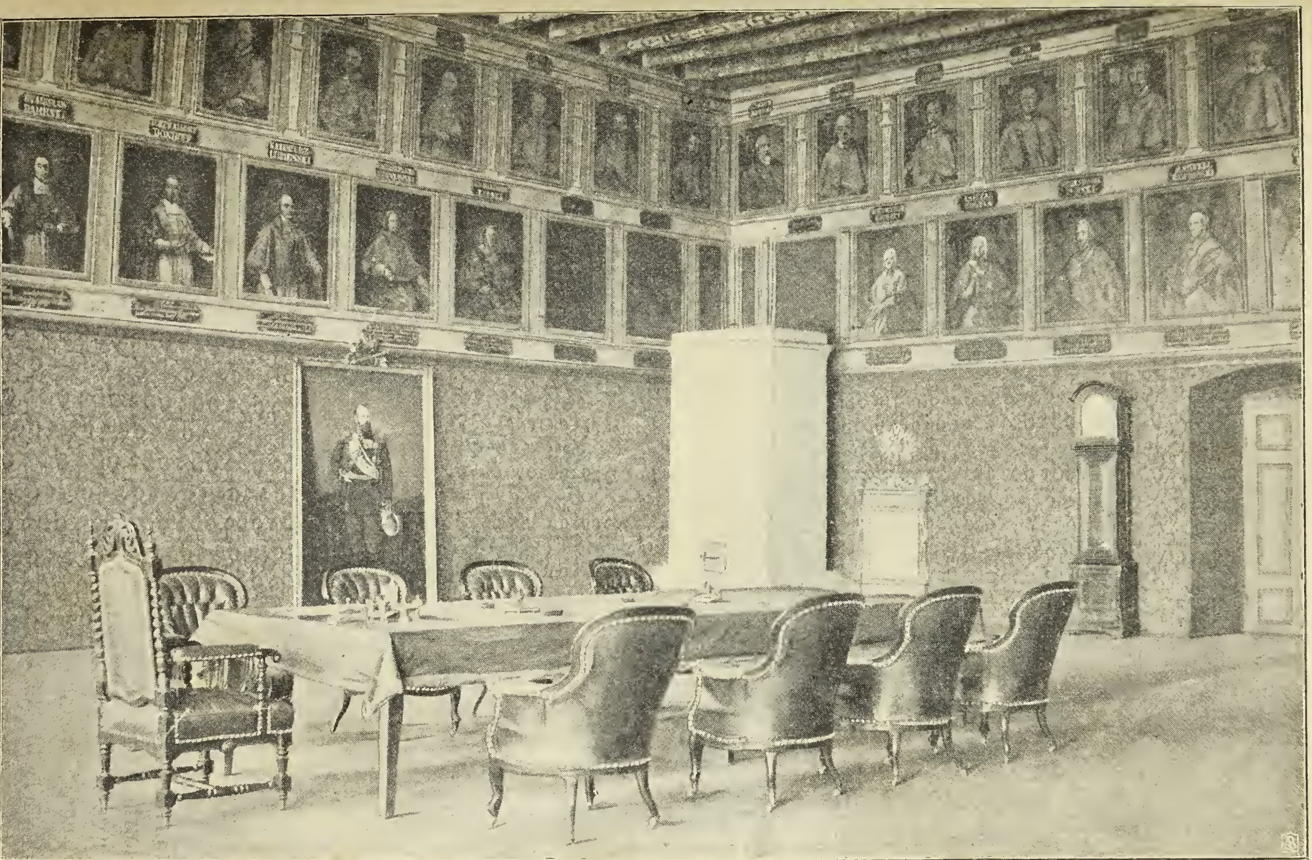
Всѣ описанныя картины принадлежатъ кисти придворнаго художника королей Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира— итальянца Долабеллы.

Въ одной изъ бывшихъ епископскихъ комнатъ находилась когда-то обширная библіотека епископа Андрея Залушкаго (1746 — 1758 гг.), цѣликомъ вошедшая впослѣдствіи въ составъ Императорской публичной библіотеки, небольшая же башенная комната съ отдѣланными мраморомъ стѣнами имѣла назначеніе ванной.

Обширный нижній этажъ замка — помѣщеніе губернатора — въ настоящее время не сохранилъ почти никакого подобія прежняго своего устройства, такъ какъ едва ли не каждый губернаторъ передѣлывалъ и перестраивалъ его по своему вкусу. Да, и по правдѣ сказать, хотя помѣщеніе это и роскошно по величинѣ залы и обилію комнатъ, но самое расположеніе послѣднихъ далеко не удобное. Изъ сколько нибудь древнихъ вещей въ немъ сохранились только нѣсколько деревянныхъ скамей-дивановъ, обитыхъ сафьяной кожей съ тисненными золотомъ украшеніями, почернѣвшими отъ времени. Залъ губернаторской квартиры выходитъ въ небольшой садъ, спускающійся террасами къ рѣченкѣ Сельницѣ. Эта рѣченка содержится весьма грязно, несмотря на то, что глубина ея, какъ говорится, курицѣ по колѣна, ширина же не больше 4—5 шаговъ.

Вотъ и все — что есть достопримѣчательнаго въ городѣ Кельцахъ! Впрочемъ, надо добавить еще, что въ городѣ имѣется садъ — любимое мѣсто прогулокъ кельчанъ, отличающійся длинной, тѣнистой аллей вѣковыхъ каштановъ.

Изъ ближайшихъ окрестностей города замѣчательна Каргевская аллея, ведущая къ монастырю того же названія, — или, попросту, Каргевка. Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ, къ сожалѣнію, подробно осмотрѣть монастырь и ознакомиться съ исторіей его, зато я вдоволь полюбовался прекраснымъ видомъ на городъ съ горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ, на которой и высится самый мона-

Портретный залъ въ помѣщеніи губернскаго правленія въ г. Кельцахъ.

стырь, основанный епископомъ Шишковскимъ. Это былъ когда-то богатый бенедиктинскій монастырь, но теперь онъ совершенно запущенъ и, кажется, въ немъ уже не осталось ни одного монаха.

Стѣны монастыря во время польскаго возстанія едва не подверглись разгрому, но, какъ говорятъ, ссора начальниковъ отряда повстанцевъ спасла монастырь отъ разрушенія.

«Если вы хотите посмотрѣть красивый уголокъ въ губерніи, то поѣзжайте на Словикъ — нашу дачную мѣстность», посовѣтовалъ мнѣ хозяинъ гостиницы въ Кельцахъ, въ которой я временно проживалъ.

Послѣдовавъ доброму совѣту, нанялъ я извозчика—дружкò—помѣстному, и отправился осматривать знаменитый Словикъ, получившій свое названіе отъ соловьевъ, которые когда-то водились тамъ во множествѣ, но давно уже всѣ перевелись.

Вплоть до Словика длинной, бѣлой лентой тянется великолѣпное шоссе, такое шоссе, лучше котораго, право, трудно себѣ представить. Устроено оно, какъ говорятъ, изъ мѣстнаго «хенцинскаго» мрамора, и этому вполнѣ можно повѣрить: до того шоссе это ровное и гладкое,—ѣдешь по немъ, словно по лучшей торцовой мостовой. Въ видѣ анекдота разсказываютъ про одного чудака англичанина, который, прослышавъ когда-то о существованіи «хенцинскаго мраморнаго» шоссе, пріѣхалъ лично полюбоваться такой диковинкой и, конечно, былъ непріятно пораженъ, увидя вмѣсто мраморныхъ плитъ обыкновенную хорошо мощенную дорогу, но все же я думаю, проѣхавшись по ней, вынесъ убѣжденіе, что шоссе хенцинское дѣйствительно выше всякой похвалы.

Самый Словикъ оказался чрезвычайно живописнымъ: высокія горы сплошь покрыты вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ, а съ вершины ихъ, насколько можетъ окинуть глазъ, пестрѣютъ безконечныя поля, съ темнѣющими на горизонтѣ сосновыми лѣсами и разбросанными кой-гдѣ деревнями. Почти у подножья горъ течетъ не большая, но довольно быстрая рѣченка съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ. Рѣченка эта имѣетъ нѣсколько странное названіе «Трупенецъ» отъ слова трупъ. Въ 1702 году, здѣсь, говорятъ, было большое сраженіе поляковъ со шведами, и вся вода окрасилась кровью и наполнилась трупами убитыхъ.

Собственно дачъ въ Словикѣ, въ смыслѣ отдѣльныхъ деревянныхъ домиковъ, приспособленныхъ для лѣтняго житья, я насчиталъ всего три-четыре, пріѣзжающіе же на лѣто любители природы помѣщаются просто въ крестьянскихъ избахъ. О ресторанахъ и какихъ либо увеселительныхъ садахъ здѣсь и помину нѣтъ, отчего Словикъ только выигрываетъ, особенно въ сравненіи съ пресловутыми дачными мѣстностями Россіи.

Въ семи верстахъ дальше отъ Словика лежитъ безуѣздный городъ Хенцины. Вообразите себѣ квадратную площадь, мощенную

Мостъ черезъ р. Трупенецъ въ Словикѣ.

булыжникомъ, съ огромными выбоинами, чуть ли не ямами, площадь окружена старыми двухъэтажными домами, полуразвалившимися и весьма грязными, въ нижнемъ этажѣ каждаго дома ютятся двѣ, иногда три и четыре лавченки, въ коихъ «гандлюютъ» юркіе еврейчики,—это и есть городъ Хенцины, центръ еврейской жизни. Всѣхъ жителей въ немъ не болѣе семи тысячъ, ну, а евреевъ навѣрно тысячъ шесть. Самый городъ замѣчателенъ по богатству окрестныхъ горъ прекрасными мраморными залежами и, отчасти, залежами свинцовой руды. Къ сожалѣнію, залежи эти почти не разрабатываются. Кромѣ этого, въ Хенцинахъ есть еще одна достопримѣчательность— это три высокія башни-развалины, стоящія на вершинѣ скалистой горы, почти надъ самымъ городомъ. Развалины эти—остатки грандіознаго замка.

Объ основаніи города и замка достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но въ исторіи Польши, какъ тотъ, такъ и другой неоднократно упоминаются. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ 1613 году городъ подвергся нападенію шведовъ, а въ 1657 году венгерцовъ, совершенно разграбившихъ бывшій тамъ францисканскій монастырь, нынѣ женскій—ордена клариссокъ.

Замокъ же служилъ темницей брату Ягелло—Андрею Ольгердовичу, а также вождю тевтонскихъ рыцарей Михаилу Кухмейстеру; въ 30-хъ годахъ въ немъ собирались сеймы королемъ Владиславомъ I, а въ 1425 году спасался отъ моровой язвы сынъ Ягелло— Владиславъ III и проч. Въ настоящее время башни замка—забытыя развалины, а между тѣмъ онѣ не безынтересны въ археологическомъ отношеніи, такъ какъ въ нихъ имѣется подземный ходъ, но онъ почти совсѣмъ засыпанъ камнями, такъ что пробраться туда нѣтъ возможности.

Къ сѣверо-востоку отъ Кельцъ на гребняхъ отроговъ Карпатскихъ горъ, сплошь покрытыхъ сосновыми лѣсами, находится мѣстность, называемая попольски «Свентокжижемъ» — Св. Крестомъ, а также Лысой горой.

Горы Св. Креста состоятъ собственно изъ трехъ грядъ: восточной (длиною около 14 верстъ) съ вершинами «Витольдъ» и «Елена», средней—съ вершинами «Лысая гора» и «Лысица» и, наконецъ,— западной. На самой верхушкѣ Лысой горы, за высокой каменной оградой, стоитъ одна изъ древнихъ католическихъ святынь—костелъ Св. Креста, выстроенный, согласно преданію, польской королевой Домбровской, супругой короля Мечислава I, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояли языческія капища. Впрочемъ, по другому преданію, о которомъ упоминаетъ и польскій историкъ Длугошъ, основаніе монастыря Св. Креста должно быть отнесено къ королю Болеславу Храброму. Однажды, говоритъ преданіе, король Болеславъ Храбрый охотился вмѣстѣ съ другомъ своимъ венгерскимъ королемъ Эмерикомъ Святымъ въ окрестностяхъ Лысой горы; взобравшись въ

погонѣ за оленемъ на вершину горы, оба короля остановились отдохнуть около развалинъ какого-то замка. Св. Эмерикъ, пораженный дикой прелестью раскинувшейся передъ ними мѣстности, предложилъ своему царственному другу построить на вершинѣ горы монастырь. По устройствѣ монастыря, св. Эмерикъ пожертвовалъ туда крестъ съ частицами св. животворящаго древа Господня, и вотъ отъ этого креста обитель, а съ нею и горы, стали называться «Свентокжижскими»—Святокрестовыми.

Преданіе это подтверждается отчасти нѣкоторыми историческими картинами, сохранившимися на стѣнахъ костела: кромѣ того, извѣстно, что мѣстные монахи бенедиктинскаго монастыря ежегодно въ день смерти Болеслава Храбраго служили панихиды, дни же Воздвиженія креста Господня и память св. Эмерика праздновались ими особенно торжественными «отпустами»—молебствіями.

Благодаря щедрой матеріальной поддержкѣ краковскихъ епископовъ и многихъ польскихъ королей, монастырь сильно богатѣлъ, возбуждая зависть сосѣдей. Нѣсколько разъ онъ подвергался нападенію татаръ, которые сильно его опустошали и звѣрски убивали монаховъ. Отъ этихъ погромовъ обитель все-таки кое-какъ оправлялась, но когда въ 1370 году литовцы, напавшіе на нее, захватили не только драгоцѣнности, но и самую святыню — крестъ съ частицами животворящаго древа, то монастырь окончательно обѣднѣлъ. Годъ спустя, впрочемъ, св. крестъ былъ обратно возвращенъ монастырю однимъ изъ участниковъ грабежа, который поселился вблизи обители и основалъ впослѣдствіи село Дембно (нынѣ Радомской губерніи). Теперь самый монастырь давно упраздненъ, а помѣщенія его обращены въ исправительное арестантское отдѣленіе.

Зданіе тюрьмы, стоящее надъ ужасной кручей, мрачное съ наружнаго вида, образцово устроено внутри. Въ немъ имѣется домовая церковь и католическая часовня, прядильная и ткацкая фабрики, токарня, кузнечно-слесарная, сапожная и веревочная мастерскія; во дворѣ устроены флигеля для чиновъ тюремной администраціи, лазаретъ барачной системы, баня, прачешная и цистерна для стока воды. Вокругъ тюрьмы разбиты садики, огороды, и прорыты прудики съ прекрасной холодной водой. Невесело, должно быть, живется здѣсь тѣмъ немногимъ чиновникамъ, которые волею судебъ обречены служить въ этомъ мѣстѣ; видъ, въ хорошую погоду, на безпредѣльную массу полей и окрестныхъ горъ, увѣнчанныхъ вѣчнозелеными сосновыми лѣсами, давно ужъ пріѣлся глазамъ, а въ дождливую осень, когда вся макушка Лысой горы покроется густымъ туманомъ,—мнѣ кажется, скука особенно даетъ себя чувствовать, а, впрочемъ, человѣкъ ко всему привыкаетъ... Выѣхалъ я изъ Свентокжижа довольно поздно; туманъ, вѣчный спутникъ здѣшнихъ ночей, окутывалъ уже бѣлымъ покровомъ верхушки сосенъ, и въ воздухѣ становилось холодно и сыро. Когда же я добрался до

Кельцъ, то луна довольно высоко стояла въ звѣдномъ небѣ. Мой возница-почтарь, въѣзжая въ городъ, побѣдоносно затрубилъ какой-то маршъ въ висѣвшую у него за плечомъ трубу [1]); серебристые звуки тревожно пронеслись въ воздухѣ, отдались эхомъ въ пустынныхъ улицахъ спящаго городка и вызвали ожесточенный лай чуткихъ сторожевыхъ псовъ.

Н. Павловъ.

[1]) Въ Западномъ краѣ всѣ почтовые ямщики имѣютъ съ собой трубу, въ родѣ кавалерійской, и, въѣзжая въ городъ, обыкновенно трубятъ, вѣроятно, давая этимъ знать о приходѣ почты.

ЖЕРТВА ТЕРРОРА.

Княгиня Любомирская [1]).

Ъ ПОЛОВИНѢ октября 1792 г. пріѣхала въ Парижъ польская аристократка, княгиня Любомирская, урожденная Ходкевичъ. Она прибыла изъ Лозанны и привезла съ собой четырехлѣтнюю дочь и небольшой штатъ прислуги. Княгиня считалась одною изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ красавицъ своего времени; это была маленькая блондинка съ большими голубыми глазами, правильнымъ носомъ и небольшимъ ртомъ. На миньятюрѣ, находящейся въ музеѣ князей Чарторижскихъ, въ Краковѣ, можно видѣть, что у нея былъ чудный цвѣтъ лица, свѣтлые локоны, разсыпавшіеся по плечамъ, томный и мечтательный взглядъ. Вся ея изящная фигура была полна такой граціи, юности и свѣжести, которыя вполнѣ объясняютъ данное ей прозвище «весенней княгини». Зачѣмъ она пріѣхала въ Парижъ? Просто для развлеченія. Несмотря на всѣ послѣднія событія французской революціи и сентябрьскія звѣрства, она все-же выбрала добровольно Парижъ, съ цѣлью провести въ немъ нѣкоторое время, для чего и наняла отдѣльный отель въ Шайо (Chaillot).

Теперь, когда прошло болѣе вѣка со времени террора, намъ трудно себѣ представить, что въ это время Парижъ сохранялъ свою обычную физіономію. Правда, онъ сильно опустѣлъ, но все-же публики

---

[1]) La Revue hebdomadaire, 1899, № 19 и 20. Une victime de la terreur. Par Casimir Stryienski.

оставалось достаточно, чтобы опера, комедія и многіе другіе театры не пустовали. Достаточно сказать, что 21-го января 1793 года въ комедіи давали «Блуднаго сына» Вольтера! И рискуя головой, зрители все-же проводили свои вечера въ этихъ общественныхъ мѣстахъ. «Вообще,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ансело,—великія событія республики мало привлекали толпу. Исключеніе составляетъ 10-е августа 1792 г. Я стоялъ на тротуарѣ Pont-au Change, когда по мостовой проѣзжала телѣга, въ которой везли на эшафотъ сестру Людовика XVI, принцессу Елизавету. Народа почти не было, а между тѣмъ это было событіе... Народныя празднества привлекали все населеніе своимъ блескомъ, и я не знаю ни одного событія революціи, которое собрало бы столько народа на улицахъ, какъ, напримѣръ, процессія «Boeufgras» во время карнавала. Толпы не было даже 10 термидора, когда отецъ повелъ меня смотрѣть на казнь Робеспьера».

Княгиня Любомирская любила и понимала искусство, живопись, музыку. Въ ея отелѣ въ Шайо собиралось многочисленное общество. Одинъ не большой, но очень характерный документъ даетъ понятіе о томъ, на какую широкую ногу былъ поставленъ весь строй ея дома. Это—табличка долговъ княгини, составленная ею самой. Отсюда мы узнаемъ, что хотя она не имѣла наличныхъ денегъ (у какого-то Monsieur de B. она занимаетъ 4.500 ливровъ), однако это не мѣшало ей пользоваться самымъ широкимъ кредитомъ (портнихѣ—700 ливр.; аптекарю—556; обойщику—4.000 и т. д.). Несмотря на терроръ, жизнь шла обычнымъ порядкомъ. Если удивительно, что иностранка не боится оставаться въ Парижѣ, то еще болѣе странно, что француженки, прямо намѣченныя быть первыми жертвами Робеспьера, пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ и вновь возвращаются во Францію, воображая, что находятся въ полной безопасности. M-me Дюбарри не боялась скомпрометтировать себя, распространяя по всему Парижу безконечный списокъ украденныхъ у нея драгоцѣнностей. Бывшая фаворитка продолжала прежній пышный образъ жизни, благодаря доходамъ съ помѣстій и назначеннымъ ей пенсіямъ. Ее окружалъ настоящій дворъ и, что гораздо больше, у нея были друзья, къ числу которыхъ, увы, принадлежала и княгиня Любомирская. Когда начались доносы въ якобинскомъ клубѣ, и Дюбарри была уже на волосокъ отъ трибунала, который долженъ былъ примѣнить къ ней законъ о «подозрительныхъ», княгиня написала ей слѣдующую записку:

«Шайо, 6-го іюля 1793 г.

«Я только что узнала, сударыня, о вашемъ возвращеніи въ Люсьенъ и о несправедливомъ преслѣдованіи, которому васъ подвергаютъ; первое заставило бы меня летѣть на крыльяхъ дружбы; второе же даетъ мнѣ право просить у васъ, какъ милости, позволенія

быть вамъ полезной. Если мое рвеніе далеко опережается моимъ желаніемъ, я все же надѣюсь, сударыня, что вы позволите мнѣ раздѣлить ваше одиночество и доказать вамъ, что тѣ, кого вы осчастливили вашимъ вниманіемъ, нелегко утрачиваютъ воспоминаніе о немъ.

«Съ нетерпѣніемъ, равнымъ тому сочувствію, которое вы внушаете, жду вашего отвѣта, чтобы тотчасъ направиться къ вамъ.

«Алекс. княгиня Любомирская».

Надо забыть темныя воспоминанія и не думать о любовницѣ Людовика XV, читая эти строки, продиктованныя прекраснымъ и благороднымъ чувствомъ; это женщина пишетъ другой женщинѣ, это—другъ, имѣющій одну только цѣль помочь другу. Въ качествѣ иностранки, княгиня считала себя, быть можетъ, болѣе всякой другой, способной помочь m-me Дюбарри; она очевидно не знала ничего о двухъ доносахъ, уже находившихся въ рукахъ «публичнаго обвинителя» (accusateur public). Она жила, какъ во снѣ, не давая себѣ отчета въ положеніи дѣлъ, дѣйствительность ей была не понятна. Она ничего не опасается, она подписываетъ свое письмо... 6-го іюля 1793 года. Она и вторично писала m-me Дюбарри; изъ дальнѣйшаго выяснится, какъ важно познакомиться съ содержаніемъ этихъ обоихъ писемъ:

«11-го августа 1793 г.

«Вы должны считать меня очень виноватой передъ вами, сударыня, я такъ долго не писала и не была у васъ; но я не сомнѣваюсь, что вы простите меня, когда узнаете, что я была нездорова и глубоко огорчена невозможностью видѣть васъ... Я не сообщу вамъ ничего интереснаго о послѣднихъ событіяхъ... Вчерашній праздникъ (10 августа 1793 г.) удивительно напоминалъ о величіи народа.

«Королева еще въ Консьержери; невѣрно, что ее собирались снова перевести въ Тампль. Тѣмъ не менѣе я спокойна за ея участь. Наши властелины утомились своей славой и, я думаю, захотятъ отдохнуть на лаврахъ. До свиданія; позвольте мнѣ поцѣловать васъ отъ всего сердца, со всѣмъ обожаніемъ и горячностью, достойной тѣхъ чувствъ, которыя вы внушаете. Тысячу привѣтствій Мими. Моя крошка цѣлуетъ ваши прекрасныя руки».

Это письмо безъ подписи,—княгиня научилась осторожности... немного поздно. Среди массы «дѣлъ» революціоннаго трибунала трогательное и трагичное впечатлѣніе производятъ эти двѣ элегантныхъ записочки, написанныя тонкимъ и изящнымъ почеркомъ, при чемъ нѣкоторыя фразы сердито и твердо подчеркнуты карандашемъ Фукье-Тэнвиля или его аколитовъ. Эти записки были приложены вмѣстѣ съ про-

токоломъ допроса Дюбарри къ двумъ прежнимъ доносамъ и составили «дѣло» княгини Любомирской. Письмо отъ 11-го августа было приписано герцогинѣ Бранкасъ, уѣзжавшей въ Лондонъ, но Дюбарри сама выдала княгиню. Она была настолько недальновидна, что разсчитывала спасти себя этими разоблаченіями; настолько легкомысленна, что надѣялась подкупить своихъ судей и возбудить ихъ жалость. Ни на минуту не проявила она мужества, до конца осталась трусливой и жалкой. Ея восклицанія: «Еще минутку, господинъ палачъ», «Спасите! Спасите!», когда «мечъ закона» упалъ на ея бѣлоснѣжную шею, все подтверждаетъ, что она была грустнымъ исключеніемъ въ то время, когда такое множество женщинъ выказали столько силы и мужества въ свои послѣднія минуты. Въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ допросомъ Дюбарри, 19 января, княгиня Любомирская была арестована и заключена въ тюрьму Petite-Force. Оригинально, что росписка въ пріемѣ княгини выдана тоже женщиной. Княгиня была, вѣроятно, предупреждена о грозившей ей опасности, и незадолго до ареста рѣшила дать о себѣ знать своему мужу. Она призвала къ себѣ свою горничную, польку, безгранично ей преданную, и спросила ее: «Любишь ли ты меня настолько, чтобы исполнить все, о чемъ я попрошу?» Дѣвушка бросилась къ ея ногамъ, отвѣчая, что готова жизнь отдать за нее. Тогда княгиня взяла крестъ и заставила поклясться, что она свято выполнитъ всѣ приказанія. И пока дѣвушка стояла передъ ней на колѣняхъ, она заплела и убрала ей волосы. «Не трогай своей прически, сказала она, пока не придешь къ князю,—и тогда скажи ему, чтобы онъ расплелъ твои волосы». Затѣмъ она дала ей немного денегъ, какія у нея были, и прибавила: «Вотъ все, что я могу тебѣ дать, постарайся, чтобы тебѣ хватило». Со слезами благословила она дѣвушку и отослала. Съ большими лишеніями преданная служанка добралась до родины черезъ два мѣсяца. Когда князь Любомирскій расплелъ ея волосы, оттуда выпало письмо. «Бѣдное дитя!» воскликнулъ онъ, прочтя его. А княгиня въ это время уже была заключена въ тюрьму, заперта въ одной комнатѣ съ преступницами и погибшими женщинами. Она прошла черезъ всѣ отвратительныя формальности, которымъ подвергались всѣ новыя заключенныя, а особенно молодыя и красивыя. Стоя предъ однимъ изъ негодяевъ, женщина должна была выносить, пока онъ ее раздѣвалъ, чтобы убѣдиться, что на ней не спрятано никакихъ бумагъ и драгоцѣнностей! Она узнала дортуаръ «съ четырьмя черными стѣнами, на которыхъ скука и горе вырѣзали суровые афоризмы, а пошлость—отвратительные рисунки». Вся мебель состояла изъ восьми наръ, одного ведра на всѣхъ и одного стула. Окно было съ рѣшеткой. Днемъ княгиня должна была заниматься уборкой камеры, присутствовать на разныхъ выкличкахъ, подчиняться свирѣпымъ тюремщикамъ, улыбаться ихъ жестокимъ пошлостямъ, широко пла-

тить за малѣйшую услугу; должна была жить съ проститутками, встрѣчаясь въ то же время со свѣтскими дамами всѣхъ возрастовъ, съ каждымъ днемъ увеличивавшими число этихъ несчастныхъ. Никакихъ сношеній—съ внѣшнимъ міромъ. Вечеромъ всѣ расходились по своимъ мѣстамъ: два тюремныхъ пса пробѣгали по коридорамъ, торопя замѣшкавшихся. Тюремщики съ желѣзными палками въ

Княгиня Александра Любомирская.

рукахъ, проходя, ударяли по рѣшеткамъ оконъ, чтобы провѣрить ихъ прочность. «Этотъ звонъ, повторявшійся у всѣхъ оконъ, продолжался обыкновенно съ девяти до десяти часовъ. Легко представить, какъ дѣйствовалъ на нервы этотъ кавардакъ, къ которому присоединялись и собаки».

Княгиня оставалась въ Petite Force до перваго плювіоза (20 января), когда заболѣла и была перевезена въ больницу (Maison de

Santé et de Sûreté), оттуда въ S-te Pélagie, въ Port Libre и, наконецъ, въ Concièrgerie.

Маленькая пятилѣтняя дочь ея была заключена одновременно, но отдѣльно отъ матери. Нѣтъ ничего грустнѣе и мрачнѣе такого паспорта ребенка:

«Департаментъ полиціи. Парижскій округъ (commune).

«Привратникъ дома Montprin (улица Notre-dame des Champs) приметъ нижепоименованнаго заключеннаго [1]): гражданку Лабомирскую, около пяти лѣтъ, пересланную изъ тюрьмы англичанокъ (des Anglaises), улица St. Victor, и задержитъ до новаго распоряженія.

«Составлено въ департаментѣ полиціи, зданіе мэріи, 20 жерминаля II года Республики».

«Полицейскіе администраторы: Bergot, Beaurieux».

Въ Парижѣ въ это время находились еще нѣсколько поляковъ, между прочимъ Барсъ, снабженный офиціальнымъ порученіемъ къ Французской республикѣ; Казимиръ Ларошъ, находившійся въ сношеніяхъ съ властями, и Ипполитъ Блещинскій. Всѣ приняли участіе въ судьбѣ княгини и сдѣлали все, чтобы ей помочь. По ихъ настояніямъ министръ иностранныхъ дѣлъ трижды обращается въ Комитетъ Общественной Безопасности, напоминая ему о знатномъ происхожденіи княгини, о столкновеніи съ Россіей, о полной бездоказательности обвиненій. Отвѣта никакого; и не мудрено: душа комитета—Робеспьеръ, ухаживанія котораго были отвергнуты княгиней. Министры же въ это время были вполнѣ безсильны. Противъ обвиняемой существуютъ два доноса и двѣ записки къ m-me Дюбарри; этихъ ничтожныхъ документовъ достаточно, чтобы сдѣлать всѣ просьбы тщетными. Къ тому прибавилось еще письмо изъ Ниццы, найденное въ бумагахъ арестованнаго президента парламента Rosambo и адресованное къ его женѣ. Авторъ письма (не подписаннаго), между прочимъ, пишетъ: «Княгиня Любомирская, проводя нѣсколько времени на дачѣ, каждый день обѣдала на воздухѣ, а ваша пріятельница m-me de Roquefeuil постоянно обѣдаетъ съ открытыми окнами, любуясь цвѣтущими апельсинными деревьями...». Эти слова яростно подчеркнуты краснымъ карандашемъ, очевидно, самимъ Фукье-Тэнвилемъ, который съ истинно дьявольской изворотливостью воспользовался этими банальными строками. Но что всего ужаснѣе, такъ это то, что названная въ письмѣ княгиня Любомирская вовсе не несчастная юная княгиня, а какая-то ея родственница.

30 жерминаля (19 апрѣля), княгиня явилась передъ революціоннымъ трибуналомъ обвиняемою въ «анти-революціонной перепискѣ съ Дюбарри». О письмѣ изъ Ниццы не говорится ни слова; Фукье

---

[1]) Это — печатная формула, остальное вписано.

впервые упомянулъ о немъ въ обвинительномъ актѣ, такъ что княгиня не могла выяснить ошибки; обвиняемые отвѣчали лишь на нѣсколько официальныхъ вопросовъ; имъ никогда не предлагали оправдываться.

1 февраля, погибли на эшафотѣ президентъ Розамбо и двадцать его товарищей—членовъ парламента. Это была удачная пожива, и съ нею связанъ анекдотъ, полный страшнаго комизма. Одинъ изъ присяжныхъ, нѣкто Треншаръ, рѣзчикъ, написалъ своей женѣ, сообразивъ, что засѣданіе будетъ интересно. Выписываемъ въ оригиналѣ этотъ своеобразный документъ:

«Si tu nest pas toute seulle et que le compagnion soit à travalier tu peus ma chaire amie venir voir juger 24 mesieurs tous si deven président ou conselies au parlement de Paris et de Toulouse. Je t'ainvite à prendre quelque choge aven de venir parcheque nous naurous pas fini de 3 hurres.

«Je tembrase ma chaire amie et èpouge.

«Ton mari Trinchard».

И этотъ самый Треншаръ на слѣдующій день, когда предстали на судъ друзья и единомышленники Розамбо, а также многія аристократки, въ томъ числѣ и княгиня Любомирская, отвѣтилъ на всѣ вопросы: «Обвиняемые были въ заговорѣ противъ республики!» Княгинѣ были предложены два обычныхъ вопроса: «злоумышляла ли она противъ свободы и господства народа, поддерживая личныя и письменныя сношенія съ внѣшними и внутренними врагами республики, или инымъ путемъ?» и «выбрала ли она защитника?» На первый и второй вопросы княгиня отвѣчала отрицательно. Этимъ и кончился допросъ, и княгиня, вѣроятно, обрадовалась, что все произошло такъ просто, и рѣшила, что будетъ помилована; она подписала протоколъ твердымъ, почти мужскимъ почеркомъ. А между тѣмъ всѣ допрошенные въ этотъ день, въ томъ числѣ и она, были приговорены. Въ этомъ засѣданіи княгиня впервые узнала, въ какихъ преступленіяхъ ее обвиняютъ, ибо публичный обвинитель долженъ былъ сказать что нибудь опредѣленнѣе, но онъ разбиралъ всѣ обвиненія заразъ; одинъ общій обвинительный актъ полагался на всю партію. Это избавляло отъ долгихъ объясненій и называлось «амальгамическимъ осужденіемъ». Да въ сущности не все ли равно? Приговоры были рѣшены заранѣе, и случалось, что телѣги, отвозившія приговоренныхъ, стояли съ утра у воротъ Concièrgerie, даже прежде, чѣмъ обвиняемые отводились въ трибуналъ. Когда на это, однажды, указали Фукье, онъ отвѣтилъ: «Неужели ты думаешь, что я не знаю заранѣе числа приговоренныхъ?». Основываясь на письмѣ изъ Ниццы, Фукье заявилъ, что «княгиня Любомирская, называющая себя польской княгиней, есть, очевидно, не что иное, какъ антиреволюціонный агентъ. Какъ выяснилось, она въ 1789 г.

жила въ Ниццѣ съ французскими эмигрантами, гражданкой Левисъ, гражданкой Рокфейль и др.». Съ такою же беззастѣнчивою наглостью доказываетъ Фукье, на основанiи двухъ злополучныхъ записокъ, дружбу княгини съ Дюбарри, ироническое отношенiе къ величiю народа, участiевъ заговорахъ для спасенiя Марiи-Антуанетты. Офицiальный защитникъ Шово-Лагардъ сказалъ очень незначительную и блѣдную рѣчь, которой онъ, впрочемъ, почти не измѣнялъ во всѣхъ своихъ защитахъ, указывая главнымъ образомъ на искренность и правдивость обвиняемой. Не имѣя возможности устно оправдываться, княгиня написала Фукье письмо:

«Гражданинъ! . 3-го флореаля, Консiержери.

«Перечитывая свой обвинительный актъ, я была изумлена, узнавъ, что меня смѣшали съ особой, не имѣющей со мною ничего общаго, кромѣ имени. Поэтому я прошу, гражданинъ, отсрочки на нѣсколько дней, чтобы доказать свою невинность и убѣдить просвѣщенныхъ судей въ томъ, что я не недостойна ихъ участiя.

«Привѣтъ и братство. Алекс. Любомирская».

Сколько такихъ записокъ in extremis получалъ Фукье и какая отвратительная улыбка должна была играть на его губахъ, пока онъ читалъ эти отчаянныя воззванiя!

Эта послѣдняя просьба не была исполнена. Но княгиня не взошла на этотъ разъ на эшафотъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по несчастiю. Въ «Монитерѣ» отъ 11-го флореаля мы читаемъ, что приговоренные 3-го флореаля были въ тотъ же день казнены, и что «Ходкевичъ объявила себя беременной». Передъ тѣмъ, какъ ее перевезли въ больницу, княгиня написала нѣсколько писемъ. Между прочимъ, одно къ своему лакею (выказавшему ей трогательную преданность), съ приложенiемъ слѣдующей записки:

«Я поручаю моей семьѣ, моему мужу, князю Александру Любомирскому, взять изъ моего приданаго сумму въ 6.000 французскихъ ливровъ, которую я желаю передать своему слугѣ Прево, его женѣ и дѣтямъ, въ благодарность за постоянную и безкорыстную привязанность, которую онъ мнѣ выказывалъ во время моихъ несчастiй.

«Розалiя, графиня Ходкевичъ, княгиня Любомирская».

Она пишетъ еще Струзу, своему банкиру въ Лозаннѣ, писавшему ей за мѣсяцъ передъ тѣмъ: «Надѣюсь, княгиня, что вы арестованы скорѣе за деньги, чѣмъ по политическимъ причинамъ, ибо я знаю васъ за вѣрную республиканскую гражданку».

Она умоляетъ его о спасенiи и проситъ передать полякамъ ея воззванiе, гдѣ говоритъ:

«Сограждане!

«Я не имѣю никакого права на ваше участіе; я взываю къ вамъ только потому, что я сама полька, только въ силу того уваженія, которое вы питаете къ памяти великаго Карла Ходкевича.

«Послѣ шести мѣсяцевъ страданій я приговорена къ смерти... Ваши несчастія, преслѣдованія, которыя вы выносили отъ деспотизма, привлекли къ вамъ вниманіе французскаго народа, и онъ не откажетъ вамъ въ выраженіи своего уваженія, даруя мнѣ жизнь... Но на сколько бы дней вы ни продлили мою жизнь, мой послѣдній вздохъ будетъ для моей родины»...

Наконецъ, послѣднее письмо княгини доказываетъ истинность предлога, избавившаго ее отъ эшафота. Впрочемъ, Фукье не легко выпускалъ свои жертвы и всегда призывалъ врачей; а иногда, несмотря ни на что, посылалъ на казнь.

Письмо княгини адресовано къ уже упомянутому Ипполиту Блецинскому:

«2 флореаля. Консіержери.

«Настало время доказать мнѣ, что вы дѣйствительно достойны моего уваженія... Я покрыла себя позоромъ, чтобы спасти вашего несчастнаго ребенка... Ваши соотечественники уважаютъ васъ; у васъ много друзей... Но малѣйшее замедленіе приведетъ меня на эшафотъ. Нужно много горячности, усердія и энергіи. Вамъ нельзя терять времени, если вы хотите меня спасти, избавить отъ позорной казни, если, наконецъ, вы любите несчастнаго ребенка, который еще до рожденія осужденъ на нищету, заброшенность, на всѣ невзгоды жизни.

«Прощайте, Ипполитъ, прощайте, другъ моего сердца. Я не могу уже льстить себя надеждой еще хоть разъ васъ увидѣть!..

«Прощайте, прощайте.

«Розалія».

Княгиню перевели въ больницу революціоннаго трибунала, зависѣвшую отъ публичнаго обвинителя; она охранялась тюремщикомъ-привратникомъ и шестью служителями. Общій строй былъ гораздо мягче, чѣмъ въ тюрьмѣ. При больницѣ былъ садъ, гдѣ нѣкоторые больные могли прогуливаться. Наконецъ, одинъ изъ санитаровъ, Баярдъ, оказался гуманнымъ и сострадательнымъ человѣкомъ. Это, впрочемъ, и было причиной его отставки. Даже врачи должны были быть «хорошими патріотами», ибо Фукье не терялъ изъ виду больницы, и когда партіи жертвъ были недостаточно велики, онъ требовалъ подкрѣпленія изъ больницы. Въ преріалѣ казни достигли 509; въ мессидорѣ 793, а съ 1-го по 9-е термидора—342. Каждое утро являлся чиновникъ за новыми жертвами; тѣ, которые представляли докторское свидѣтельство въ невозможности передвигаться, выносились на носилкахъ.

Между тѣмъ, воззваніе княгини къ полякамъ прибыло въ Польшу; отвѣтомъ на него были двѣ офиціальныхъ депеши: одна отъ Костюшки, другая отъ Закржевскаго (президента временнаго совѣта). Обѣ остались безъ результата. Все это время жизнь княгини въ больницѣ была относительно спокойна. Баярдъ и главный врачъ парижскихъ тюремъ, Марковскій, отнеслись къ ней съ большимъ участіемъ. Вѣроятно, черезъ Марковскаго же переслала княгиня еще одно письмо Блещинскому, гдѣ въ третьемъ лицѣ объясняетъ свою отсрочку: «Ея дочь еще въ больницѣ, куда ее помѣстили за нѣсколько дней до суда; сама она въ больницѣ (бывшемъ епископствѣ), лишенная очень многихъ вещей, необходимыхъ въ ея положеніи... Всѣ сношенія ей запрещены, она видитъ только людей, ухаживающихъ за больными; тѣмъ не менѣе ея не лишатъ помощи, предложенной косвеннымъ путемъ. Прощайте».

Какъ безнадежно и трагично это письмо! А бѣдная пятилѣтняя крошка, брошенная въ Парижѣ безъ всякихъ средствъ на рукахъ чужихъ людей! Какое ужасное положеніе!

Эта дочь княгини, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Ржевускаго, помнила о своемъ пребываніи въ Парижѣ: она запомнила и минуту разлуки: ее подняли къ рѣшеткѣ тюрьмы, и она увидѣла, какъ ея мать, поднявъ глаза къ небу, возсылала къ Богу безмолвную молитву. «Въ первый разъ,—говорила графиня,—я поняла тогда, что есть надъ нами невидимое существо, покровитель сиротъ».

Съ уходомъ Баярда многое измѣнилось въ больницѣ; не прошло и трехъ дней, какъ не только больныхъ, но даже женщинъ, «которыхъ защищаетъ самъ законъ», влекутъ въ трибуналъ и казнятъ. Княгиня Любомирская, какъ и прочіе заключенные, видитъ эти звѣрства и не можетъ сдержать своего негодованія: «Польская княгиня,—пишетъ одинъ современникъ,—молодая и красивая, несомнѣнно признанная беременной, выражаетъ свое справедливое негодованіе... Эти звѣри доносятъ на нее публичному обвинителю, и въ 24 часа она осуждена, приговорена и казнена. 12 мессидора врачи больницы заявляютъ, что свидѣтельствовали «названную Любомирскую, что ихъ осмотръ не далъ имъ «никакихъ признаковъ или симптомовъ...», и въ тотъ же день княгиня казнена. Документъ этотъ, написанный однимъ изъ врачей, Энгюшаромъ, весьма подозрителенъ и имѣетъ видъ, что подписанъ прежде, чѣмъ было вписано имя осужденной. Мѣсто, оставленное для имени, слишкомъ недостаточно для слова «Любомирская», и почеркъ въ этомъ словѣ другой.

Княгиня была дружна съ княгиней Амеліей Гогенцоллернъ, которая сама была арестована, но, благодаря вмѣшательству прусскаго правительства, освобождена.

Въ день своей смерти княгиня написала слѣдующую записку:

«Гражданкѣ Амеліи.

«Прощай, Амелія, скоро меня уже не будетъ, вспоминай о своемъ другѣ и люби меня въ лицѣ моего ребенка.

«Розалія».

Къ этой запискѣ были приложены: прядь золотистыхъ волосъ, искусственныя розы, бѣлая лента, образокъ святой Терезы и кусочекъ кружева; на конвертѣ стоитъ: «Волосы и записка княгини Любомирской въ день ея смерти, 1794».

Это все, чѣмъ располагала бѣдная узница. Ее, какъ кажется, арестовали на какомъ-то вечерѣ и въ бальномъ платьѣ отвели въ тюрьму. Эти реликвіи дѣлаютъ правдоподобнымъ разсказъ, что княгиня взошла на эшафотъ въ этомъ самомъ бѣломъ платьѣ. Княгиню похоронили въ Picpus, подъ стѣнами сада, принадлежавшаго канонницамъ St. Augustin, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ покоятся тѣла 1315 жертвъ, гильотированныхъ менѣе, чѣмъ въ семь недѣль. Это кладбище было куплено княгиней Гогенцоллернъ, имѣвшей мужество присутствовать при послѣднихъ минутахъ своего брата и проводить колесницу съ его останками.

Инвентарь, составленный въ 1795 г. въ больницѣ трибунала, даетъ намъ списокъ вещей, оставленныхъ княгиней: «Любомирская, полька: капотъ, бѣлая юбка, рубашка, двѣ батистовыхъ косынки, утреннее платье, шаль, разорванная на куски».

Какой контрастъ между этимъ спискомъ и длиннымъ перечнемъ вещей, вывезенныхъ княгиней при отъѣздѣ изъ Польши въ 1792 г.! Ея дочь, остававшаяся все время въ другомъ Maison de Santé, «выдана 2 фруктидора (19 августа) гражданкѣ Лезанской, полькѣ». Она отвезла ребенка къ отцу и лишь наканунѣ своего отъѣзда изъ Парижа узнала о смерти своей госпожи.

Всѣ разсказанные факты основаны на историческихъ документахъ [1]), въ нихъ нѣтъ ни строки вымысла.

Е. М. Ш.

[1]) Archives nationales; de la prefecture de police; des affaires étrangères.

ПЕРЕПИСКА РУССКИХЪ АРИСТОКРАТОКЪ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ЗНАМЕНИТОСТЯМИ [1].

ЛАГОДАРЯ новѣйшимъ историческимъ и литературнымъ изысканіямъ, во Франціи обнаруженъ малоизвѣстный и очень любопытный фактъ въ сношеніяхъ русскихъ съ иностранцами въ первой половинѣ XIX столѣтія. Оказывается, что русскія аристократки имѣли особую страсть къ перепискѣ романическаго характера съ иностранными знаменитостями. По случаю недавняго юбилея Бальзака напечатаны письма его къ «иностранкѣ» и этюдъ виконта Спельберга-де-Ловенжуля объ отношеніяхъ Бальзака къ этой иностранкѣ, которая была графиней Ганской, урожденной графиней Ржевусской, вышедшей впослѣдствіи замужъ за творца «Человѣческой Комедіи». Другая подобная же переписка найдена случайно въ парижскомъ полицейскомъ архивѣ и составляетъ копіи съ перехваченныхъ полиціей въ эпоху «Реставраціи» писемъ князя Меттерниха и какой-то незнакомки изъ Лондона. Нашелъ эти интерес-

---

[1]) Un roman du prince de Metternich, par Ernest Daudet. «Revue hebdomadaire» 29 juilet—4 août 1899.

Lettres à l'etrangère, par le H. de Balzac. Paris. 1899.

Un roman d'amour, par vicomte de Spoelberch de Lovanjoul. Paris. 1899.

Le amiche di Balsac, di T. de Roberto. Nuova Antologia. Giugno 15—juglio 1. 1899.

Les amours de Balsac, par Emile Flaguet. Revue Bleue, 12 août 1899.

ные документы историкъ и романистъ, Эрнестъ Додэ, братъ знаменитаго автора «Набоба». Онъ напечаталъ ихъ въ двухъ номерахъ «Revue hebdomadaire» со своими коментаріями, въ которыхъ прямо называетъ по имени одного изъ кореспондентовъ, именно князя Меттерниха, но изъ чувства деликатности не приписываетъ роли незнакомки извѣстной княгинѣ Ливенъ, хотя приводитъ всѣ доказательства въ пользу такого мнѣнія, открыто высказаннаго агентами парижской полиціи, министромъ Деказомъ и Людовикомъ XVIII. Но Додэ предпочитаетъ называть корреспондентку австрійскаго канцлера «незнакомкой» и говоритъ, что ею могла быть другая русская аристократка, княгиня, Багратіонъ, предоставляя читателямъ рѣшить этотъспорный вопросъ. Какъ бы то ни было, переписывалась ли съ Меттернихомъ княгиня Ливенъ, или княгиня Багратіонъ, все-таки незнакомкой была русская аристократка, а въ этомъ для русскихъ заключается главный интересъ вновь открытой романической переписки.

Передавая въ краткомъ очеркѣ исторію этихъ двухъ романовъ въ письмахъ, рисующихъ характерныя бытовыя картинки, мы сохранимъ ихъ таинственное заглавіе, хотя представимъ всѣ доказательства для снятія маски съ незнакомки, такъ какъ иностранка сама сняла ее, сдѣлавшись женою Бальзака.

I.

Незнакомка и князь Меттернихъ.

Тайная полиція играла большую роль въ политическомъ мірѣ Франціи во времена Реставраціи; созданная при имперіи знаменитымъ Фушэ, она сохранила свое могущественное вліяніе до либеральной іюльской монархіи. Но только въ послѣднее время стараніями французскихъ историковъ, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ Эрнесту Додэ, вполнѣ изслѣдованъ архивъ такъ называемаго «Чернаго кабинета», гдѣ вскрывалась частная почтовая корреспонденція, и кромѣ того, сосредоточивались отчеты тайныхъ агентовъ, которымъ поручено было слѣдить за подозрительными для правительства лицами. Эта архивная работа повела ко многимъ любопытнымъ историческимъ находкамъ и ясно обнаружила всю позорную роль тайной полиціи того времени, о которой столь равностный легитимистъ, какъ Шатобріанъ, говорилъ: «Съ какой стороны ни посмотрѣть на это дѣло, но тайная полиція странное учрежденіе въ государствѣ имѣющему парламентское устройство». Дѣйствительно, самъ Шатобріанъ подвергся непріятному столкновенію съ агентами этой полиціи, которые проникли въ его домъ путемъ подкупа слугъ, и теперь въ архивѣ оказалась цѣлая

масса копій съ похищенныхъ у него документовъ и писемъ. Большею частью впрочемъ въ этомъ полицейскомъ архивѣ хранятся подлинники захваченныхъ бумагъ, такъ какъ онѣ возвращались только въ крайнемъ случаѣ, какъ, напримѣръ, бумаги дипломатовъ.

Самые блестящіе подвиги парижской тайной полиціи именно производились въ домахъ иностранныхъ дипломатовъ. Шпіоны проникали ночью въ кабинеты пословъ и, открывъ съ помощью подобранныхъ ключей письменные столы, доставали оттуда секретныя депеши и переписывали ихъ. Эрнестъ Додэ нашелъ въ архивѣ болѣе трехсотъ депешъ прусскаго посланника Гольца, голландскаго посланника барона Фогеля и другихъ дипломатовъ, а также безчисленное количество писемъ королевы испанской къ ея отцу, принца Уэльскаго, Меттерниха, Гарденберга, Нессельроде и т. д. Кромѣ того, въ этомъ архивѣ оказались и донесенія шпіоновъ, которые проливаютъ яркій свѣтъ на правительственные порядки, составлявшіе позоръ для цивилизованной страны, по справедливому замѣчанію Додэ. Напримѣръ, полицейскій шпіонъ, приставленный къ прусскому посольству, писалъ отъ 1-го іюля 1816 года своему начальству: «Снова нельзя было достать депеши графа Гольца. Онъ неожиданно перемѣнилъ замки въ своемъ письменномъ столѣ. Одинъ изъ служащихъ въ посольствѣ, черезъ котораго мы имѣемъ доступъ въ кабинетъ посла, спросилъ у секретаря посольства фонъ-Вустрова, зачѣмъ принята такая странная предосторожность, и получилъ въ отвѣтъ, что Гольца увѣдомили изъ Берлина о необходимости быть очень осторожнымъ насчетъ секретныхъ бумагъ». Другой разъ тотъ же агентъ сообщаетъ, что онъ по обыкновенію открылъ письменный столъ Гольца, но не нашелъ новой депеши и только списалъ старую, которая прежде не была вполнѣ списана.

При такомъ порядкѣ вещей не удивительно, что Додэ удалось найти въ архивѣ парижской тайной полиціи копіи писемъ князя Меттерниха и незнакомки изъ Лондона, подлинники которыхъ были перехвачены полицейскими агентами у подкупленныхъ курьеровъ, возившихъ документы австрійскаго посольства между Вѣной и Лондономъ черезъ Парижъ. Эта секретная переписка рисуетъ австрійскаго канцлера, суроваго руководителя безжалостной реакціи въ Западной Европѣ съ 1815 по 1848 г., въ совершенно новой, невѣдомой до сихъ поръ роли влюбленнаго. Хотя его письма, относящіяся къ 1819 году, не подписаны ни фамиліей, ни даже именемъ, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они писаны Меттернихомъ: во-первыхъ, Парижскихъ полиція прямо свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своихъ помѣтахъ на копіяхъ, и на одномъ изъ нихъ сдѣлана отмѣтка, что «это письмо князя Меттерниха и слѣдуетъ сравнить его съ депешей князя къ австрійскому послу въ Лондонѣ, барону Винценту», а, во-вторыхъ, одно изъ этихъ писемъ, отъ 18 октября изъ Вѣны, въ которомъ находятся воспоминанія о Лейпцигской битвѣ, вклю-

чено въ мемуары Меттерниха, хотя, конечно, издатели этихъ мемуаровъ замѣнили вездѣ выраженіе ты словомъ вы и не обозначили, кому адресовано письмо. Кромѣ того, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Додэ, въ этихъ письмахъ Меттернихъ, хотя и влюбленный, остается вполнѣ Меттернихомъ съ его отличительнымъ стилемъ, презрительной надменностью и ни съ чѣмъ несравнимой гордостью, уже не говоря о томъ, что въ этихъ письмахъ есть такія подробности, которыя только онъ могъ знать и высказать.

Доказавъ безспорность того факта, что влюбленный корреспондентъ, въ найденной перепискѣ, былъ австрійскій канцлеръ, Додэ задается вопросомъ: кто же была незнакомка, писавшая ему изъ Лондона письма, дышавшія пламенной любовью? Прежде, чѣмъ высказать свое мнѣніе, онъ приводитъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія и свидѣтельства современниковъ объ этой таинственной личности. Парижская тайная полиція прямо говоритъ, что корреспонденткой князя Меттерниха была графиня Ливенъ, потомъ княгиня, жена русскаго посла въ Лондонѣ, съ 1812 по 1833 годъ, и на одномъ изъ этихъ писемъ находится полицейская помѣтка: «Это письмо, почеркъ котораго вполнѣ признанъ за почеркъ графини Ливенъ, писано къ князю Меттерниху. Оно объясняетъ письмо послѣдняго, которое было адресовано къ той же дамѣ въ прошломъ мѣсяцѣ; оно прибыло сегодня утромъ изъ Лондона съ курьеромъ англійскаго посла сэра Чарльса Стюарта. Было четыре конверта. Первый адресованъ на имя барона Биндера (перваго секретаря австрійскаго посольства, который велъ переписку съ Меттернихомъ помимо посла); второй на его же имя съ надписью Неймана (перваго секретаря австрійскаго посольства въ Лондонѣ, считавшагося побочнымъ сыномъ Меттерниха): «излишне рекомендовать вамъ этотъ пакетъ»; третій на имя Флёре (состоявшаго при австрійскомъ посольствѣ и довѣреннаго лица Меттерниха), а четвертый безъ всякаго адреса».

Копіи съ перехваченныхъ писемъ незнакомки, повидимому, читались министромъ Деказомъ и Людовикомъ XVIII, потому что послѣдній писалъ первому отъ 30 октября 1820 года: «Вы, вѣроятно, помните, что читали письма г-жи Л. къ «son cher amant, M.». Въ послѣднемъ ея письмѣ, которое я только-что читалъ, она жалуется на непріятности дачной жизни и между прочимъ на моего посланника, его жену и сестру, которые очень надоѣдаютъ во время ихъ посѣщенія, такъ какъ, по ея словамъ, ихъ надо забавлять съ утра до вечера, и они ни на минуту не остаются въ своихъ комнатахъ». Съ своей стороны Деказъ, бывшій въ 1820 году посломъ въ Лондонѣ, замѣчаетъ въ письмѣ къ королю отъ 24 ноября: «Князь Эстергази (австрійскій посланникъ въ Лондонѣ) говорилъ мнѣ о перепискѣ графини Ливенъ съ княземъ М**, что ему очень непріятно; онъ еще прибавилъ, что англійскій король не терпитъ эту графиню, а министерство находитъ, что она слишкомъ интригуетъ, вмѣшиваясь въ дѣла, какъ правительства, такъ и опозиціи».

Къ этимъ доказательствамъ, что незнакомкой была княгиня Ливенъ, Эрнестъ Додэ прибавляетъ: «Дѣйствительно, эта очаровательная женщина находилась въ Англіи въ 1819 году, и въ дипломатическихъ сферахъ открыто говорили объ ея дружескихъ отношеніяхъ къ Меттерниху, которые начались съ Вѣнскаго конгресса. Еще не лишне привести обстоятельство, имѣющее немалое значеніе для историка: въ 1870 году, въ аристократическихъ салонахъ Парижа ходила по рукамъ копія переписки между княземъ Меттернихомъ и княгиней Ливенъ, умершей пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Лица, читавшія эту переписку, сохранили о ней очень трогательное воспоминаніе, и я вполнѣ ихъ понимаю, такъ какъ мнѣ удалось прочитать письма княгини Ливенъ къ Гизо, хотя иного характера, но дышащія привязанностью и преданностью».

Такимъ образомъ, все указываетъ, по словамъ Додэ, на княгиню Ливенъ, какъ на незнакомку Меттерниха, но для большей осторожности онъ задаетъ себѣ вопросъ, не была ли этой незнакомкой другая русская аристократка, извѣстная своими дружескими отношеніями къ Меттерниху, и о которой упоминается въ архивѣ парижской тайной полиціи. Дѣло идетъ о княгинѣ Багратіонъ, которая играла значительную роль въ политическихъ и литературныхъ сферахъ Парижа. О ней упоминаетъ Бальзакъ въ своей перепискѣ съ иностранкой, говоря: «Въ Парижѣ считаютъ прототипомъ моей Ѳедоры въ романѣ «La peau de chagrin» дочь холодной Россіи, княгиню Багратіонъ, но это не правда, и она семьдесятъ-вторая женщина, которая напрасно признаетъ себя въ моей героинѣ». Тайная полиція находила нужнымъ подкупить слугъ княгини Багратіонъ, и вотъ какъ одинъ изъ ея агентовъ резюмируетъ первыя свѣдѣнія, собранныя о ней въ донесеніи 27 мая 1819 года: «Сегодня утромъ прибылъ изъ Брюсселя курьеръ къ генералу Поццо-ди-Борго, русскому послу. Княгиня Багратіонъ ожидала съ этимъ курьеромъ письма, но, повидимому, ничего не получила. Эта дама очень извѣстна въ высшемъ обществѣ, благодаря своимъ политическимъ связямъ и кокетству. Въ понедѣльникъ, вечеромъ, довольно поздно ушли отъ нея два поляка, и одинъ изъ нихъ, графъ Станиславъ Потоцкій, вернулся обратно. Подобныя продѣлки случаются часто, и героями ихъ бываютъ то одинъ, то другой, такъ какъ княгиня очень перемѣнчива. У нея бываютъ личности всякаго рода и придворные: Шатобріанъ, герцогъ Муши, герцогъ Фицъ-Джемсъ и другіе, и либералы Мануэль и Бенжамэнъ Констанъ, но наиболѣе довѣряетъ она генералу Матье Дюма, у котораго нанимаетъ меблированный домъ за 18.000 франковъ въ годъ. Въ числѣ ея пріятельницъ можно указать на герцогиню Рагузскую, на принцессу Невшатель, на королеву шведскую и т. д. Княгиня Багратіонъ очень много занимается политикой и хвалится тѣмъ, что знаетъ болѣе политическихъ тайнъ, чѣмъ всѣ посланники. Она съ удовольствіемъ вспоминаетъ

о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ въ 1812 и 1813 годахъ и увѣряетъ, что своимъ вліяніемъ на князя Меттерниха понудила Австрію присоединиться къ коалиціи противъ Наполеона. Со времени Аахенскаго конгресса произошло нѣкоторое охлажденіе между княгиней Багратіонъ и генераломъ Поццо-ди-Борго, но все-таки они видаются, однако княгиня чаще ѣздитъ къ послу, чѣмъ посолъ къ ней. Уже шесть недѣль она не получала писемъ отъ Меттерниха, который обѣщалъ, въ послѣднемъ письмѣ изъ Рима, пріѣхать въ Парижъ въ маѣ, но не сдержалъ своего слова».

Къ этимъ полицейскимъ свѣдѣніямъ Додэ прибавляетъ, что въ то время никто не сомнѣвался въ близкихъ отношеніяхъ княгини Багратіонъ къ Меттерниху, и злые языки даже распускали легенду, что онъ былъ отцемъ ея дочери, какъ тѣ же злые языки называли близнецовъ, родившихся у княгини Ливенъ послѣ вѣнскаго конгресса,—дѣтьми конгресса. Поэтому, по словамъ французскаго историка, можно легко допустить, что княгиня Багратіонъ была незнакомкой, но тутъ же онъ опровергаетъ эту гипотезу безспорнымъ доказательствомъ, что она была въ 1819 году въ Парижѣ, а не въ Лондонѣ, откуда писала письма незнакомка.

Покончивъ съ гипотезой о княгинѣ Багратіонъ, Додэ снова возвращается къ княгинѣ Ливенъ, и вотъ къ какому заключенію онъ приходитъ въ концѣ концевъ: «Чтобы заслужить любовь и довѣріе Меттерниха, безспорно надо было имѣть много ума, много сердца, рѣдкую впечатлительность и пламенную преданность, а всѣ знавшіе княгиню Ливенъ признаютъ, что она отличалась именно этими качествами. Но, несмотря на это, несмотря на свидѣтельство полиціи и на всю вѣроятность такого предположенія, я считаю, что прямого доказательства тождества княгини Ливенъ съ незнакомкой не имѣется, а потому я боюсь что либо утверждать и предпочитаю оставить открытымъ возбужденный мною вопросъ. Пусть читатель самъ разрѣшитъ, его, если сочтетъ это возможнымъ». Въ примѣчаніи къ своей статьѣ Додэ говоритъ, что онъ уже давно пишетъ біографію княгини Ливенъ, а потому не приводитъ въ настоящее время большихъ подробностей о ней. Быть можетъ, въ этихъ словахъ заключается разгадка его чрезмѣрной осторожности и деликатности въ разрѣшеніи вопроса о томъ, кто была незнакомка князя Меттерниха. Быть можетъ, онъ прибергъ имѣющіяся у него безспорныя доказательства, что княгиня Ливенъ была этой незнакомкой для приготовляемой имъ біографіи знаменитой русской политической женщины, и, чтобы придать бо́льшій интересъ этому сочиненію, онъ только разрѣшитъ на его страницахъ любопытный вопросъ.

Читателямъ «Историческаго Вѣстника» знакома личность княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ по обстоятельному очерку ея жизни, помѣщенному въ мартовской книжкѣ этого журнала за про-

шедшій годъ [1]), и потому излишне распространяться о ней. Приводя же наиболѣе характерные отрывки изъ переписки незнакомки съ княземъ Меттернихомъ, мы дадимъ возможность, по примѣру Додэ, самимъ читателямъ рѣшить, была ли княгиня Ливенъ этой незнакомкой.

Всѣхъ писемъ князя Меттерниха найдено и напечатано Эрнестомъ Додэ двадцать два письма, обнимающія собою время отъ 13 іюня до 29 декабря 1819 года. Писаны они изъ разныхъ городовъ, гдѣ онъ находился, т. е. изъ Бриксена, Мюнхена, Ратисбона, Карлсбада и Вѣны. Въ первыхъ двухъ онъ упоминаетъ о своемъ путешествіи по Италіи и прямо снимаетъ маску съ незнакомки; такъ онъ говоритъ: «Я всегда читаю газеты въ каждомъ городѣ, гдѣ останавливаюсь, и сегодня читалъ въ Больцано четыре новости: комета приближается къ Большой Медвѣдицѣ; принцъ регентъ англійскій, а также графъ и графиня Ливенъ, присутствовали на балу, данномъ въ персидскомъ посольствѣ; я прибылъ во Флоренцію, а новый любитель доброй нѣмецкой школы хотѣлъ убить губернатора Нассау. Трудно сказать, что общаго между этими четырьмя фактами, но я ощутилъ большое удовольствіе, что мой пріѣздъ во Флоренцію описанъ на одной страницѣ съ подробностями бала твоего друга персіянина». Какъ эти, такъ и всѣ послѣдующія письма отличаются самыми нѣжными выраженіями любви и преданности «къ моему доброму другу», какъ онъ называетъ свою корреспондентку. То онъ говоритъ, что она «дороже для него всего на свѣтѣ», то заявляетъ: «я часто бываю правъ, но болѣе всего, когда думаю о тебѣ»; то увѣряетъ, что имъ нечего много писать другъ другу, такъ какъ «тремя словами: любовь, постоянство и надежда, исчерпывается весь ихъ капиталъ чувствъ и надеждъ», то наконецъ пламенно выражается: «я люблю тебя въ Карлсбадѣ такъ же, какъ и у подножія Везувія, въ развалинахъ Пестума и въ Елисейскихъ поляхъ». Одно письмо онъ оканчиваетъ словами: «люби меня, какъ я хочу, чтобы меня любили, мой другъ на всю жизнь»; въ другомъ онъ увѣряетъ: «я умѣю быть однимъ среди сотни лицъ, но именно потому, что я не одинъ; стоитъ мнѣ только заглянуть въ мое сердце, и я нахожу тамъ тебя»; въ третьемъ онъ говоритъ, что поручилъ общему пріятелю передать поклонъ «доброму другу» и ея мужу, при чемъ прибавляетъ: «мужу я кланяюсь потому, что онъ согласенъ со мною относительно моихъ принциповъ, а тебѣ—потому, что ты для меня все; дорогая моя. Когда мы увидимся съ тобою? Невозможно, чтобы мы никогда не увидѣлись».

Послѣднія письма Меттерниха полны самыхъ трогательныхъ заботъ о здоровьи его корреспондентки, такъ какъ она должна была

---

[1]) Княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, Н. А. Бѣлозерской. «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1898 г.

родить. «Не сердись на меня», говоритъ онъ между прочимъ, «если я кажусь тебѣ теперь дуракомъ; это не удивительно, я ни о чемъ не могу думать, кромѣ какъ о твоихъ родахъ». А когда она благополучно родила, то онъ выражаетъ неподдѣльную радость, замѣчаетъ, что «есть еще существо на свѣтѣ, которое онъ любитъ», и совѣтуетъ «сдѣлать изъ ея сына не дѣвочку, а мальчика, такъ какъ мальчика надо воспитывать на солнцѣ, а дѣвочку въ сумеркахъ». Но успокоившись Меттернихъ все-таки жаждетъ получать частыя извѣстія о здоровьи матери и ребенка, а когда онъ не получалъ ихъ около мѣсяца, то патетически восклицаетъ: «Разлука и разстояніе—грустные элементы жизни во всякое время года, но зима еще болѣе увеличиваетъ ихъ. Мало того, что насъ отдѣляютъ море и двадцать рѣкъ, еще нужно равноденствію поднимать бури на морѣ, а тающему снѣгу заставлять рѣки разливаться. На страшномъ Дунаѣ уноситъ одинъ мостъ за другимъ, и курьеры опаздываютъ. Когда же наконецъ не будетъ между нами ни мостовъ, ни моря, ни курьеровъ? Когда же ты, другъ мой, скажешь мнѣ то, что я такъ люблю слышать, а я повторю тебѣ то, что ты уже знаешь. Милліоны людей могутъ наслаждаться этимъ счастьемъ каждый часъ, а мы съ тобой во всю жизнь только знали его въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, увы, слишкомъ краткихъ». Въ отвѣтъ на переданныя его корреспонденткой слова Неймана, что онъ удивляется постоянству Меттерниха въ его перепискѣ съ нею, влюбленный канцлеръ замѣчаетъ· «бѣдный Нейманъ, онъ меня не знаетъ, а если бы зналъ, то ему было бы извѣстно, что я все или ничего, все, когда люблю, и ничего, когда не люблю».

Хотя письма Меттерниха переполнены любовью, но, конечно, въ нихъ говорится и о другихъ предметахъ; рядомъ съ любовью въ нихъ проглядываютъ умъ и политика. Первый, напримѣръ, бьетъ ключемъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ «беременность — дорого заплаченная минута наслажденія, а роды напротивъ—искупленная счастьемъ минута страданья», или «люди, не измѣняющіе своихъ принциповъ, въ концѣ концовъ заставляютъ всѣхъ повиноваться своей волѣ, и не ставя предѣловъ своей волѣ, они заставляютъ другихъ волей или неволей ей покоряться». Что касается политики, то онъ прямо высказываетъ свою реакціонную систему. Напримѣръ, онъ пишетъ изъ Мюнхена: «Міръ очень боленъ, а я не шарлатанъ по ремеслу и не льщу своимъ больнымъ; я не говорю имъ, что могу сдѣлать все, что хочу для общей пользы, но я всегда хочу дѣлать добро, и какъ можно больше. добра. Я полагаю, что ты скоро услышишь много криковъ противъ меня, но кричать будетъ чернь, а ея крики я считаю похвалою. Теперь въ Германіи убиваютъ во имя нравственности и любви къ родинѣ, а потому очень можетъ быть, что меня убьютъ. Но ты будешь меня оплакивать вмѣстѣ съ честными людьми, которые еще не сошли съ ума». Въ другомъ письмѣ изъ

Вѣны онъ называетъ своихъ враговъ, которыхъ, по его словамъ, тысячи и тысячи, «полуучеными, полными безумцами, любителями чужой собственности и убійцами во имя Бога и свободы». Изъ своихъ товарищей дипломатовъ онъ отзывается только о Н., подъ которымъ, конечно, подразумѣвается Нессельроде, и, по его словамъ, «Н. пишетъ лучше него, и вообще это одинъ изъ людей, который наилучше пишетъ о дѣлахъ», но, прибавляетъ Меттернихъ, «я думаю лучше его, и не грамматика, а смыслъ составляетъ стиль человѣка». Хотя, говоря о мужѣ своей корреспондентки, Меттернихъ не называетъ его по имени, но, упоминая въ одномъ письмѣ о Ли—енъ, онъ выражаетъ то же самое, какъ объ ея мужѣ, т. е. удовольствіе по случаю того, что онъ раздѣляетъ его, Меттерниха, принципы, а потому нельзя не согласиться, что агентъ французской тайной полиціи имѣлъ полное основаніе отмѣтить на этомъ письмѣ: «Безъ сомнѣнія, Ли—енъ означаетъ графа Ливена».

Самое краснорѣчивое и блестящее изъ всѣхъ писемъ Меттерниха написано въ день годовщины Лейпцигской битвы. Въ немъ онъ вспоминаетъ объ этой ужасной рѣзнѣ и объ оглушительной канонадѣ, ознаменовавшей паденіе Наполеона, такъ какъ въ этотъ день, по его словамъ, «рука Божія сразила чрезъ посредство двадцати народовъ одного человѣка, поставившаго себя выше всѣхъ людей». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ о Наполеонѣ: «Я убѣжденъ, что немногіе знаютъ Наполеона такъ хорошо, какъ я. Я провелъ подлѣ него самые замѣчательные годы его жизни. Обстоятельства поставили меня лицемъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, и я глубоко изучилъ его. Послѣ моей смерти найдутъ очень интересные мемуары объ этомъ человѣкѣ и его времени. Эти мемуары освѣтятъ многое, уничтожатъ много сомнѣній и исправятъ много ошибокъ. Я пишу ихъ уже четыре года и скоро кончу, но напечатаны они будутъ только черезъ тридцать, или сорокъ лѣтъ, когда умрутъ всѣ современники». Додэ справедливо замѣчаетъ, что мемуары Меттерниха далеко не удовлетворили этимъ обѣщаніямъ ихъ автора. Но зато Меттернихъ вполнѣ правильно замѣчаетъ въ означенномъ письмѣ, что послѣ 1815 года время измельчало, и исторія слѣдовавшихъ за паденіемъ Наполеона, лѣтъ представляетъ «волнующееся по окончаніи бури, море, на которомъ нельзя потерпѣть крушенія, но можно погибнуть, такъ какъ не знаешь, откуда дуетъ вѣтеръ».

Переходя къ письмамъ незнакомки, мы прежде всего поражены тѣмъ, что хотя Меттернихъ упоминаетъ о семидесяти восьми ея письмахъ, но ихъ сохранилось только четыре. Всѣ они писаны день за днемъ отъ 3-го до 6-го сентября 1819 года и наполнены главнымъ образомъ жалобами на разлуку со своимъ милымъ Клементомъ, какъ она называетъ своего корреспондента, и какъ дѣйствительно назывался Меттернихъ. «Скажи мнѣ, что станется съ нами?— говоритъ она во второмъ изъ этихъ писемъ:—неужели ты можешь

примириться съ мыслью о такой долгой разлукѣ? Если мы покорились судьбѣ въ настоящемъ году, то неужели ты думаешь возможнымъ сдѣлать то же и въ будущемъ году?» О своей любви она выражается очень горячо, но характерно: «О мой Клементъ,—писала она,—какъ сладко тебя любить! Но и ты, дорогой другъ, обѣщай мнѣ любить меня, пока я тебя буду любить; отъ этого зависитъ моя и твоя жизнь. Люби меня, мой милый Клементъ, люби меня всѣмъ сердцемъ, люби меня и днемъ, и ночью, и всегда». Кромѣ любви, въ этихъ письмахъ говорится очень мало посторонняго, но въ одномъ изъ нихъ встрѣчаются нѣсколько фразъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на дѣйствительную личность незнакомки. «Мой мужъ и Капо (Каподистрія, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ) близко познакомились между собою въ три недѣли, проведенныя здѣсь послѣднимъ. Капо отличается здравымъ смысломъ, потому что онъ оцѣнилъ добрыя качества моего мужа. Однажды мы говорили о Г. (вѣроятно, русскомъ послѣ въ Вѣнѣ), и Капо замѣтилъ: «Такого-то человѣка мы оставляемъ лицемъ къ лицу съ М.» (вѣроятно, Меттернихъ). Я на это отвѣтила: «Такъ какъ вы не найдете человѣка равнаго съ нимъ ума, то пошлите къ нему честнаго человѣка, и вамъ будетъ гораздо спокойнѣе». Онъ промолчалъ, но мой мужъ ему сказалъ въ общихъ выраженіяхъ, что онъ считаетъ достаточнымъ свое семилѣтнее пребываніе въ Англіи и съ удовольствіемъ принялъ бы другой постъ. Посмотримъ, что Капо сдѣлаетъ со всѣми этими намеками, но, признаюсь, я болѣе надѣюсь на Нес... (конечно, Нессельроде, второго министра иностранныхъ дѣлъ того времени), который, я полагаю, имѣетъ больше вліянія на дипломатическія назначенія». Послѣднія слова послѣдняго письма незнакомки были: «Прощай, прощай, добрый другъ».

Если дѣйствительно незнакомкой была княгиня Ливенъ, а читатель самъ видитъ изъ содержанія переписки, какъ трудно сомнѣваться въ этомъ, то послѣднія слова предсказывали развязку ея романа съ Меттернихомъ. Какъ бы то ни было, но, по свидѣтельству Эрнеста Додэ, княгиня Ливенъ, поселившись въ Парижѣ въ 1835 г., говорила объ австрійскомъ канцлерѣ, какъ о свѣтскомъ знакомомъ, съ которымъ она находилась на церемонной ногѣ. Въ томъ же духѣ отзывается о ней Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ. Онъ вскользь упоминаетъ, что зналъ ее на вѣнскомъ конгрессѣ въ 1814 году и потомъ встрѣчался съ ней на Аахенскомъ конгрессѣ въ 1818 году. Въ дневникѣ княгини Меттернихъ, приложенномъ къ мемуарамъ ея мужа, говорится, что они оба часто посѣщали княгиню Ливенъ въ 1849 году въ Брайтонѣ, куда она послѣдовала за своимъ другомъ Гизо послѣ февральской революціи... Тогда ей было 65 лѣтъ, а Меттерниху 76, но, несмотря на старость, она, «какъ всегда пламенная и страстная», по выраженію Додэ, жила только для Гизо, который закрылъ ей глаза въ Парижѣ, въ 1857 году.

II.

Иностранка и Бальзакъ.

— Писатель не долженъ возиться съ женщинами,— сказалъ однажды Бальзакъ Теофилю Готье:—это слишкомъ большая потеря времени.

— Но женщины для чего нибудь созданы,—отвѣчалъ его собесѣдникъ:—какія же отношенія къ нимъ вы дозволяете писателямъ?

— Онѣ должны довольствоваться перепиской. Это формируетъ стиль.

Конечно, Бальзакъ не довольствовался исключительно письмами въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, но письма играли громадную роль во всѣхъ романахъ его жизни. Хотя, по справедливому замѣчанію Де-Роберто, посвятившаго основательное изслѣдованіе отношеніямъ Бальзака къ женщинамъ, всѣ жизненные романы великаго романиста неизвѣстны, но тѣ изъ нихъ, которые не составляютъ тайны, обнаружены перепиской между ихъ героемъ и героинями. Бальзакъ такъ привыкъ передавать бумагѣ свою любовь, что, когда она переходитъ изъ области писемъ въ дѣйствительную жизнь, то онъ чувствуетъ необходимость изложить свое счастье въ письмѣ къ какой нибудь женщинѣ, хотя бы къ своей сестрѣ, Лаурѣ, женѣ инженера Сюрвиля, которую онъ очень любилъ и называлъ «сокровищемъ дружбы, ангеломъ хранителемъ, богиней чаръ, элексиромъ добродѣтели, красоты и граціи». Въ одномъ изъ такихъ писемъ къ сестрѣ отъ 12 октября 1833 года онъ сразу поднимаетъ завѣсу со своихъ главныхъ жизненныхъ романовъ, и потому приведемъ изъ него отрывокъ, который проливаетъ ясный свѣтъ на отношенія къ женщинамъ того, который прямо говорилъ, что онѣ составляютъ «его единственную земную религію».

«Я нашелъ тамъ (въ Невшателѣ) все, что можетъ польстить самолюбію животнаго, называемаго человѣкомъ, и самую самолюбивую особь котораго составляетъ поэтъ. Но зачѣмъ я говорю о самолюбіи? Тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Я просто счастливъ, очень счастливъ мысленно, такъ какъ дальше еще не пошло. Увы, проклятый мужъ не покидалъ насъ ни на одну минуту въ продолженіе пяти дней... Но главное, что намъ двадцать семь лѣтъ, что мы прекрасны до восхищенія, что у насъ самые удивительные, черные волосы, нѣжная, атласная кожа брюнетокъ, маленькая достойная любви, ручка и наивное сердце, настолько неосторожное, что она бросилась ко мнѣ на шею передъ всѣми. Я уже не говорю объ ея колоссальномъ богатствѣ. Что мнѣ до этого, когда передъ мною chef d'oeuvre красоты, которое я могу сравнить только съ княгиней Бельджіоджозо, хотя «она» несравненно лучше ея. Я былъ

опьяненъ любовью, но мнѣ некому разсказать объ этомъ. Конечно, я не могу разсказать этого *ей*, большой барынѣ, страшной маркизѣ, которая, подозрѣвая мое путешествіе, отложила въ сторону гордость и приказала мнѣ слѣдовать на нею къ герцогу Ф. Нельзя этого передать и *ей*, бѣдной, простой, прелестной, буржуазной красоткѣ, благодаря которой я, отецъ, и которая ниспала мнѣ съ неба, тайно посѣщаетъ меня, не требуетъ ни заботъ, ни писемъ, а говоритъ, о наивное существо: «люби меня годъ, а я буду любить тебя всю жизнь». Немыслимо выдать эту тайну и *ей*, самой дорогой для меня женщинѣ, которая ревнуетъ меня болѣе, чѣмъ мать ревнуетъ молоко, которымъ она кормитъ своего ребенка. Она не терпитъ иностранки потому, что иностранка овладѣла мной. Наконецъ невозможно высказать этого и *ей*, которая требуетъ своей ежедневной порціи любви, и несмотря на то, что она сладострастнѣе тысячи кошекъ, не отличается ни женственностью, ни граціей. Значитъ, я долженъ повѣдать о моей радости тебѣ, моя добрая сестра, старинная подруга моихъ горестей и слезъ, съ полной увѣренностью, что моя тайна умретъ въ глубинѣ твоей памяти».

Въ этой откровенной исповѣди Бальзакъ прямо вводитъ насъ въ галлерею избранницъ, которыхъ онъ любилъ болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, съ которыми переписывался для отдѣлки своего стиля, и которыхъ выводилъ героинями своихъ романовъ, поражающихъ тонкимъ анализомъ женской натуры. Но кто были эти живыя героини Бальзака? На подобный вопросъ можно отвѣтить подробно въ отношеніи иностранки, которою, какъ всѣмъ извѣстно, была графиня Ганская, впослѣдствіи жена Бальзака, а что касается другихъ, то существуютъ лишь скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя біографами великаго романиста, преимущественно Спельбергъ-де-Ловенжулемъ и Де-Роберто.

Страшной маркизой была гордая, холодная аристократка, маркиза Кастри, которая начала свой романъ съ Бальзакомъ анонимными письмами, а затѣмъ продолжала его въ свѣтскихъ салонахъ и замкахъ, куда слѣдовалъ за нею влюбленный Бальзакъ. Но вскорѣ оказалось, что маркиза, носившая трауръ по умершему предмету своей любви, водила за носъ романиста и держала его при себѣ, лишь какъ умнаго человѣка и извѣстнаго писателя. Самъ Бальзакъ сознавался въ этомъ въ своихъ письмахъ къ Зюльмѣ Карро, подругѣ его сестры, съ которой онъ поддерживалъ только дружескія отношенія и повидимому никогда не имѣлъ никакого романа. Но въ письмахъ къ иностранкѣ онъ увѣряетъ, что «сумѣлъ поставить г-жу К. на ногу свѣтскаго приличія», и этимъ какъ бы даетъ понять, что онъ самъ отказался отъ этого, по его словамъ, «сухаго сердца». Конечно, онъ прибѣгъ къ такой хитрости, чтобы успокоить ревность иностранки, но въ сущности кокетство и свѣтское коварство маркизы глубоко его оскорбило, что доказывается безжалост-

нымъ ея портретомъ, который онъ нарисовалъ подъ именемъ герцогини Ланжэ въ романѣ подъ этимъ заглавіемъ.

О «буржуазной красоткѣ» ничего неизвѣстно, и Спельбергъ, знающій все, что только можно знать о Бальзакѣ, предполагаетъ тождество между этимъ «прелестнымъ, простымъ созданіемъ» и тою невѣдомою Маріей, которой посвященъ самый популярный романъ Бальзака, «Евгенія Грандэ». Хотя Спельбергъ не приводитъ никакихъ доказательствъ своихъ догадокъ, но онъ еще полагаетъ, что этотъ жизненный романъ Бальзака продолжался даже менѣе того года, котораго просило въ замѣнъ своей вѣчной любви, «наивное существо», бывшее, по всей вѣроятности, героиней Евгеніи Грандэ, этого глубоко-прочувствованнаго произведенія знатока женскаго сердца.

Героиней его другого знаменитаго романа «Лилія долины» и вмѣстѣ съ тѣмъ «самой дорогой для него женщиной», о которой онъ упоминаетъ въ письмѣ къ сестрѣ,—была г-жа Берни. Самъ Бальзакъ въ своихъ письмахъ къ иностранкѣ называетъ ее г-жей Б. и, несмотря на ревность иностранки, говоритъ о ней самымъ восторженнымъ образомъ. Это дѣйствительно была его первая и величайшая любовь, о которой онъ никогда не забывалъ, несмотря на всѣ свои послѣдующіе романы. Недаромъ, посвящая ей «Луи Ламбера», онъ написалъ: «Et nunc et semper». Дѣйствительно, насколько извѣстно, это была замѣчательно, скромная, добрая, любящая, благородная женщина. «Это мой богъ на землѣ», писалъ Бальзакъ иностранкѣ, «и всѣ мои дѣйствія я всегда обсуждаю, говоря себѣ: «а что бы она объ этомъ подумала? Она служитъ мнѣ живой совѣстью, и мысль о ней удерживаетъ меня отъ всего дурного». Десять лѣтъ онъ дѣлилъ счастье и горе съ этимъ прототипомъ г-жи Морзофъ, самаго симпатичнаго изъ созданныхъ имъ женскихъ типовъ, но она была старше его на двадцать лѣтъ, и они добровольно разстались въ 1832 году, но до самой ея смерти, четыре года спустя, они оставались въ самыхъ трогательныхъ, дружескихъ отношеніяхъ. Объ ея смерти Бальзакъ писалъ къ иностранкѣ лаконически, но съ глубокимъ чувствомъ: «Г-жа Б. умерла. Я больше вамъ ничего не скажу. Мое горе не на одинъ день, а на всю жизнь. Это роковое извѣстіе чуть меня не убило». Объ этой «dilecta» избранная, какъ обыкновенно называлъ ее Бальзакъ, извѣстно очень мало: она была несчастна въ жизни, имѣла жестокаго мужа, потеряла двухъ взрослыхъ дѣтей, одна изъ ея дочерей сошла съ ума, а одинъ сынъ причинилъ ей много горя—вотъ и все. Спельбергъ имѣетъ въ своемъ Бальзаковскомъ музеѣ въ Брюсселѣ, гдѣ собрано все, что касается до знаменитаго романиста, переписку Бальзака съ г-жей Берни и обѣщаетъ вскорѣ напечатать ее. По его словамъ, письма этой женщины обнаруживаютъ въ ней дѣйствительно необыкновенно возвышенную натуру.

Что касается до «сладострастной кошки», о которой такъ цинично выражается Бальзакъ въ письмѣ къ сестрѣ, то нельзя рѣшительно сказать, кого онъ подразумѣваетъ подъ своей нелестной характеристикой. Но еще извѣстенъ жизненный романъ Бальзака съ Луизой, и по обыкновенію между ними происходила обширная переписка, но также нельзя сказать, кто была эта Луиза. Былъ у Бальзака и комическій эпизодъ со второклассной романисткой, Каролиной Марбути, писавшей подъ псевдонимомъ Клары Брюнъ. Онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ нею по Италіи и описалъ ея приключенія въ мужскомъ костюмѣ, въ своемъ разсказѣ «La grenadiere». Каролина за это ему отомстила и вывела его въ своемъ романѣ «Фальшивое положеніе», гдѣ онъ играетъ очень неблаговидную роль. Наконецъ Спельбергъ упоминаетъ объ одной невѣдомой драмѣ въ жизни Бальзака: въ 1846 году у него родилась дочь недоносокъ, и это событіе было причиной трагическаго эпизода, благодаря которому усилилась его сердечная болѣзнь. Извѣстно, что онъ умеръ отъ этой болѣзни въ 1850 году.

Теперь перейдемъ къ самому характерному и наиболѣе продолжительному жизненному роману Бальзака, именно къ исторіи его отношеній съ иностранкой. Они начались 23 февраля 1832 года, а кончились его смертью въ 1850 году. Въ продолженіе семнадцати лѣтъ онъ оставался по собственному его выраженію «вѣрнымъ мужикомъ своей русской графини». Переписка, составляющая, какъ всегда, отличительную черту этого романа, достигаетъ громадныхъ размѣровъ, и только письма одного Бальзака составляютъ, по свидѣтельству Спельберга, 3000 страницъ, которыя онъ старательно просмотрѣлъ, списалъ и перенумеровалъ. Въ настоящее время вышелъ еще только первый томъ этихъ писемъ; въ немъ 575 страницъ большого формата и убористой печати. Если Спельбергъ имѣлъ въ виду такія страницы, то значитъ еще будетъ четыре тома. Напечатанныя письма обнимаютъ эпоху отъ января 1833 до января 1842 г., т. е. десять лѣтъ, протекшія отъ перваго письма Бальзака до смерти мужа его корреспондентки. Изъ ея писемъ извѣстны только два, напечатанныя въ книгѣ Спельберга.

Эта любопытная переписка, возбуждающая не только литературный, но и психологическій интересъ, началась за годъ до перваго письма Бальзака. 28 февраля 1832 года, Бальзакъ, только что тогда достигшій извѣстности, послѣ долгой борьбы съ равнодушіемъ публики, нашелъ у своего издателя Послена адресованное ему письмо, съ одесской почтовой маркой. Оно было подписано «Иностранка» и произвело сильное впечатлѣніе на тридцати-трехъ-лѣтняго писателя, хотя онъ уже привыкъ въ послѣднее время получать письма отъ различныхъ дамъ, по поводу своихъ романовъ, въ которыхъ онъ преимущественно изучалъ женское сердце. Это письмо пропало и, по всей вѣроятности, было сожжено Бальзакомъ въ 1847 году, когда

онъ былъ вынужденъ драматическимъ событіемъ, которое до сихъ поръ не выяснено, сжечь всѣ письма, полученныя имъ отъ иностранки. Но такъ какъ онъ показывалъ это письмо своимъ друзьямъ и между прочимъ Зюльмѣ Карро, то, по словамъ Спельберга, можно составить себѣ понятіе о томъ, что въ немъ заключалось. Повидимому, таинственная корреспондентка разсыпалась въ похвалахъ сборнику разсказовъ Бальзака подъ заглавіемъ «Сцены частной жизни» и упрекала его за то, что въ романѣ «Peau de chagrin» онъ измѣнилъ утонченнымъ чувствамъ и деликатному анализу женскихъ характеровъ, что доставило успѣхъ его предыдущему сочиненію; поэтому она умоляла его не колебать пьедестала, на который онъ поставилъ женщинъ въ «Сценахъ частной жизни», а напротивъ вернуться къ возвышеннымъ источникамъ своего прежняго вдохновенія, отказавшись отъ изображенія ироническихъ, или скептическихъ картинъ, имѣющихъ цѣлью униженіе женщины или отрицаніе той благородной, чистой роли, которая принадлежитъ женщинѣ, если она понимаетъ свое назначеніе на землѣ.

Сколько получалъ подобныхъ писемъ Бальзакъ до конца года, и что въ нихъ заключалось,—неизвѣстно; но сохранился подлинникъ письма иностранки отъ 7-го ноября, и въ немъ высказаны далеко не въ блестящей формѣ очень туманныя сантиментальности, такъ что непонятно, какъ могли произвести подобныя письма сильное вліяніе на Бальзака. «При чтеніи вашихъ сочиненій, мое сердце трепетало, говоритъ она: вы возводите женщину на должную высоту. Любовь у женщины—небесная добродѣтель и божественное наитіе. Вы это поняли, и я восторгаюсь вашей сердечной проницательностью». Далѣе иностранка увѣряетъ, что она любитъ не только своего корреспондента, но и подругу его жизни, такъ какъ онъ долженъ кого нибудь любить и быть счастливымъ. «Для васъ я иностранка, продолжаетъ она, и останусь ею навсегда; вы никогда меня не узнаете. Я умѣла и умѣю любить, но никто не могъ понять того пламени, которое пожираетъ все мое существо. Вы меня поймете и сознаете, что я могла любить только одинъ разъ и не понятая должна прозябать и умирать. Я отдала свое сердце и теперь одна... Ваши сочиненія возбудили во мнѣ самый глубокій энтузіазмъ. Вы лучезарный метеоръ, который долженъ придать моей жизни новый смыслъ, новое движеніе. Но берегитесь подводныхъ камней. Я чувствую, что они васъ окружаютъ. У меня нѣтъ ни таланта, ни генія, но я чувствую правду и желала бы быть ангеломъ свѣта, который предохранилъ бы васъ отъ заблужденій... Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все мое существо: я восхищаюсь вашимъ талантомъ, преклоняюсь передъ вашей душей и хотѣла бы быть вашей сестрой. У меня одна добродѣтель—способность любить, и я люблю вѣчно». Нанизавъ такими сентиментальностями нѣсколько страницъ, иностранка кончаетъ свое письмо увѣреніемъ, что она убѣждена въ счастьи того

человѣка, который пойметъ одушевляющую ее электрическую искру, и просьбой, чтобы Бальзакъ напечаталъ въ газетѣ «Quotidienne» отвѣтъ въ двухъ словахъ съ надписью: «И.—отъ Б.».

Бальзакъ исполнилъ это желаніе своей таинственной корреспондентки, и между ними началась газетная переписка, въ которой, какъ онъ послѣ жаловался, не было возможности выразить своихъ чувствъ. Наконецъ, 8 января 1833 года, иностранка пишетъ коротенькое письмо и, упоминая о сокровищахъ своего сердца, которыя она желала бы открыть Бальзаку, сообщаетъ, что вскорѣ поселится на время въ сосѣдней съ Франціей странѣ и укажетъ путь къ безопасной перепискѣ съ нимъ. Въ чемъ заключался этотъ путь, остается неизвѣстнымъ, но съ конца января начинается правильная переписка Бальзака съ иностранкой, которая уже сняла съ себя маску и заявила открыто, что она графиня Ганская и живетъ въ Невшателѣ.

Спельбергъ сообщаетъ въ своей книгѣ біографическія подробности о графинѣ Ганской и ея семьѣ. Графиня Эвелина, или Эва Ржевусская родилась въ помѣстьѣ своихъ родителей въ Кіевской губерніи 25 декабря 1803 г., по словамъ однихъ, и 1805 г., по словамъ другихъ. Она воспитывалась дома среди большого семейства, состоявшаго изъ трехъ сестеръ и трехъ братьевъ. Сестеръ ея звали Каролиной, Полиной и Александриной; первая изъ нихъ была сначала замужемъ за Сабанскимъ, а потомъ за французскимъ писателемъ Жюлемъ Лакруа; вторая за барономъ Ризничемъ, а третья за Станиславомъ Монюшко. Изъ ея братьевъ одинъ, Адамъ, былъ русскимъ генералъ-адъютантомъ, а другой Генрихъ — популярнымъ польскимъ писателемъ. Разстроенные финансы вынудили родителей Эвы искать ей богатаго мужа, и они нашли такого въ графѣ Вячеславѣ Ганскомъ, который былъ старше своей невѣсты болѣе чѣмъ на двадцать пять лѣтъ. Свадьба была сыграна, по словамъ однихъ, въ 1818, а другихъ, въ 1822 г. Мрачный, задумчивый, мало общительный, Ганскій заперъ молодую жену въ своемъ помѣстьѣ Верчовнѣ, Волынской губерніи, гдѣ она, повидимому, вела очень скучную, унылую жизнь, тѣмъ болѣе что изъ родившихся у нея пяти дѣтей осталась въ живыхъ только одна дочь Анна. На ней сосредоточила всю свою любовь графиня Эва, а единственнымъ развлеченіемъ для этой красивой, умной и культурно развитой, женщины при ея монотонномъ существованіи было чтеніе книгъ. Съ жаднымъ любопытствомъ она проглотила все, что писалъ Бальзакъ, но его романъ «Peau de chagrin» такъ разочаровалъ ее, что она не выдержала и написала ему свое первое письмо.

Это письмо, а равно слѣдующія два, не были писаны ея рукой, и Спельбергъ основательно полагаетъ, что ея секретаремъ была Генріетта Борель, гувернантка ея дѣтей. Конечно, могла писать эти письма и жившая въ домѣ Ганскихъ родственница хозяйки, Дениза Вилежинская, но предположеніе Спельберга болѣе вѣроятно, такъ

какъ графиня Ганская находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Генріеттой Борель, послѣ того какъ послѣдняя окружила чисто материнскими заботами умершихъ ея дѣтей и ухаживала, какъ сестра милосердія, за Анной во время серьезной болѣзни. Съ тѣхъ поръ Эва не разставалась съ Генріеттой, которая, по словамъ О. Башелена, автора статьи «Бальзакъ въ Невшателѣ» въ сборникѣ «Musée Neuchatelois» за 1883—1884 годъ, была очень умной, образованной швейцаркой. Поэтому, когда наконецъ Ганскій согласился повезти жену за границу, то она выбрала ихъ мѣстопребываніемъ родину Генріетты, Невшатель, гдѣ они и провели съ дочерью Анной нѣсколько мѣсяцевъ, поддерживая дружескія сношенія съ семьей Генріетты и посѣщая всѣ вмѣстѣ живописныя окрестности этого города. Тамъ иностранкѣ было суждено и впервые увидѣть Бальзака. Но это свиданье состоялось только въ концѣ сентября, а до тѣхъ поръ велась постоянная переписка, и ко времени этихъ семи мѣсяцевъ относятся одиннадцать писемъ автора «Человѣческой комедіи».

Эти письма отличаются съ самаго начала удивительной откровенностью. Въ первомъ изъ нихъ Бальзакъ, дружески протянувъ руку своей корреспонденткѣ, благодаритъ за ея письма и сознается, что посвятилъ ей четвертый томъ «Сценъ частной жизни», но личность, которая, по его словамъ, «была для него какъ мать и капризы, даже ревность, которой онъ долженъ былъ уважать», потребовала уничтожить это посвященье, и онъ повиновался. Конечно, личность, о которой тутъ говорится, была г-жа Берни. Всѣ слѣдующія письма перемѣняютъ постепенно свой характеръ, и почтительный, дружескій ихъ тонъ переходитъ въ выраженія пламенной любви. «Мнѣ дороже одно ваше письмо всей славы лорда Байрона», говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ: «мое призваніе на сушѣ и на морѣ любить, даже безнадежно, но подъ условіемъ, однако, чтобъ и меня немного любили». «Мое прошедшее полно страданій,—вздыхаетъ онъ въ другомъ письмѣ,—но вы можете спасти мое будущее». Когда же онъ получаетъ письмо, назначающее ему свиданье въ Невшателѣ, то его восторгамъ нѣтъ границы. Онъ уже прямо называетъ «иностранку» своей дорогой и чистой любовью и увѣряетъ, что она не знаетъ, «какъ преданно онъ любитъ ее и съ какимъ блаженствомъ мечтаетъ о ней». «Простите меня, говоритъ онъ, мое сокровище, но я люблю васъ, какъ любятъ ребенка со всѣми радостями, предразсудками и иллюзіями первой любви. Дорогой ангелъ, сколько разъ я говорилъ себѣ: «О, какъ бы я былъ, счастливъ, еслибъ меня полюбила двадцати-семи-лѣтняя женщина. Я могъ бы любить ее всю жизнь, не боясь разлуки, становящейся обязательной въ виду возраста». А вы, мой кумиръ, вы можете быть вѣчнымъ стремленіемъ моей мечты».

Наконецъ они свидѣлись. По словамъ Спельберга, это свиданье произошло при самой романической обстановкѣ. Бальзакъ явился

въ Невшатель, зная только, что въ извѣстный день и часъ иностранка будетъ въ городскомъ паркѣ, но ему надо было признать ее въ числѣ гулявшихъ дамъ. Графиня Ганская пришла заранѣе и сидѣла на скамейкѣ съ однимъ изъ романовъ Бальзака въ рукахъ. Она издали узнала его по портретамъ, продававшимся повсюду, и пришла въ такое волненіе, что уронила книгу. Онъ бросился къ ней съ крикомъ: «Эва», а она отвѣчала «Онорэ!» Самъ Бальзакъ въ приведенномъ уже письмѣ къ сестрѣ говоритъ, что графиня «кинулась къ нему на шею при всѣхъ», но согласно другой легендѣ она очень разочаровалась, увидавъ маленькую, толстую фигуру романиста, и только своей увлекательной рѣчью онъ загладилъ первое неблагопріятное впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, пять дней Бальзакъ провелъ въ Невшателѣ, обворожилъ графа Ганскаго, а у жены «сорвалъ, какъ онъ самъ выражается въ письмѣ къ сестрѣ, первый поцѣлуй любви». «Такъ какъ нашему мужу, прибавляетъ онъ, шестой десятокъ, то я поклялся ждать, а она обѣщала приберечь мнѣ свою руку и свое сердце».

Первое письмо Бальзака по возвращеніи въ Парижъ дышитъ искреннымъ счастьемъ. «Моя дорогая любовь», говоритъ онъ, «я не могу высказать тебѣ, какъ я люблю тебя, потому что нельзя обнять словомъ необъятнаго. Моя милая жена по любви, для меня прелестно началась новая жизнь. Я увидѣлъ тебя, я говорилъ съ тобою. Наши тѣла соединились такъ же, какъ души, и я нашелъ въ тебѣ тѣ всѣ прелести, о которыхъ мечталъ». Но все-таки онъ обѣщаетъ себѣ еще большее блаженство въ Женевѣ, гдѣ они сговорились встрѣтиться въ ноябрѣ. Однако это второе свиданіе Бальзака пришлось отложить въ виду спѣшной работы, и оно состоялось только въ концѣ декабря, а до тѣхъ поръ влюбленные должны были довольствоваться письмами, которыя дѣлятся съ его стороны на жгучія увѣренія въ любви, не преходящей, а «единственной, вѣчной», и на приличныя офиціальныя посланія, которыя можно было показать мужу.

Желаемое свиданье продолжалась шесть недѣль и не только вполнѣ увѣнчало страсть Бальзака, но и утвердило въ немъ надежды на будущее счастье. «Ты дѣйствительно та женщина, которую я всегда мечталъ назвать женою», писалъ онъ по возвращеніи въ Парижъ: «я со счастьемъ вспоминаю проведенные съ тобой сорокъ пять дней, и всѣ эти воспоминанія только доказываютъ, что я правъ, любя тебя». Въ дальнѣйшихъ письмахъ, онъ не знаетъ уже, какъ выразить эту любовь: онъ то говоритъ: «Моя Эва, ты для меня все, увы, отчего я не могу дать тебѣ, кромѣ настоящаго и будущаго, еще прошедшее», то восклицаетъ: «Я люблю тебя, я обожаю тебя и буду вѣчно любить и обожать тебя. Я желалъ бы, чтобъ ты могла быть во мнѣ хоть на минуту и убѣдиться, какъ я люблю тебя». Конечно, рядомъ набрасываются остроумныя офиціальныя

письма, въ которыхъ Бальзакъ называетъ себя «мужикомъ» своей русской графини и «лошадью» ея дочери Анны!

Третье свиданье произошло въ Вѣнѣ и было вдвое короче; именно начавшись 16 мая 1835 г., оно окончилось 4 іюля. Передъ отъѣздомъ Бальзакъ писалъ: «Моя дорогая Эва, я никогда не былъ такъ счастливъ и никогда такъ не страдалъ. Ты знаешь, что у насъ все одно: и сердце, и душа, и чувства, и тѣло, и слава, и мысли. Мы принадлежимъ другъ другу и въ жизни и въ смерти. Не бросай меня, это было бы убійствомъ. Меня ничто не оторветъ отъ тебя: ты моя жизнь, мое счастье, моя надежда; я живу только тобою. Моя работа, мой пріѣздъ сюда доказываетъ, какъ я люблю тебя. Я собственно сдѣлалъ глупость, но изъ безумной любви: чтобъ насладиться теперь минутнымъ свиданіемъ съ тобой, я отсрочилъ на мѣсяцъ тѣ дни, когда, ты говоришь, мы будемъ свободны, болѣе свободны, чѣмъ теперь, потому что о томъ времени, когда мы будемъ совершенно свободны, я не смѣю и думать. Но я такъ люблю тебя, и все насъ такъ крѣпко соединяетъ, что должны же мы дожить до этой свободы. Вопросъ только въ томъ, когда мы до нея доживемъ?»

Дѣйствительно, они дожили до желанной свободы, но не скоро. Имъ предстояло еще пятнадцать лѣтъ переписки, и въ послѣднихъ восьми годахъ ожиданія была виновата сама иностранка. До смерти графа Ганскаго, въ концѣ 1841 года, они болѣе не видѣлись, но продолжали переписываться, хотя все рѣже и рѣже, такъ что къ послѣднему году относятся только пять писемъ Бальзака и 30 офиціальныхъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ жалуется, что не получалъ отъ своей «милой графини» никакой вѣсточки уже десять мѣсяцевъ. Вообще, графиня Ганская, повидимому, писала гораздо рѣже, чѣмъ Бальзакъ, такъ какъ въ своемъ сто пятьдесятъ первомъ письмѣ, отъ марта 1841 года, онъ упоминаетъ о полученіи ея письма подъ № 57. Вообще, письма Бальзака послѣ вѣнскаго свиданія перемѣняютъ тонъ; всѣ они писаны на вы, и трудно въ нихъ отличить официальныя отъ неофиціальныхъ. О прежнихъ изліяніяхъ любви нѣтъ и слѣдовъ, но они все-таки дышатъ дружбой и преданностью. Болѣе всего въ этихъ письмахъ онъ говоритъ о себѣ, о своихъ неустанныхъ литературныхъ работахъ и безконечныхъ долгахъ, такъ что вторая половина перваго тома «Писемъ къ иностранкѣ» служитъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики Бальзака, но бросаетъ мало свѣта на романъ «вѣрнаго мужика» и его русской графини. Вѣрнымъ онъ, дѣйствительно, остался по внѣшности, потому что мы знаемъ, изъ его письма къ сестрѣ, какъ своеобразно онъ понималъ вѣрность, и не успѣлъ онъ получить извѣстіе о смерти графа Ганскаго, какъ тотчасъ предъявилъ свои права на сердце и руку его вдовы. Написанное имъ по этому поводу письмо, послѣднее въ напечатанной перепискѣ, очень

характерно: въ немъ говорится, что графиня имѣла сомнѣнія въ вѣрности своего мужика, хотя онъ нисколько не измѣнился и питаетъ къ ней прежнія чувства, а кончается письмо слѣдующими словами: «Прощайте, моя дорогая, моя чудная жизнь, которую я такъ люблю и которой теперь я могу сказать: «Semper medisimo» (всегда тотъ же).

Бѣдному Бальзаку пришлось оставаться «тѣмъ же» еще восемь лѣтъ, такъ какъ графиня Ганская все откладывала подъ различными предлогами ихъ свадьбѣ. То она говорила, что ей надо привести въ порядокъ свои дѣла по Волынскому помѣстью, то она ссылалась на хлопоты по браку дочери, которая вышла замужъ за графа Мнишекъ, то увѣряла, что она больна ревматизмомъ, и ей необходимо прежде серьезно полѣчиться, чѣмъ думать о свадьбѣ. Письма Бальзака, относящіяся къ этому тяжелому для него времени, еще не изданы, а потому мы должны довольствоваться свѣдѣніями, которыя представляетъ Спельберкъ о развязкѣ романа Бальзака съ иностранкой. По словамъ этого ревностнаго поклонника и комментатора великаго романиста извѣстно только, что въ 1845 году Бальзакъ привезъ тайно въ Парижъ графиню Ганскую съ ея дочерью и выдалъ ихъ за свою сестру и племянницу, такъ какъ у нихъ не было разрѣшенія на поѣздку во Францію отъ русскаго правительства. Затѣмъ Спельбергъ разсказываетъ, что въ началѣ 1850 года Бальзакъ вышелъ изъ терпѣнія, поѣхалъ въ Россію и заставилъ все колебавшуюся, графиню Еву выйти за него замужъ. Свадьба была сыграна въ Бердичевѣ, и въ маѣ мѣсяцѣ онъ вернулся съ женою въ Парижъ, гдѣ уже давно подготовилъ себѣ великолѣпную квартиру. По желанію Бальзака, его старая мать украсила эту квартиру въ тотъ вечеръ, когда должны были пріѣхать молодые, цвѣтами и зажгла во всѣхъ комнатахъ люстры, лампы и т. д., а сама удалилась домой, такъ какъ было уговорено, что молодые посѣтятъ ее первые на слѣдующее утро. Очень поздно подъѣхали они въ дорожномъ экипажѣ къ своей квартирѣ и съ удовольствіемъ увидѣли, что всѣ окна были блестяще освѣщены, а въ нихъ виднѣлись роскошные цвѣты, но какъ они ни звонили, никто имъ не отворилъ двери. Наконецъ послали за слесаремъ, и когда онъ взломалъ замокъ, то къ ужасу молодыхъ оказалось, что старый слуга, эльзасецъ, Мюнхъ, внезапно сошелъ съ ума, послѣ того, какъ уѣхала изъ дома старуха Бальзакъ.

Эта роковая встрѣча молодыхъ была дурнымъ предзнаменованіемъ, и дѣйствительно Бальзакъ, ждавшій семнадцать лѣтъ брачнаго счастья, пользовался имъ лишь четыре мѣсяца, и то въ это короткое время онъ успѣлъ разочароваться въ своей женѣ. Она окружила себя многочисленными поклонниками и завела переписку съ другимъ французскимъ романистомъ. Викторъ Гюго въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ подъ заглавіемъ «Choses vues», опи-

сываетъ очень драматично послѣднія минуты творца «Человѣческой комедіи». Узнавъ о томъ, что Бальзакъ серьезно боленъ, Гюго отправился къ нему. Служанка отворила поэту дверь и сказала: «баринъ умираетъ, а барыня сидитъ въ своей комнатѣ». Викторъ Гюго вошелъ и увидѣлъ печальную картину. Бальзакъ лежалъ на кровати въ предсмертной агоніи, а подлѣ него находились его старуха мать, сестра милосердія и лакей.

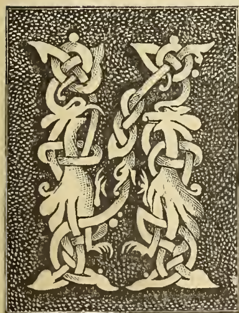
В. Т.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Женщина въ странѣ свободы.

ЗОБРАЖЕНІЕ положенія и роли женщины въ странѣ весьма обширной, представляющей чрезвычайное разнообразіе и отличающейся рѣзкими, непримиримыми противорѣчіями, представляется задачей весьма сложной и трудной и выходитъ во всякомъ случаѣ за предѣлы не только небольшаго очерка, какимъ по необходимости долженъ быть предлагаемый скромный трудъ нашъ, но даже и большой журнальной статьи. Не задаваясь поэтому задачей, при подобныхъ условіяхъ совершенно не выполнимой, мы изложимъ предметъ нашъ лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, которыя были бы, однако, достаточны для составленія должнаго о немъ понятія.

I.

Если вы зададите себѣ трудъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ просмотрѣть воскресные нумера большихъ американскихъ газетъ, отличающіеся необычайною полнотой и по обилію матеріала равняющіеся европейскому двухнедѣльному или даже иному ежемѣсячному журналу, съ прибавленіемъ множества иллюстрацій и каррикатуръ, то среди безчисленныхъ ихъ объявленій въ отдѣлѣ публикацій «личнаго свойства» (personal) вы поневолѣ заинтересуетесь множествомъ

объявленій пикантныхъ и съ ногъ сшибательныхъ. Вотъ «привлекательная, красивая, живая дѣвица 18 лѣтъ, блондинка, обладающая прекрасными формами и собственнымъ домомъ, жаждетъ познакомиться съ состоятельнымъ, элегантнымъ господиномъ въ видахъ брачныхъ»; вотъ «очаровательная молодая брюнетка, одинокая, чувствительная, умѣющая занять, съ величественной фигурой, желаетъ познакомиться съ дѣловымъ человѣкомъ ради заключенія брачныхъ узъ»; вотъ «хорошенькая вдова, 34 лѣтъ, съ хорошими связями и нѣкоторыми средствами, желаетъ найти себѣ подходящаго друга жизни»; вотъ «дѣвица 26 лѣтъ, съ состояніемъ въ 12 тысячъ долларовъ, желала бы вступить въ бракъ съ дѣйствительно порядочнымъ человѣкомъ и помочь ему устроить идеальное семейное жилище»; вотъ «сирота, 29 лѣтъ, привлекательная, блестящая, состоятельная, сгараетъ желаніемъ имѣть свою собственную квартиру и подходящаго супруга»; вотъ «пріятная, здоровая вдова-южанка желаетъ повидаться съ благовоспитаннымъ человѣкомъ въ видахъ брачныхъ»; вотъ «утонченная, веселая, молодая женщина, недавно прибывшая въ этотъ городъ, желаетъ свидѣться съ состоятельнымъ пожилымъ человѣкомъ ради заключенія брачныхъ узъ»; вотъ «искренняя, привязчивая молодая женщина съ изящнымъ вкусомъ, владѣющая прекраснымъ домомъ, дорожила бы знакомствомъ съ несомнѣнно порядочнымъ, заслуживающимъ довѣрія человѣкомъ немолодыхъ лѣтъ въ видахъ брачныхъ»; вотъ «состоятельная, молодая вдова, миленькая, благородная, симпатичная, одинокая, желаетъ имѣть здороваго супруга и покровителя» и т. п. Хотя имѣются въ тѣхъ же отдѣлахъ безчисленныхъ публикацій и мужскія объявленія того же сорта, но они вообще не настолько многочисленны, какъ женскія, и во всякомъ случаѣ ни по своей пикантности, ни по завлекательности, нерѣдко доходящей до прямой съ ногъ сшибательности, не могутъ равняться съ этими послѣдними.

Очевидно до несомнѣнности, наглядно до неоспоримости, ясно до осязательности, что благородныя дщери страны свободы всѣми неисчерпаемыми силами своихъ возвышенныхъ душъ стремятся ко вступленію въ бракъ, къ обрѣтенію себѣ супруга: либо «состоятельнаго», либо «здороваго» (manly), либо по крайности хотя бы «порядочнаго». Всѣ подобныя объявленія представительницъ прекраснаго пола на другомъ полушаріи земли, изъ которыхъ мы привели лишь немногіе, первые попавшіеся образчики, сопровождаются всегда завлекательнымъ, нерѣдко весьма поэтическимъ, именемъ и адресомъ: имя это, конечно,—вымышленное, такъ сказать, матримоніальный псевдонимъ, а адресомъ является обыкновенно опредѣленный нумеръ въ конторѣ газеты, печатающей объявленіе. Но нѣкоторыя американки, въ особенности вдовы, отличаются по части супружественнаго искательства такимъ нетерпѣніемъ и такой отчаянностью, что попросту обращаются съ просительными по сему пред-

мету письмами, за полной подписью и съ точнымъ адресомъ, къ директорамъ театральныхъ труппъ. Подобное обращеніе вовсе не представляется безосновательнымъ и страннымъ, какъ это можетъ сразу показаться европейскому читателю, ибо выступленіе на сценѣ представляется для американской женщины наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ средствомъ обрѣсти себѣ супруга и въ особенности состоятельнаго супруга.

Вотъ одинъ изъ наипозднѣйшихъ образчиковъ подобныхъ обращеній. Нѣкій С. A. Brandenburgh, владѣлецъ одного изъ крупныхъ театровъ города Филадельфіи, среди предложеній купить шестиногую свинью, «подлинную» саблю генерала Джорджа Вашингтона (чуть ли не шестидесятую по счету), веревку, на которой повѣсился извѣстный убійца, и т. п. получилъ недавно между прочимъ письмо нижеслѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь!

«Не обидьтесь, пожалуйста, моимъ письмомъ, такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія васъ оскорбить. Я обращаюсь къ вамъ съ совершенной искренностью, какъ вы сами можете убѣдиться изъ нижеслѣдующаго. Я—вдова, имѣю отъ роду 26 лѣтъ и владѣю двухъэтажнымъ домомъ, въ которомъ проживаю, а равно помѣщающейся въономъ табачной лавкой. Я имѣю 1.700 долларовъ въ банкѣ и тягощусь одинокой жизнью. Я увѣрена, что вы могли бы помочь мнѣ найти себѣ хорошаго мужа. Я желала бы разыграть себя въ лоттерею либо поступить на сцену. Не оставьте меня безъ отвѣта. Могу явиться къ вамъ лично, если вамъ угодно.

«Уважающая васъ N. N. N.

«Phoenixville, Pa».

Приведенное письмо отчаянной вдовы появилось въ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ города Филадельфіи, предшествуемое небольшимъ вступленіемъ и сопровождаемое нижеслѣдующей замѣткой: «Двадцатишестилѣтняя вдова, обладающая двухъэтажнымъ домомъ, табачной лавкой и 1.700 долларовъ въ банкѣ, представляется брачнымъ призомъ, который не всякій день можно получить. Такъ какъ директоръ Brandenburgh женатъ, а равно и оба его помощника, Thomas Hopkins и Norman Jefferies, не могутъ воспользоваться симъ соблазнительнымъ случаемъ, не ставши двоеженцами, то настоящее письмо публикуется ко благу требовательныхъ холостяковъ. Имя его писавшей, конечно, не оглашается. Розыгрышъ въ лоттерею жены и порядочнаго состояньица будетъ нѣкоторой новинкой. Пока что, однако директоръ Brandenburgh великодушно принимаетъ на себя обязательство препровождать изобрѣтательной фе-

никсвильской вдовѣ всѣ объявленныя цѣны либо предложенія, какія могутъ быть ей присланы на его имя».

Если такимъ образомъ даже для предпріимчиваго и изобрѣтательнаго народа страны свободы розыгрышъ въ лоттерею руки, сердца и состояньица молоденькой женщины представляется еще нѣкоторою новинкой, то отсюда обнаруживается, что обыкновенно американки, жаждущія брачныхъ узъ, не прибѣгаютъ къ мѣрамъ столь крайнимъ, къ какимъ прибѣгла рѣшительная и изобрѣтательная молодая вдовушка изряднаго американскаго городка, а идутъ путями болѣе скромными, обыденными и негласными. Помимо газетныхъ публикацій «личнаго свойства», существуютъ брачныя агентства и брачные клубы. Однако первыя представляются нерѣдко предпріятіями совершенно мошенническаго свойства, занимающимися лишь выманиваніемъ денегъ подъ предлогомъ предоставленія «богатой наслѣдницы» и т. п. Въ особенности прославился въ этомъ отношеніи нѣкій Исаакъ Бейнъ. Три раза былъ уже осужденъ онъ за содержаніе мошенническихъ брачныхъ агентствъ въ разныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, но все же не унимался и, отбывъ свое послѣднее наказаніе въ тюрьмѣ города San-Quentin, къ которому приговоренъ былъ въ 1894 году, снова появился въ городѣ San-Francisco и открылъ здѣсь «Тихоокеанское прибрежное справочное агентство». Агентство помѣщало множество объявленій въ газетахъ Нью-Іорка, Филадельфіи, Чикаго, Бостона, Балтиморы, Санъ-Франциско и многихъ иныхъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ республики, сущность которыхъ сводилась къ тому, что «хорошенькая наслѣдница» (т. е. богачка), находясь въ «затруднительномъ положеніи» (прозрачный намекъ на интересное положеніе), предлагаетъ заплатить значительную сумму наличными деньгами за законнаго супруга, либо «хорошенькая нечистокровная индійская дѣвушка, обладающая золотымъ рудникомъ», желаетъ обрѣсти себѣ подходящаго супруга. Тысячи искателей легкой наживы откликались на эти соблазнительныя публикаціи со всѣхъ сторонъ и угловъ обширной территоріи Соединенныхъ Штатовъ, аттестуя себя наилучшимъ образомъ и неизмѣнно поясняя, что они не «гонятся за деньгами», а просто желали бы помочь молоденькой богачкѣ выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ какое она попала. Всѣмъ къ нему обращавшимся Isaak Bain неизмѣнно отвѣчалъ совершенно стереотипными письмами, воспроизводимыми на машинѣ Ремингтона, въ которыхъ выражалось сожалѣніе, что искательница супруга уже обрѣла себѣ таковаго, но пояснялось вмѣстѣ съ тѣмъ, что агентство располагаетъ спискомъ, заключающимъ въ себѣ семьдесятъ двухъ женщинъ, жаждущихъ супружества, каждая изъ которыхъ располагаетъ состояніемъ отъ 25.000 до 40.000 долларовъ; списокъ этотъ будетъ доставленъ пишущему немедленно по полученіи 5 долларовъ агентскаго вознагражденія. Въ каждый подобный отвѣтъ

вкладывался печатный циркуляръ агентства, который вѣщалъ, что хотя вполнѣ похвально добиваться состоянія усерднымъ трудомъ, но легче и умнѣе пріобрѣсти таковое посредствомъ женитьбы на богатой женщинѣ. Тутъ же приводился цѣлый рядъ подобныхъ браковъ бѣдныхъ мужчинъ съ богатыми женщинами, въ родѣ нижеслѣдующихъ:

«Г-жа Hopkins, вдова города Санъ-Франциско, обладающая 70 милліоннами, вышла замужъ за г-на Edward Searles, бѣднаго человѣка».

«Г-жа Gandin, изъ города Woodcliff, штата New Jersey, вдова, обладающая 17 милліонами, вышла замужъ за г-на Bernard Maliza, лудильщика».

«Г-жа Colista Maria Phelps, обладающая полутора милліонами, вышла замужъ за д-ра Ashton Buchanan изъ Филадельфіи» и т. п.

Соблазненные подобными образцами, многочисленные кліенты сего «справочнаго агентства» не скупились на пятидолларовыя бумажки, чтобы только получить желанный «списокъ», пока наконецъ почтовое начальство, обладающее въ Соединенныхъ Штатахъ обширной и своеобразной компетенціей, не обратило вниманія на чрезмѣрную переписку агентства и не подвергло эту послѣднюю нѣкоторому изслѣдованію. Обнаруживъ такимъ образомъ сущность операцій «справочнаго агентства», оно, т.-е. мѣстное почтовое начальство пригласило къ себѣ изобрѣтательнаго Isaak Bain'а и напомнило ему, что въ 1894 году онъ осужденъ былъ не только за содержаніе мошенническаго брачнаго агентства, но также и оштрафованъ за посылку нечистоплотныхъ произведеній посредствомъ почты. Isaak Bain, котораго отважность даже превосходитъ его изобрѣтательность, рѣшительно заявилъ сему начальству, что «хорошенькая богачка» и «нечистокровная индійская красавица, обладающая золотымъ пріискомъ», существуютъ въ дѣйствительности и просили его найти имъ мужей, чего, однако, онъ до сего времени сдѣлать не смогъ. Онъ настаивалъ затѣмъ, что онъ ведетъ честное предпріятіе, а его адвокатъ доказывалъ, что таковое ведется во всемъ согласно съ законами. Однако почтовое начальство этими доводами не удовлетворилось и объявило Бейну, что въ случаѣ онъ не исполнитъ его требованія о прекращеніи операцій его агентства, то таковое будетъ объявлено мошенническимъ, вся его корреспонденція будетъ задержана и письма будутъ возвращены ихъ писавшимъ. Увидя, что тутъ ничего не подѣлаешь, Isaak Bain закрылъ свое «агентство» и отправился куда-то въ другое мѣсто, чтобы начать подобное же предпріятіе, которое пока еще не обнаружено. Хотя подобная дѣятельность подобныхъ агентствъ и основывается главнѣйшимъ образомъ на стремленіи мужчинъ къ легкой наживѣ путемъ брака, но самое стремленіе такое поддерживается и питается непреодолимымъ стремленіемъ американской женщины во что бы то ни стало раздобыть себѣ мужа и купить себѣ таковаго, если только она въ со-

стояніи. Затѣмъ существуетъ все-таки въ странѣ свободы немало и дѣйствительныхъ, не фиктивныхъ и не мошенническихъ брачныхъ агентствъ, кліентура которыхъ слагается главнѣйшимъ и едва ли не исключительнымъ образомъ изъ женщинъ.

Что касается такъ называемыхъ брачныхъ клубовъ, т.-е. клубовъ, создаваемыхъ единственно съ цѣлью устроенія брачныхъ сопряженій, то иниціатива созданія таковыхъ принадлежитъ всегда женщинѣ. Обыкновенно это — предпріимчивая американская дама среднихъ лѣтъ, т.-е. между 30 и 40, обладающая большими связями, обширнымъ кругомъ знакомствъ и искусствомъ собирать вокругъ себя общество, а, главное, занять его, найти каждому его во время общественныхъ собраній назначеніе. Само собою разумѣется, что цѣль устроенія такого клуба обыкновенно не объявляется и таковою выставляется попросту «развлеченіе», но устроительница и ея помощницы прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы представить другъ другу и соединить въ танцахъ, пѣніи подъ акомпаниментъ и т. д. такихъ лицъ, возможность сочетанія которыхъ узами гименея представляется наиболѣе вѣроятною. Иногда впрочемъ устроительницы подобныхъ клубовъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ скорѣе должны быть признаны предпринимательницами, не скрываютъ ихъ дѣйствительнаго назначенія и прибѣгаютъ къ болѣе или менѣе замаскированнымъ объявленіямъ въ отдѣлѣ публикацій «личнаго свойства». Но и въ такихъ случаяхъ дѣятельность клуба ведется потихоньку и безъ огласки, насколько только это возможно при широкомъ развитіи гласности въ странѣ свободы и вездѣсущіи американскихъ репортеровъ. Нерѣдко этотъ американскій газетный репортеръ, алчущій всепроникновенія и томимый жаждой вездѣсущія, предстаетъ предъ распорядительницей клуба, либо предпріятія — какъ вамъ угодно—съ видомъ совершенной невинности и заявляетъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи подъ ея сѣнью обрѣсти себѣ подругу жизни. Уплативъ членскій взносъ, либо въ извѣстныхъ случаяхъ вступной билетъ, онъ водворяется въ нѣдра благонамѣреннаго клуба, танцуетъ, поетъ даже (конечно, какъ умѣетъ), а на слѣдующій день появляется въ соотвѣтственной газетѣ подробнѣйшій отчетъ о всемъ вчера происходившемъ самаго предательскаго свойства. Такъ какъ однако страна свободы полна всевозможныхъ танцовальныхъ залъ и танцовальныхъ учрежденій и предпріятій всякаго рода, въ которыхъ даже безъ всякихъ представленій завязывается знакомство, зарождаются нѣжныя чувства и все это въ концѣ концовъ можетъ привести и приводитъ нерѣдко къ супружеству, то на дѣятельности такъ называемыхъ брачныхъ клубовъ мы останавливаться не станемъ, тѣмъ болѣе, что они не такъ и многочисленны. Отмѣтимъ здѣсь лишь одно интересное явленіе этой категоріи, а именно: практическое примѣненіе науки, извѣстной подъ именемъ френологіи, къ цѣлямъ брачнымъ. Недавно, нѣкій профессоръ I. A. Vaught основалъ въ

Чикаго, второмъ городѣ республики Соединенныхъ Штатовъ, такъ называемый «клубъ познанія человѣческой природы». Цѣлью этого учрежденія объявлено «изученіе человѣческой природы и снабженіе его членовъ такимъ уразумѣніемъ себя и другихъ, которое давало бы имъ возможность съ разумѣніемъ и успѣхомъ выполнять ихъ общественныя, супружескія и общежительныя обязанности». Однако «главнымъ и первостепеннымъ предметомъ его изученія является бракъ и брачное сожительство». Посредствомъ френологіи въ связи съ изученіемъ физіогноміи и темперамента члены клуба обстоятельно ознакомляются съ естественными основоначалами счастливаго супружества. Наука эта учитъ, что люди любятъ или не любятъ другъ друга вслѣдствіе врожденныхъ качествъ своихъ, которыя могутъ быть изучаемы и обнаруживаемы, такъ что каждый членъ клуба при избраніи себѣ компаньона въ предпріятіи, либо друга жизни, подготовленъ уже избрать такое лицо, которое онъ либо она желаетъ. Принципы супружества, признаваемые «клубомъ познанія человѣческой природы», зиждутся на признаніи пяти душевныхъ тождествъ, либо совпаденій, и пяти различій. Лица, желающія вступить въ бракъ, должны быть приблизительно тождественны, равны, одинаковы въ интеллектуальномъ, моральномъ, соціальномъ, эстетическомъ и качественномъ (таланты, способности) отношеніяхъ, и должны отличаться другъ отъ друга въ отношеніи темперамента, характера, тѣлосложенія, самолюбія и національности. Согласно съ этими принципами бракъ можетъ быть заключенъ съ увѣренностью въ здоровьѣ и счастьѣ. Независимо отъ сего «клубъ познанія человѣческой природы» освѣдомляетъ своихъ членовъ на счетъ основныхъ причинъ всѣхъ вообще влеченій и антагонизмовъ, существующихъ не только между двумя полами, но также и между членами одного и того же пола и такимъ образомъ дѣлаетъ всѣ виды человѣческаго общенія осмысленными, разумными и пріятными. Хотя профессоръ Фогтъ, президентъ и офиціальный френологистъ клуба, и является, повидимому, однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, крайне сомнительныхъ «профессоровъ» магіи, хиромантіи, гипнотизма, сомнамбулизма, пальмистики и т. п., которые подвергаются строгому и несносному контролю въ Старомъ Свѣтѣ и сходятъ еще пока за настоящихъ профессоровъ сихъ небезопасныхъ наукъ и искусствъ лишь въ странѣ свободы, тѣмъ не менѣе однако созданный имъ «клубъ познанія человѣческой природы», являющійся попросту брачнымъ клубомъ, устроенъ толково, прилично и цѣлесообразно. Мы лично сильно подозрѣваемъ, что въ семъ устроеніи онъ руководствовался англійскими образцами и опытами примѣненія френологіи къ дѣламъ супружественнымъ. Любопытенъ первый публичный «супружественный пикникъ» клуба, данный въ одномъ изъ парковъ города Чикаго прошлой осенью. Газетными публикаціями и особыми оповѣщеніями, расклеенными по городу, всякая особа, жаждущая супружества,

приглашалась явиться въ этотъ день въ помѣщеніе клуба. Собравшаяся толпа мужчинъ и женщинъ юныхъ и среднихъ лѣтъ подъ предводительствомъ президента и прочихъ должностныхъ лицъ клуба отправилась въ городъ и усѣлась въ спеціально заказанный и игриво разукрашенный поѣздъ механической желѣзной дороги, который и доставилъ ихъ въ прекрасный джаксоновскій паркъ. Когда всѣ размѣстились здѣсь въ изящномъ павильонѣ, и «профессору» Vaught'у удалось наконецъ водворить всеобщее молчаніе, онъ громогласно заявилъ: «пусть тотъ, кто испытываетъ тяжесть и безотрадность одиночества, подойдетъ ко мнѣ!» Нѣкій dr. E. Jakobs первый поднялся со своего мѣста и подошелъ къ «профессору».

«Человѣкъ этотъ, — продолжалъ супружественный экспертъ, изслѣдуя голову подошедшаго, — слабъ и нервозенъ; онъ отличается возбудимостью и подвижностью характера; спутникомъ его жизни должна быть женщина вотъ такого общаго, внѣшняго вида» — и онъ вывелъ изъ толпы прехорошенькую простушку, головка которой утопала въ золотистыхъ кудряхъ.

Совѣтъ супружественнаго пророка пришелся по душѣ обоимъ, и они согласились обручиться. Такимъ же образомъ было обручено въ этотъ самый пикникъ еще семь паръ, одна изъ которыхъ тутъ же и назначила бракосочетаніе чрезъ двѣ недѣли. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ обрученныя лица вовсе не состояли членами «клуба познанія человѣческой правды», явились на публичный пикникъ этого послѣдняго лишь по оповѣщеніямъ и газетнымъ публикаціямъ, исключительно почти изъ любопытства и никогда ранѣе не видали другъ друга. При подобныхъ условіяхъ дѣятельность клуба слѣдуетъ признать довольно успѣшною. Изъ отчетовъ его обнаруживается, что въ нѣдрахъ его зарождаются ежегодно десятки супружественныхъ комбинацій, приходящихъ къ счастливому концу.

Хотя брачныя объявленія, брачныя агентства и брачные клубы, которые правильнѣе было бы именовать брачными бюро, либо брачными конторами, существуютъ къ услугамъ обоихъ половъ страны свободы и отвѣчаютъ повидимому укоренившемуся стремленію всего ея населенія, достигшаго брачнаго возраста, сочетаться узами супружества, тѣмъ не менѣе однако всѣ эти учрежденія, или если угодно предпріятія матримоніальнаго назначенія, созданы собственно неудержимымъ и непреодолимымъ потокомъ брачныхъ вожделѣній и домогательствъ прекраснаго пола. Законъ спѣшитъ на помощь этимъ домогательствамъ и во всеоруженіи принужденія оказываетъ имъ самую энергическую поддержку, нерѣдко переходящую въ прямой терроръ по отношенію къ полу непрекрасному. Прежде всего, нарушеніе обѣщанія вступить въ бракъ признается извѣстнаго рода причиненіемъ личнаго вреда (personal injury) и влечетъ за собой уплату нанесенныхъ убытковъ, обыкновенно выражающихся въ весьма внушительныхъ цифрахъ. Такъ какъ обвиненіе женщины

мужчиною въ нарушеніи обѣщанія выйти за него замужъ представляется большою рѣдкостью, то нарушеніе обѣщанія вступить въ бракъ несомнѣнно является въ сущности и дѣйствительности нарушеніемъ обѣщанія жениться. Американскіе суды полны подобныхъ процессовъ, и многіе изъ нихъ носятъ попросту водевильный характеръ, хотя попадаются между ними и наводящіе на грустныя размышленія.

Предъ судомъ присяжныхъ въ одной изъ многочисленныхъ судебныхъ залъ Нью-Іорка предстоятъ: молодая женщина, 23 лѣтъ, миловидная, говорящая съ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ акцентомъ, изысканно одѣтая, и старикъ 63 лѣтъ, приличный на видъ. Какъ бы вы думали, мой благосклонный читатель, кто здѣсь кого обвиняетъ въ нарушеніи обѣщанія вступить въ бракъ: двадцатитрехлѣтняя ли дѣвушка шестидесятитрехлѣтняго старика или, наоборотъ, старикъ—дѣвушку. Конечно, руководствуясь теоріей житейскихъ вѣроятностей, вы предположите послѣднее. Но вы жестоко ошибаетесь: молодая Katherine Prokopy обвиняетъ старика Jacob Wagenman'а въ нарушеніи даннаго имъ ей обѣщанія на ней жениться. На судѣ оказывается, что старикъ Wagenman, по ремеслу портной, былъ знакомъ съ жалобщицей Katie Prokopy всего лишь три дня, встрѣтясь съ ней въ домѣ нѣкіихъ Baker'овъ, что эти послѣдніе сразу объявили ее его женой, отправились съ ними гулять и заставили совершенно пьянаго старика отправиться купить обручальное кольцо и принести его въ скверъ, гдѣ они, т. е. Бекеры, вмѣстѣ съ ней его поджидали, а затѣмъ на слѣдующій день также совершенно пьянаго отправили къ пастору о. Nideeker, но этотъ послѣдній объявилъ ему, что для вступленія въ бракъ онъ долженъ прежде всего получить установленное разрѣшеніе гражданскихъ властей (license). Подвыпившій старикъ болѣе не являлся, а явились Бекеры вмѣстѣ съ Katie Procopy и, около часу напрасно прождавъ старика, ушли. Старикъ объяснилъ суду, что онъ всего происходившаго припомнить не въ состояніи, ибо былъ совершенно пьянъ, что домикъ, которымъ онъ владѣетъ, обремененъ закладными, превосходящими его стоимость, и что при наилучшихъ условіяхъ онъ въ состояніи заработать лишь 8 долларовъ въ недѣлю, почему не въ состояніи содержать жену. На вопросъ судьи, зачѣмъ же онъ напрасно водилъ за носъ дѣвушку, старикъ съ совершенной простотой отвѣтилъ, что она еще такъ молода, а онъ настолько уже старъ, что ему стало жаль сдѣлать ее своей женой, и онъ рѣшилъ отказаться отъ подобнаго дѣла, затѣяннаго другими. Въ сущности сколько житейскаго трагизма заключается въ этихъ немногихъ и простыхъ словахъ: «стало жаль сдѣлать ее своей женой!» А вотъ картинка уже въ совершенно иномъ видѣ. Предъ судьей того же Нью-Іорка на предварительномъ разбирательствѣ (въ родѣ нашего предварительнаго слѣдствія) предстоитъ сорокопудовая матрона лѣтъ этакъ около 45 и потрясаетъ кулакомъ по направленію къ съежившемуся въ уголкѣ мальчику лѣтъ около 17. По странной случайно-

сти мальчикъ оказывается русскимъ дворяниномъ Александромъ Кущемъ, а матрона, конечно, гражданкой республики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Сія увѣсистая субъектесса, по наименованію Mary Taylor, питаетъ нѣжныя чувства къ тщедушному мальчику и грозно изобличаетъ послѣдняго въ нарушеніи обѣщанія на ней жениться. При допросѣ свидѣтелей оказывается, что какъ-то на одномъ изъ лѣтнихъ пикниковъ, въ которомъ участвовали какъ означенный Кущъ, такъ и поименованная вдова Taylor, товарищи сего полуюноши, значительно уже подвыпивъ, стали надъ нимъ подшучивать и склонять его къ браку на вдовѣ, нѣжныя чувства которой по отношенію къ нему были для всѣхъ очевидны. Будучи точно также подвыпившимъ и, какъ говорится, въ ударѣ, полуюноша отшучивался довольно удачно и между прочимъ среди разныхъ шутокъ, остротъ и двусмысленностей объявилъ свое согласіе и предложеніе жениться на увѣсистой вдовѣ. Какъ ни невѣжественны американскіе судьи, какъ ни полны они самаго дикаго ханжества, какъ ни лишены они самаго элементарнаго житейскаго разумѣнія и какъ ни отличаются они совершеннымъ произволомъ, нерѣдко граничащимъ съ полнѣйшей разнузданностью,—обвиненіе, взведенное сорокопудовой бабой преклонныхъ лѣтъ противъ еле подросшаго мальчика было настолько нелѣпо, что судья попросту прекратилъ дѣло, не пропуская его вовсе на разрѣшеніе суда присяжныхъ. А вотъ также весьма интересная картинка, хотя и въ нѣсколько иномъ родѣ. Въ высшемъ судѣ города Нью-Іорка (Supreme Court) объявляется къ слушанію дѣло по обвиненію нѣксего Hathan Frankenthaler нѣкоей Mrs Clara Frankel въ нарушеніи обѣщанія на ней жениться и о взысканіи за таковое нарушеніе убытковъ въ размѣрѣ 10 тысячъ долларовъ. Разъ дѣло попало въ высшій судъ, это значитъ, что оно прошло уже низшія судебныя инстанціи, и сторона, его проигравшая, обладаетъ значительными средствами, безъ коихъ исканіе правосудія въ странѣ свободы совершенно невозможно. Такой проигравшей стороной былъ очевидно обвиняемый въ нарушеніи обѣщанія жениться Nathan Frankenthaler, ибо на судѣ оказалось, что жалобщица—обвинительница Clara Frankel, бездѣтная вдова 53 лѣтъ, никакого ровно имущества не имѣетъ. Самъ Frankenthaler—старикъ 77 лѣтъ и на судѣ присутствуютъ его внуки и внучки. До послѣдняго времени онъ содержалъ заведеніе для отдѣлки женскаго платья и, благодаря этому, познакомился съ г-жей Френкель, которая была его постоянной заказчицей, но ко времени предъявленнаго къ нему этой послѣдней обвиненія онъ заведеніе свое уже закрылъ и жилъ въ одномъ изъ своихъ домовъ, окруженный сыновьями и дочерьми, внуками и внучками. «Г-нъ Frankenthaler, — заявила суду обвинительница,—явно за мной ухаживалъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ—вдовецъ и высматриваетъ себѣ жену. Онъ выглядывалъ совершенно одинокимъ, и я пригласила его бывать у меня. Онъ былъ, повиди-

мому, чрезвычайно доволенъ своими посѣщеніями и въ концѣ концетъ предложилъ мнѣ вступить съ нимъ въ супружество. Онъ обѣщалъ записать на мое имя домъ и 50 тысячъ долларовъ наличными деньгами и подарить мнѣ кольцо съ брильянтомъ стоимостью въ 800 долларовъ. Я, конечно, вѣрила ему. Я почти каждый день посылала обѣдъ, и онъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда еще не ѣдалъ такихъ вкусныхъ блюдъ. Но тутъ... втерлась другая женщина. Я имѣла квартирантку, г-жу Breger: она старше меня и кое-какъ перебивается съ хлѣба на квасъ. Я съ ней посылала обѣды г-ну Frankenthaler, и она наврала ему, что она ихъ варитъ, а не я сама, предлагая ему жениться на ней, а не на мнѣ. Съ тѣхъ поръ онъ перемѣнился и совершенно забылъ обо мнѣ. Я писала ему, но онъ не отвѣчалъ. Вскорѣ г-жа Breger покинула меня, и такимъ образомъ я осталась и безъ мужа и безъ квартирантки». Судъ присудилъ семидесятисемилѣтняго жениха, окруженнаго цѣлой арміей внуковъ и внучекъ, къ уплатѣ 1.000 долларовъ, за обнаружившееся нарушеніе обѣщанія жениться на пятидесятитрехлѣтней невѣстѣ.

Но все это сравнительно лишь сущіе пустяки, и принужденіе къ браку путемъ обвиненія въ нарушеніи даннаго обѣщанія жениться, вмѣстѣ съ сопровождающимъ таковое взысканіемъ крупной денежной суммы, все-таки представляется еще сравнительно актомъ совершенной невинности. Американская женщина обладаетъ средствами гораздо болѣе серіозными и опасными къ тому, чтобы заставить непокорнаго мужчину на себѣ жениться. Для того, чтобы постигнуть сущность этихъ средствъ и способы ихъ дѣйствія, необходимо нѣсколько коснуться состоянія американскаго правосудія вообще, ибо безъ должнаго уразумѣнія таковаго способы эти окажутся совершенно непостижимыми и даже могутъ показаться совершенно невѣроятными.

При совершенно состязательномъ характерѣ англосаксонскаго уголовнаго процесса, публичное обвиненіе въ лицѣ такъ называемаго городскаго либо окружнаго стряпчаго (city attorney, district attorney) развито чрезвычайно слабо, и хотя засимъ всякій можетъ обвинять предъ судомъ всякаго во всякомъ преступленіи, въ дѣйствительности обвинителемъ является лицо, такъ или иначе потерпѣвшее отъ содѣяннаго, либо подозрѣваемаго, преступленія. Такой частный обвинитель со своимъ адвокатомъ либо адвокатами (таковыхъ можетъ быть у каждой стороны неограниченное число) и представляется истиннымъ обвинительнымъ органомъ, дѣйствительной обвинительной властью страны свободы. Преслѣдованіе преступленій представляется здѣсь дѣломъ совершенно частнымъ, почти такимъ же, какъ, напримѣръ, веденіе торговли, открытіе промышленныхъ предпріятій разнаго рода и т. п. Уже одно такое предоставленіе обвинительной власти произволу и усмотрѣнію частныхъ лицъ является совершенно достаточнымъ, чтобы сдѣлать изъ уголовнаго

правосудія орудіе личнаго мщенія, вымогательства, наживы и стяжанія разнаго рода вообще. Далѣе, американскій мировой судья или скваэръ (squire), являющійся первой судебной инстанціей по всякому дѣлу, не получая жалованья и пользуясь взамѣнъ того опредѣленной платой за всякое судебно-слѣдственное и судебное дѣйствіе, всячески старается раздуть всякое обвиненіе и при этомъ по возможности сорвать что либо съ обвиняемаго, воспользоваться отъ него большей или меньшей взяткой, а все это ставитъ обвинителя въ особо благопріятное и въ отношеніи обвиняемаго привиллегированное положеніе. Далѣе, по законамъ всѣхъ почти штатовъ, входящихъ въ составъ республики, лишь обвинитель и его свидѣтели получаютъ путевыя суточныя деньги изъ суммъ городскаго, либо уѣзднаго, казначейства (city treasury, county treasury), обвиняемый же и его свидѣтели, т. е. свидѣтели защиты, правомъ на полученіе таковыхъ не пользуются и поэтому поставлены въ необходимость либо расходовать собственныя средства, либо получать судебныя издержки отъ обвиняемаго частнымъ образомъ. Подобный порядокъ, съ точки зрѣнія истиннаго правосудія представляющійся совершенно несообразнымъ, снова ставитъ обвиняемаго въ неблагопріятное и нерѣдко крайне затруднительное положеніе. Наконецъ, частный обвинитель, въ странѣ свободы являющійся обвинителемъ публичнымъ, не только допускается къ присягѣ, но и присяга, имъ принятая, т. е. нѣсколько словъ, пробормотанныхъ подъ диктовку скваэра (мироваго судьи) либо секретаря суда, съ приподнятіемъ двухъ пальцевъ правой руки, признается доказательствомъ и имѣетъ силу доказательства. На подобномъ доказательствѣ можетъ основываться весь процессъ, все обвиненіе, при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было иныхъ доказательствъ. Въ довершеніе всего этого, единственной мѣрой пресѣченія обвиняемому способовъ уклоненія отъ суда является здѣсь поручительство, до представленія коего обвиняемый содержится подъ стражей: какъ по обвиненію самому пустячному, такъ и по обвиненію самому серіозному и тяжкому обвиняемый равнымъ образомъ долженъ представить поручительство лица, владѣющаго недвижимой собственностью, и таковое различается нѣсколько лишь размѣрами поручительной суммы сообразно съ тяжестью предъявляемаго обвиненія. Хотя обвиняемый нерѣдко и не арестуется сразу, и ему лишь прочитывается полицейскимъ чиновникомъ (police officer) постановленіе мироваго судьи объ его арестѣ (warrant) съ обязательствомъ явиться въ камеру къ извѣстному часу, а равно и по выслушаніи объясненій обвиняемаго, мировой судья (justice of the peace, squire, magistrate) нерѣдко не подвергаетъ его немедленному аресту, предоставляя ему нѣсколько часовъ на пріисканіе себѣ поручителя, либо отправляя его вмѣстѣ съ полицейскимъ чиновникомъ для этой же цѣли, тѣмъ не менѣе, однако, лишеніе обвиняемаго подобной льготы и даже на-

значеніе ему безусловнаго ареста зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія судьи и назойливости и пройдошества обвинителя, а первое, т. е. лишеніе льготы, также еще сверхъ того и отъ усмотрѣнія полицейскаго чиновника. Въ довершеніе подобныхъ разбойническихъ, судебныхъ порядковъ, неуплата налоговъ всякаго рода неуплата пени, назначенной судомъ въ качествѣ наказанія, неуплата судебныхъ издержекъ, неуплата опредѣленныхъ судомъ убытковъ, проистекающихъ изъ преступленія, простой неосторожности либо совершенной случайности, неуплата наконецъ простаго долга при извѣстныхъ условіяхъ — все это, всякая этакая неспособность къ уплатѣ, одинаково влечетъ за собой тюремное по суду заключеніе безъ всякаго различія между уголовной пеней, причиненными уголовнымъ дѣяніемъ убытками, убытками, причиненными болѣе или менѣе непростительной неосторожностью, судебными издержками, проистекающими изъ уголовнаго процесса, съ одной стороны, и такими же издержками, проистекающими изъ процесса гражданскаго, убытками, причиненными неисполненіемъ гражданскихъ договоровъ и обязательствъ, платежнымъ неисполненіемъ самихъ обязательствъ, разными убытками, причиненными простою случайностью, налогами всякаго рода и наконецъ отчасти и заурядными долгами совершенно гражданскаго свойства. Хотя неспособность къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и долговъ нѣкоторыхъ категорій и можетъ быть доказываема, а по такомъ доказательствѣ достигнуто освобожденіе изъ-подъ ареста и даже предупрежденіе таковаго, но доказательство такое безусловно должно быть подкрѣплено поручительствомъ лица, владѣющаго недвижимой собственностью: поручительство такое въ неимѣніи арестованнымъ никакихъ средствъ къ уплатѣ должно быть не менѣе суммы, подлежащей платежу, и дѣйствуетъ въ теченіе года и даже болѣе, пока судъ не убѣдится окончательно въ такой неспособности, или сложитъ платежи. Независимо отъ сего, непредставленіе поручительства вообще влечетъ за собой содержаніе подъ стражей какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ. Выходитъ такимъ образомъ, что въ этой диковинной странѣ диковинной свободы обвинитель, т. е. всякое частное лицо, которому вздумается въ чемъ либо обвинять другого, не теряетъ ровно ничего и не рискуетъ ровно ничѣмъ, между тѣмъ какъ обвиняемый, какъ бы ни былъ онъ невиненъ въ взводимомъ на него преступленіи, во всякомъ случаѣ долженъ потерять болѣе или менѣе значительную денежную сумму и всегда несетъ на себѣ болѣе или менѣе значительный рискъ бездоказательнаго, безосновательнаго и произвольнаго осужденія. Независимо отъ сего, при совершенной даже невинности онъ вынужденъ сидѣть въ кутузкѣ, либо острогѣ, до суда, если ему не удастся въ теченіе весьма короткаго времени найти себѣ поручителя, а равно пребывать въ тюрьмѣ даже въ случаѣ совершеннаго оправданія, если только присяжнымъ засѣдателямъ вздумается возло-

жить на него судебныя издержки, либо раздѣлить таковыя пополамъ между сторонами, что не обусловливается тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса о винѣ или невинности подсудимаго и зависитъ вполнѣ отъ ихъ усмотрѣнія, а между тѣмъ ему не удастся найти себѣ поручителя въ неспособности къ уплатѣ оныхъ. Слѣдуетъ наконецъ имѣть въ виду, что всякое положительно обвиненіе можетъ быть покончено у мирового судьи примиреніемъ обвиняемаго съ обвинителемъ, и что въ такомъ примиреніи заинтересованъ не только обвинитель, обыкновенно возбужденіемъ обвиненія преслѣдующій какіе либо частные свои интересы и личныя выгоды, но также и самъ судья (squire, magistrate), ибо если даже ему и не удастся сорвать взятку съ обвиняемаго, то во всякомъ случаѣ съ сего послѣдняго, «уладившаго» дѣло съ обвинителемъ, онъ за свои судебно-слѣдственныя и подготовительныя къ суду дѣйствія получаетъ значительно высшую плату, нежели изъ суммъ городскаго или уѣзднаго казначейства въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ въ судъ и поступаетъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Хотя на разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ никакое обвиненіе не поступаетъ отъ мироваго судьи непосредственно, а идетъ сначала въ такъ называемый большой судъ присяжныхъ (grand jury), состоящій изъ 23 человѣкъ и представляющійся обвинительной камерой, но этотъ большой судъ присяжныхъ выслушиваетъ исключительно лишь обвинителя и его свидѣтелей и посему пропускаетъ обыкновенно обвиненія безосновательныя, дутыя и шарлатанскія. Слѣдуетъ отмѣтить, что при всемъ этомъ продолжительность заключенія въ тюрьмѣ за неуплату разнаго рода присужденныхъ судомъ къ платежу суммъ, начиная съ государственныхъ налоговъ и кончая мелкими частными долгами, не обусловливается размѣрами неуплаченныхъ суммъ и не представляется имъ пропорціональной, какъ это имѣетъ мѣсто въ европейскихъ законодательствахъ въ отношеніи разныхъ карательныхъ пеней и штрафовъ, а опредѣляется огульно мѣсяцами и даже годами, сообразно съ родомъ невзнесеннаго платежа. Это попросту правежъ вѣковъ, давно прошедшихъ, на землѣ своеобразной свободы дожившій до конца нашего вѣка и долженствующій несомнѣнно перешагнуть въ вѣкъ двадцатый. Изъ изложенныхъ замѣчаній, по возможности краткихъ, нельзя не видѣть, что американское правосудіе представляется темной, азартной и цинической игрой, въ которой открывающій таковую, т. е. обвинитель, ничего не теряя и ничѣмъ не рискуя, имѣетъ большіе шансы выигрыша. Въ игру эту, азартную, темную и грязную, энергически и ловко втирается американская женщина и съ коварствомъ и вѣроломствомъ, поистинѣ изумительными, направляетъ ее къ тому, чтобы раздобыть себѣ супруга, заставить намѣченнаго мужчину на себѣ жениться.

Прежде всего, при значительной свободѣ общенія и взаимныхъ

отношеній между полами въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ рожденіе младенца дѣвушкою, даже въ очень раннемъ возрастѣ, либо вдовою, представляется здѣсь явленіемъ болѣе, чѣмъ обыкновеннымъ. Западно-европейскія законодательства (континентальныя) предоставляютъ въ такомъ случаѣ матери искать признанія отцовства и исполненія отцомъ своихъ въ отношеніи дитяти обязанностей въ гражданскомъ порядкѣ. Наше русское законодательство возлагаетъ на отца тѣ же обязанности въ уголовномъ порядкѣ, подвергая обоихъ виновныхъ въ любодѣяніи, т. е. какъ мужчину, такъ и женщину, церковному покаянію. Законодательство англосаксонское и въ частности англоамериканское, отличаясь вообще множествомъ странностей, несообразностей и нелѣпостей, дѣлаетъ женщину, виновную въ любодѣяніи наравнѣ съ мужчиной, обвинительницей сего послѣдняго. По ея жалобѣ, могущей быть предъявленной мѣстному мировому судьѣ тогда еще, когда ребенокъ едва лишь зачатъ и ему далеко еще до рожденія, предполагаемый отецъ долженъ представить поручительство до судебнаго разбирательства, до представленія коего содержится подъ арестомъ, и затѣмъ обязанъ либо жениться на обвинительницѣ, либо уплатить ей извѣстную денежную сумму «за ребенка» (for the baby). Неуплата такой назначенной судомъ присяжныхъ суммы влечетъ за собой арестъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Платежъ оной вообще не можетъ быть сложенъ за доказанною неспособностью къ уплатѣ иноситъ такимъ образомъ для отца дитяти характеръ карательный, между тѣмъ какъ мать его, въ сущности точно также виновная въ любодѣяніи, никакому наказанію не подвергается. Противъ такого требованія съ отца уплаты опредѣленной денежной суммы «за ребенка» и даже отчасти противъ подобныхъ способовъ исторгнутія отъ него таковой въ сущности при существующемъ въ республикѣ порядкѣ взысканія всякихъ платежей вообще ничего нельзя было бы сказать, ибо какъ бы ни были несообразны эти способы и какой бы несоотвѣтственный характеръ платежу этому ни придавался, онъ является все-таки справедливой, обязательной и неизбѣжной помощью матери внѣбрачнаго дитяти со стороны отца его въ его содержаніи и воспитаніи. Но дѣло въ томъ, что американскіе суды совершенно не заботятся о должномъ доказательствѣ отцовства и тѣмъ открываютъ для матерей внѣбрачныхъ дѣтей широкое поле для злоупотребленій. Разъ дѣвушка-мать присягнетъ предъ судомъ присяжныхъ, что дитя ея рождено ею отъ такого-то, и будетъ установлено, что этотъ послѣдній, играющій на судѣ роль обвиняемаго, около того времени состоялъ съ ней въ близкихъ отношеніяхъ или хотя бы просто въ тѣсномъ общеніи, онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ признается присяжными отцомъ дитяти, и ими назначается съ него въ пользу матери «за ребенка» опредѣленная денежная сумма. Между тѣмъ нерѣдко американская дѣвушка-мать

обвиняетъ въ прижитіи съ нею ребенка совсѣмъ не того, кто является дѣйствительнымъ отцомъ его. Если этотъ послѣдній не представляетъ для нея интереса ни со стороны нѣжныхъ чувствъ, ею къ нему питаемыхъ, ни со стороны его средствъ, ни наконецъ хотя бы со стороны его будущности, то она просто намѣчаетъ и избираетъ въ отцы своему дитяти (обыкновенно еще находящемуся въ ея утробѣ) кого либо изъ своихъ друзей (friends), находящихся либо около того времени находившихся съ ней въ тѣсномъ общеніи, хотя бы намѣченное лицо даже никогда и не состояло съ ней въ близкихъ сгношеніяхъ. Если дѣвушка-мать влюблена въ какого либо мужчину, успѣла своевременно ввести его въ тѣсное съ собой общеніе (американки отличаются изумительнымъ на сей счетъ искусствомъ) и имѣются достаточныя основанія разсчитывать, что онъ не захочетъ, либо не сможетъ, отдѣлаться деньгами и во избѣжаніе всяческихъ пертурбацій или тюремнаго за неплатежъ заключенія женится, то она обрушивается на него всей силой обвиненія въ отцовствѣ зачатаго ею дитяти; если же, наоборотъ, разсчитывать на подобное принужденіе къ браку невозможно, или она ни къ кому особой любви не питаетъ, то она изъ среды друзей своихъ или вообще лицъ, около того времени находившихся въ тѣсномъ съ ней общеніи, избираетъ въ отцы своему имѣющему родиться дитяти того, кто побогаче и при этомъ поподатливѣе, и выступаетъ противъ него съ публичнымъ обвиненіемъ въ отцовствѣ.

Хотя обвиненіе такое въ качествѣ средства принужденія намѣченнаго мужчины къ браку серьезнѣе и дѣйствительнѣе, нежели обвиненіе въ нарушеніи обѣщанія жениться, тѣмъ не менѣе однако и оно представляется сравнительно еще не столь серьезнымъ и для намѣченной жертвы не настолько опаснымъ. Есть иное еще для достиженія той же цѣли средство, самое серьезное, наиболѣе радикальное и весьма опасное, носящее вполнѣ террористическій характеръ. Американская дѣвушка или вдовушка, принявъ внѣшній видъ, соотвѣтствующій роли угнетенной невинности, является въ камеру мирового судьи (squire, magistrate) и принимаетъ присягу, что такой-то ее изнасиловалъ или покушался изнасиловать. Какъ извѣстно, по законамъ природы, изнасилованіе женщины, не страдающей порокомъ сердца, истощеніемъ силъ, полнымъ разстройствомъ нервной системы, истерическими припадками и т. п., т. е. вообще въ физическомъ отношеніи болѣе или менѣе нормальной, однимъ мужчиною, т. е. самъ на самъ, физически невозможно. Нѣмецкое законодательство настолько категорично въ этомъ отношеніи, что судебныя власти не могутъ дать хода жалобѣ на изнасилованіе, если жалобщица не представитъ медицинскаго свидѣтельства, подписаннаго по крайней мѣрѣ двумя врачами, что она страдаетъ однимъ изъ недуговъ вышеупомянутой категоріи, болѣе или менѣе исключающихъ способность и возможность къ сопротивленію. Хотя

иныя законодательства не настолько требовательны на сей счетъ, они къ разсматриваемому предмету относятся съ благоразумной осторожностью. Доступно пониманію всякаго, что преступленіе такого рода, какъ изнасилованіе и даже покушеніе на оное, неизбѣжно оставляетъ по себѣ тѣ или иные слѣды физическаго насилія и всегда непремѣнно сопряжено съ крикомъ, шумомъ, суматохой взаимной борьбы, нарушеніемъ общественнаго спокойствія вообще, если только не происходитъ въ пустынѣ. Такимъ образомъ естественно понимаютъ сущность этого преступленія и необходимыя его принадлежности законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и странъ. Законодательство англосаксонское и въ особенности англоамериканское составляетъ единственное въ этомъ отношеніи исключеніе. Со всѣмъ фанатизмомъ англосаксонскаго ханжества, со всей разнузданностью англосаксонскаго правоваго тупоумія, со всѣмъ апломбомъ специфическаго англо-саксонско-американскаго невѣжества американская правовая практика, имѣющая въ странѣ диковинной свободы гораздо больше значенія, нежели самый законъ въ его сущности и внутреннемъ смыслѣ, основываясь, конечно, на его хаотичности, неопредѣленности и совершенной на сей счетъ примитивности, игнорируетъ всѣ вышеприведенные абсолютно необходимые признаки преступленія изнасилованія и заходитъ даже на сей счетъ такъ далеко, что при обвиненіяхъ сего рода не требуетъ отъ обвинительницы никакихъ доказательствъ. Довольно этой послѣдней явиться въ мелочную лавочку американскаго правосудія, т.-е. въ камеру американскаго мироваго судьи, и, приподнявъ два пальца, безсвязно пробормотать приблизительно слѣдующее: «я обѣщаюсь сказать сущую правду, только правду и ничего болѣе, какъ правду», чтобы заявляемое ею обвиненіе въ «тяжкомъ преступленіи» признавалось подкрѣпленнымъ достаточнымъ доказательствомъ и дѣло поступило на разсмотрѣніе обвинительной камеры въ лицѣ такъ называемаго большого суда присяжныхъ, а затѣмъ, такъ какъ этотъ послѣдній (grand jury) выслушиваетъ только лишь обвинительницу, то и далѣе, т.-е. на судебное разрѣшеніе суда присяжныхъ. По части сорванія съ обвиняемаго приличной взятки дѣла этого рода американскіе скваэры признаютъ «наилучшими» и дѣйствуютъ въ нихъ въ отношеніи обвиняемаго, даже при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было доказательствъ, съ истинно башибузукскимъ остервенѣніемъ. Главнымъ и почти единственнымъ способомъ оправданія является для обвиняемаго доказать, что обвинительница — женщина сквернаго сорта (bad character) и пользуется скверной репутаціей, какъ въ отношеніи нравственности, т.-е., что она въ большей или меньшей степени представляется проституткой, такъ и въ отношеніи правдивости (veracity). Такъ какъ американское законодательство, или, выражаясь точнѣе, законодательства отдѣльныхъ штатовъ, входящихъ въ составъ союзной республики, вовсе не

признаютъ проституціи или, правильнѣе говоря, совершенно игнорируютъ существованіе таковой, то, не говоря уже о множествѣ иныхъ проистекающихъ изъ такого игнорированія послѣдствій самаго прискорбнаго свойства, между прочимъ представляется необходимость доказывать въ судебномъ порядкѣ то обстоятельство, что данная женщина есть проститутка. Въ публичномъ засѣданіи суда присяжныхъ, на которомъ присутствуетъ обыкновенно множество молоденькихъ дѣвушекъ, подростковъ и дѣтей, выплываетъ наружу и вывоварачивается до дна вся грязь непотребства и тратятся время, усилія и общественныя средства на доказательство обстоятельствъ, для установленія которыхъ было бы совершенно достаточно записей въ полицейскія книги, да отмѣтокъ полицейскаго врача. Но и такое установленіе подобныхъ обстоятельствъ представляется дѣломъ не настолько простымъ и легкимъ, какъ это можетъ со стороны казаться. Сознаніе въ любодѣяніи, имѣніи съ женщиной какихъ либо внѣбрачныхъ отношеній, влечетъ за собой довольно тяжкое наказаніе (штрафъ до 100 долларовъ или тюремное заключеніе до одного года), и потому всякій американскій холостякъ естественно опасается явиться на судѣ свидѣтелемъ того обстоятельства, что данная женщина—проститутка. Выходитъ такимъ образомъ, что даже въ томъ случаѣ, когда обвинительницей въ изнасилованіи или покушеніи на таковое является завѣдомая проститутка, то и въ такомъ даже случаѣ обвиняемый поставленъ въ необходимость приложить значительныя старанія, употребить значительныя усилія и истратить значительныя средства, чтобы оправдаться. Говоря здѣсь о значительныхъ на предметъ оправданія средствахъ, мы разумѣемъ подъ таковыми плату адвокатамъ и свидѣтелямъ защиты за явку въ судъ и не принимаемъ въ расчетъ взятки скваэру, въ каковомъ случаѣ дѣло обыкновенно ограничивается предварительнымъ слѣдствіемъ и не поступаетъ на судебное разсмотрѣніе, но за то обвиняемый долженъ заплатить свидѣтелямъ обвиненія за явку въ камеру мироваго судьи (скваэра), ибо, во-первыхъ, обвинительница обыкновенно не обладаетъ никакими средствами и, во-вторыхъ, прекращеніе слѣдствія по подобному обвиненію, хотя бы оно и лишено было всякихъ основаній, и избавленіе отъ него, представляется для злополучнаго обвиняемаго дѣломъ настолько важнымъ, что онъ долженъ заплатить, хотя бы онъ былъ совершенно невиненъ. Если затѣмъ обвинительница въ изнасилованіи не представляется проституткой завѣдомой, а лишь тайной, или же если порядочная женщина, обуреваемая чувствомъ мести, снѣдаемая страстью стяжанія (сорваніе болѣе или менѣе значительнаго денежнаго куша) или скорѣе всего терзаемая стихійнымъ желаніемъ заставить извѣстнаго мужчину на себѣ жениться, рѣшится явиться въ камеру скваэра и, приподнявъ два пальца, пробормотать стереотипную присягу, заявляя, что такой-то ее изнасиловалъ или покушался изнасило-

вать, то злополучный обвиняемый, какъ бы онъ ни былъ невиненъ, имѣетъ мало шансовъ на оправданіе и такимъ образомъ поставленъ въ необходимость «уладить» (settle) дѣло еще до поступленія его на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, то-есть, или жениться на обвинительницѣ, или по крайней мѣрѣ уплатить ей болѣе или менѣе значительную денежную сумму, если онъ располагаетъ средствами. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ странѣ свободы угнетенныя ея невинности предъявляютъ нерѣдко обвиненія въ изнасилованіи, или покушеніи на таковое, которыя учинены будто бы нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ тому назадъ. Здѣсь самъ собою рождается вопросъ: какимъ образомъ въ странѣ, именующей себя «страною свободы», странѣ, заявляющей себя «величайшей демократіей на земномъ шарѣ», странѣ, претендующей на наивысшее доселѣ извѣстное осуществленіе извѣстныхъ демократическихъ принциповъ—свободы, равенства и братства, понынѣ, на рубежѣ XX вѣка, можетъ существовать подобное неравенство половъ передъ правосудіемъ, подобное угнетеніе человѣческой личности подъ предлогомъ его верпенія, попраніе личныхъ правъ столь чудовищное? На вопросъ этотъ намъ придется отвѣтить въ иномъ мѣстѣ, ибо пока мы занимаемся лишь разсмотрѣніемъ способовъ принужденія къ браку и вовсе не должны выходить за предѣлы разсматриваемаго предмета. Такъ какъ выше мы привели нѣсколько фактическихъ образчиковъ такого принужденія путемъ обвиненія въ нарушеніи обѣщанія жениться, то здѣсь мы должны дать также нѣсколько образчиковъ подобнаго принужденія путемъ какъ обвиненія въ прижитіи ребенка, такъ и обвиненія въ изнасилованіи.

Нѣкая Daisy Watkins, нынѣ состоящая гардеробщицей театральной компаніи «Въ веселомъ Нью-Іоркѣ», существующей и подвизающейся въ городѣ того же имени, ранѣе состояла въ томъ же званіи при «Camille d'Arville's Opera Company». Въ 1895 году однимъ изъ главныхъ пѣвцовъ означенной оперной компаніи, въ сезонъ 1895—1896 года пѣвшей въ городѣ Cleveland, штата Ohio, былъ нѣкій Charles Arling Parr, выступавшій на сценѣ просто подъ именемъ Charles Arling. Пѣвецъ приглянулся молоденькой гардеробщицѣ; затѣмъ онъ во всякомъ случаѣ получалъ приличное жалованье да сверхъ всего этого состоялъ, какъ многіе утверждали, въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ домомъ извѣстныхъ богачей Phelps Arling, въ городѣ Манчестерѣ, въ Англіи, и являлся наслѣдникомъ извѣстной части изъ громаднаго состоянія. Всё это было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы молоденькая Daisy завела «любовь» съ опернымъ «первымъ любовникомъ» и проводила съ нимъ всѣ почти свои свободные часы. Она—весьма недурна собой, жива, остроумна, и потому оперный пѣвецъ перваго ранга ею не побрезгалъ, но тѣмъ не менѣе по части брачной оказался неподатливымъ и не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности на ней жениться.

Тогда молоденькая Daisy, достаточно просвѣтившаяся на всемъ томъ, что она видѣла на театральныхъ подмосткахъ, замыслила нѣкій весьма хитроумный планъ. Она притворилась тяжело больной, сбила съ толку приглашеннаго врача и сумѣла такъ ловко разыграть симптомы приближающейся смерти, что къ одру ея тяжкой болѣзни былъ приглашенъ священникъ. Этому послѣднему она принесла полное сознаніе въ своей грѣховной любви къ Charles Arling, повѣдала всѣ проистекающія изъ таковой страданія, ввѣрила тайну зачатія младенца, описала всѣ порожденныя этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ тревоги, опасенія и мученія и такъ сумѣла разжалобить духовнаго отца, что онъ рѣшительно высказался вслѣдъ затѣмъ предъ врачемъ и нѣкіимъ Dennis Rone, помощникомъ молоденькой гардеробщицы, о необходимости настоять на томъ, чтобы Charles Arling женился на бѣдной страдалицѣ. Врачъ и Dennis Rone тотчасъ отправились въ камеру мѣстнаго мировою судьи, предъявили къ оперному первому любовнику обвиненіе въ прижитіи ребенка съ Daisy Watkins, получили постановленіе объ арестѣ Арлинга, и чрезъ пятнадцать минутъ онъ былъ уже въ мѣстѣ заключенія, т.-е. ему была предумышленно преграждена возможность раздобыть себѣ поручителя. Тогда о. Farell, приглашенный къ смертному одру молоденькой гардеробщицы и на ея предсмертной исповѣди узнавшій тайну ея жизни и источникъ ея скорбей, пригласивъ съ собой священника каѳедральнаго собора, отца Vache, отправились вмѣстѣ въ кутузку, въ которой содержался Charles Arling, и стали его убѣждать жениться на бѣдненькой Daisy Watkins. Имѣя полное основаніе сомнѣваться въ материнствѣ этой послѣдней, озадаченный первый любовникъ оперной компаніи объявилъ духовнымъ отцамъ о своемъ желаніи съ ней объясниться и подъ конвоемъ полицейскаго офицера отправился вмѣстѣ съ ними къ ней на квартиру. Едва вошли они въ комнату больной и Charles Arling подошелъ къ ея постели, какъ ея помощникъ по гардеробной части Dennis Rone, откуда ни возьмись, схватываетъ его за руку, заставляетъ больную съ большими усиліями встать съ постели и вкладываетъ схваченную его руку въ ея руку, между тѣмъ какъ отецъ Farrel приступаетъ къ обряду бракосочетанія. Оперный первый любовникъ, пораженный подобной неожиданностью, отказывается отвѣчать удовлетворительно на входящіе въ обрядъ вопросы. Священники раздражены, священники въ гнѣвѣ; выступаетъ впередъ полицейскій офицеръ и объявляетъ непокорному, что если онъ не станетъ должнымъ образомъ отвѣчать на вопросы чинящаго бракосочетаніе священника, то будетъ снова немедленно препровожденъ въ арестное помѣщеніе. «Хорошо, пойдемте!» — отвѣчаетъ оперный первый любовникъ, которому такъ неожиданно и при обстоятельствахъ столь исключительныхъ пришлось разыгрывать роль подневольнаго жениха. Тутъ помощникъ дипломатичной не-

вѣсты по гардеробной части выхватываетъ изъ кармана заряженный револьверъ и приставляетъ къ виску непокорнаго; священникъ снова повторяетъ тѣ же вопросы; рука невольно брачащагося дрожитъ въ маленькой ручкѣ его будущей дражайшей половины; глаза его невольно поворачиваются въ своихъ орбитахъ по направленію къ расположенному вблизи нихъ огнестрѣльному оружію; заплетающимся языкомъ онъ даетъ требуемые отъ него удовлетворительные отвѣты. Чрезъ нѣсколько минутъ обрядъ бракосочетанія заканчивается, священники, полисмэнъ и помощникъ гардеробщицы, принеся новобрачнымъ соотвѣтственныя поздравленія, удаляются, и дѣвица Daisy Watkins, ставъ г-жей Arling, внезапно выздоравливаеть. Невольный супругъ, донельзя потрясенный и глубоко возмущенный всѣмъ происшедшимъ, рѣшается бросить какъ свою новобрачную, съ которой не обмѣнялся онъ ни единымъ словомъ, такъ и давно занимаемое мѣсто въ оперной компаніи и уѣзжаетъ въ Нью-Іоркъ, гдѣ поступаетъ въ иную оперную компанію. Свѣжеиспеченная mrs Charles Arling (у англосаксовъ жена носитъ не только фамилію, но и имя мужа) продолжаетъ нѣкоторое время попрежнему состоять гардеробщицей въ оперной компаніи въ Cleveland, но затѣмъ также уѣзжаетъ въ Нью-Іоркъ. Въ октябрѣ 1896 года, десять мѣсяцевъ спустя послѣ сего террористическаго бракосочетанія, она привлекаетъ у одного изъ нью-іоркскихъ мировыхъ судей своего подневольнаго супруга къ отвѣтственности за непредоставленіе содержанія ихъ четырехмѣсячному ребенку, и затѣмъ судъ присяжныхъ опредѣляетъ ей съ него на сей предметъ по 5 долларовъ въ недѣлю. Будучи однако вполнѣ убѣжденъ, что навязанная ему жена никогда не рожала никакого дитяти, злополучный оперный первый любовникъ, горькимъ опытомъ убѣдившійся, какъ невыгодно играть роль перваго любовника въ дѣйствительной жизни въ странѣ, подобной «странѣ свободы», благоразумно обратился къ хорошему адвокату. Произведенное этимъ послѣднимъ разслѣдованіемъ обнаружило, что въ маѣ того же (1896) года, т. е. за четыре мѣсяца до принесенія г-жей Arling жалобы въ судъ на на своего мужа, у нью-іоркской акушерки Bucholz была на дому подъ присмотромъ и разрѣшилась отъ бремени бѣдная роженица, по имени Марѳа. Новорожденная дѣвочка получила имя Камиллы и была куплена г-жею Arling, она же Daisy Watkins, за 25 долларовъ. Продажа эта была извѣстна не только самой акушеркѣ, но также мужу ея и дочери Nellie Bucholx, которая самолично и отнесла купленное дитя изъ дома своей матери въ квартиру покупщицы. Замѣчательно, что въ самый день покупки (9 мая 1896 г.) Camille d'Arville, антрепренерша и режиссерша оперной компаніи, распѣвавшей въ этотъ сезонъ въ г. Cleveland, штата Ohio, въ которомъ ранѣе служили Charles Arling и его таинственная супруга, получила отъ этой послѣдней телеграмму изъ Нью-Іорка, извѣщавшую ее, что у

Daisy Watkins (она же mrs Charles Arling) родилась «прелестная голубоокая малютка». Обнаружилось далѣе, что г-жа Charles Arling была черезчуръ нетерпѣлива и неосторожна и разболтала многимъ сосѣдямъ и знакомымъ, какъ она, молъ, одурачила своего законнаго супруга. Получивъ такимъ образомъ достаточныя доказательства, что Camille Arling вовсе не дочь его жены, сценическій первый любовникъ, попрежнему состоящій нынѣ въ Camille d'Arville 's Opera Company, въ настоящее время играющій въ Нью-Іоркѣ, чрезъ своего повѣреннаго возбудилъ дѣло у подлежащаго судьи. Daisy Watkins, она же насильственная г-жа Charles Arling, нынѣ состоящая гардеробщицей въ опереточной компаніи подъ именемъ «Въ веселомъ Нью-Іоркѣ», въ нынѣшній сезонъ играющей также въ Нью-Іоркѣ, арестована и по предварительномъ слѣдствіи отдана на поручительство въ 1.000 долларовъ. Дѣло ея вскорѣ поступитъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, и процессъ этотъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ. Обвиняется она въ клятвопреступничествѣ (perjury): согласно общимъ пріемамъ американской юридической техники подъ это преступленіе подведены всѣ ея многоразличныя и разновременныя дѣянія.

Марія Копко была простой галицкорусской дѣвкой, когда она около трехъ лѣтъ тому назадъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ русскихъ эмигрантовъ изъ Галиціи, явилась въ Америку. Какъ и множество иныхъ галицкорусскихъ выходцевъ, попала она въ прибрежный штатъ New Jersey, а именно на табачную фабрику въ небольшомъ городѣ Perth Ambey. Здѣсь вскорѣ нашелся для нея и подходящій любовникъ въ лицѣ молодаго угорскаго русина Петра Гозали. Марія Копко, прибывъ въ страну свободы всего лишь шестнадцати лѣтъ отъ роду, оказалась молоденькой да изъ раннихъ и обнаружила чрезвычайныя способности къ уразумѣнію и усвоенію духа американскихъ учрежденій, характера американскаго правосудія и сущности американскихъ порядковъ вообще. Эта прехорошенькая блондинка, съ своимъ представительнымъ и красивымъ Петромъ Гозалей являвшая очень недурную пару, поживъ нѣкоторое время въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, просвѣтилась и цивилизовалась:, на американскій манеръ, конечно. Она узнала, что здѣсь, въ этой заморской странѣ, она не есть уже какая нибудь тамъ простая дѣвка, а госпожа (lady), и притомъ не только лишь госпожа (respectable lady); она наслушалась розсказней, что въ качествѣ уважаемой госпожи она пользуется не только бо̀льшими сравнительно съ мужчиной правами, но и совершенно исключительными преимуществами: такъ, напримѣръ, никакая земная сила не можетъ подорвать силу принятой ею на судѣ присяги, «сломать ея присягу» (break her oath). Почувствовавъ въ себѣ такимъ образомъ здѣсь, по другую сторону океана, присутствіе элементовъ нѣкоторымъ образомъ, такъ сказать, божественныхъ, Марія Копко, еще такъ недавно

бывшая простой галицкорусской дѣвкой, стала уже совершенно иначе обращаться со своимъ любовникомъ, приняла въ отношенiи его тонъ вполнѣ командирскiй и наконецъ безаппеляцiонно объявила ему, что онъ долженъ безотлагательно съ ней обвѣнчаться. Петрò Гозаля съ своей стороны также немало наслушался о томъ, что въ этой, молъ, Америкѣ, баба всему голова, что здѣсь съ бабой ничего не подѣлаешь, что здѣсь, молъ, надо двѣнадцать свидѣтелей—мужчинъ, чтобы «сломать бабскую присягу», если она за что либо на мужчину жалуется и т. п., и посему естественно убоялся противорѣчить своей возлюбленной и безпрекословно согласился на всѣ ея требованiя. Но зато, когда наступила минута идти подъ вѣнецъ, Петрò Гозаля, тотъ самый Гозаля, которому не разъ уже смерть глядѣла въ глаза въ подземной каменно-углеломнѣ, который безстрашно работалъ огромнымъ желѣзнымъ ломомъ и динамитомъ, рискуя каждую минуту быть засыпаннымъ обрушившимися подземными скалами, этотъ безстрашный Гозаля убоялся и въ трепетѣ безоглядно бѣжалъ изъ Perth Amboy. Свыше получаса прождавъ прибытiя своего жениха въ русской (унiатской) церкви въ подвѣнечномъ платьѣ, Марiя Копко была извѣщена, что ея нареченный исчезъ безслѣдно, и ни съ чѣмъ вернулась домой. Она не упала въ обморокъ, она даже не заплакала, ибо она достаточно уже просвѣтилась въ странѣ свободы и была убѣждена, что ничто не можетъ «сломать ея присяги». Она стала развѣдывать, куда именно удралъ мятежникъ, и, наконецъ, узнала, что онъ находится въ сосѣднемъ штатѣ Pennsylvania, являющемся, скажемъ мимоходомъ, средоточiемъ славянской эмиграцiи въ Новомъ Свѣтѣ. Недолго думая, она собралась и отправилась за нимъ слѣдомъ, но онъ удралъ при самомъ еще ея приближенiи. Она снова вывѣдала, гдѣ онъ находится, и снова пустилась за нимъ въ погню, но онъ оказался крайне бдительнымъ и осторожнымъ и снова улизнулъ. Такимъ образомъ цѣлый годъ гонялась молоденькая русскоамериканская дѣвушка, просвѣщенная и вдохновленная судебной практикой и порядками якобы великой республики, за своимъ терроризованнымъ любовникомъ. Наконецъ, этотъ послѣднiй, будучи убѣжденъ, что его преслѣдовательница никогда не возвратится въ мѣсто первоначальнаго ихъ жительства и ихъ первой встрѣчи, переселился въ Perth Amboy. Но неутомимая дѣвица не преминула разнюхать, гдѣ именно пребываетъ предметъ неукротимыхъ ея желанiй, и съ величайшими предосторожностями, въ глухую полночь, прибыла въ этотъ скромный городокъ штата New Jersey, гдѣ ей довелось на зарѣ юныхъ дней у ступеней церковнаго алтаря испытать подобный афронтъ. Пользуясь правами и порядками «величайшей демократiи на земномъ шарѣ», Марiя Копко уже по полуночи явилась къ мировому судьѣ, присягнула, что Петрò Гозаля годъ тому назадъ учинилъ надъ ней «тяжкое преступленiе», получила постановленiе судьи объ

его арестѣ и вмѣстѣ съ полисмэномъ Walters отправилась въ русско-польскіе кварталы городка разыскивать квартиру своего бѣглаго суженаго. Цѣлый домъ, въ которомъ обитала нѣкая русская семья съ численнымъ отрядомъ «нахлѣбниковъ» (столующихся квартирантовъ), къ числу которыхъ принадлежалъ и Гозаля, былъ поднятъ на ноги, и сей злонесчастный возлюбленный былъ привлеченъ съ постели въ пріемную (parlor): здѣсь въ присутствіи всѣхъ обитателей дома, съ заспанными и испуганными лицами толпившихся у дверей изъ столовой въ пріемную, Марія Копко, осѣненная грозной фигурой полисмэна, выглядывавшаго изъ-за ея плечей, и потрясая судейскимъ постановленіемъ, поставила бѣглецу отъ алтаря роковую дилемму — или вѣнецъ, или тюрьма! Гозаля, захваченный врасплохъ, растерявшійся, еще недостаточно обамериканившійся для того, чтобы догадаться раздобыть себѣ поручителя и подобному судебному террору противопоставить помощь порядочнаго адвоката, имѣлъ однако настолько мужества, чтобы сопротивляться столь возмутительному насилію и рѣшительно объявилъ, что онъ предпочитаетъ тюрьму. Но когда онъ, валяясь на грязныхъ нарахъ совершенно примитивнаго мѣста заключенія, какими отличаются небольшіе городки «страны свободы», представилъ себѣ перспективу лишенія мѣста въ каменноуглеломнѣ за неявкой на работу и всѣ бѣдствія безработицы, независимо отъ исхода угрожающаго ему процесса, онъ упалъ духомъ и рѣшился предпочесть брачное ложе этимъ грязнымъ нарамъ и обрядъ церковнаго бракосочетанія насиліямъ и издѣвательствамъ американскаго правосудія. Поэтому, когда на слѣдующее утро у двери его камеры показался синій мундиръ американскаго блюстителя порядка и этотъ послѣдній, подосланный его просвѣтившейся прежней любовницей, заглядывая чрезъ желѣзную рѣшетку окна въ дверяхъ его камеры, его окликнулъ и съ циническимъ смѣхомъ спросилъ, не передумалъ ли онъ, и не лучше ли было бы ему обвѣнчаться, онъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ утвердительно. Чрезъ полчаса находчивая и предпріимчивая Марія Копко стояла уже въ той самой русской церкви, у того самаго алтаря, въ томъ самомъ подвѣнечномъ платьѣ, что и годъ тому назадъ; кромѣ священника и дьячка въ церкви находилось лишь нѣсколько случайныхъ посѣтителей, не имѣвшихъ въ этотъ день работы; Гозаля введенъ былъ въ храмъ массивнымъ американскимъ полисмэномъ, который сталъ немного сзади брачащихся и невольно явился такимъ образомъ ихъ посаженнымъ отцемъ. Когда обрядъ бракосочетанія закончился, посаженный отецъ первый двинулся вонъ изъ церкви и удалился восвояси, между тѣмъ какъ священникъ, отецъ Іоаннъ Каминскій, сказалъ невольному новобрачному порусски: «ну, гляди, Петро̀, не утекай снова!» Энергичная новобрачная слегка улыбнулась, а свѣжесфабрикованный супругъ, убитый и удрученный, спѣшилъ выйти изъ церкви, чтобы за ея дверями вздохнуть воздухомъ страны «свободы».

Около двухъ лѣтъ тому назадъ разыгрался въ Нью-Іоркѣ громкій процессъ по обвиненію нѣкоею Barbara Aub нѣкоего Walter Langerman въ изнасилованіи. Langerman состоитъ клеркомъ (нѣчто въ родѣ секретаря) одной крупной адвокатской фирмы въ Нью-Іоркѣ же: онъ отличается соблазнительной внѣшностью, вращается въ порядочномъ обществѣ и ведетъ жизнь совершенно свободную, но ведетъ ее открыто и откровенно, чѣмъ сильнѣйшимъ образомъ вооружаетъ противъ себя пресловутое англосаксонское ханжество, которое не можетъ, какъ извѣстно, извинить самую невинную вольность, разъ таковая допускается открыто, и охотно прощаетъ самый грязный развратъ, лишь бы только онъ разыгрывался подъ добродѣтельною внѣшностью, прикрытъ былъ соотвѣтственною маской. Barbara Aub принадлежала къ той довольно многочисленной категоріи американскихъ дѣвушекъ, которыя стремятся во что бы то ни стало играть извѣстную роль въ такъ называемомъ обществѣ (society), не имѣя никакихъ положительно для этого данныхъ. Такія особы обыкновенно поступаютъ въ церковный хоръ своего прихода, являются непремѣнными продавщицами на разныхъ церковноблаготворительныхъ базарахъ, фигурируютъ на всевозможныхъ благотворительныхъ увеселеніяхъ. Но за этой казовой, показной, фигурантской свой дѣятельностью онѣ либо не занимаются ровно ничѣмъ, если только принадлежатъ къ зажиточнымъ семьямъ, или состоятъ агентами (по нашему комиссіонерами) разныхъ торговыхъ предпріятій и фирмъ. Barbara Aub состояла городской агентшей какой-то крупной книжной торговли. Какъ-то вечеркомъ явилась она въ квартиру Walter'a Langerman'a, занимающаго нѣсколько комнатъ въ меблированномъ домѣ, и, пробывъ около полутора часа, удалилась. Чрезъ два мѣсяца къ сему вечернему покупателю книгъ предъявлено было обвиненіе въ изнасиловаціи. Прежде всего невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что для всякаго агента по продажѣ книгъ гораздо естественнѣе и удобнѣе къ секретарю адвокатской фирмы прійти съ такою цѣлью въ дѣловые дневные (по нашему присутственные) часы въ контору фирмы, нежели съ той же цѣлью, да притомъ еще въ ночное время, являться къ нему на квартиру. Затѣмъ на судѣ изъ показанія квартирной хозяйки обвиняемаго обнаружилось, что Barbara Aub еще ранѣе нанесеннаго Langerman'у визита явилась къ ней, разспрашивала ее о томъ, женатъ ли онъ или холостъ, какой онъ ведетъ образъ жизни, много ли имѣетъ онъ, какъ говорятъ, друзей среди прекраснаго пола и т. п. Никакихъ положительно доказательствъ, кромѣ этой пресловутой американской «присяги», обвинительницей и ея адвокатомъ представлено не было, ибо таковыхъ совершенно не имѣлось. Для всякаго безпристрастнаго и неумопомраченнаго лица представлялось очевиднымъ, что дѣло затѣяно съ цѣлью заставить жениться. Тѣмъ не менѣе однако предсѣдательствующій судья, recorder Hoff, имѣвшій «зубъ» противъ

обвиняемаго, велъ процессъ настолько пристрастно, что при томъ огромномъ вліяніи, какое имѣетъ американскій судья на присяжныхъ засѣдателей, таковой получилъ совершенно неожиданный оборотъ: Langerman былъ осужденъ. Согласно американскимъ процессуальнымъ порядкамъ предсѣдательствующій судья по воспослѣдованіи рѣшенія присяжныхъ засѣдателей постановляетъ судебный приговоръ чрезъ нѣсколько дней. По осужденіи Langerman'a, въ этотъ именно промежутокъ, обвинительницѣ его Barbara Aub довелось въ воскресный день пѣть для заключенныхъ въ знаменитой нью-іоркской тюрьмѣ Sing Sing вмѣстѣ съ нѣкоей Mary Kellard, прославившейся какъ своей благотворительной дѣятельностью, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своими приключеніями. Въ тюрьмѣ Mary Kellard напомнила Barbara Aub о судьбѣ Langerman'a и со свойственной нѣкорымъ субъектамъ и въ особенности женщинамъ психологической чуткостью подмѣтила въ этой послѣдней крайнее смущеніе и угрызеніе совѣсти. Пользуясь моментомъ, она употребила все свое краснорѣчіе и всю свою недюжинную способность вліять на другихъ, чтобы заставить Barbara Aub сознаться ей въ лживости возведеннаго ею на Langerman'a обвиненія. Затѣмъ ей посредствомъ горячихъ усовѣщиваній и продолжительныхъ увѣщаній удалось склонить обвинительницу отправиться вмѣстѣ съ ней къ предсѣдательствующему судьѣ Hoff и заявить сему послѣднему о ложности обвиненія, ею возведеннаго на Walter Langerman'a. Онѣ явились къ вышеозначенному судьѣ вечеромъ, и Barbara Aub твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ принесла столь многозначительное сознаніе. По учиненіи требуемыхъ закономъ формальностей, осужденный былъ тотчасъ освобожденъ изъ-подъ стражи, а вслѣдъ затѣмъ лжеобвинительница была арестована по обвиненію въ клятвопреступничествѣ (perjury). Какъ и всѣ почти дѣла по обвиненію въ семъ тяжкомъ преступленіи въ странѣ свободы, дѣло это закончилось оправданіемъ обвиняемой. Хотя принесенное Barbara Aub сознаніе во взведеніи ложнаго противъ Walter Langerman обвиненія и произвело въ свое время немалую сенсацію, а равно оставило по себѣ извѣстное впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе, однако, подобныя же обвиненія въ видахъ принужденія къ браку, вымогательства денегъ или наконецъ ради мщенія, обвиненія, абсолютно бездоказательныя и завѣдомо ложныя, по прежнему сплошь и рядомъ возникаютъ въ этой чудовищной странѣ свободы на изнанку и, что всего чудовищнѣе, попрежнему допускаются на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Главнымъ ихъ мотивомъ является все-таки принужденіе къ браку или, правильнѣе говоря, вымогательство женитьбы.

Если такимъ образомъ американская женщина всѣми силами и средствами стремится къ браку; если для этой цѣли она ловко пользуется чудовищнимъ состояніемъ правосудія въ странѣ; если для ея достиженія она не останавливается даже предъ клятвопреступ-

ничествомъ, представляющимся все-таки по американскимъ законамъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, хотя рѣдко наказуемымъ, то спрашивается: чего же ищетъ она въ супружествѣ, и что она въ немъ находитъ?

Если хотя бы слегка присмотрѣться къ американскому супружеству и способамъ его заключенія, то невольно обращаетъ вниманіе великое множество браковъ поспѣшныхъ, скоропалительныхъ, совершаемыхъ по преимуществу «уходомъ». Гражданскія законодательства всѣхъ почти штатовъ Союза требуютъ для заключенія церковнаго брака разрѣшенія гражданскихъ властей города или уѣзда въ лицѣ мѣстныхъ скваэровъ или мировыхъ судей (squire, justice of the peace). Лица, желающія вступить въ бракъ, должны явиться въ камеру судьи и представить по два свидѣтеля изъ гражданъ республики, которые принимаютъ присягу въ томъ, что каждое изъ нихъ не состоитъ нынѣ въ супружествѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, вдовцы, вдовы и разведенные, совершенно уравниваются съ холостяками и дѣвушками, никогда не состоявшими въ супружествѣ, съ другой же — бракъ можетъ быть заключаемъ безконечное число разъ. Въ случаѣ желанія брачащихся обвѣнчаться въ церкви, имъ выдается на руки разрѣшительное свидѣтельство (certificate), въ случаѣ же ихъ желанія заключить бракъ въ гражданскомъ порядкѣ, обрядъ бракосочетанія совершаетъ самъ скваэръ или же въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ опредѣленный членъ городскаго муниципалитета (alderman). Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ штатъ Maryland, въ которомъ допускается лишь бракъ церковный. Для вступленія въ бракъ лицъ, не достигшихъ опредѣленнаго возраста (16 лѣтъ, 18 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ даже 21 годъ), требуется согласіе родителей, либо опекуновъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ желанія брачащихся заключить бракъ гражданскій, обрядъ бракосочетанія, совершаемый скваэромъ, либо альдерманомъ, слѣдуетъ непосредственно за приводомъ къ присягѣ брачныхъ свидѣтелей и самихъ брачащихся и этотъ послѣдній такимъ образомъ сливается съ первымъ. Между прочимъ, въ штатѣ Нью-Іоркъ и нѣкоторыхъ другихъ для вступленія въ бракъ несовершеннолѣтнихъ не требуется согласія родителей. Однако на всѣ эти требованія закона многіе, какъ должностныя лица, такъ и священники, смотрятъ какъ на нѣчто, не имѣющее большого значенія, и нѣкоторые изъ духовныхъ отцовъ дѣлаютъ своей спеціальностью совершеніе браковъ въ обходъ законнаго порядка. Необходимо пояснить, что разъ мировой судья, либо альдерманъ, въ удостовѣреніе возраста брачащихся и неимѣнія препятствій къ браку ограничивается ихъ личной присягой, не требуя двухъ брачныхъ свидѣтелей, а равно если священникъ въ удостовѣреніе тѣхъ же обстоятельствъ ограничивается лишь ихъ личнымъ заявленіемъ, то вся отвѣтственность за сокрытіе истиннаго возраста или

существующихъ законныхъ препятствій къ данному бракосочетанію ложится на самихъ брачащихся, и они подлежатъ за сіе отвѣтственности, какъ за лжесвидѣтельство или клятвопреступничество (perjury). Въ такихъ случаяхъ какъ должностныя лица, такъ и лица духовныя добровольно и отечески позволяютъ себя обмануть.

Существовали и донынѣ существуютъ въ странѣ свободы опредѣленныя мѣстности, прославившіяся именно такими легкостью и безпрепятственностью бракосочетаній. Съ восточной стороны американскаго материка такими мѣстами убѣжища бѣжавшихъ любовныхъ парочекъ до послѣдняго времени были города Jersey City, Hoboken и Camden, штата New Jersey. Будучи расположены лишь чрезъ рѣку Гудзонъ отъ Нью-Іорка, города Jersey City и Hoboken служили пріютомъ для любовныхъ парочекъ, бѣжавшихъ изъ метрополіи Новаго Свѣта, т. е. Нью-Іорка, а городъ Camden, какъ лежащій у самой границы между штатами New Jersey и Pennsylvania и очень близко къ столицѣ этого послѣдняго, городу Филадельфіи, являлся такимъ же пріютомъ для всякой любовной четы, улизнувшей отъ ярости родителей сего добродѣтельнаго града. Не требуетъ поясненій, что значительныя льготы и облегченія, предоставляемыя брачнымъ законодательствомъ штата New Jersey лицамъ, желающимъ сочетаться узами супружества, сравнительно съ иными штатами, сдѣлали изъ штата этого мѣсто злачное для гонимыхъ и невинно угнетаемыхъ любовныхъ сочетаній двухъ ближайшихъ крупныхъ городовъ двухъ сосѣднихъ штатовъ. Сотни бѣглыхъ любовниковъ тянулись безпрерывно по направленію къ вышеупомянутымъ тремъ городамъ изъ перваго и третьяго городовъ республики, и общее число браковъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу обывателей штата, въ штатѣ New Jersey равнялось 5.000. Особенно велико было количество этихъ спѣшныхъ браковъ въ сравнительно небольшомъ городѣ Camden, куда каждое воскресенье прибывали десятки парочекъ изъ Филадельфіи и иныхъ мѣстностей Пенсильваніи. Въ эти 52 воскресенья священники города получали гораздо больше за совершеніе бракосочетаній, нежели за всю остальную свою пастырскую дѣятельность въ теченіе круглаго года, а слѣдуетъ имѣть въ виду, что священники въ Соединенныхъ Штатахъ получаютъ отъ своихъ приходовъ солидное жалованье независимо отъ платы за требы. При подобной прибыльности этихъ спѣшныхъ бракосочетаній не могло, конечно, не существовать между духовными отцами болѣе или менѣе значительной конкурренціи. Многіе изъ нихъ имѣли своихъ специальныхъ комиссіонеровъ, которые являлись на желѣзнодорожныя станціи къ прибытію опредѣленныхъ поѣздовъ, опытнымъ глазомъ сразу опознавали любовныхъ бѣглецовъ и прямо вели ихъ къ своимъ священникамъ. Обыкновенно такими комиссіонерами были лихачи, которые получали за комиссію изрядную плату, а именно половину суммы, полученной священникомъ за совершеніе

бракосочетанія. Но граждане штата New Jersey были крайне недовольны и даже «скандализованы» всѣмъ этимъ и наконецъ недавно издали строгіе законы (такъ называемый Lloyd law) противъ необывательскихъ наѣзжихъ браковъ, которые въ извѣстной степени положили предѣлъ прежнему порядку вещей и, замѣтимъ мимоходомъ, окончательно убили матеріальное благоденствіе многихъ камденскихъ священниковъ и лихачей. Но всё-таки есть еще въ странѣ свободы достаточно этихъ Меккъ для бѣжавшихъ любовниковъ. Едва ли не наиболѣе интересной изъ нихъ представляется наистарѣйшій отель въ городѣ Bristol, штата Tennessee, девять лѣтъ тому назадъ основанный пасторомъ A. H. Burroughs подъ наименованіемъ Nickels House. Его существованіе вызвано строгостью брачнаго законодательства сосѣдняго штата Virginia, требующаго для вступленія въ бракъ несовершеннолѣтнихъ письменнаго согласія родителей или попечителей. Дабы помочь бѣдѣ, въ какой находятся многія любовныя парочки штата Virginia, пасторъ A. H. Burroughs рѣшилъ завести у себя въ Bristol алтарь для бѣглыхъ любовниковъ, и дѣла его идутъ отлично. Помимо солидныхъ доходовъ и отличнаго положенія дѣлъ его отеля, стоящаго внѣ конкурренціи съ прочими отелями города, добродушному пастору выпадаетъ нерѣдко лестная роль приведенія къ благополучному концу самыхъ романическихъ злоключеній. Многія парочки, съ раскраснѣвшимися лицами и пылающими взорами прибывающія въ Bristol и прямо устремляющіяся въ отель Nickels House, принадлежатъ къ самымъ аристократическимъ семьямъ штатовъ Virginia и West Virginia, между тѣмъ какъ иныя, наоборотъ, очень бѣдны. Часто прилетаютъ къ благодѣтельному пастору такіе бѣдняки, которые не въ состояніи даже получить необходимые офиціальные документы (отъ гражданскихъ властей). Въ подобныхъ случаяхъ находятся всегда добрые, либо просто любопытные, люди, которые выручаютъ растерявшуюся парочку изъ грозящей ей бѣды, уплачивая за неё потребныя суммы. Нерѣдко и даже часто случается, что невѣста имѣетъ всего лишь 15 лѣтъ отъ роду, между тѣмъ какъ женихомъ является почтенный вдовецъ въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ. Но бываетъ иногда и наоборотъ, что совершенный юнецъ, плутовскимъ образомъ опутанный какой либо сѣдовласой, но пылкой вдовой, изъ-подъ носа родительскаго ею увозится въ Bristol и подводится къ вольнолюбивому алтарю пастора Burroughs. Обыкновенно любовныя парочки, жаждущія сочетанія узами брачными достигаютъ супружественной Мекки послѣ одолѣнія множества серьезныхъ препятствій: бѣгство отъ родителей было такъ трудно; разъяренный отецъ съ нѣсколькими пріятелями гнался за бѣжавшею дочерью десятки миль по горамъ и доламъ, то утопая въ снѣгу, то по колѣни бродя въ водѣ, и лишь посредствомъ нечеловѣческихъ усилій удалось любовникамъ опередить ихъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Рѣдко хотъ

одна недѣля пройдетъ безъ того, чтобы не подъѣхала къ гостепріимнымъ дверямъ отеля Nickels House парочка совершенно юныхъ возлюбленныхъ, которые день и ночь мчались верхомъ на лошади чрезъ горы, нерѣдко при температурѣ значительно ниже нуля. Но не только города Tersey City и Camden, эти упавшія уже нынѣ супружественныя Мекки американскаго востока, наикультурнѣйшей части американскаго материка; не только городъ Bristol съ его знаменитымъ пасторомъ Burroughs, эта супружественная Мекка американскаго юга, еще многія другія подобныя же Мекки страны свободы заслуживали бы вниманія, если бы только позволяли намъ размѣры нашего очерка. Ежедневно приходится читать въ газетахъ, какъ тамъ парочкѣ любовниковъ на парномъ велосипедѣ (tandem) удалось ускользнуть отъ преслѣдованія разъяреннаго родителя и его друзей, во весь карьеръ гнавшихся за ними на отборныхъ лошадяхъ, и обвѣнчаться на цѣлыхъ 15 минутъ ранѣе прибытія погони въ мѣсто бракосочетанія; какъ въ другомъ мѣстѣ священникъ совершалъ обрядъ бракосочетанія бѣглецовъ подъ бѣшеные переливы звонка его квартиры, положительно отрываемаго посланцомъ родителей невѣсты или жениха, какъ въ третьемъ мѣстѣ съ семнадцатилѣтнимъ юнцомъ сочеталась бракомъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, ложно присягнувъ предъ скваэромъ, что ей шестнадцать лѣтъ. Нѣкоторыя изъ этихъ зеленыхъ бракосочетаній поражаютъ своей грубой простотой. Къ дверямъ знаменитаго въ своемъ родѣ отеля Nickels House въ городѣ Bristol, штата Tennessee, о которомъ уже говорено выше, подъѣзжаетъ парочка американскихъ горцевъ, возсѣдая на спинѣ измученнаго мула; невѣста на кулѣ кофе далеко сзади жениха. Юнецъ облаченъ въ испачканный костюмъ изъ кентукской бумазеи, полинялую отъ солнца широкополую шляпу и грубой работы ботинки, а молоденькая невѣста, возсѣдающая на кулѣ кофе, одѣта въ поблекшее, голубое, ситцевое платье съ бѣлыми крапинками, и на правой рукѣ ея красуется гуттаперчевое обручальное кольцо. Дернувъ за узду и остановивъ мула, молодой горецъ крикнулъ: «Эй!» Пасторъ Burroughs показался въ дверяхъ.

— Здѣсь, что ли, можно обвѣнчаться?

— Да, здѣсь мы связываемъ людей брачными узами—къ добру или ко злу.

— А сколько будетъ стоить вѣнчанье?

— Это сообразно съ кошелькомъ каждаго; два доллара и пятьдесятъ сентовъ не будетъ слишкомъ много?

— Э, да я могу это сдѣлать дешевле въ North Carolina!—воскликнулъ юнецъ и не дожидаясь, пока пасторъ сбавитъ цѣну, онъ пришпорилъ мулла и помчался по направленію къ помянутому штату.

Черезъ пять дней парочка возвратилась въ Bristol. Великодушный основатель свободолюбиваго брачнаго алтаря на самой границѣ штатовъ Tenessee и Virginia, въ предѣлахъ перваго веду-

щій цѣлое предпріятіе, за которое ему пришлось бы отвѣчать въ послѣднемъ, соединилъ бѣдныхъ горцевъ узами супружества.

А вотъ другая подобная же буколика, позаимствованная изъ общественной жизни того же штата Tennessee, въ которомъ подвизается престарѣлый пасторъ Burroughs. Молоденькая дѣвушка, почти дѣвченка, вблизи своей хижины, черпаетъ ключевую воду изъ источника, между тѣмъ какъ мимо проѣзжаетъ верхомъ нѣкій юнецъ.

— Здорово, Сэлъ (Саррушка)!

— Здорово, Томъ (Ѳомушка)!

— Ступай сюда, скачи на мою лошадь и отправимся вмѣстѣ въ Erwin (сосѣдній городокъ).

— Зачѣмъ?

— А тамъ обвѣнчаемся.

— Да вѣдь вы еще не ухаживали за мной!

— Я знаю, что я не ухаживалъ, но я былъ заваленъ работой; тѣмъ не менѣе я рѣшительно намѣренъ на васъ жениться.

— Но у меня нѣтъ платья.

— Да мы отправимся на ту сторону Erwin, въ убѣжище сестры Магдалины, и я куплю вамъ платье.

— Вѣрно ли, Томъ?

— Вѣрно, Сэлъ.

— Какое же платье?

— Самое лучшее, какое только найдется въ лавкѣ г-на Lowe.

Дѣвушка не возражала болѣе. Она поставила на землю ведро и вскочила на лошадь, крича своей матери: «мама, я отправляюсь съ Томомъ въ Erwin обвѣнчаться; мы скоро возвратимся!» Мать, сидѣвшая у окна, выбѣжала изъ избы, повидимому, съ цѣлью позвать ее назадъ, но лошадь мчалась галопомъ по проселочной дорогѣ, и они были уже далеко. Она взглянула мелькомъ на стоявшихъ неподалеку молодыхъ людей, взяла ведро, наполненное водой, и, не произнеся ни слова, унесла его въ избу.

А вотъ нѣсколько совершенно свѣженькихъ, весеннихъ «уходовъ» въ иномъ родѣ. Пятнадцатый уже годъ славится по всей Америкѣ колоссальная труппа нѣкоего Pawnee Bill, извѣстная подъ наименованіемъ «Wild West» (Дикій Западъ). Pawnee Bill—это артистическій въ своемъ родѣ псевдонимъ, истинное же имя основателя знаменитой труппы или, правильнѣе говоря, знаменитаго предпріятія, состоящаго изъ многихъ разнородныхъ труппъ — Gordon W. Lillie. Индійскіе наѣздники, кавказскіе горцы, тирольскіе стрѣлки, русскіе казаки, наѣздники и наѣздницы «Дикаго Запада», т. е. западной части сѣверо-американскаго материка, мексиканскіе бойцы съ разъяренными быками (соотвѣтствующіе испанскимъ торреадорамъ), лихія техасскія наѣздницы, мѣтко стрѣляющія на всемъ скаку, битвы между индійцами и бѣлыми и т. п. — таковъ разнообразный персоналъ и репертуаръ этой колоссальной труппы. Въ полномъ своемъ

составѣ она показывается лишь въ крупнѣйшихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, обыкновенно же разныя ея части одновременно даютъ представленія въ различныхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ городахъ республики. Собственно это—громадный циркъ, организованный на основѣ извѣстной претензіи изображать жизнь и нравы «Дикаго Запада», причемъ всѣ эти кавказскіе горцы, тирольскіе стрѣлки и русскіе казаки сходятъ также за представителей сего «Запада». Подобный циркъ соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе грубымъ вкусамъ и невзыскательнымъ требованіямъ американцевъ и находится въ блестящемъ финансовомъ положеніи, между тѣмъ какъ труппа «мейнингенцевъ», безъ сомнѣнія, не могла бы продержаться въ странѣ свободы. Но помимо успѣха матеріальнаго «представители» западной окраины сѣверо-американскаго материка пожинаютъ еще и лавры иного сорта. Нерѣдко изъ того или иного городка, осчастливленнаго лицезрѣніемъ чудодѣйствій прославленной труппы или ея части, исчезаетъ дѣвица, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ, очарованная и прельщенная тѣмъ, либо инымъ, изъ наѣздниковъ, подъ предлогомъ, а нерѣдко и съ дѣйствительнымъ намѣреніемъ, гдѣ нибудь тамъ вступить съ нимъ въ супружество. Очарованіе такое мы съ большей или меньшей натяжкой рѣшаемся подвести подъ категорію очарованій «артистическихъ». Послѣднимъ изъ подобныхъ исчезновеній представляется «уходъ» нѣкоей Laura Egolf, дѣвочки 15 лѣтъ, проживавшей въ г. Williamsburg, вблизи Нью-Іорка, съ однимъ изъ «пастуховъ» прославленнаго «Дикаго Запада».

Нѣкоторое время тому назадъ семейство нѣкіихъ Hoyt Freeman, одно изъ наиболѣе почтенныхъ и уважаемыхъ семействъ большого города Syracuse, штата New York, замѣтило значительную фамильярность, допускаемую ихъ кучеромъ Edward Doyle по отношенію къ младшей изъ дочерей miss Iulia Freeman и этой послѣдней благосклонно принимаемую. Она была отправлена изъ дома на нѣкоторое время погостить у хорошихъ знакомыхъ, но по ея возвращеніи та же фамильярность между изысканной барышней и кучеромъ продолжалась. Этотъ послѣдній былъ разсчитанъ, а барышню перестали выпускать на улицу иначе, какъ въ сопровожденіи старшей сестры. На второй день Пасхи, miss Iulia Freeman находилась въ нѣкоторомъ волненіи и подъ вечеръ почти не отходила отъ фронтовыхъ оконъ гостиной, глядя на улицу. Вдругъ, по другую сторону улицы, показался разсчитанный кучеръ Edward Doyle и, проходя мимо ихъ дома, сдѣлалъ ей знакъ рукой. Она стремительно бросилась чрезъ переднюю къ выходной двери и, оттолкнувъ старшую сестру, которая пыталась было удержать ее, выбѣжала на улицу. Здѣсь она схватила подъ руку бывшаго кучера своей семьи, и оба исчезли. Отецъ бѣглянки и нѣкоторые изъ его друзей оглядывали всѣ желѣзнодорожные поѣзда, въ этотъ день отходившіе изъ Syracuse, но въ нихъ бѣглецовъ не оказалось. Обнаружилось на слѣдующій день, что Doyle

имѣлъ въ запасѣ лошадь и экипажъ въ сосѣдней улицѣ: бѣглецы вскочили въ него и укатили въ близъ лежащую деревню, гдѣ мѣстный мировой судья и обвѣнчалъ ихъ, а вслѣдъ затѣмъ уѣхали въ городъ Selma, штата Alabama, гдѣ новобрачный получилъ мѣсто объѣздчика лошадей у одного извѣстнаго коннозаводчика.

Было бы, однако, крайне ошибочно заключить, что спѣшными, скоропалительными, нѣкоторымъ образомъ лихорадочными являются въ странѣ свободы лишь браки «уходомъ». Помимо сихъ бѣглыхъ, такъ сказать, брачныхъ сопряженій, заключается здѣсь немало такихъ же скоропалительныхъ браковъ и при обыкновенныхъ, нормальныхъ житейскихъ условіяхъ. Приведемъ здѣсь хотя немногіе, наиболѣе типичные ихъ образчики, выхваченные изъ американской жизни текущихъ дней.

Нѣкая Dora Blank является единицей изъ слишкомъ двухсоттысячной русскоеврейской эмиграціи метрополіи Новаго Свѣта, т. е. нынѣ слишкомъ трехмилліоннаго града New York. Пять лѣтъ работала она въ мастерской верхняго платья въ самомъ центрѣ ньюіоркскаго гетто, питая сладкую надежду когда либо выйти замужъ, для чего и сберегла изъ ничтожныхъ заработковъ портняжной мастерицы 100 долларовъ. Но шли мѣсяцы за мѣсяцами, уходили лучшіе молодые годы хорошенькой, но скромной еврейскоамериканской работницы, а желанный женихъ не подвертывался. Дора обратилась къ свахѣ. Въ тотъ же вечеръ явился къ ней съ визитомъ нѣкій Абрамъ Левковичъ (тоже изъ сферы русской эмиграціи), работающій на фабрикѣ мороженаго, принеся съ собой коробку таковаго для угощенія дѣвушки. Онъ настолько понравился этой послѣдней, что на слѣдующій же день состоялось обрученіе, и бракосочетаніе было назначено на 24-е мая. Въ этотъ вечеръ Абрамъ Левковичъ снова явился къ Дорѣ Бланкъ, уже своей невѣстѣ, и снова принесъ коробку мороженаго. Нѣсколько дней спустя, онъ объяснилъ ей, что нынѣ, съ приближеніемъ лѣтняго сезона, онъ открываетъ нѣкое увеселительное предпріятіе на Coney Island (въ родѣ нашихъ петербургскихъ «острововъ»), для чего нужны немалыя деньги, и попросилъ дать ему на сей предметъ ея 100 долларовъ. Она охотно вручила ему сбереженія отъ пятилѣтняго тяжелаго труда. На слѣдующій день онъ вопреки обѣщанію не явился и не принесъ коробки мороженаго, но Дора не придавала этому особаго значенія, полагая, что онъ очень занятъ устройствомъ увеселительнаго предпріятія. Въ ближайшую субботу она случайно узнала, что ея очаровательный женихъ давно уже женатъ и имѣетъ троихъ дѣтей. Она не упала въ обморокъ, ибо дѣвушка, несущая на себѣ тяжкій трудъ, пріучается къ превратностямъ судьбы и терпѣнію, а обратилась къ подлежащему мировому судьѣ. Вѣроломный отецъ семейства, такъ успѣшно разыгравшій роль кандидата въ супружество, былъ арестованъ по обвиненію въ выманиваніи денегъ подъ вымышленными

предлогами и, представъ предъ судьей, выслушалъ требованіе Доры Бланкъ возвратить ей ея сто долларовъ. Онъ отрицалъ полученіе таковыхъ, и дѣло должно поступить на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Отъ начала знакомства до обрученія прошелъ одинъ день, а отъ обрученія до неосторожнаго врученія денегъ шесть дней. Ну, и развѣ чающая супружества не поступала весьма скоропалительно и крайне неосторожно? Крайне любопытно, что находившійся въ камерѣ судьи во время предварительнаго слушанія дѣла по обвиненію Левковича Дорой Бланкъ нѣкій Исаакъ Коганъ (тоже изъ нѣдръ ньюіоркскаго гетто), арестованный по обвиненію въ продажѣ подтяжекъ на улицѣ въ воскресный день (всякая торговля въ воскресенье строго преслѣдуется въ Соединенныхъ Штатахъ), предложилъ обвинительницѣ на ней жениться всего лишь за 50 долларовъ. Она отвергла его.

William Griep, мальчикъ или, если хотите, молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ, и Florence Webber, четырнадцати лѣтъ, обыватели города Syracuse, штата New York, недавно познакомились попросту во время вечерней прогулки. Они полюбили другъ друга и порѣшили вступить въ супружество. Они отправились къ мировому судьѣ и по принятіи невѣстой ложной присяги въ томъ, что ей шестнадцать лѣтъ, были соединены узами брачными. Затѣмъ они отправились къ пастору конгрегаціональной церкви, отцу F. L. Luce, и тотъ великодушно согласился выполнить для нихъ церемонію церковнаго бракосочетанія за 50 сентовъ, весь капиталъ, какимъ новобрачный располагалъ. Послѣ этого они разошлись по домамъ и, попрежнему проживая при родителяхъ, сходились лишь секретно. Но вотъ какъ-то малолѣтняя Florence долго не видѣлась со своимъ супругомъ. Потерявъ терпѣніе, она явилась въ домѣ его родителей и на недоумѣніе матери его, зачѣмъ онъ ей такъ понадобился, выпалила, что онъ, молъ, ея супругъ. Ея дѣтскій видъ, ея короткое платье заставляли мать семейства усомниться въ справедливости ея заявленій, но наведенныя родителями справки подтвердили, что этотъ странный ребенокъ дѣйствительно ихъ невѣстка. Griep-отецъ возбудилъ въ судѣ дѣло объ уничтоженіи сего брака за несовершеннолѣтіемъ его сына, но малолѣтняя супруга рѣшительно воспротивилась такому уничтоженію и заявила требованіе жить со своимъ мужемъ, между тѣмъ какъ отецъ ея, назначенный пока судомъ ея попечителемъ, ее поддерживаетъ въ ея требованіяхъ.

Нѣкій молодой человѣкъ, по имени Shirley Richardson Tuck, сынъ вице-президента крупной страховой компаніи «New-York», главное управленіе которой находится въ городѣ того же наименованія, какъ-то случайно познакомился съ молоденькой и хорошенькой дѣвушкой съ артистическими наклонностями, по имени Suzette Virginia Maynard. Какъ сынъ человѣка очень богатаго, Shirley Richardson Tuck привыкъ къ веселымъ пирушкамъ и ужинамъ съ шампанскимъ. Вслѣдъ за знакомствомъ съ miss Maynard онъ пригласилъ ее съ

нимъ отужинать въ зимнемъ саду одного знакомаго, на что она охотно согласилась. Самый ужинъ этотъ былъ облеченъ такой таинственностью, что никому, даже самому хозяину квартиры, находившемуся въ это время въ отлучкѣ, его подробности совершенно неизвѣстны. Извѣстно лишь, что послѣ шампанскаго молодая парочка пришла въ веселое настроеніе и рѣшила обвѣнчаться. Тотчасъ приглашенъ былъ священникъ ближайшей протестантской церкви, и чрезъ пятнадцать минутъ Richardson Tuck и Suzette Maynard стали законными супругами. Однако, молодой человѣкъ, побаиваясь отца, на разсвѣтѣ вернулся домой, что́ сдѣлала также и новобрачная, возвраятсь подъ кровъ родительскій. На слѣдующее утро она отправилась лишь въ чужую квартиру, въ которой происходила веселая пирушка, закончившаяся бракосочетаніемъ, дабы оттуда забрать свои платья, и, ни слова не говоря хозяину таковой, унесла ихъ домой. Кромѣ нѣсколькихъ часовъ, послѣ пирушки, проведенныхъ вмѣстѣ въ чужой квартирѣ, супруги вовсе не жили другъ съ другомъ. Быть можетъ, супружеское счастье, казавшееся имъ столь несомнѣннымъ и возвышеннымъ чрезъ великолѣпные граненые бокалы, исчезло вмѣстѣ съ пѣной шампанскаго, а, быть можетъ, родители юнца не пожелали признать сего брачнаго сопряженія и по американскому обыкновенію отдѣлались отъ непрошенной невѣстки деньгами.

Г-жа Julia A. Sherman, вдова 91 года, и г. B. F. Hunt, также вдовецъ 87 лѣтъ, въ одинъ прекрасный день порѣшили, что одинокая жизнь—страшная глупость, и рѣшили сочетаться узами супружества. Будучи оба обывателями города Watertown, сравнительно небольшаго города штата New York, они порѣшили отпраздновать свадьбу въ домѣ невѣсты самымъ блестящимъ образомъ. Дѣло происходило осенью. Помѣстительныя веранды и просторныя комнаты вдовьяго дома были украшены пальмами, ползучими растеніями и прекрасными цвѣтами. Въ углу пріемной устроена арка изъ бѣлыхъ розъ, и подъ ней совершенъ полный обрядъ бракосочетанія по чину пресвитеріанской церкви. Все шло отлично до тѣхъ поръ, пока жениху пришлось надѣть обручальное кольцо на палецъ невѣсты: рука его настолько дрожала, что онъ достигъ этого лишь послѣ немалыхъ усилій. Невѣста облачена была въ шелковое платье лаванднаго цвѣта съ отдѣлкой изъ черныхъ брюссельскихъ кружевъ, бѣлыя перчатки и бѣлыя же ботинки, а женихъ въ изысканную черную пару. По окончаніи церемоніи, священникъ о. J. Porter горячо поздравилъ новобрачныхъ, послѣ чего начались поздравленія присутствовавшихъ при бракосочетаніи многочисленныхъ друзей обоихъ брачащихся, принадлежащихъ къ наивысшему обществу ближайшихъ городовъ и сосѣднихъ штатовъ. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и бывшій губернаторъ штата, г. Flower, съ женой. Новобрачная, перевалившая уже за девять десятковъ, держа въ трясущихся рукахъ огромный букетъ изъ бѣлыхъ розъ, цѣловалась со всѣми поздравлявшими. Она была такъ же жива и весела

и въ такомъ же пастроеніи, какъ и молодые люди изъ гостей, заявляя, что она не получала такъ много поцѣлуевъ за всю свою жизнь, а новобрачный такъ же рѣзвъ, какъ юнецъ 20 лѣтъ, съ своей стороны заявляя, что это уже его третье бракосочетаніе, но онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ нынѣ. Остается порадоваться и намъ съ вами, мой благосклонный читатель, что есть еще на свѣтѣ страна, въ которой девяностолѣтніе старики, словно еле оперившіеся юнцы, радуются своему бракосочетанію.

Однако, всѣ вышеприведенные нами типы какъ добровольныхъ, такъ и принудительныхъ бракосочетаній не могутъ, конечно, ни по своей оригинальности, ни по присущему нѣкоторымъ изъ нихъ трагизму, сравняться съ однимъ бракосочетаніемъ, недавно имѣвшимъ мѣсто въ г. Бостонѣ, колыбели нынѣшней американской культуры и цивилизаціи. Во всѣхъ городскихъ газетахъ появились огромныя объявленія о томъ, что въ такой-то день въ зоологическомъ саду произойдетъ бракосочетаніе въ клѣткѣ льва. Валомъ валили столь падкіе на все сенсаціонное янки въ назначенный вечеръ въ мѣстный зоологическій садъ, и народу набилось болѣе 5.000. Въ самомъ центрѣ сада на нѣкоторомъ возвышеніи красовалась огромная клѣтка, изъ которой выглядывала отборнѣйшая львиная пара—«Цезарь» и «Клеопатра». Подлежащими бракосочетанію оказались нѣкая miss Charlotte Wiberg, шведская дѣвушка, жительница Бостона же, 20 лѣтъ, и венгерскій музыкантъ, Arthur Andrassy, 27 лѣтъ, явившійся изъ Нью-Іорка. Когда начались подготовленія къ совершенію обряда, львы обнаружили совершенную робость и стали прятаться въ задніе углы клѣтки, такъ что сторожа должны были выгонять ихъ оттуда палками, дабы ихъ морды были обращены ко входу въ клѣтку. Когда заигралъ огромный органъ, вслѣдъ за тѣмъ запѣлъ великолѣпный хоръ мальчиковъ и показалась брачная процессія, лютые звѣри были, очевидно, очарованы и смирнехонько лежали въ задней части клѣтки. Облаченные въ подвѣнечные уборы наилучшаго свойства (конечно, на счетъ содержателей звѣринца), женихъ и невѣста, слегка поблѣднѣвъ, мужественно вошли въ клѣтку въ сопровожденіи укротителя, вооруженнаго острымъ желѣзнымъ шестомъ. Священникъ о. George Reader совершалъ обрядъ, прибывъ для того, согласно уговору, изъ штата Ohio, но на всякій случай содержатели звѣринца имѣли въ запасѣ и здѣсь же наготовѣ цѣлыхъ трехъ священниковъ. Бракосочетаніе закончилось въ четыре минуты, но оно могло бы закончиться еще скорѣе, если бы женихъ въ возбужденіи не надѣвалъ обручальнаго кольца на всѣ пальцы невѣсты, пока не попалъ на настоящій. Новобрачные цѣлыхъ три часа принимали поздравленія, и бѣдные львы лишь около полуночи получили возможность уснуть. **Е. Правдинъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 года по 1900. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1900.

АСТОЯЩАЯ книга представляетъ пятый томъ полнаго собранія церковно-историческихъ сочиненій извѣстнаго московскаго профессора А. П. Лебедева, изданіе коихъ предпринято почтеннымъ ученымъ по поводу 25-ти-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Книга посвящена весьма любопытному вопросу о раздѣленіи христіанской церкви на восточную и западную въ IX-XI вѣкахъ. Она состоитъ изъ трехъ большихъ отдѣловъ и приложенія.

Отдѣлъ первый книги профессора Лебедева разсматриваетъ взаимныя отношенія между церковью греческою и римскимъ папой въ IX вѣкѣ, иначе — касается исторіи знаменитаго константинопольскаго патріарха Фотія, ко времени котораго относится возникновеніе разногласій между церквами. Здѣсь, въ главѣ предварительной (стр. 1—34) выясняется происхожденіе и дѣлается характеристика партій Игнатіанской и Фотіанской, существовавшихъ въ нѣдрахъ византійскихъ въ IX вѣкѣ. Эти партіи получили свое названіе отъ имени двухъ константинопольскихъ патріарховъ Игнатія и Фотія, изъ коихъ каждый по два раза, одинъ за другимъ, вступалъ на византійскую патріаршую каѳедру, каждый какъ въ церкви, такъ и въ свѣтскомъ обществѣ имѣлъ большій или мень-

шій кругъ приверженцевъ, между которыми и происходила упорная и продолжительная борьба. Борьба эта возникла не изъ случайныхъ причинъ и не изъ пустыхъ недоразумѣній, напротивъ,—имѣла глубокія основанія, скрывавшіяся въ спорахъ и разногласіяхъ, какіе имѣли мѣсто въ византійской церкви, нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше, именно въ правленіе партіарховъ Тарасія (784—806 г.), Никифора (806—815 г.) и Меѳодія (842—846 г.). Означенные патріархи, при рѣшеніи нѣкоторыхъ церковно-общественныхъ вопросовъ, держались принципа такъ называемой «экономіи» (οἰκονομία): этимъ терминомъ въ византійской практикѣ называется особый видъ политики, когда допускали послабленіе или временное прекращеніе дѣйствій нѣкоторыхъ точнѣйшихъ законовъ; это дѣлалось непремѣнно по распоряженію императора, ради какихъ либо высшихъ интересовъ. Посему дѣятельность этихъ патріарховъ отличалась терпимостью и снисходительностью къ грѣховной волѣ человѣка. Но такое отношеніе къ законамъ вызвало сильное противодѣйствіе со стороны строгихъ ревнителей православной вѣры, преимущественно монаховъ, которые настойчиво проводили принципъ обязательнаго для всѣхъ точнаго соблюденія догматовъ и правилъ. Партія патріарха Игнатія по своимъ стремленіямъ, идеаламъ и самой дѣятельности примыкаетъ именно къ тѣмъ церковнымъ партіямъ, которыя заявили себя противодѣйствіемъ патріархамъ Игнатію, Никифору и Меѳодію, а партія патріарха Фотія представляетъ собою какъ бы продолженіе дѣятельности и стремленій, какими были одушевлены Тарасій, Никифоръ и Меѳодій въ борьбѣ съ лицами, протестовавшими противъ нихъ.

Далѣе, въ восьми главахъ перваго отдѣла книги профессора Лебедева излагаются событія изъ исторіи патріарха Фотія. Въ частности въ главѣ первой (стр. 35—51) описываются сношенія Византіи и Рима съ начала патріаршества Фотія до собора 861 года. Фотій занялъ константинопольскую патріаршую каѳедру въ 857 году. Это былъ человѣкъ весьма ученый, съ необыкновеннымъ даромъ привлекать къ себѣ людей, съ рѣдкою энергіей и силою воли. Римскимъ папою тогда былъ извѣстный Николай I, много сдѣлавшій для возвышенія папской власти. Стремясь укрѣпить папскій авторитетъ и на Востокѣ, Николай I вмѣшался во внутреннія дѣла церкви константинопольской, воспользовавшись борьбою сторонниковъ патріарховъ Игнатія и Фотія, призналъ Фотія незаконно занявшимъ престолъ, а Игнатія неправильно лишеннымъ патріаршаго достоинства, и требовалъ дѣло каждаго изъ нихъ на свой судъ. Въ этомъ смыслѣ папа Николай написалъ посланіе византійскому императору Михаилу III и Фотію, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ Константинополь и двухъ своихъ представителей для изслѣдованія патріаршаго дѣла. Въ 861 году, при участіи папскихъ пословъ, въ Константинополѣ состоялся соборъ, именуемый Перво-вторымъ или Двукратнымъ, на которомъ патріархъ Игнатій былъ осужденъ, а избраніе его преемника Фотія было признано правильнымъ. Объ этомъ соборѣ ведется обстоятельная рѣчь во второй главѣ разсматриваемой книги (стр. 51—64). Въ третьей главѣ (стр. 65—103) описывается борьба папы Николая I съ патріархомъ Фотіемъ. Послѣ собора 861 года Фотій послалъ папѣ письмо, гдѣ отстаивалъ свободу и самостоятельность константинопольской церкви и внушалъ папѣ, что его власть на Востокъ не простирается. Въ

отвѣтъ на это Николай въ обширномъ посланіи 862 года изложилъ ученіе о главенствѣ римской церкви и отвергъ патріаршее достоинство Фотія. Изъ Византіи онъ снова получилъ возраженіе, послѣ котораго лишилъ Фотія епископскаго достоинства и даже званія простаго клирика, а впослѣдствіи требовалъ, чтобы Фотій и Игнатій прибыли въ Римъ на папскій судъ. На Востокѣ пренебрежительно отнеслись къ этому требованію папы, а въ годъ смерти этого послѣдняго (867) въ Константинополѣ состоялся церковный соборъ, на которомъ папа Николай былъ осужденъ.

Въ 867 году византійскій императоръ Михаилъ III былъ убитъ, и престолъ занялъ Василій Македонянинъ. Изъ-за личныхъ интересовъ онъ низвергъ Фотія и возвелъ на патріаршую каѳедру Игнатія, начальные годы (867—869) втораго патріаршества коего и описываются въ четвертой главѣ книги проф. Лебедева (стр. 104—126). Здѣсь въ частности говорится, что въ означенное время императоръ Василій и патріархъ Игнатій вошли въ сношенія съ римскимъ папою Адріаномъ II, выгодныя для папства и прискорбныя въ отношеніи правъ и достоинствъ церкви Константинопольской. Результатомъ этого былъ римскій соборъ 869 года, на которомъ были сожжены акты константинопольскаго собора 867 года и о Фотіи были составлены опредѣленія въ духѣ требованій папы Николая I, о чемъ папа Адріанъ и довелъ до свѣдѣнія духовной и свѣтской власти Византіи. Но этимъ дѣло не ограничилось. По желанію императора Василія и патріарха Игнатія, въ 869—870 г. въ Константинополѣ состоялся соборъ, признаваемый на Западѣ VIII вселенскимъ соборомъ, на которомъ патріархъ Фотій былъ осужденъ. Профессоръ Лебедевъ въ пятой главѣ своей книги (стр. 127—200) подробно разсматриваетъ дѣянія этого собора и описываетъ ходъ всѣхъ десяти его засѣданій. Однако соборъ этотъ оказался не на высотѣ своего назначенія. Патріархъ Фотій тотчасъ по окончаніи собора объявилъ его «варварской засадой», комедіей, гдѣ «давались представленія, какъ на сценѣ», сборищемъ «неистовыхъ коривантовъ и вакхантовъ», собраніемъ, которое само себя «покрыло стыдомъ». И дѣйствительно, по словамъ извѣстнаго католическаго историка Гергенрётера, автора трехтомной книги о Фотіи, константинопольскій соборъ 869—870 г. скоро былъ «забытъ, остались безъ употребленія и его правила, ни одинъ греческій канонистъ не комментируетъ этихъ правилъ, ни одинъ юридическій сборникъ не приводитъ ихъ текста, они какъ будто бы сквозь землю провалились, и только немногія греческія рукописи сохранили сокращенный текстъ актовъ этого собора».

Но мнимо-добрыя отношенія, установившіяся между Византіей и Римомъ послѣ собора 869—870 г., продолжались недолго: въ 871 году папа Адріанъ потребовалъ отъ константинопольскаго патріарха уступки въ пользу папской юрисдикціи Болгарской епархіи, а преемникъ Адріана—Іоаннъ VIII, вновь подтвердилъ это требованіе. Константинополь отвѣчалъ молчаніемъ на эти папскія требованія. Скоро обстоятельства рѣзко измѣнились не въ пользу папскихъ стремленій. Въ 877 году патріархъ Игнатій умеръ, а преемникомъ его вновь избранъ знаменитый Фотій, такъ какъ императоръ Василій увидѣлъ, что только возвращеніемъ Фотія на патріаршій престолъ можно было прекратить внутреннюю борьбу на Востокѣ и дать надлежащій отпоръ папскимъ стремленіямъ.

Папа Іоаннъ VIII, въ виду тяжкихъ обстоятельствъ, въ коихъ находилась тогда папская область, вынужденъ былъ признать Фотія патріархомъ. Объ этомъ возстановленіи Фотія на патріаршемъ престолѣ говорится въ шестой главѣ книги профессора Лебедева (стр. 201—233).

Въ седьмой главѣ (стр. 234—298) подробно описывается константинопольскій соборъ 879—880 года, именуемый Софійскимъ и признаваемый иногда на Востокѣ VIII вселенскимъ. Засѣданія этого собора, по словамъ Генгенрётера, открылись прославленіемъ Фотія, этимъ же прославленіемъ и закрылись. Это имѣло весьмо важное значеніе: соборъ положилъ конецъ смутамъ и раздорамъ, возникшимъ въ византійской церкви съ 869 года, возвратилъ къ дѣятельности лучшихъ представителей византійской іерархіи — Фотія и его приверженцевъ, и этимъ далъ имъ нравственное удовлетворніе за прежнія ихъ страданія во имя правды, указавъ на главныхъ виновниковъ смутъ на Востокѣ—римскихъ папъ, которые ради своекорыстныхъ расчетовъ вмѣшивались въ чужія дѣла, и, наконецъ, осудили при участіи папскихъ легатовъ направленныя противъ Фотія и его приверженцевъ распоряженія прежнихъ папъ, выставивъ на видъ и вообще незаконность папскаго вмѣшательства въ дѣла восточной церкви. Въ восьмой и послѣдней главѣ перваго отдѣла (стр. 298—301) сообщается о новой и послѣдней борьбѣ папы Іоанна VIII противъ Фотія изъ-за болгарскаго вопроса. Борьба не имѣла для папы желаннаго успѣха. Въ 886 году патріархъ Фотій вторично оставилъ патріаршую каѳедру и скончался на покоѣ въ 891 году.

Во второмъ отдѣлѣ книги профессора Лебедева (стр. 302—320) описываются взаимныя отношенія византійской и римской церквей при константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистикѣ (906—925 гг.). Отношенія эти завязались по поводу четвертаго брака императора Льва VI Мудраго, который (бракъ) признается въ восточной церкви незаконнымъ; однако римскій папа Сергій III разрѣшилъ императору этотъ бракъ. Отсюда возникли разногласія между патріархомъ Николаемъ и римскимъ папою, завязалась и борьба у перваго съ императоромъ. Николай даже былъ лишенъ каѳедры. Однако послѣ онъ опять получилъ ее и достигъ того, что при участіи папъ поступокъ императора былъ осужденъ, а папамъ вновь было дано понять, что они незаконно вмѣшиваются въ чужія дѣла.

Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 321—343) описывается окончательное раздѣленіе церквей, состоявшееся въ 1053—1054 году. Поводомъ къ раздѣленію послужило посланіе Льва, архіепископа Ахридскаго, касательно нѣкоторыхъ заблужденій римской церкви, написанное по внушенію константинопольскаго патріарха Михаила Керуларія и отправленное епископу Іоанну Транійскому (въ Апулію). Это письмо весьма оскорбило гордаго первосвященника римскаго Льва IX, который въ письмѣ къ патріарху выразилъ противъ Керуларія свое неудовольствіе, раскрылъ ученіе о главенствѣ римской церкви и унизительно отзывался о церкви константинопольской. Въ 1054 году въ Константинополь прибыло папское посольство для переговоровъ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ относительно защиты греческихъ владѣній въ Италіи отъ нападенія норманновъ и для примиренія папы съ патріархомъ. Во

главѣ посольства былъ кардиналъ Гумбертъ, человѣкъ въ высшей степени страстный, охотникъ до распрей и истый поборникъ преимущества римской каѳедры (Куртцъ).Онъ такъ высокомѣрно и оскорбительно велъ себя, что когда увидѣлъ нежеланіе патріарха соотвѣтствовать видамъ и намѣреніямъ папы, то рѣшился положить (16 іюля 1054 г.) на алтарѣ Софійскаго храма въ Константинополѣ отлучительную на церковь константинопольскую грамоту. Въ отвѣтъ на это церковь константинопольская 20 іюля того же года произнесла анаѳему на легатовъ римскихъ и лицъ, соприкосновенныхъ къ нимъ. Такъ церковь западная отпала отъ союза съ восточной.

Въ общемъ заключеніи своей книги (стр. 343—344) проф. Лебедевъ пишетъ, что начало раздоровъ между церквами положено римскими папами, которые стремились властвовать на востокѣ такъ же, какъ и на западѣ, но встрѣтили сильное противодѣйствіе къ этомъ незаконномъ своемъ стремленіи. Римская церковь, давшая дѣйствительный поводъ къ окончательному раздѣленію церквей, должна и нести предъ судомъ исторіи отвѣтственность за печальныя послѣдствія этого раздѣленія.

Въ приложеніи (стр. 345—415) помѣщенъ обстоятельный критико-библіографическій обзоръ русской литературы, относящейся къ исторіи раздѣленія церквей въ IX—XI вѣкахъ.

Новый томъ въ собраніи церковно-историческихъ сочиненій почтеннаго профессора А. П. Лебедева является весьма полезнымъ. Многоученый авторъ, подробно обозрѣвъ здѣсь исторію раздѣленія церквей, обстоятельно выяснилъ роль гравныхъ дѣятелей эпохи и документально освѣтилъ многія, доселѣ неясныя стороны этого глубокоинтереснаго, но и весьма прискорбнаго событія. Особенно симпатично все то, что проф. Лебедевъ, на основаніи весьма тщательнаго анализа источниковъ, пишетъ о знаменитомъ патріархѣ Фотіи, а критико-библіографической обзоръ литературы предмета, помѣщенный въ приложеніи, отличается и новизною и основательностью. Книга, по обыкновенію, написана прекраснымъ популярнымъ языкомъ. Словомъ, новое изданіе московскаго ученаго представляетъ собою цѣнное пріобрѣтеніе для русской церковно-исторической литературы. Z.

М. П. Чельцовъ. Церковь королевства Сербскаго со времени пріобрѣтенія ею автокефальности (1879—1896). (Историко-каноническій очеркъ). Спб. 1899.

Извѣстно, что константинопольская патріархія крайне неблагосклонно относилась къ попыткамъ помѣстныхъ церквей получить право автокефальности, наносившей патріаршеской казнѣ болѣе или менѣе ощутительный денежный ущербъ вслѣдствіе прекращенія взноса установленной мзды отъ подчиненной церкви. Лишь послѣ настойчивыхъ и даже угрожающихъ требованій патріархія соглашалась поступиться частью своихъ правъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ дѣло заканчивалась церковнымъ раздоромъ, сохраняющимъ свою остроту втеченіе очень долгаго времени и запутывающимся въ своего рода гордіевъ узелъ (такова, напримѣръ, греко-болгарская церковная распря).

Церкви королевства Сербскаго въ этомъ отношеніи посчастливилось: право независимости получено ею сравнительно легко. Едва ли нужно доказывать, какъ благотворно отразилось на всѣхъ областяхъ церковной жизни освобожденіе ея отъ зависимости (хотя бы въ каноническомъ отношеніи и номинальной только) и подвластности константинопольской патріархіи, не имѣвшей особенной нужды принимать близко къ сердцу духовные интересы чужого народа. Такимъ образомъ 1879 годъ составляетъ въ сербской церковой жизни слишкомъ рѣзкую грань: послѣ предшествовавшаго застоя наступаетъ оживленіе, церковныя отношенія получаютъ большую стройность, жизнь церкви регулируется вновь издаваемыми законами, духовенство бодро принимается за работу и заявляетъ себя разностороннею и живою дѣятельностью и проч. Все это даетъ въ распоряженіе канониста много нетронутаго и потому весьма благодарнаго матеріала, обработкой котораго и занялся г. Чельцовъ.

Изслѣдованіе г. Чельцова дѣлится на двѣ части: въ первой представлено обозрѣніе сербской церковной жизни со времени полученія автокефальности до изданія новаго церковнаго закона 1890 г.; вторая содержитъ описаніе внутренняго церковнаго устройства Сербіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось на основаніи этого послѣдняго закона. Въ той и другой части каждой отдѣльной сторонѣ церковной жизни посвящены особыя главы.

При ознакомленіи съ трудомъ г. Чельцова вниманіе читателя—какъ это вполнѣ понятно—останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ сербскаго церковнаго устройства и церковной жизни, которыя представляютъ болѣе или менѣе значительную разницу съ параллельными сторонами русской церковной жизни. Въ этомъ отношеніи прежде всего небезъинтересно отмѣтить, что сербскія епархіальныя консисторіи (по крайней мѣрѣ до 1890 г.) пользовались почти полной независимостью отъ епархіальнаго ерхіерея; впрочемъ, съ изданіемъ закона 1890 г., переименовавшаго консисторіи въ «епархіальные духовные суды», эта черта сглаживается, такъ какъ нѣкоторая часть дѣлъ, завѣдуемыхъ прежде консисторіями, перешла теперь въ полное распоряженіе архіерея. За то судопроизводство по дѣламъ брачнымъ въ Сербіи отличается крайнею продолжительностью и формализмомъ (какъ у насъ). По словамъ г. Чельцова, «объясненіе этому заключается съ одной стороны въ желаніи лучше, всестороннѣе изслѣдовать брачное дѣло и правильнѣе произнести приговоръ, а съ другой—въ томъ, чтобы одной этой продолжительностію предотвратить у многихъ самое желаніе развестись,—такъ сказать, застращать самую мысль о брачномъ разводѣ продолжительностію и формальностію его процесса» (с. 184). Интересно отмѣтить, что, кромѣ обычныхъ причинъ, по которымъ могутъ быть возбуждаемы дѣла о разводѣ, по сербскимъ законамъ поводомъ къ этому можетъ служить: открытое покушеніе однимъ изъ супруговъ на жизнь другого и отступленіе одного изъ супруговъ отъ христіанства.

Интереснѣйшимъ явленіемъ въ жизни сербскаго духовенства представляется существованіе общесербскаго «священническаго общества», открытаго 20 августа 1889 г. въ Нишѣ. Задачи этого общества—весьма обширны: онѣ обнимаютъ собою всѣ стороны пастырскаго положенія и служенія, касаясь, напримѣръ, взаимопомощи и самоусовершенствованія духовенства въ соотвѣт-

свіи съ современными потребностями вѣры и церкви, изысканія средствъ къ развитію и поддержанію духовной литературы, изысканія испытанія методовъ для успѣшной пастырской дѣятельности въ соотвѣтствіи съ потребностями паствы и мн. др. (с. 241—242).

Общество имѣетъ филіальные отдѣлы по округамъ («мѣстные скупы») и издаетъ свой органъ «Весник Српске Цркве». Весьма также симпатичнымъ явленіемъ слѣдуетъ признать отлично организованный «фондъ для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ священниковъ и діаконовъ», довольно серьезно обезпечивающій сиротскія семьи духовнаго званія (чего у насъ, какъ извѣстно, нѣтъ). Что касается средствъ содержанія духовенства, то хотя и въ Сербіи правительственнаго жалованья нѣтъ и единственнымъ источникомъ служитъ плата за требоисправленія, все же это дѣло имѣетъ болѣе упорядоченный видъ, чѣмъ у насъ. Въ Сербіи существуетъ установленная закономъ такса платы за требы, чѣмъ устраняется всякое недоразумѣніе на этой почвѣ между духовнымъ міромъ и прихожаниномъ. Положимъ, самое слово «такса» звучитъ какъ-то обидно и рѣзко, гдѣ, по слову церковной пѣсни, «ничтоже земное тварь въ себѣ да помышляетъ», но развѣ не во сто разъ обиднѣе и постыднѣе тотъ «торгъ», которымъ у насъ нерѣдко сопровождаются священнодѣйствія. Весьма также важно, что плату эту (по крайней мѣрѣ, значительную часть ея) собираютъ для духовенства въ Сербіи деревенскія власти вмѣстѣ съ другими государственными налогами и передаютъ ее окружнымъ начальникамъ, которые въ свою очередь сдаютъ деньги окружнымъ протоіереямъ. Такимъ образомъ вознагражденіе духовенству имѣетъ видъ особаго налога и распредѣляется равномѣрнѣе. Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить, что закономъ 1890 г. установлено въ средѣ сербскаго духовенства выборное начало, подвергшееся, впрочемъ, нѣкоторымъ ограниченіямъ въ 1894 г.; немаловажною представляется и та особенность сербскаго церковнаго устройства, что тамъ власть судебная и административная строго разграничены. Въ общемъ церковное сербское устройство не только не страдаетъ примитивностью и какою либо неупорядоченностью, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ можетъ похвалиться преимуществомъ даже по сравненію съ нашимъ церковнымъ устройствомъ. Даже пастырская подготовка поставлена въ Сербіи—если не выше, то лучше, чѣмъ у насъ: въ кругъ предметовъ «богословіи» (равняющейся нашей семинаріи) введенъ между прочимъ такой необходимѣйшій, но почему-то отсутствующій у насъ во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, предметъ, какъ «основные законы страны и объ отношеніи между церковью и государствомъ, законъ о церковныхъ властяхъ и законоположенія, касающіяся правъ и обязанностей духовенства» (это—сверхъ каноническаго права).

Мы остановились лишь на болѣе выдающихся особенностяхъ сербской церковной жизни по сравненію съ русскою; для свѣдѣнія интересующихся этимъ дѣломъ лицъ можемъ прибавить, что они найдутъ въ книгѣ много любопытныхъ и поучительныхъ свѣдѣній касательно данной области. Трудъ г. Чельцова въ общемъ интересный и серьезный. Подборъ матеріала не во всѣхъ случаяхъ представляется намъ умѣлымъ и подходящимъ. Такъ, въ первой главѣ, посвященной характеристикѣ отношеній между церковью и государ-

ствомъ, авторъ привелъ все какіе-то слишкомъ ужъ мелочные и ничтожные факты. Крайне непріятно также поразило насъ и то, что авторъ неугоднаго ему сербскаго митрополита Θеодосія Мравича честитъ выдуманной врагами его кличкой «Мраши». Балканская печать вообще прославилась своею несдержанностью и отсутствіемъ хотя бы примитивной порядочности, тамъ можно встрѣтить и почище словечки. Но зачѣмъ потребовалось г. Чельцову загрязнять свою книгу, претендующую на научность и серьезность, подобной выходкой самаго дурнаго тона,—мы не понимаемъ. Лучше бы оставить подобные пріемы злобствующимъ братушкамъ, не культивируя ихъ на почвѣ русской науки.

Въ приложеніяхъ помѣщены два интересные документа, касающіеся бракоразводнаго дѣла Милана—именно, письмо его къ митрополиту Θеодосію и рѣшеніе послѣдняго о расторженіи брака. К. Х.

Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Томъ IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ. 1899.

Вышедшій надняхъ четвертый томъ труда г. Теодоровича значительно отличается отъ предшествующихъ трехъ, о которыхъ своевременно мы давали отзывъ въ нашемъ журналѣ. Отличіемъ своимъ, впрочемъ, онъ обязанъ не столько автору, подписавшемуся подъ книгой, сколько тѣмъ скромнымъ, работающимъ въ глуши священникамъ-лѣтописцамъ, которые по предложенію ихъ епархіальнаго начальства составили лѣтописи своихъ приходовъ. Многіе изъ нихъ отнеслись къ дѣлу серьезно и потому включили въ свою лѣтопись, помимо офиціальныхъ свѣдѣній о церкви и приходѣ, много интереснаго соціально-юридическаго и этнографическаго матеріала. Многіе изъ нихъ опубликовали старинные хранящіеся въ церковныхъ архивахъ документы, описали нѣкоторыя заслуживающія вниманія по своей древности книги. Г. Теодоровичъ воспользовался этимъ матеріаломъ, кое-гдѣ переписалъ, кое-гдѣ не дописалъ, и получилось у него довольно объемистое историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Староконстантиновскаго уѣзда. Результатомъ своихъ трудовъ «списатель» — исторіографъ остался настолько доволенъ, что даже позволилъ себѣ «расширить» заглавіе своего труда, назвавъ его «Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ» и т. д. Правда, вынужденный довольно откровенными намеками, высказанными нѣкоторыми рецензентами по поводу его третьяго тома, г. Теодоровичъ теперь въ примѣчаніяхъ вездѣ ссылается на приходскія лѣтописи, а въ самомъ концѣ книжки даже спряталъ небольшое объяснительное «послѣсловіе», заключающее въ себѣ нѣкоторыя, впрочемъ, совершенно неубѣдительныя возраженія рецензентамъ. Изъ этихъ возраженій можно вывести лишь одно заключеніе, а именно: г. Теодоровичъ хотя и утверждаетъ, что онъ не имѣлъ въ своемъ трудѣ помощниковъ, хотя и ставилъ свое имя на обложкѣ, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать настоящіе авторы, но на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ души, онъ считаетъ себя только редакторомъ. Это, впрочемъ, еще не бѣда. Былъ бы г. Теодоровичъ

хотя бы хорошимъ редакторомъ, а то вѣдь и этого нѣтъ. Если вы будете имѣть терпѣніе пробѣжать этотъ довольно объемистый томъ, то встрѣтите здѣсь массу повтореній, массу такого матеріала, который долженъ былъ бы быть исключенъ совершенно изъ книги, массу курьезныхъ нелѣпостей. Для образца укажемъ хотя бы на всю 384-ю страницу. Читая ее, вы положительно недоумѣваете, насмѣшка ли это надъ читателемъ, или же здѣсь какое нибудь недоразумѣніе. «Въ описываемой мѣстности, читаемъ у г. Теодоровича, достойны воспоминанія названія селъ: Берегели, быть можетъ, это были сторожевые посты, оберегавшіе Замчики. Въ той же околицѣ есть село Мытинцы, быть можетъ, это былъ таможенный пунктъ, гдѣ взималось «мыто». Вдали есть с. Баглаи, быть можетъ, правильнѣе будетъ назвать «Бѣглые»—поселеніе, которое могло образоваться изъ «бѣглыхъ заграничныхъ жителей», а, можетъ быть, это,—соображаетъ г. Теодоровичъ,—«Балалаи», т. е. музыканты какого нибудь князька, игравшіе на балалайкахъ (!!!). Приписанное къ Баглаямъ с. Емцы, кажется, испорченное въ устахъ народа слово «Нѣмцы». Тутъ же с. Ладыги, гдѣ, должно быть, «бѣглые», «нѣмцы» и туземцы—всѣ поладились между собою и стали жить согласно—«ладно». Приписное къ с. Самчикамъ с. Губинъ—въ устахъ народа «Згуба»,—должно быть, засада, устроенная въ оврагахъ этой мѣстности «згубила» защитниковъ «Замчиковъ». Вблизи есть д. Громовка—быть можетъ, здѣсь когда нибудь жители потерпѣли сильный погромъ отъ непріятелей, при чемъ только жители с. Иршикъ нѣсколько поершились во время погрома, а затѣмъ, видя неустойку (?), помчались на утекъ въ низменную, болотистую мѣстность, очевидно (ну, конечно), тогда поросшую густымъ тростникомъ, гдѣ основали с. Лажеву, гдѣ остатки уцѣлѣвшаго отъ погрома населенія, отъ страха и изнеможенія «лазмя» или «лежа» (а, быть можетъ, стоя бѣгали?!!). Быть можетъ, этотъ погромъ устроили ляхи, такъ какъ вблизи есть с. Ляшево. А, быть можетъ, прибавляетъ г. Теодоровичъ, названіе Иршики или Гиршики—отъ слова «гирши», горше, могло произойти отъ того, что жителямъ этой мѣстности горше досталось отъ непріятеля, чѣмъ остальнымъ окрестнымъ»... Ей-Богу, такъ и написано на стр. 384 и 385 книжки, которую г. Теодоровичъ переписывалъ, редактировалъ и корректировалъ. Правда, несмотря на все это, книжка получилась полезная и даже интересная во многихъ отношеніяхъ, но только въ этомъ г. Теодоровичъ повиненъ столько же, сколько и наборщики, печатавшіе его книгу.

Вл. Боцяновскій.

Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899.

Эта книга представляетъ собою бойко и вмѣстѣ съ тѣмъ безсвязно написанный памфлетъ, мало содержательный по фактамъ и еще менѣе убѣдительный съ точки зрѣнія положенной въ основу ея тенденціи. Первоначально статьи г-жи Нейманъ печатались въ журналѣ «Neue Revue», но при переводѣ онѣ были значительно расширены, что не измѣнило ихъ легкаго, фельетоннаго пошиба. Въ первой части авторъ задался цѣлью представить сжатый очеркъ культурнаго развитія армянъ, этого, по выраженію автора, «дѣятельнаго и про-

грессивнаго элемента въ восточныхъ государствахъ», оказавшаго «Россіи, Турціи, Персіи и другимъ государствамъ» крупныя культурно-экономическія заслуги. Турецкіе и персидскіе армяне, если вѣрить автору, были положительно благодѣтелями русскихъ во время военныхъ дѣйствій; они, вѣроятно, безкорыстно, «восторженно принимали русскія войска, снабжали ихъ съѣстными средствами, доставляли вѣрныхъ проводниковъ (г-жа Нейманъ тутъ же, съ умилительной добросовѣстностью, ихъ и перечисляетъ), отводили зимнія помѣщенія, ухаживали за больными, съ почестями хоронили умершихъ» и т. п. Русскіе же армяне давали Россіи множество добровольцевъ, офицеровъ, всякаго рода оружія, храбрыхъ генераловъ и искусныхъ военачальниковъ»,—за примѣрами дѣло не стоитъ, и авторъ называетъ пять-шесть именъ русскихъ дѣятелей изъ армянъ (среди нихъ мы не встрѣтили, между прочимъ, гр. И. Д. Делянова). Къ сожалѣнію, для характеристики ихъ подвиговъ г-жа Нейманъ пользуется преимущественно выдержками изъ газетъ, что производитъ нѣсколько курьезное впечатлѣніе. Приводя затѣмъ многочисленные примѣры культурности армянъ въ ихъ исторіи и современномъ положеніи, г-жа Нейманъ болѣе чѣмъ скептически настроена къ русско-армянской интеллигенціи; она смотритъ на послѣднюю, какъ на большое зло, какъ для Россіи, такъ и для коренного населенія Арменіи. Такимъ образомъ, получается неразрѣшимое противорѣчіе: съ одной стороны, армяне сами по себѣ очень культурны, а съ другой стороны—имъ не слѣдуетъ давать образованія, потому что—цитируетъ г-жа Нейманъ князя В. П. Мещерскаго — въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу «творится процессъ ужасный и роковой: процессъ народнаго образованія, гдѣ одинъ или два учатся, а девять или восемь развращаются».

Значительная часть книги посвящена полемикѣ съ покойнымъ проф. К. П. Паткановымъ и редакторомъ газеты «Мшакъ» Григоріемъ Арцруни. Этотъ способъ полемики самый удобный, весьма безопасный и притомъ всегда обезпечивающій побѣду. Паткановъ, видите ли, давно уже, въ 1881 году выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ «Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи», въ которой, на основаніи научныхъ данныхъ, доказывалъ, что «Арменія, какъ государство, не играла особенно важной роли въ исторіи человѣчества, и ея имя было только географическимъ терминомъ страны, въ которой рѣшали свои споры сильные сосѣди»,—слѣдуетъ длинный перечень народовъ. Г-жа Нейманъ, или вѣрнѣе—нѣкій г. Никогосовъ, рукописнымъ трудомъ котораго широко пользуется писательница, или еще вѣрнѣе—оба вмѣстѣ, негодуя, возражаютъ противъ подобнаго приниженія исторической роли армянскаго государства и утверждаютъ за нимъ наиболѣе важную роль во всѣхъ историческихъ событіяхъ, совершившихся въ Арменіи. Разрушивъ г. Патканова и возстановивъ политическое значеніе Арменіи, союзники, г-жа Нейманъ и г. Никогосовъ, переходятъ къ сведенію счетовъ съ Григоріемъ Арцруни, который отвѣтитъ имъ, вѣроятно, не раньше, какъ при встрѣчѣ съ ними въ Елисейскихъ поляхъ. Арцруни, пользовавшійся въ свое время извѣстностью въ качествѣ редактора передовой армянской газеты, является въ освѣщеніи нашихъ авторовъ невѣжественнымъ и наглымъ лицемѣромъ, умѣвшимъ и съ властями ладить, и либеральнымъ слыть, и свой интересъ оберегать. Редакти-

ровавшаяся имъ, по выраженію автора, «прогрессивно-радикально-гуманитарно-моралистическая» газета Мшакъ заслуживаетъ, по мнѣнію г-жи Нейманъ, за свое разрушительное вліяніе на общественную нравственность названія «мышьякъ».

Мы не беремъ на себя обязанности защищать почтенныхъ покойниковъ, но не можемъ не отмѣтить, что подобные пріемы проведенія въ общественное сознаніе своихъ идей едва ли совмѣстимы съ понятіемъ о достоинствѣ уважающей себя публицистики, и подобныя книги, могущія ввести въ заблужденіе читателя своимъ обширнымъ заглавіемъ, могутъ создать ихъ составителямъ далеко не почетную извѣстность. Е. Еленинъ.

А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. Выпускъ II. Варшава. 1899.

Второй выпускъ историческаго очерка г. Сидорова о русскихъ и русской жизни въ Варшавѣ обнимаетъ время съ 1830 по 1860 годъ. Событій возстанія и исторіи его усмиренія авторъ не касается вовсе, считая это не входящимъ въ предѣлы своей задачи, и ограничивается краткой характеристикой гр. Дибича, первоначально руководившаго подавленіемъ возстанія, а также въ немногихъ словахъ разсказываетъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго князя Константина Павловича и княгини Ловичъ (гл. XI). Въ слѣдующей главѣ описываются дѣйствія князя Паскевича, взятіе Варшавы, мимоходомъ упоминаются патріотическія стихотворенія Пушкина и Жуковскаго и другихъ, менѣе извѣстныхъ, поэтовъ, написанныя по поводу замиренія края, и т. д. Глава XIII посвящена изложенію мѣропріятій, принятыхъ княземъ Паскевичемъ въ царствѣ Польскомъ въ цѣляхъ тѣснѣйшаго объединенія его съ имперіей. Въ основу управленія краемъ была положена уставная грамота, замѣнившая дарованную императоромъ Александромъ I конституцію, но съ теченіемъ времени постепенно сглаживалась и та частица административной обособленности, которая признавалась «уставной грамотой» за царствомъ Польскимъ: такъ въ 1841 г. былъ упраздненъ государственный совѣтъ царства Польскаго, затѣмъ пути сообщенія были подчинены обще-имперскому министерству путей сообщенія, въ 1851 г. послѣдовало упраздненіе таможенной границы между царствомъ и имперіей и т. д. Что касается личности князя Варшавскаго, то для характеристики его г. Сидоровъ ограничился выписками изъ «Записокъ» Менькова и «Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» Н. В. Берга— и только; выписки эти касаются совершенно частныхъ случаевъ и при томъ не настолько типичныхъ, чтобы въ нихъ со всею яркостью вырисовывалась фигура грознаго фельдмаршала, а между тѣмъ занимаютъ большую половину главы (XIV), отведенной характеристикѣ Паскевича. Въ XV главѣ разсказана исторія построенія въ Варшавѣ православнаго собора, а также біографія трехъ первыхъ варшавскихъ архіепископовъ—Антонія, Никандра и Арсенія. Въ главѣ XVI дефилируетъ цѣлый рядъ сотрудниковъ князя Паскевича—генералъ Денъ, де-Виттъ, Е. А. Головинъ, Шиповъ, А. Я. Стороженко и пр.; всѣмъ имъ авторъ удѣлилъ по нѣсколько безцвѣтныхъ строкъ, дающихъ—и то не

всегда—лишь слабый намекъ, что были это за люди. Наиболѣе относящеюся къ дѣлу является XVII глава, гдѣ собрано нѣсколько интересныхъ данныхъ о жившихъ въ Варшавѣ русскихъ людяхъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи извѣстность на томъ или другомъ поприщѣ. Таковы: П. П. Дубровскій, учитель и цензоръ въ Варшавѣ, впослѣдствіи экстраординарный академикъ академіи наукъ, авторъ лучшаго польско-русскаго словаря; П. А. Мухановъ, служившій офицеромъ въ 1831 г., съ 1844 г.—попечитель варшавскаго учебнаго округа; Н. И. Павлищевъ, прожившій въ Варшавѣ съ 1831 по 1870 г., авторъ нѣсколькихъ изслѣдованій по исторіи Польши, и др. Домъ послѣдняго былъ центромъ русскаго образованнаго общества въ Варшавѣ. Кромѣ того, у Павлищевыхъ долго гостили С. А. Соболевскій, Н. И. Глинка, Жуковскій, С. Л. Пушкинъ и др. Коротенькая XVIII глава повѣствуетъ о посѣщеніяхъ Варшавы императоромъ Николаемъ I въ 1835, 1840, 1842, 1845, 1849, 1850 и 1853 гг. Въ слѣдующей главѣ разсказывается о польской вспышкѣ въ 1846 г., объ участіи Паскевича въ венгерской кампаніи, о послѣдовавшей въ Варшавѣ кончинѣ великаго князя Михаила Павловича, о праздновааніи 50-лѣтняго юбилея службы Паскевича въ офицерскихъ чинахъ, объ участіи его въ турецкой кампаніи, о кончинѣ Паскевича и о Туркулѣ—словомъ о предметахъ весьма разнообразныхъ и, какъ видитъ читатель, не всегда имѣющихъ непосредственное отношеніе къ указанной въ заглавіи книжки темѣ. Наконецъ послѣдняя (XX) глава посвящена изложенію событій отъ смерти Паскевича до открытаго проявленія мятежа 1863 г.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе второго выпуска этого труда. Если бы не заглавіе, то читатель едва ли догадался бы, что задачу автора составляетъ написать очеркъ русской жизни въ Варшавѣ. Собранныя кое-какъ свѣдѣнія, при отсутствіи опредѣленнаго плана и системы, производятъ впечатлѣніе неряшливо состряпанной окрошки; очень рѣзко бросается въ глаза случайность нѣкоторыхъ фактовъ, приведенныхъ г. Сидоровымъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу. Для примѣра укажемъ стр. 117, гдѣ послѣ описанія кончины князя Паскевича говорится вдругъ о Туркулѣ, который и служилъ-то въ Петербургѣ, лишь временами пріѣзжая въ Варшаву. Какое отношеніе къ жизни русскихъ въ Варшавѣ имѣли пріѣзды Туркула,—довольно затруднительно опредѣлить. Между тѣмъ г. Сидоровъ ни словомъ не обмолвился о томъ, какъ складывалась домашняя жизнь русскаго чиновничества средней руки и офицеровъ, какія отношенія установились у русскихъ солдатъ съ простымъ народомъ въ Варшавѣ, какія настроенія и теченія преобладали въ среднемъ русскомъ обществѣ и т. д. При неособенно значительномъ внѣшнемъ объемѣ своего очерка г. Сидоровъ, повидимому, долженъ былъ бы особенно дорожить мѣстомъ, опуская все лишнее, ненужное, съ строгимъ расчетомъ выбирая то, что могло бы прямо относиться къ характеристикѣ жизни русской колоніи въ Варшавѣ; но никакой экономіи въ этомъ отношеніи не наблюдается. И получается въ общемъ такое впечатлѣніе, что очеркъ собранъ откуда попало и сшитъ на скорую руку. А жаль: тема—интересна, матеріала—непочатый край, и отнесись авторъ съ большею вдумчивостью къ своей работѣ,—могъ бы получиться весьма любопытный историческій этюдъ. К. Х

Иностранные университеты. Вып. II-й. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1899.

Новый выпускъ серіи изданій г. Богдановича объ иностранныхъ университетахъ построенъ совершенно по тому же плану, какъ и сочиненіе объ англійскихъ университетахъ, отзывъ о которомъ былъ данъ въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ. Въ первой главѣ выясняется типъ нѣмецкой высшей школы, которая вѣрно опредѣляется (только не г. Богдановичемъ, о чемъ сказано будетъ ниже), «какъ лабораторія научнаго изслѣдованія и учрежденіе для полученія высшаго научнаго образованія». Затѣмъ идутъ весьма краткія (какихъ нибудь 10 страничекъ) историческія свѣдѣнія о нѣмецкихъ университетахъ, послѣ чего подробно говорится о современномъ университетскомъ строѣ и порядкѣ, свободѣ преподаванія, о жизни студентовъ, отношеніи ихъ къ университету, корпораціяхъ и ассоціаціяхъ. Остальная большая часть книги (около двухъ третей) занята біографическими свѣдѣніями объ юношескихъ годахъ четырехъ выдающихся умственныхъ силъ Германіи: Лейбница, который является типомъ студента для XVII столѣтія, Гете и Гегеля, студенческіе годы которыхъ падаютъ на вторую половину и конецъ XVIII вѣка, и, наконецъ, Гейне, учившагося въ университетѣ уже въ началѣ XIX стол. Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе книжки г. Богдановича. Останавливаться на обзорѣ ея подробнѣе я считаю излишнимъ въ силу слѣдующей причины. Въ концѣ предисловія, которое въ главной части своей представляетъ перепечатку предисловія перваго выпуска, съ повтореніемъ фразы о томъ, что въ нашей литературѣ нѣтъ еще общихъ обзоровъ иностранныхъ университетовъ за исключеніемъ немногихъ журнальныхъ статей, г. Богдановичъ указываетъ списокъ русскихъ и иностранныхъ пособій, которыми онъ широко пользовался при составленіи своей книги. Пожелавъ непосредственно убѣдиться, что значитъ у г. Богдановича широкое пользованіе, я сличилъ его книжку съ двумя изъ этихъ пособій, именно съ имѣющимся на русскомъ языкѣ предисловіемъ проф. Фр. Паульсена къ его классической книгѣ «Die deutschen Universitäten», написанной имъ для выставки въ Чикаго, и съ извѣстной монографіей проф. Вл. И. Герье: «Лейбницъ и его вѣкъ», и къ удивленію своему убѣдился, что подъ понятіемъ широкое пользованіе г. Богдановичъ разумѣетъ не что иное, какъ простую перепечатку своихъ пособій, такъ, напримѣръ, первая глава: «Университетъ въ Германіи», есть текстуальное воспроизведеніе первой же главы русскаго перевода книги проф. Паульсена (Фр. Паульсенъ: «Нѣмецкіе университеты». Переводъ Н. Е. Вернадской. М. 1898, стр. 3—10); стр. 29—32 представляютъ буквальную перепечатку стр. 52—54 проф. Паульсена; стр. 54—59 г. Богдановича дословно заимствованы у г. Паульсена, стр. 101—103; стр. 63—64=Паульс., стр. 96—97; стр. 65—71=Паульс., стр. 104—108 (съ пропуск.); стр. 79—86=Паульс., стр. 109—114; стр. 87—½93=Паульс., стр. 97—100; стр. ½93—95=Паульс., стр. 108—109; стр. 105—112= Паульс., стр. 121—126 (съ пропуск.). Перепечатана книга Паулъсена до того

буквально, что воспроизведены даже типографскія ошибки ея, напримѣръ, на стр. 91 г. Богдановича читаемъ: «возбужденъ былъ вопросъ объ увеличеніи учебнаго года путемъ сокращенія вакансій»; то же стоитъ и въ переводѣ книги Паульсена, хотя, очевидно, вмѣсто вакансій слѣдуетъ читать вакацій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ проф. Паульсенъ говоритъ въ первомъ лицѣ ед. ч., и г. Богдановичъ чистосердечно употребляетъ *я*; на другихъ страницахъ это *я* замѣняется пресловутымъ мы, что невольно напоминаетъ извѣстныя разсужденія Шопенгауэра о писателяхъ и писательствѣ. Что касается книги проф. Герье, то путемъ подобнаго широкаго пользованія изъ нея перепечатано въ изданіи г. Богдановича 19 стр. (Герье, стр. 17—36 = Богданов., стр. 131—170). Къ свѣдѣнію читателя сообщаю, что для біографіи Гете г. Богдановичъ пользовался трудами Льюиса и г. Холодковскаго, а для біографіи Гегеля книгой г. Е. Соловьева. Наконецъ, отмѣчу, что изъ этого выпуска явствуетъ, какъ мало знаетъ г. Богдановичъ нашу оригинальную и переводную литературу объ иностранныхъ университетахъ: такъ онъ не называетъ трехъ весьма важныхъ пособій: Л. Н. Модзалевскій—«Бытъ студентовъ въ Германіи»., Спб., 1865; Т. Циллеръ—«Нѣмецкій студентъ конца вѣка». Перев. съ нѣм. подъ редакціей проф. Карѣева. Спб. 1898; К. Д. Кавелинъ—«Свобода преподаванія и ученія въ Германіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1863, №№ 3—4; воспроизведено въ полномъ собраніи сочиненій К. Д. Кавелина, т. III, Спб., 1899).

А. М—нъ.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Т. XV, вып. 3. Казань. 1899.

Лежащій передъ нами третій выпускъ XV тома названныхъ «Извѣстій» открывается статьею священника С. Матвѣева о «погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ крещеныхъ татаръ» уѣздовъ Белебеевскаго и Мензелинскаго Уфимской губерніи, къ которымъ присоединены «примѣты и сны, предвѣщающіе смерть». Вслѣдъ за нею помѣщены «Историческія пѣсни казанскихъ татаръ», сообщенныя Н. Катановымъ. Сочиненіемъ этихъ пѣсенъ, носящихъ названіе «бейтовъ», говоритъ г. Катановъ, «занимаются обыкновенно молодые люди, учащіеся и учившіеся въ медресахъ, мусульманскихъ среднихъ школахъ, а иногда и старцы, знакомые съ мусульманскою ученостью». «Бейты» разыгрываются обыкновенно на флейтахъ и скрипкахъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ куплетовъ и отличаются большею содержательностью сравнительно съ народными пѣснями—«джыры». Напечатаны г. Катановымъ слѣдующіе «бейты»: «пѣсня о взятіи Казани русскими», состоящая изъ 29 куплетовъ и повѣствующая о славныхъ временахъ при ханѣ Едигерѣ, объ «обидахъ и притѣсненіяхъ», наступившихъ при его преемникѣ Шигалеѣ, о битвахъ русскихъ подъ Казанью, о построеніи русскими Свіяжска, о безуспѣшной попыткѣ богатыря Чуры убить Іоанна Грознаго и наконецъ о самомъ взятіи Казани; «пѣсня о французахъ и Александрѣ I» (изъ 8 куплетовъ); «пѣсня о французахъ и Николаѣ I» (также изъ 8 куплетовъ); послѣднія почти тождественны по содержанію. Всѣ эти три пѣсни напечатаны въ подлинникѣ въ двухъ транскрипціяхъ: арабско-татарской

и русской академической и въ русскомъ переводѣ. «Въ дополненіе» къ нимъ г. Катановъ помѣстилъ еще двѣ пѣсни, сочиненіе которыхъ казанскими татарами приписывается двумъ казанскимъ ханамъ XVI в.: Мухаммедъ-Амину и Шигалею; въ первой, состоящей изъ 3 куплетовъ, говорится о Тамерланѣ, а во второй (изъ 2 куплетовъ) — о «везиряхъ» Шигалея.

Далѣе, въ числѣ «матеріаловъ» находимъ любопытныя свѣдѣнія о «баксахъ»—лѣкаряхъ и колдунахъ (остатокъ шаманства), съ многочисленными ихъ «призывами» и «заклинаніями», собранныя г. А. Диваевымъ, и двѣ статейки г. В. Борисова. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ о городѣ Лаишевѣ въ XVI и XVII вв., пользуясь писцовою книгою его 1569 г. и переписною 1646 г. Изъ писцовой книги, содержащей данныя о Лаишевской крѣпости, видно, что Лаишевъ во второй половинѣ XVI в. «былъ не болѣе, какъ деревянный острогъ, имѣвшій въ окружности всего 284 сажени» и окруженный р. Камою, глубокимъ оврагомъ и рвомъ; гарнизонъ его состоялъ всего изъ трехъ десятковъ человѣкъ. По свѣдѣніямъ же переписной книги, обитатели Лаишева дѣлились на нѣсколько категорій, изъ которыхъ наибольшую составляли посадскіе люди и бобыли (въ числѣ 573 человѣкъ), обладавшіе въ совокупности 197 дворами. Далѣе шли рыбные ловцы (65 дворовъ), служилые казаки, служилые иноземцы и пашенные стрѣльцы. Всего въ Лаишевѣ въ 1646 г. было 1736 человѣкъ.

Вторая статейка г. Борисова касается «тяжбы г. Царевококшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли», свидѣтельствующей между прочимъ о томъ, какъ нетвердо было на первыхъ же порахъ осуществленіе нормъ Уложенія 1649 г. при столкновеніяхъ тяглыхъ людей съ сильными боярами.

Въ концѣ разсматриваемаго выпуска помѣщена рецензія г. С. К. на «Историко-географическій словарь Саратовской губерніи» А. Н. Минха (вып. I), заключающая нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и поправокъ. В. Р-въ.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899.

Въ исторіи Англіи XVII вѣкъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ: лежавшіе подъ спудомъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но въ тайнѣ развивавшіеся и крѣпшіе политическіе и общественные идеалы горожанъ и мелкопомѣстныхъ собственниковъ впервые тогда вырвались наружу изъ-подъ сковывавшаго ихъ гнета королевской власти, феодальной аристократіи и господствующей церкви и заставили обратить на себя общее вниманіе. Правда, имъ не удалось сразу завоевать господствующее положеніе; для этого потребовалась еще долгая и упорная борьба впродолженіе болѣе полутора столѣтія. Но во всякомъ случаѣ побѣда джентри и горожанъ надъ аристократіей и королевской властью послѣ 1648 года была только дѣломъ времени: годъ этотъ можно считать краеугольнымъ камнемъ новѣйшей исторіи Англіи.

Поэтому, конечно, всякій новый трудъ на русскомъ языкѣ, посвященный изслѣдованію XVII вѣка англійской исторіи, должно привѣтствовать, а тѣмъ

болѣе отличающійся такими достоинствами, какъ книга, служащая предметомъ настоящаго отзыва. Бернштейнъ обращаетъ сравнительно очень мало вниманія на чисто политическую исторію Англіи XVII вѣка, да эта исторія вовсе и не входила въ его задачу; политическихъ исторій англійской революціи много, даже и на русскомъ языкѣ; для примѣра стоитъ только напомнить введенія къ «Исторію Англійской революціи» Гизо и къ «Исторіи Англіи» Маколея. Цѣль Бернштейна заключалась въ томъ, чтобы изобразить въ своей книгѣ полную и научно-обоснованную картину тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые были истинной основой всего движенія народа: врядъ ли кто станетъ оспаривать тотъ фактъ, что политическая и религіозная стороны значительно слабѣе проявились въ революціи 1648 года, нежели сторона чисто-соціальная. Такъ какъ, однако, почти въ каждомъ отдѣльномъ событіи упомянутой революціи болѣе или менѣе проявлялись наравнѣ съ соціальной и обѣ другія ея стороны, изложеніе этихъ событій въ ихъ послѣдовательномъ теченіи завело бы автора слишкомъ далеко и наполнило бы его трудъ массой совершенно не нужныхъ подробностей. Поэтому Бернштейнъ, только мимоходомъ и вскользь касаясь проявленій общественныхъ идеаловъ изслѣдуемаго имъ времени, насколько они выражались въ движеніяхъ народныхъ массъ, главное вниманіе свое обращаетъ на изложеніе и оцѣнку теоретическихъ доктринъ, которыя проводили въ сочиненіяхъ своихъ наиболѣе выдающіеся въ умственномъ отношеніи представители общества. Подобный методъ нельзя не назвать въ высшей степени удачнымъ, такъ какъ доктрины эти вовсе не были произведеніемъ фантазіи авторовъ, а передавали въ большей или меньшей степени общее міровоззрѣніе всего англійскаго народа.

Наиболѣе яркимъ представителемъ новыхъ общественныхъ идеаловъ въ XVII вѣкѣ и яркимъ борцомъ за проведеніе этихъ идеаловъ въ жизнь былъ, какъ извѣстно, Джонъ Лильборнъ,—и Бернштейнъ съ особенной любовью и вниманіемъ останавливается на описаніи жизни и трудовъ этой выдающейся и глубоко оригинальной личности. Лильборнъ родился въ пуританской семьѣ—и первые протесты противъ существующаго порядка, въ коихъ онъ принялъ участіе, были связаны съ враждой къ государственной церкви. Дѣло въ томъ, что король Карлъ I, которому въ 1626 году парламентъ отказалъ въ правѣ пожизненнаго свободнаго взиманія пошлинъ, сталъ взимать таковыя противозаконно собственной властью и прибѣгнулъ къ помощи англиканской церкви, со всѣхъ каѳедръ которой было объявлено, что покрытіе незаконнаго займа составляетъ обязанность каждаго христіанина. Этимъ, конечно, церковь сама отдаляла отъ себя своихъ членовъ,—и число таковыхъ все больше уменьшалось, между тѣмъ какъ число пуританъ увеличивалось,—и слово «пуританинъ» въ то время не составляло уже понятія чисто вѣроисповѣднаго, а служило синонимомъ защитника правъ народа и законности противъ произвола. Лильборнъ еще юношей примкнулъ горячо къ этой партіи, родной ему по вѣрѣ, и 20-ти лѣтъ отъ роду, обвиненный въ распространеніи запрещенныхъ памфлетовъ, вынужденъ былъ бѣжать въ Голландію, по возвращеніи откуда онъ арестованъ и преданъ суду. Результатомъ процесса было суровое тѣлесное наказаніе и тюремное заключеніе, отъ котораго его освободилъ только перево-

ротъ 1640 года. Переворотомъ этимъ политическая дѣятельность Лильборна не только не была закончена, а—напротивъ—она только что начиналась: онъ былъ защитникомъ правъ народа противъ всякой тираніи—королевской ли, парламентской,—безразлично. Пуритане, въ руки коихъ вмѣстѣ съ усиліемъ парламента на счетъ короля перешла власть, были нетерпимы ко всякой другой религіи и преслѣдовали всѣхъ сектантовъ, которыхъ какъ среди народа, такъ и среди арміи было множество; этимъ они оттолкнули отъ себя Лильборна и заставили его перейти къ индепендентамъ. Но такъ какъ и эта партія, благодаря вождю ея Кромвелю, скоро потеряла свой чисто народный характеръ, изъ ея среды выдѣлилась такъ называемая партія «левеллеровъ»—уравнителей, требовавшая полнаго уравненія въ правахъ всѣхъ гражданъ Англіи, душой этой партіи былъ Лильборнъ. Въ религіозномъ отношеніи левеллеры были почти раціоналисты; но релегіозная сторона въ ихъ ученіи въ противоположность пресвитеріанамъ и индепендентамъ почти не играла никакой роли; ученіе ихъ болѣе всего носило характеръ соціально-экономическій. Характеръ этотъ очень ярко выраженъ въ такъ называемомъ «народномъ договорѣ левеллеровъ», однимъ изъ творцовъ котораго былъ и Лильборнъ. Главнѣйшіе принципы, положенные въ основаніе этого «договора», прямого предшественника знаменитаго «Общественнаго договора» Руссо, излагаются Бернштейномъ въ нижеслѣдующихъ словахъ:

«По «договору» высшею властью въ странѣ должно быть представительное собраніе изъ четырехсотъ депутатовъ; каждый гражданинъ, которому исполнился 21 годъ и который не живетъ заработной платой или милостыней, пользуется избирательскимъ правомъ и самъ можетъ быть избранъ въ представители. Парламенты избираются на одинъ годъ, и лица, участвующія въ одномъ парламентѣ, не могутъ быть избраны во второй, а лишь въ слѣдующій. Далѣе, не могутъ быть избраны государственные чиновники, получающіе жалованье, и адвокаты, пока они засѣдаютъ въ парламентѣ, не имѣютъ права практики. Парламентъ не можетъ издавать никакихъ принудительныхъ законовъ относительно религіи; религія не можетъ служить препятствіемъ къ занятію какой бы то ни было должности. Каждая община сама избираетъ своего священника, но никого нельзя принуждать давать деньги на его содержаніе; далѣе, никто не обязанъ служить въ арміи или флотѣ, если это противно его совѣсти. Всѣ пошлины, сборы и десятины должны быть отмѣнены къ опредѣленному сроку и замѣнены прямыми налогами съ каждаго фунта стерлинговъ реальнаго и личнаго имущества. Всѣ привилегіи и исключительныя права должны быть уничтожены; мѣсто арміи должно занять народное ополченіе, которое можетъ созывать только парламентъ для военныхъ цѣлей. Каждое графство должно само избирать своихъ чиновниковъ; законы должны составляться на англійскомъ языкѣ, и жалобы или процессы можетъ рѣшать только жюри, состоящее изъ двѣнадцати присяжныхъ гражданъ графства. Должны быть ассигнованы средства для содержанія бѣдныхъ, стариковъ и неспособныхъ къ труду» (стр. 133—136).

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, идеалы левеллеровъ были характера самаго безукоризненнаго, но для своего времени они были безусловно револю-

ціонны. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ характеръ ихъ принималъ окраску все коммунистическую. Бернштейнъ излагаетъ въ своей книгѣ послѣдовательно содержаніе сочиненій знаменитѣйшихъ представителей партіи левеллеровъ: Ричарда Овертона, Уолвина, д-ра Брука, врача П. Чемберлена, Гартлиба— автора знаменитой утопіи «Макарія», представляющей теорію государства, управляющаго всею экономической жизнью своихъ гражданъ, наконецъ, Джерарда Уинстанлея, явившагося въ своемъ сочиненіи «Законъ свободы, изложенный въ видѣ программы, или возстановленіе истинной системы правленія» представителемъ теоріи самаго чистаго коммунизма.

Изложеніемъ основъ государственной и общественной философіи XVIII вѣка, а также ученія квакеровъ, близкихъ по своимъ общественнымъ идеаламъ къ левеллерамъ настолько, что къ квакерской сектѣ примкнулъ въ концѣ своей жизни и Лильборнъ, заканчиваетъ Бернштейнъ свой превосходный трудъ. Труду этому, кстати сказать, очень порядочно переведенному на русскій языкъ, нельзя не пожелать отъ души самаго широкаго распространенія въ средѣ русской читающей публики. К Лосскій.

Збірник фільольогічноі секциі наукового товариства імени Шевченка. Т. II. Розвідки Михайла Драгоманова. Т. I. У Львові. 1899.

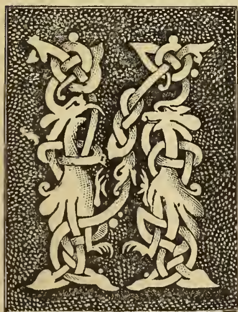
Львовское ученое общество имени Шевченка постановило издать собраніе работъ покойнаго профессора сначала Кіевскаго университета, а въ концѣ жизни Софійской великой школы, М. Драгоманова — по украинской народной словесности и литературѣ. Передъ нами первый томъ этого изданія, редактируетъ которое другъ покойнаго М. Павликъ. Въ первый томъ вошли статьи Драгоманова, напечатанныя ранѣе въ Россіи. Изъ болѣе крупныхъ статей назовемъ: «Украина въ ея литературѣ» (по поводу книги Прыжова: «Малороссія въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ»), «Памяти М. А. Максимовича», «Отзвукъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ», «Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса на Украинѣ», «Ученая экспедиція въ западно-русскій край», «Матеріалы и замѣтки по украинской народной словесности», «Древнѣйшія русскія драматическія сцены», «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности». По плану изданія въ него не войдутъ сборники народной словесности, какъ изданные Драгомановымъ совмѣстно съ другими лицами, такъ и имъ однимъ. Къ цѣлому изданію обѣщанъ указатель именъ и предметовъ.

Пожалѣть можно объ одномъ, что статьи Драгоманова, вошедшія въ первый томъ, появляются въ немъ не въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны, то-есть, на русскомъ языкѣ, а въ переводѣ на украинскій языкъ. Этимъ пользованіе интересной книгой для русскихъ читателей дѣлается довольно затруднительнымъ. А. Л—нко.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Историческіе труды въ Бельгіи отъ іюля 1898 г. до іюля 1899 г. — Битва при Лепанто и участіе въ ней венеціанцевъ.—Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка.—Новая біографія Спинозы. — Француженка на итальянскомъ престолѣ. — Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV. — Изъ записокъ Шуазеля. — Интимная жизнь Людовика XV.—Воспоминаніе французскаго морского офицера объ американской войнѣ. — Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ. — Происхожденіе французскихъ соціалистовъ.—Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пучини.— Графиня Ламотъ-Валуа въ Крыму. — Мюратъ въ Испаніи. — Англійская книга о войнѣ 1812 года. — Загадочная личность. — Отголоски юбилея Гёте. — Къ воспоминаніямъ о Луи-Бланѣ. — Иностранные журналы о Тургеневѣ. — Кто написалъ Сикстинскую Мадонну. — Англичане о Россіи въ Азіи. — Литература Гаагской конференціи.

СТОРИЧЕСКІЕ труды въ Бельгіи отъ іюля 1898 г. до іюля 1899 г. Въ бельгійской литературѣ играетъ въ послѣдніе годы первенствующую роль исторія, и въ этомъ легко убѣждаетъ обзоръ историческихъ трудовъ бельгійскихъ писателей за истекшіе двѣнадцать мѣсяцевъ въ «Atheneum»[1]), а также очеркъ историческаго движенія въ Бельгіи Леона Леклера, профессора Брюссельскаго университета, въ газетѣ «Messager de Bruxelles»[2]). Недавно праздновали во всѣхъ бельгійскихъ университетахъ двадцатипятилѣтній юбилей открытія въ Литтихѣ тамошнимъ профессоромъ исторіи, Куртомъ, перваго практическаго курса исторіи. Съ этого факта и ведетъ свое начало историческое движеніе въ Бельгіи. До тѣхъ поръ въ бельгійскихъ университетахъ едва существовало изученіе исторіи, такъ какъ оно ограничивалось догматическимъ изложеніемъ

---

[1]) Continental Literature: july 1889 to july 1899: Belgium, by Paul Frederick. «Atheneum» 1 july 1899.

[2]) Le mouvement historique en Belgique, par Leon Leclere. «Messager de Bruxelles» 18 juin 1899.

профессорами на каѳедрахъ главныхъ событій всемірной исторіи. Студентовъ не учили различнымъ методамъ исторической науки, имъ не показывали воочію, какъ она вырабатывается, а потому она оставалась для нихъ мертвой буквой. Только въ 1874 году Куртъ первый открылъ въ Литтихѣ по примѣру Германіи и Франціи историческую лабораторію, въ которой профессора и студенты работаютъ вмѣстѣ, практически изучая исторію. Его примѣру послѣдовали университеты: Брюссельскій, Гентскій и Лувенскій, а законъ 1890 года сдѣлалъ обязательными введенные Куртомъ курсы исторической критики и вспомогательныхъ наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ учредилъ степень доктора историческихъ наукъ. Наконецъ была создана Королевская Историческая Комиссія, которая посвятила себя печатанію историческихъ источниковъ. Она издаетъ не только старинныя хроники, но и всѣ относящіеся до бельгійской исторіи дипломатическіе документы, которые она отыскиваетъ въ странѣ и за границей, а также печатаетъ подлинные акты ремесленныхъ корпорацій и городскихъ общинъ, наконецъ обнародываетъ статистическія свѣдѣнія, воскрешающія ежедневную жизнь предковъ, и составляетъ методическій каталогъ всѣхъ официальныхъ правительственныхъ актовъ различныхъ государей, царствовавшихъ въ Нидерландскихъ провинціяхъ, входящихъ въ составъ современной Бельгіи. При такихъ условіяхъ историческое движеніе въ этой маленькой странѣ, которую часто упрекаютъ въ чрезмѣрной утилитарности, приняло широкое распространеніе на строго научной, далекой отъ всякихъ партійныхъ увлеченій, основѣ. Оно создало цѣлый рядъ изслѣдователей бельгійской исторіи, и ихъ труды преимущественно посвящены изданію съ коментаріями старинныхъ документовъ, но рядомъ съ этими сборниками появляются и оригинальныя монографіи по различнымъ эпизодамъ національной исторіи страны. Конечно большинство этихъ книгъ писаны на французскомъ языкѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ фламандской литературѣ, которая одна въ Бельгіи занимаетъ достойное мѣсто рядомъ съ французской. Что же касается до новѣйшихъ попытокъ создать въ бельгійскихъ мѣстностяхъ, граничащихъ съ рейнскими провинціями Пруссіи и великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ, нѣмецкую литературу, то они еще даютъ мало плодовъ, хотя во главѣ этого движенія стоитъ первый историкъ Бельгіи профессоръ Куртъ, издающій органъ бельгійскихъ нѣмцевъ «Deutsch Belgien». Къ наиболѣе замѣчательнымъ историческимъ сочиненіямъ, появившимся за истекшій годъ на французскомъ языкѣ, Фредерикъ относитъ второй томъ «Регламенты Карла V» — Ламера (Ordonances de Charles XV, par J. Lameere); третій томъ «Переписка Рубенса»— Роозеса (Correspondance de Rubens, par Max Rooses); интересная монографія: «Родъ Ла-Маркъ»—барона Шестре-де-Ганеффа (La maison de La-Marck, par le baron Y. de Schestret de Haneffe); обстоятельная біографія Даніэля Борхграва, перваго государственнаго секретаря Нидерландскихъ провинцій, составленная однимъ изъ его потомковъ (La vie de Daniel de Borhgrave, par B. de Borhgrave), и этюдъ соціальной исторіи «Организація труда во фламандскихъ портахъ»— барона Пелиши (L'organisation du travail dans les ports flamands, par le baron G. de Pelichy). Къ этому списку, составленному Фредерикомъ, слѣдуетъ еще прибавить первый томъ ученаго труда профессора Брюссельскаго университета, Ван-

деркиндере: «Исторія территоріальнаго образованія бельгійскихъ владѣній въ средніе вѣка» (Histoire de la formation territoriale des principautés belges au moyen âge, par M. L. Vanderkindere), и «Путешествіе Іосифа II въ Нидерланды» — профессора литтихскаго университета Гюбера (Le voyage de l'empereur Iosephe II dans les Pays-Bas, par M. Hubert). Хотя послѣднее сочиненіе еще не вышло въ свѣтъ, но оно печатается королевской бельгійской академіей, и одинъ изъ академиковъ Дискаль въ недавнемъ засѣданіи академіи прочелъ о немъ подробный докладъ, изъ котораго помѣщены значительные отрывки въ брюссельскихъ газетахъ [1]). Гюберъ уже извѣстенъ своими основательными историческими трудами: «Положеніе протестантовъ въ Бельгіи со времени Карла V» и «Пытки въ Нидерландахъ въ XVIII столѣтіи». Въ новомъ своемъ сочиненіи, онъ на основаніи частныхъ писемъ о путешествіи Іосифа II въ Нидерландахъ и по относящимся къ тому времени дипломатическимъ документамъ рисуетъ политическую и соціальную сторону этого путешествія, которое до сихъ поръ было только извѣстно съ его картинной стороны. Славящійся своей реформаторской дѣятельностью, Іосифъ II во время посѣщенія Нидерландскихъ городовъ лично входилъ во все, изучалъ всѣ потребности страны, выслушивалъ всѣ желанія городскихъ общинъ и, возвратясь въ Вѣну, произвелъ значительныя реформы въ судебной части, въ системѣ налоговъ и въ особенности относительно вѣротерпимости. Въ послѣднемъ отношеніи онъ издалъ законъ, которымъ не только признавались смѣшанные браки между католиками и протестантами, но предписывалось католическому духовенству совершать эти браки, пока у протестантовъ не было признаннаго закономъ духовенства. Реформаторская сторона путешествія Іосифа II въ 1781 году выставлена очень рельефно Гюберомъ, который приходитъ къ тому заключенію, что этотъ государь серьезнѣе и основательнѣе всѣхъ правителей Бельгіи съ XVI столѣтія исполнялъ тяжелыя обязанности, лежавшія на немъ относительно народа. Кромѣ книгъ, и журналы въ Бельгіи усердно занимаются историческими вопросами, такъ въ нынѣшнемъ году наиболѣе вниманія обращаетъ на себя полемика по поводу историческихъ методовъ и спорнаго до сихъ вопроса о томъ: честно ли фламандцы выиграли такъ называемое сраженье Золотыхъ Шпоръ. Эта битва происходила при Куртрэ въ 1302 году между фламандцами и французами подъ предводительствомъ короля Филиппа Красиваго, а называется она битвой «Золотыхъ Шпоръ» потому, что побѣдители фламандцы сорвали золотые шпоры съ многочисленныхъ убитыхъ французскихъ рыцарей и повѣсили ихъ въ видѣ трофей въ церкви города Куртрэ. Въ послѣдніе года историки возбудили споръ о томъ, какъ одержана была эта побѣда, и въ особенности этотъ споръ усилился въ настоящемъ году. Съ одной стороны Функъ Брентано и поддерживающіе его французскіе историки доказываютъ, что фламандцы тайно вырыли на полѣ битвы ямы, покрыли ихъ вѣтвями и хитро заманили французовъ въ эти западни. Напротивъ, бельгійскіе ученые съ Пиреномъ, профессоромъ Гентскаго университета во главѣ, утверждаютъ, что на полѣ

---

[1]) Voyage de Iosephe II dans les Pays Bas, par L.—Le Messager de Bruxelles. 28 août 1899.

битвы были естественные рвы, о чемъ прекрасно знали французы, и если дѣйствительно они попадали въ эти рвы, то лишь по своей неосторожности. Въ подтвержденіе этой теоріи Пиренъ написалъ блестящую статью въ Дневникѣ Королевской Исторической Комиссіи [1]), а Богеръ-Ваше въ литературномъ прибавленіи къ «Independence Belge» [2]) дѣлаетъ сводъ всей этой полемикѣ съ цѣлью доказать, что фламандцы одержали побѣду вполнѣ честно и благородно. Что касается до спора объ историческихъ методахъ, то онъ заключается въ томъ, долженъ ли историкъ изучать только индивидуальные, сознательные факторы исторіи, или сосредоточивать все свое вниманіе на факторахъ коллективныхъ и безсознательныхъ, преимущественно экономическихъ. Всего интереснѣе въ этой послѣдней полемикѣ статья профессора Леклера въ «Журналѣ Брюссельскаго университета» [3]). Отдавая преимущество первой исторической системѣ и доказывая, что канву исторіи составляютъ дѣйствія индивидуумовъ, онъ однако признаетъ невозможность историку обойтись безъ изученія экономическихъ, соціальныхъ, религіозныхъ, литературныхъ, научныхъ и художественныхъ факторовъ. Подобнаго смѣшаннаго историческаго метода придерживается и профессоръ Пиренъ въ своей «Исторіи Бельгіи», которая составляетъ самый важный и наиболѣе почтенный историческій трудъ въ Бельгіи за послѣдніе годы. Появился еще только первый его томъ въ нѣмецкомъ переводѣ, который входитъ въ составъ серіи исторій всѣхъ европейскихъ народовъ, которую издаетъ нѣмецкій профессоръ Лампрехтъ [4]), а французскій подлинникъ случайно запоздалъ и еще печатается. Хотя существуютъ извѣстныя исторіи Бельгіи Намеша, Мока и Жюста, но сочиненіе Пирена отодвигаетъ ихъ на второй планъ оригинальностью замысла, новизной взглядовъ и богатствомъ содержанія. Первый томъ обнимаетъ исторію Бельгіи отъ ея древнѣйшихъ временъ до XII вѣка и раздѣленъ на три части, изъ которыхъ первая посвящена собственно историческимъ событіямъ этой эпохи, вторая — феодальному обществу съ его политическимъ и экономическимъ устройствомъ, а третья—происхожденію и развитію городскихъ общинъ. Хотя почтенный авторъ и придаетъ большое значеніе экономическимъ фактамъ, но не доходитъ въ этомъ отношеніи до крайности Лампрехта въ его «Исторіи германскаго народа», а рядомъ съ картиной экономической жизни старинной Бельгіи онъ изображаетъ и ея жизнь интеллектуальную, т.-е. религіозную, литературную, научную и художественную. Нѣкоторые критики упрекаютъ Пирена за то, что онъ слишкомъ много отводитъ мѣста въ своей исторіи Фландріи и низшимъ классамъ, т.-е. буржуазіи и народу, но онъ не могъ иначе поступить, такъ какъ отличительною чертой Бельгіи въ средніе вѣка именно была дѣятельность буржуазіи и народа. Если мы теперь перейдемъ къ бельгійской исторической литературѣ на фламандскомъ языкѣ, то, по словамъ

---

[1]) Note sur un passage de Van-Velthem, relatif à la bataille de Courtrai, par H. Pirenne. Bulletin de la Commission royale d'histoire. Juillet. 1899.

[2]) La bataille des éperons d'or, par A. Boghaert-Vachè. Independence Belge. 30 juillet, 1899.

[3]) Methodes historiques, par Leclère. «Revue de l'université de Bruxelles». Mai. 1899.

[4]) Pirenne, Henri. Geschichte Belgiens. Band I: Bis zum Anfang des 14 Jahrhunderts. Deutsche Uebersetzung von Fritz Arnheim. Gotha. 1899.

Фредерика въ его обзорѣ, напечатанномъ въ «Atheneum», заслуживаютъ главнымъ образомъ вниманія слѣдующіе труды: Влитинка — «Исторія Остенде»; Палермертса и Риса — «Исторія возстанія фламандскихъ поселянъ», и Вермейлена—«Біографія Яна Вандеръ-Нута», брабантскаго поэта и распространителя идей эпохи «возрожденія» при Филиппѣ II и Вильгельмѣ Оранскомъ.

— Битва при Лепанто и участіе въ ней венеціанцевъ. Какъ извѣстно, въ 1571 году соединенныя эскадры Испаніи и итальянскихъ государствъ разбили турецкую флотилію. До сихъ поръ вся слава этой побѣды приписывалась главному командиру европейскаго флота, Донъ-Жуану австрійскому, но теперь итальянскіе историки стараются на основаніи архивныхъ изслѣдованій доказать, что венеціанцамъ подъ начальствомъ Себастіано Веньеро принадлежитъ значительную долю этихъ лавровъ. Гаэтано Кого дѣлаетъ обстоятельный сводъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ, трактующихъ объ этомъ вопросѣ въ статьѣ, помѣщенной въ первой августовской книжкѣ «Nuova Antologia» [1]), а профессоръ Мольменти посвящаетъ этому предмету, самостоятельный трудъ подъ заглавіемъ «Себастіано Веньеро и битва при Лепанто» [2]). Послѣдній авторъ уже напечаталъ въ прошедшемъ году въ журналѣ «Rivista marittima», найденный имъ разсказъ одного генуэзскаго купца объ этомъ знаменитомъ сраженіи, а въ настоящей книгѣ сообщаетъ о немъ много любопытныхъ и новыхъ подробностей. Онъ рисуетъ Веньеро прекраснымъ типомъ венеціанскаго аристократа, который уже сталъ очень рѣдкимъ во второй половинѣ XVI столѣтія. По его словамъ, это былъ энергичный, храбрый, безкорыстный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивый и нетерпѣвшій чужаго вмѣшательства въ свои дѣла, а потому естественно онъ не уживался со своими союзниками. Все это Мольменти выставляетъ очень рельефно, но, быть можетъ, какъ венеціанецъ, онъ неосновательно упрекаетъ въ измѣнѣ Джіанандреа Доріа. Этотъ послѣдній далъ генуезскія суда на помощь испанскому королю Филиппу, но естественно берегъ ихъ и не довѣрялъ венеціанцамъ, какъ вѣчнымъ врагамъ генуезцевъ, а потому дѣйствовалъ отдѣльно и не согласился отправиться вмѣстѣ съ ними на выручку острова Кипра, осажденнаго турками. Во всякомъ случаѣ, по выраженію Гаэтано Кого, побѣда при Лепанто, какъ она теперь выясняется безспорными документами, «приноситъ большую честь итальянскимъ морякамъ и въ особенности венеціанцамъ, которые доказали своими геройскими подвигами не только храбрость и мужежество, но и нравственную силу».

— Трехсотлѣтній юбилей Ванъ-Дейка. Въ августѣ мѣсяцѣ праздновали трехвѣковой юбилей знаменитаго живописца Антона Ванъ-Дейка, и бельгійскій городъ Антверпенъ устроилъ по этому случаю выставку лучшихъ произведеній юбиляра, которыя были присланы со всего свѣта, между прочимъ изъ Петербурга. Конечно, западная литература откликнулась на этотъ юбилей, и въ числѣ появившихся статей о Ванъ-Дейкѣ можно указать на очерки

---

[1]) Venezia e la Battaglia di Lepanto, di Gaetano Cogo. Nuova Antologia, 1 agosto 1899.

[2]) Sebastiano Veniero e la Battaglia di Lepanto, di P. Molmenti. Firenza. 1899.

его жизни и художественной дѣятельности: Виктора Сварта въ «Nouvelle Revue»[1]) и Густава Лажи въ литературномъ прибавленіи къ «Messager de Bruxelles» [2]) Антонъ Ванъ-Дейкъ родился въ Антверпенѣ въ 1599 году и былъ сыномъ купца. По всей вѣроятности, онъ наслѣдовалъ свой художественный талантъ отъ матери, которая отличалась искусствомъ въ вышиваніи фигуръ золотомъ и шелками. Тринадцати лѣтъ онъ поступилъ въ мастерскую Рубенса, основателя фландрской школы живописи, и сдѣлался его лучшимъ ученикомъ. Къ его ученическимъ годамъ относится характерная легенда: однажды ученикъ Рубенса, Дипембеке наткнулся на невысохшее полотно учителя и стеръ руки и щеку одной изъ фигуръ, изображенныхъ на полотнѣ. Его товарищъ Ванъ-Гоекъ воскликнулъ: «Намъ остается еще три часа: пусть лучшій изъ насъ возстановитъ руку и щеку на картинѣ. Я подаю голосъ за Ванъ-Дейка». Всѣ подтвердили этотъ выборъ, и Ванъ-Дейкъ тотчасъ принялся за работу. На слѣдующій день Рубенсъ не сказалъ ни слова о томъ, что замѣтилъ недостатокъ въ картинѣ, а напротивъ произнесъ: «Какъ хорошо я сдѣлалъ вчера эту руку и щеку». Первымъ произведеніемъ молодого художника былъ Христосъ, несущій крестъ; затѣмъ онъ написалъ цѣлый рядъ картинъ духовнаго содержанія и портретовъ. Усовершенствовался онъ въ своемъ искусствѣ и развилъ самостоятельную манеру живописи путешествіемъ по Италіи, гдѣ велъ веселую жизнь со своими соотечественниками, изучавшими живопись въ Генуѣ, Римѣ, Мантуѣ и Палермо. Къ этому времени относятся его замѣчательные портреты папы Урбана VIII и генуэзскаго дожа Амброзіо Доріа. Возвратясь на родину, онъ долго бѣдствовалъ, такъ какъ Рубенсъ съ своею удивительной плодовитостью давилъ художественный рынокъ, и Ванъ-Дейкъ, несмотря на свою извѣстность, съ трудомъ находилъ работу. Напримѣръ, разсказываютъ, что однажды, идя по улицѣ съ своимъ пріятелемъ, онъ остановился и указалъ ему на проходившаго мимо толстяка: «Посмотрите на этого пивовара, — сказалъ онъ: — я предложилъ ему написать его портретъ за два пистоля, и онъ отказалъ мнѣ, писавшему портреты съ князей и кардиналовъ, на томъ основаніи, что я запросилъ слишкомъ дорого». Однако, когда Рубенсъ покинулъ Антверпенъ, предпринявъ цѣлый рядъ дипломатическихъ путешествій, то его ученикъ быстро вошелъ въ моду и сталъ писать картины и портреты съ непостижимой плодовитостью. По возвращеніи учителя, Ванъ-Дейкъ уже не боялся его соперничества, и Марія Медичи, посѣтивъ мастерскую своего любимаго живописца Рубенса, не забыла навѣстить и Ванъ-Дейка, который написалъ ея извѣстный портретъ. Въ 1627 году онъ былъ приглашенъ ко двору англійскаго короля Карла I и поселился въ Англіи, гдѣ его носили на рукахъ самъ король, придворные и аристократы. Онъ вскорѣ сдѣлался не только придворнымъ живописцемъ, но любимцемъ и другомъ короля, который пожаловалъ ему дворянское достоинство, назначилъ пенсію въ

---

[1]) Antoine Van-Dyck, par Victor de Swarte — Nouvelle Revue. 11 septembre 1899.

[2]) Antoine Van-Dyck, par Gustave Lagye. Suplement du Messager de Bruxelles. 1—7 août 1899.

двѣ тысячи фунтовъ, подарилъ ему домъ, осыпалъ его роскошными подарками и часто бросалъ дѣла и удовольствія, чтобы побесѣдовать съ нимъ въ его мастерской. Пребываніе въ Англіи составляетъ самую блестящую эпоху въ художественной дѣятельности Ванъ-Дейка. Талантъ его достигъ до своего апогея въ знаменитыхъ портретахъ Карла I, его дѣтей и Карла V, а также его плодовитость приняла самые необыкновенные размѣры. Впрочемъ, онъ завелъ цѣлую мастерскую, и его ученики исполняли всю черную работу, а онъ писалъ лишь по часу въ день каждую картину или портретъ. Въ это время Ванъ-Дейкъ велъ широкую жизнь, давалъ роскошные банкеты, бросалъ деньги безъ счега и, славясь своей красотой, ухаживалъ за женщинами Онъ хотѣлъ жениться на вдовѣ лорда Стангопа, но она ему отказала. Чтобы его утѣшить, король сосваталъ ему дочь доктора Рутвена, который находился въ родственныхъ связяхъ съ лучшими аристократическими родами Англіи: вмѣстѣ съ тѣмъ она была одной изъ первыхъ красавицъ своего времени и воспитывалась у королевы. При первыхъ признакахъ революціи, именно въ 1640 году, Ванъ-Дейкъ отправился съ женою въ Антверпенъ. Тамъ онъ былъ принятъ очень радушно, но оставался недолго и попыталъ счастья въ Парижѣ. Однако, его предложеніе украсить своими произведеніями одну изъ галерей Лувра не было принято кардиналомъ Мазарини, и онъ вернулся въ Лондонъ въ самый разгаръ борьбы парламента съ королемъ. Среди печальныхъ развалинъ своего прежняго величія, онъ умеръ въ 1641 году еще сравнительно молодымъ, такъ какъ ему было всего 42 года. Король приказалъ похоронить своего любимаго художника въ соборѣ св. Павла, но памятникъ надъ его могилой былъ уничтоженъ пожаромъ, происшедшимъ внутри собора, и въ настоящее время неизвѣстно мѣсто нахожденія его могилы.

— Новая біографія Спинозы. По картинному выраженію критика англійскаго журнала «Academy», странно, даже не понятно, какъ въ XVII вѣкѣ, отъ котораго до сихъ поръ пахнетъ кровью и застѣнкомъ, жилъ самый спокойный и здравый философъ, когда либо видѣнный на свѣтѣ. Этимъ философомъ былъ знаменитый Борухъ Спиноза, послѣдователь Декарта и творецъ философской системы, логическаго пантеизма, признающаго разумъ первопричиной всѣхъ явленій. «Мы не знаемъ положительно, что̀ добро и что̀ зло, а намъ извѣстно только, что̀ ведетъ къ познанію и что̀ мѣшаетъ ему»,—вотъ основа его ученія, которымъ онъ тихо, спокойно подпилилъ устои, поддерживавшіе храмъ тогдашнихъ узкихъ идей и предразсудковъ. Какъ его философія спокойна и невозмутима, такъ и жилъ онъ въ продолженіе своего недолгаго 45-ти лѣтняго существованія тихо и невозмутимо, несмотря на преслѣдованія, переносимыя имъ отъ всѣхъ вѣроисповѣданій, начиная отъ еврейства, къ которому онъ принадлежалъ. Самая смерть не нарушила его душевнаго спокойствія, и за нѣсколько часовъ до нея онъ равнодушно разговаривалъ съ хозяиномъ и хозяйкой своего бѣднаго жилища, гдѣ онъ, несмотря на свою болѣзнь, чахотку, шлифовалъ оптическія стекла, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Много писано о Спинозѣ, который былъ отлученъ отъ еврейской общины и всю жизнь провелъ въ бѣдности, заботясь только о своихъ философскихъ трудахъ, но оказывается, что оставалось неизвѣстнымъ немало чертъ изъ его жизни. Те-

перь этотъ пробѣлъ пополненъ новой біографіей Спинозы, составленной Фрейденталемъ на основаніи вновь открытыхъ, неизданныхъ матеріаловъ [1]). Впервые напечатанные ученымъ авторомъ документы уничтожаютъ, напримѣръ, легенду о бѣдности семьи философа, но большею частью они относятся къ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался въ Голландіи отъ различныхъ духовныхъ исповѣданій, изъ числа которыхъ, повидимому, лютеранское выказывало всего болѣе ухищреній и человѣконенавистничества. Но чѣмъ болѣе переносилъ горестей и страданій Спиноза, тѣмъ болѣе закалялась его невозмутимая философская душа, и тѣмъ становится симпатичнѣе его великій образъ.

— Француженка на итальянскомъ престолѣ. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ въ двухъ послѣднихъ номерахъ «Revue des Revues» легко читающійся и картинный очеркъ жизни дочери Гастона Орлеанскаго, брата Людовика XIII, которая вышла замужъ за великаго герцога Тосканскаго, Козьму III Медичи [2]). Авторъ этой біографіи, Поль д'Естрэ, основалъ свой разсказъ на новыхъ архивныхъ данныхъ, и въ особенности на неизвѣстной до сихъ поръ рукописи, въ которой изложена исторія посольства марсельскаго епископа Форбена Жансона въ Флоренцію для примиренія по приказанію Людовика XIV его двоюродной сестры съ ея мужемъ. Маргарита-Луиза, принцесса Орлеанская. была одна изъ самыхъ блестящихъ красавицъ своего времени: она была большого роста, хорошо сложена и отличалась живостью ума и воображенія, а также страстью къ удовольствіямъ. Сначала она, говорятъ, мечтала выйти замужъ за Людовика XIV, а затѣмъ влюбилась въ принца Карла Лотарингскаго. Но этому роману не суждено было окончиться свадьбой, и Мазарини изъ политическихъ видовъ возымѣлъ мысль объ ея бракѣ съ молодымъ наслѣдникомъ Тосканскаго престола, а Людовикъ XIV осуществилъ ее. Несмотря на всѣ свои протесты, молодая дѣвушка должна была повиноваться королю, и 19 апрѣля 1661 года она была обвѣнчана заглазно съ принцемъ Козьмой. Къ ужасу французской красавицы, привыкшей къ великолѣпію и удовольствіямъ Версальскаго двора, ея мужъ оказался некрасивымъ, даже уродливымъ юношей, мрачнымъ, недовѣрчивымъ, ревнивымъ до безумія, фанатичнымъ и слѣпо подчиненнымъ своей матери. Естественно, что она возненавидѣла своего мужа, и эта ненависть только увеличилась послѣ того, какъ она родила трехъ дѣтей, которыхъ она не могла видѣть, такъ какъ они ей напоминали мужа. На Флоренцію она смотрѣла, какъ на тюрьму, а на мужа, какъ на тюремщика, и нѣсколько разъ старалась бѣжать изъ дворца, переодѣвшись, то въ одинъ костюмъ, то въ другой, но всѣ эти попытки не удались, и она вынуждена была оставаться въ неволѣ, хотя и продолжала переписываться со своимъ возлюбленнымъ Карломъ Лотарингскимъ. Вступленіе на престолъ Козьмы, спустя девять лѣтъ послѣ свадьбы, еще болѣе усилило вражду къ нему жены, такъ какъ онъ былъ правителемъ лишь номи-

---

[1]) Die Lebensgeschichte Spinoza's von Freudenthal. Leipzig. 1899.

[2]) Une fille de France sur un trône itallien, par Paul d'Estrée. Revue des Revues. 15 août—1 septembre.

нально, а всю власть захватили въ свои руки его мать и дядя, кардиналъ Леопольдъ Медичи. Наконецъ, въ 1672 году молодой принцессѣ удалось обмануть приставленную къ ней стражу и бѣжать изъ дворца въ свою виллу Поджіо, у воротъ Флоренціи. Тамъ она не принимала мужа, не возвращалась къ нему и жила одна, наполняя всю Европу толками о своемъ скандальномъ поведеніи. Тогда Людовикъ XIV послалъ марсельскаго епископа для примиренія супруговъ, и въ числѣ двухъ секретарей этого прелата находился Серръ-де-Ла-Маринъ, авторъ найденнаго Полемъ д'Естрэ описанія означеннаго посольства. Отличаясь умомъ и юморомъ, этотъ молодой дипломатъ очень рельефно а мѣстами живо нарисовалъ картину, какъ великогерцогской семьи, такъ и тогдашняго флорентинскаго общества. Но если онъ представляетъ вѣрный портретъ Маргариты, то совершенно ложно придаетъ ея мужу красоту, умъ и величайшую заботливость о благѣ своихъ подданныхъ. По его словамъ, «Маргарита была прелестной двадцатисемилѣтней женщиной съ очень красивой фигурой, и единственный ея недостатокъ составлялъ слишкомъ большой ротъ. Она говорила на языкахъ французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и испанскомъ, была хорошей музыкантшей и отличалась большимъ умомъ, хотя этого не было замѣтно въ ея дѣйствіяхъ. Она отлично танцовала и ѣздила верхомъ, какъ наѣздница. Она была очень ловка и скрытна, но могла быть вѣрнымъ другомъ. Она ненавидѣла Италію и находилась въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ мужемъ, о чемъ говорила всѣмъ и каждому съ тою цѣлью, чтобы когда ей удастся совершить давно подготовленное бѣгство изъ Тосканы, то никто не удивился бы подобному поступку съ ея стороны. «Два мѣсяца пробыло французское посольство во Флоренціи, но всѣ усилія епископа примирить мужа съ женою не увѣнчались успѣхомъ. Какъ онъ ни хвалилъ передъ Маргаритой великаго герцога, онъ не могъ добиться отъ Маргариты другого отвѣта, какъ: «Если вы находите, что мой мужъ такой прекрасный человѣкъ, то берите его себѣ, я уступаю вамъ его съ удовольствіемъ». Но, не желая навлекать на себя гнѣва могущественнаго французскаго короля, Маргарита прибѣгла къ хитрости и представившись, что доводы епископа подѣйствовали на нее, просила дать ей время подумать и снова посѣтить ее черезъ полгода. Она сама созналась въ этой хитрости Серру-де-ла-Маринъ, съ которымъ она обращалась очень дружелюбно и довѣрчиво. Прощаясь съ нимъ при отъѣздѣ посольства въ Парижъ, она сказала, тяжело вздыхая: «По крайней мѣрѣ, не забывайте присылать мнѣ извѣстія о нашемъ миломъ Парижѣ». Однако и она сама вскорѣ вернулась на родину. Ея мужъ и Людовикъ XIV были вынуждены подчиниться ея твердой волѣ изъ боязни, чтобы она не совершила какого нибудь безумнаго скандала. Поэтому ей разрѣшено было вернуться во Францію, но подъ условіемъ жить въ Монмартрской обители въ особо выстроенномъ для нея павильонѣ, не посѣщать Парижа и Версаля безъ особаго разрѣшенія и довольствоваться маленькой пенсіей, платимой ей мужемъ. Если Маргарита согласилась на эти тяжелыя условія, то лишь потому, что она надѣялась во Франціи добиться развода и выйти замужъ за Карла Лотарингскаго, съ которымъ не переставала переписываться. Неизвѣстно, чѣмъ кончились ея хлопоты о разводѣ, но достовѣрно, что она не вышла замужъ за любимаго человѣка, а въ своей обители завела

маленькій дворъ и вела очень веселую жизнь, что очень не нравилось ея мужу, который постоянно держалъ шпіоновъ при ней. Это только еще болѣе подстрекало Маргариту къ различнымъ экцентричностямъ, и она, однажды, выведенная изъ терпѣнія, написала ему: «Я рѣшилась отдаться дьяволу, чтобы получить возможность постоянно васъ мучить, но меня пугаетъ мысль, что, очутившись въ концѣ концовъ въ аду, я васъ тамъ встрѣчу». Спустя нѣсколько лѣтъ, она перешла въ другую обитель Пикъ-Пусъ, а потомъ въ Сенъ-Мандэ. Послѣ смерти Людовика XIV регентъ добился отъ Козьмы совершенной свободы для Маргариты, которой тогда было семьдесятъ лѣтъ, и она прожила свои послѣдніе дни въ Парижѣ частнымъ лицемъ. Однако она все-таки не могла забыть треволненій своей жизни, и прощаясь съ дочерью регента, которая отправлялась въ Модену, чтобы выйти замужъ за тамошняго герцога, она сказала ей: «Послушайтесь меня, дитя мое, поступите, какъ я, родите двухъ, трехъ дѣтей и надѣлайте такой скандалъ, чтобы васъ вернули во Францію. Лучше этого нельзя ничего придумать». Какъ извѣстно, герцогиня Моденская послѣдовала этому странному совѣту. Сама же Маргарита Тосканская умерла восьмидесяти лѣтъ, и ея духовное завѣщаніе обнаружило въ послѣдній разъ ея ненависть къ мужу.

— Свадьба Маріи Лещинской и Людовика XV. Генри Готье-Виллару удалось найти переписку Станислава Лещинскаго съ графомъ Дю-Буръ, губернаторомъ Страсбурга, и съ подполковникомъ Вошу, который служилъ агентомъ Станислава въ Парижѣ. Первая половина этой переписки хранится въ арсенальной библіотекѣ въ Парижѣ, а вторая составляетъ собственность Виллара, который на основаніи этихъ неизданныхъ документовъ бросаетъ новый свѣтъ на бракъ Маріи Лещинской съ Людовикомъ XV въ статьѣ, появившейся въ «Revue Hebdomadaire»[1]. Семнадцати-лѣтняя, скромная, тихая Марія Лещинская вела однообразную, набожную жизнь въ Виссембургѣ, гдѣ по милости регента жилъ ея отецъ, бывшій польскій король, когда послѣдній вошелъ въ переговоры съ маркизой де-При о бракѣ своей дочери съ герцогомъ Бурбонскимъ. Эта маркиза де-При была фавориткою герцога, и такъ какъ его мать рѣшила во что бы то ни стало женить молодого человѣка, то она стала подыскивать ему съ своей стороны такую жену, которую могла бы вести на помочахъ. Ея выборъ остановился на Маріи Лещинской, которая по своей молодости, мягкому характеру и бѣдности, такъ какъ у Станислава Лещинскаго не было никакого состоянія, могла удовлетворить всѣмъ ея требованіямъ. Она вошла въ сношенія съ полковникомъ Вошу и черезъ него вступила въ переговоры со Станиславомъ. Послѣдній пришелъ въ восторгъ отъ необыкновеннаго счастья, выпадавшаго на долю Маріи, и завелъ съ маркизой самую любезную переписку называя ее своимъ добрымъ другомъ. Конечно, такое поведеніе Станислава можно объяснить только тѣмъ, что онъ или не зналъ, кто такая маркиза де-При, или такъ жаждалъ пристроить свою дочь, что не разбиралъ средствъ къ достиженію этой цѣли. Во время переговоровъ умеръ

[1]) Le mariage de la princesse Leczinska, par H. Gauthier-Villars, «La Revue Hebdomadaire», 16 septembre 1899.

регентъ, и его мѣсто во главѣ французскаго правительства занялъ герцогъ Бурбонскій, но это нисколько не уничтожило плана маркизы, а напротивъ она послала своего живописца въ Виссембургъ для снятія портрета съ Маріи Лещинской. Этотъ портретъ такъ понравился маркизѣ и герцогу, что они рѣшили женить короля Людовика XV на скромной, смиренной молодой дѣвушкѣ, которую легко было водить за носъ. Подобнымъ ловкимъ маневромъ они добивались двухъ цѣлей: отсрочивали свадьбу герцога и пріобрѣтали королеву, вполнѣ имъ подвластную. Воспитатель короля, Флери, охотно согласился на этотъ планъ, такъ какъ Марія Лещинская, повидимому, не могла обнаружить ни достаточныхъ чаръ, ни достаточной силы воли, чтобы забрать въ руки короля и удалить Флери. Такимъ образомъ дѣло было порѣшено, и герцогъ Бурбонскій въ тотъ же день написалъ графу дю-Буру, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Станиславу Лещинскому, и потребовалъ отвѣтъ, храня все въ самой глубокой тайнѣ. Получивъ письмо отъ дю-Бура съ офицеромъ, которому тотъ вполнѣ довѣрялъ, Станиславъ бросился стремглавъ къ своей дочери и воскликнулъ съ радостью: «Дитя мое, преклонимъ колѣна и возблагодаримъ Бога». Не понимая, что случилось, Марія спросила, не вернули ли отцу польскій престолъ, но онъ отвѣчалъ: «Небо посылаетъ намъ гораздо бо̀льшее благополучіе: ты — французская королева». Конечно, онъ немедленно отвѣчалъ герцогу Бурбонскому, что готовъ исполнить приказаніе его величества и считаетъ себя счастливѣйшимъ на свѣтѣ отцемъ, хотя также былъ бы очень счастливъ, если бы состоялся ранѣе предположенный бракъ между его дочерью и герцогомъ. По ироніи судьбы, въ ту самую минуту, какъ изгнанному королю ниспадало такое неожиданное счастье, ему до зарѣза были необходимы 13.000 ливровъ для выкупа послѣднихъ семейныхъ брильянтовъ, которые онъ заложилъ одному франкфуртскому еврею, поэтому онъ обратился съ просьбою къ дю-Буру ссудить ему эти деньги, и добрый старикъ немедленно исполнилъ его желаніе, тѣмъ болѣе, что было уже извѣстно о блестящей перемѣнѣ, долженствовавшей вскорѣ произойти въ судьбѣ Лещинскаго. Конечно, не было теперь предѣловъ надеждамъ бывшаго короля, и онъ уже мечталъ о своемъ возстановленіи на польскомъ престолѣ, но герцогъ Бурбонскій поручилъ Вошу̀ объявить Станиславу, что онъ долженъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Польшу, и только въ этомъ случаѣ герцогъ обѣщалъ принять мѣры къ возвращенію ему польскихъ его помѣстій. Станиславу пришлось на все согласиться, и ему суждено было еще пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ до счастливаго окончанія дѣла. При французскомъ дворѣ никто не былъ доволенъ выборомъ невѣсты короля, и начались всякаго рода подкопы подъ нее, такъ стали увѣрять, что она страдала падучей болѣзнью, что у нея на рукѣ была рана, и что она питала еретическія религіозныя идеи. Герцогъ Бурбонскій переполошился и послалъ доктора освидѣтельствовать невѣсту, а Вошу̀ поручилъ навести справки у ея духовника насчетъ ея набожности. Отвѣты получились самые удовлетворительные, и тогда герцогу осталось только потребовать башмакъ, перчатку и мѣрку платья невѣсты для приготовленія ей достойнаго королевы приданаго. Но и тутъ относительно башмака явилось препятствіе, такъ какъ, по словамъ Вошу̀, у Маріи Лещинской не оказалось

приличнаго башмака, и пришлось его замѣнить туфлей. Такимъ образомъ замѣчаетъ въ концѣ своей статьи Готье-Вилларъ, «заключенъ былъ бракъ Людовика XV герцогомъ Бурбонскимъ и его фавориткой въ виду ихъ личной пользы, тогда какъ объ интересахъ Франціи никто не думалъ».

— Изъ записокъ Шуазеля. Въ первой сентябрьской книжкѣ «Revue de Paris»[1]) заключается продолженіе выдержекъ изъ недавно найденныхъ записокъ извѣстнаго министра Людовика XV. На этотъ разъ мы находимъ въ нихъ разсказъ Шуазеля о томъ, какое имѣло послѣдствіе покушеніе фанатика Дамьена, который 5-го января 1757 года, въ шесть часовъ вечера, воспользовавшись темнотою, на лѣстницѣ Версальскаго дворца, куда онъ проникъ вмѣшавшись въ толпу придворныхъ, бросился съ ножемъ въ рукѣ на короля и нанесъ ему небольшую царапину. Шуазель въ моментъ покушенія находился въ Римѣ. Онъ разсказываетъ, что извѣстіе это сильно его поразило, и хотя мадамъ де-Помпадуръ и успокаивала его относительно совершенной неопасности раны, но все же онъ былъ сильно опечаленъ и много плакалъ; плакали вмѣстѣ съ нимъ всѣ члены посольства. Воспользовавшись вскорѣ послѣ этого отпускомъ, Шуазель выѣхалъ изъ Рима и въ февралѣ мѣсяцѣ былъ уже въ Парижѣ. Здѣсь онъ, еще до офиціальной аудіенціи, увидѣлъ короля у г-жи де-Помпадуръ. Людовикъ разспрашивалъ его о пребываніи въ Италіи и спросилъ, между прочимъ, видѣлъ ли онъ короля сардинскаго. Шуазель отвѣтилъ утвердительно и сказалъ, что король сардинскій очень жалѣетъ о несчастномъ случаѣ, бывшемъ съ его племянникомъ. Людовикъ повторилъ за Шуазелемъ слово «случай», и спросилъ, что оно должно обозначать: то, что произошло въ Версалѣ, можно назвать убійствомъ, но никакъ не простымъ «несчастнымъ случаемъ». Дальнѣйшія свѣдѣнія, собранныя Шуазелемъ, доказали, что на короля покушеніе, дѣйствительно, произвело ужасающее впечатлѣніе, и что не скоро послѣ него онъ оправился. Несмотря на то, что фанатикъ причинилъ ему лишь небольшую царапину, Людовикъ XV, почувствовавъ себя раненымъ, страшно испугался. Онъ началъ готовиться къ смерти, просилъ прощенія у всей семьи, призывалъ ежеминутно духовника и умолялъ объ отпущеніи грѣховъ. Между тѣмъ, рана была такого характера, что человѣкъ съ нѣкоторымъ самообладаніемъ ни за что не отложилъ бы изъ-за нея предполагавшагося въ этотъ вечеръ ужина въ Тріанонѣ. Король пролежалъ послѣ покушенія цѣлыхъ девять дней въ постели, за опущенными занавѣсками, не видя свѣта и почти никого не принимая. Придворные интриганы постарались воспользоваться для своихъ цѣлей тѣмъ состояніемъ изнеможенія, въ которомъ находился король. Главнѣйшіе изъ интригъ направлялись противъ г-жи де-Помпадуръ, въ то время главной метрессы короля. Королевская семья, особенно жена дофина, думала воспользоваться религіозными мотивами для того, чтобы удалить ненавистную ей фаворитку. Хотѣли заставить короля причаститься какъ бы передъ кончиною, надѣясь, что тогда онъ удалитъ фаворитку. Эти интриги имѣли нѣкоторый успѣхъ. Король хотя и не согласился окончательно приготовиться къ смерти, не исповѣдывался и не причащался, но зато велѣлъ призвать къ себѣ хранителя пе-

[1]) L'attentat de Damiens, par Choiseul.—Revue de Paris, 1 septembre 1899.

чатей Машо и далъ ему секретное порученіе переговорить съ г-жею де-Помпадуръ и уговорить ее, чтобы она оставила дворъ. Машо исполнилъ это порученіе очень неудачно. Вмѣсто того, чтобы передать фавориткѣ все содержаніе своего разговора съ королемъ, онъ, какъ бы отъ своего имени, посовѣтовалъ ей уѣхать изъ Версали. Г-жа де-Помпадуръ нѣсколько разъ переспрашивала его, говоритъ ли онъ это по приказанію короля; Машо отвѣчалъ, что король еще не далъ окончательнаго указанія, но что ѣхать все-таки надо. Тогда фаворитка рѣшительно ему заявила, что поѣдетъ только по полученіи непосредственнаго приказанія короля. Машо, который былъ обязанъ ей всѣмъ, не сталъ болѣе настаивать; такъ какъ, однако, онъ вѣрилъ въ неминуемую ссылку фаворитки и боялся, что посѣщенія его у нея испортятъ его отношенія съ дофиномъ, то онъ болѣе ни разу у г-жи де-Помпадуръ не появлялся. Не получая никакихъ извѣстій отъ короля, фаворитка рѣшилась обратиться къ нему съ письмомъ: камердинеръ короля де-Шансене взялся передать написанную ею записку Людовику. Записка эта осталась безъ отвѣта. Безпокойство г-жи де-Помпадуръ поэтому поводу росло, а враги ея уже торжествовали побѣду. Къ этимъ врагамъ принадлежалъ въ данную пору и военный министръ д'Аржансонъ, доказавшій свою непріязнь фавориткѣ въ слѣдующемъ дѣлѣ. При версальскомъ дворѣ существовало тайное установленіе, чтобы письма цѣлаго ряда придворныхъ лицъ на почтѣ списывались, и въ копіяхъ, одновременно съ утреннею газетою, представлялись на прочтеніе королю. Этотъ послѣдній, послѣ просмотра, обыкновенно передавалъ ихъ фавориткѣ. Доставленіемъ писемъ завѣдывалъ почтмейстеръ Жаннель, и обыкновенно главный начальникъ почтъ д'Аржансонъ даже не зналъ о томъ, какія письма доставлялись королю. Теперь, вскорѣ послѣ покушенія Дамьена, въ Парижѣ появились уличныя прокламаціи, въ которыхъ содержались насмѣшки надъ трусостью короля. Помпадуръ, превосходно зная обычай копированія писемъ, и опасаясь, какъ бы въ числѣ переданныхъ на прочтеніе королю не оказалось выдержекъ изъ прокламацій, приказала Жаннелю такихъ писемъ королю на прочтеніе не давать, чтобы не разстраивать его. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, д'Аржансонъ немедленно заявилъ Жаннелю, чтобы тотъ не смѣлъ ему слѣдовать, а докладывалъ королю все рѣшительно. Отъ фаворитки не скрылось это противодѣйствіе ея мѣрамъ, и она попробовала въ личной бесѣдѣ заставить д'Аржансона перемѣнить свое мнѣніе. Министръ оказался непреклоннымъ. Тогда фаворитка сказала, отпуская его: «Я, можетъ быть, никогда уже не увижу короля, но если я его увижу, то будьте увѣрены, что немедленно же одинъ изъ насъ—вы или я, будетъ изгнанъ отсюда». Всѣ интриги и контръ-интриги закончились довольно неожиданно. На девятый день послѣ «убійства» король Людовикъ XV оставилъ свой одръ болѣзни и, первымъ же долгомъ, къ чрезвычайному удивленію всего придворнаго міра, зашелъ къ мадамъ де-Помпадуръ. Фаворитка выказала необыкновенную радость при видѣ его и не обмолвилась ни однимъ словомъ по поводу огорченій, доставленныхъ ей долговременнымъ отсутствіемъ короля. Людовикъ, ожидавшій упрековъ и сценъ ревности, былъ весьма пріятно пораженъ этимъ пріемомъ, и Помпадуръ немедленно же почувствовала, что власть ея по отношенію къ королю нисколько не уменьшилась. Она воспользовалась слу-

чаемъ, чтобы пожаловаться на Машо и д'Аржансона; чтобы придать своимъ жалобамъ больше вѣса, она показала дѣйствительное или подложное письмо военнаго министра къ г-жѣ де-Эстрадъ, въ которомъ король былъ названъ «слабоумнымъ». Людовикъ тутъ же рѣшилъ уволить обоихъ министровъ: одного потому, что считалъ необходимымъ сдѣлать выборъ между отставкою его или отставкою метрессы, а другого потому, что боялся непріятныхъ объясненій по поводу порученія, которое онъ же далъ Машо. Д'Аржансона рѣшено было послать въ Ормъ, а Машо—въ его помѣстье Арнувилль близъ Гонеза. Врученіе отставки произошло при довольно характерной обстановкѣ. Д'Аржансонъ узналъ черезъ шпіоновъ, которыми онъ окружилъ Машо, объ угрожающей этому послѣднему отставкѣ; о своей собственной онъ, однако, ничего еще не зналъ. Поэтому онъ въ кругу своихъ друзей цѣлый вечеръ разсуждалъ о томъ, кто будетъ замѣстителемъ главнаго контролера, и выражалъ убѣжденіе, что выборъ короля, вѣроятно, падетъ на него, д'Аржансона. Каковы же были его удивленіе и ужасъ, когда вмѣсто ожидавшейся королевской милости ему на слѣдующее утро врученъ былъ приказъ объ отставкѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, по словамъ Шуазеля, сумѣлъ съ большимъ достоинствомъ вынести неожиданный ударъ судьбы. Всѣ эти перемѣны произошли за короткое время, прошедшее отъ дня покушенія до пріѣзда Шуазеля изъ Рима. Въ февралѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ оказался Руйе, «извѣстный всѣмъ своею глупостью», какъ пишетъ Шуазель. Вѣдомство двора было подчинено де-Сенъ-Флорентэну, позже произведенному въ герцоги де-ла-Врильеръ; ему же подчинены были Парижъ и всѣ провинціи. Военнымъ министромъ сталъ де-Поми, а генеральнымъ контролеромъ де-Мора. Всѣ рѣшительно эти назначенія были дѣломъ рукъ Помпадуръ. Недовольный этими назначеніями, Шуазель спросилъ фаворитку, неужели она не могла предложить лучшихъ кандидатовъ. Помпадуръ отвѣчала на это, что короля очень легко заставить прогнать министра, но трудно принудить его назначить новаго: пришлось поэтому взять тѣхъ, кто уже засѣдалъ въ совѣтѣ министровъ. Особенно поразило Шуазеля, что Руйе, хотя и былъ офиціальнымъ главою иностраннаго вѣдомства, тѣмъ не менѣе, ровно ничего не зналъ о важнѣйшихъ переговорахъ съ иностранными державами, которые велись при непосредственномъ участіи г-жи Помпадуръ. Совершенно въ тайнѣ отъ министра держали, напримѣръ, чрезвычайно важныя работы по заключенію тайнаго договора съ вѣнскимъ дворомъ. Шуазеля посвятили въ эту тайну въ виду того, что хотѣли его назначить посломъ при вѣнскомъ дворѣ. Договоръ, который долженъ былъ стоить Франціи милліона солдатъ и лучшихъ ея колоній, былъ выработанъ аббатомъ Берни въ сотрудничествѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Штаренбергомъ. Министру сообщили объ этомъ договорѣ только тогда, когда проектъ уже былъ готовъ къ подписанію. Находясь въ Креси у Помпадуръ, Шуазель впервые ознакомился съ этимъ проектомъ и пришелъ въ ужасъ отъ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыхъ исполненіе его потребуетъ отъ Франціи: притомъ единственнымъ результатомъ этихъ жертвъ могло явиться лишь усиленіе могущества австрійскаго дома. Однако, такъ какъ дѣло уже было рѣшено, то спорить болѣе не приходилось. На этомъ эпизодѣ и кончаются выдержки изъ записокъ Шу-

азеля въ «Revue de Paris». Интересно одно замѣчаніе друга Помпадуръ. Слабохарактерный и трусливый Людовикъ XV обладалъ большой смѣлостью въ даваніи отставокъ министрамъ. За все время своего правленія онъ отставилъ болѣе шестидесяти министровъ, въ то время какъ энергичный и властолюбивый Людовикъ XIV, за пятьдесятъ три года со времени смерти Мазарини, далъ отставку только троимъ: Фукэ, Помпонну и Шамильяру.

— Интимная жизнь Людовика XV. К. Флёри даетъ въ послѣдней своей книгѣ интересную картину двора Людовика XV и рядъ характеристикъ многочисленныхъ временщицъ этого короля [1]). Здѣсь на первомъ планѣ мы видимъ «гордую Вашти», маркизу Куаленъ, впавшую въ немилость вслѣдствіе искусно проведенныхъ интригъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда она уже торжествовала свою побѣду надъ маркизою Помпадуръ, усиленно хлопотавшей въ это время объ австрійскомъ союзѣ. Послѣ ряда галантныхъ авантюръ, бывшая фаворитка со многими представителями высшаго свѣта оказалась запутанной въ исторіи банкротства принца Гемене́. Когда наступила революція, она избѣгла опасностей ея, скрываясь въ Вандеѣ подъ видомъ прислуги. Однако она скоро вернулась въ Парижъ, гдѣ была очень близка съ Шатобріанами, считалась оракуломъ хорошаго тона и на девятомъ десяткѣ лѣтъ бесѣдовала съ Карломъ X о дворѣ Людовика XV. И въ это время, какъ и въ молодости своей, она имѣла соперницею г-жу д'Эспарбесъ, раньше бывшую возлюбленной Лозёна и «многолюбимаго» Людовика, женщину, такъ умѣло ведшую свою политику, что даже въ наиболѣе опасные дни революціи она едва находила нужнымъ прекращать пріемы въ своихъ салонахъ. Исключеніемъ въ средѣ обыкновенно жадныхъ до денегъ «petites maîtresses» является одна изъ послѣднихъ фавориток̃ъ, голландка г-жа Патеръ, вышедшая замужъ за маркиза де-Шансене, губернатора тюйльерійскаго дворца. Эмигрировавъ въ началѣ смутъ, она предложила въ распоряженіе графа Артуа отъ двадцати до пятидесяти тысячъ франковъ; она ссылалась при этомъ на то, что «обязана всѣмъ своимъ имуществомъ его дѣду». Контрастомъ къ этимъ высокопоставленнымъ особамъ является «la belle Morphise» или m-lle Мюрфи, особа весьма низкаго происхожденія. За то, что она назвала г-жу Помпадуръ «старой кокеткой», ее немедленно уволили и выдали, съ хорошимъ, впрочемъ, приданымъ, замужъ за г. де Бофранше. Переживъ какъ его, такъ и второго своего супруга, она оказалась во время террора заключенною въ Сэнъ-Пелажи. Освободившись отсюда, она, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, вышла замужъ за молодого члена конвента, черезъ пять лѣтъ развелась съ нимъ и умерла въ 1815 году. Генералъ Бофранше, отличавшійся ультрареспубликанизмомъ и служившій въ Вандеѣ, былъ, по мнѣнію нашего автора, сыномъ отъ перваго мужа Морфизы, а не отъ «Bienaimé» (Людовика XV), какъ полагали. Мадмуазель де́-Романъ является типичною представительницей низшей буржуазіи въ ряду petites maîtresses. Хотя ея сынъ, аббатъ де-Бурбонъ, былъ единственнымъ изъ «батардовъ», признаннымъ Людовикомъ XV, мадемуазель де-Романъ была недовольна этимъ и хотѣла, чтобъ ея дитя было, какъ слѣдуетъ, узаконено. Ея приставанія

[1]) Louis XV intime et les petites maitresses. Par Comte Fleury.

въ этомъ смыслѣ и ея стремленія стать на мѣсто г-жи Помпадуръ въ качествѣ maîtresse en titre надоѣли королю настолько, что пятилѣтняя связь ея съ королемъ закончилась внезапной немилостью, которая, какъ всегда, была смягчена всякими подарками и льготами, доставившими ей ежегодный доходъ въ четыре тысячи ливровъ, по меньшей мѣрѣ. Выданная замужъ за маркиза де-Каванака, она вновь появляется на сцену въ царствованіе Людовика XVI въ качествѣ законодательницы модъ, собственницы театра, управлявшагося ея зятемъ, и покровительницы начинавшаго свою карьеру аббата де-Буажелэна. Связь ея съ этимъ аббатомъ была настолько явная, что не осталась тайною и для ея мужа, который однако не могъ съ ней ничего подѣлать. Сынъ маркизы, аббатъ де-Бурбонъ, добился того, что при помощи lettre de cachet его вотчима изгнали изъ Парижа, судъ объявилъ супруговъ разведенными, и маркиза продолжала свою шумную жизнь вдвоемъ съ аббатомъ Буажелэномъ. Во время позднѣйшихъ смутъ бывшая фаворитка укрывалась въ Испаніи, но потомъ вернулась и умерла въ Версали во времена имперіи. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, petites maîtresses представляютъ примѣры удивительнаго долголѣтія. Что касается аббата де-Бурбонъ, то, прождавъ напрасно во Франціи обѣщанныхъ ему кардинальства и епископства Байё, онъ отправился въ Италію, ища поддержки у Луизы, дочери Людовика XV, кармелитки. Здѣсь онъ умеръ въ 1787 году отъ оспы къ большему облегченію Madame Луизы, которая обѣщанное ему мѣсто имѣла въ виду передать другому «батарду» своего отца — Бенуа-ле-Дюку. Когда въ 1789 году Фавръ, осужденный за заговоръ противъ революціи, всходилъ на эшафотъ, принявъ на себя вину графа Прованскаго, то утѣшавшимъ несчатную жертву духовникомъ былъ аббатъ Ле-Дюкъ, увѣщевавшій Фавра хранить молчаніе до конца, такъ какъ оно должно спасти весь королевскій домъ. Въ январѣ 1793 года аббатъ еще разъ выступаетъ на сцену въ интересахъ королевскаго дома: онъ просилъ конвентъ передать ему для погребенія тѣло Людовика Капета. Эта просьба была отвергнута. Помимо интересныхъ данныхъ о фавориткахъ и ихъ дѣтяхъ, въ книгѣ Контъ-Флёри мы находимъ еще много интереснаго о дворѣ Людовика XV, о его характерѣ, объ обстоятельствахъ его смерти. Про послѣднія мгновенія короля разсказывается очень подробно—на протяженіи шестидесяти страницъ. Извѣстно, что король умеръ, заразившись оспою отъ присланной къ нему молодой дѣвушки. Смерть отъ заразы, сдѣлавшая невозможнымъ торжественное погребеніе, сберегла Франціи два милліона франковъ.

— Воспоминанія французскаго морского офицера объ американской войнѣ. Въ семейномъ архивѣ барона де-Батца отыскалась связка пожелтѣвшихъ, запыленныхъ писемъ его дяди, мичмана французскаго флота Генри де-Монтегю во время американской войны за независимость. Они рисуютъ живую историческую и бытовую картинку, а потому редакція «Revue Hebdomadaire» хорошо поступила, что напечатала отрывки изъ нихъ съ коментаріями де-Батца въ формѣ интереснаго, даже мѣстами драматическаго разсказа[1]). Генри де-Монтегю, сынъ совѣтника въ Тулузскомъ парламентѣ, родился

[1]) Un officier de marine pendant la guerre d'Amerique, 1778 — 1785, par le baron de Batz. «Revue Hebdomadaire». 2—8 septembre 1899.

въ 1763 году и поступилъ четырнадцати лѣтъ гардемариномъ въ королевскій флотъ. Прибылъ онъ въ Брестъ' для сдачи экзаменовъ въ самый разгаръ приготовленій къ войнѣ съ Англіей и тотчасъ писалъ отцу: «Здѣсь много говорятъ о войнѣ и дѣлаются приготовленія, чтобъ хорошо встрѣтить господъ англичанъ. Мы здѣсь на концѣ свѣта, потому что за Брестомъ нѣтъ ничего, кромѣ моря, и вся часть города, выходящая на берегъ, усѣяна пушками и мортирами для встрѣчи враговъ ядрами, бомбами и. д.». Въ другомъ письмѣ юный мичманъ описывалъ торжественную церемонію пріема королевскаго портрета, который прибылъ моремъ изъ Ландерно и принятъ со всевозможными почестями. «Его встрѣтили, словно это былъ самъ король,—разсказываетъ онъ,— четырьмя тысячами выстрѣлами съ берега, съ судна, на которомъ онъ прибылъ, его снялъ караулъ, подъ командой одного изъ капитановъ стоящихъ здѣсь судовъ, а потомъ его вынесли на берегъ и повезли въ парадномъ экипажѣ среди выстроившихся шпалерами пяти полковъ въ домъ коменданта порта, гдѣ онъ будетъ стоять». Наконецъ, Генри удовлетворительно сдалъ экзаменъ, хотя экзаменаторомъ былъ страшный академикъ Безу, спеціалистъ по механикѣ и товарищъ знаменитыхъ Ла-Пласа, Линея, Лавуазье, Кондорсэ и т. д. Впервые увидалъ море юный мичманъ на фрегатѣ «Зефиръ», и хотя дошелъ только до Сенъ-Мало, но много страдалъ отъ морской болѣзни; затѣмъ онъ окончательно поступилъ на линейный корабль «Герцогъ Бургундскій», капитаномъ котораго былъ виконтъ Рошшуаръ, и тутъ началась его дѣйствительная морская служба. Приготовленія къ войнѣ продолжались, и въ Брестѣ уже было собрано 40 линейныхъ кораблей и 30 фрегатовъ, когда геройскій подвигъ лейтенанта де-ла-Клаштри на фрегатѣ «Belle Poule» взволновалъ всю Францію, а потомъ Европу, и послужилъ поводомъ къ объявленію войны. Вотъ какъ Монтегю описываетъ эту первую стычку съ англичанами, хотя онъ лично въ ней не участвовалъ: «Нѣсколько дней тому назадъ вышло въ море пять, или шесть фрегатовъ, а вчера въ 7 часовъ вечера послышалась отдаленная пушечная пальба, которая продолжалась до полуночи. Сегодня утромъ узнали, что французскій фрегатъ «Belle Poule» сражался съ англійскимъ фрегатомъ. Бой длился четыре или пять часовъ, и англичанинъ уже поднялъ сигналъ, что сдается, но французскій командиръ далъ еще пятьдесятъ четыре выстрѣла и уже приготовлялся къ абордажу, какъ подошли два новыхъ англійскихъ судна, и нашему фрегату пришлось отступить». Спустя нѣсколько дней, Монтегю возвращается снова къ этому геройскому подвигу и замѣчаетъ: «Въ Парижѣ введена новая уморительная мода по случаю геройскаго боя «Belle Poule» (красавица курица), и дамы въ честь его носятъ на головныхъ уборахъ чучелы большихъ курицъ съ растопыренными крыльями». Въ этомъ же письмѣ онъ характерно прибавляетъ: «Я слышалъ, что аббатъ (его младшій братъ) снялъ свою рясу, и меня это очень обрадовало. Но потомъ мнѣ сказали, что это неправда. Дѣйствительно, самое лучшее, что онъ могъ бы сдѣлать,—это пріѣхать сюда черезъ два или три года. Право, лучше быть морякомъ, чѣмъ патеромъ». Въ первой морской битвѣ между французами и англичанами при островѣ Уэсанѣ молодой мичманъ также не участвовалъ, потому что его корабль «Герцогъ Бургундскій» по случаю тумана сбился съ пути и

долженъ былъ вернуться въ Брестъ. Вскорѣ послѣ этого онъ перешелъ на линейный корабль, которымъ командовалъ другъ его отца Монтэль, но все-таки ему долго не пришлось лично увидѣть морской бой, хотя онъ участвовалъ въ продолжительныхъ крейсировкахъ французскаго флота въ 1779 году по Ламаншу и у береговъ Испаніи. Въ его письмахъ, относящихся къ этому времени, встрѣчаются интересныя подробности о постоянныхъ ссорахъ и интригахъ, мѣшавшихъ успѣшнымъ дѣйствіямъ французскаго флота. Главнымъ образомъ онѣ сосредоточивались на ненависти всѣхъ моряковъ къ главному командиру флота, графу д'Естену, который былъ армейскимъ генераломъ и никогда не служилъ во флотѣ. Напротивъ адмиралъ Грасъ, котораго обошли ради д'Естена, пользовался общей любовью моряковъ. «Говорятъ много дурнаго о д'Естенѣ,—писалъ между прочимъ Монтегю,—но я думаю, что общая ненависть моряковъ противъ него—главная причина всѣхъ этихъ нападокъ». Какъ бы то ни было и несмотря на взятіе имъ острова Гренады, французская эскадра въ американскихъ водахъ была, наконецъ, отнята у него въ концѣ 1779 года и передана покровителю юнаго мичмана, Монтэлю, который взялъ его къ себѣ на адмиральскій корабль «Пальма». У Антильскихъ острововъ Монтегю впервые познакомился съ непріятельскимъ огнемъ, и Монтэль писалъ его отцу, что онъ по храбрости былъ маленькимъ Цезаремъ». Его корабль «Пальма» выдержалъ успѣшно самыя отчаянныя нападенія англійскаго адмирала Роднэя, о которомъ авторъ статьи въ «Revue hebdomadaire» разсказываетъ характерный анекдотъ, служащій къ чести французовъ. Передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій Роднэй находился во Франціи и сидѣлъ за долги въ тюрьмѣ. Однажды, разговаривая съ французскими офицерами, онъ воскликнулъ: «Если бы я былъ на свободѣ и стоялъ во главѣ англійскаго флота, то быстро бы уничтожилъ французскія и испанскія эскадры». Тогда маршалъ Биронъ отвѣчалъ: «Ваши долги всѣ заплочены, вы на свободѣ; постарайтесь исполнить свое обѣщаніе. Французы не желаютъ пользоваться случайностью, которая вамъ мѣшаетъ дѣйствовать противъ нихъ. Они привыкли только храбростью отнимать возможность у враговъ воевать съ ними». Дорого пришлось заплатить французамъ за эту рыцарскую выходку маршала Бирона, такъ какъ Роднэй, принявъ команду надъ англійскимъ флотомъ, нанесъ много вреда имъ и ихъ союзникамъ испанцамъ. Во время зимней стоянки 1780—1781 годовъ эскадры Монтэля въ Гаваннѣ, Монтегю много веселился, постоянно живя на берегу, а въ октябрѣ 1781 года онъ принялъ участіе въ крупномъ историческомъ событіи, покончившемъ войну за независимость Америки. «3-го августа,—разсказываетъ онъ:—мы вышли изъ Санъ-Доминго въ числѣ 28 линейныхъ судовъ и 3 фрегатовъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала графа де-Граса, и 30-го числа бросили якорь въ Чизапикской бухтѣ. На слѣдующій день мы высадили 3.000 солдатъ подъ начальствомъ Сенъ-Симона, присланныхъ для подкрѣпленія Лафайета, который командуетъ американскимъ корпусомъ въ 4.000 человѣкъ. 5 сентября показались на горизонтѣ двадцать непріятельскихъ судовъ, а у насъ тогда было двадцать четыре корабля, такъ какъ остальные блокировали устья рѣкъ, Джемсъ и Іоркъ. Мы вступили въ бой съ непріятелемъ, но, благодаря противному вѣтру, часть флота, какъ

нашего, такъ и непріятельскаго, не участвовала въ битвѣ. Бой продолжался три часа, а потомъ мы оставались три дня лицомъ къ лицу съ англичанами. Когда они удалились, то мы послали въ Балтимору всѣ фрегаты и мелкія суда, чтобы перевезти къ Іорку Вашингтона и Рошамбо съ ихъ войсками. По ихъ прибытіи, началась осада Іорка, гдѣ лордъ Корнвалисъ былъ запертъ съ семью тысячами солдатъ. Послѣ десяти-дневныхъ работъ въ американскихъ траншеяхъ, онъ сдался 18 октября со всѣмъ гарнизономъ». Въ концѣ этого письма встрѣчается необычный у Монтегю протестъ противъ дѣйствій начальства: такъ онъ замѣчаетъ, что офицерамъ давно уже не выдаютъ жалованья, и прибавляетъ: «вотъ что получаешь за честную службу королю». Затѣмъ Монтегю участвовалъ во взятіи Пензакольма маленькой эскадрой Монтэля, а по отбытіи послѣдняго во Францію въ февралѣ 1782 года онъ перешелъ на линейный корабль «Пламенный», подъ начальствомъ капитана Гугильона. Во время несчастной для Франціи битвы при Санъ-Доминго этотъ корабль былъ взятъ въ плѣнъ англичанами, о чемъ Монтегю очень лаконично писалъ отцу: «Мнѣ дозволяютъ, милый отецъ, написать вамъ, что я здоровъ, несмотря на взятіе «Пламеннаго»; я теперь нахожусь на англійскомъ кораблѣ, и со мною обходятся очень хорошо». Доставленный въ Лондонъ, онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, былъ освобожденъ отъ плѣна подъ честнымъ словомъ и возвратился во Францію 22-го іюля. Въ слѣдующемъ году онъ, былъ отправленъ въ Индію, гдѣ оставался до лѣта 1785 года. 23 августа этого года онъ находился на рейдѣ острова Св. Маврикія и случайно упалъ въ море, спускаясь съ своего корабля на лодку. Несмотря на всѣ старанія, матросы не могли найти его тѣла, и такимъ драматическимъ образомъ окончилась его жизнь на 22-мъ году.

— Испанская докторша философіи въ XVIII вѣкѣ. Въ «Figaro» напечатана интересная статья извѣстной французской писательницы Жанны Дьелафуа о невѣдомой испанкѣ, которая получила въ Алькальскомъ университетѣ въ 1785 году ученую степень доктора философіи и каѳедру риторики [1]). Женщины въ Испаніи могутъ гордиться тѣмъ, что въ научныхъ лѣтописяхъ этой страны блеститъ нѣсколько женскихъ именъ. Въ XVI вѣкѣ Педро Торесъ въ своей хроникѣ упоминаетъ объ одной женщинѣ, которая читала каноническое право въ Алькальскомъ университетѣ, а на дому преподавала латинскій языкъ, риторику и піитику. Въ XVII столѣтіи Изабелла Католическая училась латыни у Беатриксы Галиндо, которая обучала этому предмету въ Саламанкѣ, и королева въ своихъ письмахъ называетъ ее: «дамой съ большими познаніями въ наукѣ и искусствѣ». Около этого же времени Барселонскій университетъ удостоилъ докторской степени знаменитую женщину-законовѣда—Жуану Морель, а Саламанкскій—св. Терезію. Переходя отъ этихъ предшественницъ къ докторшѣ философіи Алькальскаго университета, доннѣ Маріи Онате, г-жа Дьелафуа сообщаетъ о ней біографическія свѣдѣнія. Она родилась въ Мадридѣ 31 декабря 1768 г. и была дочерью маркиза Монталегръ, графа Онате, и донны Маріи, графини Паредесъ. Съ дѣтства она отличалась замѣчательнымъ умомъ, и отецъ поэтому поручилъ ея воспитаніе почтенному ученому Антоніо Альмарцо, подъ

---

[1]) La doctoresse d'Alcala, par Jane Dieulafoy.—«Figaro», 3 septembre 1899.

руководствомъ котораго она сдѣлала такіе быстрые успѣхи, что въ 17 лѣтъ знала языки греческій, латинскій, итальянскій и французскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла, по выраженію наставника, «спорить о философіи съ Аристотелемъ и о математикѣ съ Евклидомъ». Узнавъ объ удивительной учености донны Маріи, король Карлъ III заявилъ, что степень доктора должна увѣнчать такой необыкновенный талантъ. Исполняя королевское желаніе, Алькальскій университетъ назначилъ экзаменъ доннѣ Маріи, въ твердой увѣренности, что семнадцатилѣтнюю дѣвушку собьютъ три ученые монаха, назначенные съ этою цѣлью экзаменаторами. Этотъ экзаменъ произошелъ 5 іюня 1785 года, и донна Марія блестящимъ образомъ выдержала его, несмотря на всѣ старанія экзаменаторовъ спутать ее многочисленными вопросами по четыремъ языкамъ, риторикѣ, миѳологіи, философіи, географіи, геометріи, физикѣ и естественнымъ наукамъ. На другой день новый докторъ-женщина получила въ торжественномъ собраніи университета свой дипломъ. Только студенты пришли въ негодованіе и, ворвавшись въ залъ, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный банкетъ въ честь доны Маріи, растащили всѣ приготовленные конфеты и сладости. Эта неприличная выходка возбудила всеобщее осужденіе, и сами студенты, сознавъ свою вину, послали къ молодой дѣвушкѣ депутацію съ извиненіями, а вечеромъ устроили великолѣпную серенаду. Въ знакъ примиренія Марія подарила университету свой поясной портретъ, на которомъ она изображена въ черномъ платьѣ и голубой мантіи; подлѣ нея на столѣ виднѣются нѣсколько философскихъ книгъ и свитокъ съ надписью: «Non est sapientia possessio pretiosior». Подъ портретомъ находится еще надпись: «Достойная донна Марія, Изидра, Квитина де-Гузманъ-и-ла-Серда-Онате, графиня Паредесъ, получила степень доктора философіи и литературы на 17 году своей жизни, въ Алькальскомъ университетѣ, 6 іюня 1785 года». Чтобы быть послѣдовательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не возбудить новой выходки студентовъ, университетское начальство предоставило Маріи каѳедру риторики, но поручило читать лекціи отъ ея имени Николаю Гередеро. Кромѣ того, ее назначили членомъ совѣта философскаго факультета и въ честь ея выбили медаль, но подъ всѣми этими почестями въ сущности преждевременно похоронили ея университетскую дѣятельность. О дальнѣйшей жизни Маріи Онате извѣстно только, что она была замужемъ, имѣла дѣтей и умерла 34-хъ лѣтъ.

— Происхожденіе французскихъ соціалистовъ. Ученый изслѣдователь французской революціи, Олларъ, доказываетъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ «Историческое происхожденіе французскаго соціализма» въ «Revue de Paris», что французскій соціализмъ родился теоретически и практически во время революціи 1789 г. [1]). Хотя Пьеръ Леру, говоритъ, что онъ сочинилъ слово соціализмъ и напечаталъ его впервые въ 1832 году въ своей рѣчи къ политическимъ дѣятелямъ о современномъ положеніи человѣческаго ума; но если не слово, то самая идея существовала, по словамъ Оллара, гораздо ранѣе, и дѣятелей революціи онъ считаетъ первыми соціалистами во Франціи, потому что принципъ равенства, освященный первой статьей деклараціи правъ

---

[1]) Les origines historiques du socialisme français, par A. Aullard. «Revue de Paris», 15 août 1899.

человѣка, составляетъ логическій зародышъ соціализма. Въ первое время никто, повидимому, не сознавалъ этого, и аграрная реформа считалась искренними республиканцами какимъ-то пугаломъ. Даже Маратъ говорилъ, въ 1790 году о возможности раздѣла земли между всѣми, только какъ объ угрозѣ, долженствовавшей побудить буржуазію къ распространенію избирательныхъ правъ на всѣхъ гражданъ. Но въ слѣдующемъ году въ газетѣ «Революціи Парижа» уже прямо упоминается о правахъ народа на землю; при этомъ анонимный авторъ не подстрекаетъ пролетаріевъ къ возстанію и къ насильственному овладѣнію землею, а говоритъ, что для общаго владѣнія землею необходимо распространеніе просвѣщенія, такъ какъ лишь «свѣточъ образованія можетъ указать прямой путь, опредѣляющій средину между правами и обязанностями народа». Извѣстный Лагарпъ возражалъ на эту статью въ «Mercure de France» съ буржуазной точки зрѣнія, и анонимный авторъ отвѣчалъ ему уже гораздо рѣзче, доказывая, что «французскій народъ, благодаря революціи, вступилъ въ свои права, и ему остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы вступить во владѣніе всѣмъ, что ему принадлежитъ». Около этого же времени два аббата: Курнанъ и Фоше, еще яснѣе распространяли соціалистскія идеи: первый въ книгѣ подъ заглавіемъ «Собственность передъ судомъ разума, справедливости и правды», а послѣдній въ своей газетѣ «La bouche de Fer». Курнанъ предлагалъ раздѣлить Францію такъ, чтобы треть земли приносила доходъ государству для покрытія расходовъ на управленіе, а остальныя двѣ трети были подѣлены между французами по четыре съ половиной десятины на каждаго, безъ права отчужденія. Что касается до Фоше, то въ своей газетѣ и въ соціальномъ клубѣ, который былъ открытъ имъ въ Пале-Роялѣ, онъ проповѣдывалъ тѣ самые принципы, которые теперь извѣстны подъ названіемъ христіанскаго соціализма. Но главы демократической партіи протестовали противъ аграрной реформы, и Робеспьеръ называлъ неравенство собственности зломъ неисправимымъ и неизбѣжнымъ. Съ торжествомъ буржуазіи, которая возстановила 17 іюля 1791 года Людовика XVI на престолѣ послѣ его бѣгства въ Вареннъ и провела въ учредительномъ собраніи избирательный цензъ, умолкаютъ голоса первыхъ соціалистовъ, а когда они снова начинаютъ раздаваться при установленіи конвента, то для успокоенія буржуазіи, которую напугали не только возобновившіеся въ газетахъ толки объ аграрной реформѣ, но и деклараціи въ духѣ отрицанія собственности нѣкоторыхъ правительственныхъ комиссаровъ, посланныхъ въ департаменты для набора волонтеровъ, конвентъ, по предложенію Дантона, объявилъ, что собственность находится подъ защитой націи. Однако это противодѣйствіе конвента соціальнымъ идеямъ, хотя временно задержало ихъ распространеніе, но не уничтожило, и даже жирондистъ Рабо-Сентъ-Этьенъ открыто развивалъ эти идеи въ газетахъ, а народный агитаторъ Варлей напечаталъ брошюру въ томъ же смыслѣ. Но Геберъ и Маратъ, мысли которыхъ раздѣлялись французскими рабочими, довольствовались тѣмъ, что подбивали народъ противъ богатыхъ, не развивая аграрныхъ системъ. Наконецъ парижане рѣшились примѣнить на практикѣ эту пропаганду и разнесли 25 февраля 1793 года булочныя и бакалейныя лавки; тогда конвентъ издалъ драконовскій законъ, подвергавшій смерт-

ной казни всякаго, кто предлагалъ введеніе аграрнаго закона или какое бы то ни было нарушеніе поземельной, комерческой и промышленной собственности. Однако значеніе этого закона совершенно стушевалось принятой вскорѣ тѣмъ же конвентомъ декларацiей о правѣ собственности по предложенію Робеспьера и въ замѣнъ проекта подобной декларацiи, составленнаго жирондистами въ смыслѣ безграничнаго признанія права собственности. Возражая противъ предложенія жирондистовъ, Робеспьеръ началъ съ того, что заявилъ: «матеріальное равенство—химера, и аграрный законъ—призракъ, которымъ пугаютъ дураковъ». Но потомъ, основываясь на необходимости ограничить собственность такъ же, какъ свободу индивидуума, правами всѣхъ остальныхъ гражданъ, онъ предложилъ конвенту принятіе четырехъ статей: «1) собственность составляетъ право каждаго гражданина пользоваться и располагать тѣмъ имуществомъ, которое ему гарантировано закономъ. 2) Право собственности ограничено, какъ всѣ другія права, обязанностью уважать права другихъ. 3) Это право не можетъ вредить безопасности, свободѣ, существованію и собственности другихъ гражданъ. 4) Всякое дѣйствіе или владѣніе, нарушающее этотъ принципъ, не законно и безнравственно». По словамъ Оллара, эти четыре статьи составляютъ основу радикально-соціальной реформы, и долго французскіе соціалисты, отъ Бабефа до Луи Блана, видѣли въ нихъ зачатокъ французскаго соціализма. Впрочемъ, если Робеспьеръ развилъ такимъ образомъ соціалистскую программу, то онъ сдѣлалъ это вовсе не потому, что былъ соціалистомъ, а лишь изъ политической тактики. Ему необходимо было унизить жирондистовъ и доказать, что составленная для нихъ знаменитымъ Кондорсэ конституція не достаточно демократична. Вотъ почему онъ дошелъ до соціализма, но какъ только онъ отдѣлался отъ жирондистовъ и сталъ всемогущъ, то въ новой конституціи провелъ почти буквально опредѣленіе собственности жирондистовъ, а объ его прежнихъ соціалистическихъ статьяхъ уже нѣтъ и помину. Напротивъ во время террора принимаются мѣры противъ всякой аграрной пропаганды и открыто признается святость собственности. «Но въ то же время, говоритъ Олларъ, своими дѣйствіями и законодательными мѣрами, которыя вызывались обстоятельствами, конвентъ поддерживаетъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, производитъ насильственными займами и прогрессивными налогами нѣчто въ родѣ матеріальнаго уравненія гражданъ и наконецъ вводитъ, не ради принципа, а съ цѣлью національной защиты, если не вездѣ, то въ нѣкоторыхъ общинахъ, коллективистскую систему». Въ доказательство этого тезиса Олларъ приводитъ тѣ законодательныя мѣры конвента, проводящіяся то во временной, то въ постоянной, формѣ или принципъ прогрессивнаго налога, по которому тотъ, кто имѣетъ больше, и платитъ больше на государственныя нужды. Рядомъ съ такими очевидно соціалистскими мѣропріятіями Олларъ ставитъ распоряженія комитета общественной безопасности о томъ, чтобы бѣдные патріоты въ провинціяхъ пользовались излишкомъ богатыхъ враговъ революціи. Такъ, напримѣръ, комиссары, посланные конвентомъ въ Ліонъ, Фуше и Колло-Дербуа, прямо заявляли, что всѣ бѣдные граждане будутъ получать помѣщеніе и кормъ насчетъ богатыхъ, и что «булочники обязаны прекратить печенье двухъ сортовъ хлѣба для богатыхъ и бѣдныхъ, а

обязаны печь одинъ хорошій хлѣбъ, хлѣбъ равенства». Кромѣ того, для веденія войны съ чужеземнымъ непріятелемъ, вторгнувшимся въ страну, конвентъ дѣлаетъ насильственный заемъ у богатыхъ въ милліардъ, а для успокоенія Парижа покупаетъ хлѣбъ и продаетъ его бѣднымъ часто дешевле стоимости. Наконецъ рабочіе получаютъ по сорока су въ день отъ правительства, подъ предлогомъ вознагражденія за ихъ присутствіе въ политическихъ собраніяхъ. Въ провинціи еще полнѣе примѣнялись муниципалитетами и общинами коллективистскія теоріи. Напримѣръ, въ Брестѣ и Тулонѣ все и всѣ были привлечены на пользу государства, а потому, какъ граждане, такъ и ихъ имущества, служили одинаково на общественныя потребности. Въ сельскихъ общинахъ замѣчались тѣ же явленія, и, напримѣръ, въ департаментѣ Шаранты комиссаръ конвента, Роммъ, предписывалъ сельскимъ мэрамъ принимать мѣры, чтобы всѣ члены общинъ «коллективно пользовались всѣми благами жизни», а въ общинѣ Шалиньякъ отпускали по вѣсу жителямъ одинаковое количество продовольствія: на работающаго 1 фунтъ, а на не работающаго полъ-фунта; что же касается до остальной провизіи, то она отбиралась у собственниковъ и сохранялась общинными властями на черный день. «Такимъ образомъ, говоритъ въ концѣ своей статьи Олларъ, французскій соціализмъ народился во время революціи и составляетъ логическое слѣдствіе не только деклараціи правъ человѣка, но и практическаго, хотя временнаго и безсознательнаго, осуществленія конвентомъ коллективистской общины».

— Столѣтіе годовщины смерти Пія VI и рожденія Пучини. Католическая церковь и клерикалы справляли 29 августа текущаго года во французскомъ городѣ Валенсѣ блестящіе поминки по Піѣ VI, который умеръ тамъ изгнанникомъ ровно сто лѣтъ тому назадъ. По этому случаю клерикальный журналъ «Correspondant» напечаталъ статью Виктора Пьера: «Столѣтіе Пія VI въ Валенсѣ»[1]), Figaro посвятилъ тому же предмету два свои столбца[2]), а Гекторъ Рейно издалъ въ Греноблѣ брошюру съ иллюстраціями того времени и отрывками изъ «Мемуаровъ генерала Мерка», приставленнаго директоріей къ папѣ-узнику[3]). По странной ироніи судьбы изъ двухъ папъ, бывшихъ въ плѣну во Франціи, только второй Пій VII, узникъ Наполеона въ Фонтенебло, пользуется славой и служитъ предметомъ обширной литературы, а первый, Пій VI, заточенный въ Валенсѣ директоріей, почти неизвѣстенъ, и о немъ писано очень мало. При восшествіи на папскій престолъ въ 1775 году подъ именемъ Пія VI, кардиналъ Браски былъ привѣтствованъ съ восторгомъ всѣми католиками, которые тѣшили себя надеждой, что для папства наступилъ золотой вѣкъ. Преемнику Піевъ, изъ которыхъ первый и послѣдній до него были святые, предсказывали, что онъ также будетъ причтенъ къ лику святыхъ, но другое пророчество Дона Малахія, который предсказалъ всѣмъ будущимъ папамъ ихъ судьбу, скорѣе осуществилось, и дѣйствительно Пій VI былъ Peregrinus apostolicus,

---

[1]) Le Centenaire de Pie VI à Valence, par Victor Pierre. Correspondant. 10 août 1899.

[2]) Le Centenaire de Pie VI, par Jane Misme. Figaro. 28 août 1899.

[3]) Le Centenaire de Pie VI, par Hector Reynaud. Grenoble. 1899.

т.-е. странникъ-апостолъ, какъ при жизни, такъ и по своей смерти. Еще до плѣна во Франціи онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ напрасно искалъ помощи противъ французской революціи, а 20 февраля 1798 г. въ день двадцатитрехъ-лѣтней годовщины его папства, онъ былъ арестованъ генераломъ Бертье, который провозгласилъ въ Римѣ республику. Тутъ начались безконечныя странствія осьмидесятилѣтняго, больного узника. Сперва его отвезли въ Сіену, гдѣ онъ прожилъ три мѣсяца, а затѣмъ его отправили черезъ Флоренцію, Болонію, Парму и Туринъ во Францію, гдѣ онъ провелъ нѣсколько времени въ Безансонѣ и Греноблѣ, а наконецъ поселенъ въ крѣпости города Валенса; тамъ онъ и умеръ послѣ полутора-годовыхъ странствій. О заточеніи папы въ Валенсѣ много говоритъ въ своихъ мемуарахъ генералъ Меркъ, но ему нельзя всегда вѣрить, такъ какъ онъ напечаталъ ихъ въ 1814 году въ Лондонѣ, и на каждой ихъ страницѣ видно его желаніе поддѣлаться къ клерикаламъ и роялистамъ, которые тогда царили во Франціи. Эти мемуары теперь составляютъ большую библіографическую рѣдкость, и напечатанные въ брошюрѣ Рейно отрывки изъ нихъ заимствованы изъ рукописнаго подлинника, найденнаго въ Валенскомъ архивѣ. Генералу Мерку, бывшему тогда военнымъ начальникомъ департамента Дромы, было поручено директоріей встрѣтить папу въ Валенсѣ и остаться тамъ его почетнымъ тюремщикомъ. Въ сохранившемся его частномъ письмѣ, онъ называлъ своего узника «этой личностью», но въ своихъ мемуарахъ онъ не иначе величаетъ его, какъ «возлюбленнымъ государемъ», или «высокочтимымъ папой» и хвастается своей преданностью къ нему, доходившей будто бы до того, что онъ предлагалъ устроить его бѣгство, именно «лично донести его на рукахъ до Роны, гдѣ его ждало бы англійское судно». Онъ далѣе разсказываетъ, что «его святѣйшество, устремивъ на него глаза, которые блестѣли бо̀льшимъ огнемъ, чѣмъ зрачки юношей, отвѣчалъ: «Кормчій не покидаетъ своего корабля во время бури, и усердный пастырь всегда остается среди своего стада». Конечно, генералъ забылъ, что въ то время корабль католической церкви и стадо вѣрныхъ католиковъ могло находиться вездѣ, но не въ революціонной Франціи. Это доказывается уже однимъ фактомъ, что тѣло Пія VI оставалось пять мѣсяцевъ не похороненнымъ, и только Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, разрѣшилъ его похоронить съ военными почестями, но безъ духовенства. Такія гражданскія похороны папы на кладбищѣ провинціальнаго города Франціи представляли, конечно, странную картину. Однако послѣ заключенія конкордата Наполеонъ приказалъ вырыть гробъ Пія VI и отослать его въ Римъ. Этимъ посмертнымъ путешествіемъ не окончились странствія «апостола-странника»; новый папа Пій VII, которому также суждено было побывать во французскомъ плѣну, вернулъ въ Валенсъ, по просьбѣ тамошняго епископа, сопровождавшаго гробъ папы до Рима, сердце и внутренности Пія VI въ урнѣ. Наполеонъ послалъ за урной военный корабль, и это было уже послѣднее странствіе бѣднаго папы. Урна помѣщена въ нарочно воздвигнутомъ для этого мавзолеѣ въ соборѣ Валенса, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Совершенно инымъ человѣкомъ, чѣмъ слабохарактерный, фанатичный Пій VI, былъ Николо Пучини, столѣтній юбилей котораго только что праздно-

вала его родина, Пистоя [1]). Родившись въ 1799 году, онъ съ юности посвятилъ свой умъ, таланты и состояніе на добрыя дѣла, а также принималъ личное участіе въ народныхъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью—освобожденіе Греціи и Италіи. Онъ имѣлъ болѣе или менѣе дѣятельное отношеніе ко всѣмъ прогрессивнымъ теченіямъ истекающаго вѣка и былъ другомъ всѣхъ выдающихся людей своего времени: поэтовъ, историковъ и философовъ, съ цѣлью самообразованія и нахожденія лучшаго пути, чтобъ дѣлать добро обездоленнымъ, униженнымъ, оскорбленнымъ. Этотъ почтенный альтруистъ былъ вмѣстѣ филантропомъ и меценатомъ; съ одной стороны онъ занимался практическимъ разрѣшеніемъ соціальныхъ вопросовъ и всячески содѣйствовалъ распространенію народнаго образованія, а съ другой—покровительствовалъ писателямъ, самъ занимался литературой и посвящалъ часть своего богатства на прославленіе геніевъ: такъ онъ на свой счетъ поставилъ статую Микель-Анджело и воздвигнулъ въ своемъ саду, въ Пистоѣ пантеонъ знаменитыхъ итальянцевъ со статуями: Данте, Христофора Колумба, Аріосто, Муратори, Рафаэля, Альфіери, Пьетро Джіаноне, Галилея, Вольты, Наполеона, Петрарки, Леонардо Да-Винчи и Витторіо да-Фельтре.

— Графиня Ламоттъ-Валуа въ Крыму. Вопросу о загадочной судьбѣ графини де-Ламоттъ-Валуа посвящена особая статья въ одномъ изъ сентябрскихъ нумеровъ «Revue Bleue» [2]). Какъ извѣстно, наиболѣе распространенный разсказъ о смерти графини де-Ламоттъ говоритъ, что она умерла въ 1791 г. въ Лондонѣ. Этотъ годъ смерти принятъ и въ русскомъ «Энциклопедическомъ Словарѣ» (томъ XVII, стр. 303). Въ мемуарахъ графа де-Ламоттъ-Валуа, изданныхъ Лакуромъ, говорится, что графиня расшиблась при паденіи изъ экипажа и умерла тридцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. Другой якобы свидѣтель аббатъ Жоржель разсказываетъ, что м-мъ де-Ламоттъ погибла трагическою смертью послѣ какой-то оргіи. Давно, однако, уже былъ въ ходу иной варіантъ разсказа о смерти графини. Въ «Courrier français», отъ 30 мая 1844 года, разсказывается: «Утверждаютъ, что знаменитая г-жа де-Ламоттъ, игравшая столь плачевную роль въ исторіи съ ожерельемъ королевы и приговоренная къ клейменію плечъ, наказанію плетьми на улицахъ Парижа и заключенію на всю жизнь въ Сальпетріерѣ—откуда ей, однако, удалось бѣжать—умерла надняхъ въ сэнъ-жерменскомъ предмѣстьѣ, восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ графиня Ламоттъ сумѣла сохранить таинственный покровъ надъ своей судьбою, которая выяснилась лишь послѣ ея смерти». Авторъ статьи въ «Revue Bleue», находясь въ Крыму, неоднократно слышалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ, что графиня де-Ламоттъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія находилась въ Крыму. Въ то же время ему пришлось ознакомиться съ нѣсколькими статьями на русскомъ языкѣ, въ которыхъ проливался новый свѣтъ на судьбу несчастной графини: статьи эти были—воспоминанія баронессы Маріи Боде въ журналѣ «Огонекъ» за 1882 г., анонимныя записки въ «Русскомъ

[1]) Nicolo Pucini, di A. Linaker. Rassegna Nationale. 16 agosto 1899.

[2]) La comtesse de Lamotte-Valois. Sa mort en Crimée, par Louis de Soudac. Revue Bleue, 16 septembre 1899.

Вѣстникѣ» за 1889 годъ и замѣтка въ «Новомъ Времени». Пожелавъ установить, что въ этихъ новыхъ свѣдѣніяхъ истиннаго, авторъ произвелъ розыски въ Крыму, справлялся во всѣхъ доступныхъ ему точныхъ источникахъ, и въ настоящее время передаетъ результатъ своихъ изысканій. Въ Судакѣ онъ познакомился съ французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ брата и двухъ сестеръ. Старшей изъ сестеръ было семьдесятъ пять лѣтъ, и она очень многое разсказывала изъ прошлаго въ крымскомъ обществѣ. «Я помню,—говорила она между прочимъ,—что однажды у насъ была, кажется, въ 1825 году, нѣкая дама де-Ламоттъ-Валуа, потомокъ нашихъ королей: черты ея лица мнѣ припоминаются плохо...». Въ Старомъ Крыму, въ саду армянина-горшечника, престарѣлый отецъ нынѣшняго владѣльца сада разсказалъ автору слѣдующее: «здѣсь жила нѣкая дама Гаше, которая чуть ли не была королевою французскою и украла въ своей странѣ какое-то ожерелье. Я былъ тогда маленькимъ мальчикомъ; она часто призывала меня къ себѣ и забавляла меня громаднымъ алмазомъ, который висѣлъ у нея на золотой цѣпочкѣ... Когда она умерла здѣсь и ее раздѣли, чтобы обмыть трупъ по обычаю этой страны, то оказалось, что у нея на плечахъ какія-то двѣ неудобочитаемыя буквы». Въ 1894 году въ Гурзуфѣ автору говорилъ какой-то татаринъ: «Въ Артекѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, находится домъ, гдѣ жила госпожа Гаше, женщина, укравшая красивое ожерелье въ своей странѣ. Когда она умерла, то у нея на спинѣ увидѣли двѣ большія буквы». Таковы были устныя свѣдѣнія, собранныя авторомъ статьи совершенно случайно. Воспользовавшись ими и немногими указаніями въ печатныхъ документахъ, онъ предполагаетъ слѣдующимъ образомъ представить біографію г-жи Ламоттъ. Въ 1791 года она лишь уѣхала изъ Лондона и потянулась за общимъ потокомъ эмиграціи въ Россію. Предварительно она перемѣнила фамилію—вѣроятно, при помощи новаго брака. Въ Петербургѣ инкогнито ея вскорѣ открылось, но императоръ Александръ I милостиво разрѣшилъ ей остаться и даже обѣщалъ не открывать ея секрета. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ она переселилась въ Крымъ, гдѣ была извѣстна подъ именемъ м-дамъ Гаше, гувернантки у князей Голицыныхъ. Послѣдніе годы жизни она прожила въ Старомъ Крыму, гдѣ уже ничто ея не тревожило. Тамъ она и умерла, вѣроятно, въ 1826 году. Вторичный бракъ ея въ 1791 году могъ состояться тѣмъ легче, что графа де-Ламоттъ долгое время считали погибшимъ во время сентябрскихъ избіеній.

— Мюратъ въ Испаніи. «Это дуракъ и герой»,— говорилъ Наполеонъ о Мюратѣ Редереру, а генералу Гурго онъ объяснялъ: «я любилъ Мюрата за его храбрость и потому прощалъ ему много глупостей; у него была пустая голова, полная химеръ, и онъ воображалъ себя великимъ человѣкомъ. Но во всемъ виноватъ я. Надо было его оставить маршаломъ, а не дѣлать великимъ герцогомъ Бергскимъ и королемъ Неаполитанскимъ; благодаря этому, у него и закружилась голова». Эта блестящая и справедливая, хотя очень рѣзкая, характеристика вполнѣ объясняетъ странную историческую фигуру образцоваго кавалерійскаго генерала и фантастичнаго рыцаря, который родился въ бѣдной сельской харчевнѣ, воспитывался въ духовной семинаріи, обошелъ всю Европу во главѣ своей удалой кавалеріи, былъ зятемъ императора, а самъ королемъ

неаполитанскимъ и, наконецъ, разстрѣлянъ на Калабрскомъ берегу, какъ предводитель разбойничьей шайки. Наполеонъ былъ вполнѣ правъ, называя Мюрата дуракомъ и приписывая себѣ вину его неудачъ, но въ особенности то и другое, т.-е. неспособность Мюрата къ политической дѣятельности и виновность Наполеона въ проявленіи этой неспособности, обнаруживается во время пребыванія Мюрата во главѣ французской арміи въ Испаніи въ 1808 году. Своею неумѣлостью, грубостью и жестокостью онъ сразу погубилъ дѣло Наполеона въ Испаніи и, возбудивъ народную войну въ этой странѣ, подготовилъ гибель своего благодѣтеля; но зная, что Мюратъ былъ героемъ и дуракомъ, а въ Испаніи онъ неизбѣжно долженъ былъ обнаружить только свое второе качество, такъ какъ для проявленія перваго не было тамъ случая, Наполеонъ самъ наложилъ на себя руку. Все это вполнѣ рельефно выясняется перепиской Мюрата, напечатанной ученымъ итальянскимъ изслѣдователемъ наполеоновской эпохи, Альбертомъ Лумброзо [1]), и статьей Жоффруа Гранмезона, основанной на этой перепискѣ, подлинникъ которой хранится въ парижскомъ національномъ архивѣ [2]). Лумброзо уже написалъ о наполеоновской эпохѣ до сорока книгъ и брошюръ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ драгоцѣнная «Библіографія наполеоновской литературы» (Bibliografia ragionata per servire alla storia dell'epoca napoleonica). Еще только вышелъ первый выпускъ этого почтеннаго труда, и въ настоящее время авторъ занялся обширной исторіей жизни и царствованія Іохима Мюрата, а изданная имъ переписка Мюрата составляетъ одинъ изъ матеріаловъ этой біографіи. Точно также еще напечатанъ только первый томъ этой переписки, и онъ обнимаетъ эпоху отъ 1791 года по 1808. Первая половина его относится до молодости Мюрата и его военныхъ подвиговъ во всѣхъ походахъ Наполеона до того времени; она не отличается большимъ интересомъ и не представляетъ замѣчательныхъ новинокъ, кромѣ подтвержденія безспорнымъ документомъ, что въ первые годы своей службы въ революціонныхъ арміяхъ Мюратъ былъ якобинцемъ и въ виду своихъ крайнихъ радикальныхъ мнѣній даже перемѣнилъ себѣ фамилію изъ Мюрата въ Марата. Но вторая половина переписки, касающаяся четырехъ мѣсяцевъ 1808 года, проведенныхъ имъ въ Испаніи, бросаетъ новый свѣтъ на важныя политическія событія, въ которыхъ пришлось невольно играть первую роль этому блестящему кавалерійскому генералу, но жалкому политическому дѣятелю. Съ своей стороны Гранмэзонъ воспользовался этой же перепиской, когда она еще хранилась въ архивной пыли, и нѣкоторыми другими неизвѣстными до сихъ поръ документами, для своего живаго, картиннаго разсказа. 8-го марта 1808 года Мюратъ принялъ начальство надъ стотысячной французской арміей, которая уже находилась въ Испаніи подъ предлогомъ подать помощь французской экспедиціи въ Португалію подъ начальствомъ маршала Жюно, но, въ сущности, она имѣла цѣлью овладѣть престоломъ короля Карла IV

[1]) Cerrespondance de Joachim Murat, chasseur à cheval, general, marecha d'empire, grand-duc de Clèves et de Berg (1791—1808), publié par Albert Lumbroso et précédée d'une préface de M. Henry Houssaye. 1 voi. Turin, 1899.

[2]) Murat en Espagne d'après des documents nouveaux, par Geoffroy de Grandmaison. Correspondant. 25 juin—10 juillet. 1899.

тѣми способами, которые окажутся наиболѣе выгодными послѣ постепеннаго и по возможности мирнаго занятія французскими войсками всей страны. Въ то время положеніе Испаніи было самое печальное: король, слабохарактерный, слабоумный старикъ, и королева, развратная интриганка, предоставляли всю власть любимцу перваго и фавориту послѣдней, Годою, князю Мира, который думалъ только о своихъ личныхъ интересахъ, а не о благѣ отечества. Благодаря такому положенію дѣлъ, Испанія внутри была жертвою бюрократизма, а извнѣ играла самую жалкую роль. Неудивительно, что при подобномъ положеніи сосѣдней страны Наполеонъ смѣло повторилъ слова Людовика XIV: «нѣтъ болѣе Пиринеевъ», и рѣшился присоединить Испанію къ Франціи въ той или другой формѣ. Зная объ этомъ намѣреніи своего державнаго зятя, Мюратъ уже воображалъ себя королемъ Испаніи, хотя Наполеонъ, отправляя его въ походъ, не сказалъ ему ни слова о своихъ дальнѣйшихъ планахъ, а просто приказалъ занять Испанію военнымъ образомъ. Дѣйствительно, французы, подъ видомъ союзниковъ Испаніи, такъ какъ Наполеонъ заключилъ съ Карломъ IV тайный договоръ о раздѣлѣ Португаліи между ними, постепенно и подъ шумокъ заняли главнѣйшія испанскія крѣпости: Пампелуну, Барцелону, Санъ-Себастьянъ и т. д. Самъ Мюратъ быстро направился въ Мадридъ, но все-таки опоздалъ и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы узналъ, что тамъ произошла революція: ненавистный Годой скрылся изъ боязни смерти, Карлъ IV отрекся отъ престола, и наслѣдный принцъ Фердинандъ объявленъ королемъ Испаніи. Мюратъ пришелъ въ ужасъ, такъ какъ онъ не зналъ, что ему дѣлать, и на всѣ его письменныя просьбы, чтобы Наполеонъ открылъ ему свой планъ на счетъ Испаніи, послѣдній отвѣчалъ лаконически: «Если я вамъ ничего не говорю, значитъ вамъ нечего и знать». Такимъ образомъ, этотъ храбрый генералъ и далеко не политикъ очутился безъ всякихъ инструкцій лицомъ къ лицу съ политическимъ кризисомъ. Онъ поступилъ такъ, какъ умѣлъ, т. е. по-солдатски. Онъ вступилъ въ Мадридъ во главѣ своей арміи съ великолѣпнымъ блескомъ и уговорилъ перепуганнаго Карла IV написать новое отреченіе въ пользу императора Наполеона, подъ условіемъ предоставленія ему, королевѣ и Годою, безопаснаго и пріятнаго убѣжища во Франціи. Но Фердинандъ, уже вступившій на престолъ, не хотѣлъ отъ него отказаться и въ свою очередь вступилъ съ торжествомъ въ Мадридъ среди восторженныхъ восклицаній народа, который возлагалъ на него свои послѣднія надежды въ виду отреченія Карла IV и появленія французовъ. Онъ хотѣлъ переманить на свою сторону Мюрата, но тотъ отказался его видѣть, пока не получитъ новыхъ инструкцій отъ императора, и царствованіе Фердинанда началось при самыхъ странныхъ условіяхъ. Онъ, повидимому, былъ королемъ, и европейскіе дипломаты, впрочемъ, въ числѣ только двухъ, папскаго легата и русскаго посланника Строганова, являлись, какъ обыкновенно, ко двору, гдѣ, по словамъ, Строганова въ депешѣ, приводимой Гранмэзономъ, «его величество разговаривалъ съ ними очень милостиво». Но распоряжался въ Мадридѣ и во всей странѣ по-диктаторски Мюратъ, что̀ возбуждало все бо̀льшее и бо̀льшее неудовольствіе въ испанскомъ народѣ. Наконецъ, въ Мадридъ прибылъ на помощь Мюрату хитрый, ловкій Савари, будущій герцогъ Ровиго. Вмѣстѣ они убѣдили, какъ Фердинанда, такъ и быв-

шаго короля, отправиться въ Байону, гдѣ находился Наполеонъ; туда же они отправили и Годоя, а сами остались въ испанской столицѣ ждать событій. Хотя Мюратъ теперь зналъ изъ писемъ и словъ Савари, что испанскій престолъ предназначался одному изъ братьевъ императора, но, все-таки, онъ тѣшилъ себя надеждой, что этотъ престолъ не улизнетъ изъ его рукъ, и даже прямо писалъ Наполеону, что мадридское населеніе было очень взволновано и могло каждый день провозгласить его, Мюрата, королемъ. Относительно народнаго волненія въ столицѣ онъ былъ правъ; но когда произошли безпорядки 2-го мая, то они имѣли цѣлью не провозглашеніе его королемъ, а избіеніе французовъ. Конечно, французы одержали верхъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ была сила, и народное возстаніе было залито кровью. Сначала Мюратъ дѣйствовалъ нерѣшительно и колебался, не желая возбудить къ себѣ ненависти народа, королемъ котораго онъ все еще думалъ сдѣлаться, но потомъ солдатскіе инстинкты заговорили въ немъ, и онъ сталъ не только безжалостно стрѣлять въ мирныхъ мадридцевъ, но хладнокровно разстрѣливать патріотовъ, послѣ усмиренія уличныхъ безпорядковъ. Болѣе трехсотъ жертвъ неумѣлости и жестокости Мюрата послужили сигналомъ къ общему возстанію всей Испаніи, которое въ концѣ концовъ повело къ гибели Наполеона. Между тѣмъ въ Байонѣ происходила постыдная трагикомедія. Наполеонъ хитро обошелъ всѣхъ Бурбоновъ и сдѣлалъ испанскимъ королемъ своего брата Іосифа, бывшаго тогда Неаполитанскимъ королемъ, а этотъ вакантный престолъ передалъ Мюрату въ видѣ утѣшенія за улыбнувшуюся ему испанскую корону. Однако, дѣла въ Испаніи шли очень плохо, въ Мадридѣ свирѣпствовали интриги, а въ Карѳагенѣ, въ Мурціи, Валенціи, Астуріи, повсюду народъ возставалъ и избивалъ французовъ. Всѣ эти печальныя событія такъ подѣйствовали на Мюрата, что онъ впалъ въ меланхолію и едва не сошелъ съ ума. Наконецъ Наполеонъ дозволилъ ему выѣхать изъ Мадрида, и Мюратъ возвратился въ Байону 7 іюля изнуреннымъ, больнымъ, но все-таки королемъ, хотя не испанскимъ, а неаполитанскимъ.

— Англійская книга о войнѣ 1812 года. Гирфордъ Б. Джорджъ издалъ книгу подъ заглавіемъ «Napoleon's Invasion of Russia» [1]). Книга эта интересна не столько по какимъ либо новымъ даннымъ въ ней, сколько какъ попытка дать объясненіе той страшной неудачѣ, которую потерпѣла великая армія. Вторженіе ея въ Россію Джорджъ называетъ величайшимъ военнымъ предпріятіемъ, о которомъ сообщаетъ достовѣрная исторія. Разсказавъ объ отношеніяхъ Наполеона къ императору Александру, предшествовавшихъ войнѣ, Г. Джорджъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ положеніе, занятое въ 1812 году Россіею, Австріею и Пруссіею: «Поведеніе этихъ трехъ державъ,—говоритъ онъ,— всецѣло объясняется географическими соображеніями. Изъ-за нихъ Россія избрала исключительно оборонительный образъ дѣйствій. Ими же опредѣлялась и роль Австріи и Пруссіи. Австрія имѣла свои собственные интересы на Дунаѣ, которымъ угрожали завоеванія, дѣлавшіяся Россіею на счетъ Турціи. Самымъ важнымъ обстоятельствомъ, однако, было то, что и Пруссія и Австрія находи-

---

[1]) Napoleons Invasion of Russia, by Hereford B. Cp. Athenaeum, september 9, 1899.

лись между наполеоновскою имперіею и Россіею: они не могли поэтому соединиться съ Россіею, если не хотѣли выдержать на себѣ всю тяжесть войны». Наполеонъ еще въ началѣ 1811 года предвидѣлъ возможность войны и готовился къ ней осторожно и постепенно. Въ февралѣ 1812 года онъ началъ сбрасывать съ себя маску, а въ мартѣ былъ заключенъ договоръ между Австріею и Франціею, опредѣлявшій, что первая изъ этихъ державъ обязана была доставить вспомогательную армію. Пруссія, представлявшая, по словамъ Г. Джорджа, и патетическое и жалкое зрѣлище, также должна была доставить войска, равно какъ и Рейнскій союзъ и другія германскія державы. Относительно численности, до которой Наполеонъ довелъ свою армію, Г. Джорджъ считаетъ наиболѣе правдоподобными цифры Шанбрэ, по которому въ великой арміи состояло 533.479 человѣкъ пѣхоты, 96.579 человѣкъ кавалеріи, 179.902 лошадей и 1.242 полевыхъ орудія. Сюда нужно еще причислить артиллеристовъ, инженеровъ, обозные отряды и штабъ. Даже при улучшенныхъ путяхъ сообщенія въ наше время, при большемъ удобствѣ въ доставленіи корма и фуража, при цѣнной помощи желѣзныхъ дорогъ, и то представлялось бы чрезвычайно труднымъ передвигать и содержать такую громадную массу. Въ 1812 же году это было задачею почти сверхчеловѣческою. Дѣйствительно, на недостаткѣ продовольствія потерпѣло неудачу все предпріятіе. Наполеонъ былъ чудеснымъ администраторомъ и предусматривалъ всѣ возможности. Какимъ же образомъ произошелъ этотъ «крахъ» всей экспедиціи во время отступленія? Г. Джорджъ дѣлаетъ по этому поводу такого рода замѣчаніе: «Были приняты предварительно всѣ предосторожности, но было невозможно доставлять войскамъ продовольствіе иначе, какъ при условіи такого медленнаго передвиженія, что ничего не удалось бы совершить. Можетъ показаться пародоксомъ, но, тѣмъ не менѣе, вторженіе въ Россію могло удаться лишь въ томъ случаѣ, если бы оно не состоялось, то есть, если бы угрожающее поведеніе арміи съ подавляющей численностью вынудило бы Россію на уступки». Дѣло въ томъ, что планы Наполеона были до того обширны, что являлись уже невыполнимыми по отношенію къ роду войны и природѣ страны; Наполеонъ, однако, ни за что не хотѣлъ допустить, чтобы что-нибудь было невозможно. Положеніе арміи могло бы быть лучше, если бы не два или три обстоятельства. Комиссаріатскіе офицеры прошли неправильную школу, главной аксіомою которой было, что войска должны существовать на мѣстные рессурсы; въ Россіи, однако, мѣстныхъ рессурсовъ почти не оказалось, а то, что можно было достать, собиралось и распредѣлялось безъ всякой системы. Войска стали бродить врозь для мародерства; вслѣдствіе этого дисциплина упала, и правильное распредѣленіе продовольствія стало трудно, если не невозможно. По разнымъ причинамъ армія деморализовалась, начиная отъ высшихъ чиновъ до низшихъ. Дороги были заняты, и отряды войскъ отягощены громаднымъ числомъ повозокъ, наполненныхъ добычею, награбленною въ Москвѣ. Начальники армейскихъ корпусовъ, за исключеніемъ Даву, и обозные офицеры, или относились небрежно къ своимъ обязанностямъ, или изъ боязни отвѣтственности не рѣшались во время воспользоваться имѣвшимся провіантомъ. Самъ Наполеонъ подалъ плохой примѣръ, пожелавъ увезти съ собою возможно болѣе добычи. «Нѣтъ ничего стран-

наго,—говоритъ Г. Джорджъ,—что армія слѣдовала примѣру Наполеона. Несмотря на формальные запреты, повозки для провіанта были наполовину наполнены драгоцѣнностями, которыя потомъ почти всѣ пришлось бросить; солдаты засовывали серебряныя чашки и куски шелковой матеріи въ свои ранцы вмѣсто хлѣба, чѣмъ одновременно и отягощали себя и готовили себѣ голодную смерть. Никто, начиная съ самого императора, не сознавалъ всей серьезности положенія и не представлялъ себѣ, что предстоитъ борьба за жизнь. Армія была обречена на уничтоженіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатковъ въ собственной организаціи. Если бы русскіе и не тревожили ее, она погибла бы отъ холода и голода; если бы, по чуду, зима запоздала на мѣсяцъ, то и тогда лишь очень немногіе въ состояніи были бы противостать голоду и казакамъ». Несчастія похода часто приписывались холоду. Въ настоящее время, однако, всѣ историки согласны, что, какъ ни велики были страданія вторгнувшихся, холода въ 1812 году наступили позже обыкновеннаго. Если бы Наполеонъ, послѣ взятія Смоленска, прекратилъ кампанію на годъ, какъ совѣтовали нѣкоторые изъ его генераловъ, то зима едва ли бы много ему повредила. Если бы онъ не потерялъ понапрасну многихъ недѣль въ Москвѣ въ тщетномъ ожиданіи, что императоръ Александръ пожелаетъ мира, то ему удалось бы перейти черезъ Нѣманъ раньше, чѣмъ холода дали бы себя почувствовать. Обращаясь къ силамъ русскимъ, Г. Джорджъ опредѣляетъ ихъ въ 213.000 человѣкъ, которые въ началѣ нашествія были подѣлены на три арміи. Кромѣ того, имѣлись гарнизонныя войска, резервы, которые двинуты были въ дѣло позже, 20.000 финляндцевъ и 60.000 человѣкъ изъ Бессарабіи. По поводу русскаго плана войны, Г. Джорджъ предполагаетъ, что онъ вылился самъ собою подъ давленіемъ обстоятельствъ; иной способъ, чѣмъ тотъ, котораго держался русскій главнокомандующій, въ данное время былъ невозможенъ, и сознательно подражать кампаніи Веллингтона въ Испаніи или событіямъ великой сѣверной войны не было никакихъ резоновъ. Что касается пожара Москвы, то англійскій историкъ не вѣритъ легендѣ о «самоубійственномъ», по его выраженію, поджогѣ. По его мнѣнію, причиной катастрофы могла быть беззаботность или глупая шутка какого либо пьянаго солдата. Ограничиваемся этими указаніями на содержаніе книги Г. Джорджа. Существенно новаго во всѣхъ разсужденіяхъ англійскаго историка мы не встрѣчаемъ, но, тѣмъ не менѣе, его книга, написанная со здравымъ смысломъ и со знаніемъ дѣла, должна быть причислена къ лучшимъ англійскимъ изданіямъ, касающимся Россіи.

— Загадочная личность. Подъ заглавіемъ «M-lle Savalette de Lange» Жоржъ Муссуаръ [1]) даетъ въ «Revue de Paris» очеркъ извѣстій о загадочной личности барышни-аристократки, получавшей, за заслуги отца, помощь отъ нѣсколькихъ правительствъ, пользовавшейся дружбою и поддержкою многихъ видныхъ представителей высшаго общества, и въ концѣ концовъ, когда она умерла семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, оказавшейся—мужчиною. Это удивительное умѣніе скрыть свой истинный полъ со стороны этой странной мадедуазель Саналеттъ-де-Ланжъ является причиною того, что и въ настоящее

[7]) Georges Moussoir, «M-lle Savalette»—«Revue de Paris», 15 septembre 1899.

время біографію ея нельзя излагать иначе, какъ біографію женщины: всѣ документы, вся переписка ея, всѣ упоминанія о ней говорятъ о ней въ женскомъ родѣ. Каково ея истинное происхожденіе, неизвѣстно. Высказывалось предположеніе, что подложная m-lle Саналеттъ не кто иной, какъ бывшій лакей графа Савалетта, убившій сироту—дочь графа, и начавшій потомъ выдавать себя за нее. Однако противъ этого имѣются возраженія: то лицо, которое съ 1812 по 1858 г. было извѣстно за г-жу Савалеттъ, съ слишкомъ большимъ искусствомъ играло роль женщины въ аристократическомъ обществѣ, чтобы можно было предполагать въ немъ невоспитаннаго и необразованнаго лакея. Болѣе вѣроятно другое объясненіе судьбы «барышни» Савалеттъ, по которому «она уже съ дѣтства была пріучена къ женскому костюму, по всей вѣроятности, чтобы избавить ее отъ военной службы». Документы разъясняютъ очень немногое. Отъ 1812 года сохранился паспортъ мадмуазель де-Савалеттъ Генріетты-Дженни, въ которомъ примѣты ея указаны слѣдующимъ образомъ: «Отъ роду 26 лѣтъ, ростомъ 1 метръ 68 сантиметровъ, темные волосы, средній лобъ, черныя брови, глаза такіе же, носъ и ротъ средніе, подбородокъ круглый, лицо овальное, цвѣтъ кожи обыкновенный». Съ этимъ паспортомъ молодой человѣкъ, носившій имя Генріетты Дженни де-Савалеттъ, былъ компаньонкою и гувернанткою у мадамъ де-Соммиль. Изъ другихъ документовъ того же времени мы видимъ, что «г-жѣ» Савалеттъ императорское правительство выдавало за что-то маленькую пенсію. Послѣ реставраціи m-lle Савалеттъ неоднократно обращалась съ петиціями къ Людовику XVIII и Карлу X: просительница ссылалась на то, что дѣдъ и отецъ ея въ разныя времена ссудили графу Артуа сумму въ шесть милліоновъ четыреста пятьдесятъ тысячъ сто шестьдесятъ шесть франковъ и тринадцать сантимовъ. Эти петиціи привели къ назначенію ей небольшой пенсіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она доставила свидѣтельство о рожденіи. Благодаря заступничеству маркиза де-Вернона, «дѣвица де Савалеттъ» была освобождена отъ этой формальности и могла ограничиться представленіемъ составленнаго въ мэріи 10-го парижскаго округа акта о ея происхожденіи: въ этомъ актѣ удостовѣрялось, что Дженни де-Савалеттъ, дѣйствительно, побочная дочь Шарля-Пьера-Поля Савалеттъ-де-Ланжа, бывшаго хранителя королевской казны. Благодаря пенсіи и нѣкоторымъ единовременнымъ пособіямъ отъ различныхъ высокопоставленныхъ лицъ, предполагаемая дѣвица могла нѣсколько лѣтъ спокойно прожить въ женскомъ монастырѣ Аббэ-о-Буа. Въ 1820 году она оставила этотъ монастырь и готовилась «выйти замужъ» за нѣкоего господина де-Лезеверна. Маркиза де-Вернонъ принимала дѣятельное участіе въ предполагавшейся свадьбѣ и, благодаря ей, «дѣвицѣ де-Савалеттъ» удалось добыть требовавшійся для брака документъ для удостовѣренія личности: удостовѣреніе семи свидѣтелей передъ мировымъ судьею должно было замѣнить актъ о рожденіи. Свадьба, къ счастью «дѣвицы», разстроилась, при чемъ первый шагъ къ разрыву сдѣланъ былъ женихомъ. Іюльская революція ухудшила положеніе де-Савалеттъ, но, благодаря «ея» аристократическимъ связямъ, она могла все еще существовать довольно безбѣдно и даже ссужать другихъ деньгами. На денежной основѣ завязался другой ея романъ, опять какъ будто чуть не приведшій къ браку: на этотъ разъ съ офицеромъ де-Ласпьеромъ, который

неоднократно, на условіи небольшихъ процентовъ, бралъ въ ссуду у нынѣ сорокалѣтней «дѣвицы» деньги и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ подъ рядъ, до самой своей смерти, собирался на ней жениться. Послѣ этого «романа» у m-lle де-Савалеттъ новыхъ подобнаго рода связей уже не было; зато съ этого времени у «старой барышни» появилось много подругъ среди дамъ высшаго свѣта, для которыхъ она являлась другомъ дома, знавшимъ о всѣхъ секретахъ, всѣхъ радостяхъ и горестяхъ своихъ довѣрительницъ. Особенно много сохранилось писемъ одной такой подруги, графини де-Полиньякъ, къ m-lle де-Савалеттъ. И все-таки, несмотря на столь тѣсную дружбу, ни одна изъ пріятельницъ не знала тайны жизни «дѣвицы Генріетты-Дженни». Лишь въ маѣ 1858 года, когда m-lle де-Савалеттъ умерла, посмертное омовеніе тѣла открыло истинный полъ «скончавшейся». Въ актѣ о смерти мы читаемъ о «неизвѣстномъ, носившемъ имя Генріетты-Дженни Савалеттъ-Деланжъ, холостякѣ безъ опредѣленныхъ занятій». У этого «неизвѣстнаго», когда порылись въ его вещахъ, оказался капиталъ болѣе чѣмъ въ полтораста тысячъ; за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ все оставшееся перешло въ казну. Когда стали продавать при этомъ, съ публичнаго торга, вещи, находившіяся въ комнатѣ умершаго, то среди нихъ нашлось великолѣпное одѣяло съ королевскими гербами: по наведеннымъ справкамъ, одѣяло оказалось нѣкогда принадлежавшимъ королю Людовику XIV. Какъ оно попало къ m-lle Савалеттъ, осталось навсегда столь же неизвѣстнымъ, какъ и истинная судьба и происхожденіе этой странной личности.

— Отголоски юбилея Гете. Какъ и слѣдовало ожидать, полуторастолѣтній юбилей Гете оказался очень блестящимъ тѣмъ болѣе, что столѣтняя годовщина его рожденія вовсе не праздновалась въ виду политическихъ событій 1849 года. Хотя вся Германія, за исключеніемъ официальныхъ и клерикальныхъ сферъ, принимала участіе въ этомъ интелектуальномъ торжествѣ, но оно, конечно, наиболѣе отозвалось въ литературѣ и журналистикѣ. Остроумный берлинскій юмористъ Бергъ заранѣе предсказывалъ, что этотъ юбилей породитъ безконечную литературу, въ составъ которой войдутъ книги и статьи съ громкими названіями «Гете и женщины», «Гете и евреи», «Гете и Гогенцоллерны», «Гете и спортъ» и т. д. Дѣйствительно его предсказанія исполнились, и о чемъ только за послѣдній мѣсяцъ не писали нѣмцы по поводу Гете, о чемъ только не разглагольствовали они въ рѣчахъ на торжественныхъ собраніяхъ и банкетахъ въ честь юбиляра? Вышли книги объ отцѣ Гете, объ его студенческихъ годахъ въ Лейпцигѣ, объ его пребываніи во Франкфуртѣ въ 1797 году; напечатаны его новыя письма къ женѣ въ 1813 году, появились статьи «Гете и женщины«, «Гете и соціализмъ», «Гете и музыка»; произнесены рѣчи профессоромъ Шмидтомъ объ отношеніяхъ Гете къ Франкфурту, и профессоромъ Валентиномъ о Гете относительно природы и искусства; берлинская газета «Литературное эхо» помѣстила на своихъ столбцахъ мнѣніе сорока пяти современныхъ литераторовъ и, наконецъ, нашелся курьезный нѣмецкій филистеръ, который въ отдѣльной брошюрѣ серьезно доказываетъ, что Гете былъ не Гете, а Шиллеръ, т. е., что Шиллеръ написалъ за оказанныя ему услуги высокопоставленнымъ сановникомъ Гете лучшія произведенія послѣдняго, именно «Фауста», «Эгмонта», «Ифигенію въ Тавридѣ» и «Торквато Тассо». Во всей

этой обширной юбилейной литературѣ, заслуживаютъ вниманія только три указанныя книги, проливающія новый свѣтъ на біографію Гете, его письма къ женѣ, представляющія автора Фауста въ его домашней жизни, и мнѣніе о немъ философа Гартмана, который одинъ среди сорока пяти авторовъ, расточавшихъ диѳирамбы въ честь Гете на столбцахъ берлинской газеты, отозвался со своимъ обычнымъ пессимизмомъ о творцѣ «Фауста». Этотъ ученый философъ, или скорѣе метафизикъ, увѣряетъ, что философія Гете была отголоскомъ германской философіи XVIII вѣка, а слѣдовательно при печатаніи «Фауста» она представлялась отсталымъ явленіемъ въ сравненіи съ тогдашними новыми вѣяніями человѣческой мысли. Эстетика Гете въ глазахъ Гартмана менѣе индивидуальна и далеко не столь глубока, какъ эстетика Лессинга и Шиллера. «Германъ и Доротея», по его словамъ, пустая болтовня, драмы Гете уже давно не давались бы ни на одномъ театрѣ, если бы онѣ были написаны не имъ, а вторая часть «Фауста» не что иное, какъ мистификація. Въ заключеніе Гартманъ заявляетъ, что, несмотря на всѣ юбилеи, слава Гете быстро уменьшается, и вскорѣ о немъ будутъ говорить только, какъ о превосходномъ стилистѣ и лирическомъ поэтѣ. Если мы перейдемъ къ книгамъ, появившимся въ Германіи по случаю юбилея Гете и служащимъ болѣе или менѣе значительнымъ вкладомъ въ Гетевскую литературу, то остановимся прежде всего на сочиненіи Фелиціи Эвартъ «Отецъ Гете» [1]). Нѣмецкая писательница, извѣстная своей пламенной защитой женскихъ правъ, энергично заступается на этотъ разъ за отца Гете. Она увѣряетъ, что всѣ біографы сына недостойно клеветали на отца, но, повидимому, забываютъ, что самъ Гете издѣвался надъ его смѣшными сторонами и маніями. Да и рисуемый его герой очень походить на его изображенія прежними критиками, а ея доводы дѣтски наивные; напримѣръ, она доказываетъ, что старикъ не тиранилъ жену, такъ какъ иначе она не стала бы ухаживать за нимъ, когда онъ былъ боленъ. Но все-таки книга г-жи Эвартъ представляетъ много любопытнаго для правильной характеристики Гете. Хотя его отецъ былъ большой оригиналъ, но отъ него сынъ почерпнулъ свою любовь къ искусству, наблюдательность, методичность и наклонность къ порядку, а главное свой безграничный эгоизмъ, или такъ называемое олимпійство. Въ этомъ отношеніи г-жа Эвартъ совершенно права, говоря: «чѣмъ болѣе изучаешь натуру сына, тѣмъ болѣе находишь въ ней повтореніе натуры отца, конечно, въ болѣе широкой и развитой формѣ». Ю. Фогель собралъ въ своей интересной, иллюстрированной книгѣ «Студенческіе годы Гете въ Лейпцигѣ» [2]) все, что можно было найти новаго о пребываніи Гете въ Лейпцигскомъ университетѣ. Передъ нами живо выступаютъ профессора, лекціи которыхъ онъ слушалъ; студенты, съ которыми онъ велъ дружбу, и художники, которыхъ онъ зналъ, такъ что мы ясно видимъ ту среду, въ которой развивался будущій творецъ «Фауста». Изъ рисуемой Фогелемъ картины студенческихъ лѣтъ Гете выясняется тотъ фактъ, что главными учителями Гете были художники и любители искусства. Прежде всего въ немъ проявилась страсть къ живописи, а

---

[1]) Goethe's Vater, von Felicie Ewart, Hambourg. 1899,

[2]) Goethe's Leipziger Studentjahre, von j. Vogel. Leipzig. 1899.

потомъ къ скульптурѣ, и эти два искусства играютъ главную роль въ его культурномъ развитіи. Въ Лейпцигѣ онъ постоянно посѣщалъ частныя художественныя коллекціи, которыхъ тогда было много въ этомъ городѣ, учился гравировкѣ, копировалъ древнія статуи и находился въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ со скульпторомъ и живописцемъ, Озеромъ. Этотъ художникъ, о которомъ Фогель сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, имѣлъ громадное вліяніе на молодого Гете. Посредственный живописецъ и скульпторъ, Озеръ имѣлъ глубокія познанія въ искусствахъ и говорилъ о нихъ очень оригинально и съ большимъ жаромъ. Онъ вдохновлялъ Винкельмана и, поклоняясь исключительно классическому искусству, научилъ Гете любить гармонію формы и поэтически воплощать символы и аллегоріи. Въ маленькой книжкѣ Гейгера «Гете во Франкфуртѣ въ 1797 году» [1]) возстановлена по перепискѣ Гете, его дневнику и воспоминаніямъ современниковъ жизнь поэта часъ за часомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ имъ въ своемъ родномъ городѣ ровно 102 года тому назадъ. Ничто не даетъ такого вѣрнаго понятія объ удивительномъ разнообразіи и необыкновенномъ богатствѣ ума Гете, какъ этотъ подробный отчетъ обо всемъ, что онъ дѣлалъ въ продолженіе двадцати двухъ дней. Въ одно и то же время онъ занимается сотнею различныхъ предметовъ отъ политики до театральныхъ декорацій, отъ метафизики до садоводства. Онъ пишетъ болѣе десяти писемъ въ день Шиллеру, живописцу Мейеру, великому герцогу Саксенъ-Веймарскому и подругѣ своей жизни, на которой онъ впослѣдствіи женился, Христинѣ Вульпіусъ. Въ каждомъ изъ этихъ писемъ онъ является новымъ человѣкомъ, вполнѣ преданнымъ тому предмету, о которомъ онъ говоритъ. Кромѣ того, въ теченіе дня Гете успѣвалъ осмотрѣть церковь, присутствовать при физіологическихъ опытахъ, хлопотать по дѣлу о наслѣдствѣ, пригласить архитектора для Веймарскаго театра, написать стихотвореніе и журнальную статью, посмотрѣть водевиль въ театрѣ и разспросить жителей Франкфурта о занятіи этого города французскими войсками. Напечатанныя Гетевскимъ обществомъ двадцать три письма великаго поэта къ къ женѣ во время его пребыванія въ Теплицѣ, гдѣ онъ пользовался минеральными водами весной и лѣтомъ 1813 года, знакомятъ насъ съ совершенно новымъ Гете, не имѣющимъ ничего ходульнаго и олимпійскаго, а именно съ Гете въ качествѣ добродушнаго, буржуазнаго мужа и отца. Просто, естественно, нимало не рисуясь, онъ говоритъ въ этихъ письмахъ о своихъ литературныхъ работахъ, о жениныхъ покупкахъ и т. д. Въ одномъ изъ нихъ онъ даетъ практическіе совѣты женѣ не печалиться о сплетняхъ веймарскихъ дамъ. «Не порти себѣ жизнь изъ-за такихъ пустяковъ»,—пишетъ онъ между прочимъ,—«какое тебѣ дѣло, что о тебѣ дурно говорили въ Веймарѣ г-жѣ Сталь. Такъ всегда бываетъ въ свѣтѣ. Каждая свѣтская дама завидуетъ другъ другу и если не можетъ уничтожить счастья своей сосѣдки, то старается его уменьшить. Пользуйся достигнутымъ тобою положеніемъ и старайся его сохранить. Мы будемъ счастливы нашей любовью и будемъ жить по-своему, не обращая вниманія на другихъ».

---

[3]) Goethe in Frankfurt in 1797, von j. Geiger, Frankfurt.

— Къ воспоминаніямъ о Луи Бланѣ. Карлъ Блиндъ вспоминаетъ въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ приложеніи къ «Berliner Tageblatt» [1]), объ одномъ изъ главныхъ дѣятелей великихъ переворотовъ 1848—1849 годовъ. Поводомъ къ написанію замѣтки послужило Карлу Блинду появившееся въ берлинскихъ газетахъ извѣстіе, что одинъ русскій журналъ помѣстилъ воспоминанія о Карлѣ Марксѣ, въ которыхъ говорилось о первой встрѣчѣ знаменитаго критика политической экономіи съ Луи Бланомъ, при чемъ этотъ послѣдній представлялся въ очень карикатурныхъ чертахъ, какъ крайне тщеславный, актерствующій и надутый карликъ-фатъ. Карлъ Блиндъ указываетъ на то, что первая встрѣча обоихъ вождей соціализма произошла вовсе не такъ поздно, какъ предполагаютъ, и не въ предмѣстьѣ Лондона. Марксъ, съ тѣхъ поръ, какъ семья его въ 1849 году переселилась въ Лондонъ, жилъ сначала на Лестеръ-сквэрѣ, потомъ на Динъ-стритѣ и, наконецъ, на Сого-сквэрѣ; всѣ эти улицы приходятся въ центрѣ Лондона. Лишь въ позднѣйшее время переселился онъ въ предмѣстье и жилъ вовсе не такъ бѣдно, чтобы, какъ это передавалось, въ его передней валялся лишь осколокъ зеркала. Еще въ сентябрѣ 1849 года Карлъ Блиндъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, посѣтили Луи Блана, въ его тогдашней квартирѣ въ Лондонѣ, на улицѣ Пиккадилли. Впрочемъ, лично Марксъ видѣлся съ Луи Бланомъ еще раньше въ Парижѣ. К. Блиндъ зналъ Луи Блана съ 1849 года по самую смерть его въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Несмотря на принадлежность къ различнымъ и притомъ враждебнымъ націямъ, оба относились другъ къ другу очень дружелюбно даже и послѣ войны 1870—1871 годовъ. Луи Бланъ былъ дѣйствительно малъ ростомъ. Однако смѣшного въ его наружности не было ничего. Въ обществѣ онъ старался всегда поддерживать свое достоинство, но никогда не былъ фатомъ. Одежда его, которую онъ носилъ обыкновенно, была проста и далеко не изысканна. Съ друзьями онъ бывалъ простъ и сердеченъ, безъ всякаго актерства. Какъ политикъ, онъ не всегда дѣйствовалъ правильно—напримѣръ, когда онъ посѣтилъ Людовика Бонапарта въ крѣпости Гамъ и затѣмъ въ своей «Исторіи десяти лѣтъ» высказалъ такой взглядъ на него, который могъ быть лишь во вредъ дѣлу республики. Подобную же ошибку совершилъ онъ, когда въ учредительномъ собраніи 1848 года подалъ голосъ за допущеніе во Францію претендента, въ то время какъ Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ были рѣшительно противъ этой мысли. Уходя изъ крѣпости Гамъ, узникъ подарилъ Луи Блану на память брошюру «Отмѣна пауперизма» съ собственноручнымъ посвященіемъ. Въ Лондонѣ Карлъ Блиндъ видѣлъ эту книгу у Луи Блана, который говорилъ съ горечью: «Вотъ теперь онъ сидитъ на тронѣ, а я въ изгнаніи!» Собесѣдникъ отвѣчалъ Луи Блану, что тотъ самъ сдѣлалъ громадную ошибку, когда онъ, «основываясь на республиканскомъ великодушіи», подалъ голосъ за допущеніе претендента во Францію. Несправедливо приписываютъ иногда Луи Блану другую ошибку временъ второй республики: устройство національныхъ мастерскихъ. На самомъ дѣлѣ, французскій политикъ всегда страшно возмущался, когда говорили объ этомъ предпріятіи. Мастерскія были открыты не чрезъ него, а

[1]) Karl Blind, «Zur Erinnerung an Louis Blanc», «Zeitgeist», 18 Sept. 1893.

противъ него, для нагляднаго доказательства неправильности его теоріи. Ясныя, документальныя доказательства въ этомъ смыслѣ заключаются въ его книгѣ «Историческія воспоминанія 1848 года». О томъ же свидѣтельствовали и Ламартинъ, Мари и многіе другіе. Карлъ Блиндъ далѣе вспоминаетъ о томъ, какъ Луи Бланъ у него въ домѣ писалъ свои письма въ «Temps», по поводу безчеловѣчнаго обращенія съ политическими ссыльными въ Кайеннѣ. Во время шлезвигъ-голштинскаго дѣла и войнъ 1863 и 1864 гг. Луи Бланъ въ парижскихъ газетахъ защищалъ нѣмецкую точку зрѣнія. Самъ онъ былъ женатъ на нѣмкѣ, нѣкой урожденной Гро (Groh). Противъ войны 1870 года онъ сильно поднималъ голосъ, но когда жребій войны палъ, онъ счелъ долгомъ своимъ стать на ту же точку зрѣнія, на которой стояла вся его нація: въ Версали онъ стоялъ за продолженіе войны. Матеріальное положеніе его въ изгнаніи было не блестящее, но ему помогало то обстоятельство, что онъ превосходно говорилъ поанглійски и поэтому могъ устраивать передъ англійскими слушателями чтенія о «таинственныхъ личностяхъ въ исторіи Франціи». Карлъ Блиндъ, какъ членъ англійскаго литературнаго общества, доставилъ Луи Блану возможность выступить передъ тою же публикою, передъ которою Тэккерэй читалъ своихъ «Четырехъ Георговъ». Поѣздка по Англіи и серія чтеній въ разныхъ городахъ окончательно дали окрѣпнуть финансамъ Луи Блана. Установленіе во Франціи третьей республики, какъ извѣстно, дало возможность Луи Блану вернуться на родину и снова заняться политической дѣятельностью.

— Иностранные журналы о Тургеневѣ. Въ послѣдней книжкѣ англійскаго четвертнаго обозрѣнія «Quarterly» и въ августовскомъ номерѣ «Atlantic Monthly» помѣщены интересные отзывы о Тургеневѣ. Первый изъ этихъ отзывовъ принадлежитъ извѣстной романисткѣ г-жѣ Олифантъ, которую Тургеневъ посѣтилъ во время своего пребыванія въ Англіи въ 1879 году, когда оксфордскій университетъ удостоилъ его докторскаго диплома. Авторъ статьи о г-жѣ Олифантъ въ Quarterly приводитъ ея слова о русскомъ романистѣ: «Это былъ большой великанъ, очень меланхоличный и мягко выражавшійся; ничто не могло нарушить его спокойствіе и заставить поторопиться; онъ говорилъ немного, хотя являлся къ вамъ нарочно съ цѣлью побесѣдовать, и былъ созерцательной, очень созерцательной натурой, а главное, мягкимъ, крупнымъ человѣкомъ». Въ «Автобіографіи революціонера», печатающейся въ «Atlantic» говорится: «Я впервые познакомился съ Тургеневымъ въ Парижѣ; съ чувствомъ, близкимъ къ религіозному культу, переступилъ я порогъ его кабинета. Если онъ оказалъ Россіи своими «Записками охотника» громадную услугу, подвергнувъ общему презрѣнію крѣпостничество (я тогда не зналъ, что онъ принималъ выдающееся участіе въ «Колоколѣ» Герцена), то онъ принесъ не меньшую услугу и своими позднѣйшими романами. Онъ показалъ, какова въ дѣйствительности русская женщина, какими она обладаетъ сокровищами ума и сердца, и какой она можетъ сдѣлаться вдохновительницей мужчинъ. Наконецъ онъ научилъ, какъ люди, имѣющіе дѣйствительное право на первенство, смотрятъ на женщинъ, и какъ они любятъ. Внѣшность Тургенева хорошо извѣстна. Высокаго роста и могучаго сложенія, онъ былъ, конечно, очень красивъ; голова была покрыта густыми, мягкими сѣдыми волосами, глаза

свѣтились умомъ, не лишеннымъ юмора, а его манеры дышали простотой и отсутствіемъ искусственности, которыя составляютъ отличительную черту лучшихъ русскихъ писателей. Его великолѣпная голова скрывала необыкновенное количество мозговой силы, и послѣ его смерти Поль Беръ и Поль Реклю, взвѣсивъ его мозгъ нашли, что онъ вѣсилъ болѣе, чѣмъ самый тяжелый мозгъ, извѣстный до того времени, мозгъ Кювье. Вѣсъ мозга Тургенева превышалъ 2.000 граммъ; это такъ удивило ученыхъ, что они усомнились въ правильности своихъ вѣсовъ, достали другіе вѣсы и повторили взвѣшиванье, но оно дало тотъ же результатъ. Онъ говорилъ удивительно и такъ же, какъ писалъ, образами. Желая развить какую нибудь идею, онъ не прибѣгалъ къ аргументамъ, хотя былъ замѣчательнымъ бойцомъ въ философскихъ спорахъ, а рисовалъ въ подкрѣпленіе этой идеи такую художественную сцену, что она казалась заимствованной изъ его романа». Трудно себѣ представить что нибудь трогательнѣе разсказа о послѣднемъ посѣщеніи Тургенева авторомъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Atlantic»: великій романистъ умиралъ, перенося ужасныя страданія отъ рака въ спинномъ хребтѣ, но все-таки его еще болѣе мучила невозможность осуществить намѣреніе, написать императору Александру III свой завѣтъ.

— Кто написалъ Сикстинскую Мадонну? Этотъ странный вопросъ задаетъ себѣ нѣмецкій ученый, Людвигъ Іелинекъ въ недавно изданной имъ брошюрѣ, подъ названіемъ «Мадонна Сикстинская» [1]), и отвѣчаетъ очень серьезно: не Рафаэль, а какой-то неизвѣстный итальянскій живописецъ школы Караччи въ концѣ XVII вѣка. Рѣшительно Дрезденской галлереѣ, считавшейся едва не первой въ Европѣ, съ нѣкоторыхъ поръ не везетъ. Она славилась сотней первоклассныхъ произведеній Корреджіо, Мурильо, Веронеза, Дюрера, Кранаха, Рючздаля и т. д., а главное, тремя художественными жемчужинами: «Богородицей» Гольбейна, «Магдалиной» Корреджіо» и «Сикстинской Мадонной» Рафаэля, которую всѣ художественные критики признавали единогласно первой картиной въ свѣтѣ. Эти драгоцѣнныя сокровища стояли въ отдѣльныхъ комнатахъ, куда ежедневно стекались со всѣхъ концовъ міра восторженные поклонники. Прежде всего злая судьба выпала на долю Гольбейна, и десять лѣтъ тому назадъ ученые эксперты доказали, что его знаменитая картина была плохой копіей, а оригиналъ находится въ Дармштадтскомъ дворцѣ, гдѣ его принимали за копію въ продолженіе 200 лѣтъ. Дѣлать было нечего, Богородицу Гольбейна вынесли изъ посвященнаго ей храма. Затѣмъ наступила очередь Корреджіо. Оказалось, что хваленая «Магдалина» была произведеніемъ не знаменитаго художника, а Адріана Ванъ-деръ-Верфа, который только унижалъ искусство своей мазней. При этомъ впервые художественные критики признали, что «Магдалина» была недостойна Корреджіо по грубости кисти, неправильности рисунка и жалкому выраженію чувства покаянія въ лицѣ святой. Опустѣлъ и второй храмъ искусства. Теперь насталъ скорбный часъ и Сикстинской Мадоннѣ. Лудвигъ Іелинекъ, неизвѣстно почему называемый газетой «Times» русскимъ ученымъ, предпринялъ обширный трудъ подъ заглавіемъ

---

[1]) Madonna Sistina, von Ludvig Ielinek. Dresden. 1899.

«Ошибки и предразсудки въ наукѣ, искусствѣ и исторіи въ концѣ XIX столѣтія», а въ видѣ пробнаго шара выпустилъ брошюру, въ которой на первый разъ развѣнчиваетъ славнѣйшую изъ мадоннъ Рафаэля, которая служила до сихъ поръ для современнаго искусства, по словамъ одного изъ критиковъ, тѣмъ же, чѣмъ Шекспиръ служитъ для современной литературы. Новѣйшій иконокластъ не споритъ противъ того, что Рафаэль дѣйствительно написалъ Сикстинскую Мадонну для монастыря Санъ-Систо въ Піаченцѣ, и что монахи этой обители продали ее въ 1754 году саксонскому курфирсту Августу III за 20.000 дукатовъ, но онъ только настаиваетъ на одномъ, что теперешняя Сикстинская Мадонна не подлинникъ Рафаэля, а плохая позднѣйшая копія. Какимъ образомъ произошла подмѣна, онъ не знаетъ, и по его мнѣнію, одинаково итальянскіе монахи могли обмануть Августа, и впослѣдствіи кто нибудь могъ похитить подлинникъ, замѣнивъ его плохой копіей. Доказательствъ того, что теперешняя Сикстинская Мадонна не писана Рафаэлемъ, онъ приводитъ много: прежде всего, по словамъ Вазари, картина, писанная Рафаэлемъ для Піаченцскихъ монаховъ, была на деревѣ, а Дрезденская Мадонна—на полотнѣ, а потомъ она написана дурно; въ ней не видно техники Рафаэля; у нея масляный фонъ, что не извѣстно было въ эпоху Рафаэля; ея колоритъ напоминаетъ школу Корреджіо; въ ней нѣтъ удивительнаго золотистаго тона, составляющаго главную черту всѣхъ подлинныхъ картинъ Рафаэля; наконецъ, въ ней много ошибокъ, даже послѣ поправокъ искусными реставраторами. Къ этимъ доводамъ Іелинекъ прибавляетъ, что существуютъ двѣ копіи Сикстинской Мадонны въ Піаченцѣ и въ Руанѣ, которыя лучше и древнѣе Дрезденской. Конечно, брошюра нѣмецкаго филистера возбудила цѣлую бурю въ художественномъ мірѣ Европы, и ему съ негодованіемъ возражаютъ всѣ поклонники Рафаэля, что Вазари могъ ошибиться и сказать, что картина писана на полотнѣ, или впослѣдствіи она могла быть переведена съ дерева на полотно, какъ «Св. Семейство» въ Луврѣ. По мнѣнію всѣхъ компетентныхъ лицъ, дрезденская картина дѣйствительно chefd'oeuvre Рафаэля, а если въ ней что либо и возбуждаетъ критику, то это объясняется простымъ фактомъ: что ее чистили, поправляли и реставрировали много разъ, при чемъ даже прибѣгали къ дѣйствію химическихъ средствъ, а потому отъ первоначальной картины осталось очень мало, кромѣ общаго контура и божественной концепціи великаго художника.

— Литература Гаагской конференціи. «Мы пишемъ страницу исторіи и постараемся написать ее хорошо»,—говорилъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей парламента мира, засѣдавшаго въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Гаагѣ. Дѣйствительно Гаагская конференція составляетъ замѣчательную страницу въ исторіи истекающаго вѣка, и нельзя не признать ее хорошей, каковы бы ни были ея слѣдствія. По мѣткому выраженію одного западнаго публициста, «въ Гаагѣ дано войнѣ свидѣтельство о смерти, правда, помѣченное заднимъ числомъ, но безспорное въ подлинности». Хотя не достигнуто обезоруженія и не установлено обязательнаго третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ распрей, но торжественно заявлено желаніе перваго и выработана программа, если не обязательнаго, то все-таки существующаго международнаго трибунала, къ которому враждующія стороны будутъ нравственно вынуждены обратиться прежде объявленія войны, о чемъ всѣ другія державы получаютъ право на по-

мнить имъ въ критическую минуту, указавъ, что въ Гаагѣ находится международное бюро для третейскихъ судей. Къ этимъ двумъ главнымъ результатамъ необходимо прибавить заключенныя на ней конвенціи о законахъ и обычаяхъ войны, а также о примѣненіи женевской конвенціи къ морской войнѣ. «Этого недостаточно», говорилъ послѣ закрытія конференціи одинъ изъ ея наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, баронъ Бильдъ, представитель Швеціи и Норвегіи, но не надо забывать, что, по словамъ Стэда, ему сказали въ Петербургѣ до открытія конференціи: «Мы не достигнемъ всего, чего мы желаемъ, но мы посѣемъ зерно въ землю, а соберемъ жатву въ будущемъ». Эту мысль повторилъ предсѣдатель конференціи Стааль въ своей заключительной рѣчи, говоря: «Доброе сѣмя посѣяно, будемъ надѣяться, что жатва скоро наступитъ». Но, по словамъ того же Стэда, другой представитель Россіи въ Гаагѣ, Базили, очень довольный работой конференціи, считаетъ недостаточнымъ надѣяться, а говоритъ, что «необходимо довѣрять тому, что сдѣлала конференція, а главное, довѣрять будущему». Чтобы надѣяться, а тѣмъ болѣе довѣрять, надо знать, а Гаагская конференція до сихъ поръ окружена офиціальной тайной, и хотя существуютъ печатные протоколы всѣхъ засѣданій, какъ общихъ, такъ и комиссіонныхъ, но они строго конфидеціальные и не подлежатъ общему достоянію. Поэтому приходится въ настоящее время для знакомства съ этой «страницей исторіи» прибѣгать къ газетнымъ извѣстіямъ и журнальнымъ статьямъ. Первыя очень отрывочны, скудны, противорѣчивы и разбросаны въ различныхъ органахъ печати; при этомъ, имъ трудно вѣрить, такъ какъ въ виду обязательной тайны, которой прикрыла свои дѣйствія конференція особенно сначала, корреспондентамъ приходилось прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, возбуждающимъ естественное сомнѣніе въ достовѣрности ихъ разсказовъ. Въ какомъ неблагопріятномъ положеніи находились газеты относительно добычи свѣдѣній о томъ, что дѣлалось на конференціи, подтверждаетъ характерный анекдотъ о томъ, какъ первый представитель Германіи, Мюнстеръ, произведенный Вильгельмомъ въ князья за то, что онъ всячески мѣшалъ дѣлу конференціи, прогналъ барона фонъ-Берестина, спеціальнаго корреспондента главной голландской газеты «Algemeen Handesblad», громко говоря лакею, такъ, чтобы корреспондентъ ясно слышалъ: «Скажите этому мальчишкѣ, чтобы онъ убирался». Хотя въ послѣднее время дѣятели конференціи, въ виду угрозы бельгійскихъ представителей уѣхать изъ Гааги, если конференція не смягчитъ своихъ отношеній къ прессѣ, начали офиціально сообщать кое-что корреспондентамъ, и вообще послѣднимъ стало легче проникать сквозь тайну засѣданій, но все-таки необходимо очень критически относиться къ газетнымъ извѣстіямъ, даже касающимся заключительнаго періода конференціи. Что касается журнальныхъ статей, то онѣ представляютъ болѣе надежный, обширный и любопытный матеріалъ, хотя также пользоваться ими надо осторожно. Напримѣръ, нельзя слѣпо довѣрять подноготной сторонѣ конференціи, какъ ее рисуетъ пресловутая г-жа Аданъ въ своей политической хроникѣ первой августовской книжки «Revue Nouvelle» [1]). По ея словамъ, вся мирная агитація передъ конференціей

---

[1]) Lettres sur la politique exterieure, par Juillette Adan, «Nouvelle Revue», 1 août 1899.

была ведена подъ шумокъ императоромъ Вильгельмомъ черезъ Бліоха, тестя Кошельскаго, польскаго члена верхней палаты прусскаго парламента, жена котораго играла видную роль при дворѣ юнаго императора въ первые годы его царствованія, и цѣлью этой интриги было вовлечь Россію въ дѣло, которое неизбѣжно должно было потерпѣть фіаско на конференціи. Если подобный коварный планъ не удался, то, по мнѣнію г-жи Аданъ, въ этомъ были виноваты не Вильгельмъ и его представители въ Гаагѣ, которые лѣзли изъ кожи, чтобъ провалить конференцію, а англичане, измѣнившіе своему обѣщанію поддержать Вильгельма, разыгравшіе роль благородныхъ сторонниковъ мира. Хотя двѣ статьи, напечатанныя въ «Revue Blanche» по поводу гаагской конференціи, совершенно иного рода и очень интересны, но онѣ также не могутъ служить источникомъ для знакомства съ ней. Въ одной изъ нихъ знаменитый романистъ и публицистъ графъ Л. Н. Толстой отрицаетъ политическіе результаты конференціи на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, единственный путь къ обезпеченію мира есть отказъ всѣхъ по одиночкѣ отъ исполненія военной повинности[1]). Вторая статья заключается въ недавно найденныхъ докторомъ Максомъ Кетлау нѣсколькихъ невѣдомыхъ до сихъ поръ страницахъ Бакунина въ пользу всеобщаго мира и противъ милитаризма, который, по его словамъ, нельзя поддерживать иначе, какъ ненавидя народъ [2]). Напротивъ, мысли, высказанныя въ августовскомъ номерѣ «Deutsche Revue» баронессой Зуттнеръ [3]) и Максомъ Нордау [4]) о результатѣ конференціи, служатъ характернымъ къ ней комментаріемъ. Извѣстная распространительница идей всеобщаго мира находитъ, что конференція вывела офиціальный политическій міръ на новую дорогу и перевернула новую страницу въ исторіи. «Я вполнѣ убѣждена,—прибавляетъ она,—что путь, который пройденъ сторонниками мира отъ перваго изъ восьми конгрессовъ мира въ 1889 году до гаагской конференціи, былъ гораздо труднѣе и длиннѣе того пути, который насъ доведетъ отъ этой конференціи до уничтоженія войны по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Починъ русскаго царя изумилъ всѣхъ друзей мира, какъ неожиданно упавшая бомба, но теперь, если въ ближайшемъ будущемъ весь свѣтъ приметъ законъ, обезпечивающій всеобщій миръ, то это будетъ встрѣчено, какъ нѣчто давно ожидаемое». Остроумный нѣмецкій психологъ отзывается юмористически о кровожадныхъ сторонникахъ войны, которые останутся при печальномъ интересѣ, если цѣль, намѣченная гаагской конференціей, будетъ достигнута. «Конечно,—замѣчаетъ онъ,—конференція не можетъ превратить тигровъ въ агнцевъ, но она можетъ улучшить положеніе человѣческихъ дебрей и тѣмъ уменьшить число тигровъ и ослабить ихъ лютость. Съ ограниченіемъ свободы уничтожать людей во время войны, обязательно уменьшится удовольствіе любителей крови, и чѣмъ война будетъ представлять менѣе удовлетворенія ихъ кровожаднымъ

---

[1]) La conference de la paix, par L. Tolstoi. Revue Blanche, 13 juillet 1899.

[2]) Le militarisme professional, par Bakounine. Revue Blanche. 1 juillet 1899.

[3]) Weltfrieden, von Bertha v. Suttner. Deutsche Revue. August. 1839.

[4]) Zeitfragen. Randbemerkungen zur Friedenskonferenz, von Max Nordau, «Deutsche Revue». August.

инстинктамъ, тѣмъ менѣе они будутъ стремиться къ ней. Если у солдатъ отнять право все уничтожать на полѣ брани и заставить ихъ уважать законъ, признающій въ непріятелѣ человѣческую личность, то война потеряетъ всякую прелесть въ глазахъ меньшинства, которое еще преклоняется передъ нею: къ этой именно цѣли и стремилась конференція». Гекторъ Депассъ въ краткомъ, но блестящемъ этюдѣ въ «Revue Bleue»[1]) указываетъ на парадоксальную сторону дѣятельности Гаагской конференціи, которая, собравшись съ цѣлью организовать миръ, въ сущности организовала только войну, придавъ ей болѣе гуманный видъ и выработавъ средства къ ея предупрежденію въ послѣднюю минуту путемъ международнаго третейскаго суда. Она, по словамъ французскаго публициста, сыграла роль доктора, который сказалъ бы: «Я не могу помѣшать этому недугу распространиться, но когда онъ обострится до послѣдней степени, и горячка усилится до того, что больному будетъ грозить смерть, то я приду къ нему на помощь». Несмотря на это, Депассъ считаетъ дѣло, совершенное конференціей, очень важнымъ. «Главная ея заслуга, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что она была, существовала, дѣйствовала. Этотъ единственный въ своемъ родѣ фактъ знаменуетъ новую эру въ международныхъ отношеніяхъ. Если онъ совершился разъ, то можетъ повторяться постепенно въ опредѣленные сроки, а съ учрежденіемъ такого парламента мира, такого сейма человѣчества, война дѣйствительно была бы уничтожена, и вдохновитель этого смѣлаго шага цивилизаціи заслужилъ бы титула «человѣчнаго царя». Статья Артюра Дежардена въ «Revue des Deux Mondes» подъ заглавіемъ «Гаагская конференція и международный третейскій судъ»[2]) приводитъ насъ на почву собственно исторіи конфенціи. Членъ французской академіи по отдѣленію нравственныхъ наукъ и одинъ изъ вице-предсѣдателей «Французскаго общества для установленія третейскаго суда для націй», Дежарденъ, посвящаетъ свой трудъ исключительно дѣятельности третьей комиссіи Гаагской конференціи; онъ подробно разсказываетъ ея работы, со всѣми перипетіями, и основательно разсматриваетъ ея результаты. Считая, что конференція сдѣлала все, что могла, Дежарденъ приходитъ къ заключенію, что «она написала предисловье къ обезоруженію, а написать самую книгу предоставила будущему». Еще подробнѣе, и уже дѣятельность не одной комиссіи, а всей конференціи съ ея тремя комиссіями, рисуетъ отчетъ о Гаагскомъ парламентѣ мира въ журналѣ французскаго общества для установленія третейскаго суда для націй», состоящаго подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго друга мира, академика Фредерика Пали. Этотъ спеціальный органъ мирнаго движенія посвящаетъ большую часть своихъ номеровъ за іюнь, іюль, августъ и сентябрь изложенію работъ и актовъ конференціи[3]). До сихъ поръ это самый полный и достовѣрный отчетъ о дѣятельности международныхъ дипломатовъ въ Гаагѣ. Кромѣ этого, журналъ, посвященный исключительно миру, помѣстилъ въ этихъ номерахъ

---

[1]) La Conference de paix, par H. Depasse. «Revue Bleue». 5 août. 1899.

[2]) La Conference de la Haye et l'arbitrage international, par Arthur Dejardins. Revue des Deux Mondes. 1 septembre, 1899.

[3]) La Conference internationale de la Haye. Arbitrage entre les nations. Juin, juillet, août, septembre. 1899.

цѣлый рядъ любопытныхъ статей Насси, Рише, Тюра и другихъ о мирныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, о европейскомъ соглашеніи, о причинахъ войнъ и т. д. Но настоящимъ историкомъ парламента мира является Стэдъ. Этотъ неутомимый англійскій журналистъ былъ душой Гаагской конференціи до ея созванія, вовремя дѣятельности и послѣ ея закрытія. Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы съ спеціальнымъ номеромъ его журнала «Review of Reviews» подъ заглавіемъ «Соединенные штаты Европы наканунѣ парламента мира», который онъ издалъ въ мартѣ мѣсяцѣ, затѣмъ, посѣтивъ Петербургъ, онъ отправился въ Гаагу и жилъ тамъ во все время двухмѣсячной дѣятельности конференціи, обнародывая наиболѣе авторитетныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ ея работахъ. Онъ писалъ ежедневную хронику о конференціи на французскомъ языкѣ въ гаагской газетѣ «Dagblad» издающейся на голландскомъ языкѣ, посылалъ корреспондеціи въ «Daily News», изъ которыхъ наиболѣе интересны послѣднія подъ заглавіемъ «Что сдѣлала конференція», наполнялъ номера своей «Review of Reviews» за іюнь, іюль и августъ подробными отчетами о томъ, что дѣлалось на конференціи, и наконецъ, издалъ отдѣльную иллюстрированную брошюру «Парламентъ мира и его члены», съ живыми характеристиками главныхъ представителей всѣхъ державъ на конференціи[1]). Все это составляетъ богатый матеріалъ для исторіи Гаагской конференціи, въ которой, по словамъ Стэда, главныя роли играли представители Россіи, Стааль, Базили и Мартенсъ, англійскій делегатъ сэръ Джуліанъ Паунтсфортъ, произведенный въ лорды за его дѣятельность въ Гаагѣ, и французъ Буржуа. Однако, Стэдъ не удовольствовался тѣмъ, что по мѣрѣ своихъ силъ служилъ парламенту мира, и въ настоящее время онъ не сложилъ оружія. На вопросъ, заданный имъ англійскому морскому делегату, адмиралу Фашеру, что оставалось дѣлать, онъ получилъ въ отвѣтъ: «Подливайте масла въ машину, когда только можете». Этимъ отвѣтомъ Стэдъ, повидимому, и руководствуется. Прямо изъ Гааги онъ отправился въ Христіанію, гдѣ собирался междупарламентскій конгрессъ мира, и тамъ, давъ отчетъ о результатахъ Гаагской конференціи, возбудилъ вопросъ о распространеніи въ народныхъ массахъ всей Европы идей, принятыхъ конференціей. Его предложеніе одобрено, и онъ на страницахъ своей «Review of Reviews» онъ развиваетъ планъ чтенія во всѣхъ европейскихъ странахъ популярныхъ лекцій о Гаагской конференціи съ иллюстраціями посредствомъ волшебнаго фонаря. Въ Бельгіи уже приняты мѣры къ устройству такихъ лекцій во всѣхъ городахъ и сельскихъ общинахъ страны, а Голландія и Норвегія готовы послѣдовать этому примѣру. Стэдъ находитъ необходимымъ подобное движеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и не дозволять правительствамъ охладѣть къ совершенному ими дѣлу

---

[1]) What the conference has done, by W. T. S. — Daily News.—25, 26, 29 july, 1899.
Members of the parliament af Peace.—Review of Reviews, june, 1899.
At the Hague: a monthe doings and sayings,—Review of Reviews, july.
The close of the Peace conference. —What must follow — Review of Reviews, august.
After the peaceconference.—Aplea of international picnic.—Review of Reviews, septembere.
The parliament of peace and its members, by W. T. S, Stead. London. 1899.

въ Гаагѣ. «Прошелъ уже мѣсяцъ,—говоритъ онъ въ своемъ сентябрьскомъ политическомъ обозрѣніи,—послѣ подписанія акта конференціи, а еще не подписана ни одна вытекающая изъ него конвенція, и ни одно новое государство не присоединилось къ подписывавшимъ актъ державамъ, тогда какъ срокъ на это назначенъ 31 декабря». Поэтому народное и газетное движеніе необходимо, по его словамъ, для успѣха начатаго въ Гаагѣ дѣла, а въ будущемъ году соберется въ Парижѣ конгрессъ всеобщаго братства. Этотъ конгрессъ будетъ новымъ парламентомъ мира, но уже парламентомъ не правительствъ, а народовъ, которому, однако, увѣряетъ Стэдъ, одинаково сочувствуютъ президентъ французской республики и высшія сферы Петербурга.

— Англичане о Россіи въ Азіи. Въ послѣднихъ нумерахъ «Athenaeum» помѣщены критическія статьи по поводу трехъ книгъ, посвященныхъ успѣхамъ Россіи въ Азіи [1]). Первая изъ этихъ книгъ, авторъ которой скрылъ свою фамилію подъ псевдонимомъ Vladimir, трактуетъ о Россіи на Великомъ океанѣ и сибирской желѣзной дорогѣ. Авторъ разсказываетъ, что прежде чѣмъ взяться за свою тему, онъ серьезно изучалъ русскій языкъ, а затѣмъ провелъ четыре мѣсяца въ путешествіи отъ Владивостока черезъ Сибирь въ Западную Европу. Независимо отъ личныхъ наблюденій, онъ ссылается на рядъ печатныхъ книгъ, въ томъ числѣ на девять русскихъ. Въ его книгѣ мы находимъ живой и занимательный разсказъ о завоеваніи Сибири, о борьбѣ за обладаніе Амуромъ и о новѣйшихъ событіяхъ на берегахъ Великаго океана. О средствахъ сообщенія въ Сибири онъ даетъ хорошій очеркъ, при чемъ выражаетъ ожиданіе многихъ благъ отъ Сибирской желѣзной дороги; по его мнѣнію, она особенно цѣнна будетъ для почты и для пассажировъ, громоздкіе же товары, попрежнему, перевозиться будутъ по морю и послѣ окончанія постройки дороги. Методамъ русской политики на востокѣ авторъ очень сочувствуетъ и доказываетъ, что политика Россіи, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, всегда была чрезвычайно мирна. О Китаѣ онъ говоритъ: «Если опытъ прошлаго является вѣрнѣйшимъ основаніемъ для заключеній о будущемъ, то Китаю нечего бояться своего сѣвернаго сосѣда; оба государства уже три столѣтія соприкасаются другъ съ другомъ, и несмотря на пограничныя столкновенія, войны между ними никогда не было. Трудно найти гдѣ либо такіе миръ и согласіе». Не многими страницами дальше онъ говоритъ по тому же поводу: «Россія никогда не имѣла завоевательныхъ замысловъ по адресу Китая; такіе замыслы противорѣчили бы старинымъ традиціямъ ея политики, которая всегда стремилась занять только рѣдко населенныя мѣстности для лишка своего населенія». Что Россія современемъ обратитъ свою колонизацію на Маньчжурію, Монголію, Восточный Туркестанъ и даже Тибетъ, авторъ считаетъ возможнымъ, но утверждаетъ, что по отношенію къ собственно-Китаю Россія всегда будетъ стоять за сохраненіе его самостоятельности. Столкновеніе величайшей континентальной державы

[1]) Russia on the Pacific and the Siberian Bailway. Ry Vladimir. — Russia in Asia: a Record and a Study, 1558—1899. By Alexis Krausse.—The Heart of Asia, a History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. By F. N. Scrine and E. D. Ross.—The Athenaeum № 3.750, 3.751, sept. 9, sept. 16, 1899.

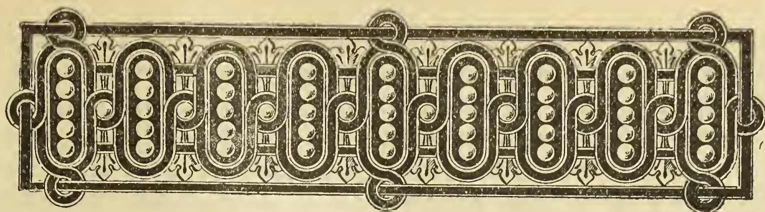
съ величайшей морской державою авторъ считаетъ невѣроятнымъ и нежелательнымъ: такая война была бы несчастіемъ для культуры, и въ то же время не привела бы ни къ какимъ прочнымъ результатамъ.

Существенно иного направленія другая книга о русской политикѣ въ Азіи написанная Алексисомъ Крауссе. Этотъ авторъ ставитъ себѣ задачу болѣе широкую: разсмотрѣть отношеніе Россіи не только къ Китаю, но и къ Индіи, Туркестану, Афганистану и Персіи. Крауссе далеко не такъ благодушно, какъ «Vladimir», относится къ русскимъ успѣхамъ на востокѣ. Уже однѣ желѣзныя дороги Россіи въ Азіи внушаютъ ему подозрѣніе. «Желѣзныя дороги, построенныя съ такой лихорадочной поспѣшностью въ теченіе послѣднихъ лѣтъ,—говоритъ онъ,—вовсе не для того построены, чтобы развить рессурсы странъ, черезъ которыя онѣ проходятъ: онѣ всѣ, безъ исключенія, стратегическія линіи, предназначенныя къ облегченію транспорта войскъ и усиленію крѣпости пограничныхъ постовъ». На это утвержденіе критикъ журнала «Athenaeum» резонно отвѣчаетъ, что вѣдь и стратегическія дороги всегда слѣдуютъ великимъ торговымъ путямъ. Послѣдовательности русской политики на востокѣ Крауссе завидуетъ и ставитъ ее въ примѣръ Англіи, гдѣ, изъ-за парламентскихъ министерствъ, происходитъ постоянная смѣна слабости и настойчивости. Несмотря на всю свою непріязнь къ Россіи, авторъ не можетъ закрыть глаза на блага, которымъ Средняя Азія обязана русскимъ. «Въ кредитъ Россіи, говоритъ онъ, приходится записать то, что она въ своихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ насадила полуцивилизацію вмѣсто варварства, уничтожила набѣги туркменовъ и киргизовъ и сумѣла ввести принципы безопасности жизни и собственности въ мѣстности, гдѣ эти принципы раньше были совершенно неизвѣстны». Много мѣста Крауссе удѣляетъ обсужденію вѣроятности или невѣроятности вторженія русскихъ въ Индію. По его мнѣнію, Англія достаточно обезпечила свои границы въ Индіи отъ возможности подобнаго нашествія, но зато Афганистанъ легко могъ бы быть занятъ русскими. «Имѣется, говоритъ онъ, только одно средство воспрепятствовать русской оккупаціи Афганистана: это — занять эту страну нашими собственными войсками». Насчетъ расширенія предѣловъ Россіи на ближнемъ востокѣ Крауссе гораздо менѣе озабоченъ. «Занятіе русскими Константинополя, по его словамъ, нисколько бы не задѣло британскихъ интересовъ, и, въ то же время, принесло бы большую пользу туркамъ и постепенно привело бы къ погашенію фанатизма въ предѣлахъ ближняго востока».

Третья изъ книгъ, заглавіе которой выписано нами въ примѣчаніи, написана двумя авторами: филологомъ Э. Россомъ и служившимъ раньше въ Индіи Ф. Скрайномъ. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ исторію среднеазіатскихъ ханствъ съ древнѣйшихъ временъ, не сообщая, однако, ничего существенно новаго въ своемъ краткомъ обзорѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что Э. Россъ сильно довѣряетъ «Исторіи Бухары» Вамбери и даже пытается ее защитить отъ строгой, но справедливой рецензіи В. В. Григорьева; вслѣдствіе этого у него встрѣчаются ошибки, напримѣръ, при опредѣленіи происхожденія Тимура. Вторая часть книги принадлежитъ перу Ф. Скрайна, который начинаетъ свой обзоръ съ краткой исторіи Россіи. «Не будь Россіи, замѣчаетъ авторъ, вся Европа была бы заполонена монгольскимъ нашествіемъ. Однако міръ былъ спасенъ отъ этого

нашествія Россіею, которая перенесла знамя европейской цивилизаціи далеко на востокъ!» Судя по этой цитатѣ, можно бы предположить, что Ф. Скрайнъ относится къ Россіи съ симпатіею, но въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ ему приходится говорить о событіяхъ послѣдняго времени, мы видимъ, что настроеніе его далеко не руссофильское. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о «торговой политикѣ Россіи»: «Эта политика стремится не къ чему иному, какъ къ поддержанію китайской стѣны вокругъ Россійской имперіи, къ исключенію другихъ народовъ и Англіи въ особенности... Тяжкій покровительственный тарифъ, нежеланіе допустить консульскихъ агентовъ для охраны англійской торговли и ревнивое стѣсненіе всѣхъ движеній европейцевъ напоминаютъ что-то весьма устарѣлое для начала двадцатаго вѣка». Особенно подробно Скрайнъ останавливается на послѣднихъ пріобрѣтеніяхъ Россіи, двухъ «клиньяхъ, вбитыхъ съ двухъ концовъ въ Афганистанъ»: Мервскомъ оазисѣ и Памирѣ. Сраженіе при рѣкѣ Кушкѣ Ф. Скрайнъ представляетъ очень въ пользу командовавшаго въ этомъ случаѣ генерала Комарова. Критикъ журнала «Athenaeum» поэтому недоволенъ этимъ мѣстомъ въ книгѣ и противоставляетъ ему слова капитана Іэта, будто русскіе рѣшительно превосходили числомъ афганцевъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Ф. Скрайнъ, въ противоположность многимъ своимъ соотечественникамъ, питаетъ въ общемъ, все-таки, вѣру, что русскимъ и англичанамъ удастся прожить въ мирѣ другъ съ другомъ въ Азіи, въ виду того, что Россія уже достигла своихъ естественныхъ предѣловъ на югѣ—горныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ ее отъ Персіи, Афганистана и Индіи.

СМѢСЬ.

СТОЛѢТНІЙ юбилей В. И. Баженова. 2-го августа исполнилось 100 лѣтъ со дня кончины извѣстнаго русскаго архитектора Василія Ивановича Баженова. Онъ родился въ Москвѣ 1 марта 1737 года и былъ сыномъ дьячка придворной церкви въ Кремлѣ. Сначала онъ воспитывался въ Славяно-Греко-Латинской академіи, гдѣ скоро обнаружилъ особенную наклонность къ архитектурѣ: въ свободное отъ занятій время имъ срисовывались зданія, церкви и надгробные памятники въ монастыряхъ. Затѣмъ съ 1751 года В. И Баженовъ началъ посѣщать архитектурную школу, съ 1755 г. причисленную къ Московскому университету, а съ 1758 года поступилъ въ только что открытую Академію Художествъ. Какъ даровитаго питомца, его съ 1760 года отправили для дальнѣйшаго образованія по архитектурѣ за границу—въ Парижъ и Римъ. Вернувшись оттуда, В. И. Баженовъ, признанный профессоромъ зодчества, былъ опредѣленъ адъюнктомъ Академіи Художествъ, а со дня воцаренія императора Павла I состоялъ вице-президентомъ той же Академіи до дня своей смерти — 2 августа 1799 года. Къ числу замѣчательныхъ построекъ покойнаго Баженова слѣдуетъ отнести не мало сооруженій въ Петербургѣ, дворецъ въ Гатчинѣ, въ Москвѣ — Петровскій дворецъ, арсеналъ и зданіе сената (нынѣ — судебныхъ Установленій), домъ Пашкова (теперь—Румянцевскій музей) и недостроенный дворецъ въ селѣ Царицынѣ. Московское архитектурное общество чествовало его и, по предложенію своего предсѣдателя К. М. Быковскаго, для увѣковѣченія памяти покойнаго, постановило: 1) въ залѣ засѣданій Архитектурнаго общества повѣсить портретъ Баженова; 2) послать по случаю исполнившагося 100-лѣтія

со дня его кончины телеграму Академіи художествъ, въ которой покойный былъ первымъ пенсіонеромъ и вице-президентомъ; 3) образовать особую комиссію изъ членовъ Архитектурнаго общества для собиранія матеріаловъ о жизни Баженова, копій съ его проектовъ и издать альбомъ. Кромѣ того, рѣшено увѣковѣчитъ соотвѣтствующими надписями всѣ постройки и сооруженія, воздвигнутыя покойнымъ, а близъ одного изъ выдающихся его зданій поставить, по образцу заграничныхъ городовъ, памятникъ въ видѣ бюста или статуи (имѣется въ виду Румянцевскій музей), о чемъ войти съ надлежащимъ ходатайствомъ.

Торжественное засѣданіе географическаго общества. 26 августа, Императорское Русское Географическое общество въ торжественномъ собраніи чествовало членовъ международнаго метеорологическаго комитета въ лицѣ предсѣдателя комитета, директора парижской центральной метеорологической обсерваторіи проф. Маскара, и директоровъ обсерваторій и институтовъ: проф. Гильдебранда-Гильдебрандсена—въ Швеціи, проф. Бетцольда—въ Берлинѣ, Гепитеца—въ Бухарестѣ, Биллевиллера—въ Швейцаріи, и г-жи Снелленъ—въ Утрехтѣ. Въ числѣ русскихъ метеорологовъ въ собраніи находились: директоръ Николаевской главной физической обсерваторіи М. А. Рыкачовъ, академикъ кн. Б. Б. Голицынъ, предсѣдатель воздухоплавательнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго общества полк. М. М. Поморцевъ, начальникъ военнаго воздухоплавательнаго парка А. М. Кованько и много представителей науки и членовъ ученыхъ обществъ. Помощникъ предсѣдателя географическаго общества ген. А. А. Тилло привѣтствовалъ иностранныхъ гостей на французскомъ языкѣ рѣчью, въ которой подчеркнулъ, что географическое общество имѣетъ удовольствіе привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ первый международный метеорологическій конгресъ. Обществу это тѣмъ болѣе лестно, что и само оно въ своихъ трудахъ отводитъ почтенное мѣсто изученію метеорологіи и земного магнетизма и, помимо постоянныхъ наблюденій, неоднократно организовало экспедиціи въ разныя части свѣта и преимущественно въ Центральную Азію. Трудами и изысканіями русскихъ путешественниковъ и ученыхъ—Пржевальскаго, Пѣвцова, Грумъ-Гржимайло, Воейкова, Веселовскаго, Вильде, Макарова, бар. Толя и другихъ, въ лѣтописи русской метеорологіи занесено не мало данныхъ по метеорологіи и земному магнетизму. Во второй части своего доклада А. А. Тилло сообщилъ о метеорологическихъ наблюденіяхъ на станціи, устроенной географическимъ обществомъ въ Притяньшаньской центрально-азіатской впадинѣ, въ городѣ Люкчунѣ. Эта впадина, уровень которой лежитъ ниже поверхности океана, находится въ самомъ центрѣ азіатскаго материка, между южными предгоріями Тянь-Шаня съ высочайшою горою Богдоула и небольшимъ хребтомъ Чоль-Тагомъ. Открытіе этой впадины было сдѣлано въ 1890 г. братьями Грумъ-Гржимайло и произвело сенсацію во всемъ ученомъ мірѣ. Наше географическое общество поручило первой же экспедиціи, которая была послѣ этого открытія снаряжена въ глубь Центральной Азіи, устроить въ Люкчунѣ правильную метеорологическую станцію. Начальникъ экспедиціи В. И. Роборовскій это успѣшно исполнилъ, и на станціи были производимы наблюденія два года. Громадная научная важность люкчунскихъ наблюденій зависитъ отъ того, что большая часть поверхности Центральной Азіи лежитъ

весьма высоко надъ уровнемъ моря, почему приведенныя къ этому уровню температуры и барометрическія давленія очень сильно отличаются отъ дѣйствительныхъ. Между тѣмъ Люкчунская впадина лежитъ почти на уровнѣ моря, и слѣдовательно произведенныя въ ней наблюденія не требуютъ никакихъ приведеній; кромѣ того, этотъ пунктъ отличается наибольшею континентальностью на всемъ земномъ шарѣ, что также представляетъ величайшій интересъ. Результаты произведенныхъ въ Люкчунѣ наблюденій вкратцѣ сводятся къ слѣдующему: въ зимніе мѣсяцы Люкчунъ представляетъ изъ себя центръ антициклоновъ; поэтому карты среднихъ изобаръ декабря, января и февраля подлежатъ исправленію. Суточныя колебанія барометра очень велики, и амплитуда ихъ достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какіе только наблюдаются въ тропическихъ странахъ; при этомъ наблюденныя для Люкчуна амплитуды взяты только изъ трехъ терминныхъ наблюденій, изъ которыхъ наибольшія уклоненія получались между утренними высокими и вечерними низкими показаніями, но вѣроятно при ежечасныхъ опредѣленіяхъ нашелся бы минимумъ въ одномъ изъ послѣполуденныхъ часовъ, и тогда амплитуда была бы еще болѣе. Годовой ходъ барометрическаго давленія, т.-е. разность между средними мѣсячными давленіями въ іюлѣ и въ январѣ, равняется почти 30 милиметрамъ,—величина, вѣроятно, крайняя, для всего земного шара. Температура лѣтнихъ мѣсяцовъ очень велика; въ среднемъ для іюля (+48°) она является наибольшей на всемъ азіатскомъ материкѣ и можетъ быть приравнена только къ Сахарѣ. На солнцѣ максимальный термометръ показывалъ +64°. По сухости воздуха и по бѣдности осадковъ Люкчунская впадина также представляетъ крайность. Пасмурныхъ дней въ Люкчунѣ наблюдалось въ продолженіе года всего 20. Дождь въ теченіе 1894 года выпадалъ только 22 раза; снѣгъ падалъ 4 раза; роса и иней замѣчены только въ октябрѣ и ноябрѣ. Новыя научныя открытія, явившіяся слѣдствіемъ люкчунскихъ наблюденій, живо заинтересовали иностранныхъ метеорологовъ, привѣтствовавшихъ А. А. Тилло по окончаніи его доклада рукоплесканіями. На рѣчь А. А. Тилло отвѣчали привѣтственными рѣчами отъ имени Франціи проф. Маскаръ, подѣлившійся главнѣйшими результатами засѣданій международнаго комитета въ Петербургѣ и тѣми постановленіями, которыя сдѣланы относительно земного магнетизма, аномалій климата и вообще метеорологіи. За нимъ говорилъ директоръ берлинской физической обсерваторіи професоръ Бетцольдъ, который, упомянувъ объ Александрѣ Гумбольдтѣ, какъ объ одномъ изъ основателей метеорологической науки, напомнилъ, что великій ученый, находясь въ Россіи, здѣсь, въ этомъ историческомъ залѣ географическаго общества, поднялъ впервые вопросъ объ устройствѣ метеорологической сѣти посредствомъ станцій. Сама идея Гумбольда не могла бы получить практическаго осуществленія, если бы русское географическое общество не отнеслось къ ней съ полнымъ сочувствіемъ, такъ какъ для устройства метеорологической сѣти именно и были необходимы громадныя пространства Россіи. Такимъ образомъ, по словамъ проф. Бетцольда, Императорское Русское Географическое Общество является родиной международной метеорологической сѣти, не будь которой, не было бы и современной научной метеорологіи. Поблагодаривъ за гостепріимство, ораторъ высказался за желательность слиянія

во имя успѣховъ науки всѣхъ странъ и націй. Обѣ рѣчи были покрыты аплодисментами. Директоръ главной физической обсерваторіи М. А. Рыкачовъ сообщилъ результы записей самопишущихъ приборовъ, полученные во время полета шара-зонда въ присутствіи членовъ комитета и во время запусканія привязного змѣя—также съ инструментами. Въ заключеніе ген. А. А. Тилло объявилъ засѣданіе закрытымъ, и дальнѣйшая часть вечера была посвящена частной ученой бесѣдѣ.

Кіевскій лаврскій кладъ. Командированный въ Кіевъ императорскимъ Эрмитажемъ хранитель послѣдняго по нумизматическому отдѣлу А. К. Марковъ для подробнаго ознакомленія съ извѣстнымъ лаврскимъ монетнымъ кладомъ, послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячныхъ занятій, закончилъ детальное изученіе 18-типудовой коллекціи. Результатомъ этого изученія было заявленіе, поданное, по словамъ «Кіевлянина», г. Марковымъ духовному собору лавры отъ имени императорскаго Эрмитажа. Въ этомъ заявленіи говорится о томъ, что Эрмитажъ желаетъ пріобрѣсти въ собственность весь кладъ. Что же касается цѣнности послѣдняго, то А. К. Марковъ опредѣлилъ стоимость его въ 65.000 рублей, вмѣсто 38.000 рублей стоимости по вѣсу металла. Нѣкоторые отдѣльные экземпляры клада оцѣнены имъ въ нѣсколько сотенъ и даже тысячъ рублей. Такъ, напримѣръ, медальонъ князя Константина Острожскаго оцѣненъ въ 4.000 рублей. Въ такую же сумму оцѣнена и монета Константина и Констанція. Золотая русская монета 1702 года, съ изображеніемъ Петра Великаго, оцѣнена въ 1.000 рублей и т. д. Монеты Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича, правительницы Софіи и нѣкоторыя другія оцѣнены по нѣскольку сотенъ рублей каждая. Въ виду того, что по нѣкоторымъ даннымъ, имѣющимся въ распоряженіи духовнаго собора лавры, можно считать несомнѣннымъ, что, въ случаѣ, если кладъ будетъ проданъ съ торговъ, то за него можно будетъ выручить сумму, значительно бо́льшую, сравнительно съ тою, какую предложилъ императорскій Эрмитажъ, такъ какъ на конкурсѣ изъявили желаніе принять участіе нѣкоторыя изъ крупнѣйшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ учрежденій и фирмъ, духовный соборъ лавры, разсмотрѣвъ заявленіе А. К. Маркова и обсудивъ всѣ обстоятельства этого дѣла, постановилъ передать вопросъ о продажѣ монетнаго клада на усмотрѣніе святѣйшаго синода. Въ настоящее время святѣйшій синодъ высказался, по слухамъ, за предоставленіе клада Эрмитажу за сумму, установленную А. К. Марковымъ.

† **В. А. Легонинъ.** 3-го августа въ Рузѣ скоропостижно скончался заслуженный ординарный профоссоръ Московскаго университета Викторъ Алексѣевичъ Легонинъ. Покойный занималъ каѳедру судебной медицины на юридическомъ факультетѣ въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ деканомъ факультета. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ лѣкаремъ, онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Крымъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ подачѣ помощи раненымъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ покойный является въ Москвѣ однимъ изъ дѣятельныхъ врачей-акушеровъ и служитъ врачемъ по дамскому попечительству о бѣдныхъ. Въ 1859 году онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «О преждевременныхъ искусственныхъ родахъ», представленную имъ для полученія степени доктора

медицины. Въ 60-хъ годахъ В. А. занялся спеціально изученіемъ сифилидологіи. Одновременно онъ дѣятельно изучалъ судебную медицину и еще въ 1858 году вмѣстѣ съ г. Шапкинымъ перевелъ съ нѣмецкаго «Руководство къ судебной медицинѣ» Бекера. Занимая каѳедру судебной медицины въ Московскомъ университетѣ, покойный напечаталъ рядъ статей по своему предмету въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», «Московской Медицинской Газетѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Изъ отдѣльно изданныхъ имъ трудовъ назовемъ: «О разстройствахъ выраженія состояній (афазія) въ судебно-медицинскомъ отношеніи». Изъ другихъ его сочиненій можно указать на «Мышьякъ въ обояхъ и краскахъ», «Физіологія и патологія спинно-головного мозга», «Замѣчательные судебно-медицинскіе случаи о новорожденныхъ», «Свинцовая упаковка нюхательнаго табаку» и др. Покойный принималъ дѣятельное участіе во многихъ ученыхъ обществахъ. Онъ былъ, между прочимъ, почетнымъ членомъ недавно закрытаго московскаго юридическаго общества. («Нов. Вр» № 8419; «Моск. Вѣд.» № 213 слл.; «Русск. Вѣд.» № 213 слл.).

† **К. П. Ковальковскій.** 17-го августа, въ 8 часовъ утра, скончался въ своемъ имѣніи, въ Костромской губерніи, профессоръ гигіены Варшавскаго университета Константинъ Петровичъ Ковальковскій. Покойному было только 45 лѣтъ. Въ 1875 году, окончивъ курсъ въ черниговской классической гимназіи съ серебряною медалью, К. П. поступилъ въ медико-хирургическую академію (нынѣ военно-медицинскую), курсъ которой и кончилъ въ 1880 г. Будучи еще студентомъ, онъ опубликовалъ нѣсколько работъ по гигіенѣ, за которыя былъ удостоенъ конференціей академіи золотой медали. Въ 1882 г. К. П. былъ назначенъ на должность асистента при каѳедрѣ гигіены въ медико-хирургической академіи. Въ лабораторіи этой К. П. написалъ, а затѣмъ и успѣшно защитилъ диссертацію на доктора медицины подъ заглавіемъ: «Способы количественнаго опредѣленія низшихъ организмовъ въ воздухѣ». Въ 1886 году К. П. былъ избранъ академіей приватъ-доцентомъ гигіены, а въ 1887 году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Варшавскій университетъ. Въ 1889 году К. П. былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора по той же каѳедрѣ гигіены, которую и занималъ до кончины. Какъ гигіенистъ, покойный К. П. былъ широко извѣстенъ среди врачебной публики. Большинство изданныхъ имъ работъ (болѣе 20) относятся къ области научной гигіены. Изъ нихъ наиболѣе популярны: «Дезинфекція и ея примѣненіе» (вышедшее недавно 2-мъ изданіемъ) и «Основы гигіены». («Нов. Вр.» № 8439).

† **А. А. Нильскій.** 31 іюля, въ Старой Руссѣ, скончался одинъ изъ талантливыхъ артистовъ драматической сцены, артистъ императорскихъ театровъ, Александръ Алексѣевичъ Нильскій, бывшій въ продолженіе многихъ лѣтъ премьеромъ александринской драматической труппы. Имя покойнаго пользовалось большою популярностью среди любителей драматическаго искусства. Онъ былъ актеромъ стараго закала: ему пришлось играть вмѣстѣ съ И. И. Сосницкимъ, Мартыновымъ, Самойловымъ, Бурдинымъ и другими выдающимися артистами русской сцены. Ему было у кого учиться, и онъ всегда съ замѣчательнымъ усердіемъ изучалъ роли. Отличаясь умомъ, онъ не былъ сторонникомъ рутиннаго исполненія и старался въ каждую взятую на себя

роль внести свое знаніе и умѣніе. Покойный родился въ 1841-мъ году и учился въ первой московской гимназіи. Чувствуя влеченіе къ артистической дѣятельности, онъ, заручившись въ Москвѣ обѣщаніемъ бывшаго тогда директоромъ императорскихъ театровъ А. М. Гедеонова, отправился въ Петербургъ и 15-ти лѣтъ былъ принятъ въ театральное училище, директоромъ котораго былъ П. С. Ѳедоровъ. По окончаніи курса въ училищѣ покойный началъ свою артистическую карьеру съ императорскаго театра, поступивъ въ александринскую труппу 16-го марта 1858 года. Съ этого года онъ исполнилъ рядъ разнообразныхъ, преимущественно первыхъ, ролей въ драмахъ и трагедіяхъ. Въ 1866 году, отчасти благодаря его хлопотамъ, была поставлена въ его бенефисъ въ первый разъ трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго»,и Нильскій явился первымъ и хорошимъ исполнителемъ роли Годунова. Впослѣдствіи покойный выступалъ въ роли Грознаго. Затѣмъ, его же стараніями появились на сценѣ Александринскаго театра запрещенныя до того пьесы Шиллера «Разбойники» (Нильскій игралъ роль Карла Моора) и «Коварство и любовь». Почти въ каждой новой пьесѣ съ 1858 по 1882 годъ Нильскій былъ занятъ и являлся исполнителемъ главныхъ ролей. Онъ выступалъ въ роляхъ трагика, комика, перваго любовника и резонера, и каждую роль игралъ съ присущимъ ему дарованіемъ и добросовѣстностью, вкладывая въ игру все свое умѣнье. Нельзя сказать, чтобы критика относилась восторженно къ его исполненію, но во всякомъ случаѣ никто не отказывалъ ему въ умѣньи, а когда онъ перешелъ на амплуа резонеровъ, то отзывы объ его игрѣ были безусловно въ его пользу. Одно время А. А. занималъ въ казенной труппѣ амплуа единственнаго и незамѣнимаго исполнителя классическихъ ролей. Съ 1-го іюня 1883 года по 1-е августа 1892 года Нильскій не состоялъ въ составѣ труппы Александринскаго театра. Въ это время онъ рѣдко выступалъ на театральныхъ подмосткахъ, но иногда, по приглашенію антрепренеровъ, уѣзжалъ играть въ провинцію или выступалъ на петербургскихъ частныхъ сценахъ. Въ это время онъ посѣтилъ Харьковъ, Одессу, игралъ у Корша въ Москвѣ, у Казанцева въ театрѣ Неметти и у Зазулина въ Панаевскомъ. Въ 1889 году А. А. взялъ театральную антрепризу русскаго Александровскаго театра въ Гельсингфорсѣ и руководилъ театромъ въ Финляндіи въ продолженіе двухъ лѣтъ. Въ 1892 году покойный вновь поступилъ на петербургскую казенную сцену, но уже выступалъ не въ главныхъ роляхъ. Онъ игралъ роль Іеронима въ «Венецейскомъ истуканѣ», Геслера въ «Вильгельмѣ Телѣ», Лемма въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Пехтерьева въ «Завтракѣ у предводителя», Таддео Феррари въ «Кремонскомъ скрипачѣ», Шарова въ «Медовомъ мѣсяцѣ», полицеймейстера въ «Мертвыхъ душахъ», Ловягина въ «Обществѣ поощренія скуки» и въ другихъ пьесахъ. Въ 1897 году Нильскій окончательно покинулъ Александринскій театръ. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ снялъ антрепризу въ Старой Руссѣ. Покойный совершилъ рядъ поѣздокъ по Россіи. Онъ гастролировалъ почти во всѣхъ выдающихся русскихъ городахъ. Какъ современникъ выдающихся артистовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, онъ напечаталъ въ 1893 и 1894 гг. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» свои воспоминанія, изданныя впослѣдствіи отдѣльною книгою. («Нов. Вр.» № 8414).

† **Г. И. Архангельскій.** 3-го августа, въ С.-Петербургѣ, скончался непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, извѣстный дѣятель столичной санитарной комиссіи, т. с. докторъ медицины Григорій Ивановичъ Архангельскій. Покойный родился въ Тамбовѣ въ 1837 году. По окончаніи курса наукъ въ Медико-Хирургической академіи, онъ служилъ сперва въ Ставропольскомъ, затѣмъ въ Керчь-Еникальскомъ и Нарвскомъ госпиталяхъ, былъ военнымъ врачемъ л.-гв. Кирасирскаго, Измайловскаго и Гатчинскаго полковъ и въ 1871 году поступилъ младшимъ медицинскимъ чиновникомъ въ медицинскій департаментъ. Въ это время ему было поручено редактированіе названныхъ уже нами періодическихъ изданій. Въ 1874 году онъ блестяще защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Холерная эпидемія въ Европейской Россіи въ пятидесятилѣтній періодъ (1823—1872 гг.)». Въ 1876 году Г. И. былъ назначенъ старшимъ врачемъ Кронштадтской крѣпости, но вскорѣ при объявленіи войны былъ командированъ чиновникомъ для порученій при этапномъ отдѣлѣ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи. Съ 1881 по 1884 г. онъ служилъ столоначальникомъ главнаго военно-медицинскаго управленія, затѣмъ былъ старшимъ ординаторомъ Николаевскаго военнаго госпиталя. Послѣднія пятнадцать лѣтъ онъ посвятилъ свою дѣятельность городскимъ санитарнымъ вопросамъ и дѣламъ. Преимущественно онъ занимался вопросами питанія и эпидеміологіи. Состоя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ консультантомъ по врачебнымъ вопросамъ при С.-Петербургской думѣ и совѣщательнымъ членомъ думской санитарной комисіи, Г. И. сдѣлалъ многое существенно важное для оздоровленія Петербурга. Онъ явился иниціаторомъ и организаторомъ института думскихъ врачей и постоянной районной врачебной помощи бѣднымъ больнымъ, принималъ дѣятельное участіе въ организаціи городскихъ родильныхъ пріютовъ и въ борьбѣ съ посѣщавшими столицу эпидеміями. Покойный хорошо изучилъ санитарное состояніе Петербурга. Еще въ 1874—1875 годахъ онъ посвятилъ рядъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Здоровье», Петербургу и его средствамъ къ охраненію и возстановленію здоровья жителей. Почти всякій вопросъ, возбуждавшійся въ думѣ въ послѣднія 25 лѣтъ по медицинско-санитарной части, имѣлъ въ лицѣ Г. И. или иниціатора, или дѣятельнаго и знающаго участника его разрѣшенія. Изучивъ смертность Петербурга за столѣтіе съ 1764 г. по 1865 годъ, покойный на основаніи статистическихъ данныхъ пришелъ къ выводу о значительномъ численномъ превосходствѣ умирающихъ надъ рождающимися (въ сто лѣтъ умерло на 143,928 человѣкъ болѣе, чѣмъ родилось) и объяснялъ это не плохимъ петербургскимъ климатомъ, а скученностью и преобладаніемъ пришлыхъ элементовъ, вынужденныхъ жить среди невыносимыхъ санитарно-гигіеническихъ условій. Тифозная, холерная и другія эпидеміи, бывшія въ разное время въ столицѣ, обращали на себя особенное вниманіе покойнаго. Онъ изучалъ условія возникновенія эпидемій и настаивалъ на принятіи возможно шире предупредительныхъ мѣръ къ появленію и развитію эпидемій среди столичныхъ обывателей. Несомнѣнно, успѣшность борьбы Петербурга съ эпидеміями многимъ обязана покойному. Г. И. Архангельскій былъ извѣстенъ не только, какъ общественный дѣятель-практикъ, но и какъ врачъ-писатель. Его произведенія занимаютъ видное положеніе въ ме-

дицинской литературѣ: онъ заявилъ себя талантливымъ авторомъ многихъ цѣнныхъ работъ и изслѣдованій. Произведенія покойнаго охотно печатались не только въ медицинскихъ журналахъ, но и въ общей прессѣ. Изъ его статей и изслѣдованій назовемъ: «Жизнь въ Петербургѣ по статистическимъ даннымъ»; «Приложеніе законовъ физіологіи къ народному образованію»; «Конина, ея настоящее и будущее значеніе, какъ питательнаго матеріала въ экономическомъ бытѣ русскаго народа»; «Живая ржаная мука»; «Холера, сыпной и возвратный тифъ»; «Богата ли Россія врачами?», «Большая холерная эпидемія 1852—1855 гг., ея происхожденіе и значеніе»; «Вліяніе неурожаевъ на браки, рождаемость и смертность въ Европейской Россіи»; «Ревакцинація и оспенная эпидемія въ Петербургѣ»; «Петербургъ и его средства къ охраненію и возстановленію здоровья жителей»; «Біологическіе законы и продовольствіе войскъ пищей»; «Количество пищи, необходимое для существованія организма и произведенія работы»; «Физическій трудъ и основы его требованія»; «Война и врачи»; «Насколько опасно появленіе чумы въ Петербургѣ» (1879 г.); «Общественныя воды въ Петербургѣ»; «О передачѣ въ вѣдѣніе города петербургскихъ больницъ и богадѣленъ» (1881 г.); «Объ организація постоянной врачебной помощи нуждающемуся населенію Петербурга» (1883 г.); «О предварительной организаціи дѣла по систематическому изслѣдованію невской воды и изъ водопроводовъ» (1884 г.); «О мѣрахъ на случай появленія холерной эпидеміи въ Петербургѣ» (1884 г.) и др. Въ 70-хъ годахъ онъ редактировалъ «Архивъ судебной медицины», «Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ», «Эпидеміологическій листокъ» и «Медико-топографическій сборникъ»,издаваемые медицинскимъ департаментомъ. («Нов. Вр. № 8418).

† **В. А. Панаевъ.** 8-го августа, въ деревнѣ Знаменкѣ, близъ Петергофа, скончался инженеръ путей сообщенія д. ст. с. Валеріанъ Александровичъ Панаевъ, строитель Панаевскаго театра въ Петербургѣ. Покойный родился 29-го августа 1824 года въ Казанской губерніи и воспитывался въ институтѣ путей сообщенія. Окончивъ курсъ поручикомъ, онъ участвовалъ сперва при изысканіяхъ, потомъ при постройкѣ и эксплоатаціи Николаевской желѣзной дороги. Въ 50-хъ годахъ производилъ изысканія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи для желѣзныхъ дорогъ и былъ командированъ за границу для изученія эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и подвижного состава въ разныхъ странахъ. Въ 1860 году В. А. былъ назначенъ строителемъ Грушевской желѣзной дороги, затѣмъ явился оптовымъ подрядчикомъ и отвѣтственнымъ инженеромъ при постройкѣ Курско-Кіевской дороги. Выйдя въ 1870 году въ отставку, покойный занялся литературой и разнаго рода постройками. Въ 80-хъ годахъ онъ выстроилъ Панаевскій театръ. Покойному принадлежалъ рядъ трудовъ по вопросамъ желѣзно-дорожнымъ и политико-экономическимъ, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, какънапримѣръ, «Восточный вопросъ» (Спб., 1877 г.), «Финансовые и экономическіе вопросы» (Спб., 1878 г.). «Бумажныя деньги—товаръ» («Русское Обозрѣніе» 1895 г., 3—5). Онъ же напечаталъ свои любопытныя «Воспоминанія» въ «Русской Старинѣ (1893 г., кн. 8—12). («Нов. Вр.» № 8123; «Моск. Вѣд.» № 218).

† **С. В. Шервудъ.** 17-го августа, въ Москвѣ, скончался архитекторъ Сергѣй Владиміровичъ Шервудъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, покойный получилъ большую серебряную медаль и званіе класснаго художника. Будучи еще въ школѣ, онъ, какъ передаютъ московскія газеты, много работалъ съ покойнымъ отцомъ, академикомъ Шервудомъ. Самостоятельныя работы его всегда отличались выдержанностью стиля. Имъ особенно много построено и реставрировано церквей. Какъ на лучшія работы его въ этой области, можно указать на построенные по его проекту храмы: въ женскомъ монастырѣ въ Шамординѣ, близъ Оптиной пустыни, въ селѣ Дорнѣ и друг., и на реставрированную имъ церковь св. Николая Чудотворца, что на Мясницкой въ Москвѣ. Другую область его дѣятельности составляли постройки спеціально практическаго характера. Такъ, имъ построено много фабричныхъ корпусовъ. Наконецъ, онъ велъ и городскія постройки. («Нов. Вр.» № 8436).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ характеристикѣ архіепископа Варлаама.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатаны интересныя воспоминанія М. И. Сацердотова о Варлаамѣ, архіепископѣ пензенскомъ и саранскомъ. При чтеніи этой статьи мнѣ невольно припомнился разсказъ объ одномъ небезынтересномъ эпизодѣ изъ жизни этого суроваго архіерея, слышанный мною отъ родственника его, теперь уже покойнаго, священника с. Лебяжьяго, Курганскаго уѣзда, Тобольской епархіи, о. Алексѣя Русанова, и отъ другихъ мѣстныхъ священниковъ.

Какъ извѣстно, Варлаамъ Успенскій послѣ управленія Пензенской епархіей получилъ каѳедру архіепископа тобольскаго и сибирскаго, на которой и пробылъ съ 1862 года по 1871 годъ, когда онъ удалился на покой въ Бѣлогородскій монастырь Курской епархіи. Извѣстно также, что Варлаамъ былъ большой любитель астрономіи и очень усердно занимался ею, живя въ Тобольскѣ. Говорятъ, не знаю, насколько справедливо, что онъ оставилъ въ Тобольскѣ почти цѣлую астрономическую библіотеку и кабинетъ, много работъ, наблюденій и замѣтокъ астрономическаго характера. Живя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тобольскѣ, я не имѣлъ возможности лично познакомиться съ этимъ наслѣдствомъ архіерея-астронома, съ его научными изысканіями, но отъ современниковъ его слышалъ, что онъ былъ ярый и убѣжденный сторонникъ тѣхъ астрономическихъ воззрѣній противниковъ знаменитаго Галилея, согласно которымъ земля стоитъ неподвижно, а солнце вращается вкругъ нея. Передавали мнѣ также, что Варлаамъ гдѣ-то печаталъ свои «ученые» труды по этому вопросу, снабдивъ ихъ приличными аргументами изъ области своихъ астроно-

мическихъ наблюденій, но гдѣ именно, указать этого никто не могъ, хотя было бы очень интересно познакомиться съ такими оригинальными въ наше время астрономическими положеніями. Какъ видимый для всѣхъ вещественный памятникъ архіерея-астронома, въ тобольскомъ архіерейскомъ дворѣ и теперь еще высится та башня, съ которой Варлаамъ занимался своими «научными» наблюденіями.

Къ области этихъ-то научно-астрономическихъ занятій архіепископа Варлаама и относится слышанный мною разсказъ, циркулирующій среди тѣхъ священниковъ и вообще лицъ духовнаго званія Тобольской епархіи, которымъ памятны «варлаамовскія времена». Не думаю, чтобы событіе, о которомъ повѣствуетъ этотъ разсказъ, въ дѣйствительности имѣло мѣсто съ такою буквальною точностью, съ какою оно передается,—вѣрнѣе всего, что оно нѣсколько пріукрашено поэтическими «выдумками» повѣствователей, но остовъ его во всякомъ случаѣ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Я передаю этотъ разсказъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ слышалъ его самъ отъ покойнаго о. Русанова.

Сильно пристрастившійся къ астрономическимъ занятіямъ архіепископъ Варлаамъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ и приборовъ. Между прочимъ, однажды, онъ получилъ откуда-то, изъ Петербурга или изъ Москвы, какую-то особенно дорогую астрономическую трубу съ большей силой приближенія (вѣроятно, рефракторъ). Испробовавъ ее тотчасъ же по полученіи на своей импровизированной обсерваторіи, Варлаамъ, повидимому, остался ею очень доволенъ. Желая съ одной стороны похвалиться своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ и посвятить, такъ сказать, въ тайны астрономіи нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ — съ другой, Варлаамъ пригласилъ къ себѣ въ обсерваторію троихъ іеромонаховъ, состоявшихъ въ штатѣ архіерейскаго дома. Имена этихъ іеромонаховъ потомствомъ не сохранены, но для удобства послѣдующаго изложенія назовемъ ихъ хотя Ананіемъ, Азаріемъ и Мисаиломъ. Суровъ былъ Варлаамъ, боялись его подчиненные и входили къ нему не иначе, какъ съ трепетомъ. Нельзя сказать, чтобы и эти три іеромонаха чувствовали себя особенно свободно и развязно по приходѣ въ архіерейскую обсерваторію, несмотря даже на мирный тонъ и то благодушное настроеніе, въ какомъ встрѣтилъ ихъ владыка.

Познакомивъ пришедшихъ съ своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ и объяснивъ имъ цѣль ихъ приглашенія, Варлаамъ каждаго изъ нихъ, поочередно, сталъ подзывать къ трубѣ. Первымъ подошелъ о. Ананій. Онъ долго смотрѣлъ, прищуривъ одинъ глазъ и не отрываясь отъ трубы, какъ бы не желая скоро лишать себя удовольствія отъ созерцанія того зрѣлища, которое открывалъ ему телескопъ. Варлаамъ, наконецъ, не выдержалъ и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну, что видишь, о. Ананій?!

— Дивное видѣніе, высокопреосвященнѣйшій владыко,—въ восхищеніи отвѣчалъ о. Ананій.—Воистину глаголетъ псалмопѣвецъ: «Дивны дѣла Твоя, Господи,—вся премудростію сотворилъ еси!» Сподобилъ Господь узрѣть величіе и славу твореній Его. Отъ роду такого дивнаго зрѣлища не приводилось видѣть очамъ моимъ. Чу-удно хо-рошо!

Варлаамъ остался очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на о. Ананія, и его отзывомъ.

— Ну-ка, ты теперь, о. Азарій, посмотри: ты какъ оцѣнишь мою трубку?

Подходитъ къ трубѣ о. Азарій и также долго и внимательно смотритъ въ нее, какъ и о. Ананій. Онъ также преисполненъ удовольствія отъ созерцанія открывшихся предъ нимъ красотъ природы.

— Ну, что?! — слышится, наконецъ, голосъ нетерпѣливаго владыки.

— Добро зѣло, ваше высокопреосвященство! Такъ хорошо и дивно, что по истинѣ «не лѣть есть человѣку глаголати». Вотъ она когда, премудрость-то Божія, открылась мнѣ, грѣшному! Справедливо сказалъ пророкъ, что «нощь возвѣщаетъ разумъ... и творенія руку̂ его возвѣщаетъ твердь». Справедливо, воистину справедливо!

Хвалебные отзывы о. о. іеромонаховъ хотя и въ нѣсколько повышенномъ тонѣ окончательно утвердили Варллама въ благодушномъ настроеніи, и онъ, довольный и сіяющій, что̂ съ нимъ бывало очень рѣдко, приглашаетъ къ трубѣ третьяго посѣтителя, о. Мисаила.

О. Мисаилъ, заинтересованный восхваленіями своихъ предшественниковъ видѣннаго ими зрѣлища, подходитъ къ трубѣ съ нескрываемымъ предвкушеніемъ удовольствія. По примѣру своихъ собратій онъ долго смотритъ въ трубу, то однимъ, то другимъ глазомъ, закрывая въ то же время свободный рукою, и, тѣмъ не менѣе, повидимому, никакъ не можетъ «узрѣть» того, что удалось видѣть о. о. Ананію и Азарію. Наконецъ, поборовъ боязнь и робость предъ строгимъ владыкой, онъ рѣшился заявить ему объ этомъ.

— Ничего, высокопреосвященнѣйшій владыка, не могу увидѣть...

Владыка, думая, что о. Мисаилъ не умѣетъ смотрѣть въ трубу, и желая научить его этому примѣромъ, подошелъ къ телескопу самъ, посмотрѣлъ въ него и... также ничего не увидѣлъ, — не увидѣлъ потому, что, когда почти инстинктивно онъ поднялъ глаза на другой конецъ трубы, то оказалось, что этотъ конецъ трубы... наглухо закрытъ колпакомъ.

Благодушное и довольное настроеніе Варлаама мигомъ смѣнилось раздраженіемъ и негодованіемъ на несчастныхъ о. о. Ананія и Азарія.

— Пошли вонъ, старые дураки! — могъ только выговорить Варлаамъ въ сильномъ раздраженіи.

На этомъ и кончились опыты Варлаама по части просвѣщенія своихъ подчиненныхъ астрономическими познаніями.

А. Шерстобитовъ.

II.

Пушкинъ на исландскомъ языкѣ.

Въ статьѣ г. Драганова о переводахъ Пушкина на другіе языки, напечатанной въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», отсутствовалъ, между прочимъ, исландскій языкъ. Въ перепискѣ съ эсперантистомъ-исландцемъ Тор-

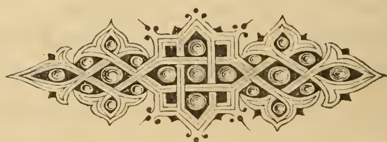
стейномъ Торстейнссономъ я спросилъ его, не извѣстны ли ему какіе либо переводы изъ Пушкина на исландскій языкъ. Языкъ этотъ, близкій къ древне-исландскому, весьма далекъ отъ прочихъ скандинавскихъ языковъ, и датчанинъ, который можетъ еще понять кое-что въ рѣчи шведа, не учась ей, ничего не пойметъ въ рѣчи исландца. Оказалось, что г. Торстейнссонъ могъ мнѣ назвать два разсказа Пушкина, переведенныхъ на исландскій языкъ. Къ сожалѣнію, какъ видно будетъ ниже, по заглавію одного изъ этихъ разсказовъ трудно судить, какой именно разсказъ Пушкина переведенъ подъ такимъ заглавіемъ, и даже можно предположить, что этотъ разсказъ совсѣмъ не принадлежитъ Пушкину и лишь приписанъ ему авторомъ или переводчикомъ; до такой степени странно это заглавіе. Эти разсказы слѣдующіе:

1) «Draugaveizlau», т. е. «Праздникъ колдуна» (по-эсперантски—La sorčistfesto)—въ ежегодникѣ «Idhunn» за 1885 г.

2) «Adhalsmannsdóttir í dularbún», т. е. «Барышня-крестьянка» (по-эсперантски—Filino de aristokrato en masko)—въ беллетристическомъ сборникѣ газеты «Thjódólfur» за 1888 г.

Быть можетъ, кто нибудь изъ знающихъ по исландски сумѣетъ перевести точнѣе заглавіе перваго разсказа (если эсперантскій переводъ не точенъ) или, розыскавши этотъ разсказъ, по содержанію его рѣшитъ, какой именно разсказъ Пушкина переведенъ подъ этимъ заглавіемъ; я же думаю, что это—или разсказъ «Гробовщикъ», или, какъ упомянулъ выше, разсказъ, лишь приписанный Пушкину, но ему въ дѣйствительности не принадлежащій.

Н. Бахтинъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 105293978